АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ СУМАРОКОВЪ.

Digitized by Google

КОРЖИНСКІЕ КОРШУНЫ [1].

(Романъ-хроника).

XX.

ЫЛО ОКОЛО девяти часовъ утра.

Мсьё Шарль Лаглуаръ, давно ужъ превратившійся для большинства своихъ знакомыхъ (онъ съ 1815 года жилъ въ Петербургѣ) въ Карла Маврикіевича Лагларова, откушавъ утренній чай и для моціона погулявъ въ своемъ маленькомъ, но прелестно устроенномъ садикѣ, собирался ѣхать на Крестовскій островъ, гдѣ проводила лѣто семья князя Меверскаго, въ которой онъ давалъ уроки. Онъ оправлялъ передъ зеркаломъ тугонакрахмаленные воротнички, торчавшіе въ видѣ заячьихъ ушей изъ-подъ высокаго, подложеннаго волосомъ, бѣлаго батистоваго галстуха, заложеннаго складками и съ огромнымъ спереди бантомъ. Этотъ модный галстухъ подпиралъ гладко выбритый подбородокъ и щеки съ узкими бакенбардами, безподобно окрашенными превосходною черною краской, которую мсьё Лаглуаръ выписывалъ изъ Парижа со множествомъ другихъ принадлежностей туалета.

Черный, модный кокъ, гордо возвышаясь надъ лбомъ, между аккуратно зачесанными височками, придавалъ такой бравый видъ его сухощавой фигурѣ, съ длиннымъ тонкимъ носомъ и умными карими глазами, что только при ближайшемъ изслѣдованіи и пред-

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXIII, стр. 5.

Digitized by Google

взятой недоброжелательности можно было подмѣтить мелкую сѣть тонкихъ морщинъ, покрывавшую его лицо, искусно подмалеванное косметиками, чуть-чуть, какъ разъ настолько, чтобъ обладатель его казался лѣтъ на десять моложе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Остальной костюмъ мсьё Лаглуара изяществомъ и свѣжестью соотвѣтствовалъ прическѣ; безупречно сшитый у лучшаго портного фракъ сизо-голубого цвѣта съ серебряными пуговицами, зеленый верномъ жилетъ съ рисункомъ нѣжныхъ цвѣтовъ и бланжевые панталоны довершали его щегольской лѣтній нарядъ.

На столѣ, въ залѣ, Ѳедька приготовилъ шляпу, перчатки и трость съ золотымъ набалдашникомъ, а въ прихожей, гдѣ на коникѣ дремалъ въ ожиданіи барскаго звонка казачокъ, висѣлъ синій плащъ со множествомъ воротниковъ, подбитый чернымъ бархатомъ, которымъ, въ виду предательскаго петербургскаго климата, даже и въ іюлѣ мѣсяцѣ предусмотрительный французъ не забывалъ запастись, разъѣзжая по окрестностямъ города.

Экипажъ, который долженъ былъ доставить учителя на дачу князя Мезерскаго, еще не пріѣхалъ, но мсьё Лаглуаръ не даромъ славился аккуратностью, не было еще примѣра, чтобъ онъ заставилъ ждать присланныхъ за нимъ лошадей, а потому, когда, вмѣсто княжескихъ дрожекъ съ знакомымъ кучеромъ, по пустынной еще улицѣ загромыхала наемная карета и остановилась передъ запертыми воротами особняка, принадлежавшаго французу, и соскочившій съ запятокъ ливрейный лакей прошелъ черезъ калитку по мосткамъ къ крыльцу, весь домъ всполошился, и въ сѣни выскочилъ вмѣстѣ съ казачкомъ поваръ, прачка, домоправительница, вся челядь Карла Мавриківича, чтобъ узнать, кому вздумалось пріѣхать къ ихъ барину именно въ ту минуту, когда онъ долженъ ѣхать на урокъ.

— Господинъ Лаглуаръ дома?—спросилъ лакей.

— Дома еще, но за ними сейчасъ отъ князя Мезерскаго должны пріѣхать,—началъ было объяснять Ѳедька, но его прервали на полусловѣ.

— Доложите: графиня Маржерецкая желаетъ ихъ видѣть по весьма важному дѣлу,—объявилъ, надменно возвышая голосъ, лакей.

Ѳедька побѣжалъ докладывать.

— Какъ? Графиня Маржерецкая? Я не знаю никакой графини Маржерецкой. Ты, вѣрно, перепуталъ.

— Никакъ нѣтъ-съ. Лакей ихній именно такъ и сказалъ: графиня Маржерецкая, я очинно хорошо запомнилъ-съ.

«Кто-бъ это могъ быть?—продолжалъ недоумѣвать Лаглуаръ.—Мать этого pauvre diable Xavier умерла, сестеръ и братьевъ у него нѣтъ. И самъ онъ мнѣ сколько разъ повторялъ, что онъ послѣдній въ родѣ»...

— Прикажете принять?—повторилъ Ѳедька, котораго разбирало нетерпѣніе посмотрѣть на неожиданную гостью.

Digitized by Google

— Проси... За мной сейчасъ должны пріѣхать, но все равно, проси, — послѣ небольшого раздумья отвѣтилъ его господинъ, принимаясь торопливо оканчивать свой туалетъ.

Успокоившись на счетъ кока, взбитаго Ѳедькой сегодня особенно мастерски (не даромъ отдавалъ онъ его учиться къ лучшему куаферу въ городѣ), мсьё Лаглуаръ потянулъ себѣ на уши идеально торчавшіе воротнички, повертѣлъ головой, чтобъ убѣдиться, что подбородокъ его свободно входитъ и выходитъ изъ галстуха, прицѣпилъ къ жилету массивную золотую цѣпочку со множествомъ брелоковъ и съ часами,—настоящій брегетъ, украшенный эмалевымъ вензелемъ въ цвѣтахъ, поднесенный ему однимъ изъ многочисленныхъ его пріятелей въ знакъ благодарности за оказанную услугу,— надушилъ тонкими духами носовой платокъ прежде, чѣмъ положить его вмѣстѣ съ золотою табакеркой и кошелькомъ въ карманъ, и, обозвавъ мысленно некстати явившуюся посѣтительницу авантюрьеркой и интриганкой, съ которою слѣдуетъ держать ухо востро, чтобъ не дать себя провести и впутать въ какую нибудь непріятную исторію, мсьё Лаглуаръ прошелъ въ гостиную какъ разъ въ ту минуту, когда дверь растворялась, и изъ прихожей доносился шелестъ шелковыхъ юбокъ.

Невзирая на свои сомнѣнія и подозрѣнія, мсьё Лаглуаръ, какъ галантный кавалеръ, не могъ не выйти въ залу на встрѣчу къ посѣтительницѣ съ готовымъ привѣтствіемъ на устахъ. Кто бы ни была эта дама, проходимка или настоящая графиня, надо принять ее вѣжливо, показать ей, что онъ умѣетъ жить и никогда не заставитъ женщину пожалѣть, что, довѣряясь его чести, она, вопреки законамъ свѣтскаго приличія, удостоила посѣщеніемъ его холостой домъ.

Во всякомъ случаѣ, визитъ долго продолжаться не можетъ, сейчасъ за нимъ пріѣдетъ княжескій экипажъ, и благовидный предлогъ сократить аудіенцію съ докучливою незнакомкою представляется самъ собой.

Но всѣ эти соображенія, какъ стая вспугнутыхъ птицъ, вылетѣли у него изъ головы при первомъ взглядѣ на особу, назвавшую себя графиней Маржерецкой.

Одѣта она была очень просто, но такой знатокъ, какъ Лаглуаръ, не могъ не оцѣнить изящества этого на видъ простого наряда, не могъ не восхититься небрежною граціей, съ которою она драпировала свою стройную фигуру въ тысячную турецкую шаль и откинула съ лица вуаль, изъ настоящаго point d'alençon, приколотый къ ея простенькой изъ тончайшей соломы шляпѣ.

Да, передъ нимъ стояла не авантюристка и не интриганка, а настоящая дама, привыкшая съ пеленокъ къ роскошной и красивой обстановкѣ. Она не произнесла еще ни слова, а онъ ужъ чувствовалъ себя въ ея присутствіи и смущеннымъ, и польщеннымъ

Digitized by Google

въ одно и то же время, а на ея довольно-таки надменный кивокъ изогнулся въ три погибели, какъ передъ принцессой крови.

— Жена графа Ксаверія, — сдержанно проговорила незнакомка, останавливая на немъ пытливый взглядъ своихъ великолѣпныхъ, черныхъ глазъ.

Не давая ему опомниться, не дожидаясь его приглашенія, съ развязностью особы, всюду чувствующей себя дома, она сѣла на первое попавшееся кресло и продолжала:

— Я та самая Катерина Артемьевна Коржина, про которую графъ вамъ писалъ... Мой мужъ далъ мнѣ прочитать вашъ отвѣтъ на его письмо, — прибавила она, помолчавъ немного, какъ бы для того, чтобъ подчеркнуть значеніе своихъ словъ.—О, не извиняйтесь, пожалуйста,—остановила она движеніемъ маленькой ручки, затянутой въ длинную шведскую перчатку, протестъ, готовый сорваться съ его языка,—я на васъ нисколько не сержусь, вѣдь вы меня не знаете... Но не въ томъ дѣло, графъ увѣренъ, что вы можете мнѣ быть полезны, и усердно рекомендовалъ мнѣ ничего не предпринимать безъ вашего совѣта. И вотъ, какъ видите, я исполнила его желаніе, пріѣхала третьяго дня, а сегодня ужъ у васъ...

Она говорила совершенно просто, немножко свысока и не спуская пытливаго взгляда съ своего слушателя, точно желая по выраженію его лица узнать: можетъ ли она на него расчитывать? Все въ ней дышало такою правдивостью, что искренность ея невольно ему сообщилась, и эта банальная фраза: «всей душой радъ служить вамъ, графиня», которую онъ произнесъ, прикладывая руки къ груди и почтительно наклоняя голову, дѣйствительно, вырвалась у него изъ глубины сердца.

Она это замѣтила, и голосъ ея зазвучалъ мягче и дружелюбнѣе.

— Дѣло мое вамъ извѣстно, я должна уничтожить довѣренность, данную мною моему брату Леонтію Артемьевичу Коржину, и вытребовать отъ него отчетъ въ управленіи моимъ состояніемъ, хотя бы со дня моего совершеннолѣтія, если нельзя раньше. Для этого надо найти знающаго и опытнаго человѣка, который взялся бы за мои дѣла...

— Мы отыщемъ такого человѣка, графиня.

— Который не побоялся бы возстановить противъ себя г-на Коржина? — спросила она съ усмѣшкой.

Этотъ намекъ на его предостереженіе графу заставилъ Лаглуара покраснѣть.

— Если позволите, графиня, я возьму часть вашего дѣла на себя, и самую трудную, а именно предварительные переговоры съ г. Коржинымъ,—поспѣшилъ онъ заявить.

Она съ каждой минутой казалась ему обаятельнѣе, эта черноокая красавица, съ гордымъ, умнымъ взглядомъ, и заслужить ея благодарность казалось ему въ эту минуту истиннымъ счастьемъ.

Digitized by Google

Предложенію его она нисколько не удивилась и приняла его, какъ должную себѣ дань, но онъ и это нашелъ весьма естественнымъ; разумѣется, она привыкла къ поклоненію, иначе и быть не можетъ.

— И вы это можете скоро сдѣлать?— спросила она такъ просто, какъ будто дѣло идетъ о самой пустой, ничего не стоящей услугѣ— купить ей конфетъ или нанять карету.

— Г. Коржинъ въ настоящее время только что вернулся съ министромъ изъ путешествія по Россіи и проѣхалъ къ своей супругѣ прямо на дачу, въ Петергофъ,—тономъ человѣка, которому хорошо извѣстно то, о чемъ онъ говоритъ, объявилъ Лаглуаръ.— Постараюсь сегодня же узнать, по какимъ днямъ онъ пріѣзжаетъ въ министерство, а, можетъ быть,—прибавилъ онъ, подумавъ,—я побываю у него на дачѣ. Во всякомъ случаѣ, буду имѣть честь въ самомъ непродолжительномъ времени васъ увѣдомить о результатѣ моихъ съ нимъ переговоровъ.

— Мегсі.

Она поднялась съ мѣста, протянула ему руку, къ которой онъ поспѣшилъ почтительно приложиться, и объявила, что остановилась въ домѣ нѣкоего купца Вирбасова, на Мѣщанской, близъ Казанскаго собора...

— Я васъ отыщу, сударыня,— поспѣшилъ заявить Лаглуаръ.

— Третій домъ налѣво... Я васъ, можетъ быть, задержала, извините... Мнѣ непремѣнно надо было съ вами переговорить, прежде чѣмъ что либо предпринять... Графъ настоятельно просилъ меня обратиться къ вамъ раньше всѣхъ...

Слова эти она отрывисто роняла, проходя своею легкою, самоувѣренною походкой черезъ залу въ прихожую, а оттуда, спускаясь съ крыльца къ каретѣ, не оборачиваясь къ слѣдовавшему за нею хозяину дома и только, когда онъ подсадилъ ее въ экипажъ, а лакей захлопнулъ дверцу, вскочивъ на запятки, и закричалъ кучеру: «Пошелъ!»—кивнула она съ любезною улыбкой своему новому покровителю.

— Настоящая графиня!—съ восхищеніемъ повторялъ себѣ мсьё Лаглуаръ.

Онъ не сомнѣвался бы въ этомъ даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ Ѳедька не поспѣшилъ передать ему свой разговоръ съ ея лакеемъ.

— Этотъ малый — полякъ, и съ тѣхъ поръ, какъ графъ Маржерецкій на свѣтѣ, ему служитъ...

— Не зовутъ ли его Казимиромъ?— спросилъ съ живостью его господинъ.

— Точно такъ-съ.

— Ну, такъ и есть. Я этого Казимира знаю... самый близкій человѣкъ къ графу. Что-жъ онъ тебѣ сказалъ?

Digitized by Google

— Много онъ разсказывалъ! И про то, какъ графъ въ крѣпости содержался, и какъ...

— Это все извѣстно, а еще что? Про то, когда онъ женился, не говорилъ?

— Какъ же-съ, и про это говорилъ. Передъ самымъ отъѣздомъ они обвѣнчались... Изъ церкви новобрачная, не заѣзжая домой, прямо сѣла въ карету съ ребенкомъ и поѣхала.

— Съ какимъ ребенкомъ?

— Съ ейнымъ. Вдовой она за графа-то вышла, и мальчикъ у нея пяти лѣтъ.

— Вдова... Diable, diable! И прямо изъ церкви въ Петербургъ укатила?

— Точно такъ-съ.

У Лаглуара глаза заискрились любопытствомъ и изумленіемъ. Онъ хотѣлъ еще предложить нѣсколько вопросовъ, но воздержался, подмѣтивъ, что Ѳедька, думая о томъ же, о чемъ и онъ подумалъ, лукаво посмѣивается.

— Отъ князя дрожки ужъ давно дожидаются, кучеръ спрашиваетъ: изволите сегодня ѣхать или нѣтъ?—доложилъ казачекъ.

— Дрожки... отъ князя? Скажи, сейчасъ, сію минуту,—захлопоталъ мсьё Лаглуаръ, поспѣшно надѣвая шляпу и перчатки.

Онъ совсѣмъ забылъ про урокъ у Мезерскихъ. Новая знакомая окончательно выбила его изъ обычной колеи, ни о чемъ не могъ онъ думать, кромѣ какъ о ея дѣлѣ, о томъ, какъ бы за него ловчѣе приняться, чтобъ, Боже упаси, съ самаго начала не испортить.

А испортить было легко. Съ каждой минутой онъ все больше и больше убѣждался въ этомъ.

День былъ прелестный, и княжеская лошадь мчала его съ обычной быстротой мимо утопающихъ въ изумрудной зелени знакомыхъ дачъ, одна другой наряднѣе и красивѣе. Обыкновенно мсьё Лаглуаръ внимательно всматривался въ растворенныя окна и балконы этихъ дачъ, чтобъ раскланяться съ обитателями, которые почти всѣ ему были знакомы и часто задерживали его на минуту, на двѣ, чтобъ поболтать о городскихъ сплетняхъ, но сегодня онъ ѣхалъ, не оглядываясь ни вправо, ни влѣво, углубившись въ размышленія.

И чѣмъ больше думалъ онъ, тѣмъ больше убѣждался въ томъ, что сдѣлалъ большую неосторожность, вызвавшись лично переговорить съ г. Коржинымъ.

Правда, онъ встрѣчалъ его и жену его въ домахъ, гдѣ онъ давалъ уроки и былъ принятъ, какъ другъ дома, но это нельзя было назвать знакомствомъ, и во всякомъ случаѣ разговаривать съ г. Коржинымъ, какъ съ равнымъ, даже и о постороннемъ предметѣ, мсьё Лаглуаръ ни за что бы не рѣшился, а тутъ предстояло затронуть вопросъ, лично до него касающійся, щекотливый и крайне непріятный.

Digitized by Google

Diable, diable! гдѣ у него былъ умъ, когда онъ легкомысленно вызывался на такую услугу!

Найти повѣреннаго графинѣ Маржерецкой тоже не совсѣмъ-то легко, но все же возможно, если хорошенько поискать. Сегодня же примется онъ за поиски и, чтобъ вернуться пораньше въ городъ, откажется отъ обѣда на дачѣ.

Никогда еще не видѣли его такимъ озабоченнымъ и разсѣяннымъ, какъ въ этотъ день.

— Что съ вами, мсьё Лаглуаръ, вы нездоровы? — спрашивали у него наперерывъ и княжны, и молодые князья, и сама княгиня, которой дѣти поспѣшили сообщить, что учитель ихъ такъ разстроенъ и озабоченъ, что ничего не слышитъ и не понимаетъ.

— Извините меня, княгиня, я дѣйствительно разстроенъ, и напрасно пріѣхалъ къ вамъ сегодня на урокъ, но это обрушилось мнѣ на голову неожиданно... экипажъ вашъ ужъ стоялъ у моего подъѣзда, и я рѣшился все-таки поѣхать, въ надеждѣ, что воздухъ меня освѣжитъ, а между тѣмъ вышло наоборотъ.

— Но что же съ вами случилось? — продолжала допрашивать его съ участіемъ княгиня, выславъ изъ комнаты дѣтей.

— Со мной ничего, княгиня, дѣло касается одного изъ моихъ пріятелей.

— Все равно... Но вамъ, можетъ быть, легче будетъ объяснить вашу бѣду князю, чѣмъ мнѣ? Вотъ, кстати, и онъ пріѣхалъ.

— Княгиня, вы ангелъ! — вскричалъ восторженно Лаглуаръ, цѣлуя ея руки.

Еслибъ князь, который хорошъ съ Коржинымъ и равенъ ему по состоянію и общественному положенію, взялся съ нимъ переговорить, было бы отлично. Разумѣется, было бы еще лучше, еслибъ можно было имъ показать графиню Маржерецкую, тогда ужъ, безъ сомнѣнія, они приняли бы въ ней самое горячее участіе, но заразъ всего не устроишь.

Мысли эти мелькали у него въ головѣ въ то время, какъ онъ здоровался съ княземъ, а княгиня со свойственной ей добротой облегчала ему приступъ къ разговору, объявляя мужу, что мсьё Лаглуаръ сильно разстроенъ несчастьемъ, приключившимся съ однимъ изъ его друзей.

— Это собственно нельзя назвать несчастьемъ, княгиня,—поправилъ ее взволнованный французъ,—это... это хуже всякаго несчастья.

Князь съ привѣтливою улыбкой пригласилъ его объясниться.

— Мой другъ, графъ Ксаверій Маржерецкій...—началъ мсьё Лаглуаръ, но его прервали.

— Это тотъ, который изъ крѣпости сосланъ въ провинцію?— спросилъ князь.

— Тотъ самый. Молодой человѣкъ, красавецъ собой, блестяще воспитанъ... аристократъ... послѣдній въ родѣ... огромное состояніе,— началъ излагать, воодушевляясь, мсьё Лаглуаръ.

Digitized by Google

— Имѣнія его конфискованы,—замѣтилъ князь.

— И ему ихъ никогда не возвратятъ, я слышала это у Коржиныхъ не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ,—подхватила княгиня.

— И что же съ нимъ случилось?—обратился ея мужъ къ Лаглуару.

— Онъ женился въ Одессѣ на особѣ, которую раньше зналъ и любилъ. Она сирота и очень богата, но всѣмъ ея состояніемъ завѣдуетъ опекунъ, и ей теперь надо уничтожить довѣренность, которую она ему дала...

— Ничего нѣтъ легче,—замѣтилъ князь.

— Но есть основаніе предполагать, что ея довѣренностью злоупотребляли, и вообще могутъ встрѣтиться препятствія, однимъ словомъ, графиня желала бы, прежде чѣмъ передать управленіе своимъ состояніемъ въ другія руки, узнать, какъ къ этому отнесется ея бывшій опекунъ... Она боится... или, лучше сказать, не она, а я за нее боюсь... и не столько за нее, сколько за ея мужа, который ужъ столько выстрадалъ!.. Здоровье его совсѣмъ разрушено заточеніемъ въ крѣпости... Политическій преступникъ, понимаете, шансы слишкомъ неравны... бороться съ такимъ человѣкомъ, какъ г. Коржинъ...

— Коржинъ? При чемъ же тутъ Коржинъ? — вскричалъ озадаченный князь.

— Да онъ-то и есть опекунъ графини Маржерецкой, рожденной Коржиной,—съ отчаянною рѣшимостью выпалилъ Лаглуаръ.

— Чего же она боится? Я не понимаю, — сказалъ, пожимая плечами, князь.

— А я ее понимаю, — объявила его жена.—На ея мѣстѣ я бы тоже боялась. Его считаютъ на все способнымъ, этого Коржина.

— Какой вздоръ! Пусть ваша графиня возьметъ другого повѣреннаго, если она не довольна управленіемъ... Какъ ей доводится Коржинъ, дядей?

— Братомъ,—отвѣчалъ Лаглуаръ.—Она дочь третьей жены старика Артемія Коржина, того самаго, котораго прозвали коршуномъ.

Лица его слушателей измѣнились, и они переглянулись между собой. Въ глазахъ княгини выразился испугъ, а мужъ ея, сдвинувъ брови и выпятивъ нижнюю губу, помолчавъ немного, сдержанно замѣтилъ:

— Ваша protégée личность слишкомъ извѣстная, мсьё Лаглуаръ, и сомнительно, чтобы вы нашли ей здѣсь покровителей.

— Ваше сіятельство!—вскричалъ внѣ себя отъ волненія Лаглуаръ,—если даже она и дѣйствительно вела себя предосудительно раньше, когда была еще неопытною дѣвочкой, чему я положительно не могу вѣрить, развѣ это даетъ право г. Коржину разорять ее?

— Нисколько, а потому я еще разъ вамъ повторяю, посовѣтуйте ей взять повѣреннаго и дать дѣлу законный ходъ,—холодно

Digitized by Google

возразилъ князь, поднимаясь съ мѣста и давая этимъ понять, что дальнѣйшую бесѣду на эту тему считаетъ неудобною.

Вотъ что называется фіаско. Полнѣйшее. Diable, diable!

И какъ было не предвидѣть этого раньше? Куда дѣлась его проницательность и знаніе людей, которыми онъ такъ кичился, старый дуракъ! Развѣ можно ждать чего нибудь добраго отъ этихъ бездушныхъ аристократовъ? Какой нибудь мерзавецъ, отвергнутый воздыхатель или, можетъ быть, самъ Коржинъ изъ злобы, досады и зависти пустилъ ложный слухъ, а другіе подхватили и повторяютъ. И всѣ вѣрятъ, не давая себѣ труда узнать—не вранье ли это, измышленное съ преступною цѣлью оклеветать добродѣтель и погубить невинность? О люди! Вездѣ вы одинаково мерзки! Этотъ князь, еслибъ онъ только зналъ, что болтаютъ въ городѣ про него и про его супругу, въ какую бы ярость и негодованіе онъ пришелъ! Онъ тогда отнесся бы, можетъ быть, человѣчнѣе къ тѣмъ, на которыхъ возводятъ небылицы. Но кто же рѣшится ему это сказать,—съ горькою досадой размышлялъ мсьё Лаглуаръ на возвратномъ пути въ городъ.

И чѣмъ дальше, тѣмъ безвыходнѣе представлялось ему положеніе его новой знакомой.

Къ довершенію всего, diable, diable, обвѣнчана она съ графомъ всего только три недѣли тому назадъ, а при ней ребенокъ... пяти лѣтъ, кажется... и чей—неизвѣстно... и его считаютъ ея сыномъ... Правда, что графъ Ксаверій на это не посмотрѣлъ и далъ ей свое имя... значитъ, онъ увѣренъ въ ея добродѣтели... Но развѣ великосвѣтскія лицемѣрки захотятъ это понять? Ни за что! У всѣхъ у нихъ есть любовники, всѣ развратничаютъ, но decorum строго соблюденъ, а для свѣта ничего больше не требуется. А мужчины—подлецы. Каждый на стѣну полѣзетъ, ни денегъ, ни времени не пожалѣетъ, чтобъ поухаживать за такой красоткой, но, чтобъ явно и благородно за нее вступиться, ни одинъ не рѣшится, побоятся Коржина! Трусы, негодяи! Вотъ каковы въ наше время люди! Нѣтъ больше рыцарей, какъ бывало прежде, нѣтъ болѣе защитниковъ сиротъ и угнетенныхъ! Скоро самое воспоминаніе о честныхъ людяхъ исчезнетъ съ лица земли. Вотъ и хлопочи послѣ этого за графиню Маржерецкую... Разумѣется, ничего не выйдетъ...

Тѣмъ не менѣе, проѣзжая мимо дачи знакомаго ему чиновника и завидѣвъ его самого на балконѣ, мсьё Лаглуаръ вспомнилъ, что этотъ господинъ знается со множествомъ судейскихъ, и, приказавъ остановиться, соскочилъ съ дрожекъ.

— Подожди, я сейчасъ вернусь,—закричалъ онъ княжескому кучеру, растворяя калитку и скрываясь въ густомъ садикѣ.

Съ Петровымъ, маленькимъ, лысымъ человѣчкомъ, съ умнымъ лицомъ, онъ безъ дальнѣйшихъ околичностей приступилъ къ дѣлу.

— Одной моей знакомой, богатой женщинѣ, нуженъ повѣренный

Digitized by Google

по дѣламъ, не можете ли вы мнѣ рекомендовать дѣльнаго человѣка, на котораго можно было бы положиться?—спросилъ онъ у него.

— Повѣренныхъ по Петербургу много шатается, но такихъ, за которыхъ можно было бы поручиться, мало,—отвѣтилъ г. Петровъ.

Однако, не прошло и пяти минутъ, какъ онъ ужъ горячо рекомендовалъ ему Тюбетейкина, который ведетъ дѣла богачей Свибловыхъ, баронессы Брискуль, купцовъ Раздергаевыхъ и многихъ другихъ.

— Человѣкъ умственный, опытный и со связями.

— Моя знакомая желаетъ уничтожить довѣренность, данную своему бывшему опекуну, такъ какъ есть основаніе думать, что онъ злоупотребляетъ этой довѣренностью,—сказалъ Лаглуаръ.

— Тэкъ-съ. Это бываетъ-съ,—равнодушно замѣтилъ г. Петровъ.

— Такъ вы думаете, что этотъ вашъ Тюбетейкинъ возьмется за это дѣло.

— Почему же не взяться? Онъ за всякія дѣла берется, которыя выиграть можно, а это сущіе пустяки. Каждый день это случается, что довѣренности уничтожаютъ, для этого и повѣреннаго не надо, но, разумѣется, особа женскаго пола ни формъ, ни правилъ, какъ это дѣлается, не знаетъ, а потому лучше будетъ, если она къ знающему человѣку обратится. А особенно, если какъ вы говорите, есть основаніе предполагать какія нибудь мошенничества съ противной стороны. Тутъ придется тяжебное дѣло заводить, а тяжбы, сами знаете, безъ подмазокъ не выигрываются,—прибавилъ онъ, вскидывая пытливый взглядъ на своего собесѣдника.

Мсьё Лаглуаръ понималъ значеніе этого взгляда: отъ него ждутъ большей откровенности, и скрытность его наводитъ на подозрѣніе, но ему претило произносить имя графини Маржерецкой и посвящать этого goujat въ ея дѣла съ г. Коржинымъ, будетъ и того, что теперь про это знаютъ у князя.

Правда, что Тюбетейкину придется все разсказывать и съ самой графиней его познакомить... но люди эти ужъ по профессіи обязаны быть скромными.

— Моя знакомая—женщина съ состояніемъ,—сказалъ онъ, поднимаясь съ мѣста,—передъ издержками на веденіе дѣла дѣла она не остановится, такъ и скажите вашему Тюбетейкину.

— Очень хорошо-съ. Когда же ему къ вамъ объявиться?—спросилъ Петровъ, тоже вставая.

— Я къ вамъ еще разъ заѣду.

— Какъ вамъ будетъ угодно,—холодно и видимо негодуя на него за недовѣріе, объявилъ Петровъ.

Лаглуаръ крѣпко пожалъ ему руку и уѣхалъ, довольный тѣмъ, что ему удалось хоть на нѣсколько часовъ сохранить тайну своей protégée.

У князя, послѣ непріятнаго оборота, принятаго разговоромъ, ему

Digitized by Google

не хотѣлось оставаться обѣдать; свиданіе съ Петровымъ отняло у него всего только полчаса времени, и вечеръ еще не наступалъ, когда дрожки остановились передъ его домомъ. Онъ подумалъ, что ему можно успѣть еще сегодня сдѣлать визитъ графинѣ Маржерецкой, если не ждать, чтобъ поваръ изготовилъ ему обѣдъ дома, а поѣсть чего нибудь въ ресторанѣ, и забѣжалъ къ себѣ для того только, чтобъ оправить свой измятый и запыленный костюмъ, да захватить послѣднее письмо графа Ксаверія, то самое, въ которомъ онъ распространялся про ту, что сдѣлалась теперь его женой.

Письмо это надо перечитать. Онъ его только пробѣжалъ тогда и, кромѣ опасности для графа ухудшить свое положеніе ссорами съ вліятельными людьми, ничего въ немъ не понялъ. Боже мой, какъ безсовѣстно сгущалъ онъ тогда краски, передавая ему слухи про ту, которую несчастный Ксаверій любилъ больше жизни! Ему было стыдно про это вспомнить. Она это знаетъ, и все-таки обратилась къ нему за поддержкой! Какое великодушіе! Или лучше сказать, какая увѣренность въ силѣ своихъ правъ и невинности! Одной только добродѣтели присуща такая увѣренность.

Ресторанъ, въ который онъ зашелъ, былъ почти пустъ, и всякому другому напомнили бы, что обѣды подаются здѣсь только до пяти часовъ по полудни, но для мсьё Лаглуара тотчасъ же вызвались принести чашку бульона, котлету съ зеленью и бутылку его любимаго вина, а пока все это подогрѣвали и стряпали, онъ сѣлъ къ столику и углубился въ чтеніе принесеннаго изъ дому письма.

Но, увы, чѣмъ больше онъ его читалъ, тѣмъ больше убѣждался въ томъ, что съ г. Коржинымъ не сладить обычнымъ путемъ. Онъ такъ ловко оградилъ себя, что законнымъ образомъ ничего съ него не стребуешь.

Первое впечатлѣніе мсьё Лаглуара было правильно: графу Маржерецкому крайне опасно вмѣшиваться въ дѣло Коржина съ сестрой. И оттого, что онъ сдѣлался мужемъ этой послѣдней, положеніе дѣла не улучшилось, скорѣе даже ухудшилось. Ничего не выиграла она оттого, что сдѣлалась законной супругой государственнаго преступника графа Маржерецкаго, человѣка, стоящаго внѣ закона, котораго при малѣйшемъ подозрѣніи могутъ снова заключить въ крѣпость или сослать въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, не говоря ужъ о томъ, что и возвращеніе ему конфискованныхъ имѣній зависитъ отъ множества случайностей, которыхъ предвидѣть и предотвратить невозможно. Недаромъ также носится въ городѣ слухъ, что имѣнія эти отняты у него навсегда. Княгиня Мезерская слышала это у Коржиныхъ. Diable, diable!..

Надо, во что бы то ни стало, все это скорѣе выяснить, рѣшилъ мсьё Лаглуаръ, испуганный не на шутку зловѣщими комбинаціями, возникавшими въ его воображеніи, логично цѣпляясь одно за другое, по мѣрѣ того, какъ онъ углублялся въ дебри этой мрачной исторіи.

Digitized by Google

И выяснить это слѣдуетъ самому, не довѣряясь никакимъ Тюбетейкинымъ, какъ бы ловки и опытны они ни были. Тутъ не столько ловкость нужна, сколько преданность.

Онъ отправился отыскивать графиню Маржерецкую, провелъ у нея цѣлый вечеръ, ушелъ отъ нея очарованнѣе прежняго и на слѣдующій же день принялся дѣятельно искать случая повидаться съ г. Коржинымъ.

Но достигнуть этого такъ скоро, какъ бы ему хотѣлось, оказалось невозможнымъ. Время было лѣтнее. Леонтій Артемьевичъ пріѣзжалъ въ министерство рѣдко и на короткое время; приходилось искать случая повидаться съ нимъ въ другомъ мѣстѣ, а случай этотъ, какъ на зло, не представлялся.

Каждый почти день заглядывалъ мсьё Лаглуаръ къ своей protégée и находилъ ее все въ тѣхъ мысляхъ — скорѣе узнать, какъ отнесется ея бывшій опекунъ къ ея требованію получить отчетъ въ управленіи ея состояніемъ, а затѣмъ, сообразно обстоятельствамъ, дѣйствовать, то-есть уничтожить довѣренность, взять управляющаго, самой съ нимъ съѣздить въ принадлежащія ей имѣнія, сообща съ нимъ устроить и, узнавъ навѣрняка, сколько у сына ея дохода, вернуться въ Одессу.

Отвлекалась она отъ этого плана только заботами о ребенкѣ, который захирѣлъ отъ перемѣны климата и новыхъ жизненныхъ условій и приводилъ ее въ отчаяніе блѣдностью, отсутствіемъ аппетита и вялостью. Онъ здѣсь не хотѣлъ ни играть съ другими дѣтьми въ Лѣтнемъ саду, ни гулять съ матерью по улицамъ и безпрестанно спрашивалъ: когда вернутся они домой, къ морю и къ его другу графу?

Невзирая на увѣщанія Демьяновны, не переставшей ему твердить, что графъ теперь его отецъ, и онъ долженъ звать его папенькой, Свѣтикъ этого новаго родства признавать не хотѣлъ и упорно возражалъ на всѣ эти доводы, что у него одна только мама, а отца нѣтъ.

Катерина Артемьевна улыбалась, прислушиваясь къ этимъ спорамъ между нянькой и ребенкомъ, въ душѣ вполнѣ одобряя послѣдняго. Она чувствуетъ то же самое къ графу, уважаетъ его и безконечно ему благодарна, но ни малѣйшаго желанія сближаться съ нимъ, какъ съ мужемъ, не ощущаетъ и самую мысль объ этомъ сближеніи гонитъ прочь отъ себя, какъ несносный призракъ.

Впрочемъ, думать о будущемъ ей здѣсь много не приходилось. Она жила въ одномъ городѣ съ Леонтіемъ Артемьевичемъ и каждый день могла его нечаянно встрѣтить на улицѣ — этого убѣжденія достаточно было, чтобъ волновать ей душу самыми противоположными и мучительными чувствами.

Она себя не узнавала съ тѣхъ поръ, какъ была здѣсь и дышала однимъ воздухомъ съ нимъ. Такія дикія мысли лѣзли ей въ голову,

Digitized by Google

что ей минутами казалось, что она съ ума сходитъ. Точно злой духъ какой-то въ нее вселился и овладѣлъ всѣмъ ея существомъ, сердцемъ и волей, заставляя мыслить и чувствовать наперекоръ совѣсти и разуму.

И наконецъ вотъ до чего дошло: въ одно прекрасное утро, на разсвѣтѣ, послѣ безсонной ночи, она вскочила съ постели, торопливо одѣлась, никѣмъ не замѣченная вышла изъ дому и направилась къ той улицѣ, гдѣ былъ домъ Коржиныхъ. Шла она, какъ во снѣ, не отдавая себѣ отчета, куда и для чего, понуждаемая непреодолимымъ желаніемъ увидѣть Леонтія Артемьевича и высказать ему все, что у нея на душѣ противъ него. Городъ начиналъ пробуждаться, и рѣдкіе прохожіе съ любопытствомъ оглядывались на нарядную молодую барыню, съ блѣднымъ лицомъ и растерянным взглядомъ, торопливо пробиравшуюся по улицамъ и переулкамъ пѣшкомъ и безъ лакея. Ужъ и будочники ее примѣтили и слѣдили за нею на всякій случай, а она шла себѣ да шла, не оглядываясь ни вправо, ни влѣво, и тогда только опомнилась, когда очутилась передъ знакомымъ домомъ, въ который ее привезли послѣ смерти отца и гдѣ она прожила два года въ семьѣ опекуна.

Ворота и ставни были заперты.

Стучать безполезно, отворить некому, всѣ на дачѣ, домъ пустъ.

И слава Богу, что пустъ! Что сталась бы съ нею, еслибъ вдругъ которое нибудь изъ этихъ оконъ растворилось, и въ немъ показалась бы Марья Алексѣевна...

Отъ одной этой мысли у нея отъ ужаса помутилось въ глазахъ, она невольно отшатнулась въ сторону и, низко опустивъ голову подъ гнетомъ тяжелыхъ мыслей, побрела назадъ.

Дома всѣ еще спали, когда она вернулась, и никто не узналъ про то, что она выходила.

Въ обычный часъ горничная, вошедшая на ея звонокъ въ спальню, нашла барыню, какъ всегда, въ постели, только блѣднѣе обыкновеннаго, можетъ быть, и съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ, но съ тѣхъ поръ, какъ они здѣсь, люди привыкли ее видѣть въ тревогѣ и волненіи.

За утреннимъ чаемъ она объявила Демьяновнѣ, что хочетъ непремѣнно сегодня же съѣздить къ сестрицѣ Лизаветѣ Артемьевнѣ.

— Все одно да одно, надо же мнѣ наконецъ съ кѣмъ нибудь изъ родныхъ повидаться,—прибавила она, раздражаясь молчаніемъ старухи и угрюмымъ выраженіемъ ея лица.

— Чтожъ, поѣзжай, если ужъ не терпится, а только, по-моему, лучше бы подождать,—проговорила, отвертываясь, Демьяновна.

— Да чего ждать-то?

— Вотъ придетъ вечеромъ Карлъ Мавриківичъ съ вѣстями, можетъ, хорошими...

— Я поѣду къ сестрицѣ,—объявила ея госпожа.

— И я съ тобой, мама,—умоляюще протянулъ Свѣтикъ.

Digitized by Google

Она взглянула на Демьяновну, но та продолжала стоять, насупившись и сердито стиснувъ губы.

— Нельзя, голубчикъ, мнѣ надо сначала одной повидаться съ тетенькой, — обратилась Катерина Артемьевна къ ребенку, нѣжно обнимая его.

— Вотъ потому-то я и говорю, что надобно подождать,—не стерпѣла, чтобъ не пробурчать себѣ подъ носъ старуха.

Катерина Артемьевна вспыхнула.

— Ступай за каретой,—приказала она Казимиру, стоявшему въ дверяхъ.

И порывистымъ движеніемъ поднявшись изъ-за стола, она пошла одѣваться.

— Эхъ, головушка горемычная!—съ глубокимъ скорбнымъ вздохомъ послала ей вслѣдъ старая нянька.

XXI.

Катерина Артемьевна не знала навѣрное, гдѣ живетъ сестра. Послѣ свиданія въ Москвѣ онѣ не видѣлись и не переписывались, а по пріѣздѣ сюда ей и въ голову не приходило ее розыскивать, но сегодня ей такъ захотѣлось увидѣть родное лицо, услышать слово привѣтствія и ласки, что оставаться одной съ своими думами и воспоминаніями ей было не подъ силу. Много испытала она горя въ своей жизни, но никогда еще не чувствовала себя подъ гнетомъ такого смертельнаго унынія, какъ въ этотъ день, никогда не сознавала себя такой одинокой и безпомощной.

Сестра Лиза была всегда къ ней добра, всегда терпѣливо переносила ея капризы и покорялась ея своеволію, она и теперь отнесется къ ней съ любовью и поддержитъ ее своимъ участіемъ.

Точнаго ея адреса она не знала, но ей помнилось, что Лизавета Артемьевна переѣхала отъ сестры Маріи къ Невскому монастырю, и едва забѣлились стѣны обители, какъ она приказала ѣхать тише и спрашивать у встрѣчныхъ людей: гдѣ тутъ живетъ барышня Коржина?

Долго не находилось никого, кто бы могъ отвѣтить на ея вопросъ, наконецъ, какая-то баба указала на женщину, повязанную чернымъ платочкомъ, стоявшую у калитки огороженнаго заборомъ двора съ домикомъ въ глубинѣ, и объявила, что этотъ домъ, куда черничка идетъ, этой самой Коржинской барышнѣ и принадлежитъ.

У Катерины Артемьевны забилось отъ радости сердце. Она вышла изъ кареты и, не дозволяя Казимиру за собою слѣдовать, поспѣшно пошла вслѣдъ за черничкой, черезъ калитку, въ довольно обширный дворъ, поросшій травой, съ кое-гдѣ торчащими убогими деревцами.

Тутъ не было ни души, а черничка, низко ей поклонившись,

Digitized by Google

юркнула куда-то раньше, чѣмъ Катерина Артемьевна успѣла спросить у нея: какъ пройти къ барышнѣ Коржиной? но за то не прошло и минуты, какъ дверь съ крыльца растворилась, и въ нее просунулось знакомое лицо Марѳуши, той самой, что ходила за барышней Лизаветой Артемьевной, когда еще старый баринъ былъ живъ.

— Марѳуша, сестрица дома?—радостно улыбаясь, спросила посѣтительница.

— Катерина Артемьевна!—вскричала, всплескивая руками, внѣ себя отъ изумленія, Марѳуша.

— Ты меня узнала?

— Какъ не узнать! Господи Боже мой!.. да какъ же это такъ! Надо барышнѣ сказать...

И она шмыгнула назадъ, затворивъ за собою дверь.

Прошло нѣсколько минутъ, показавшихся цѣлою вѣчностью Катеринѣ Артемьевнѣ. Что это значитъ, что ее такъ долго заставляютъ ждать? почему сестрица не бѣжитъ къ ней навстрѣчу?—спрашивала она себя съ возростающимъ недоумѣніемъ. А вмѣстѣ съ недоумѣніемъ росло въ ней и чувство обиды. Ей было оскорбительно стоять передъ дверью сестры и ждать, какъ милости, чтобъ ее впустили въ домъ, какъ нищую, явившуюся за подаяніемъ. Но еслибъ она знала, что происходитъ въ эту минуту за этой запертой дверью, она навѣрно убѣжала бы назадъ, не дождавшись приглашенія войти.

Еслибъ Лизаветѣ Артемьевнѣ пришли доложить, что привидѣніе съ того свѣта желаетъ ее видѣть, она, кажется, меньше бы испугалась, чѣмъ при извѣстіи о пріѣздѣ сестры Кати.

Какъ угорѣлая, бѣгала она по комнатѣ, схвативъ себя за голову и растерянно повторяя:—Откуда? Зачѣмъ? Что ей надо? Какъ быть? Что скажетъ братецъ Леонтій Артемьевичъ?

А окружающія ее женщины и дѣвки изъ дворни, приживалки, богомолки, юродивыя и странницы съ улицы и съ церковныхъ папертей, которыми постоянно былъ биткомъ набитъ ея домъ, вздыхая и крестясь, шептали заклинанія, какъ отъ бѣсовскаго нашествія. Наконецъ, Марѳуша рѣшительно выступила впередъ и объявила, что нельзя заставлять сестрицу ждать на дворѣ, какъ проходимку какую, а пожаловала, такъ ужъ надо ее принять и угостить породственному.

— А братецъ-то, братецъ-то что скажетъ, какъ узнаетъ, что я съ ней вижусь?—вскричала барышня.

— Да ужъ что-бъ онъ ни сказалъ, а не принять ихъ вашей милости никакъ невозможно,—стояла на своемъ Марѳушка, раскормленная толстуха лѣтъ сорока, съ румянымъ лицомъ и ласковыми глазами.

— Ты думаешь нельзя не принять?

Digitized by Google

— Нельзя, сударыня, родная вѣдь она вамъ сестрица.

— Правда... правда... А только... Она не жить къ намъ пріѣхала? нѣтъ?—дрогнувшимъ голосомъ спросила Лизавета Артемьевна, боязливо озираясь по сторонамъ.

— Зачѣмъ жить, сударыня? Просто пріѣхали васъ навѣстить.

— А вдругъ Леонтій пріѣдетъ да увидитъ ее у насъ?

— Леонтій Артемьевичъ недавно у насъ были, съ какой стати имъ сегодня опять пріѣзжать.

— А знаетъ онъ, что она здѣсь? Ты бы спросила у нея... Пожалуйста, Марѳуша, спроси!—умоляюще протянула она.

Марѳуша наконецъ вышла изъ терпѣнія.

— Да полно вамъ робѣть, сударыня, не маленькія, слава Богу!

Слова эти, произнесенныя строгимъ тономъ, подѣйствовали, какъ нельзя лучше.

— Ну, пусть придетъ, скажи, что я прошу ее войти.

— А вы, сударыня, приберитесь маленько, мантилью надѣньте, да хоть кружева на голову извольте накинуть. Сестрица давно васъ не видѣла, испужаться могутъ.

Марѳуша была права, Катерина Артемьевна испугалась, увидавши сестру, но ее не столько поразила перемѣна въ ея наружности, сѣдые волосы, морщины и болѣзненный цвѣтъ лица, сколько недовѣрчивость, почти враждебность, выражавшаяся въ каждомъ ея взглядѣ и движеніи.

Почти тотчасъ, не давъ ей опомниться, не давъ ей ничего о себѣ сказать, заговорила Лизавета Артемьевна о братцѣ Леонтіи.

— Онъ, знаете, не любитъ, чтобъ ко мнѣ ходили гости... Да и правда, зачѣмъ? Сплетни распложать, чтобъ судили да рядили, зачѣмъ я такъ живу, а не этакъ... Невпримѣръ лучше съ чужими не знаться... Если что нужно—у меня братецъ есть, онъ лучше всякаго сумѣетъ все обмыслить и устроить, его и важные сановники слушаются, противъ него никто не рѣшится идти, всѣмъ его разумъ извѣстенъ... Я совсѣмъ покойна съ тѣхъ поръ, какъ предоставила ему все мое состояніе... Онъ лучше меня знаетъ, что мнѣ нужно. Что я въ дѣлахъ понимаю? меня всякій провести можетъ,—нескладно и сбивчиво, какъ заученный урокъ, проговорила она глухимъ голосомъ, вскидывая исподлобья испуганный взглядъ на посѣтительницу.

— Такъ ты въ дружбѣ съ братомъ Леонтіемъ?—спросила дрогнувшимъ голосомъ эта послѣдняя.

— Съ братцемъ Леонтіемъ Артемьевичемъ? О, да, разумѣется, я съ нимъ дружна,—подхватила съ живостью Лизавета Артемьевна.—Онъ мой благодѣтель... я безъ него бы пропала... Да съ нимъ всѣ дружны... онъ всѣмъ нуженъ...

И вдругъ лицо ея исказилось ужасомъ.

— Да ты это съ чего? Развѣ тебѣ сказалъ кто нибудь, что я

Digitized by Google

имъ недовольна, что я на него ропщу? Это не правда... ты не вѣрь... ради Бога не вѣрь... это злодѣи мои выдумываютъ, чтобъ насъ поссорить...

И попавъ на свой пунктикъ, несчастная никогда бы съ него не соскочила, еслибъ не вмѣшалась въ разговоръ Марѳуша.

— Да полно вамъ, сударыня, пустяковиной-то сестрицу занимать. Присѣсть бы вы ихъ попросили, да о здоровьѣ ихъ спросили, и по какой причинѣ къ намъ въ Питеръ пожаловали,—проговорила она съ настойчивою твердостью, которой ея барышня, какъ видно, привыкла безропотно повиноваться, и вмѣстѣ съ тѣмъ, незамѣтно подмигивая гостьѣ, она дотронулась до своего лба, давая этимъ понять, что у ея госпожи умъ въ разстройствѣ.

А Катерина Артемьевна ѣхала сюда, чтобъ найти духовную поддержку своимъ изнемогающимъ нравственнымъ силамъ! Она воображала, что ей можно будетъ поговорить по душѣ съ сестрой, что она поможетъ ей разобраться въ хаосѣ мучительныхъ чувствъ, терзавшихъ ей душу! И вмѣсто того она нашла полуумное существо, нуждающееся, можетъ быть, больше, чѣмъ она, въ поддержкѣ и участіи.

— Почему она такая? Кто ее до этого довелъ? Леонтій?—спросила она у Марѳуши, которая вышла проводить ее до кареты.

Изъ опасенія, чтобъ ихъ не подслушали, она заговорила только тогда, когда они перешли дворъ и вышли на улицу, кругомъ не было ни души, но Марѳуша, потупившись, молчала.

— Говори, я тебя не выдамъ. Кто ее до этого довелъ? Леонтій?— повторила свой вопросъ Катерина Артемьевна.

Марѳуша кинулась цѣловать ея руки.

— Матушка, барышня, ужъ такъ мы напужаны, такъ напужаны!.. вѣдь они у насъ барышню-то совсѣмъ споили!..

Голосъ ея порвался отъ рыданій.

У Катерины Артемьевны морозъ пробѣжалъ по тѣлу. Такъ вотъ онъ на что способенъ! А она воображала, что хорошо его знаетъ!

Марѳуша же, точно угадывая ея мысли, продолжала задыхающимся отъ волненія шопотомъ:—Какъ отказала барышня жениху, да поссорившись съ сестрицей Марѳой Артемьевной, переѣхала на отдѣльную квартиру, тутъ на насъ Леонтій Артемьевичъ и насѣлъ. Сталъ ѣздить кажинный день, да цѣлыми корзинами сластей да винъ привозить, а разговорами-то ее все разстроиваетъ да пужаетъ. «И какъ ты, говоритъ, одна, и долго ли тебя обобрать, законовъ ты, говоритъ, не знаешь, еще, пожалуй, такое подпишешь, что и въ Сибирь угодишь». Ну, она ему довѣренность на все и дала. Но ему этого мало, и все онъ округъ насъ кружитъ, все кружитъ, да норовитъ пріѣхать все на ночь. До утра, бывало, послѣ него не заснутъ. Ну, вотъ тутъ, отъ безсонницы, барышня и стала вино кушать, да и привыкла. Теперь, не выпивши, въ постель и не ложится. А какъ хмель-то сойдетъ, стыдно имъ станетъ да тоскливо, и опять выпь-

Digitized by Google

етъ съ горя, такъ и пошло, дальше да дальше, теперича тверезая, почитай, что никогда и не бываетъ. А все онъ... Людямъ-то и не въ домекъ кто всему причиной, ну, а я-то знаю, все знаю, при мнѣ все дѣлалось. И вотъ, какъ передъ Богомъ, готова подъ присягой сказать: стараго барина у насъ звѣремъ считали, коршуномъ народъ его прозвалъ... ну, а этотъ хуже... Сколько народу на своемъ вѣку погубилъ, страсть! Какъ есть злодѣй... ни жалости въ немъ, ни совѣсти, ни Бога не боится, ни людей...

И вдругъ, спохватившись, что она разоткровенничалась съ той, которая, можетъ быть, покрѣпче другихъ связана судьбой съ ихъ злодѣемъ, Марѳуша смолкла на полусловѣ и устремила умоляющій взглядъ на свою слушательницу.

— Не бойся, я тебя не выдамъ,—поспѣшила ее успокоить Катерина Артемьевна.

Казимирка, завидѣвъ свою барыню изъ переулка, гдѣ каретѣ приказано было ждать, вышелъ къ ней на встрѣчу, и она стала торопливо прощаться со своей спутницей.

— Не унывай... можетъ, Господь и смилуется... И не давай ты ее, ради Бога, никому въ обиду, я тебя за это не оставлю,— проговорила она ей на ухо, въ то время, какъ Марѳуша, бормоча сквозь слезы клятвенныя увѣренія, цѣловала ея руки.

— А вы, сударыня, къ намъ опять заглянете?

— Пріѣду, непремѣнно пріѣду.

Она сѣла въ карету и уѣхала. А Марѳуша вернулась домой совсѣмъ въ другомъ настроеніи духа, чѣмъ когда вышла. Она чувствовала себя бодрѣе, точно и въ самомъ дѣлѣ нашла защиту отъ ихъ властителя и притѣснителя; проблески радужныхъ надеждъ замелькали въ окружающемъ ихъ духовномъ мракѣ. Барышня Катерина Артемьевна никогда не была изъ трусливыхъ, можетъ, она и въ самомъ дѣлѣ за нихъ вступится... У нея слезы навернулись на глазахъ отъ жалости, глядя на сестрицу... А ее Марѳутку, какъ она крѣпко поцѣловала на прощаніе, не какъ холопку, а какъ родную!.. А какая красавица! И какъ богато одѣта... Лакей величаетъ ее сіятельствомъ... Замужъ, вѣрно, за князя либо за графа вышла... Надо бы все это разспросить, да не до того было... И какъ никакъ, а Леонтію Артемьевичу все-таки надо сегодня же безпремѣнно донести про все, чтобъ, Боже упаси, черезъ другихъ не узналъ!.. Шпіоновъ-то у нихъ въ домѣ не мало... Мигомъ донесутъ, чтобъ подслужиться, и тогда бѣда! До смерти запороть, въ дальнюю деревню сослать—ему ничего не стоитъ...

И не теряя времени, она стала проситься у барышни отлучиться на вечерокъ по дѣлу.

— А я хотѣла тебя къ братцу Леонтію Артемьевичу послать,— сказала барышня, все еще не успокоившаяся послѣ неожиданнаго посѣщенія.

Digitized by Google

— Извольте посылать, я свое дѣло отложу до другого дня,— отвѣчала Мареуша, которая тотчасъ же догадалась, что онѣ сошлись въ мысляхъ.

— Да, ужъ ты, пожалуйста, дѣло свое отложи, это нужнѣе... надо братцу сказать про то, что Катя у насъ была, чтобъ не подумалъ, что мы ее зазвали... Ты ему объясни, что мы и не знали... врасплохъ она насъ застала, не могли мы ее не принять...

— Да какъ же было не принять-то?..

— Ну, да. И объясни ты ему, ради Бога, что она всего только минуточку у насъ пробыла, даже не садилась, и ни про что я съ ней не говорила...

— Все скажу, не извольте безпокоиться.

— Да не забудь узнать, какъ намъ впередъ съ нею быть, если еще вздумаетъ пріѣхать.

— И это узнаю, ужъ вы меня не учите, какъ съ ними разговаривать, слава Богу, не въ первый разъ.

— А если станетъ про нее разспрашивать, скажи, что мы ничего не знаемъ.

— Да мы и не знаемъ.

— Ну, да, а знали бы что—сказали бы. Ничего нельзя отъ братца Леонтія Артемьевича скрывать, надо все, все ему говорить, какъ на духу священнику,—продолжала она съ возрастающимъ волненіемъ, понижая голосъ и боязливо оглядываясь по сторонамъ,— онъ нашъ благодѣтель... мы бы безъ него пропали.

— Да ужъ знаю, зачѣмъ вы себя мыслями разстраиваете, накушайтесь-ка лучше чаю съ варенью да сядьте съ Ефимовной въ дурачки поиграть, а я поѣду... Къ вечернѣ заблаговѣстили, дай Богъ къ ночи-то оборотиться.

— Ты у попа лошадку возьмешь?

— У попа.

— А гостинца мнѣ привезешь?

— Безпремѣнно привезу. Хорошенькихъ пряничковъ да винца бутылочку французскаго.

У барышни загорѣлись радостно глаза.

— У братца Леонтія Артемьевича выпросишь?

— У него. Онъ безъ гостинца не отпуститъ.

Н. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЯ КОНСТАНТИНА КАРЛОВИЧА ЖЕРВЕ[1].

VII.

Мое возвращеніе въ Петербургъ въ 1843 году.—Казенная служба вообще и инженерная въ частности въ то время. — Доносъ на инженеровъ. — Государь Николай Павловичъ и И. И. Денъ.—Случай въ Новогеоргіевскѣ.—Вторичное вступленіе въ службу. — Командировка изъ Москвы въ Петербургъ для постройки капсюльнаго завода.—Странный сюрпризъ.—Высочайше утвержденный проектъ и его составители.—Трудности выполненія его и переписка съ департаментомъ военныхъ поселеній.—Дюймъ въ дюймъ, но безъ отвѣтственности.—Производство работъ и пріѣздъ Фалиса.—Опять затрудненія.—Личныя объясненія въ департаментѣ и неожиданный результатъ ихъ. — Сдача построекъ и денежные итоги. — Докладъ департамента военному министру князю Чернышеву.—Разслѣдованіе дѣла по особому порученію военнаго министра полковникомъ Глинкою.—Первое свиданіе съ нимъ.—По документамъ.—На чистую воду.—Награда.—Моя болѣзнь.

ПРІѢХАЛЪ въ Петербургъ въ 1843 году съ твердымъ намѣреніемъ не вступать болѣе на службу въ инженерный корпусъ, если къ тому не принудитъ меня крайняя необходимость. Я видѣлъ всю неблагодарность этой службы, всю незавидность положенія въ будущемъ. Нельзя было и думать объ обезпеченіи себя впослѣдствіи, не отступая отъ честныхъ правилъ, съ которыми, по моему взгляду на жизнь, мнѣ было слишкомъ трудно разставаться. Впрочемъ, правду сказать, въ то время на пріобрѣтеніе состоянія на счетъ казны или не совсѣмъ правильнымъ путемъ смотрѣли далеко не такъ строго, какъ нынѣ: всѣ пользовались, кто только могъ. Правительство

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXIII, стр. 30.

Digitized by Google

очень хорошо знало это, и если подобныя выгоды были не слишкомъ осязательны, то не препятствовало имъ и даже само какъ бы подавало поводъ, зная, что хорошо служащихъ и дѣльныхъ людей оно вознаграждаетъ очень скудно; правительство чувствовало, что получаемымъ отъ казны содержаніемъ нельзя жить хоть сколько нибудь прилично. Разительный примѣръ тому, какъ снисходительно смотрѣлъ на неправильный, въ сущности, доходъ даже самъ покойный государь Николай Павловичъ,—виденъ изъ слѣдующаго положительно вѣрнаго факта.

Послѣ возстанія 1830 года и умиротворенія поляковъ, въ царствѣ Польскомъ предприняты были грандіозныя инженерныя работы. Въ Варшавѣ строили Александровскую цитадель, и такимъ образомъ, что въ случаѣ новаго возстанія бомбардировка изъ орудій съ валовъ ея уничтожила бы городъ Варшаву въ 24 часа. Новогеоргіевская крѣпость, громадное сооруженіе, строилась съ соблюденіемъ всѣхъ новѣйшихъ правилъ и съ вновь изобрѣтенными приспособленіями, оказавшимися полезными по наукѣ и на практикѣ. Крѣпости Брестъ-Литовскъ и Замостье укрѣплялись сильнѣе и болѣе соотвѣтственно требованіямъ. Строилась новая крѣпость Иванъ-городъ, предполагалась еще другая крѣпость Жванецъ, около Хотина... Всѣ эти громадныя работы требовали много знающихъ, толковыхъ и усердныхъ исполнителей. Генералъ Денъ понималъ это очень хорошо, но былъ увѣренъ, что не въ состояніи осуществить предположеній государя и исполнить порученіе, даниое ему, какъ главному начальнику инженеровъ царства Польскаго. Онъ зналъ, что производство работъ отчетливое, прочное и съ полнымъ знаніемъ дѣла возможно лишь съ хорошими исполнителями утвержденныхъ предположеній. А такимъ людямъ, при весьма серьезныхъ и отвѣтственныхъ работахъ, требовавшихъ постояннаго и самаго бдительнаго вниманія и самаго энергичнаго распоряженія, необходимо было дать средства, чтобы матеріальная жизнь ихъ была совершенно обезпечена и ихъ не тревожила бы мысль о содержаніи себя и семейства; напротивъ, имъ слѣдовало дать всевозможныя средства жить хорошо и даже съ комфортомъ, дабы именно этотъ комфортъ служилъ имъ отдыхомъ и отрадою послѣ тяжкихъ трудовъ. Поэтому генералъ Денъ нисколько не противился, если 10 или въ иныхъ случаяхъ 12% отъ общей подрядной суммы, по уговору съ подрядчиками, удерживались въ пользу строителей, и затѣмъ эти удержанныя деньги раздавались офицерамъ сообразно трудамъ и пользѣ, которую каждый приносилъ дѣлу своею распорядительностью и знаніемъ. Къ этому надо прибавить, что подрядчики съ большимъ удовольствіемъ соглашались на подобную уступку, всегда увѣренные въ томъ, что заинтересованный строитель употребитъ все свое усердіе, чтобы работы были произведены прочно, согласно съ предположеніями и къ назначенному сроку. Послѣднее обстоятельство для подрядчика также очень

Digitized by Google

важно, потому что въ такомъ случаѣ онъ получаетъ заработанныя деньги въ срокъ и самъ можетъ своевременно расплачиваться сполна и не терпѣть убытковъ отъ проволочекъ.

Государь Николай I пріѣхалъ въ Варшаву, посѣтилъ цитадель, былъ проѣздомъ въ Брестъ-Литовскѣ, въ Иванъ-городѣ, въ Новогеоргіевскѣ и остался чрезвычайно доволенъ какъ самымъ производствомъ работъ, такъ и успѣшнымъ выполненіемъ всѣхъ его предначертаній къ назначенному времени. Онъ всегда умѣлъ цѣнить дѣйствительный трудъ и знаніе, а также распорядительность Дена, хотя и не знаменитаго инженера, но имѣвшаго великій даръ выбрать дѣльныхъ людей и поставить ихъ именно туда, гдѣ они приносили громадную пользу своими познаніями и неусыпнымъ усердіемъ.

Инженеры, получая большія субсидіи, жили хорошо. Зависть смотрѣла косо на это, и нашлись люди, которые передали прямо въ руки покойному государю доносъ, въ которомъ значилось, что Денъ получилъ въ этомъ году столько-то, такой-то генералъ столько-то, однимъ словомъ, подробный списокъ всѣмъ вообще инженерамъ, которые, съ вѣдома Дена, получали отъ работъ субсидіи, въ общемъ итогѣ составлявшія довольно круглую сумму. Государь послалъ за Деномъ и, когда тотъ прибылъ, принялъ его у себя въ кабинетѣ. Государь подалъ Дену этотъ доносъ и сказалъ:

— На-ка, прочти это, Иванъ Ивановичъ.

Денъ взялъ доносъ, очень хладнокровно прочелъ его и, возвращая его государю, сказалъ:

— Ваше величество, это не совсѣмъ вѣрно.

— Какъ такъ?—спросилъ государь.

— Да такъ,—отвѣчалъ Денъ.—Здѣсь показано мало, на этотъ предметъ израсходовано гораздо больше.

— Какъ это?—снова спросилъ государь.

— Да неужели же вы, ваше величество, сами хорошо зная, что значатъ инженерныя постройки, могли полагать, что я былъ бы въ состояніи производить всѣ эти обширныя работы такъ успѣшно, прочно, красиво и своевременно, если бы не давалъ большихъ денежныхъ наградъ тѣмъ лицамъ, которыя съ утренней зарей начинаютъ свой трудъ, подчасъ не успѣваютъ выспаться и очень часто даже поѣсть во время? Неужели за жалованье въ 400—600 рублей можно заставить этихъ тружениковъ принимать на себя такую громадную отвѣтственность въ виду всей Россіи, скажу болѣе—всей Европы? Наши работы безпримѣрны: нигдѣ, никогда и никѣмъ не производились такія громадныя работы. На насъ весь свѣтъ смотритъ, а я стану на исполненіе этой сложной задачи смотрѣть съ расчетомъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ! Было бы грѣшно, была бы горькая, непростительная ошибка съ моей стороны въ такую важную минуту останавливаться передъ деньгами, чтобы вознаграждать дѣйствительно полезный и тяжкій трудъ. Тѣмъ болѣе, ваше вели-

Digitized by Google

чество, что послѣ всѣхъ возможныхъ повѣрокъ какъ въ округѣ, такъ и въ инженерномъ департаментѣ представляемыхъ смѣтъ мы получаемъ уже свѣдѣнія, какая сумма назначена правительствомъ на производство работъ, значитъ, правительство уже готово на эту издержку. Затѣмъ, мы производимъ торги, которые рѣдко не приносятъ 15—20, а иногда 30%,—это чистая выгода казнѣ. Сверхъ того, рѣдкая работа не принесетъ казнѣ экономіи еще до 5% послѣ всѣхъ расходовъ и издержекъ, несмотря на уменьшенныя торгами цѣны. Что же болѣе можетъ требовать казна отъ насъ? А если бы мы не принесли и 1/10 этой выгоды, никто насъ и упрекнуть не имѣлъ бы права. Но если еще за всѣмъ этимъ, по уговору съ подрядчиками и вслѣдствіе особыхъ трудовъ и особаго вниманія, производители работъ умѣютъ удѣлить въ свою пользу 10 и 12%, кто можетъ имъ это поставить въ упрекъ? Вотъ изъ этихъ-то денегъ я получаю обыкновенно 4 или 5%, а остальные 6 или 7% идутъ на всѣхъ лицъ, участвующихъ въ работахъ. Если ваше величество за это хотите покарать меня, то я долженъ тотчасъ отказаться отъ всего и дамъ вамъ честное слово, что только при такомъ взглядѣ на это дѣло оно можетъ идти хорошо и успѣшно, а во всякомъ другомъ изворотѣ падетъ и падетъ невозвратно.

На это государь сказалъ:

— Въ твоемъ отвѣтѣ много правды. Я согласенъ. Впрочемъ, отдаю все на твою совѣсть, дѣлай, какъ знаешь, лишь бы работы шли такъ хорошо, какъ до сихъ поръ, а о прочемъ не хлопочи. Я понимаю тебя вполнѣ, и все останется между нами.

Вскорѣ послѣ этого разговора государь былъ въ Новогеоргіевскѣ и, идя по валу крѣпости, хвалилъ работы. Кто-то изъ свиты его замѣтилъ: «Положимъ, работы превосходныя; да что стоятъ эти работы?» Услышавъ это, государь сказалъ:

— Что эти работы стоятъ, знаютъ Богъ, я и Иванъ Ивановичъ Денъ, а болѣе никому и знать не надо.—Всѣ прикусили языкъ.

Для пріисканія себѣ мѣста я всюду бросался. Но тогда, чтобы получить мѣсто въ какомъ либо вѣдомствѣ, необходимо было заплатить тѣмъ господамъ, которые доставятъ мѣсто, — и чѣмъ лучше мѣсто, тѣмъ дороже. Взяточничество было совершенно открытое, никто не стѣснялся, а такъ какъ по полученіи мѣста возвратъ издержанной на взятки суммы основывался опять-таки на взяточничествѣ моемъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ я служилъ бы, то это сильно меня отталкивало, да и денегъ не было у меня лишнихъ. Такимъ образомъ я прожилъ въ Петербургѣ мѣсяца четыре и ничего не добился. Былъ я однажды у фонъ-Цурмиллена[1]), и онъ спросилъ меня, не желаю ли я вступить въ корпусъ инженеровъ военныхъ

[1]) Андрей Андреевичъ фонъ-Цурмилленъ въ то время командовалъ лейбъ-гвардіи сапернымъ баталіономъ.

Digitized by Google

поселеній. Такъ какъ я ничего другого пока не имѣлъ въ виду и только понапрасну проживался въ Петербургѣ, то согласился. Цурмилленъ переговорилъ съ Витовтовымъ [1]), и они вмѣстѣ поѣхали къ генералъ-лейтенанту барону Николаю Ивановичу Корфу, бывшему тогда директоромъ департамента военныхъ поселеній. Ему нужны были хорошіе инженерные офицеры; онъ тотчасъ согласился на ихъ просьбу обо мнѣ и черезъ нихъ приказалъ мнѣ явиться къ нему. Я представился барону Корфу, который принялъ меня очень ласково и исполнилъ мое желаніе опредѣлиться во II округъ корпуса инженеровъ военныхъ поселеній въ Москву.

Я поступилъ на службу 18-го февраля 1844 года и уже въ маѣ мѣсяцѣ того же года въ Москвѣ получилъ предписаніе изъ департамента военныхъ поселеній немедленно прибыть въ Петербургъ для исполненія особаго возлагаемаго на меня порученія, но какого — о томъ не говорилось. Снова пріѣхалъ я въ Петербургъ и явился къ Корфу, который объявилъ мнѣ, что по высочайшему повелѣнію за Охтенскими пороховыми заводами долженъ быть построенъ капсюльный заводъ для выдѣлки капсюлей къ вновь передѣлываемымъ на всю армію ружьямъ; проекты и смѣты уже готовы, высочайше утверждены, деньги назначены, всѣ планы и проекты будутъ мнѣ переданы изъ особо назначеннаго для постройки капсюльнаго завода комитета подъ предсѣдательствомъ корпуса инженеровъ путей сообщенія генералъ-лейтенанта Андрея Даниловича Ротмана, къ которому я долженъ явиться. По полученіи всѣхъ плановъ и проектовъ, мнѣ приказано было разсмотрѣть ихъ и какъ можно скорѣе приступить къ работамъ, такъ какъ всѣ работы непремѣнно должны были быть окончены къ 1-му октября сего же года, потому что къ этому числу ожидали въ Петербургъ бельгійскаго подданнаго Фалиса съ необходимыми машинами для установки ихъ въ капсюльномъ заводѣ. Я явился къ генералу Ротману, котораго зналъ еще въ институтѣ корпуса путей сообщенія, гдѣ онъ служилъ при мнѣ майоромъ и учителемъ рисованія и черченія. Онъ принялъ меня очень ласково. По его указанію, заѣхалъ въ комитетъ, получилъ планы и проекты и затѣмъ отправился на пороховой заводъ.

Мнѣ указали мѣсто, гдѣ предположено было построить капсюльный заводъ, смотрю—на этомъ мѣстѣ растетъ густой сосновый лѣсъ. Мнѣ показалось это нѣсколько страннымъ: соображаю слова барона Корфа «приступить какъ можно скорѣе къ работамъ»,—а тутъ лѣсъ. Это какъ-то несовмѣстимо...

Я съ завода прямо поѣхалъ къ Корфу и говорю ему, что, по его словамъ, работы должны быть спѣшныя... — «Да, очень спѣшныя», перебиваетъ онъ меня. — «А между тѣмъ къ работамъ приступить нельзя»,—говорю я ему.

---

[1]) Генералъ-адъютантъ Павелъ Александровичъ Витовтовъ былъ тогда начальникомъ штаба гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ. В. Ж.

Digitized by Google

Онъ съ удивленіемъ на меня посмотрѣлъ и спросилъ: «это почему?».

— Да потому, ваше превосходительство, что на мѣстѣ, гдѣ предположено построить капсюльный заводъ, растетъ огромный, густой лѣсъ...

— Какой лѣсъ? Кто вамъ сказалъ? Тамъ чистое мѣсто.

Я отвѣтилъ, что самъ былъ на мѣстѣ и видѣлъ, что тамъ растетъ лѣсъ. Старикъ встрепенулся, послалъ за начальникомъ отдѣленія проектовъ и смѣтъ подполковникомъ Павловскимъ [1]). Баронъ передалъ ему, что я видѣлъ, и говоритъ:

— Какимъ же образомъ до сихъ поръ объ этомъ лѣсѣ ничего не было извѣстно?

Павловскій отвѣтилъ, что этого быть не можетъ. Я сказалъ ему, что лично былъ на мѣстѣ, на которомъ предположена постройка капсюльнаго завода, и самъ видѣлъ тамъ густой лѣсъ, до срубки котораго и выкорчеванія корней къ работѣ приступлено быть не можетъ. Пошла кутерьма. Мнѣ сказали, чтобы я пришелъ на слѣдующее утро.

Когда въ первый разъ я былъ у барона Корфа, то засталъ у него отставного генералъ-майора барона Ѳедора Ѳедоровича Розена, «кривошейку», котораго я зналъ еще въ институтѣ корпуса путей сообщенія. Баронъ Корфъ отрекомендовалъ мнѣ его, какъ подрядчика, взявшаго на себя постройку капсюльнаго завода. Розенъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ отличный человѣкъ, хорошо образованный, дѣльный и благородный. Отъ барона Корфа я поѣхалъ къ нему и разсказалъ о лѣсѣ на мѣстѣ будущаго завода. Я посовѣтовалъ ему тотчасъ съѣздить къ Корфу и предложить свои услуги вырубить лѣсъ и выкорчевать пни въ три недѣли, если ему уступятъ этотъ лѣсъ, не требуя за это никакой платы. Судя по настоящему положенію дѣла, можно было съ увѣренностью предсказать разрѣшеніе приступить немедленно къ рубкѣ лѣса на вышеизложенныхъ условіяхъ, тѣмъ болѣе, что краткость времени, назначеннаго на постройку всѣхъ строеній, должна была вынудить департаментъ военныхъ поселеній на все согласиться, лишь бы успѣть окончить постройки. Розенъ тотчасъ поѣхалъ къ Корфу, и дѣло уладилось совершенно такъ, какъ я предполагалъ. Розенъ, конечно, былъ очень доволенъ, такъ какъ операція оказалась весьма выгодною. Послѣ обѣда мы съ нимъ поѣхали на мѣсто, обсудили дѣло, опредѣлили необходимое

---

[1]) «Павловскій—бездарный, пустой человѣкъ, не имѣвшій никакого понятія о строительномъ искусствѣ, необразованный, взяточникъ — родной младшій братъ Павла Михайловича Павловскаго, окружного командира Херсонскаго округа и строителя Севастополя. Евграфъ Михайловичъ Павловскій служилъ въ артиллеріи; выпущенный изъ какого-то корпуса, онъ, Богъ знаетъ какимъ образомъ, былъ переведенъ въ корпусъ инженеровъ военныхъ поселеній и назначенъ начальникомъ отдѣленія проектовъ и смѣтъ».

Digitized by Google

количество рабочихъ, и уже на другой день лѣсъ приняли въ топоры, работа закипѣла.

Между тѣмъ я разсмотрѣлъ переданные мнѣ смѣты и планы и нашелъ ихъ совершенно несообразными съ требованіями Фалиса. По проектамъ, присланнымъ Фалисомъ, всѣ машины для выдѣлки капсюлей должны были быть приспособлены въ деревянномъ строеніи, по проекту же департамента военныхъ поселеній онѣ должны были быть приспособлены въ каменномъ строеніи. При этомъ совершенно упустили изъ виду, что стѣны деревяннаго строенія имѣютъ толщину въ 6 вершковъ, а ихъ каменное строеніе — одинъ аршинъ. Ясно, что такимъ образомъ всѣ комнаты уменьшились, и всѣ машины, которыя привезетъ Фалисъ, должны были не помѣститься въ каменномъ зданіи. Это обстоятельство и многія другія упущенія я изложилъ въ особой докладной запискѣ, поданной при рапортѣ въ комитетъ, и представилъ 28 пунктовъ, по которымъ считалъ проектированныя постройки для капсюльнаго завода не соотвѣтствующими предположенной цѣли и прямо указалъ, что проекты похожи на казарму, но отнюдь не на заводъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я предложилъ: по подробномъ разсмотрѣніи проектовъ и плановъ я совершенно убѣжденъ, что при существующихъ данныхъ бельгіецъ Фалисъ не будетъ въ состояніи приспособить свои машины ко вновь возводимому строенію; такъ какъ вырубка и корчеваніе лѣса непремѣнно продолжатся три недѣли, то было бы весьма раціонально на это короткое время откомандировать меня въ Бельгію, гдѣ я могъ бы осмотрѣть заведеніе г. Фалиса, узнать всѣ его требованія, окончательно съ нимъ уговориться,— и тогда я могъ бы быть увѣренъ, что постройки произведутся правильно и безошибочно. Въ этомъ мнѣ отказали, мои возраженія оставили безъ вниманія и предписали производить работы по выданнымъ мнѣ планамъ. Несмотря на это, я вторично подалъ въ комитетъ рапортъ о томъ, чтобы на время производства работъ прикомандировали только-что возвратившагося изъ-за границы и видѣвшаго все устройство капсюльнаго заведенія г. Фалиса лейбъ-гвардіи конной артиллеріи капитана Лихачева, дабы онъ могъ указать, что̀ необходимо при постройкѣ этого заведенія. И въ этомъ отказали и повторили, чтобы производить работы по даннымъ мнѣ смѣтамъ и планамъ. Тогда я въ третій разъ подалъ рапортъ, которымъ предупредилъ, что дюймъ въ дюймъ произведу работы по полученнымъ мною планамъ и смѣтамъ, но затѣмъ отрекаюсь отъ всякой отвѣтственности, если вновь построенное зданіе не будетъ соотвѣтствовать требованіямъ г. Фалиса при установкѣ имъ привезенныхъ готовыхъ машинъ. Баронъ Розенъ работалъ усиленно, такъ что вырубку лѣса и выкорчеваніе пней окончилъ въ первыхъ числахъ іюля.

8-го іюля я пригласилъ барона Корфа, генерала Ротмана и нѣкоторыхъ другихъ лицъ для присутствованія при закладкѣ строеній

Digitized by Google

наковыхъ предстояло возвести 4 каменныхъ и 5 деревянныхъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ,—задача довольно трудная, но я надѣялся успѣть при усиленной работѣ, если только не будетъ замедленія въ доставкѣ матеріаловъ и рабочихъ. По вырубкѣ лѣса, посреди очищенной отъ деревьевъ площади оказалась глубокая рытвина съ протокомъ воды, что въ проектѣ не было показано, и поэтому общее расположеніе всѣхъ строеній, по необходимости, должно было измѣниться противъ имѣющагося плана. Нѣкоторыя строенія необходимо было отодвинуть; одинъ конецъ главнаго строенія приходился надъ зыбкимъ болотомъ, поэтому подъ фундаментъ зданія нужно было вбивать сваи; черезъ рытвину пришлось перекинуть два деревянныхъ мостика. Всѣ эти дополнительныя работы не были обозначены въ проектахъ. Мнѣ пришлось поэтому составить новый планъ съ показаніемъ рытвины и вновь предполагаемаго расположенія строеній. Эти затрудненія и замедленія, однако, нисколько не останавливали хода работъ: я продолжалъ работать усиленно, несмотря даже на то, что лѣто было очень дождливое (только 70 дней безъ дождя), и пришлось даже крыши крыть желѣзомъ подъ дождемъ. Самъ я поселился въ слободкѣ за пороховымъ заводомъ у поселеннаго солдата. Довольно часто я бывалъ у начальника пороховыхъ заводовъ генерала Синельникова и у другихъ знакомыхъ и родныхъ. Не забывали и они меня. Такъ въ одинъ прекрасный день Константинъ Карловичъ [1]) съ товарищами своими, подпоручикомъ гвардейскаго генеральнаго штаба графомъ Ѳеодоромъ Логгиновичемъ Гейденомъ [2]) и лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручиками Купшелевымъ и Эртелемъ, пріѣзжали посмотрѣть мои работы по капсюльному заведенію и, кстати, осмотрѣть пороховой заводъ. Они обѣдали у меня и провели весь день до поздняго вечера.

Между тѣмъ я продолжалъ свои работы и къ 1-му октября успѣлъ ихъ окончить совсѣмъ. Пріѣхалъ Фалисъ, осмотрѣлъ строенія и остался ими крайне недоволенъ. Начальнику штаба генералъ-фельдцейхмейстера князю Долгорукову онъ представилъ свои замѣчанія о несоотвѣтственной постройкѣ капсюльныхъ заведеній, совершенно отступающихъ отъ его проекта. Эти замѣчанія были написаны на французскомъ языкѣ и состояли изъ 26-ти пунктовъ, совершенно тождественныхъ съ тѣми моими 28-ю пунктами, которые я подалъ въ комитетъ еще до начала работъ. Лишь въ двухъ пунктахъ мы съ нимъ нѣсколько разошлись, и то только потому, что въ полученномъ мною изъ комитета проектѣ о нихъ вовсе не упоминалось, а я предполагалъ ихъ не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ Фалисъ.

---

[1]) Константинъ Карловичъ Жерве, двоюродный племянникъ дѣда. О немъ упоминается выше (гл. IV).

[2]) Нынѣ генералъ-адъютантъ, бывшій генералъ-губернаторъ въ Финляндіи.

В. Ж.

Digitized by Google

Затѣялась переписка очень серьезная. Только что возведенныя строенія, стоившія 70.000 рублей серебромъ, большею частію оказались неподходящими для установки машинъ Фалиса; а главная бѣда состояла въ томъ, что подъ главнымъ строеніемъ слѣдовало углубить фундаментъ на 4 аршина для установки паровой машины и котла, о которыхъ въ данномъ мнѣ проектѣ и помину не было. Комитетъ переданныя ему замѣчанія Фалиса возвратилъ въ департаментъ военныхъ поселеній и написалъ, что капитанъ Жерве тѣ же самыя замѣчанія представилъ еще до начала работъ, что таковыя были посланы въ департаментъ съ просьбою обратить на нихъ вниманіе, но что департаментъ два раза повторенное комитетомъ представленіе не принялъ и не исполнилъ требованій его; что всѣ затѣмъ уже сдѣланныя предложенія на счетъ поѣздки капитана Жерве на короткое время въ Бельгію для переговоровъ съ Фалисомъ, также просьба о прикомандированіи капитана Лихачева на время работъ къ капсюльному заведенію — также отвергнуты. Поэтому комитетъ считаетъ себя отстраненнымъ отъ всякой отвѣтственности и, сверхъ того, проситъ департаментъ военныхъ поселеній, согласно рапорту капитана Жерве, по имѣющимся описямъ принять строенія, вновь выстроенныя согласно планамъ и смѣтамъ, полученнымъ имъ изъ департамента. Пока же строенія не будутъ приняты департаментомъ, комитетъ не можетъ допустить какую либо перестройку или перемѣну внутри строеній, дабы на немъ не оставалась какая нибудь отвѣтственность за неправильное производство работъ. Находя представленіе капитана Жерве совершенно справедливымъ, комитетъ проситъ назначить архитектора и члена для освидѣтельствованія и принятія по описямъ всѣхъ строеній инженерами. Департаментъ военныхъ поселеній волею-неволею вынужденъ былъ прислать инженера и избралъ подполковника Павловскаго, начальника отдѣленія проектовъ и смѣтъ, въ вѣдѣніи котораго извѣстный проектъ и составился. Павловскій явился черезъ три дня. Какъ ни придирался онъ, какъ ни вымѣрялъ по дюймамъ, строенія оказались возведенными совершенно точно и правильно. Актъ о таковомъ результатѣ былъ подписанъ всѣми участвовавшими въ освидѣтельствованіи построекъ и отправленъ въ департаментъ военныхъ поселеній, который былъ вынужденъ приступить къ составленію новаго проекта и смѣтъ тѣмъ дополнительнымъ работамъ, которыя требовалъ Фалисъ.

Для переговоровъ меня потребовали въ общее присутствіе департамента военныхъ поселеній. Здѣсь нѣкоторые изъ членовъ, поддерживаемые барономъ Корфомъ и не знавшіе, вѣроятно, всего хода дѣла, начали упрекать меня, какъ могъ я допустить такое положеніе дѣла, которое теперь приходится передѣлать совершенно вновь, притомъ въ зимнее время. Я посмотрѣлъ на нихъ и началъ высказывать, какъ неосновательно вообще дѣйствовалъ департаментъ

Digitized by Google

военныхъ поселеній, какъ онъ могъ поручить людямъ совершенно несвѣдущимъ составлять проектъ такихъ построекъ, о которыхъ они не имѣли никакого понятія, и подобный проектъ представить на высочайшее утвержденіе, какъ никому даже не пришла мысль осмотрѣть мѣстность, на которой предполагались постройки, какъ вмѣсто готоваго для постройки мѣста я нашелъ густой лѣсъ, какъ на мои 28 пунктовъ указаній на недостатки проекта не обратили никакого вниманія, несмотря на всю убѣдительность ихъ, и какъ, наконецъ, мои указанія точно согласовались съ замѣчаніями Фалиса. Всѣ эти непріятности, говорилъ я, были бы совершенно устранены, если бы я на двѣ недѣли былъ командированъ въ Бельгію для осмотра капсюльнаго заведенія Фалиса и уговора съ нимъ; эта поѣздка едва ли стоила бы 1.000 рублей, тогда какъ теперь всѣ передѣлки обойдутся врядъ ли менѣе 40.000 рублей. Я говорилъ громко, ясно, убѣдительно и, такъ какъ меня задѣли за живое, высказалъ всю несправедливость сдѣланнаго мнѣ упрека и всю неосновательность дѣйствій департамента военныхъ поселеній. Когда я кончилъ, всѣ молчали, было совершенно тихо. Тогда баронъ Корфъ, какъ директоръ и предсѣдатель, обратился ко мнѣ съ недовольнымъ видомъ:

— Такъ изъ вашихъ словъ видно, что вы во всемъ обвиняете департаментъ военныхъ поселеній.

— Позвольте же мнѣ вмѣсто отвѣта спросить ваше превосходительство, кого же вы можете обвинить въ этомъ дѣлѣ? Я сдѣлалъ все, что только можетъ сдѣлать подчиненный, а если не хотѣли внять моему представленію, сдѣланному своевременно по чистой совѣсти и по долгу службы, то я умываю руки, отказываюсь отъ всякой отвѣтственности, какъ объявилъ о томъ рапортомъ комитету заранѣе, когда мои предложенія были отвергнуты.

Опять общее молчаніе.

Наконецъ, членъ общаго присутствія генералъ-майоръ Амосовъ всталъ и сказалъ:

— Дѣло сдѣлано. Такъ или иначе, но оставить его нельзя, на то есть высочайшая воля. Поэтому намъ остается только спросить капитана Жерве, возможно ли и какими средствами онъ полагаетъ исправить испорченное дѣло.

Тогда и баронъ Корфъ обратился ко мнѣ:

— Да, скажите, какъ поправить дѣло.

На это я отвѣтилъ:

— Пусть скажутъ, что желаютъ исправить, тогда я скажу, можно ли исправить.

Амосовъ взялъ донесеніе Фалиса и прочиталъ, что первое требованіе его состоитъ въ томъ, чтобы въ главномъ строеніи сдѣлать углубленіе въ 4 аршина подъ одною изъ залъ, выходящихъ на боковой фасадъ, и устроить тамъ паровую машину съ печью.

Digitized by Google

— Развѣ возможно углубиться въ землю, — отвѣтилъ я, — подъ цѣлою четвертью строенія на 4 аршина, вырыть землю подъ нимъ и потомъ вновь возвести, не разобравъ всей этой части строенія? Вѣдь этого допустить нельзя теперь, въ зимнее время, и во всякомъ случаѣ работа потребуетъ слишкомъ много времени, а между тѣмъ Фалису приходится платить 30 тысячъ въ мѣсяцъ. Такъ отчего же, спросилъ я, департаментъ военныхъ поселеній не согласился на производство этой работы, когда я представилъ объ этомъ въ 3-мъ пунктѣ моей докладной записки?

— Гдѣ, гдѣ?— спросили всѣ. Взяли мою докладную и нашли, что я настоятельно требовалъ такое устройство. Тогда Амосовъ спросилъ меня:

— Возьметесь ли вы въ настоящее время произвести эту работу, если бы рѣшились, несмотря на усиленную издержку, поручить ее вамъ?

— Съ какимъ намѣреніемъ, ваше превосходительство, вы дѣлаете мнѣ подобный вопросъ? Я думаю, вы такъ же хорошо, какъ и я, знаете, что съ отвѣтственностью за прочность каменныя работы зимою производиться не могутъ. Ваше превосходительство видѣли производство моихъ работъ и читали мою докладную записку о недостаткахъ проекта постройки капсюльнаго заведенія; надѣюсь, вы могли найти во мнѣ строителя, увѣреннаго въ своемъ дѣлѣ и потому не подавшаго вамъ поводъ полагать, что я рѣшился бы на подобное предложеніе.

Корфъ, кажется, наконецъ потерялъ терпѣніе:

— Вотъ уже полтора часа, какъ мы здѣсь трактуемъ, а дѣло поправить необходимо, такъ придумайте, господа, средство. Теперь часъ, въ 3 часа я вернусь отъ военнаго министра и жду, чтобы вопросъ былъ рѣшенъ. Прошу васъ, капитанъ, также быть здѣсь въ это время.

Я поклонился всему собранію и вышелъ. Остались старики въ раздумьѣ, каждый про себя писалъ, что онъ предполагаетъ. Къ 3 часамъ Корфъ возвратился, но прошло еще около часу, пока меня позвали въ присутствіе. Здѣсь Корфъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Въ такое короткое время гг. члены общаго присутствія не могли придумать что либо удобоисполнимое, а потому завтра мы опять соберемся, и вы должны быть здѣсь.

Тогда я рѣшился сказать барону Корфу:

— Я слишкомъ убѣжденъ, что всѣ возможныя предложенія на сооруженіе зимою каменныхъ построекъ не могутъ дать какой либо удовлетворительный результатъ. Зная крайнюю необходимость подземнаго помѣщенія для паровой машины, зная, что, не сдѣлавъ его при самомъ началѣ постройки, потомъ уже дѣла не поправишь, я углубилъ фундаментъ подъ землей на 4 аршина,—и помѣщеніе для паровой машины готово. Эту работу я произвелъ на свой страхъ,

Digitized by Google

но прошу какъ слѣдуетъ удовлетворить подрядчика, который, опираясь только на одни мои слова, согласился произвести эту цѣнную работу.

Корфъ и всѣ члены присутствія крайне обрадовались моему сообщенію. Баронъ искренно благодарилъ меня за предусмотрительность и приказалъ удовлетворить подрядчика, какъ только онъ подастъ счетъ. Всѣ члены одинъ за другимъ подходили ко мнѣ и благодарили за то, что я вывелъ ихъ изъ крайне затруднительнаго положенія.

— А скажите-ка, капитанъ,—сказалъ тогда Корфъ,— отчего вы насъ такъ долго промучили и не объявили ранѣе о сдѣланномъ вами?

— Ваше превосходительство, я желалъ прежде вполнѣ удостовѣриться, что вы и гг. члены общаго присутствія ясно увидѣли безвыходность положенія, въ которое совершенно произвольно поставилъ себя департаментъ военныхъ поселеній; я желалъ, чтобы всѣ окончательно убѣдились, что такой грубый пропускъ въ составленномъ проектѣ неисправимъ. Только въ такомъ случаѣ сдѣланное мною распоряженіе можетъ имѣть полную оцѣнку и оказаться дѣйствительно полезнымъ. Согласитесь сами, что я сильно рисковалъ, производя работу, не обозначенную на планѣ и не включенную въ смѣту, и мнѣ стоило не мало труда убѣдить подрядчика производить ее на-авось.

— Ну, слава Богу,—сказалъ Амосовъ,—самая главная и менѣе всего подававшая надежду на исправленіе бѣда миновала. Но остаются еще многія другія, которыя необходимо также устранить. Возьметесь ли вы, капитанъ, удовлетворить Фалиса?

Я отвѣтилъ, что другіе предметы почти всѣ знаю, и хотя нѣкоторые очень затруднительны, все же полагаю возможнымъ исполнить необходимое. Несмотря на то, что Фалисъ очень капризенъ и заносчивъ, я сумѣю его поставить на надлежащее мѣсто и не постѣсняюсь указать ему, какія его требованія излишни. Дѣло это я знаю теперь хорошо, но долгомъ считаю предупредить общее присутствіе, что работы будутъ не дешевы.

— Это меня не очень безпокоитъ,—сказалъ баронъ Корфъ,—у насъ есть большая сумма отъ уторжекъ, такъ что средства будутъ. Спѣшите только съ работой.

Казалось бы, дѣльнѣе и блистательнѣе трудно было бы оправдать мои дѣйствія, а между тѣмъ послѣдствія покажутъ, какое зло крылось въ департаментѣ военныхъ поселеній между тѣми лицами, незнаніе дѣла и бездарность коихъ были причиною всей этой сумятицы, и докажутъ вполнѣ недобросовѣстность окружавшихъ добраго старика барона Корфа.

Еще лѣтомъ я заболѣлъ довольно сильно. Вѣроятно, дурное питаніе на пороховыхъ заводахъ испортило мой желудокъ: случались частыя и какія-то особенныя рвоты, я чувствовалъ большую сла-

Digitized by Google

бость и очень похудѣлъ. Болѣзнь моя продолжалась и теперь, но, тѣмъ не менѣе, я принялся съ усердіемъ за работу. Капризы и безграничныя требованія Фалиса заставили меня принять энергическія мѣры. Я донесъ рапортомъ о всѣхъ его продѣлкахъ, клонившихся лишь къ корыстолюбивымъ цѣлямъ, какъ можно болѣе продлить свое пребываніе въ Россіи, хотя всѣ его требованія давно уже были удовлетворены; я съ точностью опредѣлилъ, что еще съ недѣлю назадъ всякая плата ему должна быть прекращена, такъ какъ работы окончены. Несмотря на сопротивленіе Фалиса, я заставилъ его привести машины въ дѣйствіе. Фалисъ страшно бѣсился, но долженъ былъ покориться. Самое большое затрудненіе составляло возведеніе небольшой, правда, полукруглой пристройки изъ кирпича для гремучаго пороха. Я работалъ въ декабрѣ и производилъ кирпичную кладку во время полудня, когда морозы нѣсколько спадали. Известь разводилъ я на кипяткѣ и водкѣ и, слава Богу, постройка уцѣлѣла хорошо, если не считать небольшихъ трещинъ, показавшихся весною у соединенія стѣнъ, но и эти трещины были задѣланы.

Между тѣмъ мое здоровье все еще было плохо, я исхудалъ и былъ изнеможенъ до нельзя. Совѣтовали мнѣ всевозможныя средства, но всѣ они весьма мало помогали. Напримѣръ, по совѣту докторовъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ я купался въ Невѣ, противъ Лѣтняго сада. Тогда докторъ Моргулисъ содержалъ водолѣчебное заведеніе по способу Присница. Меня сажали здѣсь въ паровую ванну съ температурой до 36° тепла, изъ этой ванны я бросался прямо въ Неву, градуса въ 3—4, и, пробывъ въ водѣ минуты 3, выскакивалъ, одѣвался и, быстро побѣгавъ, черезъ Лѣтній садъ возвращался домой, гдѣ простывшій чай и котлетка изъ сырого мяса составляли мой завтракъ. Однако, промучивъ себя такимъ образомъ цѣлый мѣсяцъ, я не получилъ ни малѣйшаго облегченія. Лѣчился я декоктомъ, массажемъ, обращался къ знаменитому гомеопату доктору Оксу, потомъ къ доктору Зейдлицу — вообще всюду бросался, но нигдѣ помощи не находилъ.

Несмотря на болѣзнь, я успѣлъ окончить всѣ работы на капсюльномъ заведеніи, и машины, съ грѣхомъ пополамъ, были поставлены на мѣсто. Фалисъ, который по контракту обязанъ былъ поставить всѣ машины въ теченіе одного мѣсяца, пробылъ вмѣсто одного четыре мѣсяца и получилъ не 30, а 120 тысячъ рублей. По требованіямъ Фалиса, работы по передѣлкѣ капсюльнаго заведенія обошлись въ 44 тысячи рублей. Итакъ, казна потеряла 44 тысячи рублей только потому, что проектъ былъ составленъ людьми, не имѣвшими никакого понятія о сути его, а также и потому, что не хотѣли принять моихъ предложеній изъ-за одного чванства: какъ, молъ, мы всѣ будто не сумѣли сообразить и безъ него то, что нужно. Въ общемъ итогѣ передержано: Фалису за 3 лишнихъ мѣсяца 90 тысячъ рублей, передѣлка заведенія—44 тысячи рублей, всего —134 тысячи

Digitized by Google

рублей. Производство работъ, по даннымъ мною предложеніямъ, не превысило бы ассигнованной суммы въ 70 тысячъ рублей, а теперь онѣ обошлись въ 204 тысячи рублей!..

Однако по окончаніи всѣхъ расчетовъ дѣло доходило до отчета. Какъ показать такой громадный излишекъ чуть не вдвое противъ первоначально требовавшейся суммы? Какъ ни былъ я боленъ, все-таки по порученію комитета успѣлъ сдать капсюльное заведеніе въ артиллерійское вѣдомство. При этомъ я испыталъ всю гадость артиллерійскаго департамента, назначившаго къ пріемкѣ своего архитектора и своихъ артиллерійскихъ офицеровъ, которые на всякомъ шагу дѣлали придирки, тянули сдачу до невозможности и дѣлали мнѣ ясные намеки, что пока я не дамъ имъ порядочной взятки, они отъ меня строеній не примутъ. Но я имъ прямо объявилъ, что всѣ строенія возведены совершенно правильно и изъ самыхъ доброкачественныхъ матеріаловъ, и поэтому я имъ ни одной мѣдной копейки не дамъ и считаю для тебя унизительнымъ даже подавать поводъ думать, что желаю задобрить пріемщиковъ какою либо платою. Въ послѣднемъ случаѣ я далъ бы имъ поводъ думать, что недостатки дѣйствительно есть, но такъ какъ я совершенно убѣжденъ, что ихъ нѣтъ, то я и не намѣренъ задабривать пріемщиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я объявилъ имъ, что съ этого дня на сдачу зданій уже болѣе не явлюсь, пусть принимаютъ какъ хотятъ, а если найдутъ какіе либо недостатки, то пусть пишутъ и подаютъ на бумагѣ отзывъ о таковыхъ. Дѣйствительно, они написали о 4-хъ пунктахъ недостатковъ какую-то бумагу, которую департаментъ военныхъ поселеній передалъ мнѣ, вѣроятно, не прочитавъ, потому что эти замѣчанія были такъ неосновательны, безграмотны и такъ ясно доказывали отсутствіе всякаго знанія строительнаго искусства, что они дали мнѣ поводъ послать отвѣтъ въ самомъ ѣдкомъ, саркастическомъ тонѣ; я осмѣялъ ихъ замѣчанія очень вѣжливо, но крайне колко. Послѣ этого тотчасъ были высланы пріемныя описи за подписью пріемщиковъ.

Департаментъ военныхъ поселеній видѣлъ, что сдѣланную имъ передержку въ 44 тысячи рублей, собственно по перестройкѣ капсюльнаго заведенія, придется принять на себя, что, вѣроятно, барону Корфу сдѣлаютъ довольно строгій выговоръ, начальнику отдѣленія проектовъ и смѣтъ и составителямъ проекта не миновать гауптвахты, да, пожалуй, наложатъ и денежный штрафъ на общее присутствіе для пополненія суммы, израсходованной безъ всякаго уважительнаго повода. Поэтому департаментъ счелъ за лучшее свалить всю эту бѣду на меня и объяснить въ своемъ донесеніи военному министру, что она произошла отъ ошибки производителя работъ, но совершенно неумышленно, и что, несмотря на это, можно быть совершенно увѣреннымъ въ моихъ знаніяхъ и способностяхъ. Это послѣднее замѣчаніе было сдѣлано для того, чтобы военный министръ,

Digitized by Google

прочитавъ докладъ и увидя такой сильный промахъ строителя, не придалъ бы дѣлу серьезный оборотъ и, пожалуй, не отдалъ бы меня подъ судъ,—тогда все обнаружилось бы.

Однако военный министръ, князь Александръ Ивановичъ Чернышевъ, поступилъ иначе. Когда онъ прочиталъ докладъ инженернаго департамента, ему показалось страннымъ, что такой непростительный промахъ могъ сдѣлать инженерный офицеръ, ему хорошо извѣстный своими практическими познаніями, къ тому же съ хорошей стороны ему отзывался обо мнѣ самъ государь, когда узналъ о назначеніи меня строителемъ капсюльнаго завода, которымъ государь очень интересовался. Кромѣ того, князю было очень хорошо извѣстно, что проектъ и всѣ планы были заранѣе составлены и высочайше утверждены, и что я призванъ былъ только производить работы по готовому проекту. Какъ же было возможно на работы, утвержденныя въ 70 тысячъ рублей, употребить сверхъ того 40 тысячъ рублей!.. Какъ человѣку проницательному, это дѣло показалось ему нечистымъ. Ему было непріятно, во-первыхъ, потому, что онъ долженъ былъ, при докладѣ объ окончательной постройкѣ капсюльнаго заведенія, объяснить государю причину такой значительной передержки и, во-вторыхъ, обвинить въ передержкѣ этой офицера, съ хорошей стороны извѣстнаго государю; да, наконецъ, нельзя было и знать, какъ государь приметъ подобный докладъ, можетъ быть, прикажетъ произвести слѣдствіе, которое Богъ знаетъ чѣмъ кончится. Всѣ эти причины, вѣроятно, заставили князя Чернышева дознаться до истины помимо департамента военныхъ поселеній, и на этомъ основаніи онъ далъ приказаніе состоявшему при немъ для особыхъ порученій генеральнаго штаба полковнику Глинкѣ повидаться со мною, просить меня въ откровенномъ сознаніи объяснить, по какому случаю мною сдѣлана такая огромная передержка, удостовѣриться въ истинѣ моихъ словъ и обо всемъ, что онъ узнаетъ, донести ему, князю Чернышеву. Мнѣ же о продѣлкахъ департамента военныхъ поселеній ничего не было извѣстно, и потому я немало удивился, получивъ въ одно утро слѣдующую записку:

«Состоящій при военномъ министрѣ генеральнаго штаба полковникъ Глинка проситъ его высокоблагородіе г-на инженеръ-капитана Жерве пожаловать къ нему, полковнику Глинкѣ, на квартиру завтрашняго числа утромъ въ 10 часовъ для объясненій по службѣ». Адресъ.

Глинку я никогда не видалъ. Какое могъ онъ имѣть дѣло, касающееся меня, я никакъ не могъ сообразить. Но какъ ни былъ я боленъ, на другой день поѣхалъ къ нему. Онъ жилъ недалеко отъ меня на Знаменской улицѣ, въ домѣ Яхонтова,—домъ мнѣ очень знакомый: еще при вступленіи моемъ въ кондукторскую роту мы жили въ немъ. Глинка принялъ меня очень вѣжливо, объявилъ, что имѣетъ весьма непріятное для меня порученіе отъ военнаго министра,

Digitized by Google

и объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло. Я крайне удивился его словамъ, но, нисколько не сконфузившись, усмѣхнулся. Замѣтивъ это, онъ сказалъ мнѣ:

— Какъ я вижу, къ моему большому удовольствію, вы, кажется, этимъ ничуть не встревожены.

— Скажите мнѣ, полковникъ, откровенно,—спросилъ я его,—военный министръ дѣйствительно желаетъ узнать всю правду въ этомъ дѣлѣ, или это только одна формальность?

— Военный министръ имѣетъ именно искреннее желаніе узнать всю правду, и если вы дѣйствительно сдѣлали неумышленную ошибку, слѣдствіемъ которой была громадная передержка, то князь обѣщаетъ вамъ свое полное покровительство.

— Потрудитесь, полковникъ, доложить князю, что я весьма благодаренъ его сіятельству за его милостивое предложеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаю, что оно, вѣроятно, не дастъ мнѣ случая воспользоваться имъ. А такъ какъ всякое серьезное дѣло можетъ быть выяснено только положительными фактами, то я не могу дать вамъ, полковникъ, никакого опредѣленнаго отвѣта прежде, чѣмъ вы возьмете на себя трудъ вытребовать изъ комитета, завѣдывавшаго постройкою капсюльнаго завода, подъ предсѣдательствомъ путей сообщенія генералъ-лейтенанта Ротмана, полное дѣло объ этой постройкѣ съ самаго начала. Когда же вы получите его, потрудитесь прислать за мною, и тогда я объясню вамъ все, уже основываясь на фактахъ.

Глинка, какъ казалось, очень обрадовался моему предложенію и сказалъ мнѣ:

— Вы такъ хладнокровно и увѣренно говорите со мною, что уже этимъ однимъ совершенно успокоили меня. По обязанности своей, я долженъ тотчасъ же дать отвѣтъ князю о нашей первой встрѣчѣ и воспользуюсь случаемъ сообщить ему о томъ пріятномъ впечатлѣніи, которое вы произвели на меня вашимъ спокойствіемъ, и предувѣдомляю васъ, что ваше оправданіе будетъ князю чрезвычайно пріятно, потому что только его проницательности можно будетъ приписать открытіе клеветы, которою васъ хотѣли запятнать.

Я очень поблагодарилъ Глинку за его участіе и ушелъ.

Дней черезъ пять полковникъ Глинка пригласилъ меня снова къ себѣ. Вхожу къ нему въ кабинетъ, вижу—указанное мною дѣло лежитъ на столѣ. Поздоровавшись со мною очень любезно, онъ показалъ мнѣ на дѣло.

— Прежде, чѣмъ приступлю къ объясненію,—сказалъ я,—которое подтвердится формальными документами, находящимися въ дѣлѣ, я считаю своею обязанностью передать вамъ обстоятельство, о которомъ здѣсь въ дѣлѣ вы ничего не найдете, и которое департаментъ военныхъ поселеній считалъ нужнымъ скрыть.

Тутъ я разсказалъ ему, какъ я нашелъ на мѣстѣ предполагавшагося

Digitized by Google

завода густой лѣсъ, о которомъ никто ничего не зналъ,—явная небрежность составителей проекта,—какъ для выигрыша времени подрядчику дозволили вырубить лѣсъ и выкорчевать пни, и за это въ его пользу былъ предоставленъ весь лѣсъ изъ 5000 здоровыхъ, толстыхъ сосенъ, не считая мелкаго лѣса. Не говоря о дровяномъ лѣсѣ, котораго получилось болѣе 150 саженъ, на строевомъ лѣсѣ казна потеряла minimum 20 тысячъ рублей серебромъ, считая каждое цѣльное, лишь хорошее дерево по самой умѣренной цѣнѣ въ 4 рубля. Объ этой утратѣ нигдѣ ничего не упомянуто, а между тѣмъ это факты неопровержимые, такъ какъ директоръ департамента военныхъ поселеній баронъ Корфъ и всѣ члены общаго присутствія это хорошо знаютъ, сами уговаривались съ подрядчикомъ; да и подрядчикъ, отставной генералъ-майоръ баронъ Розенъ, слишкомъ благородный человѣкъ, чтобы скрыть сдѣланное ему весьма выгодное предложеніе, если бы это понадобилось для моего оправданія. Это и была причина, почему я приступилъ къ работѣ цѣлымъ мѣсяцемъ позже, чѣмъ предполагалось. Все это я передаю вамъ для свѣдѣнія,—продолжалъ я:—хотите воспользоваться фактами—я готовъ представить вамъ факты, не угодно—я согласенъ оставить это дѣло безъ огласки.

— Нѣтъ, я не смѣю скрыть отъ князя такой неблаговидный поступокъ департамента военныхъ поселеній,—сказалъ Глинка.

Я передалъ ему адресъ подрядчика барона Розена и просилъ его вызвать и, по крайней мѣрѣ, изустно удостовѣриться въ справедливости моихъ словъ. На это Глинка согласился. Потомъ я объяснилъ ему, какъ, разсмотрѣвъ высочайше утвержденный проектъ капсюльнаго завода, составленный департаментомъ военныхъ поселеній, я нашелъ его совершенно неосновательнымъ и совершенно несоотвѣтствовавшимъ цѣли; какъ подалъ при рапортѣ докладную записку, въ 28-ми пунктахъ которой выяснилъ всѣ недостатки проекта, доказывая фактически, что предположенная постройка не заводъ, а казарма. Этотъ рапортъ и докладную мы отыскали въ дѣлѣ и прочли вмѣстѣ съ Глинкою. Затѣмъ я показалъ Глинкѣ мой второй рапортъ, въ которомъ просилъ департаментъ о командировкѣ меня въ Бельгію на заводъ Фалиса,—и третій мой рапортъ съ просьбою о прикомандированіи на время работъ капитана Лихачева, прибывшаго недавно изъ-за границы послѣ знакомства съ капсюльнымъ заводомъ Фалиса. Прочли мы также отказы всѣхъ моихъ предложеній, изложенныхъ въ трехъ рапортахъ, и мой четвертый рапортъ, которымъ предупреждалъ, что въ виду настоящій департамента я произведу работы согласно его проекту, но слагаю съ себя всякую отвѣтственность, если не представится возможности поставить и привести въ дѣйствіе машины Фалиса. Потомъ указалъ полковнику Глинкѣ возраженія Фалиса, почти тождественныя съ моими, сообщилъ ему о сдѣланномъ мною углубленіи въ 4 аршина подъ фундаментомъ главнаго зданія для парового котла, безъ

Digitized by Google

чего неминуемо пришлось бы срыть одну четверть зданія совершенно и вновь построить ее, напомнилъ, что эту добавочную работу я произвелъ на свой страхъ и уговорилъ на это дѣло подрядчика. Глинка не могъ надивиться моей осторожности и убѣдился въ моемъ знаніи дѣла, въ особенности, когда я показалъ ему, какъ ухитрился впослѣдствіи удовлетворить всѣмъ требованіямъ Фалиса и обуздать его алчность при желаніи воспользоваться сдѣланною ошибкою. Глинка просто изъ себя выходилъ, видя низость департамента военныхъ поселеній, который всю свою непростительную бездарность взваливалъ на меня. Онъ видимо былъ взволнованъ этой подлостью и довольно долго молча ходилъ взадъ и впередъ по кабинету. Наконецъ, немного успокоившись, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Повѣрьте мнѣ, капитанъ, я сумѣю настроить военнаго министра. Онъ выместитъ имъ за васъ хорошенько.

— Но не забудьте, полковникъ, что мнѣ вѣдь придется продолжать службу въ департаментѣ военныхъ поселеній; они мнѣ впослѣдствіи будутъ мстить, не забудутъ, что я ихъ такъ чувствительно задѣлъ.

— На этотъ счетъ будьте совершенно покойны,—возразилъ мнѣ Глинка.—Князь сумѣетъ поставить васъ такъ, что они не посмѣютъ васъ коснуться, и, вѣроятно, разрѣшитъ вамъ при малѣйшемъ непріятномъ случаѣ прямо явиться къ нему. Но мнѣ пришла въ голову еще одна мысль, чтобы имѣть полное понятіе о всемъ дѣлѣ: поѣдемте вмѣстѣ на капсюльный заводъ, и я съ вами осмотрю все подробно.

Я былъ этому очень радъ и сказалъ ему, что завтра утромъ, въ часъ, когда ему удобнѣе, заѣду за нимъ въ своемъ экипажѣ. На другое утро мы съ нимъ поѣхали на капсюльный заводъ, и здѣсь я еще подробнѣе объяснилъ ему все. Возвратившись, Глинка сказалъ мнѣ:

— Теперь я попрошу васъ, капитанъ, составить черновой докладъ для представленія военному министру; напишите все, не пропускайте ничего, не щадите никого и завтра утромъ пожалуйте ко мнѣ, мы его прочтемъ вмѣстѣ.

Такъ было и сдѣлано. Прочли мы черновой докладъ, который Глинка одобрилъ вполнѣ.

— Князь, вѣроятно, будетъ очень доволенъ докладомъ: онъ написанъ правдиво, энергически и дѣльно, коротко, ясно и безъ набора пустыхъ словъ. Къ завтрашнему утру онъ будетъ переписанъ набѣло, приходите, мы еще разъ прочтемъ бѣловой.

На другой день я пришелъ. Прочтя бѣловой докладъ, Глинка при мнѣ подписалъ его. Я сказалъ ему на прощаніе:

— Теперь для меня уже слишкомъ мало, что я буду оправданъ только передъ княземъ: я желалъ бы быть оправданъ и передъ всѣми. Потрудитесь передать мое желаніе князю.

Digitized by Google

— О, это непремѣнно. Я все передамъ князю,—успокоилъ меня Глинка.

Болѣзнь моя принимала все болѣе и болѣе суровые симптомы. Я иногда до того ослабѣвалъ, что долженъ былъ лежать въ постели, и исхудалъ страшно. Къ Святой мнѣ дали Станислава на шею, это меня порадовало, а вслѣдъ за этимъ я былъ назначенъ членомъ Петербургскаго поселеннаго инженернаго окружного управленія. Въ это время оба мои мальчика [1]) заболѣли корью, и я пригласилъ къ нимъ доктора Гейденрейха. Людвигъ Андреевичъ, осмотрѣвъ дѣтей, обратилъ вниманіе и на мое положеніе. Онъ освидѣтельствовалъ меня, разспросилъ подробно все о моей болѣзни и посовѣтовалъ мнѣ созвать консиліумъ и начать серьезно лѣчиться. Спустя дня три, пріѣхали ко мнѣ доктора: Зейдлицъ, Арндтъ, Здекауеръ и Гейденрейхъ, и на консиліумѣ согласились съ мнѣніемъ Гейденрейха, что у меня «Arthretism» въ желудкѣ, т. е. подагрическое разстройство. Рѣдкій случай подобной болѣзни привлекалъ множество докторовъ, мною вовсе не приглашенныхъ на консиліумы, которые повторялись еженедѣльно. Гейденрейхъ началъ мое лѣченіе пилюлями, въ составъ которыхъ входилъ адскій камень,—это былъ совершенно новый способъ лѣченія, который Гейденрейхъ впервые примѣнилъ къ практикѣ. Я принялъ въ первый день одну пилюлю, на слѣдующій—двѣ и такъ продолжалъ увеличивать пріемы до 18 пилюль, послѣ чего въ той же постепенности уменьшалъ пріемы, пока совсѣмъ не прекратилъ ихъ. При этомъ я соблюдалъ довольно строгую діэту и пилъ только сельтерскую воду. Средство Гейденрейха мнѣ очень помогло, и я поправился.

VIII.

Мое назначеніе смотрителемъ зданія главнаго штаба его императорскаго величества въ 1846 году. — Причины этого назначенія. — Вступленіе въ должность и новые порядки. — Торжественныя встрѣчи министра и отмѣна ихъ. — Распущенность команды.—Исправительныя мѣры и взысканія.—Мои помощники.—Посѣщеніе главнаго штаба императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1847 году.—Благосклонный отзывъ государя.—Осмотръ зданія главнаго штаба княземъ Чернышевымъ и данное имъ мнѣ полномочіе. — Награды. — Просьба военнаго министра и мой невольный отказъ ему.—Производство въ подполковники и новая должность.—Представленіе князю Чернышеву.—Подполковникъ Якубовскій.—Пріемъ отъ него дома военнаго министра. — Знакомство съ семействомъ князя Чернышева. — Прислуга. — Вода и газъ въ главномъ штабѣ. — Мои проекты объ усовершенствованіи водоснабженія и освѣщенія.—Порученіе князя Чернышева.

28 сентября 1846 года состоялся высочайшій приказъ, которымъ я назначенъ смотрителемъ зданія главнаго штаба его императорскаго величества. Хотя подобное назначеніе мнѣ казалось не совсѣмъ соотвѣтствующимъ званію инженернаго офицера, но причины по-

[1]) Сыновья дѣда: Николай и Владиміръ. В. Ж.

Digitized by Google

добнаго назначенія были весьма уважительны. Зданіе главнаго штаба огромное и еще увеличено въ 1846 году присоединеніемъ къ нему дома, купленнаго у вольно-экономическаго общества, на углу Невскаго проспекта и Адмиралтейской площади. Онъ былъ перестроенъ подъ одинъ фасадъ съ зданіемъ главнаго штаба и приспособленъ къ обширному помѣщенію военно-топографическаго депо съ чертежными и обширнымъ архивомъ. Смотрителемъ этого зданія состоялъ армейскій подполковникъ Петерсонъ, а архитекторомъ Русско, производившій работы въ зданіи. Вѣчныя распри и жалобы этихъ двухъ лицъ одного на другого, доходившія даже до государя, надоѣли страшно начальству, разбирательствамъ не было конца. Поэтому государю Николаю угодно было высказать военному министру князю Чернышеву мысль о назначеніи смотрителемъ зданія главнаго штаба одного хорошаго инженернаго офицера и сдѣлать его полнымъ хозяиномъ какъ по административной, такъ и по технической, строительной, экономической и хозяйственной частямъ. Тогда и всѣмъ дрязгамъ конецъ, и дѣло должно было навѣрное пойти хорошо. На этомъ основаніи военный министръ передалъ волю государя директору департамента военныхъ поселеній, и онъ избралъ меня. Я предполагалъ двѣ причины этого назначенія: во-первыхъ, постройка капсюльнаго завода показала весьма ясно, что дѣло свое по строительной части я знаю хорошо, а, во-вторыхъ, моя борьба съ департаментомъ военныхъ поселеній доказала, что на ногу себѣ наступить я никому не позволю; къ тому же отношенія, въ которыя поставленъ смотритель зданія главнаго штаба между генералъ-квартирмейстеромъ и дежурнымъ генераломъ съ одной стороны и между департаментами генеральнаго штаба и инспекторскимъ съ другой — были весьма щекотливы и требовали большаго такта и твердой настойчивости, чтобы не быть причиною ссоръ главныхъ лицъ и департаментовъ, какъ это случалось прежде. Между тѣмъ подполковникъ Петерсонъ вообразилъ себѣ, вѣроятно, что его смѣняютъ по моимъ интригамъ, и ему въ голову не приходила мысль, что онъ самъ былъ причиною своего смѣщенія. Ему покровительствовалъ тогда генералъ-квартирмейстеръ, генералъ-адъютантъ Бергъ. Дежурнымъ генераломъ былъ въ то время генералъ-адъютантъ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ. По обязанности вновь прибывшаго служащаго, я явился къ дежурному генералу Игнатьеву, принявшему эту должность отъ генерала Веймарна, послѣ должности директора пажескаго корпуса. Онъ помнилъ хорошо покойнаго Костю [1]), вообще благоволилъ ко всѣмъ членамъ нашей фамиліи и меня принялъ довольно ласково. Послѣ него я явился къ генералъ-квартирмейстеру, котораго засталъ въ кабинетѣ въ департаментѣ генеральнаго штаба. Онъ принялъ меня вѣжливо, но явно холодно — причина понятна.

[1]) Константинъ Карловичъ Жерве былъ дважды записанъ на мраморную доску въ пажескомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ 1837 году. В. Ж.

Digitized by Google

Пріемъ зданія главнаго штаба былъ очень затруднителенъ. Описей зданія не существовало, и я нашелъ только четыре старинныхъ плана, на которыхъ даже не было нанесено вновь присоединенное зданіе. Людей я опрашивалъ довольно подробно, одежду и вещи осматривалъ очень тщательно, но, слава Богу, ничего особеннаго не нашелъ. Хотя Петерсонъ сердился, что я такъ долго опрашивалъ и осматривалъ людей и вещи, — я при людяхъ же объяснилъ ему, что это необходимо для его и для моего спокойствія. Имущество, сбрую и лошадей я принялъ скоро, но трехъ лошадей не оказалось на лицо. За нихъ департаментъ генеральнаго штаба внесъ мнѣ деньги, на какомъ основаніи — не знаю... Наконецъ я принялъ зданіе и донесъ о томъ по командѣ; Петерсону выдалъ полную квитанцію.

На другой день послѣ моего вступленія въ должность, мой старшій помощникъ, титулярный совѣтникъ Мальковъ, приходитъ въ мундирѣ въ канцелярію, гдѣ я занимался съ Петерсономъ, и обращается ко мнѣ:

— Константинъ Карловичъ, пора идти къ дежурному генералу.

— Это зачѣмъ?—спросилъ я.

— Военный министръ сейчасъ будетъ изъ дворца.

— Такъ что же?

— Надо его встрѣтить.

— Это къ чему?

— Такъ велось искони, что смотритель, его помощникъ, фельдфебель и дежурный унтеръ-офицеръ всегда встрѣчаютъ его сіятельство у подъѣзда дежурнаго генерала.

— Это я нахожу совершенно лишнимъ. Потрудитесь переодѣться, и чтобы ни вы, ни фельдфебель, ни дежурный унтеръ-офицеръ при подъѣздѣ не были.

— Помилуйте, это невозможно, такъ всегда велось. Князь разсердится.

— Сдѣлайте одолженіе, не разсуждайте. Потрудитесь исполнить мое приказаніе въ точности, чтобы отнюдь никого не было у подъѣзда дежурнаго генерала.

Дѣлать нечего: приказаніе отдано опредѣленно. Со страхомъ, издалека посматривали эти господа, ожидая пріѣзда князя. Князь пріѣхалъ, посмотрѣлъ на обѣ стороны, не сказалъ ни слова и, не остановившись ни на минуту, вошелъ къ дежурному генералу. На другой день, на третій—то же самое. Этимъ и кончился пустой обрядъ потери времени. Петерсонъ, бывшій свидѣтелемъ отданнаго мною приказанія, не умѣлъ скрыть внутренней радости, что я прямо лѣзу на непріятности, но, узнавъ о результатѣ, крайне удивился: онъ полагалъ, что меня по крайней мѣрѣ посадятъ на гауптвахту, а кончилось все весьма благополучно. Не могли не удивиться и всѣ подчиненные мои, считая мой поступокъ крайне дерзкимъ. Но я зналъ, что имѣлъ дѣло съ умнымъ человѣкомъ, который, какъ и

Digitized by Google

оказалось, долженъ видѣть, что смотритель, желающій заниматься серьезно своимъ дѣломъ, не можетъ тратить время на пустыя встрѣчи.

Въ служительской командѣ я нашелъ страшную распущенность, исполненіе службы лѣнивое, нерадивое, пьянство сильное, воровство повторялось чуть не ежедневно, и всегда концы въ воду, виновныхъ нѣтъ слѣдовъ никакихъ. За это я принялся прежде всего, строго слѣдилъ, и если въ командѣ какого либо унтеръ-офицера случалось воровство или пьянство, я тотчасъ или прогонялъ его совсѣмъ изъ команды или разжаловалъ. Я завелъ приказную книгу и объявилъ въ приказѣ по командѣ, чтобы сторожа неусыпно слѣдили другъ за другомъ, а не потворствовали воровству; предупредилъ, что виновныхъ непремѣнно найду и не пощажу ихъ, и что никакая вина не будетъ прощена и повлечетъ за собою соотвѣтствующее наказаніе; что пока не будетъ строгаго порядка и самаго точнаго исполненія отдаваемыхъ мною приказаній, я неусыпно буду слѣдить за каждымъ человѣкомъ. Оказалось большое неудобство въ томъ, что всѣ чиновники, жившіе въ зданіи, имѣли при себѣ сторожей въ услуженіи, и какъ только, бывало, кто либо изъ нихъ провинится, сейчасъ же присылались записки съ просьбами простить виновнаго, расхваливая его, убѣждая и т. д. Чтобы разъ навсегда прекратить всѣ ходатайства, такъ какъ объ одномъ сторожѣ получались иногда 3—4 записки, я объявилъ всѣмъ, что строго буду держаться отданнаго приказанія, и никакія просьбы не отмѣнятъ наказанія за вину. Перестали поступать просительныя записки.

Мнѣ удалось, наконецъ, открыть цѣлую шайку воровъ, и я дознался, куда они сбывали краденыя вещи. Чтобы разбить эту шайку, я въ одинъ мѣсяцъ исключилъ 30 человѣкъ и 4-хъ унтеръ-офицеровъ команды. Дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ: унтеръ-офицеры стали расторопны, люди начали побаиваться не на шутку. Фельдфебель Меньшагинъ былъ толковый, отлично знавшій свое дѣло человѣкъ, но стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Моимъ предмѣстникомъ онъ былъ поставленъ въ такое положеніе, которое не соотвѣтствовало его званію: я далъ ему больше правъ, больше власти. Прекратилъ также всякое наушничество, въ особенности г. Малькова, который безпрестанно имѣлъ что нибудь передать мнѣ «по секрету». Однажды я выслушалъ его спокойно, но потомъ послалъ за лицами, о которыхъ онъ мнѣ говорилъ, и попросилъ его при нихъ повторить то, что онъ сказалъ раньше. «Помилуйте, я говорилъ это только собственно вамъ», сказалъ онъ.—Отчего же?—спросилъ я.—Если то, что вы говорили, правда, то вамъ нечего скрывать, и вы можете повторить ваши слова при всѣхъ, а если—неправда, то вамъ не слѣдовало говорить о томъ и мнѣ. Въ службѣ у меня секретовъ нѣтъ. Полагаю, вы уже достаточно видѣли, что я во всемъ дѣйствую открыто, ни въ чемъ не стѣсняюсь при исполненіи своей

Digitized by Google

обязанности и никакихъ несправедливыхъ навѣтовъ не допущу. Пусть всякій знаетъ, что я дѣлаю, и я увѣренъ, что каждый здравомыслящій человѣкъ найдетъ мои поступки правдивыми, а болѣе мнѣ ничего не надо.—Этимъ я прекратилъ всякое наушничество.

При встрѣчахъ на улицѣ люди не умѣли отдавать воинской чести начальствующимъ лицамъ, уходили со двора безъ спроса и не по формѣ одѣтыми. Я завелъ свою учебную команду, гдѣ по очереди человѣкъ по 10—15 обучались основнымъ правиламъ фронтовой службы: они должны были знать повороты, какъ останавливаться, какъ отдавать честь, какъ отвѣчать при встрѣчѣ съ начальниками и проч. Фельдфебелю и частнымъ унтеръ-офицерамъ я приказалъ строго наблюдать, чтобы никто не уходилъ безъ спроса, и дабы увольняемые люди были одѣты по формѣ, чисто и опрятно; ходилъ самъ на ученіе, какъ можно чаще осматривалъ бѣлье и вещи, часто по ночамъ обходилъ казармы и строго взыскивалъ, если находилъ безпорядки или карточную игру. Такой порядокъ крайне не понравился распущеннымъ людямъ, и несмотря на то, что въ три мѣсяца я исключилъ до 60 негодяевъ и четырехъ унтеръ-офицеровъ, которыхъ отправилъ въ отдаленныя мѣста (на Аландъ, въ Оренбургъ и даже въ Сибирь), все-таки прошло еще болѣе года, пока я привелъ команду въ надлежащій порядокъ. Однажды фельдфебель при рапортѣ доложилъ мнѣ, что 12 человѣкъ просятся на Кавказъ. Я приказалъ составить имъ списокъ, собралъ всю команду и сказалъ имъ, что 12 человѣкъ желаютъ служить на Кавказѣ,—дѣло похвальное. Вызвалъ ихъ всѣхъ по списку и спросилъ, какая причина ихъ просьбы,—уважительныхъ причинъ не оказалось. Потомъ я спросилъ, не имѣютъ ли они претензіи на начальство или, можетъ быть, имъ не выдали всего имъ слѣдуемаго,—и этого не оказалось. Изъ всего мною слышаннаго, объявилъ я имъ, видно, что все это... что все это одинъ капризъ и самовольство, а этого въ службѣ не допускается. Велѣлъ принести скамейку и розогъ и съ перваго до послѣдняго, несмотря ни на какія мольбы, наказалъ какъ слѣдуетъ; затѣмъ спросилъ, нѣтъ ли еще желающихъ на Кавказъ или въ другія мѣста,—желающихъ не оказалось. И какъ рукой снялъ я на будущее время всякую мысль о неповиновеніи, люди сдѣлались шелковые, и дѣло пошло, какъ по маслу. Прекратились воровства, въ большой мѣрѣ пьянство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣлесныя наказанія. Я сталъ принимать людей только по особымъ рекомендаціямъ, съ ручательствомъ за хорошее поведеніе.

Моего старшаго помощника Малькова, котораго я успѣлъ сбыть, доставивъ ему мѣсто смотрителя преображенскихъ казармъ, смѣнилъ Алексѣевъ. У него на рукахъ былъ провіантъ для людей и фуражъ для лошадей. Я очень хорошо видѣлъ, что онъ меня обманываетъ, но трудно было мнѣ обнаружить всѣ его ухищренія. Однако, чтобы прекратить зло, по крайней мѣрѣ, относительно людей, я приказалъ

Digitized by Google

составить списокъ имъ, ежемѣсячный приходъ провіанта, расходъ его и остатокъ для продажи въ экономическую сумму команды, количество проданнаго экономическаго провіанта и сумму выручки. Такіе отчеты, за подписью Алексѣева, я велѣлъ выставить во всѣхъ помѣщеніяхъ и возобновлять ихъ ежемѣсячно. Этимъ распоряженіемъ, видимо, люди были очень довольны. Но такъ какъ Алексѣевъ мошенничалъ вмѣстѣ съ капитенармусомъ и артельщиками, то я все-таки не совсѣмъ былъ увѣренъ, что эта мѣра радикально уничтожила зло. Тѣмъ не менѣе пока и этого было достаточно: по крайней мѣрѣ, люди видѣли, что я желаю быть справедливымъ и ни въ какіе компромиссы не вхожу.

Не прошло и четырехъ мѣсяцевъ послѣ моего назначенія смотрителемъ зданія, какъ военный министръ увѣдомилъ меня, что государь желаетъ осмотрѣть главный штабъ. Такъ скоро встрѣтить государя я никакъ не ожидалъ, а потому мнѣ стоило много хлопотъ представить государю зданіе въ болѣе блестящемъ видѣ. Но, зная хорошо, что̀ именно государь любитъ при осмотрѣ работъ вообще, и принимавши его столько разъ на своихъ работахъ въ Бобруйскѣ, я все-таки успѣлъ приготовить все, что возможно было для пріема государя. Я составилъ также краткое статистическое описаніе зданія, на маломъ форматѣ бумаги, въ $^1/_{16}$ долю листа: подъ печатными заголовками было показано, сколько въ зданіи живущихъ мужскаго и женскаго пола, сколько чиновниковъ и служителей, сколько постороннихъ лицъ, сколько жилыхъ и нежилыхъ помѣщеній и проч. Когда государь подъѣхалъ къ главному входу, съ угла Невскаго проспекта, въ прихожей уже собрались военный министръ, генералъ-квартирмейстеръ, дежурный генералъ и много другихъ лицъ. Я встрѣтилъ государя, отрапортовалъ о благополучіи и подалъ ему краткое описаніе зданія. Государь раскланялся съ присутствовавшими и, поднимаясь по лѣстницѣ, прочиталъ записку.

— Это очень недурно придумано,—сказалъ онъ. — Не худо бы принять къ руководству и при другихъ казенныхъ зданіяхъ и заведеніяхъ,—и передалъ записку дежурному генералъ-адъютанту. Затѣмъ, обратившись ко мнѣ, спросилъ:

— Какъ твоя фамилія?

Я назвалъ себя.

Государь, будто обрадовавшись, сказалъ:

— Изъ Вобруйска?

— Точно такъ, ваше величество.

— Однако мы, братъ, съ тобою оба порядкомъ постарѣли.

Обратился потомъ къ князю Чернышеву и сказалъ:

— Рекомендую тебѣ, князь: это мой старый сотрудникъ, мы съ нимъ много поработали (вѣроятно, вспомнилъ нашъ бывшій споръ) и спорили,—сказалъ государь съ усмѣшкою. — Прошу любить и жаловать,—это мой старый камрадъ.

Digitized by Google

Подъ впечатлѣніемъ такого отзыва государя все оказалось въ самомъ лучшемъ видѣ. Онъ многое обошелъ, подъ конецъ сталъ уставать и приказалъ мнѣ проводить его къ выходу. Я повелъ государя обратно. Онъ благодарилъ меня за все сдѣланное въ такое короткое время и, обратившись ко всѣмъ возлѣ него стоявшимъ, громко сказалъ:

— Теперь я спокоенъ и увѣренъ, что дѣло пойдетъ прекрасно.— Указавъ на меня, государь прибавилъ: — У него никакое дѣло изъ рукъ не выпадетъ,—и уѣхалъ.

Здѣсь были и баронъ Корфъ, и баронъ Притвицъ, вице-директоръ департамента военныхъ поселеній. Князь Чернышевъ и всѣ прочіе обратились ко мнѣ съ большимъ сочувствіемъ, и князь, вспомнивъ, вѣроятно, мое дѣло съ департаментомъ военныхъ поселеній, сказалъ:

— Я очень, очень радъ, что государь лично васъ такъ хорошо знаетъ и остался всѣмъ такъ доволенъ, и еще больше радъ, что я въ васъ не ошибся. Надѣюсь, что мы съ вами будемъ часто видѣться.

Спустя дня три-четыре, я получилъ извѣщеніе, что военный министръ князь Чернышевъ будетъ осматривать зданіе. Я не понялъ сначала цѣли этого посѣщенія, но во всякомъ случаѣ былъ имъ доволенъ, такъ какъ князь явно благоволилъ ко мнѣ. Опять собралось все начальство главнаго штаба и департамента военныхъ поселеній. Князь прибылъ, и я такъ же, какъ и государю, отрапортовалъ ему и подалъ статистическую записку. При этомъ онъ обратился къ дежурному генералу Игнатьеву:

— А, кстати, государю очень понравился придуманный капитаномъ Жерве способъ давать краткое понятіе о посѣщаемомъ зданіи. Надо подобныя записки примѣнить ко всѣмъ казеннымъ помѣщеніямъ, а потому отдайте приказъ по военному министерству и приложите для образца копію съ этой записки, я подпишу.

Затѣмъ я повелъ князя для осмотра зданія, но осмотръ былъ крайне непродолжительный, послѣ чего князь въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ меня и сказалъ:

— Трудитесь и приведите мнѣ зданіе главнаго штаба въ стройный порядокъ, на что я съ полнымъ убѣжденіемъ уповаю. Знаю, что эта задача очень нелегкая: вы полный и единственный хозяинъ, строитель, архитекторъ и администраторъ этого огромнаго зданія, но вижу, что вы съ самаго начала принялись съ усердіемъ и знаніемъ за дѣло и повели его такъ, какъ до васъ никому и въ голову не приходило. Полагаю при томъ, что встрѣтите непремѣнно препятствія и несогласія съ вашимъ взглядомъ на дѣло; потому, чтобы доказать вамъ полное довѣріе,—во всѣхъ случаяхъ, когда вы найдете малѣйшее сопротивленіе вашимъ распоряженіямъ или препятствіе къ исполненіе вашихъ требованій,—разрѣшаю вамъ дѣйство-

Digitized by Google

вать моимъ, военнаго министра, именемъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ окинулъ взглядомъ все окружавшее насъ начальство.

Князь снова обратился ко мнѣ, подалъ мнѣ руку.

— Прощайте, благодарю васъ еще разъ. Продолжайте смѣло начатое вами дѣло и будьте увѣрены въ моей поддержкѣ.

Надо сказать, что князь Чернышевъ держалъ себя чрезвычайно высоко; онъ не былъ гордъ, но важенъ, не былъ надменъ, но трудно доступенъ всѣмъ, кромѣ своихъ приближенныхъ. Отъ подобнаго человѣка такія ласки и такія права удивили всѣхъ и меня—больше всего. Я сталъ на твердую ногу и поднялся во мнѣніи начальства и сослуживцевъ—со мною, значитъ, нельзя было обойтись безъ осторожности и вниманія. Во избѣжаніе всякихъ сомнѣній, я формальнымъ рапортомъ донесъ департаменту военныхъ поселеній о данномъ мнѣ военнымъ министромъ правѣ и просилъ передать слова его сіятельства въ оба департамента—инспекторскій и генеральнаго штаба [1]).

Немного времени спустя, я былъ вызванъ къ барону Корфу, который отъ имени военнаго министра передалъ мнѣ, что князь, видя мои распоряженія, которыми день ото дня становится все болѣе и болѣе доволенъ, проситъ принять въ мое вѣдѣніе и домъ военнаго министра, въ которомъ онъ живетъ, и что завѣдывающимъ этимъ домомъ подполковникомъ Якубовскимъ онъ очень недоволенъ. На это я сказалъ барону Корфу, что довѣріе князя считаю для себя большою честью и при первой возможности исполню его приказаніе, но пока прошу его еще немного подождать, такъ какъ приведеніе въ порядокъ зданія главнаго штаба, найденнаго мною въ крайне запущенномъ видѣ, а также дома военной академіи (нынѣ Николаевская академія генеральнаго штаба), которымъ я еще вовсе не успѣлъ заняться,—отнимаетъ у меня всякую возможность принять домъ военнаго министра. Баронъ удивился моему отказу.

— Какъ же можно отказать военному министру въ его просьбѣ? Вѣдь это то же приказаніе. Будьте осторожны: князь можетъ разсердиться, и вы все потеряете.

Но я успокоилъ Корфа:

— Если я приму домъ, то мнѣ придется заняться имъ серьезно, потому что отъ хорошаго управленія домомъ зависитъ спокойствіе живущихъ въ немъ. А такъ какъ я не имѣю на это времени и не вижу возможности принимаемую на себя обязанность исполнять доб-

---

[1]) Послѣ посѣщеній главнаго штаба государемъ и военнымъ министромъ, дѣдъ удостоился высочайшихъ наградъ, офиціально подтвердившихъ милостивое къ нему отношеніе покойнаго Николая Павловича. Въ послужномъ спискѣ дѣда значится: «1847 г. января 16—за содержаніе и устройство въ отличномъ видѣ дома генеральнаго (главнаго) штаба объявлено высочайшее благоволеніе. 1847 г. апрѣля 21—за отличіе по службѣ (произведенъ) въ подполковники».

В. Ж.

Digitized by Google

росовѣстно, то лучше предупредить князя, чѣмъ потомъ навлечь на себя непріятность.

Когда баронъ Корфъ передалъ князю мои слова, то онъ сказалъ:

— Жаль, очень жаль. Ну, нечего дѣлать, надо подождать. Я изъ этого вижу, что Жерве не хочетъ дѣлать свое дѣло какъ нибудь, а добросовѣстно. Во всякомъ случаѣ передайте ему, что я все-таки желаю, чтобы онъ скорѣе принялъ домъ, въ которомъ я живу.

Корфъ передалъ мнѣ слова князя, и я обѣщалъ постараться при первой возможности исполнить его приказаніе.

Прежняя холодность Берга очень скоро обратилась въ самое лучшее ко мнѣ расположеніе. Онъ вскорѣ увидѣлъ, что дѣла идутъ несравненно лучше, команда точно переродилась, воровство уничтожено, пьянство, по возможности, прекращено. Чердаки, которые я нашелъ въ неописуемомъ видѣ, очищены (одного голубинаго помета свезли съ чердаковъ 8 возовъ, не говоря о мусорѣ). По новымъ правиламъ, едва смеркнется, каждый частный унтеръ-офицеръ обязанъ былъ запирать всѣ чердаки своей части на замокъ. Ключи со всѣхъ чердаковъ сносились внизъ, гдѣ висѣли подъ надзоромъ часового на особой вѣшалкѣ подъ воротами Кушелевскаго двора; кромѣ фельдфебеля и дежурнаго унтеръ-офицера, никто не имѣлъ права брать ключей. Безъ дежурнаго унтеръ-офицера на чердакъ съ огнемъ никто не входилъ, и лица, имѣвшія надобность на чердакъ, всегда сопровождались дежурнымъ.

Къ Святой 1847 года, за отличіе по службѣ, меня произвели въ подполковники. Надо было видѣть радость матери, когда она увидала меня въ штабъ-офицерскихъ эполетахъ. Вскорѣ послѣ производства, когда князь мимоходомъ напомнилъ Корфу о своемъ домѣ, я согласился принять его. Баронъ Притвицъ повезъ меня въ канцелярію военнаго министерства, гдѣ князь приказалъ мнѣ къ нему явиться. Я былъ поставленъ въ длинный рядъ представлявшихся въ тотъ день генераловъ, полковниковъ и проч. Князь вышелъ изъ кабинета и вѣжливо, но важно сталъ принимать представлявшихся ему. Князь Чернышевъ въ осанкѣ своей и въ пріемахъ имѣлъ что-то невольно внушавшее уваженіе и нѣкоторую сдержанность. Надо сказать, что въ свое время онъ былъ совершенный красавецъ: прекрасное лицо съ умнымъ выраженіемъ, красивые, блестящіе каріе глаза, одѣтъ всегда чисто и щегольски. Всѣ слухи о немъ, что онъ румянится, шнуруется и употребляетъ разныя косметическія средства для приданія себѣ болѣе моложаваго вида, совершенно несправедливы, въ чемъ я легко могъ удостовѣриться лично, часто присутствуя при его туалетѣ, когда бывалъ впослѣдствіи по утрамъ у него. Правда, онъ носилъ всегда прекрасный парикъ; парики онъ получалъ обыкновенно изъ Парижа, и приготовлялъ ихъ ему его камердинеръ, крѣпостной человѣкъ Петръ. Кромѣ того, онъ носилъ

Digitized by Google

еще челюсти отлично сдѣланныхъ зубовъ, которыя также получалъ изъ Парижа; на ночь онъ опускалъ ихъ въ стаканъ свѣжей воды, стоявшій на маленькомъ столикѣ подлѣ кровати его. Князь всегда держался прямо, роста былъ болѣе средняго, не толстъ, но плотенъ. Когда онъ обходилъ представлявшихся, то никому не подавалъ руки, нѣкоторымъ говорилъ нѣсколько словъ, съ рѣдкими разговаривалъ нѣсколько больше, обыкновенно же только кивнетъ головой и пройдетъ дальше. Дежурный при немъ адъютантъ читалъ званія и фамиліи представлявшихся и пояснялъ причины представленія каждаго лица.

Когда очередь дошла до меня, князь прямо подошелъ ко мнѣ, подалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Очень радъ, что вы, наконецъ, согласились вступить въ новую должность,—и сдѣлалъ мнѣ глубокій поклонъ.—Отдаю себя въ ваше полное распоряженіе.

— Я глубоко чувствую ту честь и все то довѣріе, которымъ ваше сіятельство меня почтили,—отвѣтилъ я.

Князь улыбнулся и сказалъ отходя:

— Надѣюсь, будемъ часто видѣться.

Признаюсь, я былъ тронутъ его ласкою, сдѣлалъ ему низкій поклонъ,—и это вовсе не удивительно, потому что вмѣсто ласки я могъ ожидать холодный пріемъ за мою медленность въ принятіи должности. Зато описать, что дѣлалось съ тѣми, кто были свидѣтелями такой изъ ряду вонъ выходящей ласки князя, я не берусь. Взглянувъ на нихъ, я увидѣлъ удивленіе, недоумѣніе: имъ казалось непонятнымъ, чѣмъ я, подполковникъ, могъ заслужить столь большое вниманіе такого лица, которое имъ, гораздо болѣе заслуженнымъ, было недоступно. Когда я уходилъ, образовался проходъ, какъ бы между шпалерами, и всѣ мнѣ по очереди поклонились, а нашъ вице-директоръ баронъ Притвицъ, который представлялъ меня князю, былъ въ восторгѣ.

Я немедленно приступилъ къ пріему дома министра, нисколько не затруднилъ подполковника Якубовскаго въ сдачѣ, но, познакомившись съ нимъ при этомъ нѣсколько короче, я вовсе не удивился, что князь имъ былъ недоволенъ. Это былъ человѣкъ, можетъ быть, и хорошій, но безъ всякаго образованія, неотесанный простакъ, съ грубыми манерами. Онъ былъ далеко необходительный и вообще совершенно не подходящій къ занимаемой имъ должности, въ особенности, если принять во вниманіе, какъ я и предполагалъ, что онъ долженъ былъ нерѣдко по разнымъ случаямъ обращаться къ самой княгинѣ. Не затруднять его въ сдачѣ дома я считалъ своею обязанностью, потому что, во-первыхъ, «лежачаго не бьютъ», а, во-вторыхъ, и потому, что я надѣялся все исправить и уладить какъ слѣдуетъ тѣми средствами, которыя были въ моихъ рукахъ по управленію тремя такими значительными домами (главный штабъ, воен-

Digitized by Google

ная академія и домъ военнаго министра); къ тому же я узналъ, что Якубовскій претерпѣваетъ уже второе фіаско. Онъ былъ назначенъ отъ воротъ-майоромъ Зимняго дворца для завѣдыванія имъ и, какъ неотесъ, поднялъ свой носъ слишкомъ высоко. Между прочимъ, онъ отпустилъ себѣ бороду à la jeune France. Это увидѣлъ государь, разсердился и посадилъ его на гауптвахту. Якубовскаго смѣнили и на его мѣсто назначили Карла Леонтьевича Кубе, также подполковника, который на этой должности достигъ всего, что только можно достигнуть, и пользовался большимъ расположеніемъ всей царской фамиліи.

Въ ближайшее воскресеніе послѣ моего представленія князю я пріѣхалъ къ нему въ мундирѣ, но безъ шарфа, для полученія приказаній. Онъ только что возвратился отъ государя, не заставилъ себя долго ждать и принялъ меня очень мило.

— Я очень радъ,—сказалъ онъ,—что вы пришли: я представлю васъ княгинѣ.

Ведя меня по внутренней лѣстницѣ на верхъ, онъ спросилъ меня, говорю ли я пофранцузски, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, очень ему обрадовался:

— Это много облегчитъ ваши сношенія съ княгиней, которая у меня полная хозяйка въ домѣ.

Придя на верхъ, онъ попросилъ меня подождать, а самъ пошелъ къ княгинѣ. Спустя минутъ пять, князь возвратился и сказалъ:

— Княгиня не совсѣмъ здорова и сожалѣетъ, что не можетъ васъ принять. Но теперь это уже ничего не значитъ: при первой надобности она васъ пригласитъ и, такъ какъ уже совершенно предувѣдомлена мною, то вы можете представиться ей сами. Князь поклонился мнѣ, и я ушелъ.

Прошло недѣли двѣ. Я успѣлъ познакомиться со всѣми подробностями дома и узналъ, между прочимъ, что factotum въ домѣ англичанка miss Corr. Дровами и освѣщеніемъ завѣдывалъ вахтеръ Петровъ, человѣкъ хотя и расторопный, но выпивавшій иногда; однако такъ какъ онъ хорошо ладилъ съ людьми, то я его оставилъ пока на мѣстѣ. Подъ его надзоромъ состояла команда въ 20 человѣкъ; изъ нихъ 9 человѣкъ были постоянно у воротъ на часахъ, 1 въ помощь швейцару, 2 на кухнѣ; главный поваръ m-r Lefort, славный мастеръ своего дѣла и хорошій человѣкъ, не любилъ дрязгъ и держалъ себя хорошо. Изъ крѣпостныхъ людей занималъ должность швейцара Алексѣй; два лакея, Андрей и Филиппъ, прислуживали у стола,— изъ нихъ Андрей былъ очень хорошій кондитеръ, Петръ, камердинеръ князя, и при немъ мальчикъ помощникъ. Сверхъ того, нанимались выѣздной для князя и выѣздной для княгини и одинъ кучеръ для нея же. Въ распоряженіи князя былъ придворный экипажъ, — двухмѣстная карета и четверка лошадей съ форейторомъ постоянно стояла готовою для князя. Лошади стояли въ княже-

Digitized by Google

ской конюшнѣ, но кормились на счетъ придворной конюшенной конторы; кучеръ и форейторъ получали жалованье и харчевыя деньги оттуда же. Зиму и лѣто князь ѣздилъ въ двухмѣстной каретѣ, запряженной четверкою цугомъ, и всегда съ лакеемъ въ военной ливреѣ. Выѣзднаго лакея нанималъ князь отъ себя, кормилъ и одѣвалъ самъ.

Въ штабѣ и въ домѣ академіи мало-по-малу порядокъ началъ явно высказываться. Въ академіи у меня былъ смотрителемъ отставной майоръ Терещенко, бездарный хохолъ; при присмотрѣ за нимъ исполнялъ свою должность хотя не отлично, но порядочно. Я его не стѣснялъ и предоставлялъ ему полное завѣдываніе командой, освѣщеніемъ и отопленіемъ, но случалось съ нимъ ссориться за безпечность и недовольно добросовѣстное исполненіе своей обязанности. Долго не могъ онъ привыкнуть къ мысли, что прежде всего дѣло нужно вести такъ, чтобы не вызывать жалобъ, а потомъ уже думать о себѣ; терпѣніемъ и настойчивостью, «потихоньку да полегоньку» я поставилъ его на надлежащую точку.

Зданіе главнаго штаба въ 1846 году было вновь перестроено переименованнымъ изъ архитекторовъ въ майоры Иваномъ Денисьевичемъ Черникомъ, казакомъ по рожденію. Онъ очень хорошо рисовалъ, щегольски, красиво умѣлъ представлять чертежи проектовъ, но о практическомъ исполненіи ихъ не имѣлъ никакого понятія. Черникъ встрѣтилъ во время поѣздки своей за границу наслѣдника, нынѣ царствующаго государя Александра Николаевича, и, представившись наслѣднику, понравился ему. Благодаря ему же, онъ былъ, какъ выше сказано, переименованъ въ майоры, состоялъ въ корпусѣ инженеровъ военныхъ поселеній и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ общаго присутствія департамента. Ему была поручена перестройка главнаго штаба, и онъ, правду сказать, показалъ при этомъ, что умѣетъ ладить съ подрядчиками, и, кажется, при этой постройкѣ нажилъ себѣ хорошія деньги. Однако онъ дѣло сдѣлалъ очень неладно, и мнѣ приходилось возиться года три сряду, пока разными средствами удалось все исправить. Такъ, напримѣръ, я нашелъ 9 печей, у которыхъ трубы были пробиты только по одному этажу, а выше оставлены глухими,— разумѣется, онѣ постоянно дымили; только при лѣтнихъ работахъ слѣдующаго года недостатокъ былъ обнаруженъ и исправленъ. Генеральный штабъ и передѣланное изъ дома вольно-экономическаго общества военно-топографическое депо были крайне небрежно отдѣланы. Всѣ перемычки надъ дверьми растрескались, и эти трещины продолжаютъ ежегодно показываться и по сіе время, несмотря на исправленія и перекладки ихъ вновь; балки въ потолкахъ положены или слишкомъ тонкія или рѣдко, приходилось почти ежегодно перебирать всѣ потолки, чтобы избавиться отъ постоянныхъ трещинъ; было много и другихъ недостатковъ. О трещинахъ надъ перемычками я доносилъ даже формально,

Digitized by Google

но такъ какъ Черникъ всегда присутствовалъ при освидѣтельствованіяхъ ихъ, то всегда дѣло кончалось замазываніемъ да заштукатуркою.

Къ князю въ домъ я ходилъ ежедневно и очень часто видѣлся съ нимъ. Недѣли двѣ спустя послѣ моего частнаго представленія князю я получилъ извѣщеніе, что княгиня желаетъ меня видѣть и ждетъ меня въ часъ по полудни у себя. Когда я пріѣхалъ, она не заставила себя ждать и приняла меня въ верхнемъ этажѣ въ своей (не парадной) гостиной, подлѣ спальни, очень мило и съ комфортомъ убранной комнатнымъ ситцемъ и обставленной хорошенькою мебелью. Я вошелъ въ комнату и, поклонившись, началъ съ того, что представляюсь по ея приказанію.

— A, m-r Gervais, je suis très contente de vous recevoir enfin. Le Prince m'a dit tant de bonnes choses de vous, que je suis pleinement persuadée que nous arrangerons nos affaires de ménage à merveille [1]).

— M-me la Princesse, j'ose dire que le Prince me comble de tant de bonté que je suis tout à fait confondu comment les meriter [2]).

— Nous nous entendrons, mon cher m-r Gervais, je ne suis pas trop exigeante, ni capricieuse, mais je desire l'ordre dans ma maison et la bonne volonté de mon entourage, ce qui m'est très mal reussis jusqu'à present [3]).

При этомъ княгиня обратилась ко мнѣ съ какою-то пустою просьбою, исполнить которую я не нашелъ ни малѣйшаго затрудненія. Черезъ нѣсколько дней случилось то же, потомъ она пожелала сдѣлать небольшое перемѣщеніе людей, что повлекло за собою передѣлку двухъ печей и постановку небольшой перегородки. Когда я согласился и на эти просьбы съ полною любезностью, тогда княгиня воскликнула:

— Mais mon Dieu, je commence à respirer, c'est tout à fait autrement que comme il était jusqu'à present. Permettez que je vous prèsente mon factotum, ma ménagère, une anglaise qui m'est attachée corps et âme [4]).

Княгиня позвонила и вошедшему человѣку приказала позвать miss Corr. Вошла женщина болѣе чѣмъ средняго роста, лѣтъ 37—38,

---

[1]) «А, m-r Жерве, я очень рада наконецъ васъ принять. Князь говорилъ мнѣ о васъ такъ много хорошаго, и я вполнѣ увѣрена, что мы поведемъ наши дѣла чудесно».

[2]) «Княгиня, осмѣлюсь сказать, князь такъ добръ ко мнѣ, что я совершенно смущенъ и не знаю, чѣмъ заслужить это».

[3]) «Мы сойдемся, милѣйшій m-r Жерве, я не слишкомъ требовательна, не капризна, но желаю порядокъ въ моемъ домѣ и добрую волю окружающихъ меня, что до сихъ поръ мнѣ мало удавалось».

[4]) «О, я могу вздохнуть свободно: теперь все пошло иначе, чѣмъ было прежде. Позвольте вамъ представить моего factotum, мою экономку, англичанку, которая мнѣ предана душою и тѣломъ».

Digitized by Google

дородная, очень прилично одѣтая. Княгиня представила ее мнѣ и просила соглашаться на всѣ предложенія miss Corr, а ей предложила во всѣхъ случаяхъ прямо обращаться ко мнѣ. Я видѣлъ, въ чемъ дѣло, и нетрудно было догадаться, что, живя въ согласіи съ miss Corr, дѣло можно повести хорошо; имѣя же въ главномъ штабѣ команду мастеровыхъ въ 40 человѣкъ, легко возможно было удѣлять по временамъ на работы по дому князя нѣсколькихъ человѣкъ для исполненія желаній княгини. Miss Corr ушла, княгиня поблагодарила меня и увѣряла, что, по крайней мѣрѣ, первое впечатлѣніе отъ моего разговора съ нею было для нея пріятное; подала мнѣ руку, и я ушелъ.

Должно быть, княгиня описала своему мужу нашу первую встрѣчу въ очень живыхъ краскахъ. На другой день, вернувшись отъ дежурнаго генерала, онъ приказалъ посмотрѣть, въ домѣ ли я. Случайно я находился тамъ, исполняя какое-то порученіе княгини. Князь приказалъ меня просить къ себѣ, и я сказалъ человѣку, что тотчасъ приду, если князь разрѣшитъ мнѣ прійти въ сюртукѣ, какъ я на работѣ.

— Князь просилъ васъ пожаловать, какъ вы теперь одѣты,— сказалъ человѣкъ.

Я пошелъ къ нему въ кабинетъ. Князь сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ; онъ встрѣтилъ меня съ веселою улыбкою, попросилъ меня подойти, подалъ мнѣ руку и, посадивъ подлѣ себя, сказалъ:

— Такъ какъ я по всему вижу, что теперь вы уже сдѣлаетесь у насъ своимъ человѣкомъ, то долженъ вамъ сказать, что только и живу для того, чтобы моя княгиня была всѣмъ довольна и покойна. Вотъ почему я вамъ чрезвычайно благодаренъ за то, что съ перваго раза вы успѣли пріобрѣсти ея совершенное расположеніе. Она отзывалась о васъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ и очень благодарила меня за сдѣланный мною выборъ. Остальное уже будетъ зависѣть отъ того, какъ вы поведете дѣло впослѣдствіи; впрочемъ, я убѣжденъ, что все пойдетъ хорошо, такъ какъ первый шагъ сдѣланъ удачно.

— Ваше сіятельство, — отвѣтилъ я князю, — вы можете быть вполнѣ убѣждены, что я приложу всѣ возможныя старанія, дабы быть полезнымъ и пріятнымъ княгинѣ. Но такъ какъ я не могу быть постоянно въ домѣ, то желалъ бы получить разрѣшеніе вашего сіятельства имѣть здѣсь постояннаго чиновника, какъ это положено по штату; такового я имѣю уже въ виду, если угодно будетъ вашему сіятельству согласиться на мое предложеніе.

— Это я вамъ предоставляю вполнѣ. Распоряжайтесь, какъ вы найдете лучшимъ, и что бы вы ни сдѣлали, будьте совершенно увѣрены, что я впередъ уже буду во всемъ согласенъ.

Я поблагодарилъ князя за его довѣріе и присовокупилъ, что

Digitized by Google

постараюсь заслужить его. Князь разрѣшилъ мнѣ при этомъ всегда приходить къ нему просто въ сюртукѣ и при малѣйшей надобности приказывать докладывать о себѣ; меня обѣщалъ принимать во всякое время, будетъ ли онъ занятъ или нѣтъ.

Такъ прошло еще недѣли двѣ. Всѣ желанія княгини я старался исполнять безъ замедленія. Князю было пріятно видѣть, что я часто навѣщаю домъ. Однажды князь прислалъ мнѣ приглашеніе обѣдать у него на другой день въ 5 часовъ. Это было просто событіе. Такъ какъ фельдъегерь, которому князь приказалъ меня пригласить, не зналъ моей квартиры и пошелъ узнавать о ней въ канцеляріи дежурнаго генерала, то вскорѣ всѣ, кто были тамъ, узнали объ этомъ и не могли надивиться, такъ какъ этой чести мало кто удостоивался, въ особенности въ моемъ чинѣ и званіи. Когда на другой день я прибылъ къ князю, онъ самъ повелъ меня на верхъ, гдѣ я засталъ княгиню въ собственной гостиной подлѣ столовой. Она приняла меня очень ласково и уже какъ хорошаго знакомаго. Хозяинъ представилъ меня своему семейству, которое состояло изъ двухъ дочерей и сына. Старшая дочь, Елизавета Александровна, очень красивая, молоденькая женщина, была замужемъ за княземъ Владиміромъ Ивановичемъ Барятинскимъ, состоявшимъ адъютантомъ при князѣ Чернышевѣ [1]); вторая дочь, Александра Александровна, не столь красивая, какъ старшая, но миловидная особа, и сынъ Левъ Александровичъ, мальчикъ лѣтъ одиннадцати. Въ числѣ гостей находился баронъ Павелъ Александровичъ Вревскій, флигель-адъютантъ, жившій въ зданіи главнаго штаба и служившій въ канцеляріи военнаго министерства, очень милый, любезный человѣкъ, съ которымъ мы хорошо познакомились впослѣдствіи. Когда человѣкъ вошелъ съ докладомъ, что кушанье подано, княгиня встала, сама подала мнѣ руку, и я повелъ ее въ столовую. Князь подозвалъ меня къ себѣ и посадилъ подлѣ себя по лѣвую руку; по другую сторону отъ него сѣли Вревскій, князь Барятинскій и затѣмъ дамы. Столъ былъ прекрасный, все приготовлено очень вкусно, довольно обильно. Разговоръ оживленно поддерживался хозяевами и дамами. Вставъ изъ-за стола, я поблагодарилъ князя, который порядочно постарался угостить своего сосѣда хорошимъ винцомъ. Послѣ обѣда мы возвратились въ гостиную; здѣсь княгиня сѣла

---

[1]) Приписано на поляхъ: «Въ приданое своей дочери Елизаветѣ Александровнѣ князь далъ каменный домъ на углу Большой Милліонной и Мошкова переулка, и понынѣ принадлежащій ей. Этотъ домъ прежде принадлежалъ казнѣ и былъ занятъ ордонансъ-гаузомъ, который перевели въ Большую Садовую, гдѣ и теперь находится комендантское управленіе. Домъ государь подарилъ князю, тотъ его отдѣлалъ и отдалъ въ приданое дочери, а для военнаго министра купили другой, на углу Малой Морской и Гороховой, въ которомъ жилъ князь Александръ Ивановичъ, когда я былъ назначенъ смотрителемъ».

В. Ж.

Digitized by Google

на диванъ и попросила меня сѣсть подлѣ нея въ кресло. Побесѣдовавъ довольно долго съ нею, послѣ кофе я ушелъ домой.

Въ главномъ штабѣ у меня дѣла шли хорошо. Въ самомъ зданіи помѣщался газовый аппаратъ для добыванія газа изъ жира. Газъ былъ отличный, но дорогой, и при томъ вещь довольно опасная: при малѣйшей неосторожности могъ произойти взрывъ. Освѣщеніемъ и производствомъ газа завѣдывалъ мастеръ, англичанинъ Ковенъ, знающій и толковый человѣкъ. За газовымъ аппаратомъ и правильнымъ освѣщеніемъ зданія наблюдалъ спеціально одинъ изъ моихъ младшихъ помощниковъ Великовъ и съ нимъ два унтеръ-офицера (газники); эти послѣдніе, при помощи двухъ сторожей, зажигали и тушили газъ въ назначенные часы по лѣстницамъ и коридорамъ. Хотя это освѣщеніе было весьма хорошее и выгодное, однако, я никогда не былъ спокоенъ, такъ какъ взрывъ газоваго аппарата могъ произойти отъ весьма незначительныхъ причинъ. Я не разъ докладывалъ объ этомъ князю, который былъ со мною совершенно согласенъ, но все-таки дѣло какъ-то оставалось безъ дальнѣйшаго хода. Накачиваніе воды составляло мою другую довольно значительную работу. По чугунной трубѣ, проведенной изъ Невы въ зданіе, вода накачивалась машиною въ резервуары и по всѣмъ трубамъ. Машина приводилась въ движеніе ручною силою, что было крайне затруднительно, потому что три раза въ сутки наряжались изъ команды по 20 человѣкъ по очередно для накачиванія воды въ теченіе 3—4 часовъ въ каждую смѣну,—работа довольно трудная и притомъ отвлекавшая людей отъ прямыхъ своихъ обязанностей. По поводу этого послѣдняго неудобства я составилъ проектъ о замѣнѣ ручной силы машиною, приводимою въ движеніе посредствомъ лошадей. Для этой работы, между прочимъ, я предложилъ употреблять казенныхъ лошадей изъ числа двадцати, имѣвшихся при зданіи для перевозки дровъ съ дровянаго двора, не замедляя послѣднюю. За это дѣло горячо принялся генералъ Бергъ, который, съ своей стороны, просилъ барона Корфа непремѣнно утвердить мой проектъ. Проектъ утвержденъ, 1.500 рублей выданы, и въ теченіе шести недѣль было окончено машинистомъ Прокофьевымъ устройство новой машины, которую потомъ освидѣтельствовали и нашли вполнѣ хорошею.

Привести въ исполненіе другой мой проектъ—уничтожить добываніе газа въ самомъ зданіи — помогъ мнѣ, косвеннымъ образомъ, большой взрывъ въ Дублинѣ, причинившій огромный вредъ городу и много несчастій людямъ, занимавшимся этимъ дѣломъ. Газетныя извѣстія объ этомъ были показаны князю Чернышеву, который, призвавъ меня, приказалъ мнѣ составить проектъ объ уничтоженіи газоваго аппарата внутри зданія и о соединеніи газовыхъ трубъ зданія съ городскими для полученія угольнаго газа изъ общей городской трубы. Проектъ объ этомъ существовалъ уже раньше, и его

Digitized by Google

хотѣли выполнить при общей перестройкѣ зданія главнаго штаба въ 1846 году; но такъ какъ онъ вызвалъ бы расходъ въ 33.000 р., то по дороговизнѣ отъ него отказались. Разсмотрѣвъ внимательно это дѣло, я увидѣлъ, кромѣ дороговизны, что проектъ составленъ крайне неудачно. Принялся я составлять новый и ограничилъ его 14.000 рублей. Я спросилъ моего мастера Ковена, можетъ ли онъ взять на себя производство предположенныхъ моимъ проектомъ работъ и окончить ихъ въ четыре лѣтнихъ мѣсяца, когда газъ почти не горитъ въ зданіи. Когда онъ на это согласился, мой проектъ былъ представленъ въ департаментъ военныхъ поселеній съ подпискою мастера Ковена и съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы производство этихъ работъ не было предъявлено на торги, но отдано мастеру Ковену; въ противномъ случаѣ, нельзя было ручаться за прочность и безопасность работъ, такъ какъ онѣ требовали спеціальнаго искусства и большого практическаго знанія. Кромѣ того, я просилъ департаментъ безъ промедленія разрѣшить эту работу, если ему угодно, чтобы газъ горѣлъ отъ города съ сентября мѣсяца, такъ какъ желѣзныя трубы и другія принадлежности должны быть теперь же заказаны въ Англіи и оттуда съ первымъ отходящимъ судномъ перевезены въ Петербургъ. Для удешевленія работъ я просилъ также департаментъ военныхъ поселеній снестись съ министерствомъ финансовъ, чтобы предметы газоваго освѣщенія, привозимые для казны изъ Англіи, не подвергались таможенной пошлинѣ. Удешевленіе цѣны на 19.000 рублей сравнительно съ цѣною по прежнему проекту и разъясненія, сдѣланныя мною въ особой докладной запискѣ, убѣдили департаментъ военныхъ поселеній, откуда мой проектъ былъ очень скоро представленъ въ военный совѣтъ. Здѣсь князь Чернышевъ безъ промедленія просилъ утвердить мой проектъ и назначить деньги, и по моему распоряженію былъ сдѣланъ заказъ въ Англіи. Какъ только земля оттаяла, начались приготовительныя работы. Желѣзныя трубы прибыли въ первыхъ числахъ іюня и всѣ до единой были лично мною испытаны посредствомъ гидравлическаго пресса; негодныя забракованы, годныя перевезены въ штабъ. Работы шли успѣшно, кончились къ надлежащему времени, и 1-го сентября 1851 года штабъ былъ освѣщенъ угольнымъ газомъ. Такимъ образомъ, мнѣ удалось примѣнить въ зданіи главнаго штаба два крайне важныхъ усовершенствованія и сложить съ себя вѣчное безпокойство о возможности взрыва.

Въ 1849 году авторитетъ Черника крайне пострадалъ. Глухіе слухи о его корыстолюбивомъ окончаніи построекъ главнаго штаба и о прочихъ темныхъ дѣлахъ разными путями дошли и до князя Чернышева; къ тому же Черникъ началъ уже зазнаваться, подымать носъ, не такъ акуратно исполнялъ требованія князя. Вслѣдствіе этого или, можетъ быть, потому, что княгиня была дѣй-

Digitized by Google

ствительно ко мнѣ очень благосклонна, однажды утромъ, когда я довольно рано пришелъ въ домъ, князь позвалъ меня къ себѣ. Онъ совершалъ въ то время свой туалетъ, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, такъ какъ считалъ меня уже вполнѣ своимъ человѣкомъ.

— Не доѣзжая до Шлиссельбурга,—сказалъ онъ,—верстахъ въ 40 отъ Петербурга, на лѣвомъ берегу Невы у меня есть маленькая дача. Тамъ не болѣе 40 душъ крестьянъ, довольно большой деревянный господскій домъ со всѣми удобствами, службы, большой садъ, огородъ, паркъ и, между прочимъ, небольшая оранжерея. Эта оранжерея нагрѣвается посредствомъ огромной печи внутри ея, чѣмъ занято слишкомъ большое мѣсто, и оранжерея стѣснена. Нынѣшнимъ лѣтомъ княгиня съ моимъ семействомъ желаетъ провести тамъ нѣкоторое время, поэтому надо осмотрѣть домъ и службы и что нужно исправить такъ, чтобы княгиня могла прожить тамъ съ тѣмъ комфортомъ, къ которому она привыкла. Изъ Невы въ домъ проведена вода. Говорятъ, что этотъ водопроводъ, устроенный Черникомъ и стоившій порядочную сумму, совершенно испортился. Зная, что по всѣмъ этимъ частямъ вы имѣете хорошія познанія, и основываясь, главнымъ образомъ, на желаніи княгини, которая ни въ какомъ случаѣ не желаетъ поручить это дѣло Чернику и указала на васъ, имѣя къ вамъ полное довѣріе,—я прошу васъ съѣздить въ Елизаветино (такъ зовутъ эту дачу). Осмотрите все подробно, опишите все, что надо и можно сдѣлать, дабы привести дачу въ совершенно исправный видъ, и подайте мнѣ записку, въ которой прошу васъ обозначить, хотя приблизительно, во что могутъ обойтись всѣ предполагаемыя работы.

Я поблагодарилъ князя за его довѣріе и сказалъ, что для меня будетъ самымъ пріятнымъ дѣломъ исполнить его желаніе, и что я готовъ немедленно съѣздить. Князь видимо обрадовался моей готовности, такъ какъ предполагалъ возможность отказа, зная, какъ я занятъ дѣлами по управленію тремя домами.

— Но прежде чѣмъ отправиться,—продолжалъ онъ,—зайдите къ княгинѣ, которая, вѣроятно, будетъ очень довольна, что вы беретесь за это дѣло, и, надо полагать, дастъ вамъ, съ своей стороны, кое-какія порученія по этому предмету.

Я откланялся и, часа три спустя, пошелъ къ княгинѣ. Она приняла меня въ своей спальнѣ, и когда я передалъ ей, по какому случаю взялъ на себя смѣлость безпокоить ее, она такъ обрадовалась, что, протянувъ мнѣ обѣ руки, сказала:

— Savez vous que le Prince n'a pas voulu vous faire cette proposition en vue de vos grandes occupations que vous avez, mais je l'ai persuadé et je suis très contente que je me ne suis pas trompée du zèle et de l'attachement que vous nous montrez à chaque pas. Je vous suis très redevable et intérieurement persuadée que vous menerez nos affaires là-bas avec beaucoup plus de soins et savoir que m-r Tscher-

Digitized by Google

nik qui joue le grand seigneur en oubliant pleinement les énormes services que le Prince lui a fait [1]).

Сочтя долгомъ нѣсколько заступиться за Черника, я сказалъ, что онъ еще молодъ, но, насколько я его знаю, уважаетъ князя безгранично.

— Voilà le noble coeur,—воскликнула княгиня,—savez vous, m-r Gervais, vous m'attachez de plus en plus et je serais vraiment heureuse de vous prouver de ma part comme j'estime toute votre noble conduite [2]).

Поблагодарилъ я княгиню за ея высокоцѣнимое мною расположеніе и, послѣ общаго совѣта ея съ miss Corr, получилъ нѣсколько порученій. Дабы не даромъ терять время въ Елизаветинѣ, я взялъ съ собою кондуктора и машиниста Прокофьева, и мы пустились въ путь на пароходѣ. Домъ оказался наглухо забитъ, водопроводъ испорченъ по небрежности людей, которые оставили воду въ трубахъ на зиму, вслѣдствіе чего трубы полопались, оранжерея же требовала совершенно новаго устройства. Осмотрѣвъ все подробно, я возвратился вечеромъ домой и составилъ записку. Я предполагалъ сломать въ оранжереѣ всю дѣйствительно громадную печь, которая, требуя огромное количество дровъ, нагрѣвала оранжерею неравномѣрно, такъ что въ противоположномъ концѣ ея температура воздуха была недостаточна для содержанія растеній и цвѣтовъ въ необходимой для нихъ теплотѣ. Такъ какъ оранжерея стояла на довольно высокомъ мѣстѣ, то я предположилъ сдѣлать подъ нею углубленіе въ землѣ и поставить туда небольшую чугунную печь, которую выложить внутри англійскимъ кирпичемъ на англійской же огнепостоянной глинѣ; къ печи приспособить два мѣдныхъ котла и систему желѣзныхъ трубъ подъ поломъ, по стропиламъ и между оконными рамами. Кипятокъ долженъ былъ проходить по трубамъ, равномѣрно нагрѣвать всю оранжерею и, по минованіи надобности, стекать въ особый резервуаръ. При этомъ я упомянулъ, что чугунная печь, англійскій кирпичъ, глина и все необходимое количество желѣзныхъ трубъ у меня есть въ наличности: все это найдено мною между разнымъ хламомъ въ зданіи главнаго штаба и не состоитъ вовсе въ описяхъ. Такимъ образомъ главный расходъ потребуетъ покупка двухъ мѣдныхъ котловъ, пудовъ въ 20-ть каждый, рублей на 120, и то, что заплатится рабочимъ мастеровымъ изъ

[1]) Знаете, князь не желалъ вамъ предложить это въ виду вашихъ усиленныхъ занятій, но я его уговорила и очень довольна, что не ошиблась въ вашемъ усердіи и преданности, которую вы намъ выказываете на каждомъ шагу. Я вамъ крайне обязана и искренно убѣждена, что вы поведете тамъ наши дѣла съ гораздо большимъ стараніемъ и знаніемъ, чѣмъ Черникъ, который играетъ роль барина, совершенно забывая громадныя услуги, оказанныя ему княземъ.

[2]) Вотъ благородное сердце! Знаете, мосье Жерве, вы привлеклете меня къ себѣ все больше и больше, я, право, была бы счастлива доказать вамъ съ своей стороны, на сколько я уважаю ваше благородное поведеніе.

Digitized by Google

числа людей, имѣющихся въ достаточномъ количествѣ при садѣ, огородахъ и службахъ. Что касается водопровода, то собственно водоподъемная машина оказалась въ довольно исправномъ видѣ и требовала самой незначительной поправки. Нѣсколько свинцовыхъ трубъ необходимо было частью спаять, частью замѣнить новыми, саженъ на пять; этихъ послѣднихъ у меня было также много, и онѣ могли быть положены безъ всякой издержки. Внутри дома я предполагалъ выбѣлить нѣсколько потолковъ, одну комнату оклеить простенькими обоями, всѣ полы паркетные и крашенные вымыть, а паркетные натереть воскомъ, поручивъ это тому же полотеру, который законтрактованъ для дома министра. Всѣ издержки по приведенію въ порядокъ всего дома, водопровода, службъ и оранжереи, по моимъ расчетамъ, не должны были превысить 200—225 рублей. Надо было видѣть, какъ былъ доволенъ князь, когда я представилъ ему эту записку: дѣло въ томъ, что послѣ своего обзора Черникъ представилъ ему записку, въ которой разсчиталъ, что всѣ эти работы обойдутся, если не ошибаюсь, не менѣе 2.000 рублей. Правда, онъ включилъ сюда окраску крыши, что я предоставилъ благоусмотрѣнію князя или княгини, при желаніи которыхъ эта работа могла быть исполнена въ однѣ сутки и обошлась бы въ 400 рублей, такъ какъ крыша зеленаго цвѣта. Князь разрѣшилъ тотчасъ приступить къ работамъ. Дня два я употребилъ на заготовку и покупку матеріаловъ, снарядилъ для нихъ пять казенныхъ подводъ въ Елизаветино, а остальную часть матеріаловъ, мастеровыхъ и рабочихъ взялъ съ собою на пароходъ и отправился туда же. Здѣсь я сдѣлалъ необходимыя указанія относительно производства работъ и, когда послѣднія были окончены, возвратился въ городъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

К. Жерве.

Digitized by Google

ИЗЪ ДАВНО МИНУВШАГО.

I.

Гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость.

Въ дѣтствѣ мнѣ часто случалось гостить въ домѣ нашего ближайшаго деревенскаго сосѣда, отставного полковника Михаила Герасимовича Ардабьева. Это было въ сороковыхъ годахъ. Ардабьевъ давно уже былъ въ отставкѣ; оставивъ службу, онъ женился на дочери одного богатаго помѣщика нашего уѣзда, взялъ за ней въ приданое нѣсколько сотъ душъ, ретиво принялся устроивать это имѣніе и вскорѣ прослылъ въ округѣ образцовымъ хозяиномъ. Въ сущности хозяйственные пріемы Ардабьева были и не новы и не сложны; онъ примѣнялъ къ дѣлу поговорку: «хозяйскій глазокъ—смотрокъ»; все, что дѣлалось у него въ полѣ, на гумнѣ, въ амбарахъ, въ лѣсу, усадьбѣ и на деревнѣ, никогда не ускользало отъ его зоркаго глаза, все дѣлалось съ его вѣдома, по его предварительнымъ распоряженіямъ. Дѣла его процвѣтали на удивленіе и зависть сосѣдей, изъ которыхъ очень немногіе лично принимали въ веденіи хозяйства такое непосредственное участіе, какъ Михаилъ Герасимовичъ. Ардабьевъ былъ высокаго роста, бодрый старикъ лѣтъ семидесяти, съ красивыми чертами лица, держался онъ прямо и могъ безъ устали цѣлые дни съ ранняго утра проводить на сельскихъ работахъ; былъ, какъ самъ онъ говорилъ про себя, «стараго лѣса кочерга». Служба его прошла въ самое интересное время. Онъ при-

Digitized by Google

нималъ участіе во всѣхъ войнахъ Александровской эпохи и былъ кавалеромъ множества русскихъ и иностранныхъ орденовъ, патенты на которые въ рамкахъ за стекломъ красовались на стѣнахъ его кабинета. Въ его время патенты на ордена за военныя отличія выдавались за подписью государя, и я помню—любовался затѣйливо-кудрявымъ росчеркомъ на патентахъ Александра I. Изъ иностранныхъ орденовъ я помню прусскій орденъ «Pour le mérite», который полковникъ носилъ на шеѣ; вѣроятно, я потому его и запомнилъ, что мнѣ особенно нравился этотъ большой свѣтло-синій крестъ съ вырѣзами по краямъ, на широкой, черной съ бѣлымъ лентѣ. Кромѣ патентовъ съ царскими подписями, въ кабинетѣ на стѣнахъ висѣло холодное и огнестрѣльное оружіе, а на особо устроенныхъ полочкахъ серебряные и золотые сосуды замысловатой формы: кувшинчики, чашечки и другія посудины. Все это составляло, такъ сказать, боевые трофеи Ардабьева, было пріобрѣтено на поляхъ битвъ или при взятіи непріятельскихъ городовъ. Изъ этихъ вещей у меня осталась въ памяти, тоже очень понравившаяся мнѣ, небольшая чашечка для кофе, золотая съ красивою эмалью, помѣщавшаяся въ особомъ сафьяновомъ футлярѣ. По словамъ Ардабьева, чашечка эта была пріобрѣтена имъ за безцѣнокъ отъ одного казака при занятіи и разграбленіи какого-то турецкаго города. Тогда еще было въ обычаѣ отдавать войскамъ на разграбленіе города при взятіи ихъ открытою силой.

Много было у Михаила Герасимовича разсказовъ изъ этихъ интересныхъ временъ, и онъ любилъ дѣлиться своими воспоминаніями съ пріѣзжавшими къ нему въ гости сосѣдями; а особенно съ тѣми изъ нихъ, которые подобно ему принимали участіе въ Отечественной и другихъ войнахъ александровской эпохи. Разговоры и разсказы, касавшіеся этого времени, обыкновенно начинались, когда собесѣдники послѣ ранняго, деревенскаго ужина удалялись въ кабинетъ хозяина. Я усиленно хлопоталъ, чтобы меня непремѣнно положили спать въ этомъ кабинетѣ; большею частью мнѣ это удавалось, и я къ великому моему удовольствію водворялся тамъ на постланной на полу перинѣ; на диванахъ устроивались постели для старшихъ. И вотъ иногда далеко за полночь шли одинъ за другимъ разсказы бывалыхъ людей о событіяхъ изъ далекой старины и изъ относительно недавнихъ временъ царствованія Благословеннаго, а я, не подавая знака, что бодрствую, притворяясь спящимъ, неустанно слушалъ и слушалъ эти повѣсти про дѣла дѣдовъ и отцовъ. Конечно, въ бесѣдахъ этихъ первенствовалъ Михаилъ Герасимовичъ.

Со времени Отечественной войны прошло съ небольшимъ тридцать лѣтъ, и событія ея были еще свѣжи въ памяти всѣхъ классовъ общества. Весной въ деревняхъ парни и дѣвки, водя хороводы, распѣвали, помню, такую пѣсню:

Digitized by Google

Я на островѣ родился,
Во Франціи проявился,
То Наполеонъ!
Казакъ Платовъ догонялъ,
Пушки, ружья отбиралъ,
То Наполеонъ!

Далѣе слова этой патріотической пѣсни я забылъ, знаю только, что въ ней изображались бѣдствія Наполеоновской арміи въ 1812 году съ припѣвомъ къ каждому куплету: «То Наполеонъ!» Въ лавкахъ и у разносчиковъ продавались набивные платки съ изображеніями выдающихся военныхъ событій двѣнадцатаго года или съ картинами политической карьеры Наполеона, какъ, напримѣръ, разстрѣляніе герцога Ангіенскаго, удушеніе въ тюрьмѣ предводителя Сенъ-Домингскихъ негровъ Туссена-Лувертюра и другія темныя дѣянія Бонапарта; на лубочныхъ картинахъ встрѣчались такія изображенія: мужика Долбилы и солдата Гвоздилы, какъ гласила надпись подъ картиной, представлявшей худощаваго француза, опрокинувшагося навзничь подъ ударами дубины мужика Долбилы и штыка солдата Гвоздилы; тогда же въ народную среду проникли такія слова, какъ «шваль», «шерамыга», «аблимантъ»; первые два, взятыя съ французскихъ словъ «cheval» и «cher ami», употребляются, какъ выраженія презрѣнія; извѣстно, что въ двѣнадцатомъ году лошади во французской кавалеріи были въ отчаянномъ положеніи, представляя собой настоящихъ одровъ: въ умѣ русскаго человѣка, слышавшаго отъ французовъ слово «cheval», какъ названіе лошади, съ этимъ словомъ соединилось и утвердилось представленіе о чемъ-то слабомъ и никуда негодномъ. Точно также часто употребляемое французами выраженіе «cher ami», слышанное отъ людей, находившихся въ ужасномъ положеніи отъ голода и холода, въ невозможной, обтерханной одеждѣ, несомнѣнно отразилось въ народномъ умѣ въ видѣ представленія о человѣкѣ, дошедшемъ до послѣдней степени матеріальныхъ лишеній, и, передѣлывая по-своему это выраженіе, народъ обзываетъ «шерамыгой» такую личность, которая даетъ основаніе подозрѣвать, что ея бѣдственный внѣшній видъ—послѣдствіе ея собственныхъ, непохвальныхъ дѣяній. Слово «аблимантъ» употребляется также въ презрительномъ тонѣ; говорятъ, напримѣръ, «я и аблиманту не возьму и глядѣть-то на него»; т. е., не возьму на себя труда, обязанности; слово это несомнѣнно происходитъ отъ французскаго «obligeamment». Вѣроятно, есть и другія слова и реченія, зашедшія въ ту эпоху въ нашу простонародную рѣчь съ французскаго.

И такъ бесѣды собравшихся современниковъ Александра Благословеннаго большею частью вращались около военныхъ событій, происходившихъ въ царствованіе этого государя.

Михаилъ Герасимовичъ всегда упорно стоялъ на томъ, что число

Digitized by Google

наведенныхъ въ Россію двадесяти языковъ было ровно милліонъ, и сердился, когда кто либо изъ собесѣдниковъ, на основаніи новѣйшихъ историческихъ свѣдѣній, оспаривалъ эту цифру, уменьшая ее до пятисотъ или шестисотъ тысячъ.

— Много знаетъ вашъ Махайловскій-Данилевскій,—говаривалъ онъ, когда спорящій ссылался на этотъ авторитетъ.—Однихъ мерзлыхъ было навѣрное больше полумилліона; вѣдь вдоль всей дороги отъ Москвы до Вильны лежали складенные въ большія полѣницы мерзлые французы; а тутъ вѣдь тысяча верстъ; вотъ и сочти, сколько ихъ тутъ было накладено. Надобно вамъ сказать, что тогда же, не дожидаясь весны, начальство распорядилось согнать мужиковъ, убирать въ полѣницы и жечь трупы. А сколько погибло въ битвахъ, взято въ плѣнъ, потонуло въ Березинѣ?

Когда рѣчь заходила о причинахъ неудачъ французовъ въ двѣнадцатомъ году, Михаилъ Герасимовичъ высказывалъ такое мнѣніе:

— Конечно, все Господь; Его Божья воля; именно, какъ сказано на медали: не намъ, не намъ, а Имени Твоему; а все же, надобно сказать, что не одинъ только морозъ сгубилъ французовъ; морозъ—морозомъ, но вѣдь морозъ былъ для всѣхъ одинъ—и для нихъ и для насъ. И у нашихъ солдатъ, и даже у насъ, офицеровъ, не было теплой одежды; поодѣвали отъ стужи тоже, что попадетъ подъ руку; иной въ разныхъ отрепьяхъ выглядывалъ не лучше француза. Правда, офицеры потомъ почти всѣ раздобылись полушубками или тулупами; бывало, сразу и не узнаешь, что офицеръ; подпояшешься поверхъ полушубка форменнымъ офицерскимъ шарфомъ, да пристегнешь на грудь офицерскій знакъ [1]), только и отличіе. Нѣтъ, не одинъ морозъ сгубилъ Наполеона, много значила храбрость, а главное выносливость нашихъ войскъ.

Ардабьевъ въ составѣ десанта плавалъ въ эскадрѣ адмирала Сенявина въ Архипелагѣ, побывалъ на всѣхъ почти Іоническихъ островахъ, и это плаваніе въ южномъ морѣ, а особенно личность начальника эскадры, было однимъ изъ самыхъ любимыхъ его воспоминаній.

— Да, — говорилъ Михаилъ Герасимовичъ,—вотъ это былъ начальникъ, такъ начальникъ! Строгій, взыскательный, но и знающій; а какой простой, какой хлѣбосолъ; за столомъ со всѣми одинаковъ, ласковъ, всѣхъ одинаково угощаетъ, что капитана корабля, что нашего брата пѣхотнаго офицера. Любили его всѣ, и за него готовы были въ огонь и въ воду!

— Въ эскадрѣ съ нами,—разсказывалъ Михаилъ Герасимовичъ,—былъ извѣстный силачъ, флотскій капитанъ Лукинъ. Такъ вотъ съ этимъ силачемъ какой, я вамъ разскажу, былъ случай. Въ де-

---

[1]) Серебряный знакъ въ видѣ полумѣсяца съ изображеніемъ на немъ золотого двуглаваго орла пристегивался на груди около шеи.

Digitized by Google

сантѣ былъ одинъ пѣхотный офицеръ, тоже малый здоровенный, но только, само собой разумѣется, куда же ему до Лукина, который прославился своей силой, можно сказать, на весь свѣтъ! Надобно вамъ сказать, у офицера этого были кривыя ноги, совсѣмъ колесомъ, какъ у какого нибудь калмыка или башкира; въ кавалеріи бы ему служить съ этими ногами, а не въ пѣхотѣ. Такъ вотъ этотъ офицеръ и предложилъ Лукину тянуться съ нимъ на палкѣ [1]), утверждая что Лукинъ его ни за что не перетянетъ; ударились объ закладъ, ужъ не помню о сколько червонцевъ. Что жъ вы думаете? Вѣдь не перетянулъ Лукинъ нашего кривоногаго! Потомъ разъясняли, что Лукинъ оттого и не перетянулъ, что у того кривыя ноги—значитъ упору въ нихъ больше. Ну, говоритъ Лукинъ, далъ же я маху, не сообразилъ эти твои ноги; что дѣлать, твое счастье!.. Да, силачъ-силачъ, а и его убило у насъ ядромъ въ морскомъ сраженіи. И такъ странно вышло, и кривоногаго-то офицера тоже убили въ этомъ сраженіи.

Къ туркамъ, какъ воинамъ, Михаилъ Герасимовичъ относился довольно пренебрежительно. По его словамъ, турки храбро дрались въ крѣпостяхъ и въ укрѣпленныхъ позиціяхъ; тутъ они упорно оборонялись, и ихъ трудно было выгнать. Но при аттакахъ стремителенъ и страшенъ былъ только ихъ первый натискъ; имъ давали передъ аттакой опіума или гашиша, и подъ вліяніемъ этихъ одурманивающихъ средствъ они лѣзли на штыки, какъ бѣшеные; этотъ искусственно возбужденный пылъ скоро проходилъ; стоило только выдержать это бурное нападеніе, оно уже не повторялось, и вся эта дикая орда, не успѣвъ сломить твердый, пѣхотный строй, обращалась въ безпорядочное бѣгство; тогда оставалось только безъ устали преслѣдовать и колоть бѣжавшихъ. Замѣтимъ отъ себя, что въ то время у турокъ не было регулярныхъ войскъ.

— Вообще, по-моему, турки въ полѣ трусы,—заканчивалъ Михаилъ Герасимовичъ характеристику боевыхъ качествъ этой націи и продолжалъ:—да еще какую подлую манеру взяли: рѣзать головы нашимъ убитымъ и раненымъ. Начальство ихъ, видите ли, выдавало по червонцу за каждую голову. Сказывали, правда,—нѣтъ ли, будто эти головы солили въ боченкахъ и отсылали въ Стамбулъ къ самому султану. И какіе вѣдь закоренѣлые канальи: ужъ если отрѣзалъ голову, то скорѣе съ жизнью разстанется, чѣмъ съ этой головой! Вотъ у меня, я вамъ разскажу, какой былъ случай; надобно вамъ сказать, въ одномъ дѣлѣ моей ротѣ велѣно было сѣсть въ засаду въ виноградникъ и отнюдь не стрѣлять до времени. Пе-

---

[1]) Тянутся на палкѣ такимъ образомъ: противники садятся на полъ, вытянувъ ноги и упираясь одинъ другому въ подошвы, а руками уцѣпившись за палку, которая такимъ образомъ приходится между ними на уровнѣ груди, и по командѣ враз начинаютъ тянуть каждый къ себѣ.

Digitized by Google

редъ виноградникомъ было открытое мѣсто, и на немъ шагахъ во ста отъ насъ валялся нашъ убитый солдатъ. Вдругъ я замѣтилъ, что изъ-за холмика, который былъ тутъ по близости, выползъ турокъ и сталъ осторожно, потихоньку, озираясь на всѣ стороны, словно охотникъ какой, подбираться къ убитому; турокъ этотъ былъ уже старикъ съ сѣдой бородой, довольно полный, въ чалмѣ, курткѣ, на ногахъ туфли, въ рукѣ ятаганъ наголо. Я тотчасъ послалъ трехъ солдатъ виноградникомъ ему въ тылъ, чтобы захватить его и не дать ему надругаться надъ нашимъ убитымъ; однако онъ успѣлъ прежде ихъ подобраться къ тѣлу, живо отрѣзалъ голову и побѣжалъ, держа ее за волосы, къ тому мѣсту, откуда появился, но вдругъ увидѣлъ подбѣгавшихъ къ нему моихъ солдатъ. Тутъ недалеко росло толстое чинаровое дерево; турокъ прислонился къ нему спиной, держа въ одной рукѣ отрѣзанную голову, а въ другой обнаженный ятаганъ. Вѣдь вотъ какой, говорю я вамъ, закоренѣлый; чего ужъ тутъ, смерть на носу, а онъ нѣтъ таки, не бросаетъ головы, все держитъ ее, какъ и невѣсть какое сокровище! Солдаты подбѣжали къ нему, онъ что-то залопоталъ имъ—по дальности я не слышалъ голоса, а только видѣлъ, что онъ раскрываетъ беззубый ротъ и болтаетъ языкомъ. Солдаты съ разбѣга всадили въ него штыки и положили на мѣстѣ. Такъ вотъ какіе воины: старичишка, а идетъ рѣзать голову убитаго; тоже, видите, желательно прослыть храбрецомъ и получить червонецъ! Потомъ главнокомандующій Михаилъ Ларіоновичъ Кутузовъ послалъ къ ихнему визирю парламентера съ объявленіемъ, что если будутъ рѣзать головы, то онъ велитъ вѣшать ихъ плѣнныхъ; а надобно вамъ сказать, у турокъ повѣшеніе считается самой позорной смертью: вѣшаютъ де только собакъ!.. Ну, послѣ этого объявленія, а особливо, когда повѣсили на аванпостахъ человѣкъ двухъ плѣнныхъ, рѣзаніе головъ прекратилось!

Великъ былъ запасъ воспоминаній Михаила Герасимовича изъ событій первыхъ четырнадцати лѣтъ нашего столѣтія; въ воспоминаніяхъ этихъ встрѣчались эпизоды изъ боевой жизни у себя на родинѣ и за границей, мелкія черты изъ жизни тогдашнихъ общественныхъ дѣятелей, которыя довелось наблюдать или самому Ардабьеву, или слышать отъ своихъ современниковъ, такъ что если бы эти воспоминанія остались не въ устномъ преданіи, а получили бы болѣе прочную форму письменнаго изложенія, они навѣрное составили бы цѣнный матеріалъ для характеристики того времени. Къ сожалѣнію, моя дѣтская память удержала очень немногое изъ слышаннаго отъ Ардабьева; вѣроятно, только то, что особенно поразило дѣтское воображеніе, какъ, напримѣръ, картина сложенныхъ по дорогѣ цѣлыми полѣницами мертвыхъ французовъ, или бѣгущаго съ отрѣзанной головой въ рукѣ старика турка, погибающаго тутъ же подъ штыками солдатъ. Но когда воскрешаю въ памяти образъ Михаила Герасимовича, складъ его рѣчи, стараясь вызвать изъ забвенія слы-

Digitized by Google

шанные отъ него разсказы, предо мной довольно отчетливо возстаютъ еще разсказанные имъ, какъ очевидцемъ, два эпизода изъ царствованій императоровъ Павла и Александра I. Въ нихъ встрѣчаются черты, какія оказываются въ характерѣ этихъ государей и по новѣйшимъ историческимъ изслѣдованіямъ. Постараюсь, насколько удастся мнѣ возстановить въ памяти складъ рѣчи ветерана разсказчика, передать эти эпизоды его словами.—«Надобно вамъ сказать»,—этой часто употреблявшейся имъ фразой полковникъ начиналъ нерѣдко свои повѣствованія,—«надобно вамъ сказать, что я изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ; у батюшки съ матушкой, царство имъ небесное, было всего пятнадцать душъ мужеска пола, а семья была порядочная: три сына и три дочери. Я прожилъ дома до двадцати лѣтъ, когда богатый сосѣдъ нашъ, Семенъ Петровичъ Худояровъ, вздумалъ сряжать сына своего Ивана на службу въ Петербургъ, въ гвардію. Покойный батюшка упросилъ Худоярова отправить съ сыномъ и меня. Это былъ очень подходящій случай; какъ никакъ, на службу поступать надо, а тутъ есть случай ѣхать въ самый Петербургъ, да еще и даромъ тысячу верстъ. Мы съ Иваномъ Худояровымъ отправились въ путь послѣ хлѣбной уборки и пріѣхали въ Петербургъ незадолго до кончины императрицы Екатерины II. Худояровъ поступилъ рядовымъ въ Семеновскій полкъ. Надобно вамъ сказать, я былъ парень рослый, видный, что называется кровь съ молокомъ; меня тоже зачислили рядовымъ въ Семеновскій полкъ въ одну роту и плутонгъ [1]) съ земляком Худояровымъ. Въ началѣ ноября скончалась императрица Екатерина, на престолъ вступилъ Павелъ Петровичъ, и сряду же начались всякія перемѣны и въ строю и въ обмундированіи. Особенно намъ, солдатамъ, претили пукли, косы и штиблеты; бывало цирульникъ туго-натуго подовьетъ тебѣ пукли, скрутитъ косу, такъ что слеза прошибетъ, потомъ намажетъ ихъ свѣчнымъ саломъ и обсыплетъ ржаной мукой; штиблеты были длинные, выше колѣнъ, изъ телячьей кожи; чтобы надѣть, надо было сначала размочить ихъ и мокрыми натянуть на ноги задолго до какого нибудь парада или развода, или выхода въ караулъ; а высохнутъ—опять бѣда: ноги сдѣлаются, какъ палки, согнуть нельзя; ни присѣсть тебѣ, ни пройтись, какъ должно; сиди все время съ вытянутыми ногами, а идти—такъ вышагивай, точно журавль. А ужъ эти пукли и косы, вотъ ужъ было чистое наказаніе! Бывало въ караулѣ и не подумай прислониться головой къ стѣнѣ и немного подремать: того гляди сомнешь косу, либо пуклю; а то и такъ бывало: коли вздремнешь покрѣпче, хватъ и нѣтъ либо косы, либо пуклей — крысы отъѣли! Да, ужъ въ этомъ, надобно сказать, служба была тяжела. Гвардейскіе полки по очереди ходили въ караулъ во дворецъ, но насъ съ Худояровымъ, какъ новичковъ, въ

[1]) По-нынѣшнему взводъ.

Digitized by Google

такой караулъ не назначали. Времени свободнаго, по правдѣ сказать, было довольно, и я имъ воспользовался. Дома я выучился только читать церковную печать, а въ Петербургѣ, въ гвардіи, благо нашлись между товарищами добрые люди, которые занялись со мной, я выучился читать и писать по гражданскому и ариѳметикѣ; особенно я благодаренъ за выучку этой наукѣ; безъ учителя её понять мудрено, а она вѣдь корень, можно сказать, мать всѣхъ наукъ. На слѣдующій годъ и насъ съ Худояровымъ стали назначать въ дворцовый караулъ, сначала на наружные, а потомъ и на внутренніе посты. Надобно вамъ сказать, что у Павла Петровича была любимая собака; такъ себѣ немудрящая собаченка изъ дворняшекъ; мохнатенькая; небольшаго роста; бывало все съ государемъ, куда онъ, туда и она: на прогулки, на смотры, парады, разводы, всюду за нимъ; бывало императоръ стоитъ, смотритъ, какъ проходятъ войска, и она около него сядетъ на заднія лапы и тоже ровно присматривается, какъ идутъ солдаты, поворачиваетъ морду, то на одну, то на другую сторону; а то, когда стоишь въ караулѣ, подойдетъ къ часовому, сядетъ противъ на заднія лапы и долго, долго смотритъ на него. Звали ее Сервановъ [1]). Разсказывали, что какъ-то на прогулкѣ Павелъ Петровичъ увидалъ, какъ мальчишки тащили къ Невѣ топить собаченку; собаченка какъ-то вырвалась, бросилась бѣжать въ ту сторону, гдѣ былъ императоръ, и, подбѣжавши къ нему поближе, сѣла передъ нимъ на заднія лапы; она была въ самомъ негодномъ видѣ: съ веревкой на шеѣ, худая, облѣзлая; государь сжалился надъ ней, велѣлъ ее взять къ себѣ во дворецъ, назвалъ Сервановъ, и съ тѣхъ поръ она не разставалась съ нимъ. Вотъ чрезъ этого Сервана мы съ Худояровымъ попали было въ такую бѣду, что, прямо можно сказать, одно чудо спасло насъ! Какъ-то разъ мы назначены были съ Худояровымъ въ дворцовый караулъ на внутренній постъ въ парные часовые къ дверямъ царской столовой. Тогда часовымъ на внутреннихъ дворцовыхъ постахъ вмѣсто ружей давали такія высоченныя, сажени по полторы длиннику—аллебарды: наверху топорикъ съ пикой, а подъ нимъ подвѣшена большая цвѣтная кисть. Этой аллебардой отдавали кому слѣдуетъ по артикулу честь; стоять съ ней надобно было, держа ее въ одной рукѣ и отставивъ отъ себя на длину руки. Несуразная была штука эта аллебарда! Намъ съ Худояровымъ пришлось стоять какъ разъ во время царскаго ужина. Мы стояли по обѣимъ сторонамъ затворенной двустворчатой двери въ огромной пустой залѣ; посрединѣ съ потолка свѣшивалась большущая стеклянная люстра со множествомъ зажженныхъ свѣчей; нѣсколько другихъ дверей выходило въ эту залу, и съ обѣихъ сторонъ каждой двери висѣли такія же люстры съ зажженными свѣчами, только много меньше той, что была посре-

[1]) Вѣроятно, съ французскаго «servant»—служащій.

Digitized by Google

динѣ. Въ залѣ было свѣтло, тепло, какъ лѣтомъ въ ясный, солнечный день; стѣны, полъ блестѣли точно зеркальные; мнѣ даже стало какъ-то весело на сердцѣ и вспало на мысль: дай посмотрю, какъ кушаютъ цари, такъ же ли, какъ и мы, грѣшные? Конечно, молодъ еще былъ, глупъ! Вотъ я потихоньку и пріотворилъ немного одну половинку дверей. Столовая была много меньше залы, гдѣ мы стояли; посрединѣ былъ столъ, за которымъ кушала царская семья; я разглядѣлъ, что, кромѣ государя, государыни, тутъ были великіе князья Александръ и Константинъ съ супругами, еще какіе-то генералы и барыни; императоръ сидѣлъ ко мнѣ спиной. Но долго разглядывать мнѣ не пришлось. Вдругъ мнѣ показалось, что императоръ поворачиваетъ голову въ мою сторону, и въ то же время я почувствовалъ, что кто-то силится шире раскрыть дверь... Я поспѣшилъ притворить ее, и въ ту же секунду раздался отчаянный, собачій визгъ!.. Это я прищемилъ Сервана, который просунулся было въ пріотворенную мною дверь.

— Что тамъ такое?—послышался хриплый, гнусавый голосъ Павла Петровича вмѣстѣ со стукомъ отодвигаемаго стула.

Мы съ Худояровымъ оробѣли, засуетились, и ужъ не знаю, какъ его угораздило задѣть алебардной одну изъ люстръ, что висѣла у двери. Задребезжали разбитыя стекла, дверь изъ столовой отворилась, и мы увидѣли предъ собой разгнѣваннаго Павла Петровича; былъ ли еще кто съ нимъ, я уже не разсмотрѣлъ отъ испуга. Говоря откровенно, надобно сказать, что Павелъ Петровичъ былъ не красивъ; однако въ спокойномъ видѣ у него въ лицѣ была какая-то пріятность, какъ бы сказать, доброта, что ли. Но тутъ предо мной былъ совсѣмъ другой человѣкъ: глаза точно хотѣли выскочить, лицо поблѣднѣло, даже нѣсколько посинѣло, словно у мертваго, на губахъ показалась пѣна; говорить онъ отъ гнѣва не могъ и только судорожно тыкалъ на насъ пальцемъ. Я, какъ говорится, не взвидѣлъ свѣта; все помутилось у меня въ головѣ; зала съ ея огнями, товарищъ Худояровъ, все куда-то пропало; я видѣлъ предъ собой одного только Павла Петровича въ его ужасающемъ отъ гнѣва видѣ.

— Дать имъ!.. Дать имъ!.. По пятидесяти фухтелей!.. — вырвалось наконецъ вмѣстѣ съ пѣной прерывающимся хрипѣніемъ гнѣвное приказаніе Павла.

Кто-то меня подхватилъ, потащилъ, и мы опомнились съ Худояровымъ уже въ кордегардіи. Горе и страхъ нашъ нельзя и разсказать. Пятьдесятъ фухтелей!.. Вѣдь это знаете, чѣмъ пахло? Это ни больше, ни меньше, какъ пятьдесятъ ударовъ плашмя обнаженнымъ тесакомъ по спинѣ и прочему. Я видалъ, какъ давали много меньше этихъ фухтелей, и то люди долго не могли оправиться. Говорить, что мы дворяне? Но къ чему это поведетъ, кто послушаетъ, когда самъ императоръ лично отдалъ такое приказаніе? Ужъ не знаю, не

Digitized by Google

могу вамъ сказать, почему не тотчасъ было выполнено это приказаніе, но только вскорѣ, такъ черезъ полчаса, въ кордегардію явился великій князь наслѣдникъ Александръ Павловичъ. Онъ тогда командовалъ Семеновскимъ полкомъ.

— Исполнено наказаніе?—освѣдомился онъ у начальника караула.

— Никакъ нѣтъ, ваше императорское высочество,—отвѣчалъ начальникъ.

— Такъ не наказывать, а государю доложить, если спроситъ, что исполнено,—распорядился великій князь.

Александру было тогда съ небольшимъ двадцать лѣтъ. Всѣмъ извѣстно, какой это былъ красавецъ. Но тутъ мнѣ показалось, что самъ ангелъ въ его образѣ явился къ намъ въ кордегардію. Съ невыразимо милой, благосклонной улыбкой, которую и описать трудно, онъ взглянулъ на насъ съ Худояровымъ, и отъ этой улыбки, отъ этой неожиданной милости, избавлявшей отъ варварскаго наказанія, просвѣтлѣло въ душѣ, и плохо освѣщенная кордегардія показалась лучше горѣвшей огнями царской залы.

Больше насъ съ Худояровымъ на внутренніе посты во дворецъ не назначали, а еще черезъ годъ я былъ выписанъ въ армію подпоручикомъ.

Уѣхавши изъ Петербурга, я долго не имѣлъ счастія видѣть вблизи Александра Павловича: то стоялъ съ полкомъ въ такихъ захолустьяхъ, въ которыхъ не доводилось быть государю, то находился въ заграничныхъ походахъ. За все время до четырнадцатаго года, если и случалось видѣть его, то мелькомъ, да и то издали.

Въ началѣ тысяча восемьсотъ четырнадцатаго года я былъ уже капитаномъ, командующимъ баталіономъ въ Козловскомъ мушкатерскомъ полку; младшій братъ мой Егоръ въ чинѣ подпоручика командовалъ одной изъ ротъ въ моемъ баталіонѣ. Передъ нашимъ полкомъ всегда бывало ходилъ козелъ; солдаты первой гренадерской роты [1]) подыскали большого козла съ огромными рогами, бѣлой какъ кипень длинной шерстью, раскормили его такъ, что козелъ вышелъ на славу! Бывало на походѣ идетъ впереди пѣсельниковъ или музыкантовъ; шерсть мягкая да длинная, борода тоже длинная, рога вызолочены, на нихъ понавѣшены бубенчики, погремушки разныя; идетъ себѣ козелъ преважно, бородой потряхиваетъ, да нѣтъ, нѣтъ, подымется на дыбки, да такъ и пройдетъ нѣсколько шаговъ; ну, всѣ и знаютъ, что идетъ нашъ Козловскій полкъ. Съ этимъ козломъ прошли всю Германію и вступили во Францію.

Въ день взятія союзниками Парижа, девятнадцатаго марта, нашъ полкъ участвовалъ въ занятіи Монмартскихъ высотъ. Дѣло, правду сказать, было не изъ горячихъ; непріятель держался слабо и скоро

[1]) Въ мушкатерскихъ полкахъ первыя роты баталіоновъ назывались гренадерскими, а въ егерскихъ полкахъ карабинерными.

Digitized by Google

уступалъ. Мы не спѣша подвигались впередъ, когда по всей линіи раздался отбой, и мы остановились. Вскорѣ по войскамъ прошла вѣсть, что Парижъ сдается на капитуляцію. Пальба повсемѣстно прекратилась, но приказанія двигаться впередъ не было, и мы продолжали стоять на томъ мѣстѣ, гдѣ насъ засталъ отбой. Мѣсто это было на полугорьѣ, а внизу разстилалась равнина, по которой раскидано было множество мѣстечекъ и отдѣльныхъ домовъ; между ними виднѣлись повсюду двигавшіяся наши и союзническія войска; день былъ ясный, и съ горы далеко видно. Нашимъ полкомъ командовалъ генералъ-майоръ Трубачевъ, человѣкъ очень горячій, бывало ни за что оборветъ. Надобно вамъ сказать, что за время похода солдаты страшно оборвались и обносились; поэтому незадолго до того, какъ подошли къ Парижу, начальство отдало приказъ, чтобы захваченные во французскихъ складахъ и обозахъ мундиры и кивера пригнать на нашихъ солдатъ, а такъ какъ у французовъ были синіе мундиры, то окрасить сажей въ черный цвѣтъ [1]). Для этого въ роты и были розданы французскіе мундиры и кивера, чтобы окрасить и пригнать. Въ то время какъ мы послѣ отбоя стояли, ожидая приказаній, нашъ генералъ вздумалъ провѣрять, исполнено ли распоряженіе на счетъ мундировъ. Рота моего брата стояла на лѣвомъ флангѣ полка, какъ разъ на одной изъ дорогъ, ведущихъ съ равнины на Монмартръ; тутъ же валялись двѣ пушки, брошенныя непріятелемъ при отступленіи. Когда генералъ подъѣхалъ къ моему баталіону, я, конечно, честь честью поѣхалъ съ нимъ по ротамъ. На вопросъ, изготовлены ли французскіе мундиры, братъ отвѣчалъ, что не успѣлъ. Вотъ генералъ и напустился на него:

— Какъ вы смѣете,—кричитъ,—не исполнять въ точности приказанія высшаго начальства? Готовимся вступить въ столицу Франціи, а въ чемъ вы вступите? Развѣ можно вести такихъ оборванцевъ? Да я васъ на гауптвахтѣ заморю! Роту отниму! Да я васъ... вдругъ послышались крики «ура», сначала гдѣ-то вдали, въ равнинѣ, потомъ стали все разливаться шире и шире, ближе да ближе... Командиръ примолкъ; всѣ мы обратились въ ту сторону, откуда неслись крики, и увидѣли приближающуюся къ Монмартру большую толпу всадниковъ; крики «ура» все разростались, усиливались, охватили всю линію войскъ и неслись, словно какая буря. Не было сомнѣнія, что это приближается государь. Ему надобно было ѣхать, какъ разъ той дорогой, на которой мы стояли. Вотъ уже мы отчетливо стали различать лошадей и мундиры громадной свиты, впереди которой ѣхали государь и прусскій король. Наконецъ они приблизились къ намъ. Государь остановился. Конечно, съ тѣхъ поръ,

[1]) Пишущій эти строки, состоя полковымъ адъютантомъ и разбирая приказы по полку за 1814 годъ, самъ читалъ приказы о такой передѣлкѣ французскихъ мундировъ и киверовъ.

Digitized by Google

какъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ въ Петербургѣ, онъ много перемѣнился, возмужалъ, но все также былъ красивъ, а въ эту минуту особенно: радостью свѣтлѣло лицо его, любовью и благоволеніемъ.

— А — а, — сказалъ онъ, увидѣвъ брошенныя французскія пушки.—Непріятельскія орудія!.. Кто ротный командиръ?

Нашъ генералъ представилъ брата.

— Поздравляю васъ,—обратился императоръ къ брату,—георгіевскимъ кавалеромъ,—и съ этими словами тронулъ лошадь; оба государя, сопровождаемые свитой двинулись далѣе. Отъ свиты отдѣлился какой-то молодой полковникъ, спросилъ брата, какой полкъ, рота, чинъ, фамилію и сталъ записывать въ книжечку.

— Позвольте, господинъ полковникъ, объяснить...—началъ было братъ, желая сказать, какъ очутились тутъ пушки, но полковникъ прервалъ его словами:

— Некогда, некогда, г. офицеръ!—и ускакалъ за удалявшейся свитой.

Ну, конечно, послѣ этого отошелъ гнѣвъ и у нашего командира, онъ поздравилъ брата, сказалъ, что давеча погорячился, что кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ...

Такимъ-то манеромъ братъ мой удостоился такой великой милости; не спалъ, не видѣлъ, а просто, можно сказать, на радостяхъ получилъ Святого Георгія четвертаго класса!

II.

Дуня краденая.

Няня Авдотья Антоновна выняньчила въ нашей семьѣ два поколѣнія: нашу мать и насъ, ея дѣтей. Но Авдотья Антоновна, кажется, никогда не признавала свои обязанности оконченными, потому что, когда я уже взрослымъ пріѣзжалъ домой, няня каждый вечеръ на сонъ грядущій являлась меня укладывать: подоткнетъ одѣяло, поправитъ подушки и усядется въ ногахъ у моей кровати съ классическими круглыми очками на носу и шерстянымъ чулкомъ на толстыхъ спицахъ. Я не препятствовалъ Авдотьѣ Антоновнѣ; эти заботливыя ухаживанья такъ напоминали далекое, милое дѣтство. Тогда, въ дѣтствѣ, няня, занявъ, бывало, свою позицію въ ногахъ кровати, начинала разсказывать сказки, которыя, смотря по ихъ содержанію и степени новизны, или вовсе прогоняли сонъ, или создавали какую-то особую прелесть изъ перехода отъ дѣйствительности ко сну, когда сказочные, фантастическіе образы смѣшивались съ образами, выплывавшими изъ слабѣвшаго сознанія. Съ большимъ «дитей», какъ продолжала насъ называть няня, сказки замѣнялись разсказами и воспоминаніями о томъ, какъ жили въ старину.

Digitized by Google

— Что, батюшка, давно хотѣла я тебя спросить: кончилось ли у васъ насчетъ Мурзихинской-то дачи? — спросила Авдотья Антоновна, уложивъ меня и усѣвшись на своемъ мѣстѣ, однажды вечеромъ, при посѣщеніи мною нашего имѣнія, гдѣ въ заброшенной барской усадьбѣ продолжала жить старушка.

— Что ты, няня! все давнымъ-давно кончено, еще при покойномъ отцѣ,—отвѣчалъ я.

— Ну, то-то же; а то вѣдь я помню «все» Петръ Петровичъ этотъ препятствовалъ.

Въ половинѣ сороковыхъ годовъ въ нашемъ уѣздѣ проживалъ богатый помѣщикъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Петръ Петровичъ Богдановъ, владѣлецъ чуть ли не десяти тысячъ душъ крестьянъ; главная резиденція его находилась верстахъ въ десяти отъ нашего села. Этотъ Петръ Петровичъ былъ совладѣльцемъ по Мурзихинской дачѣ, въ которой ему принадлежала самая значительная часть; желая захватить себѣ лучшіе участки, онъ являлся единственнымъ препятствіемъ къ благополучному окончанію такъ называвшагося «полюбовнаго» размежеванія этой дачи, которое и тянулось что-то необыкновенно долго. Кромѣ среднихъ и мелкихъ дворянъ, совладѣльцами были и казенные крестьяне, представителемъ которыхъ на съѣздахъ для полюбовнаго размежеванія являлся правительственный чиновникъ, носившій офиціальное названіе «уполномоченный отъ министерства государственныхъ имуществъ», но крестьяне передѣлали этотъ титулъ и называли этого защитника ихъ интересовъ коротко «маломошный». Дѣйствительно, большею частью, уполномоченный, вращаясь въ помѣщичьей средѣ, ночуя, обѣдая, ужиная у мѣстныхъ дворянъ, какъ-то слабо поддерживалъ интересы крестьянъ; не «держалъ», по ихъ выраженію, «ихъ руку».

— Да, ужъ этотъ Петръ Петровичъ, прости Господи, вотъ жадный-то, все бы ему одному; весь видно въ папеньку, покойнаго Петра Ѳедоровича. Вотъ тоже былъ человѣчекъ! Вѣдь богатство-то это все онъ нажилъ, Петръ Ѳедоровичъ! — проговорила няня, впадая въ область своихъ воспоминаній, и продолжала:—отъ родителей-то всего у него было сто ли, полтораста ли душъ, а теперь на-ко какое царство! А все вѣдь какъ? Почитай все грабежомъ! Спервоначала-то, слышь, кого-то обыгралъ въ карты. Какъ завелись денежки, вошелъ въ дружбу съ приказными; поитъ, кормитъ, ну, такая пріязнь, что водой не разольешь; вотъ онъ и давай оттягивать у сосѣдей, которые не изъ крупныхъ, ихъ вотчины. Сказывали, дока былъ въ этихъ самыхъ бумагахъ и законахъ; сейчасъ напишетъ въ судъ прошеніе, что такъ и такъ молъ, сосѣдъ владѣетъ моимъ имѣніемъ; того въ судъ, а тамъ у Петра Ѳедоровича всѣ други, всѣ пріятели, ну, и отсудятъ ему чужое добро. Такимъ-то манеромъ онъ многихъ по сосѣдству обобралъ; которые сами продали ему за безцѣнокъ, чтобы уйти отъ расходовъ да волокиты.

Digitized by Google

Собралось у него ужъ за тысячу душъ; тутъ уже онъ сталъ большой панъ; началъ тягаться съ кѣмъ и покрупнѣе, да съ денежками и пріятелями все прибиралъ, да прибиралъ вокругъ къ своимъ рукамъ. У него и мужики-то, слышь, не умирали; онъ всѣхъ принималъ къ себѣ: бѣглыхъ разныхъ, бродягъ, ссыльныхъ, да и записывалъ ихъ подъ именами тѣхъ мужиковъ, что поумирали. Съ такими бродягами расправа у него была короткая: чуть что не такъ, сейчасъ его на водяную мельницу подъ колесо, и поминай, какъ звали. А ужъ до бабъ и дѣвокъ какой былъ лютой! Бѣда! Такъ жили въ домѣ полюбовницы изъ своихъ крѣпостныхъ, кто въ ключахъ ходилъ [1]), кто въ горничныхъ при барынѣ; а то у кого изъ мелкопомѣстныхъ понравится ему дочка, упроситъ погостить къ своей женѣ; ну, конечно, отказать не смѣютъ, а тамъ, глядишь, дочка-то назадъ ѣдетъ съ прибылью. А то еще такой порядокъ у него былъ: какъ отъ вѣнца, такъ молодая, чтобы къ нему; ну, которая понравится, оставитъ у себя ночевать, которую такъ отпуститъ; вотъ за это больше всего мужики его и не любили. И сынокъ-то, Петръ Петровичъ, теперь не слышно, а смолоду то же творилъ, что и папенька; служилъ онъ въ Питерѣ и въ вотчину наѣзжалъ только по лѣтамъ; такъ до него не смѣли ни одной свадьбы вѣнчать; когда пріѣдетъ, начнутъ вѣнчать, и молодыхъ бабенокъ изъ-подъ вѣнца къ нему. А тоже вѣдь женатый самъ; да что и говорить, грѣховодники были окаянные! У Петра Ѳедоровича всего и дѣтей было, что два сына; старшій Ѳедоръ Петровичъ и второй Петръ Петровичъ. Петръ Петровичъ по судамъ служилъ, а старшій братъ въ Питерѣ, въ полку, при самой царицѣ; Катерина тогда была царица. Служилъ тамъ, служилъ Ѳедоръ Петровичъ, да и замотался; въ картишки ли проигрался, казенныя ли деньги протурилъ, ужъ не могу тебѣ сказать. Только пишетъ родителю, такъ и такъ, высылай деньги, а то совсѣмъ капутъ пришелъ! Петръ Ѳедоровичъ взбѣсился, да отказъ ему; знать, молъ, тебя безпутнаго не хочу. Ѳедоръ Петровичъ изъ полка бѣжать... Подобралъ себѣ молодцовъ, да и давай разбойничать по большимъ дорогамъ. А тѣмъ часомъ Петръ Ѳедоровичъ, ничего не зная, не вѣдая, смилостивился и послалъ въ Питеръ къ сыну съ деньгами и разнымъ добромъ его стараго дядьку, который выходилъ Ѳедора Петровича; надобно же быть грѣху, молодцы-то Ѳедора Петровича, не знавши, что это дядька, встрѣтили его гдѣ-то и ухлопали. Еще пуще осатанѣлъ отъ этого Ѳедоръ Петровичъ и хотѣлъ непремѣнно добраться до отца; очутился съ шайкой въ лѣсу, верстахъ во ста отъ отцовской вотчины; тутъ на него послали команду; разбойниковъ кого убили, кого переловили; Ѳедора Петровича тоже убили; его признали по примѣтѣ на щекѣ; когда его мать была имъ тяжела, во снѣ увидѣла мышь, испугалась, и ребенокъ родился съ

[1]) Ключницей.

Digitized by Google

мышью на щекѣ; красное такое пятно, какъ есть мышь! У вашего прадѣдушки Михайлы Ивановича и-и какая ссора завелась съ Петромъ Ѳедоровичемъ; такъ и умерли оба не помирившись. А дѣло стало вотъ изъ-за чего.

Тутъ няня пріостановилась, улыбнулась, какъ бы вспомнивъ что-то особенно пріятное, покачала головой и промолвила:

— Охъ, дѣла, дѣла!

И продолжала:

— Бабинька ваша, Алена Михайловна, куда изъ себя красивы были: что ростъ, что глазъ, что бровь, что коса, всѣмъ взяла; нонѣ что-то ужъ и не видать такихъ красавицъ; бывало, какъ пойдутъ въ манимаскѣ или въ матрадурѣ, танцы такіе тогда были, такъ что это только такое? Картина, заглядѣнье! Или русскую, плыветъ тебѣ, ровно лебедь бѣлая. Я при нихъ тогда во фрейлинахъ была. Крѣпко понравилась бабинька Петру Ѳедоровичу, онъ и присталъ къ прадѣдушкѣ, пусти да пусти погостить къ его женѣ Алену Михайловну. Наши господа пущай и не изъ крупныхъ были, такъ надо сказать, изъ средственныхъ дворянъ, а барскую честь свою высоко ставили. Прадѣдушка сталъ отказывать, а Петръ Ѳедоровичъ пуще приставать, нашъ баринъ и скажи ему: «Ну, какъ я къ тебѣ пущу дочь, когда не то, что гостить, а и такъ бывать у тебя въ домѣ хорошей дѣвицѣ не приходится». Осердился на это Петръ Ѳедоровичъ и тогда же, слышь, сказалъ: «Ну, ладно, сосѣдъ любезный, попомни ты это себѣ, да не забудь», а старый баринъ на отвѣтъ: «Э!—говоритъ,—Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ!». Мы тогда, особливо по зимамъ, въ праздники, часто ѣздили въ Сосновку къ Шигаевымъ; родня еще они приходились намъ. Вотъ гдѣ веселье-то было! Домъ большой, господъ съѣдется много, особливо на святкахъ, на масляную; рядятся, пляшутъ, кіятръ представляютъ: «Филатку и Мирошку», «Мельникъ-колдунъ»; и тутъ бабинька была изъ всѣхъ первая; голосъ какой былъ! Бывало, въ «Филаткѣ и Мирошкѣ», какъ выйдутъ да запоютъ:

«Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы,
Вѣкъ бы тѣ цвѣты расцвѣтали,
Ахъ, кабы не кручина,
Ни о чемъ бы я, млада, не тужила!»

Такъ инда слеза тебя прошибетъ. Вотъ какъ-то вскорѣ послѣ того, какъ у прадѣдушки съ Петромъ Ѳедоровичемъ размолвка вышла, на святкахъ поѣхали мы въ Сосновку. Народу собралось, какъ водится, веліе; и Петръ Ѳедоровичъ тутъ—его кріуша была верстахъ въ десяти отъ Сосновки; къ бабинькѣ не подходитъ, а только глазъ съ нея не спущаетъ; вытаращилъ глаза, ровно сова, а самъ все теребитъ себя за бакенбарды; жиденькія такія росли онѣ у него; лысина во всю голову, чай лѣтъ шестьдесятъ ему было тогда. По-

Digitized by Google

гостили господа въ Сосновкѣ, навеселились и собрались ѣхать по домамъ. Петръ Ѳедоровичъ уѣхалъ впередъ всѣхъ. Былъ у него лакей, болтали, что изъ бѣглыхъ-ссыльныхъ, Истукашкой [1]) звали; ужъ и подлинно настоящій истуканъ: сажень ростомъ, да толстый, ровно медвѣдь; сказывали, въ немъ было десять пудовъ; лапищи тоже, какъ у медвѣдя, голова съ пивной котелъ, волосы на головѣ косматые, овинъ овиномъ, рожа разбрюзглая отъ пьянства, на бородѣ и усахъ волосъ отъ волоса не слыхать человѣчьяго голоса. Петръ Ѳедоровичъ всегда его возилъ съ собой, въ родѣ какъ бы тѣлохранителя.

Выѣхали мы изъ Сосновки ужъ при огняхъ, въ открытыхъ саняхъ тройкой; барышня Алена Михайловна съ тетенькой Анной Ивановной, сестрой стараго барина, дѣвицей, сидѣли рядомъ, я у нихъ въ ногахъ, а на козлахъ съ кучеромъ увязался съ нами офицеръ Алексѣй Максимычъ Трындинъ; это то-есть самый твой дѣдушка теперь. Тогда у насъ въ округѣ гусары стояли, и Трындинъ служилъ въ этомъ полку, а вотчина его была въ другомъ уѣздѣ рядомъ съ нашимъ. Крѣпко пріударялъ онъ за Аленой Михайловной, ферлакурилъ, какъ говорили тогда господа; ну, и бабинька тоже склонность къ нему оказывали; ну, конечно, человѣкъ молодой, да и видный изъ себя къ тому же. Въ одно время выѣхали съ нами изъ Сосновки еще троекъ пять; кои разъѣхались, еще не доѣзжая Богдановской кріуши, а тройки двѣ должны были ѣхать съ нами до самаго нашего села. Только мы стали подъѣзжать къ Богдановской кріушѣ, глядимъ, у самой дороги стоятъ сани тройкой; поровнялись мы съ ними; видимъ, лошади господскія, Богдановскія, сани тоже господскія съ ковромъ, а въ саняхъ, окромя кучера, мужиковъ человѣкъ пять, и промежъ нихъ стоитъ ровно столбъ верстовой Истукашка, да такъ пристально, пристально всматривается въ насъ. А ночь-то была свѣтлая, мѣсячная, видно, какъ днемъ. Проѣхали мы, я и говорю: «ой, господа, не ладно что-то! Не было бы за нами погони; давайте-ка, барышня, говорю Аленѣ Михайловнѣ, перемѣнимся съ вами: вы надѣньте мой полушубокъ, а я вашъ салопъ». На барышнѣ былъ лисій салопъ, крытый голубымъ сетянтюркомъ, голова закутана ковровымъ платкомъ, тетенька Анна Ивановна были въ темной шубейкѣ, а я въ бѣломъ нагольномъ полушубкѣ, голова и лицо тоже закутаны платкомъ: шибко студено было. Алексѣй Максимычъ сталъ держать мою руку: «а вѣдь Дуня правду говоритъ, какъ бы какой бѣды съ вами, Алена Михайловна, не вышло». Только мы, проѣхавши кріушу, передѣлись, я сѣла рядомъ съ тетенькой, а Алена Михайловна на мое мѣсто, надобно быть грѣху, вывернулась оглобля, передовыя-то тройки уѣхали впередъ, а мы остались одни въ полѣ; кое-какъ удѣлали, только тронулись, слышимъ, и вправду... гонятъ за нами! Погналъ

[1]) Св. Истукарія память 8 ноября.

Digitized by Google

и нашъ кучеръ; ну, да гдѣ уйдти—тамъ не лошади, а звѣри настоящіе! Бабинька зарѣбѣли: «Алексѣй Максимычъ, тетенька, Дуня милая, что мнѣ дѣлать, что со мной будетъ?!»—«А вы, говорю, барышня сидите да молчите—помалкивайте». Какъ только сравнялись съ нами Богдановскія сани, такъ Истукашка со всего маха брякъ къ намъ въ сани, схватился за возжи и сразу остановилъ лошадей. Алексѣй Максимычъ выставилъ было свою сабельку. «Ну, баринъ, ты это оставь», это Истукашка-то ему говоритъ, вырвалъ у него сабельку и, какъ соломинку, переломилъ пополамъ. «Вотъ, говоритъ, тебѣ и шпажка твоя, и съ тобой самимъ то же будетъ, коли еще сунешься», да съ этими словами схватилъ меня, какъ перышко, закрылъ голову капишономъ — тогда салопы съ капишонами длинными такими носили: «на! крикнулъ, бери ребята и айда!». Помчали меня, рабу Божью!.. Упало во мнѣ сердечушко! Зарѣбѣла я; что думаю, какъ Петръ Ѳедоровичъ въ сердцахъ да велитъ меня спустить тоже подъ мельничное колесо. Примчались мы скоро; сани остановились; меня опять подхватили, все еще съ закутанной капишономъ головой, и понесли; чувствую, что внесли въ горницу; слышу Истукашкинъ голосъ, хрипльій такой: «бери, получай кладь, велѣлъ прямо въ кабинетъ». Опять меня куда-то понесли. Когда мнѣ откинули съ головы капишонъ, я увидѣла, что лежу въ барышниномъ салопѣ на диванѣ, около меня два лакея, ковровый платокъ снимаетъ съ меня самъ Петръ Ѳедоровичъ, а у самого руки такъ и трясутся. Вдругъ какъ заоретъ въ превеликую:

— Кого это вы ко мнѣ, дураки, притащили! Позвать сюда Истукашку!

Я тѣмъ часомъ съ дивана поднялась, стою ни жива, ни мертва, какъ была въ салопѣ.

Ввалился въ кабинетъ Истукашка и сталъ около двери·

— Ахъ, ты, такой, сякой, — напустился на него Петръ Ѳедоровичъ,—какую это ты мнѣ рожу привезъ? Подойди-ка, вагляни, что это за жаръ-птица-синица? Что правда, то правда, и смолоду я некрасива была.

Подошелъ Истукашка, глаза вытаращилъ:

— Вотъ такъ оказія!—говоритъ.—Значитъ, я обмишурился [1])! Да чтожъ, сударь, я чѣмъ виноватъ? Барышню я въ лицо плохо знаю, такъ вамъ и докладывалъ; вы велѣли брать ту, что въ шелковомъ салопѣ, я и взялъ, а въ лицо разглядывать тутъ было некогда.

— А ты, голубушка, эвіопка ты эдакая!—крикнулъ на меня Петръ Ѳедоровичъ,—какъ смѣла выдать себя за барышню и явиться ко мнѣ? Твое дѣло было сказать, кто ты, когда везли тебя сюда. Да я изъ тебя, кричитъ, щепъ и лучины настрогаю!

Распалился страсть какъ, не роди мать на свѣтъ!

---

[1]) Обманулся, ошибся.

Digitized by Google

— Воля ваша, сударь,—отвѣчаю ему,—но только какъ есть я раба, наше дѣло хлопское, что велятъ, то и дѣлай, а за барышню свою я и помереть готова.

Должно, понравились эти мои рѣчи Петру Ѳедоровичу; стихъ онъ; помолчалъ маленько и говоритъ Истукашкѣ и лакеямъ:

— Вотъ, говоритъ, скоты, какъ надобно служить, а не то, что... Молодецъ, говоритъ, дѣвка; за эти твои рѣчи прощаю тебя и жалую, и подарилъ мнѣ серебряный рублевикъ.

— Сейчасъ же, говоритъ, на тѣхъ же лошадяхъ, сохранно довезти ее до Князева—вотчина наша Князево называлась.

Довезли меня въ Князево до околицы, тутъ отпустили, и я пришла въ барскіе хоромы, гдѣ еще всѣ не спали. Смотрю, старый баринъ пресердитый расхаживаетъ по залѣ; я ему все разсказала, какъ что было, а баринъ: «ахъ, онъ поганецъ эдакій, говоритъ, да какъ онъ смѣлъ помыслить только эдакое на мою дочь; ну, я ему этого ни въ жисть не подарю!». Съ тѣхъ поръ дворня и прозвала меня Дуня краденая; у насъ въ дворнѣ было три Авдотьи, вотъ для отлички меня и стали такъ звать; бывало и господа, и всѣ такъ и кличутъ: Дуня краденая! Въ тѣ поры царица-то Катерина умерла, царемъ сталъ сынокъ ея Павелъ Петровичъ. Пали и къ намъ вѣсти, что новый царь доискивается все правды, ящикъ такой выставилъ, куда всякій, у кого обида какая, аль нужда, кладетъ просьбу, а царь самъ каждый день всѣ ихъ разбираетъ. Вотъ старый баринъ Михайла Иванычъ и срядился въ Питеръ; тамъ все, слышь, прописалъ въ бумагѣ про Петра Ѳедоровича, и какъ онъ бѣглыхъ держитъ, какъ сосѣдей обобралъ, какъ своихъ бабъ и дѣвокъ позоритъ; какъ и его дочку хотѣлъ украсть, да бумагу эту и положилъ въ царскій ящикъ. Долго ли, коротко ли, послѣ того, какъ старый баринъ вернулся, слышимъ, въ городъ пріѣхалъ отъ царя какой-то большой начальникъ наводить слѣдствіе о Петрѣ Ѳедоровичѣ. Долго что-то онъ его наводилъ, и что дозналъ, неизвѣстно, только пришелъ отъ царя указъ, чтобы Петръ Ѳедоровичъ никуда не смѣлъ изъ деревни носа показывать, а пуще всего, Боже сохрани, не попадаться на глаза царю. Такъ и умеръ онъ подъ царскимъ гнѣвомъ.

Послѣ его смерти прошелъ между мужиками слухъ, что онъ по ночамъ выходитъ изъ могилы и бродитъ по селу; мужики ночью вырыли его, взяли, да и забили ему въ спину осиновый колъ; съ тѣхъ поръ, слышь, пересталъ ходить [1]).

А бабинькѣ Аленѣ Михайловнѣ, видно, ужъ на роду было написано быть выкраденной. Старый баринъ и слышать не захотѣлъ,

---

[1]) Не знаю, существуетъ ли теперь въ простонародьѣ это повѣрье: забивать мертвецу, который будто выходитъ изъ могилы, колъ въ спину, или пониже, и непремѣнно осиновый. Не по связи ли это съ народной легендой, что Іуда повѣсился на осинѣ, листья которой будто съ тѣхъ поръ и трясутся постоянно?

Digitized by Google

когда Алексѣй Максимычъ присватался къ барышнѣ. «Молодъ, говоритъ, и деньга не держится, много зря мотаетъ». Ну, Алексѣй Максимычъ и выкралъ барышню, повѣнчался съ ней, а на другой день оба явились къ батюшкѣ съ матушкой съ повинной; баринъ посердились, пошумѣли, да что тутъ станешь дѣлать, простили. И какъ еще хорошо прожили: дѣдушка остепенился, вышелъ въ отставку, сталъ хозяйничать, въ бабинькѣ души не чаялъ; я пошла за ней въ приданое. Господа хотѣли еще тогда, какъ захватилъ меня Петръ Ѳедоровичъ, дать мнѣ вольную, да я сама не захотѣла; куда я пойду отъ барышни? Вотъ Богъ привелъ выняньчить и дѣтокъ и внучатокъ ея! Ну, дитё милое, никакъ ужъ ты и задремалъ, заговорила я тебя; да и мнѣ самой пора на покой,—закончила, позѣвывая, Авдотья Антоновна свою повѣсть изъ стародавнихъ временъ.

М. Межецкій.

Digitized by Google

ТАРАСОВА НОЧЬ.

Украинская легенда.

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышитъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора,
Обозовъ скрипъ, ковры цвѣтущей гречи,
И вы, чубы, остатки славной Сѣчи?

. . . . . .

Ты знаешь край, гдѣ съ Русью бились ляхи,
Гдѣ столько тѣлъ лежало средь полей?
Ты знаешь край, гдѣ нѣкогда у плахи
Мазепу клялъ упрямый Кочубей?
И много гдѣ пролито крови славной
Въ честь древнихъ правъ и вѣры православной?

Гр. А. Толстой.

1.

ОРОШО ПОЕТЪ старый бандуристъ, слѣпой Грицко. Торопливо перебираетъ онъ струны своего незатѣйливаго инструмента, и тягучіе, меланхолическіе звуки разливаются вокругъ звенящею волною. Весь хуторъ собрался слушать дѣдову пѣсню... Парубки и дивчата толпой окружили слѣпца и боятся перевести дыханіе, чутко прислушиваясь къ родному напѣву. Старики чинно усѣлись на завалинки и, свѣсивъ на грудь сѣдыя головы, задумчиво теребятъ концы своихъ длинныхъ, желтоватыхъ усовъ.

А кругомъ — тихій лѣтній вечеръ разливаетъ прохладу... Медленно угасаетъ вдали за Днѣпромъ алая заря, и послѣдніе ея от-

Digitized by Google

блески прихотливо золотятъ листву пирамидальныхъ тополей, багрятъ низенькія бѣлыя хаты. Красиво раскинулись онѣ на береговомъ обрывѣ и, осѣненныя вѣтвями старыхъ раскидистыхъ вязовъ, привѣтливо выглядываютъ изъ зелени вишневыхъ садовъ и грушевыхъ деревьевъ. Желтая, размытая весенними дождями, круча волнистыми песчаными гребнями спускается внизъ, теряясь въ прозрачной рѣчной глубинѣ. Это Днѣпръ внизу, широкій и плавный, беззвучно катитъ свои холодныя воды.

Въ тепломъ вечернемъ воздухѣ—ни звука. Лишь изрѣдка всплеснетъ рыба за песчаною отмелью, и широкіе круги побѣгутъ отъ нея, расплываясь по темносиней рѣчной поверхности, да порой запоздалая утка, грузно махая крыльями, перерѣжетъ воздушную синеву и, отрывисто крякнувъ, торопливо опустится въ густые камыши—въ темныя заводья противоположнаго берега. И опять все стихло, и опять ни звука... Только одинъ дѣдъ попрежнему задумчиво поетъ свою пѣсню, и мѣрно несутся въ вышину протяжные звуки. Плавно переливаются они въ мягкомъ вечернемъ воздухѣ и замираютъ вдали, дробясь и теряясь въ береговомъ очеретѣ... Поетъ слѣпой Грицко, тихо перебирая костяными наконечниками звенящія струны, и послушно вторитъ знакомому напѣву его вѣрная подруга — бандура. Поетъ онъ толпѣ про родную Украйну, про знаменитую Сѣчь, про удаль и молодечество дѣдовъ... Вспоминаетъ былую казацкую волю, грозные набѣги лихихъ запорожцевъ, походы въ «чайкахъ» да въ крѣпкихъ «дубахъ» по бурливому Черному морю... И плавно развертывается предъ увлеченными слушателями живая историческая картина.

Все больше и больше оживляется бандуристъ и, полный охватившаго его вдохновенія, поднимаетъ къ небу свои незрячіе глаза. Мощно звучатъ его струны, и будятъ онѣ въ меланхолическомъ сердцѣ малоросса былыя могучія силы... Прислушиваясь къ пѣснѣ—думной правдѣ облюбованной, ниже поникаютъ сѣдыми головами старики, и невольно бѣгутъ слезы по ихъ морщинистымъ лицамъ. Поминаетъ пѣвецъ старыхъ гетмановъ, гордость и славу отчизны, битвы ихъ съ ляхами да крымцами, и былые походы — вѣковую грозу Рѣчи Посполитой. Палей, Мазепа, Кочубей, Сагайдачный и гетманъ Остраница проходятъ одинъ за другимъ въ плавной нити его разсказа, и волнуютъ они горячую кровь въ казацкихъ жилахъ... Бьются сильнѣе сердца парубковъ отъ дѣдовой пѣсни; яркимъ румянцемъ вспыхиваютъ щеки, и все молодцеватѣе заламываются на бекрень высокія барашковыя шапки.

2.

Но вотъ и конецъ пѣснѣ... Замолкъ старый Грицко, откинулъ за спину привязанную на ремень бандуру и принялся ощупью ша-

Digitized by Google

рить вокругъ себя дрожащими руками. Проворная молодуха осторожно поднесла ему полную кружку, и жадно прильнулъ къ ней дѣдъ воспаленными губами. Съ наслажденіемъ тянетъ онъ холодный «сыровецъ [1]), а толпа, охваченная воспоминаніями о родной старинѣ, еще долго стоитъ передъ нимъ неподвижно, безмолвно потупивъ головы. Еще долго звучитъ въ ушахъ парубковъ призывная пѣснь удальца-запорожца, и слышится въ ней молодецкій разгулъ, отъ котораго сильнѣе бьется въ груди молодое казацкое сердце...

Солнце почти уже скрылось. На крутомъ холмѣ противоположнаго берега въ багрянцѣ заката ярко вырѣзались причудливыми очертаніями уцѣлѣвшіе столѣтніе дубы, да заросшіе мохомъ огромные камни. Отдаленнымъ заревомъ пожара казалась за ними потухавшая заря, и какимъ-то зловѣщимъ пламенемъ освѣщала она вершины одинокихъ деревьевъ.

— Бачъ, якъ палаé «прокляте мíсце»!.. [2])—замѣтилъ кто-то изъ парубковъ, и вся толпа поспѣшно обернулась назадъ къ фантастическому зрѣлищу.

— Здаéтця й спрáвді колúсь знаходúвсь оттáмъ, на горí, «лúсый дідько»! [3]).

Но не успѣлъ говорившій произнести послѣднихъ словъ, какъ рѣзкій, протяжный крикъ пронесся вдругъ надъ рѣкою, гулко отозвался на другомъ берегу, и вслѣдъ за нимъ внезапно поднявшійся вѣтеръ глухо зашумѣлъ густымъ очерéтомъ. За минуту спокойная широкая гладь могучей рѣки дрогнула мелкою рябью, и вотъ, ударяя одна за другой въ береговые уступы, шумно хлынули волны и пошли вертѣть воронкой пѣнистую воду. И зашумѣлъ, заплескался Днѣпръ въ крутыхъ своихъ берегахъ, и отвѣтно завылъ ему на холмѣ холодный вѣтеръ. Бѣлою пеленой разостлался туманъ надъ зелеными камышами...

— На горí чýти стóинъ дубíвъ—бýде врáнці буря!.. [4])—говорятъ старики и тревожно прислушиваются къ раскатистому рѣчному говору.

— Бачъ, якъ Днiпрó дмéтця горóю-на лúхо, бáчця расходúвся!.. [5])—перешептываются между собою парубки, внимательно вглядываясь въ пѣнистыя волны прибоя.

— Таце усé мáбуть на тíй горí орудуе отóй «лысый дідько!..» [6])

И, слушая ихъ разговоръ, слѣпой бандуристъ съ усмѣшкой качаетъ головою. Знаетъ онъ вѣрнѣе другихъ, почему вдругъ загудѣлъ

---

[1]) Родъ хлѣбнаго кваса.

[2]) «Вишь, какъ горитъ «проклятое мѣсто»!..

[3]) «Видно, вправду жилъ тамъ прежде «лысый дидько»!..

[4]) «Стонутъ дубы на горѣ — будетъ къ утру буря!..»

[5]) «Днѣпръ бурлитъ, хлопцы, не къ добру расходился!»

[6]) Это все мутитъ, тамъ на горѣ «лысый дидько».

Digitized by Google

такъ Днѣпръ и отчего быстрѣе покатилъ свои плавныя, спокойныя воды.

— Эхъ вы, хло́пці, хло́пці неразумні! Слухáйте вже кра̀ще мою пісню, чімъ брехати бабьи казки!.. [1])—вздыхаетъ слѣпой и опять береть въ руки свою бандуру.

— Не дмéться Дніпро́, хлопцы, не дмéться—аграé! Пізнавъ вінъ, що́ прійшо́въ его часъ, помятае, могучій, Тарасову нічь!.. [2]).

И опять сталъ налаживать струны Грицко́ и перебирать ихъ костяными наконечниками. Плотно сдвинулись вокругъ него слушатели и съ замираніемъ сердца ждутъ, не дождутся дѣдовой пѣсни... Молодухи перемѣшались съ дивчатами, пожилые казаки съ хлопцами, даже сѣдые старцы и тѣ повставали съ своихъ завалинокъ и сѣли поближе, чтобы слушать слѣпого. Ударилъ дѣдъ по струнамъ и подъ тихіе звуки бандуры спѣлъ толпѣ о быломъ, давно позабытомъ дѣлѣ.

Много лѣтъ прошло ужъ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ слѣпой, но кому привелось слышать ту пѣсню, помнятъ дословно родное преданіе, не забыли пѣвучихъ звенящихъ аккордовъ дѣдова аккомпанимента, полнаго дивной мощи и вдохновенія...

3.

Въ старину, не на памяти отцовъ, а едва на памяти дѣдовъ стоялъ здѣсь, у Днѣпра, на песчаномъ холмѣ панскій хуторъ. Богатому ляху достался онъ отъ знаменитыхъ предковъ, но не наслѣдовалъ ихъ гордый внукъ ни дѣдова ума, ни батькова добраго сердца. Безъ толку шумѣлъ онъ на сеймахъ, махая руками, и одинъ сбирался подчинить цѣлую Запорожскую Сѣчь Рѣчи Посполитой. Надменный и кичливый, онъ жестоко притѣснялъ своихъ хлоповъ, награждая батогами за вѣрную службу. Не мало народа безъ вины погубилъ безбожный панъ, и много вдовъ и сиротъ горько плакалось на него Богу. Умерла съ горя любимая женка, но не смирилъ его Господь такимъ испытаніемъ... Только больше ожесточился съ того дня старикъ, сталъ сильнѣе мучить людей и ненавидѣть ихъ безъ причины. Прошли года, не раскаялся грѣшникъ, и вотъ рѣшилъ Господь жестоко наказать безумнаго ляха...

4.

Плавно катитъ Днѣпръ свои могучія волны... Широкою лентой извивается онъ, холодный и чистый, и яркое лѣтнее солнце, играя

---

[1]) Эхъ, вы, хлопцы неразумные, слушайте ужъ лучше мою пѣсню, чѣмъ врать бабьи сказки.

[2]) Не бурлитъ Днѣпръ, хлопцы, не бурлитъ, а играетъ. Вѣдалъ онъ, что пришло его время, помнитъ, могучій, Тарасову ночь.

Digitized by Google

лучами, отражается въ его прозрачной глубинѣ золотистымъ огненнымъ шаромъ. Красиво бѣлѣютъ на холмѣ богатые панскіе хоромы и, утопая въ зелени роскошныхъ садовъ, картинно выдвигаются надъ крутымъ береговымъ обрывомъ. Змѣйкой вьется по песчаному скату едва примѣтная дорожка и, взбѣжавъ, наконецъ исчезаетъ въ тѣни густой тополевой аллеи.

Тихо въ панскихъ хоромахъ... Плотно заперты вездѣ двери и ставни, оберегая внутри прохладу. Только одно окно распахнулось настежь, и въ немъ виднѣется красивая женская головка. Это молодая паненка, красавица Марина, задумчиво глядитъ на Днѣпровскую ширь, любуясь ея синеватымъ отливомъ. Пышныя косы обвились вокругъ шеи, и мѣрно дышитъ высокая грудь. Скучно дивчинѣ одной въ батьковомъ хуторѣ; какъ зѣницу ока, бережетъ старый магнатъ единственную дочку, и не смѣетъ ни вѣтеръ пахнуть на ея бѣлыя плечи, ни солнце заглянуть въ голубыя красавицы очи.. Прекрасна, какъ Божій ангелъ, Марина, и не даромъ на шумныхъ вечеринкахъ любуется ею вся молодежь, да не спѣшитъ выдавать дочку гордый, надменный старикъ. Хочетъ онъ сосватать ей жениха перваго въ Польшѣ, да не простой, а королевской крови. Томится панночка въ родномъ домѣ, какъ въ злой неволѣ, некого полюбить ей горячимъ молодымъ сердцемъ, не съ кѣмъ подѣлиться завѣтными думами... Глядитъ красавица на зеленые лѣса, на песчаный обрывистый берегъ и все больше задумывается о томъ вольномъ краѣ, куда мчитъ родная рѣка свои прозрачныя волны...

5.

Вдругъ слабый дрожащій звукъ пронесся надъ Днѣпромъ, и вслѣдъ за нимъ звенящею, мелодичною волной полилась задушевная пѣсня. Вздрогнула мечтавшая панночка и стала жадно прислушиваться къ незнакомому ей напѣву. А пѣсня неслась все далѣе и далѣе, разливаясь надъ полями, и слышалась въ ней горячая страсть вмѣстѣ съ нѣжною сердечною тоскою...

Ой ти, мі́сяць-мисячéньку!
И ти, зóре я́сна!
Свíтижъ мíні стежéчкою
Де дівчи́на хра́сна!
Ой вяжежъ іі не бачи́въ я
Три дні, три години;
Свíтижъ, свíти мі́сячéньку
До моéй дивчи́ни!..

Угадала въ той пѣснѣ красавица Марина вздохъ молодой кипучей груди, почувствовала, какъ замерло вдругъ въ трепетномъ ожиданіи ея собственное сердце.

Digitized by Google

Генъ вже ба́чу га́рну ха́ту,
До ря́сні топо́лі!..
Свíтижъ, свíти мíсячéньку
До милоí моí!
Ой-жъ ти мíсяць-мíсячéньку
Свíтижъ—нестлумля́йся!
А якъ бу́ду ко́ло нéі —
То́ді заховáйся!..

И вдругъ, изъ-за песчаной косы, шурша рѣчнымъ тростникомъ, бойко выбѣжала на середину быстрая запорожская лодка. Молодой казакъ въ бѣлой нарядной свиткѣ ловко взмахнулъ длинными веслами, и, какъ птица, понеслась легкая ладья на встрѣчу теплому вѣтру. Но не успѣла она поровняться съ панскими хоромами, какъ укоротились молодецкіе взмахи, и замерли неподвижно поднятыя вверхъ бѣлыя кленовыя весла... Увидалъ казакъ въ растворенномъ окнѣ панночку, оборвалъ свою удалую пѣсню и, очарованный ея красотой, заглядѣлся на бѣлое личико, залюбовался голубыми очами. Зардѣлась и Марина отъ жгучаго взора черноброваго удальца; трепетнѣе забилось пылкое сердце отъ его молодецкой пѣсни, и все, что таило оно въ глубинѣ, поднялось теперь съ неудержимою силой. Безпомощно упали на колѣна бѣлыя ручки, и поникла въ раздумьѣ на пышную грудь ея чудная русая головка.

Вотъ отрывисто затрубилъ вдали рожокъ—это старый панъ возвращается съ охоты. Быстро захлопнула окно молодая панна, а казакъ уронилъ въ Днѣпръ заломленную набекрень высокую барашковую шапку...

6.

— Что съ тобой, Тарасъ, отъ чего повѣсилъ ты удалую голову?..

— Скучно мнѣ, хлопцы; сосетъ неотвязная тоска ретивое сердце!..

И качаютъ парубки головами и не надивятся, что сталось вдругъ съ ихъ товарищемъ, лихимъ атаманомъ. Чуть только вечеръ станетъ спускаться на землю, а казакъ уже ладитъ свою легкую лодку; беретъ саблю да бандуру, и богатырскіе взмахи его веселъ несутъ челнъ къ крутому обрыву... И звучитъ тамъ и льется волной молодецкая пѣсня и дрожитъ замирая ея страстный напѣвъ въ панскихъ садахъ и аллеяхъ.

Каждый разъ, при первомъ знакомомъ звукѣ, распахивается завѣтное окно, и красавица паненка, подперевъ руками чудную головку, садится слушать любимую пѣсню. Медленно текутъ слезы по ея нѣжнымъ, пылающимъ щекамъ, съ волненіемъ всматривается она въ багряную даль, и не замѣчаетъ гордая Марина, какъ въ порывѣ охватившей ее страсти невольно взмахнула платкомъ бѣлая ручка и какъ въ отвѣтъ ей еще громче полились пѣвучія, задушевныя ноты...

Digitized by Google

Не стерпѣло долго молодое сердце; загорѣлось оно жгучимъ огнемъ, и безумно полюбила панночка красиваго казака, черноброваго Тараса.

7.

Сумраченъ ѣдетъ съ охоты домой старый панъ, и едва передвигаетъ подъ нимъ рѣзвыя ноги измученный иноходецъ. Молча плетется усталая дворня, не смѣя перекинуться словомъ, и боязливо поглядываетъ на своего повелителя. А гордый панъ не даромъ не въ духѣ. Давно уже не запомнитъ онъ такой неудачной охоты и въ сильной злобѣ крутитъ сѣдые усы, сдвигаетъ хмурыя брови. Словно на смѣхъ, съ утра не могли выгнать доѣзжачіе ни одного звѣря, и клянетъ спесивый старикъ Бога и Его святыхъ за свою неудачу. Голодный и злой срываетъ онъ сердце на бѣдномъ конѣ и хлещетъ нагайкой его взмыленную шею. Запылился богатый кунтушъ, забрызганы пѣной дорогіе шаровары, колючимъ кустарникомъ поцарапаны руки, но разсерженный панъ ничего не замѣчаетъ; все думаетъ онъ объ охотѣ и рѣшаетъ наконецъ полевать съ этихъ поръ каждый день, хотя пришлось бы заморить всѣхъ коней и хлоповъ, пока не подыметъ звѣря на славу, не затравитъ огромнаго лѣсного вепря. И трубитъ онъ съ утра по полямъ, едва ночью возвращаясь къ дому.

8.

Медленно догораетъ за рѣкою солнце, и широкими багровыми полосами разбѣгаются его лучи, слабо освѣщая затихающія окрестности. Длинныя тѣни протянулись отъ деревьевъ, и сильнѣе пахнетъ трава въ тепломъ вечернемъ воздухѣ. Въ голубой вышинѣ постепенно вспыхиваютъ яркія звѣздочки, и бѣжитъ и шумитъ и плескается Днѣпръ, плавно покачивая скрытую въ камышахъ казацкую лодку. Тихій, страстный шопотъ доносится изъ темной аллеи... Это Тарасъ держитъ въ объятіяхъ красавицу Марину и зоветъ ее съ собой на родную Украйну.

— Эхъ, мое сѐрденько, понесемся скорѣй въ моей легкой ладьѣ къ Черному морю, къ батькову дому!.. Подыму я бѣлый парусъ, широко размахну веслами, и не догонятъ насъ вражьи ляхи...

— Нѣтъ, казакъ, не могу я бѣжать съ тобою... Отцово проклятье падетъ на насъ обоихъ, и не принесетъ мнѣ счастья твоя любовь, не дастъ отрады вольная Украйна...

— Полно, Марина, не мучь, не томи меня, моя голу́бонько! Понапрасну не терзай молодого сердца. Полюбилъ я тебя не даромъ больше Божьяго свѣта, больше казацкой воли! Не пойдешь сама— такъ умчу тебя силой; жизнь отдамъ за тебя, моя коха́на, но не разстанусь съ тобою...

Digitized by Google

Шуршитъ вѣтеръ береговымъ очеретомъ, таинственно перешептываются въ густѣющемъ сумракѣ старые дубы, и молча борется съ горячимъ сердцемъ горделивая панна.

— Подожди, подожди, мой милый! Придетъ время, принудитъ судьба—я сама убѣгу съ тобою. Видно, такъ ужъ судилъ тогда Богъ, и не мнѣ преступить Его волю!.. А пока жди, Тарасъ, условнаго знака: брошу я съ обрыва кружевной платокъ, и готовь ты тогда свою легкую лодку, подымай на ней бѣлый парусъ... Выйду я на закатѣ въ темную аллею и буду ждать тамъ дорогой встрѣчи!..

Долго стоитъ казакъ, опершись на весло передъ своимъ челномъ и задумчиво крутитъ черный усъ, прислушиваясь къ тихому шелесту буковъ. Давно замолкъ вокругъ людской гомонъ; только Днѣпръ звучнымъ плесомъ волны будто шепчетъ, зоветъ казака и торопитъ вернуться въ Украйну...

9.

Веселъ вернулся домой старый панъ, затравивъ желаннаго вепря. Но онъ сталъ еще веселѣе, прочитавъ письмо, привезенное ему гонцомъ отъ литовскаго воеводы. Вѣрный другъ сыскалъ наконецъ жениха для красавицы Марины, знатнаго магната королевской крови. И улыбается самодовольно кичливый ляхъ, перечитывая знакомыя строки, горделиво подымаетъ свою сѣдую голову.

Некрасивъ и немолодъ облюбованный женихъ, не подъ стать онъ пышной паненкѣ; но властному старику нѣтъ дѣла, полюбитъ ли дочь своего будущаго мужа. Онъ спѣшитъ только объявить ей радостную новость и торопитъ свадьбой ошеломленную Марину. Горько плачетъ бѣдная панночка, не смѣя противиться строгой отцовской волѣ, напрасно рыдаетъ, ломая руки, у ногъ упрямаго старика. Умоляетъ она отказать жениху, пощадить ея молодость, не губить безъ вины ея жизни...

Но далъ уже согласіе самолюбивый деспотъ, и скорѣе готовъ онъ пожертвовать любимою дочерью, чѣмъ отказаться отъ своего «панскаго» слова, отъ выполненія завѣтной мечты и честолюбивыхъ плановъ.

10.

Свѣтлая, лунная ночь нависла надъ Днѣпромъ, и горитъ онъ весь и сверкаетъ, переливаясь серебромъ, отражая въ темно-синей глубинѣ блестящія звѣзды. Весь залитый лунными лучами бѣлѣетъ на холмѣ панскій хуторъ, и тихо шепчутся вокругъ него пирамидальные тополи, качаютъ вершинами старые буки. Желтымъ пятномъ вырѣзывается надъ рѣкой песчаный обрывъ съ едва примѣтною узкою дорожкой.

Digitized by Google

Вотъ медленно отдѣлилась отъ противоположнаго берега длинная тѣнь и плавно заскользила по спокойной рѣчной поверхности; это казакъ погналъ дубъ въ камышевую заросль. Пристально вглядывается Тарасъ въ знакомую аллею, и чудится ему вдалекѣ бѣлая женская фигура. Чу!.. кто-то быстро приближается къ обрыву; еще моментъ... и бѣлый платокъ замелькалъ въ воздухѣ, падая въ воду съ отвѣсной кручи.

Рѣзко свистнулъ Тарасъ, и пронесся отрывистый звукъ, замирая въ ночной тишинѣ надъ спокойною рѣкою. Блеснули въ тонкихъ лучахъ мѣсяца мокрыя весла, разлетѣлись отъ нихъ серебристые брызги, и поплылъ черный дубъ по теченію, унося съ собою казака, затянувшаго молодецкую пѣсню.

11.

Недоволенъ старый панъ своей дочкой. Пристально слѣдитъ онъ за нею, и кажутся подозрительными опытному отцу нетерпѣливые взгляды Марины, ея порывистыя движенія и постоянная задумчивость. Въ его сѣдую голову не даромъ закралось сомнѣніе, и тайныя предчувствія не даютъ покоя мятежному сердцу. Зорко наблюдаетъ онъ за дочерью, и хочется старику тайно провѣрить нелѣпый доносъ своего вѣрнаго хлопа.

Уже къ вечеру близится день, а панъ велитъ сѣдлать лошадей и отправляется на охоту. Простился онъ съ Мариной, не велѣлъ ждать себя ближе утра и поѣхалъ не спѣша къ темному лѣсу, приказавъ доѣзжачимъ спустить своры. Вотъ уже замеръ вдали лошадиный топотъ, и только слышитъ панночка, какъ затрубили охотничьи рога, залились псы по поднятому звѣрю. Осталась красавица одна, быстро собралась въ дорогу и спѣшитъ на обрывъ, въ темную аллею, къ условному мѣсту. Бѣжитъ она съ милымъ отъ постылой свадьбы на далекую чужую сторону, и бьется трепетно сердце паненки, болѣзненно замирая, и невольно гнутся подъ ней дрожащія колѣна.

12.

Ниже и ниже спускается солнце съ голубого небеснаго свода, и садится оно за холмомъ, одѣвая въ багрецъ густыя вершины деревьевъ. Легкія перистыя облачка столпились на краю горизонта, и потухающая заря заволакиваетъ ихъ нѣжно-розовою дымкой. Свѣжій вѣтерокъ, шелестя листвою, гонитъ по Днѣпру шумящія волны. Бѣгутъ онѣ торопливо журча и переливаясь и одна за другой ударяются въ песчаные береговые уступы. Сумерки постепенно одѣваютъ окрестности, и бѣлый паръ клубами стелется надъ водою.

Внизу въ камышахъ чернѣетъ привязанный «дубъ»; на обрывѣ

Digitized by Google

Тарасъ ждетъ свою паненку. Вотъ мелькнуло что-то вдали: въ темной глубинѣ аллеи бѣлая женская фигура, торопливо приближается она къ условному мѣсту.

— Здравствуй, мое сѐрденько, здравствуй, моя кохана!.. — шепчетъ казакъ, привлекая къ себѣ робкую красавицу; крѣпко сжимаетъ онъ ее въ страстныхъ объятіяхъ, и дрожитъ Марина, отвѣчая нѣжными поцѣлуями на его ласки. Только яркія звѣзды глядятъ съ вышины, да шумитъ внизу Днѣпръ, гулко переливая бурливыя волны.

— Я бѣгу съ тобою, Тарасъ! — говоритъ паненка, и порывисто обвиваютъ шею казака бѣлыя, полныя ручки.—Продалъ меня отецъ въ злую неволю — старому воеводѣ; не хочетъ онъ слушать моей мольбы, не щадитъ моей молодости... Я бѣгу съ тобою, мой милый, къ вольному морю!..

Съ восторгомъ слушаетъ ея дѣтскій лепетъ молодой казакъ, любуясь голубыми очами, гладитъ ея шелковистые волосы.

— Бѣжимъ, бѣжимъ, моя кохана! — радостно отвѣчаетъ онъ, и вспыхиваютъ черные глаза запорожца яркимъ блескомъ.

— Вырву я тебя, мое сѐрденько, изъ злой неволи, умчу далеко на родную Украйну, и не сыскать насъ тамъ ни гордому пану, ни его жениху, ни цѣлой Рѣчи Посполитой!..

— Вѣрю, мой милый, да боюсь одного: твоей легкой лодки. Не сдержать ей насъ въ лихую непогоду, не снести двойной ноши. Не страшна мнѣ рѣчная глубина — тяжела съ тобою разлука! Полюбила я тебя, Тарасъ, всею душею за удалое сердце, за твою молодецкую пѣсню. Не забыть, видно, мнѣ никогда ея чудныхъ звуковъ, какъ не вырвать изъ груди горячаго чувства. Невольна я въ немъ, и не осудитъ меня Богъ въ ослушаніи отцовской воли!..

Шумитъ внизу, бурлитъ, плещется Днѣпръ, а вверху темныя облака заволакиваютъ чистое небо. Крѣпчаетъ вѣтеръ, гулко переливаются волны, ломая зеленый тростникъ, и боязливо прислушивается къ ихъ глухому торопливому рокоту поблѣднѣвшая Марина.

— Чу! Днѣпръ бурлитъ, Тарасъ!.. Днѣпръ бурлитъ... Приближается буря!.. испуганно лепечетъ она, прижимаясь къ груди казака, и спѣшитъ успокоить робкую панночку удалой запорожецъ.

— Не страшись Днѣпра, моя радость! Разыгрался онъ въ эту ночь, торопя насъ бѣжать на Украйну, разгоняя былую кручину!.. Эта ночь—Тарасова ночь, моя дорогая Марина... Помогаетъ она вмѣстѣ съ быстрой рѣкой увезти казаку свое счастье!.. Не грозитъ батько Днѣпръ, не сбирается буря!.. Не бурлитъ онъ, мое сѐрденько, не бурлитъ, а играетъ!..

13.

И не договорилъ казакъ послѣднихъ словъ, какъ вспыхнулъ вдругъ огонь за кустами; гулкій выстрѣлъ раздался, прогремѣлъ

Digitized by Google

надъ рѣкою, отозвался на другомъ берегу, подхваченный эхомъ. Съ воплемъ ринулась панночка, покачнулся, схватившись за грудь, Тарасъ и, какъ подкошенный, упалъ на землю. Еще мгновенье, и улетѣла въ поднебесье душа изъ молодецкаго тѣла. Безумно рыдаетъ надъ нимъ Марина, ломая руки, и не слышитъ, какъ злобно смѣется подлѣ нея старый панъ, продувая винтовку.

— «Моя краля, мое сéрденько, ха, ха, ха! Не дрожи, не бойся!».. съ ненавистью повторяетъ ляхъ подслушанныя рѣчи.

— «Убѣжимъ съ тобою, моя коха́на, раздобудемъ скоро желанное счастье. Не бурлитъ батько Днѣпръ, не бурлитъ, а играетъ!».. Ха, ха, ха!.. По дѣломъ же тебѣ, подлый воръ, казацкій бродяга. Не зналъ, видно, ты моей скорой расправы; не взялся бы тогда увозить, низкій хлопъ, вельможной панны... Прогуляйся теперь одинъ на твою Украйну!..

И спихнулъ старый панъ своимъ узорчатымъ сапогомъ бездыханное казацкое тѣло съ крутого обрыва. Окровавленное покатилось оно внизъ и съ плескомъ упало въ воду. Дико завылъ на холмѣ холодный вѣтеръ, грозно закачалъ онъ темныя вершины деревьевъ, и отозвался ему батько Днѣпръ, играя сѣдыми волнами. Подхватили онѣ холодный трупъ запорожца и помчали его, шумя и плескаясь, внизъ по теченію...

— А ты, красавица, вались отцу въ ноги!.. обратился къ дочери старый панъ, сверкая очами.—Да моли пощадить твою дѣвичью честь, не порочить знатнаго имени!.. Отвернулся-бъ съ презрѣньемъ гордый женихъ, если-бъ зналъ, на кого ты его промѣняла!..

— Ненавижу я, отецъ, твоего жениха; проклинаю постылую свадьбу!—рыдаетъ ему въ отвѣтъ обезумѣвшая Марина.—Не разлучить тебѣ дочери съ милымъ, не измѣнить Божьей воли. Я любила его страстно, всею душею, и никому другому въ цѣломъ мірѣ не буду принадлежать больше!.. Прочь, прочь отъ меня, ненавистный убійца, на твоей сѣдой головѣ невинная кровь, мое проклятье и моя гибель!..

И, размахнувъ бѣлыми руками, громко рыдая, бросилась съ кручи красавица Марина. Только крикъ раздался надъ рѣкою, да всплеснули внизу, подъ обрывомъ, холодныя волны и заходили кругами... Застоналъ старый ляхъ, заметался, охваченный ужасомъ, и какъ безумный бросился къ дому. А могучій Днѣпръ еще грознѣе заревѣлъ ему вслѣдъ и понесся съ дорогою ношей, ударяя о крутые песчаные берега, ломая тростникъ, опрокидывая по пути рыбацкія лодки. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Digitized by Google

14.

Прошли года, и на мѣстѣ панскаго хутора остались одни обожженные пни да почернѣлые камни. Въ грозную ночь ударила Божья гроза, и сгорѣли дотла богатые хоромы; а на песчаномъ обрывѣ уцѣлѣли только три дуба отъ огромнаго стараго сада. Повредился въ умѣ гордый, кичливый панъ, и увезли лѣчить въ Польшу его слабую голову. Такъ и пошло прахомъ, по волѣ Божьей, все богатство предковъ съ той самой Тарасовой ночи!..

Старики бають, будто ничего не ростетъ съ той поры на «проклятомъ мѣстѣ». Будто горитъ оно каждый разъ при вечернемъ закатѣ, а въ роковую ночь надъ пустынною кручей бродятъ страшные мертвецы, раздаются вдали за холмомъ протяжные, заунывные крики... Только одинъ Днѣпръ попрежнему катитъ свои могучія воды, подмывая годъ отъ году все больше и больше песчаный обрывъ, словно мститъ ему за былое. Десятки лѣтъ, тихій и плавный, играетъ онъ въ Тарасову ночь, и думаютъ всѣ, что не даромъ бурлятъ его холодныя волны, готовя къ утру опасную бурю...

Но взойдетъ лѣтнее солнце, и затихъ онъ опять, величавый; попрежнему плавно идетъ, звеня и сверкая, его голубая ширина, тихо шелеститъ вѣтерокъ береговымъ очерétомъ, и таинственно шепчутся на холмѣ старые дубы, качая зелеными вершинами...

Борисъ Корженевскій.

Digitized by Google

ПАМИРСКІЙ ПОХОДЪ [1].

(Воспоминанія очевидца).

VI.

ЕДЛЕННО движется длинная вереница сѣрыхъ, утомленныхъ солдатъ, пробирающихся между большими каменными глыбами и поднимающихся вверхъ по Кизиль-артскому ущелью. Это ущелье врѣзывается узкою щелью въ Заалайскій хребетъ, поднимаясь отъ Алайской долины къ перевалу Кизиль-артъ, и затѣмъ съ вышки его снова спускается въ долину рѣки Марканъ-су. Шумя и пѣнясь, бѣжитъ навстрѣчу идущимъ горная рѣчка Кокъ-сай, затѣйливо извиваясь между камнями и утесами и тѣмъ еще болѣе затрудняя и безъ того нелегкое движеніе отряда. Чуть проходимая тропа вьется, круто поднимаясь вверхъ и часто пересѣкаемая быстрою рѣкой, представляетъ собою немалое препятствіе для движущагося обоза и пѣхоты, не говоря уже про совьючившуюся артиллерію, которой особенно тяжело было пробираться въ этихъ мѣстахъ. 19-го іюня, погода была пасмурная, облака почти спустились на землю и, казалось, что вотъ-вотъ коснешься ихъ головою. Дорога, благодаря небольшой ширинѣ и нагроможденнымъ всюду камнямъ, была чрезвычайно неудобна. Вьюки поми-

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXIII, стр. 111.

Digitized by Google

нутно задѣвали за большіе обломки скалъ, лежащіе на протяженіи всего пути, обрывались и падали, такъ что бѣдные солдаты положительно выбивались изъ силъ, поминутно перевьючивая лошадей. Часамъ къ восьми поднялся холодный вѣтеръ, облака совершенно спустились на землю, снѣжная крупица стала гуще падать и немилосердно бить въ лицо, но вскорѣ повалилъ сначала мелкій, а затѣмъ крупный снѣгъ. Закрутилась мятель, кругомъ не видно ни зги. Спереди, сзади, съ боковъ—все бѣло, все несется въ какомъ-то фантастически-ужасномъ вихрѣ. Идти приходилось положительно ощупью, наобумъ выбирая дорогу. Измокшіе и прозябшіе солдаты, одѣтые полѣтнему, старались быстрою ходьбою хоть немного разогрѣть свои окоченѣвшіе члены. Но, несмотря на всю неприглядную и тяжелую обстановку, въ нашемъ солдатѣ сказывался бодрый, свѣжій, не унывающій русскій духъ, тотъ духъ, который руководилъ имъ и при переходѣ черезъ Балканы и въ альпійскихъ походахъ Суворова. Вотъ подъ большимъ камнемъ, немного прикрывающимъ собою отъ снѣга и вѣтра, собралась кучка измокшихъ и иззябшихъ солдатъ. Какъ ни въ чемъ не бывало, закручиваются «цыгарки», и, вслѣдъ за подбадривающимъ табачнымъ дымкомъ, слышатся солдатскіе остроты и разговоры:

— Ну, что, братцы, совсѣмъ зимушка-то рассейская, смотри: всѣ уши залѣпило,—говоритъ одинъ.

— А въ Маргеланѣ-то, поди, теперь солдаты лежатъ себѣ да фрухтой разной обжираются,—добавляетъ другой солдатъ, выколачивая о каблукъ трубку.—И не пойму, для ча это насъ повели сюды, кому нужны эти гали (камни), — пропади они совсѣмъ, ишь сапожишки о нихъ, проклятыхъ, размочалилъ,—прибавляетъ онъ, разсматривая свои изорванные и никуда уже негодные сапоги.

Но недолго длится привалъ; раздается команда. Медленно, какъ будто нехотя, подымаются съ своихъ мѣстъ солдаты и снова безмолвно лѣзутъ впередъ, на встрѣчу разсвирѣпѣвшей стихіи. Какъ ни хотѣлось бы подольше отдохнуть, но положительно нѣтъ физической возможности дѣлать болѣе или менѣе продолжительные привалы въ такую погоду, когда даже во время ходьбы холодъ пронизываетъ до костей, а попадающій за воротникъ снѣгъ, тая, холодными струйками бѣжитъ по спинѣ. Но вотъ, послѣ полудня, снѣгъ мало-по-малу началъ стихать, туманъ разсѣялся, и дорогу можно было уже различать на довольно далекое разстояніе. Люди и обозъ страшно растянулись, и кое-гдѣ, между камней, мелькали вяло идущіе, измученные солдаты и вьючныя лошади, сопровождаемыя керекешами. Несчастныя существа эти керекеши—просто жаль смотрѣть на нихъ. Оборванные, при томъ вѣчно голодные, находящіеся въ полной зависимости отъ своихъ караванбашей и, конечно, страшно эксплоатируемые ими, они къ окончанію похода превращались просто въ нищихъ. Съ какою грустью и отчаяніемъ на лицѣ

Digitized by Google

приходили многіе изъ нихъ къ офицерамъ, заявляя плачевнымъ тономъ: «тюра, тюра, алаша кунчалъ!» то-есть, что лошадь, не вынеся тяжести вьюка, пала. Часто приходилось слышать такія восклицанія, но кому же какое дѣло до чужого горя?

Стало яснѣе, кругомъ все застлано бѣлою снѣжною пеленою, какъ бы накрыто одною сплошною скатертью и, благодаря этому, и безъ того мертвый пейзажъ получалъ видъ еще болѣе грустный и удручающій. Пасмурны и недовольны лица у идущихъ солдатъ, какъ-то апатично переставляютъ ноги усталыя лошади, и у каждаго на лицѣ можно прочесть одну мечту, одно лишь скромное желаніе— лечь и отдохнуть; еще только полчаса ходьбы и это осуществится. Кто не бывалъ въ походахъ, а особенно въ горныхъ, тотъ не можетъ понять того восторга, подъема духа и прелести, какія доставляетъ усталому, измученному человѣку голубая струйка дыма бивуачной кухни, весело поднимающаяся змѣйкой къ облакамъ. Будь солдатъ изнеможенъ до послѣдней степени, онъ оживетъ, силы его возобновятся, какъ только онъ издали увидитъ этотъ соблазнительный бивуачный дымокъ. Но не только люди, даже лошади приободряются, ощущая запахъ бивуака, и радостно ржутъ и рвутся изъ-подъ своихъ тяжелыхъ и неудобныхъ вьюковъ. Показался дымокъ. «Бивуакъ!» раздается крикъ замѣтившихъ его. «Бивуакъ!» разносится радостное извѣстіе по всѣмъ концамъ растянувшагося отряда, и всѣ, напрягая послѣднія силы, стараются возможно скорѣе преодолѣть небольшое разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ желаемой цѣли.

Около кухоннаго котла уже сгруппировалась кучка подошедшихъ погрѣться солдатъ, ружья составлены въ козлы, число которыхъ увеличивается по мѣрѣ подхода людей. Маленькій костеръ, сложенный изъ небольшого количества захваченнаго топлива, мигая, еле-еле горитъ, распространяя вокругъ себя ѣдкій дымъ тлѣющаго сырого «терескена», но все же, несмотря на эту непріятность, каждый старается ближе протянуть къ нему свои окоченѣвшія руки. Кухонная прислуга, пришедшая раньше, поставила палатку, въ которую забрались офицеры, въ ожиданіи своихъ вещей и палатокъ. Снѣгъ продолжалъ падать, но не въ такомъ обильномъ количествѣ, какъ во время перехода; вѣтра не было, но вмѣстѣ съ тѣмъ недоставало и топлива. Подошедшіе люди были посланы собирать кизякъ, котораго находилось очень немного, да и тотъ намокъ и не горѣлъ. Уже подобралось порядочно народу, но обоза, конвоя его и арріергарда все еще не видно. Сидятъ люди подъ открытымъ небомъ, терпѣливо ожидая своихъ незатѣйливыхъ походныхъ хоромъ, а снѣгъ все сыплетъ да сыплетъ. Только спустя четыре часа, подошелъ наконецъ и обозъ съ промокшими подстилочными кошмами, палатками и разными солдатскими вещами. Палатки мигомъ засѣрѣли на бѣломъ снѣжномъ фонѣ, и прозябшіе солдаты стали, было, грѣть воду въ манеркахъ,

Digitized by Google

но мокрый кизякъ не горѣлъ; такъ и пришлось лечь, не согрѣвшись чайкомъ.

«Хотя бы водочки выдали!»—ворчали солдаты, кутаясь въ мокрые тулупы и лежа на сырой кошмѣ, подъ промокшими палатками; но водка почему-то выдана не была, а супъ съ совсѣмъ недоваренным мясомъ поспѣлъ только къ первому часу ночи, и, конечно, разоспавшіеся люди такъ его и не поѣли, и онъ былъ вылитъ изъ котловъ завьючившейся съ разсвѣтомъ кухней. Никогда еще такъ скоро не были стюкованы вещи и навьючены лошади, какъ на слѣдующее утро; къ тому же погода прояснилась, и сквозь сѣрые клочки снѣжныхъ облаковъ просвѣчивало голубое небо; удалось «согрѣть» и чайники. Какимъ вкуснымъ показался на этотъ разъ черствый сухарь съ чаемъ, сильно пахнущимъ дымкомъ, съ какимъ наслажденіемъ пили всѣ его, начиная съ командира и кончая послѣднимъ керекешомъ. Раздалась команда: «въ ружье!» и отрядъ тронулся, круто поднимаясь на перевалъ Кизиль-артъ. Тяжело дышится на высотѣ 14.000 футовъ, часто останавливаются солдаты запыхавшись, захватывая полною грудью, какъ вытащенная изъ воды рыба, разрѣженный воздухъ. Круто поднимается узенькая тропа, заваленная камнями; справа обрывъ, на днѣ котораго бѣжитъ рѣчка Кокъ-сай, извиваясь между гранитными утесами. Перевалъ покрытъ снѣгомъ, кругомъ не видно ни деревца, ни кусточка—все сѣро, пустынно и мрачно. Часто попадаются то съ правой, то съ лѣвой стороны тропинки, трупы лошадей и верблюдовъ, многіе изъ нихъ уже совершенно истлѣвшіе.

Вотъ двое солдатъ добираются уже до вышки, за ними карабкается еще небольшая кучка. Остановились и смотрятъ вверхъ.

— «А што, братцы, вотъ и на небо сичасъ запрыгну,—шутитъ одинъ изъ нихъ.—Смотри, ребята!—и онъ съ крикомъ «ура!» бросается впередъ, карабкаясь по снѣгу, и вмигъ взбирается на вершину перевала. Но тутъ силы покидаютъ его, и онъ, въ изнеможеніи, переводя духъ, садится на снѣгъ.

— Ну, и гора! Ну, и горища, дьяволъ тя побери!—говоритъ другой, остановившись и тяжело дыша, глядитъ вверхъ на скрывающуюся въ облакахъ всю вершину перевала, разражаясь при этомъ цѣлымъ потокомъ крѣпкихъ русскихъ словечекъ, и, какъ будто облегчивъ себя этимъ, ползетъ далѣе, работая руками и ногами...

Вышка перевала значительно поднимается надъ окрестными вершинами, и чудный видъ открывается передъ глазами: съ боковъ вершины горъ угрюмо и мрачно стоятъ у подножія перевала, а спереди зіяетъ крутой обрывъ, въ концѣ котораго виднѣется долина рѣки Маркань-су, и каждый, видя себя выше окружающихъ вершинъ, невольно испытываетъ радостное чувство оттого, что забрался такъ высоко, выше облаковъ, въ которыхъ еще вчера проходилъ отрядъ. Задымились «цыгарки» и трубки, и вчерашняго настроенія

Digitized by Google

какъ бы не бывало; всѣ веселы, шутятъ, и кто-то было зататянулъ пѣсню, но, не встрѣтивъ, однако, поддержки, оборвалъ ее и замолкъ.

— Ну, что отдохнули, братцы? — спрашиваетъ подъѣхавшій офицеръ.

— Еще бы маленько, ваше благородіе,—какъ бы сговорившись, отвѣчаютъ солдаты.

— Ну, садись!

И самъ онъ слѣзаетъ съ лошади и садится на камень.

— Спасибо тебѣ, перевалушко,—шутитъ солдатъ, отдирая уцѣлѣвшіе лоскутья подошвъ,—удружилъ ты намъ сегодня, да и себя не забылъ, ишь подметки да подборы себѣ на память оставилъ!

Всѣ хохочутъ.

Спускъ въ долину рѣки Маркань-су довольно крутъ и извилистъ, но подъ гору идти не то, что въ гору, а потому чуть не бѣгомъ спускаются солдаты, перегоняя одинъ другого, и, перейдя въ бродъ рѣку, идутъ по глубокому песку, вдоль по широкому ущелью, окайменному невысокими, покрытыми снѣгомъ, горами.

Тяжело было идти, послѣ труднаго перевала, по рыхлой песчаной дорогѣ, а тутъ еще высота 12.000 футовъ сильно отзывалась на непривыкшихъ къ разрѣженному воздуху людяхъ. Встрѣчный вѣтеръ, несущій цѣлыя облака пыли, также сильно препятствовалъ движенію отряда, такъ что люди и лошади, тяжело дыша, еле тащили ноги. По пути поминутно попадались отдыхавшіе солдаты, грустно сидѣвшіе, безъ обычной болтовни, протирая отъ пыли глаза и уши. Воды не было—рѣка осталась позади. Вотъ одинъ тщедушный, выбившійся изъ силъ солдатикъ, захватился за болтающійся конецъ вьючной веревки и машинально переступаетъ ногами, буксируемый лошадью, и не замѣчаетъ, какъ та, прижимая уши и скаля зубы, намѣревается лягнуть его, чтобы отдѣлаться отъ лишняго груза; но вьюкъ не даетъ ей привести въ исполненіе свое намѣреніе, и животное, въ безсильной злобѣ, покоряется своей участи.

— А что, землякъ, усталъ?—раздается сочувственный голосъ казака:—садись ко мнѣ!—и онъ сдвигается на крупъ лошади и сажаетъ солдатика въ сѣдло.

Вообще казаки во время Памирскаго похода съ жалостью относились къ пѣхотѣ, на долю которой доставалось болѣе тягости, чѣмъ другимъ родамъ оружія. Казаки, бывало, то и дѣло сажаютъ на свою лошадь измученнаго линейца, а сами идутъ пѣшкомъ, солдатикъ же съ блаженной ублыбкой отдыхающаго человѣка покачивается на спинѣ казачьяго мастачка. Еще одно замѣчательное свойство оренбуржцевъ: во все время похода они никогда ни въ чемъ не нуждались. Какими-то способами они доставали себѣ всегда все необходимое, тогда какъ пѣхота изнывала отъ жажды и голода.

Идетъ казачья сотня, а между лошадьми, семеня ногами, бѣжитъ баранъ, привязанный за шею чумбуромъ, а иной разъ и цѣлая корова.

Digitized by Google

— Откуда, такія вы сякія дѣти, набрали скота?—кричитъ офицеръ.

— Присталъ по дорогѣ самъ, ваше благородіе!—отвѣчаютъ казаки, и офицеръ, удовлетворенный поясненіемъ, успокоивается.

Однажды мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ такой сценки. Ѣдетъ керекешъ, апатично сидя на своемъ вьючкѣ, и цѣлая вереница завьюченныхъ бѣлыми сухарями [1]) лошадей слѣдуетъ за нимъ, связанная въ одну линію хвостъ съ поводомъ. Сидитъ керекешъ и поетъ пѣсню, а казакъ, живо смекнувъ, что, молъ, время терять нечего, соскочилъ съ мастака, вынулъ шашку да и ткнулъ ею снизу въ одинъ изъ каповъ. Сухари одинъ за тругимъ посыпались на землю, а казакъ, подбирая ихъ, складывалъ въ торбу. Когда торба была наполнена, онъ привязалъ ее къ сѣдлу и крикнулъ по-киргизски керекешу:

— Ей, уртакъ (землякъ), ты такъ всѣ сухари растеряешь!—и при этомъ указалъ на валившіяся лепешки.

Соскочилъ киргизъ, увидалъ дыру въ мѣшкѣ, покачалъ головою и давай ее завязывать, а казака благодаритъ и суетъ ему въ награду два сухаря, приговаривая: «Казакъ якши, казаку силяу (награду) бирямъ (даю)». «Якши, якши», поддакиваетъ казакъ, пряча за пазуху сухари, и похлопываетъ по плечу керекеша. Другой разъ случай былъ еще характернѣе. Это было около бивуака, когда отрядъ проходилъ мимо юртъ отряднаго подрядчика. Около одной изъ нихъ киргизъ возился надъ приготовленіемъ плова (это было въ самое время, когда солдаты ужасно голодали, а подрядчикъ неимовѣрно наживался). Уже закрылъ киргизъ крышкой котелъ и огонь выгребъ—поспѣлъ значитъ. Проѣзжаетъ мимо оренбуржецъ.

— Ей, уртакъ, апранъ борма [2])?—кричитъ казакъ киргизу.

— Хазыръ, хазыръ, таксыръ [3]),—отвѣчаетъ киргизъ и уходитъ въ юрту. А казакъ скокъ съ лошади да къ котлу. Снялъ крышку и вывалилъ весь пловъ, часть въ фуражку, а часть въ манерку, закрылъ снова пустой котелъ крышкой, сѣлъ на коня, да и былъ таковъ. Все это было сдѣлано съ поразительною быстротой и ловкостью.

Выходитъ киргизъ съ чашкой, наполненною апраномъ, и, не видя казака, угощаетъ подошедшихъ пѣхотныхъ солдатъ.

— Апранъ якши [4])?—скаля свои жемчужные зубы, спрашиваетъ онъ линейца.

— Якши, якши!—хлопая по плечу киргиза, отвѣчаетъ солдатъ и продолжаетъ свой путь, а киргизъ идетъ къ котлу посмотрѣть на

---

[1]) Т. е. сартовскими лепешками, заготовленными для подрядчика и его прислуги, такъ какъ тузомцы русскихъ сухарей не ѣдятъ.

[2]) Землякъ, есть ли кислое молоко съ водой (питье)?

[3]) Сейчасъ, сейчасъ, баринъ.

[4]) Апранъ хорошъ?

Digitized by Google

приготовленное кушанье, осторожно снимаетъ крышку и замираетъ съ нею въ рукахъ...

А между тѣмъ на бивуакѣ цѣлый кружокъ солдатъ и казаковъ сидятъ на землѣ, ѣдятъ да похваливаютъ «сартовскую палаву». И сколько такихъ случаевъ можно было наблюдать надъ казаками за походъ и зимовку на Памирахъ.

По этому поводу я однажды имѣлъ разговоръ съ однимъ есауломъ и критиковалъ поведеніе оренбуржцевъ, удивляясь, что казачьи офицеры легко относятся къ нижнимъ чинамъ за ихъ продѣлки.

— А знаете, что я на это вамъ скажу,—объяснилъ есаулъ,—что я, напримѣръ, никогда не вздую казака, если онъ украдетъ, да не попадется. Съ такимъ, который только одними казенными харчами довольствуется, пропадешь въ походѣ. Возьмите-ка да посмотрите на нашу службу—гоняютъ, гоняютъ, отдыху не даютъ, интендантство фуража не доставляетъ, а подлецъ подрядчикъ только о барышѣ думаетъ; вѣдь сами знаете, какъ вашъ солдатъ голодаетъ, а коли стянетъ что нибудь, такъ у васъ его сейчасъ—подъ судъ, а у насъ немного проще: укралъ да попался—нагайкой отхлещемъ, а не попался—твое счастье. Вотъ намедни, когда мы на рекогносцировку ходили, вѣдь трое сутокъ сломя голову шли, корму подножнаго—хоть бы травинка, а ячменя интендантъ, чтобъ ему пусто было, видите ли, опоздалъ доставить. Я для своего коня запасъ ячменя берегъ въ курджумахѣ, какъ золото, и въ палаткѣ вмѣсто подушки подъ голову клалъ. Просыпаюсь это я, гляжу, а половины ячменя нѣтъ! Выкрали подлецы, изъ-подъ головы своего сотеннаго командира выкрали, а что подѣлать? Такъ у насъ ужъ поставлено дѣло, что заставляютъ казака красть—ничего не подѣлаешь.

И есаулъ былъ правъ.

Еще верстъ шесть протянулся отрядъ ущельемъ, затѣмъ повернулъ вправо, и вдругъ передъ нашими глазами открылась огромная равнина, окруженная кольцомъ совершенно бѣлыхъ, снѣговыхъ горъ, среди которыхъ блестѣло озеро Кара-куль, на южной сторонѣ котораго была назначена завтрашняя стоянка отряда.

— Ну, робята, завтра мы значитъ на эфту самую Памиру зайдемъ! Самъ слышалъ, какъ ротный господамъ сказывалъ! — сообщаетъ солдатъ собравшейся кучкѣ товарищей, и всѣ довольны, что наконецъ добрались до Памира, но никто не думаетъ о томъ, сколько ему еще предстоитъ впереди погулять по этой каменной, горной пустынѣ и натерпѣться всякихъ невзгодъ.

VII.

— Осмѣлюсь доложить!

— Что такое? — спросилъ я просунувшаго голову въ палатку унтеръ-офицера Бѣлова.

Digitized by Google

— Тилля умираетъ, пожалуйте въ лазаретъ, докторъ проситъ!

Я вскочилъ и бѣгомъ пустился къ лазаретной юртѣ. Я былъ дежурнымъ по баталіону, а потому меня и позвалъ докторъ. Тилля былъ довольно замѣчательная личность. Онъ былъ простымъ сартомъ и когда-то служилъ у меня малайкой (лакеемъ), всегда отличался влеченіемъ ко всему русскому и даже охотно носилъ русскій костюмъ. Это былъ рослый, здоровый сартенокъ, съ сильной мускулатурой, весьма неглупый и расторопный. Когда былъ объявленъ Памирскій походъ, ему во что бы то ни стало захотѣлось поступить солдатомъ въ отправляющійся на Памиры отрядъ. Не долго думая, онъ явился къ командиру баталіона и изложилъ ему свою просьбу; но такъ какъ до сихъ поръ ни одинъ сартъ въ военную службу не принимался и законоположеній на случай поступленія узбековъ добровольцами въ русскую армію не было, то командиръ отказалъ Тиллѣ въ принятіи его добровольцемъ. Однако, сартенокъ не потерялъ энергіи и явился съ той же просьбой къ начальнику отряда, Іонову, который прямо отвѣтилъ ему, что сартовъ въ военную службу не принимаютъ. Потерпѣвъ и здѣсь неудачу, Тилля отправился къ губернаторскому дому и дождавшись, когда командующій войсками выходилъ, чтобы сѣсть въ коляску, подалъ генералу прошеніе и еще разъ изложилъ лично свою просьбу. Послѣ этого, черезъ нѣсколько дней, состоялся приказъ о зачисленіи Тилли рядовымъ во 2-й Туркестанскій линейный баталіонъ. Очень скоро усвоилъ молодой солдатъ все, что требуется отъ рядоваго, и выступилъ въ походъ уже совершенно готовымъ солдатомъ, ничѣмъ не уступавшимъ старослужащимъ. Службу Тилля несъ исправно, порученія исполнялъ точно и сразу попалъ на хорошій счетъ у ротнаго командира.

Первое время, когда бывало онъ сильно уставалъ во время тяжелыхъ переходовъ, солдаты посмѣивались надъ нимъ.

— Что, сартъ, ноги не идутъ!—говорили они.

— Ничего, пойдутъ!—отшучивался Тилля и догонялъ товарищей.

Только при подъемѣ на перевалъ Кизиль-артъ съ нимъ случилось странное явленіе. До самой вышки онъ бодро шелъ, много шутилъ и дышалъ почти свободно, когда прочіе солдаты сильно задыхались.

— Ишь сарту духу хватаетъ!—ворчали они.

Но только поднялся Тилля на перевалъ, какъ кровь хлынула у него изъ горла, онъ лишился чувствъ и съ полъ-часа пролежалъ въ безсознательномъ состояніи. Фельдшеръ кое-какъ помогъ несчастному добровольцу, и онъ, придя въ себя, какъ ни въ чемъ не бывало отправился дальше, такъ что даже и въ околотокъ не явился. Только вдругъ, придя на южный берегъ озера Кара-куль, гдѣ всѣ жаловались на сильное удушье, благодаря высотѣ 13.300 футовъ, Тилля началъ задыхаться, и съ нимъ случился второй припадокъ, заставившій солдатъ внести его въ лазаретъ. Теперь онъ умиралъ.

Digitized by Google

Когда я вошелъ въ лазаретную юрту, то увидѣлъ передъ собою полунагого человѣка. Я узналъ сейчасъ же Тиллю, хотя онъ сильно измѣнился. Лицо его было синебагроваго цвѣта, глаза какъ-то странно вытаращены, изо рта текла пѣна, а руки были согнуты кулаками къ груди. Онъ сильно хрипѣлъ и конвульсивно дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Что съ нимъ?—спросилъ я доктора.

— Сейчасъ будетъ готовъ,—сказалъ онъ мнѣ,—доложите начальнику отряда—параличъ легкихъ. И чего было брать его въ походъ, жилъ бы себѣ въ малайкахъ, а тутъ вотъ...—покачалъ онъ головою.

— Высоты не вынесъ?—спросилъ я.

— Да, конечно, шутка ли такіе переходы, на 14.000 футахъ, погодите, это еще цвѣточки,—указалъ онъ на умирающаго,—ягодки еще впереди, много будетъ такихъ...

Вдругъ умирающій какъ будто немного приподнялся и, издавъ страшный крикъ, какъ-то сильно захрипѣлъ и опрокинулся на подушку; руки его повисли, и одна спустилась на землю; онъ сразу осунулся и сдѣлался какимъ-то особенно маленькимъ, какъ будто провалился въ кровать.

— Готовъ,—сказалъ докторъ, взявъ руку несчастнаго охотника, и прибавилъ, обращаясь ко мнѣ:—идите докладывайте.

Я вышелъ изъ юрты и направился къ начальнику отряда.

Похоронили мы Тиллю съ воинскими почестями. Мулла изъ ближайшаго аула отчиталъ умершаго; надъ могилой его киргизы поставили памятникъ, сложенный изъ каменьевъ, и завалили его архарьими рогами.

— Да, едва вошелъ отрядъ въ область Памира, а жертва уже есть,—подумалъ я, направляясь послѣ похоронъ Тилли въ свою палатку, а съ бивуака доносилась солдатская пѣсня, и гдѣ-то гремитъ гармоника, неизбѣжная спутница русскаго воина. Иной разъ каждая пуговица кажется тяжелѣе чугунной гири, и солдатъ со злобой срываетъ ее прочь, а гармоника неизмѣнно треплется за его спиною, и лишь только придетъ измученный солдатъ на бивуакъ, поставитъ палатку и не успѣетъ еще отдохнуть, а ужъ гармоника заливается, наигрывая неизбѣжную «Матаню».

Кара-куль лежитъ на высотѣ 13.000 футовъ; это—большое озеро съ горько-соленою водою и мертвыми солонцеватыми берегами, окаймленное кольцомъ снѣговыхъ горъ. Среди озера, ближе къ сѣвернымъ берегамъ его, тянется довольно большой, скалистый островъ, съ такою же мертвою природою, какъ и берега самаго озера. Мнѣ захотѣлось пробраться на этотъ островъ, тѣмъ болѣе, что мѣстные киргизы увѣряли, что еще ни одинъ европеецъ не проникалъ туда.

Приказавъ сложить парусинную лодку, я взялъ двухъ рядовыхъ охотничьей команды, и мы поплыли по озеру.

Digitized by Google

Воды его, казалось, впервые носили на поверхности своей судно и словно сердито морщились, уступая человѣческой силѣ. На зеркальныхъ водахъ озера плавало множество водяной птицы, которая близко подплывала къ лодкѣ, съ удивленіемъ поглядывая на насъ. Стайка гусей подплыла почти на 8 шаговъ, и я, схвативъ ружье, приложился и выстрѣлилъ. Громъ выстрѣла глухо пронесся надъ водою и замеръ, подхваченный эхомъ въ ущельяхъ окружныхъ горъ. Одинъ гусь былъ убитъ, и тѣло его мѣрно колыхалось на поверхности озера; прочіе поднявшись отлетѣли немного въ сторону и спустились на воду. Настрѣлявъ множество дичи, мы пристали къ острову, и я принялся за съемку его. Это былъ голый, скалистый островъ, сплошь усѣянный утиными гнѣздами, въ которыхъ находились еще неоперившіеся птенчики. Нанеся островъ на планшетъ, я съ богатой добычей вернулся въ отрядъ, гдѣ вечеромъ всѣ съ аппетитомъ ѣли вкусную, жареную птицу.

Въ 1894 году, шведскій путешественникъ Свенъ-Хеддинъ пробрался на этотъ островъ по льду зимою и произвелъ его промѣры.

По берегамъ озера въ обильномъ количествѣ ростетъ небольшими кусточками тереskенъ. Это растеніе представляетъ собою великолѣпное и единственное топливо на Памирѣ, оно одинаково хорошо горитъ, какъ въ сыромъ, такъ и въ сухомъ видѣ, а также иногда, за неимѣніемъ подножнаго корма, служило пищею для отрядныхъ лошадей. Тереskенъ представляетъ собою небольшой колючій кустикъ съ зелено-оранжевыми, мясистыми листочками, имѣющими большое сходство съ листьями барбариса, и съ толстымъ, короткимъ корневищемъ, неглубоко сидящимъ въ рыхлой, солонцеватой почвѣ. На Памирахъ его такое множество, что нѣкоторыя долины на протяженіи многихъ десятковъ верстъ сплошь покрыты этимъ растеніемъ, безъ котораго жутко пришлось бы отряду среди снѣговъ и бурановъ Памира.

— Господа,—сказалъ намъ за ужиномъ П.,—доставайте-ка на завтрашній день потеплѣе одежду, на такое мѣстечко придемъ, просто бѣда.

— А въ чемъ дѣло?—спросилъ я.

— Да на Музъ-куль, гдѣ Бржезицкій китайцевъ поролъ; тамъ ужасные морозы.

И дѣйствительно капитанъ былъ правъ. Лишь только мы спустились въ долину ледянаго озера, какъ на насъ повѣялъ холодный вѣтеръ, и вскорѣ морозъ защипалъ носъ и уши. Дневка была необходима, такъ какъ впереди предстоялъ перевалъ Акъ-Байталъ въ 15.070 футовъ, но на Музъ-кулѣ оставаться было немыслимо. Іюньская зима давала себя чувствовать, морозъ дѣлался все сильнѣе, а вѣтеръ усиливался такъ, что отрядъ, несмотря на сорокапятиверстный переходъ, отодвинулся еще на 10 верстъ и сталъ бивуакомъ подъ переваломъ на берегу рѣчки Чонъ-су. Тутъ съ памирскимъ

Digitized by Google

отрядомъ случилась большая непріятность: онъ потерялъ много лошадей, которыя моментально издыхали безъ видимой тому причины.

Мы просто недоумѣвали, отчего появилась такая смертность на лошадей. Дохли преимущественно сартовскія и русскія лошади, киргизскіе же мастачки оставались невредимыми.

Совершенно случайно вопросъ этотъ разрѣшился. Проѣзжалъ мимо отряда киргизъ изъ ближайшей кочевки и, увидя дохлыхъ лошадей, сказалъ керекешамъ, въ чемъ дѣло. Оказалось, что подъ переваломъ Акъ-Байталъ растетъ трава «атъ-ульдды» (т. е. лошадиная смерть); достаточно, чтобы лошадь съѣла самое небольшое ея количество, какъ она моментально околѣетъ, между тѣмъ киргизская лошадь никогда не будетъ ѣсть этой травы. Киргизъ указалъ еще нѣсколько такихъ же, гибельныхъ для лошадей, мѣстъ, лежавшихъ на пути слѣдованія отряда, и тамъ отрядныя лошади не пускались на подножный кормъ, а кормились ячменемъ изъ запасовъ, заготовленныхъ интендантствомъ.

Перевалъ Акъ-Байталъ (15.070 ф.) доставилъ немало затрудненія отряду. Подъемъ его со стороны Музъ-куля чрезвычайно крутъ, хотя и не очень продолжителенъ, затѣмъ переходитъ въ небольшой отлогій спускъ по гребню и, образуя сѣдловину, сразу опять поднимается на 2.000 футовъ, а съ этого мѣста начинается крутой и неудобный спускъ къ рѣкѣ Акъ-Байталъ. Здѣсь особенно давалъ себя чувствовать разрѣженный воздухъ, и только нѣкоторая привычка, уже пріобрѣтенная людьми, способствовала отряду къ болѣе или менѣе успѣшному преодолѣнію этой заоблачной преграды, но зато тяжело навьюченные верблюды и лошади сильно страдали, ежеминутно развьючивались и падали. Солдаты положительно изнемогали отъ ежеминутной вьючки. Они въ полномъ безсиліи садились на камни, ноги отказывались служить имъ, а по чернымъ обвѣтреннымъ лицамъ катились цѣлые ручьи пота, несмотря на страшный холодъ, царившій надъ переваломъ.

— Самъ еле ноги тащишь, а тутъ еще и лошади подсобляй!— ворчали они.

Спускъ съ перевала былъ значительно легче, и отрядъ потянулся вдоль рѣки Акъ-Байталъ, которую и перешелъ въ бродъ около Рабата № 1.

— Да какъ же это мы, братцы, въ темнотѣ переправляться-то будемъ?—спрашивали другъ друга солдаты, подойдя къ рѣкѣ уже въ совершенную темноту.

— А вотъ такъ и будешь,—отвѣтилъ фельдфебель:—скинешь сапоги и пойдешь.

И пошли солдатики, только многимъ изъ нихъ пришлось принять холодную ванну, окунувшись нѣсколько разъ съ головою въ быстрыя воды Акъ-Байтала. Много вещей утонуло при переправѣ черезъ эту рѣку и, что всего ужаснѣе, была потоплена отрядная

Digitized by Google

соль, захваченная въ Боръ-да-ба, которая, пока доставали ее, успѣла почти вся раствориться въ водѣ.

— Посолили мы рѣку немного казенной солью! Солоно ей досталось, а все не такъ, какъ намъ пришелся Акъ-Байталъ! Эхъ-ма!— острили солдаты.

Однако, не прошла даромъ эта ночная переправа; число больныхъ увеличилось, и уже нѣкоторые были на краю могилы, у многихъ шла горломъ кровь и, кромѣ того, въ отрядѣ открылся тифъ, а одинъ канониръ конно-горной батареи умиралъ отъ воспаленія брюшины. Наконецъ, 27-го іюня, отрядъ двинулся къ рѣкѣ Мургабу (верховье Аму-Дарьи) и сталъ бивуакомъ недалеко отъ кладбища Кара-гулъ, около сліянія рѣкъ Акъ-Байтала и Акъ-су съ Мургабомъ.

— Ну, слава Богу, отдохнемъ наконецъ,—думалъ каждый, напившись чайку и отдыхая въ своей палаткѣ.

— Долго здѣсь простоимъ?—спросилъ я, зайдя въ палатку штабъ-ротмистра Ш., исполнявшаго должность адъютанта у начальника отряда.

— Да съ недѣльку навѣрное,—сказалъ онъ:—кромѣ того, получено предписаніе до особаго распоряженія не переходить на правый берегъ рѣки Мургаба.

Я былъ очень обрадованъ этимъ извѣстіемъ; двадцатипятидневный почти безпрерывный горный походъ ужасно утомилъ меня, и я чувствовалъ, что не выдержу дальнѣйшаго движенія безъ основательнаго отдыха.

Ну, и поѣли же рыбы [1]) солдаты за стоянку свою на рѣкѣ Мургабѣ. Ее ловили пудами попросту палатками, такъ что весь отрядъ питался ею до тѣхъ поръ, пока она не опротивѣла. А тутъ еще изъ г. Оша прибылъ маркитантъ и раскинулъ своей гостепріимный шатеръ на берегу Мургаба, снабжая насъ всевозможными винами и яствами за неслыханную цѣну. Да и не мыслимо было иначе. Половина товара его или утонула или разбилась во время ужасной дороги; пришлось наверстывать убытки, и всѣ, несмотря на высокія цѣны, охотно покупали у него продукты и были довольны. Каждый день музыка по вечерамъ играла въ лагерѣ, солдаты собирались, пѣли и плясали; оживленіе было полное.

Между тѣмъ, съ Яшиль-куля приходили все болѣе и болѣе тревожные слухи. Каждый день къ начальнику отряда являлись Аличурскіе киргизы и жаловались ему на насиліе афганцевъ, которые, притѣсняя киргизъ, выдвигали свои посты далеко за нашу границу. Но и на китайской границѣ было также неспокойно. Китайцы, узнавъ о нашемъ появленіи на Памирахъ, выслали съ восточной части Памира нѣсколько ляндзъ [2]), во главѣ съ Джанъ-дариномъ,

[1]) Рыба изъ семейства Salmoforio «османъ» очень вкусна, но костлява; напоминаетъ очень форель.

[2]) Ляндза—эскадронъ.

Digitized by Google

и выстроили крѣпость Акъ-Ташъ, грозя отряду, стоявшему на рѣкѣ Мургабѣ, въ случаѣ отдѣленія его части на Яшиль-куль, внезапнымъ нападеніемъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, полковникъ Іоновъ рѣшилъ предпринять двѣ рекогносцировки въ глубь Памировъ—одну подъ своимъ личнымъ начальствомъ произвести на озеро Яшиль-куль въ сторону афганцевъ, а другую, подъ командой капитана Скерскаго, черезъ Акъ-Ташъ и Большой Памиръ на то же озеро, гдѣ оба отряда и должны были соединиться. 4-го іюля выступилъ рекогносцировочный отрядъ Скерскаго, а седьмого—третья рота 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, саперная команда, вторая сотня оренбуржцевъ и взводъ конно-горной батареи подъ командой самого начальника отряда двинулись къ переправѣ Шаджанъ. Остающіяся роты съ музыкой провожали отрядъ верстъ за десять вверхъ по рѣкѣ Мургабу и около переправы, напившись чайку, простились съ уходящими товарищами, а кругомъ суровыя снѣжныя вершины мрачно смотрѣли на небольшую, сѣрую кучку людей, дерзавшихъ такъ смѣло бороться съ ихъ суровою, грозною природою.

VIII.

— Афганца поймали,—сообщилъ мнѣ на другой день послѣ переправы поручикъ Барановъ, разбудивъ меня въ 5 часовъ утра.

Я вскочилъ, какъ ужаленный, такъ какъ мнѣ послышалось: «афганцы идутъ».

Понявъ, въ чемъ дѣло, я побѣжалъ къ кружку солдатъ, обступившихъ человѣка въ красномъ мундирѣ, около котораго съ побѣдоноснымъ видомъ стоялъ киргизъ. Афганецъ былъ еще молодой человѣкъ, съ правильными, красивыми чертами лица. Онъ дико смотрѣлъ исподлобья на столпившихся солдатъ и видимо еще не вышелъ изъ состоянія неожиданности, попавъ врасплохъ въ нашъ лагерь.

— Гдѣ его взяли?—спросилъ я у киргиза.

Тотъ только этого и ждалъ, потому что началъ, какъ трещетка, передавать мнѣ подробности поимки афганца.

— Ѣхалъ я, таксыръ, по ущелью,—говорилъ киргизъ,—гляжу, а передо мной, точно изъ земли выросъ, афганецъ. Испугался я ужасно, да вдругъ вспомнилъ, что русскіе солдаты близко. «Кайда урусъ?» [1])—спрашиваетъ меня афганецъ.—Ладно, думаю, скажу я тебѣ, гдѣ русскіе.—Ничего я не слыхалъ объ урусахъ,—говорю я афганцу.—«Ну, такъ проводи меня въ ближайшій аулъ»,—говоритъ онъ.—Съ удовольствіемъ, говорю я, а самъ и думаю, какъ же,

[1]) Гдѣ русскій?

Digitized by Google

сведу я тебя, собаку, въ аулъ! Уже начинало свѣтать: когда мы подъѣхали къ казачьимъ шатрамъ. «Нема бу?» (что это такое) испуганно спрашиваетъ меня афганецъ.—Уруслярь (русскіе), говорю я ему, а самъ посмѣиваюсь въ душѣ, какъ ловко провелъ я афганца. Оторопѣлъ онъ, да и хотѣлъ скакать обратно, но было ужъ поздно: двое казаковъ держали подъ уздцы его лошадь, и развѣдчикъ былъ стащенъ на землю.—Киргизъ кончилъ и протянулъ мнѣ свою руку.—Дай, тюра, силяу-манъ байгушъ санъ тюра [1]),—сказалъ онъ. Я положилъ на его ладонь монету, и онъ, скорчивъ гримасу отъ удовольствія, сталъ кланяться, приговаривая: кулдукъ, кулдукъ, таксыръ [2]).

Афганца повели въ юрту начальника штаба, куда направился и я. Допросъ плѣннаго производился черезъ переводчика.

— Откуда ты?—спросилъ полковникъ В.

— Съ Аличурскаго поста,—отвѣтилъ афганецъ.

— А много васъ тамъ?

— Больше, чѣмъ васъ,—совралъ афганецъ.

— Да ты говори правду, — разсердился на такой отвѣтъ полковникъ.

— Афганцы не врутъ!—обиженно отвѣтилъ плѣнный.

— Не извѣстно ли тебѣ, почему афганцы поставили свой постъ на Аличурѣ?

— Ничего мнѣ неизвѣстно, я простой солдатъ и посланъ разузнать, гдѣ русскіе, и если бы не проклятый киргизъ, то я бы не попался вамъ въ руки.

Афганецъ держалъ себя непринужденно, говорилъ заносчиво и видимо былъ ужасно раздосадованъ, что такъ глупо попался къ намъ въ руки.

— Ты пѣхотный или кавалеристъ?—спросилъ я афганца.

— Рисоля! [3])—отвѣтилъ онъ.

И дѣйствительно отобранное у него оружіе состояло изъ кривой шашки и кавалерійскаго карабина системы Пибоди-Мартини.

Болѣе ничего обстоятельнаго не сообщилъ пойманный, и его показанія шли совершенно въ разрѣзъ съ донесеніями киргизъ, которые увѣряли, что на Аличурскомъ посту, подъ командой афганскаго капитана Гулямъ-Айдаръ-Хана, находится небольшое число афганцевъ, которые ожидаютъ свѣжихъ силъ, но что подкрѣпленіе еще не подоспѣло, да и врядъ ли подойдетъ къ двадцатымъ числамъ іюля, тогда какъ мы должны были быть на Яшиль-кулѣ двѣнадцатаго.

Тѣмъ не менѣе, соблюдая всѣ мѣры предосторожности, мы дви-

---

[1]) Дай, баринъ, на чай, я бѣднякъ, а ты баринъ.

[2]) Спасибо, спасибо, ваше благородіе.

[3]) Рисоля (кавалеристъ).

Digitized by Google

нулись далѣе и, переночевавъ въ урочищѣ Комаръ-Утекъ, съ разсвѣтомъ двинулись къ камню Чатыръ-Ташъ.

— Запасись водой, ребята,—приказалъ ротный командиръ,—переходъ будетъ тяжелый.

Дорога тянулась широкою долиною, окаймленною довольно высокими горами, и поднималась террасами въ гору. Встрѣчный вѣтеръ крутилъ цѣлыя облака мельчайшаго песку, что̀ являлось однимъ изъ самыхъ значительныхъ препятствій для движенія пѣхоты. Къ полудню вѣтеръ усилился, и идти положительно стало невозможно. Песокъ засорялъ глаза, трещалъ на зубахъ, набирался въ носъ и уши, которыя такъ заложило, что невозможно было слышать собственныхъ словъ. Пять часовъ шли уже солдаты; вода была давно уже выпита, а по пути не попадалось ни одного ручейка. Сдѣлали привалъ, но что за отдыхъ для солдата безъ освѣжающей водицы, когда ему нѣтъ возможности ни освѣжить воспаленнаго лица, ни утолить жажды. У многихъ болѣла голова, а во рту засохъ языкъ. Появилось много отсталыхъ. На каждомъ шагу попадались то сидящіе, то лежащіе люди. Ужъ на что былъ здоровенный охотникъ Шароновъ, который, казалось, и устали не зналъ, и тотъ теперь шелъ, понуря голову, какъ-то тыкая въ землю ногами. Сильныя ноги его не слушались, гнулись въ колѣняхъ, а воспаленные глаза были апатично устремлены въ даль, гдѣ лишь виднѣлись облака желтой пыли, поднимаемой неугомоннымъ вѣтромъ. На душѣ у него было такъ же безотрадно, какъ и кругомъ. Теперь, когда силы покидали его, когда жажда неистово томила внутренности, а въ головѣ какъ будто стучали желѣзнымъ молотомъ, онъ вдругъ, подъ впечатлѣніемъ переносимыхъ лишеній, рѣшилъ, что онъ лишній на этомъ свѣтѣ. Вспомнилось ему на мгновеніе его былое житье въ деревнѣ, его женитьба на красавицѣ, славившейся на всю округу, но воспоминаніе это, отрадною искоркою мелькнувшее въ его воспаленномъ мозгу, быстро пронеслось мимо, оттѣсненное цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ событій прошлаго. Припомнилась ему рекрутчина, побои, взятки дядекъ. Наконецъ, длинное путешествіе въ Туркестанъ, тоска по родинѣ и тяжелая служба молодого солдата. Почему-то вдругъ съ особенною яркостью вспомнилъ онъ, какъ однажды дежурный по батальону далъ ему пощечину за то, что, оставаясь за дежурнаго по ротѣ, онъ не отрапортовалъ ему во время. Слезы навернулись у солдата на глазахъ. «А вѣдь зря тогда саданулъ онъ меня»,—подумалъ онъ:—«я тогда и устава не зналъ—не обучался». Припомнилось ему, какъ пришла къ нему съ партіей и жена. Скромная бабенка была. Бывало изъ дому не выгонишь, все время въ работѣ, да избаловалась она, какъ и всѣ солдатки въ Туркестанскомъ краѣ. Долго не подмѣчалъ онъ за нею ничего такого, да вдругъ и засталъ ее съ дружкомъ за бутылкой сладкой водочки. Охъ, какъ вскипѣло тогда его сердце! Оттаскалъ онъ жену за косы и избилъ

Digitized by Google

до полусмерти разлучника. Началось слѣдствіе, и посадили солдата на гауптвахту. А женѣ только того и нужно было. Стала его жизнь съ тѣхъ поръ каторгой. Въ батальонѣ солдаты издѣваются, что молъ «жену просмотрѣлъ», а домой лучше не ходи—срамъ одинъ. Онъ и ротному жаловался на свою бабу и билъ ее,—ничего не помогало; хотѣлъ ужъ было руки на себя наложить, да какимъ-то чудомъ Богъ его спасъ—одумался. Грустилъ, грустилъ онъ да и запилъ, плюнулъ на все. Идетъ онъ, а самъ думаетъ, за что на его долю выпала такая тяжелая жизнь! Давно не было такъ тяжело на душѣ у Шаронова, давно не лежало такимъ тяжелымъ камнемъ на сердцѣ его горе. «Ужъ лучше бы околѣть въ горахъ»,—подумалъ онъ.—«Что за жисть! на службѣ тягость одна, а домой придешь, тамъ—жена потаскуха, больше ничего». Онъ остановился и глубоко вздохнулъ, въ глазахъ его запрыгали кровавые круги, горы какъ-то странно перекосились, и онъ опустился на землю. Винтовка выпала изъ рукъ его и, щелкнувъ о камень стволомъ, упала на землю. «На стволѣ, должно, забоина будетъ»,—мелькнуло въ головѣ солдата:—«ну, да чортъ съ нимъ, все равно, съ мертваго не взыщешь»... Какая-то нѣга разлилась по всѣмъ его членамъ, и ему хотѣлось безконечно лежать тутъ среди этой дикой долины, далеко отъ людей и грустной дѣйствительности. Онъ слышалъ, какъ мимо него проходили люди, и ихъ тяжелые шаги безпокоили полный покой, царившій въ его душѣ. «Вотъ, вотъ поднимутъ»,—тревожно думалъ онъ, когда раздавались приближающіеся шаги. Но шаги стихали, и онъ успокоивался. Мало-по-малу мысли путались въ его головѣ, какая-то истома овладѣла имъ, и онъ больше ни о чемъ не думалъ...

Вдругъ онъ вздрогнулъ, кто-то толкнулъ его. Онъ открылъ глаза и поднялъ голову. Надъ нимъ стоялъ начальникъ аріергарда. Добродушные глаза поручика Гермута съ участіемъ смотрѣли на лежащаго солдата.

— Встань, братецъ, до бивуака недалеко,—сказалъ онъ.

Шароновъ хотѣлъ подняться, но сильная боль въ головѣ, поясницѣ и ногахъ заставила его громко застонать.

— Ой, ваше благородіе, не могу, всего разломило!—проговорилъ онъ.

— Ну, прибодрись, прибодрись, я тебѣ помогу,—говоритъ офицеръ и помогаетъ солдату подняться на ноги.

— Садись на лошадь, а винтовку надѣнь за спину,—говоритъ онъ ему, какъ маленькому ребенку, котораго учитъ нянька, какъ нужно надѣть шляпу.

Шароновъ покорно садится на офицерскую лошадь и благодарно смотритъ на идущаго пѣшкомъ офицера.

— Ишь какой «господитъ-то» нашъ?—думаетъ Шароновъ:—вотъ кабы такихъ было побольше, и служба другая бы пошла.

Теперь на каждомъ шагу стали попадаться то сидящіе, то ле-

Digitized by Google

жащіе, изнеможенные солдаты, дожидающіеся аріергарда, къ которому присоединяются и идутъ кое-какъ дальше. Не оставаться же одному среди мертвой долины, обрекая себя на голодную смерть или на нищу шакаламъ, все время слѣдившимъ за отрядомъ. А поручикъ Гермутъ на мѣсто отдохнувшаго солдата сажаетъ другого и продолжаетъ это до тѣхъ поръ, пока самъ не устанетъ. И часто повторяются подобныя сцены во время этого тяжелаго, безводнаго пути. Да и немудрено, идя въ гору, при высотѣ 13.000 футовъ, утомиться, отдохнувъ лишь двадцать минутъ въ теченіе двѣнадцатичасовой ходьбы. Уже солнце спряталось за снѣжныя вершины—шесть часовъ, а бивуака все еще не видно.

— Гдѣ же камень? Кто знаетъ изъ прошлогоднихъ? — спрашиваетъ офицеръ.

— А вотъ за эфтой горкой, ваше благородіе,—указывая на небольшую горку, говоритъ одинъ изъ охотниковъ, бывшій здѣсь во время прошлогодней рекогносцировки.

— Какъ значитъ, этого, выйдемъ на верхъ, такъ и бивакъ увидимъ, если дальше не ушли, добавляетъ онъ, упирая на послѣднее слово, какъ бы боясь, чтобы и въ самомъ дѣлѣ «дальше не ушли».

— Ну, ребята, подбодрись! скоро отдохнемъ, — говоритъ офицеръ,—ужъ теперь недалеко.—Но онъ и самъ не вѣритъ своимъ словамъ: ужъ не сбились ли съ пути?—думаетъ онъ.

Длинною вереницей, еле волоча ноги, подобрались наконецъ солдаты на вершину небольшой горы, и радостный крикъ «бивакъ!» вырывается изъ устъ каждаго. Одинъ за другимъ подходятъ солдаты на вершинку и, положивъ возлѣ себя ружья и амуницію, смотрятъ на большой четырехъугольный камень, лежащій среди громадной равнины, подъ которымъ блистаютъ огоньки костровъ и бѣлѣютъ, освѣщенныя вечернимъ закатомъ, палатки прибывшихъ туда казаковъ.

— И откуда такая «галя» взялась, братцы?—удивляется солдатъ.

— Откуда взялась, оттуда и есть! — сурово отвѣчаетъ старый охотникъ, бывалый уже въ этихъ мѣстахъ и считающій за нелѣпость задумываться надъ такими пустяками.

Офицеръ скачетъ назадъ и кричитъ отсталымъ, что уже виденъ бивакъ. Всѣ какъ бы перерождаются отъ этого магическаго слова. Новая сила какъ будто вливается въ ихъ утомленныя существа, и они нетвердымъ шагомъ подходятъ къ отдыхающимъ на вершинѣ товарищамъ. Отдохнувъ минутъ съ пятнадцать, добрались измученные солдаты наконецъ и до желаннаго бивуака, пройдя вмѣсто 45 верстъ добрыхъ шестьдесятъ.

Камень Чатыръ-Ташъ представляетъ собою довольно странное явленіе среди Памирской природы. Онъ совершенно отдѣльно лежитъ среди огромной котловины, за нѣсколько десятковъ верстъ отъ окружающихъ горъ, и кажется свалившимся съ неба. Недалеко отъ камня стоитъ очень интересное строеніе, представляющее со-

Digitized by Google

бою надгробный памятникъ надъ могилой знатнаго туземца. Заинтересовавшись памятникомъ, я пошелъ осмотрѣть его. Это строеніе имѣло видъ часовни и состояло изъ четырехъугольнаго корпуса съ коническою куполообразною крышей. Съ передней части устроенъ входъ въ видѣ небольшой пристройки со стрѣльчатою дверью. Внутренняя часть зданія довольно обширна и освѣщена отверстіями, продѣланными въ куполѣ, а также окномъ съ правой стороны. Когда я вошелъ въ зданіе и очутился среди довольно обширнаго четырехъугольнаго пространства, вдругъ кто-то сзади подошелъ ко мнѣ. Я оглянулся и вздрогнулъ. Передо мною стоялъ высокій, худой, какъ смерть, старикъ съ длинною сѣдою бородою.

— А таксыръ, тюра, саломатъ [1])!—проговорилъ онъ, улыбаясь своимъ беззубымъ ртомъ, и только послѣ этого привѣтствія я понялъ, что имѣю дѣло съ живымъ человѣкемъ, до того онъ напоминалъ выходца съ того свѣта.

— Кто ты?—спросилъ я его.

— Киргизъ!—отвѣтилъ старикъ.

— А какъ тебя зовутъ?

— Хайдоръ-бій, у меня не далеко отсюда кочевки.

— Давно ты здѣсь живешь?

— О давно, таксыръ, еще мой прадѣдъ родился на Памирѣ.

— А не знаешь ли, чья эта могила?—спросилъ я.

— Нѣтъ, таксыръ, не знаю, а только мой дѣдъ еще разсказывалъ, что это самая старая могила на Памирѣ, и похороненъ въ ней святой человѣкъ.

Говорившему со мной старику было лѣтъ 80, а потому я невольно подивился долговѣчности памятника, сооруженнаго изъ простой бѣлой глины. При подобной прочности, если ее возможно до стигнуть намъ, русскимъ, подумалъ я, такія строенія, сохраняющіяся такъ долго въ полной исправности, несмотря на постоянные вѣтры и морозы, господствующіе на Памирѣ, можно бы смѣло утилизировать для военныхъ надобностей, если не войскъ, которымъ стоять въ этихъ мѣстахъ не придется, то для станцій военнаго телеграфа или же для помѣщенія почтовыхъ джигитовъ, которые, въ особенности, обставлены въ этомъ отношеніи очень скверно, тѣмъ болѣе это было бы примѣнимо, что способъ постройки очень простъ и былъ бы удобенъ за полнымъ отсутствіемъ въ этихъ мѣстахъ строевого лѣса.

Я вышелъ изъ строенія; киргизъ послѣдовалъ за мной.

— Мана Чатыръ-Ташъ [2])! — сказалъ онъ, указывая на возвышавшійся камень.

---

[1]) А, господинъ, здравствуй!

[2]) Вотъ «Чатыръ-Ташъ».

Digitized by Google

— Знаю,—отвѣчалъ я,—а откуда взялся онъ здѣсь, вѣдь не скатилась же съ горы эта громада?

— Нѣтъ, тюра, это не простой камень, этотъ камень чувствуетъ, какъ мы съ тобой, и слышитъ все, что мы говоримъ, только не можетъ онъ самъ ни говорить ни пошевелиться. Давно-давно лежитъ этотъ камень на этой равнинѣ. Это было еще въ тѣ времена, когда люди жили въ мирѣ съ Аллахомъ, когда Всевышній часто слеталъ съ неба и бесѣдовалъ съ ними. Въ это время Памиръ былъ богатѣйшею страною. Великолѣпные сады и луга покрывали всѣ долины, много верблюдовъ и барановъ паслось на травѣ, много звѣрей жило въ горахъ, и птицы небесныя пѣли свои пѣсни. Да, тюра, такъ не поютъ теперь птицы, какъ пѣли онѣ тогда. Въ ихъ пѣсняхъ слышались разсказы о томъ, какъ великій Аллахъ создалъ міръ и человѣка.

Мусульманскій народъ жилъ на Памирѣ въ то время и управлялъ имъ Яръ-ханъ, который жилъ въ великолѣпномъ дворцѣ, сложенномъ изъ гранита и драгоцѣнныхъ камней. Не было еще на свѣтѣ такого дворца. Крыша его была сдѣлана изъ чистаго золота, вмѣсто стеколъ самоцвѣтные камни, въ тѣнистомъ саду журчали фонтаны, и въ нихъ, плескаясь холодною водой и наполняя воздухъ веселымъ смѣхомъ, купались прекрасныя жены Яръ-хана. Хорошо жилось памирскому народу, всего было вдосталь, ни въ чемъ никто не нуждался! Однако народъ, упоенный своимъ счастіемъ, забылъ вскорѣ Аллаха; за это великій Вседержитель разгнѣвался на него и рѣшилъ уничтожить неблагодарное племя.

Въ то время на пустынномъ озерѣ Яшиль-кулѣ [1]), гдѣ семиглавый драконъ свилъ себѣ гнѣздо въ гранитныхъ скалахъ, въ одной изъ огромныхъ пещеръ у Гуръ-тага, жилъ великанъ Худамъ. Это чудовище достигало головою до облаковъ и обладало неслыханною силой. Вотъ его-то Аллахъ и послалъ на невѣрныхъ, и великанъ сталъ появляться на Аличурѣ въ долинахъ Акъ-су и Мургаба, производя неслыханныя опустошенія. Въ ужасъ пришло населеніе, и съ жаркой молитвою обратились памирцы къ Аллаху, а Яръ-ханъ, обливаясь слезами, молилъ Всевышняго пощадить народъ его. Аллахъ услышалъ молитву хана, во время сна явился къ нему и сказалъ: «молитва твоя услышана. Я хочу спасти народъ твой, но для этого ты долженъ исполнить волю мою: пусть единственный сынъ твой идетъ навстрѣчу великану, я буду помощникомъ юношѣ, и онъ сломитъ силу чудовища».

Видѣнье исчезнуло, а Яръ-ханъ въ страхѣ проснулся.

---

[1]) Яшиль-куль прежде назывался драконовымъ озеромъ. Въ виду того, что ни одинъ человѣкъ не посѣтилъ его береговъ, благодаря трудной одолимости окружающихъ перевaловъ, объ этомъ озерѣ ходили разные баснословные слухи, и кочевники вѣрили, будто на немъ живутъ лишь драконы и разныя чудовища. Разсказы о первыхъ были занесены китайцами.

Digitized by Google

Но усомился невѣрный ханъ, пожалѣлъ онъ сына и, призвавъ своего визиря Риза-Казія, сказалъ: «сегодня ночью мнѣ явился великій Аллахъ, сжалился Вседержитель надъ народомъ своимъ и научилъ меня, какъ освободить нашу страну отъ нападеній чудовища. Пойди ты домой и скажи своему сыну Изгару, чтобы онъ, набравши самыхъ смѣлыхъ воиновъ, шелъ на встрѣчу великану. Аллахъ поможетъ ему, и мы навсегда избавимся отъ великаго горя».

Повѣрилъ Риза-Казій словамъ своего повелителя и, поклонившись ему, немедленно отправился исполнить его волю. Не теряя времени, смѣлый юноша собралъ воиновъ, и тѣ, руководимые имъ, наточивъ клынчи [1]) и копья, пошли противъ Худама.

Однако Аллахъ въ невѣріи Яръ-хана увидѣлъ, что далеко не исправился повелитель Памира, и, жестоко разгнѣванный непослушаніемъ его, рѣшилъ истребить неисправимое племя. Увидя великана, отдыхавшаго на берегу озера, онъ сказалъ ему: «ты пойдешь и разоришь дворецъ Яръ-хана, уничтожишь городъ невѣрныхъ и сокрушишь все, не щадя ни дѣтей, ни женъ, ни самого хана. Только дома Риза-Казія и его семейства за то, что они съ вѣрою отнеслись къ моему повелѣнію, ты не коснешься, иначе жестоко поплатишься за каждую каплю ихъ крови». И вотъ, сокрушая все на пути своемъ, убивая жителей, ломая сакли и вырывая съ корнями деревья, пошелъ Худамъ на Памирское ханство. Яръ-ханъ молился въ мечети, умоляя Аллаха пощадить его, а народъ окружилъ дворецъ и требовалъ головы своего повелителя, считая его причиною всѣхъ бѣдствій, разразившихся надъ страною. Но великъ былъ гнѣвъ Аллаха, и судъ его свершился. Худамъ перебилъ всѣхъ воиновъ и, сожравъ сына Риза-Казія, пошелъ на городъ. Погибъ Яръ-ханъ отъ руки великана, погибъ и весь народъ его; только семья Риза-Казія, скрытая Аллахомъ въ одной пещерѣ, осталась нетронутою. Въ ярость пришелъ, опьяненный кровію, великанъ, онъ искалъ Риза-Казія и не находилъ его. Въ изступленіи и захлебываясь отъ злобы, сѣлъ великанъ среди равнины и сталъ, дерзкій, хулить Аллаха. «Ей, Владыка! — кричалъ онъ, — куда ты скрылъ Риза-Казія, пославшаго на меня воиновъ, отдай мнѣ его, а не то я побросаю въ небо огромныя скалы, которыя сѣдыми вершинами окружаютъ равнину. Мнѣ не страшенъ Ты, Аллахъ, я жажду крови Риза-Казія!»

Великанъ умолкъ, и въ отвѣтъ на его рѣчи вдругъ густая тьма настала надъ Памиромъ, грянулъ громъ, и сверкнула молнія, и среди вихря раздался голосъ съ неба: «Отнынѣ будешь ты лежать здѣсь, дерзкій червь, до скончанія вѣка, точимый дождемъ и вѣтрами, и не будетъ тебѣ покоя, пока не превратишься ты въ сыпучій песокъ, и доколѣ не развѣютъ его вѣтры по всему Памиру, тогда душа твоя

[1]) Мечи.

Digitized by Google

будетъ низвержена въ вѣчный огонь!» Голосъ затихъ, и настала глубокая тишина. Хотѣлъ великанъ насмѣшливо отвѣтить Аллаху, что не страшны ему угрозы Его, но почувствовалъ, что окоченѣлъ его дерзкій языкъ. Хотѣлъ подняться Худамъ, но ноги и руки какъ бы приросли вдругъ къ землѣ и отказывались повиноваться его волѣ. Въ адской злобѣ онъ сдѣлалъ страшное усиліе, но напрасно. Худамъ превратился въ камень, по одному слову Всевышняго. Съ тѣхъ поръ сталъ лежать великанъ среди равнины, обросъ мохомъ и принялъ совершенный видъ камня, подъ которымъ отдыхаетъ усталый путникъ [1]). И страшно мучится Худамъ, видя свободнаго человѣка или караванъ, отдыхающій подъ его тѣнью, когда онъ, проклятый Аллахомъ, не можетъ даже пошевелить своими окаменѣлыми членами. Проклялъ Аллахъ и всю страну, въ которой царствовалъ ханъ-ослушникъ и жилъ дерзновенный исполинъ, и перестала страна эта производить растенія, и превратилась она въ голую пустыню, гдѣ лишь господствуютъ вѣтръ да мятели.

Спасенная же Аллахомъ семья Риза-Казія положила начало кочевому населенію Памира.

Старикъ кончилъ, и мы подходили къ камню, о которомъ только что я слышалъ легенду.

— А знаешь что, тюра,—сказалъ киргизъ,—если раскопать немного этотъ камень и пробить слой гранита, то можно увидѣть черное тѣло великана Худама. Только горе тому, кто сдѣлаетъ это. Лишь только онъ увидитъ тѣло нечестивца, какъ самъ обратится въ камень.

— А вотъ я сейчасъ посмотрю,—сказалъ я и направился къ камню.

— Ой, койсанча, тюра [2]), — испуганно крикнулъ киргизъ и схватилъ меня за руку,—Боже, тебя сохрани!

Въ его голосѣ я подмѣтилъ такой испугъ и опасеніе за мою участь, а также и глубокую вѣру въ то, что я неминуемо обращусь въ камень, если взгляну «на тѣло Худама», что я рѣшилъ не тревожить бѣднаго старика и, давъ ему нѣсколько монетъ, направился къ своей палаткѣ.

На бивуакѣ все уже спало, и только кое-гдѣ около откинутаго полотнища виднѣлась солдатская фигура, зашивавшая истрепанную одежду. Солнце почти совершенно погасло, скрывшись за сѣдые хребты, и только послѣдній лучъ его золотилъ запоздавшее облачко, которое неслось къ западу, какъ бы догоняя умчавшихся впередъ товарищей. На другой день съ разсвѣтомъ отрядъ двинулся къ камню Потулакъ-Кара-Ташъ. Условія пути были тѣ же; развѣ только воды было достаточно на протяженіи всего перехода.

---

[1]) Почему камень этотъ и называется Чатыръ-Ташъ, т. е. камень-шатеръ.

[2]) Ай, оставь это, господинъ!

Digitized by Google

Было одиннадцатое іюля—Ольгинъ день. Конно-горная батарея праздновала свой храмовой праздникъ, но въ виду близости противника торжества никакого не было, и нижніе чины получили только по чаркѣ, разведеннаго водой, спирта.

Относительно афганцевъ свѣдѣнія были доставлены не совсѣмъ точныя и противорѣчащія одно другому. Киргизамъ было приказано угнать табуны афганскихъ лошадей и доносить немедля обо всемъ, что только будетъ извѣстно объ афганцахъ. Напряженіе въ отрядѣ было общее. Палатокъ не разставляли, и никто не ложился спать, ежеминутно ожидая выступленія. Кругомъ бивуакъ былъ окруженъ цѣпью парныхъ часовыхъ, и въ два пункта были высланы секреты. Луна уже выплыла изъ-за черныхъ силуэтовъ памирскихъ вершинъ и играла своимъ серебристымъ свѣтомъ на стали штыковъ и орудій, тишина соблюдалась полная. Мы сидѣли въ палаткѣ у ротнаго командира и съ удовольствіемъ попивали чаекъ. Разговоръ поддерживался на тему о предстоящемъ столкновеніи съ афганцами.

— А вѣдь съ разсвѣтомъ что нибудь да будетъ, господа,—сказалъ капитанъ П.,—ужъ у меня душа чуетъ. Бывало и раньше въ походахъ то же самое было. Ноетъ душа и конецъ, какъ бы съ тѣломъ прощается—ужъ это признакъ самый вѣрный.

— А вы развѣ въ предразсудки вѣрите?—спросилъ я.

— Да, вѣрю, и нельзя не повѣрить послѣ нѣсколькихъ случаевъ въ моей жизни. Вотъ хоть бы во время кокандскаго похода. Дѣло было подъ Ходжентомъ жаркое, халатники раза два отражали штурмъ, но наконецъ надломились, и крѣпость пала. Нѣкоторое время постояли мы въ Ходжентѣ и двинулись дальше; я былъ въ это время ординарцемъ у Скобелева, который командовалъ кавалеріей. Идемъ мы это однажды походомъ. По обыкновенію, Скобелевъ разсказываетъ намъ анекдоты, а мы неистово хохочемъ — ужъ очень онъ живо разсказывалъ. Всѣ были веселы, какъ будто ѣхали на какое нибудь празднество, а не въ дѣло. Только одинъ молоденькій адъютантъ, изъ оренбургскихъ казаковъ, сотникъ Х., сидитъ въ сѣдлѣ грустный такой, ни слова не проронилъ всю дорогу.

— Да что вы больны?—спрашиваю я его.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ.

— А что же это съ вами сегодня?—Х. отличался всегда веселымъ и живымъ характеромъ, а потому такое его настроеніе было очень подозрительно.

— Ничего, такъ себѣ, взгрустнулось,—сказалъ онъ, и больше я уже и не спрашивалъ его о причинѣ его грусти.

Пріѣхали мы на ночевку и остановились въ степи. Надо замѣтить, что во время кокандскаго похода, когда шайки коканцевъ и кипчаковъ ежеминутно нападали на отрядъ, мы избѣгали выбирать мѣсто для бивуака гдѣ нибудь въ кишлакѣ или садахъ; напротивъ, отрядъ располагался на открытомъ мѣстѣ и въ слѣдующемъ порядкѣ:

Digitized by Google

въ видѣ огромнаго карре, фронтомъ въ поле, строилась пѣхота, образуя какъ бы брустверъ укрѣпленія; въ интерваллахъ между баталіонами становилась артиллерія, далѣе внутри карре были составлены арбы, а также располагался и отрядный штабъ. Каждый изъ баталіоновъ впередъ себя высылалъ шаговъ на сто парныхъ часовыхъ, а на двухъ стахъ шагахъ располагались секреты. Лишь только секретъ или кто либо изъ постовыхъ замѣчалъ приближающуюся кавалерію, то, не входя въ подробности о числѣ противниковъ, давалъ выстрѣлъ. По этому выстрѣлу солдаты отряда, спавшіе не раздѣваясь, хватали ружья и строились въ указанномъ порядкѣ и были готовы встрѣтить дружнымъ залпомъ противника. Поражающее зрѣлище представляло собою подобное карре, когда оно, открывая залповой огонь во время ночи, посылало во всѣ четыре стороны свинцовый дождь, заставлявшій противника отказываться отъ попытокъ атаки. Вотъ и тогда, пріѣдя на бивуакъ и разставивъ отрядъ въ обычный порядокъ, мы закусили въ общей столовой и разбрелись по палаткамъ. Ночь была темная и довольно прохладная. Я долго не могъ уснуть, все что нибудь мѣшало мнѣ, когда я погружался въ дремоту. То отрядная собака, пробѣгая мимо палатки, задѣвала за веревку, то вдругъ казалось, что фаланга проползала по тѣлу—однимъ словомъ у меня была безсонница. Я уперся глазами въ уголъ палатки, закурилъ папироску и задумался. Вдругъ чьи-то шаги обратили мое вниманіе. Шаги затихли около моей палатки.

— Вы спите?—раздалось снаружи.

— Нѣтъ!—встрепенулся я, узнавъ голосъ Х.,—заходите.

Онъ низко пригнулся и какъ бы накорточкахъ вползъ въ палатку.

— Я вамъ не мѣшаю?—спросилъ онъ, усаживаясь въ ногахъ на постели.

— Нисколько, напротивъ, я очень радъ, что вы заглянули ко мнѣ,—мнѣ что-то не спится. Не хотите ли папироску?—я протянулъ ему портсигаръ.

— Спасибо, не курю,—сказалъ онъ.

— Ахъ, да! вы вѣдь не курите,—спохватился я и зажегъ спичку. Въ палаткѣ стало на минуту свѣтло. Спичка красноватымъ свѣтомъ оварила лице сотника: оно было слегка блѣдно, глаза лихорадочно блестѣли, а волосы, какъ растрепанная грива, выбивались изъ-подъ папахи.

— Послушайте, Николай Николаевичъ,—сказалъ онъ,—я къ вамъ съ просьбой.

— Съ какой?

— Вотъ съ какой,—началъ онъ послѣ минутнаго раздумья.—Меня, навѣрное, убьютъ въ первомъ же дѣлѣ.... не перебивайте,—сказалъ онъ, замѣтя, что я собираюсь возражать,—ужъ я не ошибаюсь—я буду убитъ, такъ вотъ я вамъ хочу передать 75 рублей

Digitized by Google

денегъ и это кольцо. Вы все это передайте въ Оренбургѣ моей невѣстѣ—знаете, дочка войскового старшины Вагина, вотъ ей и отдайте, да скажите, что я до послѣдней минуты думалъ о ней.

— Да, что это вы себя заживо хороните?—возмутился я:—бросьте это и ложитесь-ка со мною—мѣста хватитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я серіозно вамъ говорю. Нонче ночью мнѣ матушка моя, покойница, являлась, долго плакала она надо мною и говоритъ мнѣ: готовься, Миша, Господь посылаетъ за твоею душой. Вотъ у меня и заныло сердце, а сердце вѣдь вѣщунъ.

Вижу я, что не по себѣ человѣку, а въ душѣ посмѣиваюсь надъ глупостью предразсудковъ.

— Такъ возьмете?—спросилъ онъ, протягивая мнѣ пакетикъ.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ я,—только по-моему это совершенно вы напрасно дѣлаете.

Я взялъ вещи и положилъ ихъ на ягдъ-ташъ.

— Ну, прощайте, спасибо.

Онъ нервно схватилъ мою руку, и спустя мгновеніе торопливые шаги его раздавались за палаткой.

Больной человѣкъ, подумалъ я и, завернувшись въ одѣяло, старался задремать, и, казалось, сонъ распускалъ надо мною свои крылья.

Вдругъ раздался отдаленный ружейный выстрѣлъ, который среди ночной тишины какъ-то продолжительно, но слабо пронесся надъ спящимъ бивуакомъ. Я поднялъ голову—все какъ будто было тихо. Вотъ еще выстрѣлъ, и за нимъ, словно рой пчелъ, что-то зашуршало на бивуакѣ—это выбѣгали изъ палатокъ люди и строились. Схвативъ револьверъ и шашку, я черезъ нѣсколько секундъ былъ около юрты отряднаго штаба. Все было попрежнему тихо, только отрядъ былъ въ полной готовности. Проскакало нѣсколько офицеровъ, и сотня казаковъ выѣхала въ степь. Я подошелъ къ 1-ому стрѣлковому баталіону. Изъ темноты раздавались чьи-то торопливые шаги. «Кто идетъ?»—раздался голосъ часоваго. «Свои—секреты!»—послышался отвѣтъ. Нѣсколько солдатъ въ шинеляхъ подошли къ части. Нѣкоторые взяли къ ногѣ, а нѣкоторые оставались съ ружьемъ на плечѣ. Офицеры столпились вокругъ нихъ.

— Видали, что ли?—спросилъ командиръ баталіона.

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе, отъ насъ и выстрѣлъ былъ.

— Много?

— Точно такъ, страсть сколько,—отвѣтилъ солдатъ,—туды пошли,—прибавилъ онъ, указывая рукою по направленію къ западу.

Въ это время какъ бы свистъ сильнаго вѣтра пронесся по степи, и, казалось, на бивуакъ налеталъ цѣлый ураганъ.

— Картечь!—раздалось гдѣ-то слѣва по кавалеріи.

— Пальба, ротами!—скомандовалъ полковникъ. Лязгнули затворы, и все замерло въ ожиданіи, шумъ приближался.—Роты!—командовалъ

Digitized by Google

полковникъ и выждалъ.—Пли!—вдругъ рѣзко крикнулъ онъ. Трахъ, раздался дружный залпъ. На мгновенье блеснувшій огонь освѣтилъ впереди какую-то массу.

Слѣва блеснула какъ будто молнія; бумъ, бумъ, трахъ трахъ!—раздались орудійные выстрѣлы. Непріятельскій отрядъ очевидно показалъ тылъ, такъ какъ никого не появлялось. На другихъ фасахъ карре было то же самое. Наши казаки бросились въ темноту, и вскорѣ гдѣ-то издалека послышались выстрѣлы.

Уже разсвѣло. Передъ 1-нымъ баталіономъ шагахъ въ 300-ахъ валялось нѣсколько убитыхъ коканцевъ, а изъ степи показались возвращавшіяся сотни казаковъ, между которыми виднѣлись и плѣнные въ пестрыхъ халатахъ. Мимо меня проскакало двое казачьихъ офицеровъ и остановились около кибитки начальника штаба. Я пошелъ туда. Въ юртѣ встрѣтилъ меня адъютантъ Б. Полковника не было.

— А знаете новость?

— Что такое?

— Сотникъ Х. убитъ.

Я вздрогнулъ.

— Не можетъ быть, говорю.

— Пойдите, посмотрите—его привезли, лежитъ въ юртѣ.

Я чуть не бѣгомъ бросился къ казачьему лазарету; сердце мое сильно стучало, когда я входилъ въ юрту. На санитарныхъ носилкахъ лежалъ Х. Лицо его было открыто, а на правомъ вискѣ виднѣлся слѣдъ запекшейся крови. Оно было совершенно спокойно, только какая-то складка легла между бровей. Зубы чуть-чуть были оскалены, но это не безобразило лица покойнаго. Слезы катились у меня изъ глазъ, и я, глубоко вздохнувъ, перекрестился... Ну, какъ же не сдѣлаешься послѣ этого фаталистомъ, господа?—спросилъ капитанъ.

Наступило гробовое молчаніе. Разсказъ П. передъ дѣломъ заставилъ каждаго задуматься. Было уже около двухъ часовъ ночи, когда въ палатку вошелъ отрядный адъютантъ.

— Начальникъ отряда приказалъ выступать къ Яшиль-кулю со всѣми предосторожностями,—сказалъ онъ въ полголоса капитану:—получены точныя свѣдѣнія объ афганцахъ.

— Господа! поднимайте людей,—сказалъ П., и мы одинъ за другимъ вышли изъ палатки.

Роты уже строились, и среди ночной тишины раздавалась перекличка. Выславъ впередъ разъѣзды и патрули, отрядъ двинулся форсированнымъ маршемъ. Темень была полная. Луна скрылась уже за горами, тишина царила надъ суровымъ Памиромъ, и слышались только легкій шумъ, сопровождающій движеніе части, и побрякиваніе орудій. Начинало свѣтать. Все ярче и ярче вырисовывались кон-

Digitized by Google

туры окружающихъ долину горъ. Гдѣ-то неистово выль шакалъ. Всѣ шли молча, у каждаго на лицѣ было что-то серьезное.

Наконецъ, авангардъ отряда подошелъ къ небольшому обрыву надъ рѣкою Аличуромъ и остановился. Казаки спѣшились и залегли по гребню яра. Внизу, на небольшой, покрытой травою, площадкѣ около самой рѣки виднѣлись юрты, составлявшія лагерь афганскаго поста.

— Послать ко мнѣ переводчика!—приказалъ въ полголоса полковникъ Іоновъ. Опершись обѣими руками о луку сѣдла, онъ въ раздумьи устремилъ свой взоръ на юрты. Ему было непріятно, что афганцы не подозрѣвали о приходѣ отряда, и онъ хотѣлъ посредствомъ переговоровъ заставить ихъ уйти съ поста и оставить такимъ образомъ русскую территорію. Послать ли офицера къ афганскому капитану? подумалъ онъ и даже сдѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе, но вдругъ перемѣнилъ свое намѣреніе. Въ это время къ нему подошелъ пожилой киргизъ съ сытымъ и плутоватымъ лицомъ. Снявъ свою мѣховую шапку, киргизъ всталъ въ почтительную позу, готовый выслушать приказаніе начальника.

— Послушай, Сиба-Тулла,—сказалъ полковникъ,—спустись въ афганскій аулъ и скажи начальнику поста, что русскій полковникъ требуетъ его наверхъ для переговоровъ. Понялъ?

— Слушаю-съ, таксыръ,—отвѣсивъ кулдукъ, сказалъ переводчикъ и пошелъ по направленію къ обрыву. Было замѣтно, что онъ дрогнулъ. Идти одному въ непріятельскій лагерь было довольно рискованно. Киргизъ началъ спускаться и вдругъ оглянулся назадъ. Казачьи винтовки и бѣлые чехлы фуражекъ рѣзко выдѣлялись на темномъ фонѣ оврага. Эта картина какъ будто пріободрила его, и онъ, быстро спустившись, вошелъ въ самую большую юрту. Посылка переводчика безъ русскаго офицера была одною изъ ошибокъ полковника Іонова. Какъ бы то ни было, на посту былъ афганскій капитанъ и, какъ оказалось, человѣкъ развитой и вполнѣ достойный уваженія. Не будь этого промаха, быть можетъ, дѣло бы рѣшилось гораздо проще. Часть афганцевъ спала, а часть пила чай, когда Сиба-Тулла поднялъ опущенную дверь юрты.

— Гдѣ начальникъ поста?—спросилъ переводчикъ у сидѣвшихъ афганцевъ, которые удивленно смотрѣли на вооруженнаго киргиза; въ ихъ лицахъ выразилось безпокойство.

— Пойдемъ со мной,—сказалъ одинъ изъ сидѣвшихъ афганцевъ и, выйдя изъ юрты, пошелъ къ отдѣльно стоявшей желомейкѣ.— Здѣсь,—сказалъ онъ слѣдовавшему за нимъ киргизу, поднявъ висячую дверь.

Киргизъ нагнулся и вошелъ.

Передъ нимъ, на низенькомъ табуретѣ, съ чашкой въ рукахъ, сидѣлъ среднихъ лѣтъ мужчина въ бѣломъ мундирѣ съ золотыми плечевыми погонами. Стройная талія его была перехвачена ремнемъ,

Digitized by Google

на которомъ висѣла афганская сабля съ сильно изогнутымъ клинкомъ. Подстриженная клинышкомъ бородка, черные пушистые усы и сросшіяся надъ переносицей брови придавали его смуглому лицу особенно отважный оттѣнокъ. Онъ пристально взглянулъ на киргиза. По костюму его было видно, что онъ готовился куда-то ѣхать.

— Что тебѣ нужно?—спросилъ онъ и поправилъ надѣтую на головѣ бѣлую чалму, изъ-подъ которой на вискахъ выбивались взбитые пучки волосъ.

— Меня послалъ русскій полковникъ,—отвѣтилъ киргизъ,—который требуетъ васъ на яръ для переговоровъ.

— Какой полковникъ?—удивился капитанъ.—Если онъ хочетъ говорить со мною, то пусть придетъ сюда; мы съ нимъ напьемся чаю и переговоримъ,—сказалъ онъ.

— Полковникъ не придетъ сюда, а если вы не выйдете на верхъ, то вамъ будетъ плохо, дерзко возразилъ киргизъ:—все равно вѣдь повѣсятъ!...

Въ это время съ испуганнымъ лицомъ въ юрту вбѣжалъ афганецъ. Капитанъ безпокойно взглянулъ на него.

— Кифтанъ[1])! Киргизы насъ продали,—заговорилъ онъ,—табунъ нашъ угнанъ, посланный на развѣдки джигитъ въ рукахъ русскихъ, и ихъ войско не далеко отъ насъ.

Капитанъ вздрогнулъ. Наступила минута замѣшательства, которою сумѣлъ воспользоваться переводчикъ. Онъ съ быстротою кошки бросился изъ юрты и черезъ нѣсколько минутъ доложилъ полковнику, что афганцы берутся за оружіе.

Съ обрыва было видно, какъ перебѣгали изъ одной юрты въ другую афганцы, какъ на пути запоясывались они и закладывали патроны въ ружья. И вотъ цѣлая вереница красныхъ мундировъ, во главѣ со своимъ начальникомъ, стала подниматься на яръ и скоро построилась развернутымъ фронтомъ передъ нами. Ихъ лица горѣли негодованіемъ и рѣшимостью.

Капитанъ сдѣлалъ честь полковнику Іонову, приложивъ руку ко лбу и сердцу. Полковникъ отвѣтилъ ему порусски подъ козырекъ. Начались переговоры черезъ переводчика.

— На какомъ основаніи вы выставили свой постъ на нашей территоріи?—спросилъ полковникъ.

— Потому что земля эта наша,—возразилъ афганецъ и, скрестивъ на груди руки, принялъ вызывающую позу,—мы владѣемъ ею по договору съ Англіей съ 1873 года,—прибавилъ онъ.

— Намъ нѣтъ дѣла до вашихъ договоровъ о нашей землѣ,—возразилъ полковникъ,—и я, исполняя возложенныя на меня обязанности, прошу васъ положить оружіе и уйти отсюда прочь.

Капитанъ вспыхнулъ.

---

[1]) Кифтанъ—капитанъ поафгански.

Digitized by Google

— Я рабомъ не былъ и не буду,—сказалъ онъ,—а если вамъ угодно наше оружіе, то перебейте насъ и возьмите его—афганцы не сдаются,—заключилъ онъ свою рѣчь.

— Такъ вы не оставите нашихъ владѣній?—спросилъ полковникъ.—Я васъ спрашиваю въ послѣдній разъ.

— Я сказалъ все!—отвѣтилъ афганецъ.

Видя, что путемъ переговоровъ ничего не подѣлать съ афганцами, и избѣгая кровопролитія, полковникъ хотѣлъ неожиданно схватить ихъ.

«Хватай ихъ, братцы!»—въ полголоса передалъ онъ приказаніе казакамъ.

Но не тутъ-то было. Не успѣли наши сдѣлать и шага впередъ, какъ афганцы дали дружный залпъ, и двое изъ нашихъ грохнулись на землю. Раздался глухой, раздирающій душу, стонъ.

— Бей ихъ!—крикнулъ полковникъ, и все ринулось впередъ.

Полковникъ Іоновъ спокойно сидѣлъ на лошади, наблюдая за дерущимися; въ пяти шагахъ отъ него стоялъ афганскій капитанъ, который прехладнокровно стрѣлялъ изъ револьвера и вдругъ, рванувшись впередъ, подбѣжалъ къ лошади полковника. Блеснулъ огонекъ, и выстрѣлъ прогремѣлъ надъ самымъ ухомъ начальника отряда. Какъ-то инстинктивно полковникъ подался на шею лошади, и пуля прожужжала мимо. Капитана окружили казаки. Но афганецъ уже успѣлъ выхватить изъ ножонъ свою кривую саблю и, какъ тигръ, бросился на нихъ. Вотъ упалъ уже одинъ казакъ подъ ударомъ кривого клинка капитанской шашки. Вотъ снова она то поднимаясь, то опускаясь наноситъ удары направо и налѣво.

Въ нѣсколькихъ шагахъ стоитъ хорунжій Каргинъ и смотритъ на эту картину, пули свистятъ вокругъ него, а онъ стоитъ, какъ будто не дѣйствительность, а какая-то фантастическая феерія разыгрывается передъ нимъ.

— Хорунжій, да убейте же его наконецъ!—раздается роковой приговоръ полковника, и вотъ, вмѣсто того, чтобы схватить свой револьверъ или шашку, хорунжій, не отдавая себѣ отчета, хватаетъ валяющуюся на землѣ винтовку раненаго казака и прицѣливается. Онъ даже не справляется, заряжено ли ружье, и спускаетъ ударникъ. Выстрѣлъ теряется среди общей трескотни и шума, и только легкій дымокъ на мгновенье скрываетъ отъ глазъ фигуру капитана. Какъ-то странно вытянулся вдругъ афганецъ, взмахнулъ одной рукой, другой схватился за чалму, на которой заалѣло кровавое пятно и стремглавъ полетѣлъ съ яра...

На одного ефрейтора наскочило двое афганцевъ, завязалась борьба. Ефрейторъ неистово ругался, желая освободиться отъ насѣдавшаго на него непріятеля, но въ это время подоспѣлъ казакъ.

— Не плошай!—кричалъ онъ издали отбивавшемуся ефрейтору, и съ этими словами шашка его опустилась на окутанную чалмою голову афганца. Вотъ и другой уже на землѣ съ проколотою грудью.

Digitized by Google

Страшно хрипитъ онъ, издавая звуки, какъ бы прополаскивая себѣ горло собственною кровью, и, несмотря на это, силится подняться и зарядить ружье, но силы измѣняютъ ему, кровь хлынула горломъ, и онъ склонилъ свою голову.

Не далеко отъ мѣста стычки, подъ большимъ камнемъ, докторъ перевязываетъ раненыхъ, изъ которыхъ одинъ съ совершенно перебитою голенью неистово стонетъ.

— Ничего, ничего, потерпи, голубчикъ,—успокоиваетъ его докторъ.—Ужъ мы тебѣ ножку твою вылѣчимъ. Давай корпіи,—кричитъ онъ фельдшеру, который мечется съ трясущеюся нижнею челюстью отъ одного къ другому изъ раненыхъ.

— Ой, больно, ваше высокоблагородіе!—стонетъ раненый, пока докторъ вынимаетъ висящіе снаружи осколки раздробленной кости.

Выстрѣлы все еще продолжаются, потому что засѣвшіе въ юртахъ афганцы все еще продолжаютъ стрѣлять. Наконецъ, раздался рѣзкій звукъ трубы, игравшей отбой, и пальба мало-по-малу утихла. Изъ юртъ выползли раненые афганцы.

Тяжелое зрѣлище представлялъ собою весь скатъ и зеленая площадка берега Аличура. Вездѣ валялись убитые или корчились раненые; послѣдніе, силясь подняться на руки, молили о помощи.

Подошелъ резервъ, и всѣ сгруппировались около мѣста, гдѣ лишь нѣсколько минутъ тому назадъ стояли передъ нами полные жизни люди, и гдѣ теперь валялись одни лишь обезображенные трупы.

Тихо между солдатами, нѣтъ ни веселаго говора, ни пѣсенъ; у каждаго на умѣ, что, быть можетъ, и его постигнетъ такая же участь, какъ и этихъ афганцевъ.

— Саперы впередъ!—раздается команда,—рой могилу!

Дружно принялись солдаты за работу, и черезъ четверть часа яма была уже готова. Одного за другимъ стащили афганцевъ и положили въ яму, а на верхъ всѣхъ былъ положенъ капитанъ Гулямъ-Хайдаръ-Ханъ; пуля пробила ему голову, ударивъ въ лѣвый високъ.

— Ишь ты, тоже сражался,—сказалъ одинъ изъ солдатъ.

— Извѣстно, сражался, а то какъ же?—замѣтилъ другой,—тоже вѣдь офицеръ!

Мѣрно падала земля съ лопатокъ на тѣла убитыхъ, покрывая ихъ одного за другимъ своимъ холоднымъ слоемъ, какъ бы поглощая на вѣки павшихъ героевъ. Вотъ бѣлѣется кусокъ мундира афганскаго капитана, но одна, другая лопатка, и все покрыто землею.

Могила зарыта, и поверхъ ея сложенъ изъ камней памятникъ. Пѣхота трогается дальше.

— Пѣсельники на правый флангъ!—раздается команда ротнаго командира, и веселая солдатская пѣсня слышится съ прикрикиваньемъ и присвистываніемъ на всѣ лады, но въ ней нѣтъ той веселой нотки, какая обыкновенно бываетъ замѣтна въ обычной

Digitized by Google

солдатской пѣснѣ. Запѣвало и то какъ-то нехотя и протяжно затягиваетъ свою обычную арію.

Отрядъ подошелъ къ восточному берегу озера Яшиль-куль и расположился бивуакомъ противъ развалинъ китайской крѣпости Суми-Ташъ.

Тихо на бивуакѣ. Нѣтъ ни обычныхъ пѣсенъ, и даже гармошки не слышно; все толкуютъ солдаты объ «аванганцахъ».

— Ну, и храбрые они, братцы, пра, храбрые,—говоритъ одинъ солдатъ, сидя накорточкахъ и покуривая трубку:—ни единъ, что есть, ни сдался, всѣхъ перехлопали; не положимъ, говорятъ, оружію, уставъ, молъ, не дозволяетъ!

— И што тутко за храбрость! Значитъ, у аванганца солдатъ службу знаетъ: коли на постъ поставили, такъ значитъ и стой, «хотя бы и жисти опасность угрожала!»—повторилъ слова устава фельдфебель,—ты самъ, чай, уставъ-отъ гарнизонный знаешь? А еще капралъ! Ишь храбрость какую нашелъ! Меня коли, этта, на постъ поставятъ, то я за тридцать верстъ противника унюхаю, а ёнъ што?.. Спитъ себѣ и не видитъ, что наши у него на носу... Тьфу, а не офицеръ!—и фельдфебель сердито сплюнулъ, посылая ругань по адресу афганцевъ.

Показались носилки, на которыхъ лежали раненые. На одной изъ нихъ тяжело раненый казакъ Борисовъ еле-еле стонетъ. Тяжелое шествіе... «Афганцы, афганцы!» раздается крикъ,—и всѣ бросаются смотрѣть плѣнныхъ. Это были шугнанцы, между которыми выдѣлялся одинъ молодой афганецъ, красавецъ юноша. Два пучка взбитыхъ волосъ, съ каждой изъ сторонъ головы, красиво выбивались изъ-подъ прострѣленнаго головнаго убора. Пробитый пулями мундиръ его былъ изорванъ, видимо, во время рукопашной схватки. Онъ шелъ, высоко поднявъ голову, и окидывалъ сверкающимъ взглядомъ солдатъ. Шугнанцы почтительно шли съ грустными лицами, видимо ожидая чего нибудь страшнаго въ русскомъ лагерѣ.

— Ишь, смотри-ко, братцы,—говоритъ одинъ изъ солдатъ, указывая на афганца,—что значитъ судьба-то. Не суждено, такъ не умрешь. Глянь-ко у энтого аванганца и чалма и мундиръ прострѣленъ да какъ рѣшето истыканъ, а на емъ ни единой царапины нѣту, а давѣ, когда мы въ аванганскую-то юрту забѣжали, глянулъ я въ ящикъ, а тамъ шугнанецъ, поваръ ихъ, сказывали, сидитъ, я его оттуда и выволокъ. Глянулъ, а онъ мертвый, пуля, значитъ, ему это въ самый глазъ угодила, какъ ни прятался сердешный, а нашла таки она его и въ ящикѣ подъ кошмами.

— Все Богъ,—возразилъ вздохнувъ другой солдатикъ,—на все Его святая воля.

— А «ёнъ» какой вѣры будетъ?—спрашиваетъ молодой солдатъ унтеръ-офицера.

— «Магометчикъ»,—серьезно отвѣчаетъ тотъ.

Digitized by Google

— А энто что же за вѣра такая будетъ?—интересуется солдатъ.

— А такая же, какъ и у сарта,—поясняетъ унтеръ.

Удовлетворенный солдатикъ успокоивается.

Раздается барабанный бой къ обѣду.

— Становись на молитву!—кричитъ дежурный по ротѣ, и кучка солдатъ съ котелками въ рукахъ нестройнымъ хоромъ поетъ «Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ!»...

Б. Л. Тагѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Digitized by Google

ОТЩЕПЕНЕЦЪ.

(Страница изъ быта глаголемыхъ старообрядцевъ).

ВЪ СѢВЕРО-ВОСТОЧНОМЪ углу Рыбинскаго уѣзда (Яросл. губ.), среди единственныхъ почти во всей сторонѣ большихъ лѣсовъ, на полдорогѣ между истокомъ и впаденіемъ красивой Ухры,—расположено небольшое торговое село Арефино. Это одинъ изъ самыхъ глухихъ угловъ во всемъ уѣздѣ, хотя въ то же время и бывшій, и настоящій административный центръ огромной Мамоновской вотчины, или такъ называемой Мамоновщины. Плохія дороги, отдаленность отъ городовъ и недостаточность образовательныхъ учрежденій, вѣроятно, являются причиною того, что жители окружающихъ Арефино деревень въ большинствѣ до сихъ поръ придерживаются старины, хотя открыто и не принадлежитъ къ какому либо толку; они только молятся «большимъ» крестомъ и считаютъ непремѣнною обязанностью читать молитвы по переводной Виленской псалтыри, а кто побогаче и по Іосифовской. Впрочемъ, есть здѣсь и настоящіе сектанты, даже такіе, какъ «странники» или бѣгуны. Но ихъ и безъ того немногочисленные ряды съ каждымъ годомъ становятся рѣже: старики вымираютъ, а молодые, просвѣ-

Digitized by Google

щаясь на промыслѣ въ столицахъ, оставляютъ заблужденіе и обращаются къ церкви.

Люблю я этотъ глухой уголокъ, еще полный остатковъ стараго быта, гдѣ можно записать и интересный причетъ сговорёнки, и своеобразную старую пѣсню. Люблю я его и нерѣдко посѣщаю и потому, что здѣсь еще встрѣчаются у крестьянъ рѣдкіе рукописные памятники и образцы стараго искусства въ видѣ утвари и другихъ бытовыхъ предметовъ, работы мѣстныхъ искусниковъ-самоучекъ.

Съ годъ назадъ, во время одного изъ моихъ посѣщеній Арефина, ко мнѣ, въ избу, гдѣ я остановился, пришелъ еще нестарый, чисто одѣтый мужикъ. Меня поразило въ немъ необыкновенно добродушное выраженіе лица и какая-то особенная мягкость взгляда. Онъ засунулъ руку въ пазуху и, вытащивъ оттуда небольшой сверточекъ какихъ-то бумагъ, протянулъ его мнѣ, говоря:

— Вотъ не пригодится ли? Могу пожертвовать... Я слышалъ, вы собираете.

Пересмотрѣвъ наскоро содержимое свертка, я увидѣлъ, что это были небольшія тетради съ выписками изъ старообрядскихъ соборниковъ и другихъ учительныхъ книгъ. Написаны онѣ были ровнымъ красивымъ полууставомъ. Заглавныя буквы у нѣкоторыхъ изъ нихъ были замысловато разрисованы красками и золотомъ и занимали почти всю страницу. Одна тетрадка, озаглавленная: «О бритіи брады», начиналась проклятіемъ по адресу этой «ереси»: «проклинаю,—говорилось въ ней,—богоненавидимую блудолюбнаго образа прелесть, душегубительныя помрачёныя ереси, еже стригати браду»...

«Старообрядецъ»,—думаю. Дай, побесѣдую съ нимъ—любопытно послушать, что онъ будетъ говорить.

— Кто же это писалъ?—спрашиваю я.—Рукописи вѣдь недавнія...

— А это я самъ работалъ, Бога ради.

— Такъ вы, стало быть, «по вѣрѣ» (старообрядецъ)?

— Никакъ нѣтъ. Былъ, дѣйствительно, да ужъ давно обратился. Наши меня отщепенцемъ называютъ... Видите, вотъ я и зелья придерживаюсь,—сказалъ мой новый знакомецъ, и вынулъ изъ кармана берестяную тавлинку, какъ доказательство своего «отщепенства».

— Гдѣ же выучились вы такъ писать?—спросилъ я его.

— За границей,—говоритъ,—въ Пруссіи: въ ученьѣ я тамъ былъ, въ монастырѣ...

Часъ отъ часу, думаю, не легче. Куда только судьба не занесетъ русскаго человѣка!

Поговорилъ я съ старообрядцемъ минутъ десятокъ и убѣдился, что онъ обладаетъ недюжиннымъ умомъ, и разсказы его чрезвычайно интересны.

— Вотъ,—говорю я ему,—вы бы на свободѣ мнѣ подробно разсказали о вашихъ приключеніяхъ...

— Отчего же,—говоритъ,—можно. Только вѣдь я бражникъ, ино-

Digitized by Google

сказуемо, алкоholикъ и говорю плохо: въ головѣ-то и есть, а языкъ прильпе къ гортани. Инорядь и молоткомъ изъ нея ничего не выбьешь...

Дальше изъ разговора выяснилось, что знакомца моего зовутъ Николаемъ Ѳедоровичемъ Могилевымъ, что онъ пошехонскій мѣщанинъ, по ремеслу сапожникъ, а живетъ въ Арефинѣ. Долго потомъ не случилось мнѣ быть въ Мамоновщинѣ. Наконецъ, ужъ какъ-то недавно, снова пришлось побывать въ Арефинѣ. Спросилъ о Могилевѣ... «Ничего,—говорятъ,—работаетъ, да по разу въ мѣсяцъ загуливаетъ»... Говоримъ такъ о немъ, а онъ самъ легокъ на поминѣ.

— Съ пріѣздомъ! — говоритъ и протягиваетъ мнѣ какую-то тетрадь изъ старой синей бумаги.

— Что это?—спрашиваю я,

— А вы разсказать-то просили о моихъ приключеніяхъ. Такъ вотъ я и написалъ, какъ умѣлъ. Только ужъ не обезсудьте. Сами знаете, какой я грамотей, да еще и бражникъ...

Раскрылъ я поданную тетрадь. Вижу: писано тѣмъ же полууставомъ, а начальная буква разрисована чуть не во всю страницу. Прочитавъ эту наивную автобіографію, я нашелъ ее столь интересной, что рѣшился привести ее здѣсь, по возможности придерживаясь выраженій и особенностей оригинала.

I.

«Родился я въ 1855 году въ селѣ Арефинѣ. Отецъ мой, Ѳедоръ Васильевичъ Могилевъ, былъ кузнецъ и въ то же время самоучка-механикъ. Въ Арефино онъ пріѣхалъ въ концѣ сороковаго года работать оконныя рѣшотки у строившейся тогда зимней церкви, да такъ тутъ прижился, что остался и навсегда. Кузница, гдѣ онъ работалъ, была церковная и помѣщалась въ одной изъ тѣхъ башенъ, что стоятъ по угламъ ограды. Въ Арефинѣ отецъ мой и женился на крестьянкѣ-старовѣркѣ изъ сосѣдней деревни Ивановской, Глафирѣ Житковой. Ея отецъ былъ, впрочемъ, православный, но за то мать раскольница самая ревностная. Дочерей своихъ,—а ихъ у нея было пять,—воспитала она, какъ говорится, въ страхѣ Божіемъ и всѣхъ счастливо выдала замужъ. Черезъ нихъ наша семья породнилась между прочимъ, съ Мальцевыми, богатыми рыбинскими купцами-старообрядцами...

«Немудрый мой разсказъ, не взыщите, и воспоминанія отрывочны... Вспоминаю я свое ученье. Начала меня учить моя мать, какъ водится, молитвамъ, а потомъ по старообрядческому букварю въ старинномъ Іосифовскомъ часовникѣ. Не въ судъ ей скажу, но добиться толку отъ меня ей было трудно: женщина она была слабо-

Digitized by Google

характерная и сердобольная, съ плачущимъ плакала, а я мальчишкой былъ упрямъ и скудоуменъ. Къ тому же, какъ единственный сынъ, я былъ баловень и матушкинъ сынокъ. Обыкновенно занятія наши начинались молитвами передъ ученіемъ, а потомъ я садился и наизусть долбилъ азбуку: азъ, буки, вѣди, глаголь и т. д. безъ конца; но только стоило матушкѣ отъ меня отойти, какъ я уже и на улицѣ, съ ребятишками, и большаго труда ей стоило меня заманить снова учиться. Только голодъ или обѣщаніе гостинца возвращали меня домой. Сколько указокъ я переломалъ во время ученья! Сколько азовъ истыкалъ ими до дыръ! Мѣсяца въ три добился я, однако, что всю азбуку зналъ на память, а сложить не могъ ни одного слова... Немудрено, поэтому, что матушка частенько выходила изъ себя и принуждена была «учить» меня лѣстовкой, а то такъ и розгой. Бывало, разсердится на меня и заговоритъ таково круто: «Господи Ісусе, помилуй мя, грѣшницу», да и дастъ мнѣ порцію лѣстовкой. Розогъ я пробовалъ рѣдко; я успѣвалъ отъ нихъ убѣгать: пока ихъ ищутъ, а мой ужъ и слѣдъ простылъ. Ну, а лѣстовка, та всегда на рукѣ... Впрочемъ, большею частью моя мать обращалась со мною ласково и кротко. Очень ужъ она меня любила. Отецъ въ моемъ ученіи и воспитаніи не принималъ никакого участія. Я даже и видѣлъ его не часто: все онъ былъ за работой, а въ кузницу къ нему ходилъ я рѣдко, да и то только затѣмъ, чтобъ побаловаться его инструментами или висѣвшимъ въ кузницѣ ружьемъ. Человѣкъ онъ былъ добрый и кроткій. Живя постоянно среди крестьянъ, гдѣ слова не услышишь безъ брани, онъ никогда не бранился. Единственнымъ браннымъ словомъ у него было «езопъ». И теперь я иногда думаю: что это за слово? Неужели имя баснописца, о которомъ когда-то я читалъ въ старинной лубочной книжкѣ? Мастеръ мой отецъ былъ очень хорошій. Помню я, какъ поднималъ онъ на колокольню нашъ большой церковный колоколъ, какъ поправилъ онъ кому-то швейную машину, которую и въ Петербургѣ настоящіе мастера отказались починить. Между прочимъ, онъ былъ и хорошій токарь. Станокъ его собственной работы и теперь еще живъ. Одинъ изъ его товарищей, крестьянинъ Василій Ивановичъ Спассковъ, разсказывалъ мнѣ, что онъ долго трудился надъ какой-то летательной машиной, но такъ ея и не сдѣлалъ. Передъ смертью моего отца окрестили старовѣры... Однако, я нѣсколько отступилъ отъ разсказа. Обращусь опять къ своему дѣтству. Мнѣ было шесть лѣтъ, какъ родилась моя сестра Ольга. Заботъ моей матери прибавилось, самой учить меня ей стало нѣкогда, и отдала она меня къ пономарю. Но недолго я у него проучился: въ домѣ одного изъ сосѣдей, Виктора Заморова, открылась школа, и меня отдали туда. Но и здѣсь я пробылъ только нѣсколько дней, а потомъ и пошелъ гулять по рукамъ у старовѣрокъ. Послѣдняя моя учительница была старуха въ деревнѣ Поздняковѣ. Тутъ я учился уже по старопечатной Псалтыри. Затѣмъ,

Digitized by Google

былъ я отправленъ въ городъ Рыбинскъ, къ одному родственнику, купцу Василію Евграфовичу Мальцеву. Не могу съ точностью вспомнить, сколько времени я у него жилъ. Только помню, что не очень долго, не больше года, и за это время ходилъ я учиться въ моленную, къ старовѣркѣ. У Мальцева прислуживалъ я въ лавкѣ и въ мастерской у портныхъ; былъ подъ рукой и у скорняка, гдѣ сшивалъ мѣха изъ лоскутковъ. И столько попадало мнѣ тутъ колотковъ, что едва изъ меня всѣ каѳизмы не выколотили...

II

Вотъ въ это-то самое время родственники и одновѣрцы моей матери и задумали передѣлать меня, раба Божія Николая, на Андрея. Какъ сейчасъ, помню я это событіе. Стояло лѣто; былъ погожій ясный денекъ. Тетушка моя, сестра матери, Августа Николаевна, какой-то старообрядецъ изъ жидовъ, по имени Николай Ивановичъ, и инокъ о. Николай, называвшій себя ставленникомъ о. Павла Прусскаго, взяли меня и отвели за городъ, на рѣчку Коровку. Тамъ выбрали неглубокій бочажекъ, поперекъ его положили доску. Меня раздѣли, заставили войти по грудь въ воду, потомъ трижды погрузили съ головой, и обрядъ былъ конченъ. Вода въ рѣчкѣ была довольно холодная, и я поозябъ. Идя обратной дорогой, я вздрагивалъ, а мои крестители говорили: «Ишь, душа-то передъ Духомъ Святымъ робѣетъ»... Не понималъ я тогда, что они хотѣли этимъ сказать, да и теперь, говоря по правдѣ, не понимаю. Помню, дорогой много говорили о Павлѣ Прусскомъ. Больше разсказывалъ о немъ инокъ, о. Николай, и очень хвалилъ его, сравнивая съ Павломъ, епископомъ коломенскимъ, какъ я узналъ потомъ, также чтимымъ старообрядцами. «Воистину,—говорилъ онъ, какъ по книгѣ,—начальникъ онаго добраго воинства не отъ простаго народа, ниже отъ поселянска трепутія, но пастырь Христова стада, стражъ добрый церковныя доброты, труба златокованная благочестія»... Твердо запомнились мнѣ эти слова потому, что впослѣдствіи я не разъ ихъ переписывалъ, обучаясь полууставному письму.

Всѣ эти разсказы объ о. Павлѣ и его восхваленія очень меня заинтересовали. Помню, онъ представлялся дѣтскому воображенію моему въ видѣ высокаго старца, въ свѣтлой мантіи, съ крестами на ней и въ бѣломъ клобукѣ. Гдѣ-то тогда я видѣлъ такое изображеніе, на иконѣ ли, или на картинѣ. Что значилъ продѣланный надо мною обрядъ, я тогда не понималъ. А теперь, вспоминая, возмущаюсь... Нужно, подумаешь, старообрядцамъ увеличивать число своихъ одновѣрцевъ, насильно обращая несмысленныхъ дѣтей! Это, думаю, первое доказательство того, что вѣра ихъ—заблужденіе, при всей изворотливости, а иногда и большомъ умѣ ихъ отцовъ и на-

Digitized by Google

четчиковъ, не могущее привлечь къ себѣ взрослаго, способнаго разсуждать человѣка. А вѣдь мнѣ было тогда всего лѣтъ восемь...

У Мальцевыхъ вскорѣ случилась свадьба, и мнѣ, какъ бы въ награду за послушаніе, сшили поддевочку—ходить въ моленную. Тамъ насъ, мальчиковъ, училось много, и всѣ мы долбили наизусть каѳизмы.

Такъ прошло около года. Въ Рыбинскъ тогда пріѣхалъ какой-то землякъ о. Павла Прусскаго, направлявшійся къ нему изъ Сызрани за границу по дѣламъ. Вотъ меня и стали уговаривать ѣхать съ нимъ къ о. Павлу. Насказали мнѣ съ три короба, наобѣщали Богъ вѣсть чего, а я, малоопытный, повѣрилъ всему и согласился. Изъ Рыбинска мы съ моимъ новымъ покровителемъ поѣхали на пароходѣ до Твери, а потомъ по желѣзной дорогѣ до Питера, гдѣ остановились мы у одного изъ родственниковъ, А. В. Мальцева, жившаго недалеко отъ какого-то моста на Фонтанкѣ. У него была своя одежная лавка въ Апраксиномъ рынкѣ, который въ то время только что отстраивался послѣ пожара. Пробыли мы въ Петербургѣ всего нѣсколько дней. А. В. Мальцевъ повезъ меня въ каретѣ на Варшавскій вокзалъ и тамъ сдалъ съ рукъ на руки моему проводнику въ Пруссію. Это былъ человѣкъ высокаго роста, одѣтый въ длинную чуйку. Помню, онъ постоянно закрывался воротникомъ и нахлобучивалъ шапку, какъ бы опасаясь, чтобы его не узнали. Говорилъ онъ со мной мало. Я думаю теперь, что это былъ какой нибудь старообрядческій инокъ. Съ молитвой сѣли мы въ вагонъ и поѣхали въ Псковъ, потомъ въ Вильну и Ковно. Въ Псковѣ мы останавливались, но пробыли недолго. Въ Ковнѣ же пробыли дня три, причемъ остановились у старообрядца за городомъ, на большой дорогѣ. Я ходилъ гулять и любоваться на городъ. Какъ сейчасъ, его помню: стоитъ онъ подъ горой, а внизу широкая рѣка. Черезъ нее плашкотный мостъ, и на немъ стоятъ два солдата и смотрятъ, что несешь. Въ городѣ, на площади—какой-то памятникъ. Задней стороною городъ упирается въ гору, въ которой устроены кузницы. Ночевали мы у нашего одновѣрца въ свѣтелкѣ, гдѣ было ссыпано множество яблоковъ и лѣсныхъ грушъ. Я хотя и былъ охотникъ до всякихъ плодовъ, но этихъ ѣсть не могъ,—такъ они были горьки. Оказалось, что ихъ прежде вялятъ, а потомъ уже употребляютъ въ пищу. На четвертый день поѣхали мы уже на лошадяхъ по большой дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ обсаженной ивами, у которыхъ вершинки были спилены, а отъ стволовъ пошли отростки густо-на-густо и образовали какъ бы шапки. Забылъ я упомянуть, что, когда мы проѣзжали Вильно, тамъ осматривали нашъ багажъ и потребовали паспорта. Эти строгости принимались по случаю мятежа...

Ѣхали мы отъ Ковно, какъ я сказалъ, по большой дорогѣ, поднятой высоко и крѣпко убитой щебнемъ [1]). Вотъ подъѣзжаемъ къ

[1]) Вѣроятно, по шоссе.

Digitized by Google

первой станціи, и лошади упираются въ шлагбаумъ. Въ то же время выдвигается длинный шестъ съ кошелемъ на концѣ. Ямщикъ кладетъ въ него плату, и кошель исчезаетъ, а затѣмъ поднимается и шлагбаумъ. Сейчасъ за шлагбаумомъ подъѣхали мы къ постоялому двору, или шинку. Входимъ въ шинокъ, а тамъ, какъ говорится, дымъ коромысломъ. Вглядѣлись: за стойкой жидъ, не изъ такихъ, какъ я видалъ у насъ, а настоящій, заправскій, въ долгополомъ кафтанѣ, туфляхъ и съ длинными пейсами. Всѣ лавки и скамьи полны народомъ: кто сидитъ, кто лежитъ, а кто и стоитъ у выручки. И у всѣхъ въ зубахъ красивыя, изукрашенныя фигурами фарфоровыя трубки. Чубукъ у нихъ дугой книзу, такъ что когда курящій говоритъ, трубка стучитъ ему въ грудь. Жидъ корчмарь провелъ насъ въ другую комнату, гдѣ былъ только большой столъ да нары. Мой провожатый потребовалъ закусить; но я ничего не могъ ѣсть, потому что отъ всего сильно пахло чеснокомъ. Пошелъ я и попросилъ воды напиться, но и отъ воды, оказалось, тотъ же запахъ... Такъ пошло и дальше по нашей дорогѣ: тѣ же шинки, тѣ же жиды, которыхъ къ границѣ становилось все больше и больше. А поляковъ, наоборотъ, стало встрѣчаться меньше. Скоро поѣхали мы уже по проселочнымъ дорогамъ, причемъ на каждомъ перекресткѣ намъ попадались высокіе, аршинъ въ пять, столбы, у которыхъ вверху были маленькія кровельки, а подъ ними распятіе. Въ лѣсу на дорогѣ встрѣчались еще какія-то вышки, саженъ въ 10 и больше. Устроены онѣ были такъ: къ самому высокому дереву, съ двухъ сторонъ, придѣланы были лѣстницы, а на верху площадка, на которой ходилъ дежурный. Ужъ не знаю, кто устроилъ эти вышки: наши ли, или польскіе мятежники.

Послѣдняя наша станція была отъ границы верстахъ въ шести. Это была маленькая усадебка на голомъ полѣ. Только около самаго шинка стояла рябина. Тутъ встрѣтило насъ цѣлое полчище жиденятъ, человѣкъ 20. И, Господи, какихъ, какихъ тутъ не было! И голые-то, и босоногіе, и паршивые...

Скоро пришло нѣсколько взрослыхъ жидовъ, и тутъ произошелъ генеральный совѣтъ на счетъ того, какъ перебѣжать границу. Видно, провожатый мой на деньги не скупился, потому что жиды не знали, какъ и угодить «пану». Во время этого совѣщанія изъ корчмы выходитъ старый жидъ, маленькій, горбатенькій, въ бархатной ермолкѣ. Онъ началъ учить моего проводника, какъ лучше перебѣжать границу, и тутъ же далъ намъ провожатаго. Запрягли пару воловъ, усѣлись и только что хотѣли тронуться,—вдругъ солдатъ тутъ какъ тутъ... Нечего дѣлать, мой проводникъ полѣзъ скорѣй въ кошелекъ и далъ ему «на зубокъ»... Солдатъ только пожелалъ намъ счастливо доѣхать. Черезъ нѣкоторое время пріѣхали мы къ какому-то домику, обнесенному кругомъ заборомъ. Постучали, и насъ пустили въ избу. На стѣнѣ множество иконъ; кругомъ лавки; чи-

Digitized by Google

стота вездѣ. Это было жилье старообрядца; но его я видѣлъ только мелькомъ. Была тутъ еще какая-то женщина. Проводникъ мой, надо сказать, во всю дорогу при мнѣ ни съ кѣмъ не разговаривалъ,—все таился отъ меня. Вотъ почему я и плохо запомнилъ личности, встрѣчавшіяся намъ на остановкахъ въ дорогѣ.

На этой послѣдней станціи на совѣщаніе также всѣ вышли въ другую комнату. Мнѣ въ это время захотѣлось пить. Взялъ я ковшъ и зачерпнулъ имъ въ стоявшей тутъ же кадкѣ. Попробовалъ: кисло. Смотрю—въ кадкѣ что-то красное. «Ну, думаю, кровь. Видно мы въ польскую банду попали (наслушался я о нихъ въ дорогѣ), тутъ нашъ и конецъ будетъ». Я весь дрожалъ, когда пришла хозяйка и объяснила мнѣ, что это не кровь, а крашеная моченая свекла... Стыдно стало мнѣ моего глупаго страха.

Только стало смеркаться, какъ мы пѣшкомъ пустились въ путь къ границѣ. Осторожно шли мы, крались, какъ лисицы, и прямо опустились въ ровъ. Въ немъ было сухо, и мы, согнувшись въ три погибели, чтобы не быть замѣченными пограничной стражей и не попасть подъ пули, бѣжали такъ съ версту. Потомъ намъ стали попадаться кустики, а затѣмъ и лѣсокъ. Тутъ мы вышли изъ рва и побѣжали лѣсомъ. Смотримъ: опять такой же домикъ, да еще съ моленной: вся стѣна въ одной комнатѣ заставлена иконами, а передъ ними негасимо горятъ лампады. Тутъ мы ночевали. На утро проводникъ мой сказалъ мнѣ:

— Андрей! что есть у тебя лишняго, оставь здѣсь.

Немного, однако, чего у меня оказалось: только кошелекъ, подарокъ крестной (по старообрядству), да жетонъ въ память тысячелѣтія Россіи. Все это, по совѣту проводника, я и зарылъ въ землю, близъ стѣны моленной. Затѣмъ, мы отправились дальше къ городу Іогансбургу. Ѣхали ли, шли ли—не помню, потому что, чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ становилось мнѣ тяжелѣе и скучнѣе. По прибытіи въ городъ пошли мы прямо въ типографію Гаврилова. Типографія эта была небольшая и рабочихъ въ ней было только трое. Городъ, помнится, былъ маленькій, съ прямыми улицами, на которыхъ подъ одну линію стояли, низенькіе одноэтажные дома.

III.

Въ городѣ мы пробыли недолго и на волахъ поѣхали въ монастырь, гдѣ имѣлъ пребываніе о. Павелъ Прусскій. Насъ везъ какой-то полякъ. Съ трепетомъ сердечнымъ приближался я къ конечной цѣли своего путешествія.

Монастырь стоитъ отъ города верстахъ въ 25, такъ что мы пріѣхали въ деревню, находящуюся отъ него на разстояніи около версты, уже вечеромъ и тамъ остались на ночлегъ. Помню, хозяинъ

Digitized by Google

дома, гдѣ мы остановились, далъ мнѣ картофелю или, какъ тамъ называютъ, бульбы съ саломъ и сказалъ:

— Ѣшь, хлопче, ѣшь! Больше тебѣ не придется ѣсть бульбу съ саломъ...

Утромъ встали мы рано и отправились въ монастырь къ о. Павлу. Его застали мы дома, и встрѣтилъ онъ насъ ласково и любезно. Никогда я его не забуду. Это былъ высокій и въ то время еще не старый человѣкъ, съ чисто русскимъ лицомъ, не большой, но густой и окладистой бородой, строгимъ, хотя и не суровымъ взглядомъ. Поступь его была тяжелая или, можетъ быть, казалась такою оттого, что онъ постоянно, зимою и лѣтомъ, носилъ катаные сапоги, высоко обшитые кожей. Правое плечо было у него ниже лѣваго. Одѣтъ онъ былъ въ темной рясѣ, а на головѣ у него было что-то въ родѣ круглаго башлыка, спускающагося сзади до пояса и закрывающаго плечи. Во время же службы онъ надѣвалъ безрукавую мантію, похожую на широкій плащъ.

Послѣ свиданія нашего съ о. Павломъ, насъ размѣстили по кельямъ для отдыха. Когда я отдохнулъ, меня снова позвали къ о. Павлу, и онъ тутъ же велѣлъ меня переодѣть. Мнѣ дали длинную, ниже колѣнъ, рубаху, рясу, на ноги что-то въ родѣ опорковъ, а на голову шапочку, похожую на скуфью. Въ руки мнѣ сунули кожаную лѣстовку. Наученный ранѣе, я поклонился о. Павлу въ ноги и сказалъ:

— Отче, благослови меня здѣсь пожить и поучиться.

А онъ говоритъ мнѣ въ отвѣтъ:

— Богъ тебя благословитъ, Андрей!

Послѣ того всѣ пошли за трапезу, обѣдать.

Послѣ молитвы насъ, мальчиковъ, въ числѣ семи, посадили за особый столъ. Съ нами сѣлъ и нашъ дядька, старый, высокій монахъ. Онъ наблюдалъ, чтобы мы сидѣли смирно, не шалили и не вели никакихъ разговоровъ. Дядька посадилъ меня рядомъ съ собою, велѣлъ надѣть на лѣвую руку лѣстовку и сказалъ:

— Лѣвую руку на столъ никогда не клади. Это помни. По сторонамъ тоже не гляди. Смотри только на то, что передъ тобой. Если забудешь, то попробуешь лѣстовки или розогъ.

Столъ, за которымъ сидѣли мы, равно и тотъ, за которымъ трапезовала «братія», не былъ покрытъ ничѣмъ. Передъ каждымъ обѣдающимъ положена дощечка, вершка въ 4 длиной и въ 3 шириной, а на ней хлѣбъ и ложка. Если кому хлѣба окажется мало, сиди и не проси: дядька увидитъ и самъ дастъ. Такой же строгій порядокъ былъ и у старшихъ. Они обѣдали на правой сторонѣ трапезы, а мы—на лѣвой, яко козлища. Посредине стоялъ налой, на которомъ, во время трапезы, читались житія святыхъ и разныя душеспасительныя поученія. Говорили за трапезой только самъ о. Павелъ да кандидатъ его о. Варнава. Они объясняли и наиболѣе

Digitized by Google

непонятныя мѣста изъ читаемаго. Не помню теперь, въ какой-то большой праздникъ читали за трапезой, и встрѣтилось мѣсто: «Неумытному Твоему образу поклоняемся, Христе»... Вотъ о. Павелъ и спрашиваетъ братію:

— Что значитъ это слово—«неумытному»? Всѣ молчатъ. Тогда онъ началъ объяснять толково и понятно. Изъ братіи также дозволялось спрашивать объясненія непонятныхъ мѣстъ. Вопрошавшій вставалъ и говорилъ:

— Честный отче, благослови спросить.

Старшій—о. Павелъ или о. Варнава—отвѣчалъ:

— Богъ благословитъ,—и затѣмъ давалъ отвѣтъ на вопросъ.

Но вотъ и еще разъ я отступилъ отъ своего разсказа. Подали намъ кушанье... Ужъ не знаю, какъ и назвать его. Ну, назову хоть кашицей изъ тыквы. Она мнѣ сразу опротивѣла. Хлѣбъ оказался тоже не лучше этой похлебеньки. Онъ былъ ячменный, и безъ привычки его не проглотишь. Затѣмъ подали кашу, только не изъ крупы, а изъ картофеля, даже неочищеннаго отъ шелухи. Я было взялъ ложку этой каши, но мнѣ какъ разъ попалась шелуха, и я хотѣлъ было ее выбросить. Но дядька строго на меня взглянулъ и сказалъ:

— Не смѣй! Не хочешь—не ѣшь.

Послѣ дали всѣмъ по яблоку и по грушѣ. Такъ, на первый разъ и остался я голоднымъ. По окончаніи обѣда, всѣ разошлись по кельямъ.

IV.

Меня водворили на постоянное житье въ келью къ отцу Ивану, о которомъ подробнѣе сообщу въ своемъ мѣстѣ. Теперь же скажу только, что это былъ полякъ, бѣжавшій изъ Россіи отъ наказанія за участіе въ повстаньѣ. Келья наша помѣщалась въ маленькомъ домикѣ, въ который вело низкое и узкое крылечко, устроенное посрединѣ. У о. Ивана было двѣ комнатки: спальня въ одно окно и рабочая, побольше, въ два окна. Съ другой стороны, черезъ небольшой коридорчикъ, было еще двѣ комнатки, и въ одной изъ нихъ, съ окномъ въ садъ,—лежанка, на которой постоянно стоялъ деревянный лотокъ съ душистымъ воскомъ. Изъ этого воска старикъ инокъ дѣлалъ свѣчи для монастыря. Отъ лежанки, по стѣнѣ, была поставлена узкая койка съ деревяннымъ изголовьемъ и постелью изъ тростника. Ни подушки, ни одѣяла не полагалось: первую замѣняла шапка, а послѣднее—ряска. И при этихъ удобствахъ свернешься, бывало, калачикомъ и спишь, какъ убитый. Келья наша выстроена была изъ дубоваго дерева, и ей было тогда уже лѣтъ около тридцати. Въ помѣщеніи было невысоко, вездѣ темно и грязно. Ни половъ, ни стѣнъ не мыли никогда. Только и есть, что подметутъ

Digitized by Google

бывало соръ. Полы были совсѣмъ гнилые, такъ что растущія подъ окномъ о. Ивана сливы пропустили корни подъ стѣну, а оттуда и въ самую келью, гдѣ и видны были ихъ побѣги аршина въ полтора вышиной.

Но вотъ въ четыре часа прозвонили къ вечернѣ, и мы пошли въ моленную, находившуюся отъ нашей кельи всего аршинахъ въ десяти. Первое, что я увидѣлъ, проходя въ моленную, была звоница, то-есть два столба съ кровелькой, подъ которой висѣли два колокола: одинъ вѣсомъ около пуда и другой въ 20 фунтовъ. Большимъ колоколомъ сзывали на молитву, а малымъ—къ трапезѣ.

Вошли мы съ о. Иваномъ въ моленную и стали на правый клиросъ. Прочитали приходныя молитвы, положивъ нѣсколько земныхъ поклоновъ иконамъ, а потомъ особо три раза земно поклонились братіи. Разстановились всѣ на клиросѣ такъ: о. Иванъ, съ нимъ рядомъ два инока, затѣмъ, во второмъ ряду—четверо старшихъ учениковъ и, наконецъ, въ третьемъ ряду—трое насъ, младшихъ. Меня, какъ новичка, поставили ближе къ стѣнѣ, у окна. Одинъ изъ старшихъ учениковъ, по имени Мина, лѣтъ 18-ти былъ заплечнымъ мастеромъ о. Ивана. Онъ также былъ изъ поляковъ... Впрочемъ, о немъ я разскажу также въ своемъ мѣстѣ.

О. Иванъ далъ мнѣ подробное наставленіе, какъ слѣдуетъ себя вести во время службы:

— Лѣстовку,—говорилъ онъ,—надо взять въ лѣвую руку и обѣ руки сложить на груди. Въ окно не глядѣть, не оборачиваться назадъ; креститься и кланяться надо вмѣстѣ и слушать, что читаютъ и поютъ. Да смотри, чтобы лѣстовка не висѣла праздно, а перебирай ее съ молитвой.

Вечерня продолжалась два часа, затѣмъ былъ ужинъ, послѣ котораго около часа читали правило на сонъ грядущій и, наконецъ, всѣ разошлись на покой. Во второмъ часу началась всенощная. Только на большіе праздники всенощная начиналась въ двѣнадцать часовъ и продолжалась до шести; въ будни же она тянулась часа четыре. Въ 9 часовъ утра опять начиналась служба: часы и обѣдница, занимавшіе не меньше двухъ часовъ; потомъ слѣдовала трапеза, на которую полагался часъ. Если бывалъ двунадесятый праздникъ, то изъ моленной приносили въ келарню праздничную икону и пѣли передъ нею тропарь празднику. Икону обыкновенно несъ или о. Варнава, или его кандидатъ о. Онуфрій.

Я говорилъ уже раньше, что нашу обычную пищу составляли похлебка изъ тыквы и картофель, обращенный во что-то въ родѣ каши. Какъ я ни старался привыкнуть къ этому столу, но первые три дня ничего не могъ ѣсть, даже и хлѣба. Только я и питался что яблочкомъ, которое мнѣ давалъ о. Павелъ, или пряникомъ, получаемымъ также отъ него. Онъ любилъ пряники, и для него ихъ пекли въ самомъ монастырѣ. Какъ-то о. Павелъ, замѣтивъ, что я сижу въ трапезѣ и ничего не ѣмъ, говоритъ мнѣ:

Digitized by Google

— Андрей, что ты ничего ѣшь? Ты вѣдь ослабнешь и захвораешь. Надо тебѣ привыкать къ нашей пищѣ...

— Да я ѣлъ, говорю ему.

— Что же ты ѣлъ?

— Мнѣ кто-то ночью приносилъ хлѣбныхъ корочекъ, вотъ я и сытъ.

Павелъ разсмѣялся и сказалъ:

— Это, вѣрно, ангелъ приносилъ тебѣ корокъ. Ну, теперь ты все будешь ѣсть.

А я дѣйствительно видѣлъ во снѣ, что ѣмъ хлѣбныя корки.

Много лѣтъ спустя, когда я увидѣлся съ о. Павломъ уже въ Россіи, онъ вспоминалъ объ этомъ случаѣ.

Въ праздники наша пища нѣсколько разнообразилась: пекли такъ называемую «мякушку» [1]) и готовили рыбу. Я и забылъ сказать, что монастырь расположенъ на маленькомъ полуостровѣ при озеркѣ, длиною около двухъ верстъ и шириною около версты. Вотъ въ этомъ-то озерѣ и водились въ большомъ количествѣ лещи, караси, лини и угри. Больше же всего было «колючки», мелкой рыбешки, не больше вершка ростомъ, покрытой острыми колючками. Эту рыбу ловятъ тамъ въ огромномъ количествѣ и варятъ только для корма свиньямъ.

Мѣсто, гдѣ стоитъ монастырь, — неровное и очень каменистое. Только и поровнѣе то маленькое мѣстечко, гдѣ стоитъ моленная. Камня тамъ такъ много, что изъ него можно бы построить и весь монастырь. Только работа по раскалыванію камня трудна и стоитъ дорого. При мнѣ этимъ занимались два какихъ-то поляка. Они разрывали камни порохомъ. Разъ, помню, иду я мимо, а поляки только что взорвали камень. Вотъ одинъ изъ нихъ и кричитъ мнѣ:

— Эй, хлопче! Вотъ московске злото,—и далъ мнѣ кусокъ вынутой имъ изъ камня слюды.

Упомянулъ я, что можно бы весь монастырь построить изъ камня. И дѣйствительно, въ немъ и тогда было нѣсколько каменныхъ построекъ. Изъ нихъ особенно памятенъ мнѣ какой-то подвалъ, выложенный изъ дикаго камня въ горѣ. Въ немъ была небольшая передняя комнатка, въ которой всегда находились заступы, мотыги и еще кое-какія орудія. Тутъ же былъ... говорить ли?... цѣлый уголъ розогъ, да еще какихъ! Настоящихъ, заправскихъ, березовыхъ, въ аршинъ съ четвертью длиной... Здѣсь-то насъ и кормили березовой кашей, на которую не былъ скупъ о. Иванъ, не тѣмъ онъ будь помянутъ, а особенно его любимецъ и заплечный мастеръ Мина. Кстати, разскажу здѣсь, за что такъ щедро насъ наказывали. Подумайте: можно ли десятилѣтнему мальчику выстоять безъ отдыха, ну, хоть будничную всенощную? Ужъ я не говорю о праздничной, которая

[1]) Хлѣбъ въ родѣ ситнаго, безъ дрожжей.

Digitized by Google

продолжалась шесть часовъ... Во второмъ часу ночи мы уже на клиросѣ и стоимъ по порядку, каждый на своемъ мѣстѣ. Служба идетъ медленно, медленно. При этомъ въ будни очень много читаютъ. Во время праздничной стоять было легче, такъ какъ за ней много пѣли. Кромѣ того, въ праздничную службу давался часъ отдыха въ то время, когда читали «слово» на праздникъ или житіе празднуемаго святаго. Въ это время всѣ садились на скамейки, сдѣланныя по стѣнамъ и на клиросѣ. У старшихъ эти скамейки были устроены такъ: доска на петляхъ прикрѣплялась къ стѣнѣ съ отдѣльными же ножками. Стоило только поднять, и сидѣнье готово. Во время чтенія паремій позволялось садиться и намъ, младшимъ. Мы сидѣли попросту на полу. Ну, а въ будничную долгую, томительную службу бывало не выстоишь и задремлешь,—вотъ за это и сѣкли; и часто это случалось. Самые старые изъ братій просиживали почти что всю службу. У нихъ и для земныхъ поклоновъ у каждаго было особое приспособленіе, именно особыя скамеечки, вершковъ въ 6 вышиной, на которыя и клался «подручникъ». Полагая поклонъ, старикъ опирался рукой на скамейку и касался лбомъ подручника, не нагибаясь до полу.

Начиналъ сдужбу всегда о. Павелъ словами: «За молитвами святыхъ отецъ нашихъ» и т. д., стоя посреди моленной. Затѣмъ, онъ отходилъ къ задней скамьѣ, а службу исправлялъ Варнава у лѣваго клироса. Когда слѣдовало что нибудь читать, онъ выходилъ на средину. На лѣвомъ клиросѣ стояло два аналоя: одинъ для чтенія, а на другомъ находился желтый, покрытый лакомъ, ящикъ съ мощами за стекломъ. Тутъ, помню я, были: частица мощей св. митрополита московскаго Филиппа въ видѣ косточки величиной съ орѣшекъ, обложенной ватой, часть ризы Николая Чудотворца, листочекъ съ дуба Мамврійскаго, хлѣбецъ Пресвятыя Богородицы и, наконецъ, часть древа Господня, что-то въ родѣ стружечки. Остальныхъ частей не упомню, а ихъ было всего около тридцати. Въ праздники ящикъ съ мощами выносили на средину моленной для поклоненія.

Сознаю, что отрывистъ и непослѣдователенъ мой разсказъ... Но пишу то, что вспоминается. Вспомнилъ еще подробность объ отцѣ Павлѣ и нахожу необходимымъ о ней упомянуть. Именно, я обратилъ вниманіе, что отецъ Павелъ за службой всё сидѣлъ; даже и тогда, когда надо было класть поклоны, онъ не вставалъ. Изъ этого уже можно видѣть, что въ то время онъ неособенно слѣдилъ за собой въ исполненіи всѣхъ обрядностей. Онъ уже началъ и тогда колебаться въ своей вѣрѣ и тяготѣть къ православію, котораго уже не громилъ болѣе, какъ раньше... Столпъ и устой «пребезаконныхъ» пошатнулся, да не въ долгѣ и склонился въ сторону истиннаго свѣта и правды.

Въ послѣднее время отецъ Павелъ такъ былъ занятъ, что не всегда выходилъ и за службу: все сидѣлъ въ своей кельѣ. Это была

Digitized by Google

квадратная комната аршинъ въ восемь, и въ ней помѣщалась библіотека. Все ея убранство составляли: диванъ, на которомъ обыкновенно сидѣлъ или лежалъ нашъ «большакъ»; передъ нимъ большой столъ и большой же шкафъ съ книгами, который былъ всегда тщательно запертъ. Кромѣ того, по стѣнамъ были надѣланы еще полки, и на нихъ также были книги, но лишь болѣе новыя. Въ шкафу же сохранялись исключительно книги старопечатныя и древнія рукописныя; но намъ ихъ не давали, а давали читать и списывать, чтобы мы лучше запоминали, лишь книги болѣе новыя и притомъ самаго возмутительнаго содержанія: «объ антихристовой печати, знаменуемой триперстнымъ сложеніемъ креста», о томъ какъ совершать въ моленной службу, какъ крестить, исповѣдывать. Затѣмъ намъ внушали не сообщаться съ «церковниками» (православными), такъ какъ они «никоніаны», т. е. ученики Антихристовы, не пить, не ѣсть съ ними, хотя бы это были отецъ, мать или братъ, а также не молиться на ихъ иконы. Если же кто изъ никоніанъ, по незнанію, помолится на «христіанскія» иконы,—поучали насъ,—то должно взять кадильницу и крестообразно кадить всѣ иконы, чтобы и духу церковническаго не было... Вотъ какихъ предѣловъ достигаетъ ихъ пагубное заблужденіе! Я потомъ видалъ фанатиковъ изъ старообрядцевъ, которые, послѣ посѣщенія людей, не принадлежащихъ къ вѣрѣ, вытирали тряпкой даже скобы у дверей, чтобы «отмести» всякій слѣдъ прикосновенія Антихристовой печати. Насъ усердно научали тому же, видимо, готовя въ проповѣдники «вѣры». Для этого всячески старались вдохнуть въ насъ духъ нетерпимости и ненависти къ православію. Не знаю, какъ на другихъ, а на меня эти старанія подѣйствовали въ обратную сторону. Вѣдь только добро скоро и безъ труда проникаетъ въ сердце ребенка, а тутъ каждое слово дышало ненавистью и злобой. Укрѣпляли въ насъ этотъ духъ нетерпимости, давая намъ читать о питерскихъ, соловецкихъ и др. мученикахъ раскола, о томъ, какъ они сжигали себя цѣлыми скитами. Объ этомъ, я помню, была большая рукописная книга, называвшаяся, кажется, «Виноградъ россійскій».

Я заговорилъ было о монастырской моленной, но только и успѣлъ сказать о ковчежцѣ съ святынями, какъ отвлекся и перешелъ къ нашей библіотекѣ, а попутно и къ тому, что намъ давали читать и списывать. Теперь снова обращусь къ моленной и прежде всего скажу объ ея размѣрахъ. Она—15 аршинъ въ длину и около 10 въ ширину. Высотой зданіе внутри аршинъ 8. Иконы больше все мѣстныя, значительнаго размѣра. Помнится мнѣ, въ срединѣ иконостаса находился образъ Господа Іисуса Христа на престолѣ. Бывало, я грѣшный, куда ни зайду, съ какой стороны ни посмотрю на Господень ликъ,—Онъ все глядитъ и взглядомъ проникаетъ въ душу. Икона эта—одна изъ самыхъ древнихъ и весьма чтимая.

Вся задняя стѣна моленной была завѣшана картинами. Тутъ, пре-

Digitized by Google

жде всего, были: Псалтырь въ лицахъ—150 отдѣльныхъ изображеній на каждый псаломъ; затѣмъ—«родословное древо истинныхъ христіанъ». Здѣсь, въ одномъ изъ кружечковъ, былю и имя о. Павла, изображенное на стволѣ, на самомъ верху. Слава Богу, что древо это перестаетъ расти... Всѣ эти картины были писаны тутъ же, въ монастырѣ, года за два до моего пріѣзда, двумя учеными старообрядскими иноками. Я еще засталъ ихъ славу. О нихъ говорили, что это были примѣрные богомольцы, постники, защитники «христіанства» и притомъ удивительно искусные иконописцы. Конечно, и эти картины, и все монастырское убранство, да и самый монастырь были устроены стараніемъ и заботами о. Павла и его друга и товарища о. Пафнутія. Они были основателями этой «обители» безбрачной ѳедосеевщины, у которой основное правило: «хоть семерыхъ роди, только замужъ не ходи»... Изъ приведеннаго прекраснаго правила можно видѣть, насколько нравственны люди, принадлежащіе къ этой сектѣ... Впрочемъ, я долженъ сказать, что о. Павелъ, болѣе разумный, никогда не раздѣлялъ подобныхъ взглядовъ и не сочувствовалъ имъ, только не высказывался опредѣленно, можетъ быть, «страха ради Іудейска». Позже онъ, однако, отшатнулся отъ Пафнутія, признавъ необходимость брака. Тогда Павелъ остался въ монастырѣ, а Пафнутій основалъ свой «безбрачный» монастырь верстахъ въ пяти, гдѣ вмѣстѣ живутъ и женщины. Самъ Пафнутій, впрочемъ, не живетъ тамъ: онъ поселился около Павлова монастыря одинъ, и основаннымъ имъ монастыремъ управляетъ «кандидатъ». Кромѣ нашего, о. Павломъ былъ основанъ женскій монастырь верстахъ въ 18-ти. Мнѣ, однажды, лѣтомъ, пришлось съѣздить туда за сѣномъ, и поѣздка эта осталась у меня въ памяти, потому что насъ угощали тамъ молочною кашей, которую я ѣлъ во всѣ три года только одинъ разъ. Вообще молока мы и не видывали: только на Свѣтлый праздникъ приносили его намъ изъ деревни, да и то «наведенаго». Тогда же давали по яичку на брата. Посудите, каково было мнѣ, маленькому мальчику, взрослому при матери, балованному любимцу! Да и не только мнѣ, всѣмъ было тяжело. Труда было много: каждодневная долгая служба, работа въ монастырскомъ саду, а сна и пищи полный недостатокъ. Ужъ воистину «въ потѣ лица» ѣли мы плохой, ячменный хлѣбъ нашъ.

Ко всему этому надо еще прибавить постоянныя наказанія, которымъ насъ подвергали при каждомъ удобномъ случаѣ. Но не виноватъ былъ въ этихъ истязаніяхъ о. Павелъ: онъ былъ человѣкъ кроткій и добрый. Не таковъ былъ отецъ Иванъ... Бывало, измученный цѣлодневной работой, задремлешь во время ночной службы,—Иванъ сначала дернетъ за рукавъ, погрозитъ лѣстовкой и скажетъ на своемъ полупольскомъ языкѣ:

— Бронь, Боже! Не спи!

А потомъ, если снова задремалъ, ударитъ лѣстовкой по головѣ

Digitized by Google

такъ, что едва устоишь на ногахъ. Покажется ему, что крестъ неправильно (не постарообрядчески) сложилъ, или неистово перекрестился, или шепнулъ что нибудь товарищу,—тоже ударъ лѣстовкой. А надо сказать, что лѣстовка, или «лѣствица къ небесамъ» и бичъ для насъ, кощунниковъ, была въ 10 вершковъ длины, въ карандашъ толщиною и дѣлалась изъ плотно скрученныхъ нитокъ. На ней было 102 узла и три большихъ костяныхъ четки, которыхъ мы боялись хуже всякихъ розогъ, особенно же средней изъ нихъ, самой большой.

Этой-то костяжкой и любилъ, бывало, бить добрый полякъ, о. Иванъ. Чуть задремлешь таково сладко, какъ вдругъ очнешься отъ страшнаго удара по головѣ. Сначала все потемнѣетъ въ глазахъ, потомъ станетъ красно и очутишься словно въ сказочномъ дворцѣ: все кружится—и полъ и потолокъ, а огонь отъ свѣчей и и лампадъ издаетъ большіе лучи, опоясанные всѣми цвѣтами радуги. Затѣмъ, по всему тѣлу пробѣжитъ какъ бы ознобъ, а тамъ кинетъ въ жаръ. Вотъ какъ учили насъ не дремать и, конечно, достигали цѣли. Послѣ такой неожиданности пропадалъ всякій сонъ. А то, бывало, не удовольствуются и этимъ наказаніемъ,—выведутъ въ келарню, и тутъ Мина отпуститъ десятокъ розогъ. Заплакать и не подумай, а опять иди въ моленную. Заплакалъ, — вернутъ на задъ и снова накажутъ. И съ какимъ удовольствіемъ, съ какимъ злорадствомъ работалъ заплечный мастеръ Мина! Случается, мнѣ, взрослому уже теперь человѣку, приснится, что я въ старообрядческомъ монастырѣ и подвергаюсь излюбленному нашими тогдашними наставниками наказанію,—я вскакиваю въ ужасѣ и трясусь, какъ въ лихорадкѣ...

Вотъ какова была наша жизнь. Ко всему этому, нами пользовались, какъ рабочей силой, извлекая изъ насъ послѣднее здоровье. Не было той работы, которой бы мы не исполняли. Зимой мы фальцовали листы для псалтырей и всевозможныхъ другихъ книгъ, печатавшихся въ типографіи Гаврилова; переплетали эти книги; переписывали рукописи, шлифовали застежки для книгъ, рѣзали солому, мыли бѣлье и исполняли всякое другое домашнее дѣло. А лѣтомъ—работа въ саду, въ огородѣ, въ поляхъ, на кирпичномъ и торфяномъ заводахъ. Кромѣ того, мы же поочереди пасли свиней и воловъ.

Немудрено, что эта тягота жизни, вмѣстѣ съ тоской по родинѣ, неудержимо влекла меня домой, въ родное Арефино. Ко всему этому присоединялась еще какая-то внутренняя тревога и невольная ненависть къ своимъ мучителямъ, заставлявшая ждать чего-то лучшаго, какого-то просвѣта...

Какъ я уже упомянулъ раньше, о. Павелъ Прусскій въ мое время уже не былъ такимъ ревнителемъ раскола, какъ прежде. Я прожилъ въ монастырѣ два года и девять мѣсяцевъ, и во все это время онъ

Digitized by Google

былъ у насъ раза три или четыре. Больше онъ жилъ въ Россіи. Говорили, что онъ изучалъ и разсматривалъ въ это время древнія книги, кресты и иконы. Этому можно повѣрить, такъ какъ въ каждый свой пріѣздъ къ намъ онъ привозилъ множество снимковъ съ древнихъ православныхъ памятниковъ и затѣмъ подробно объяснялъ братіи, гдѣ и на какой иконѣ какъ изображена благословляющая десница Спасителя и Святое имя Іисусъ.

Многое, касавшееся разногласій старообрядцевъ съ православіемъ, онъ объяснялъ имъ и по древнимъ рукописнымъ книгамъ. Говорилъ онъ вразумительно, толково и неспѣшно. Однако слушали его мало: для большинства не выгодно было внять его проповѣди и пойти за нимъ. Онъ въ это время былъ уже не раскольникъ, а увѣровавшій Ѳома. Его обращенію предшествовало нѣсколько бесѣдъ или преній о бракѣ или безбрачіи. Первая изъ этихъ бесѣдъ была въ нашемъ монастырѣ. На ней были: противникъ Павла—Пафнутій съ «братіей» и много народа изъ деревень. Второе собраніе происходило въ монастырѣ у Пафнутія и было посвящено также вопросу о бракѣ. Помню, я съ однимъ изъ монаховъ возилъ туда на лошади цѣлый возъ книгъ. Тѣснота была страшная, даже въ двери нельзя было пройти, такъ что мы принуждены были выставить въ моленной раму и въ окно подавали книги.

Содержаніе этихъ бесѣдъ въ то время было для меня непонятно. Знаю только, что о. Павелъ говорилъ и отвѣчалъ толково, смиренно и не выходилъ изъ себя, какъ другіе. Его рѣчь тутъ же записывалъ типографъ Гавриловъ.

Только теперь, взрослымъ, я понялъ, что Павелъ былъ искренній, честный человѣкъ; что онъ искалъ свѣта не только для себя, но и для другихъ, и для насъ въ томъ числѣ. Помню я, съ какой добротой и сердечностью прощался онъ съ нами въ послѣдній разъ. Онъ сталъ посреди моленной, положилъ уставный начаѣ, до земли поклонился на всѣ стороны и сказалъ въ такомъ родѣ:

— Отцы и братія! Я всю жизнь свою заблуждался и васъ ввелъ въ заблужденіе... Нынѣ я убѣдился, что православная церковь свята и непорочна...

Затѣмъ онъ сказалъ, что у него есть другая обитель, въ Москвѣ, гдѣ служба будетъ совершаться по старинѣ, и пригласилъ желающихъ слѣдовать за нимъ.

Желающихъ—оказалось четверо взрослыхъ и трое насъ, мальчиковъ. Нѣтъ словъ, что бы передать то, что мы чувствовали. Сначала мы были поражены, какъ громомъ, а потомъ стали плакать неудержимыми радостными слезами. Впереди намъ, бѣднымъ, виднѣлась твердая и надежная пристань, тамъ далеко за рубежемъ, на родинѣ...

Однако, о. Павелъ пока уѣхалъ одинъ, а мы должны были остаться, такъ какъ у насъ не было паспортовъ, и прошло долгихъ два мѣ-

Digitized by Google

сяца, прежде чѣмъ мы покинули ненавистную раскольничью обитель. Не буду описывать, что мы вытерпѣли за это время отъ нашего страшнаго о. Ивана. Озлобленный нашимъ отреченіемъ, онъ удвоилъ наказанія и истязалъ насъ на каждомъ шагу. Но вотъ намъ присланы билеты и деньги, и мы отправились въ путь.

Теперь во всѣхъ городахъ мы останавливались уже у православныхъ, но я мало помню эту обратную дорогу: я ѣхалъ, словно въ полуснѣ, словно ослѣпленный какимъ-то необыкновеннымъ свѣтомъ...

Нынѣ понимаю я, что этотъ свѣтъ только преддверіе вѣчнаго сіянія правды, ожидающаго насъ тамъ, въ другой жизни.

Ради этой надежды, да простится всѣмъ, обидѣвшимъ меня!

Е. Опочининъ.

Digitized by Google

ПОХОДЪ ВЪ ХИВУ ВЪ 1839 ГОДУ.

(Изъ записокъ участника).

ЗВѢСТНО, что въ 1839 году былъ совершенъ генералъ-адъютантомъ Перовскимъ походъ въ Хиву, окончившійся полною неудачею, благодаря жестокой зимѣ, стоявшей въ этотъ злосчастный годъ, и необыкновенно сильнымъ метелямъ, свирѣпствовавшимъ въ обширныхъ степяхъ Средней Азіи.

Небольшой отрядъ Перовскаго не былъ въ состояніи бороться съ стихіей и послѣ 8-ми-мѣсячной борьбы съ вьюгами и морозомъ вернулся въ г. Оренбургъ, похоронивъ половину людей въ азіатскихъ степяхъ и положивъ массу больныхъ въ госпитали.

Въ виду того, что имѣющіяся свѣдѣнія объ этомъ походѣ весьма ограничены, каждый новый матеріалъ о немъ, особенно же записки очевидца и участника, представляютъ безспорно большой интересъ, я считаю нелишнимъ помѣстить записки о походѣ въ Хиву, которыя случайно получилъ отъ ветерана николаевскихъ временъ, участника покоренія Средней Азіи, полковника Егора Михайловича Косырева, бывшаго очевидцемъ бѣдствій и неудачъ, испытанныхъ хивинскимъ отрядомъ зимою 1839 года.

Еще съ 1837 года начали готовиться въ Оренбургѣ къ хивинскому походу. Пѣхота обмундировывалась въ теплую одежду и обувь, по изобрѣтенной формѣ для зимняго времени; шились теплыя шапки,

Digitized by Google

на манеръ сѣрыхъ арестантскихъ, съ назатыльниками изъ чернаго сукна, съ краснымъ околышемъ и огромнымъ четырехъугольнымъ козырькомъ. Полушубки были сдѣланы изъ джибаги, т. е. изъ сваленой бараньей шерсти, нашитой на холстъ, поверхъ которой надѣвались сѣрыя шинели. Подштанники также были на киргизской шерсти и туго простеганы; шаровары, сшитые изъ толстаго и чернаго сукна, были приспособлены къ тому, чтобы шинель и полушубокъ могли свободно входить въ нихъ и затягиваться особо устроеннымъ гашникомъ (поясомъ). Сапоги были настолько широки, что въ нихъ помѣщались кошемныя (войлочныя) валенки, а на ноги солдатъ надѣвалъ шерстяные чулки и портянки. Къ воротнику шинели пристегивались на крючкахъ, сдѣланные изъ заячьяго мѣха, накладные воротники, обшитые снаружи краснымъ сукномъ, а для предохраненія лица, носа и подбородка отъ мороза шились изъ чернаго сукна маски, съ прорѣзанными отверстіями для рта и глазъ и пришитыми суконными носами.

Одѣтые въ такую форму солдаты были до безобразія толсты и неповоротливы, а въ маскѣ и съ ружьемъ въ лѣвой рукѣ солдатъ уже терялъ совершенно человѣческій обликъ и походилъ на чорта, какой обыкновенно изображается на лубочныхъ картинкахъ, продающихся въ мелочныхъ лавкахъ.

На зауральской сторонѣ, въ берегу рѣки Старицы было устроено много русскихъ печей, въ которыхъ выпекались хлѣба и сушились сухари для формировавшагося отряда. Съ этою цѣлью были командированы отъ всѣхъ частей хлѣбопеки и особые кашевары, которые занимались сушкою свеклы, картофеля, моркови и лука. Въ манежѣ была поставлена паровая машина для прессованія сѣна въ кубы, чтобы его было удобнѣе вьючить на верблюдовъ. Этимъ дѣломъ былъ занятъ, спеціально выписанный по этому случаю, англичанинъ. Во всѣхъ военныхъ мастерскихъ заготовлялись лодки, понтонныя сани, для похода; вьюки для верблюдовъ, бочки, бочата, ящики разной величины и т. п.

Въ это же время солдаты обучались собирать и разбирать киргизскія кибитки, вьючить ихъ на верблюдовъ и, развьючивая, опять ставить на землю. Для этого подавалась команда: «навьючивай!» или «развьючивай!», «разбирай кибитку!» или «ставь кибитку!». Солдаты быстро усвоили себѣ способы вьючки и установки своихъ будущихъ походныхъ хоромъ, но только не въ походной одеждѣ, въ которой солдатъ чувствовалъ себя совершенно скованнымъ. Наконецъ, къ осени 1889 года поспѣли и верблюды.

Такимъ образомъ, были приготовлены къ походу 5-й оренбургскій линейный баталіонъ и двѣ роты 3-го баталіона, одинъ полкъ уральскихъ казаковъ, уфимскій казачій полкъ, бывшій въ то время регулярнымъ полкомъ на такихъ же правахъ, какъ и уланскіе, который впослѣдствіи былъ расформированъ за упраздненіемъ, въ г.

Digitized by Google

Чугуевѣ въ 1845 году. Одна батарея и одна полубатарея казачьей конной артиллеріи и часть крѣпостной гарнизонной артиллеріи, командъ: саперовъ и піонеровъ.

Хивинскій отрядъ состоялъ изъ 5.217 человѣкъ при 22-хъ орудіяхъ 4-хъ ракетныхъ станкахъ, и былъ окончательно сформированъ къ 18-му ноября 1839 года.

Второй оренбургскій линейный баталіонъ съ небольшимъ числомъ уральскихъ казаковъ еще лѣтомъ отправился впередъ для приготовленія въ степяхъ колодцевъ и возведенія двухъ временныхъ укрѣпленій на рѣкѣ Эмбѣ и Акъ-булакѣ. Выполнивъ свою задачу, баталіонъ этотъ, оставивъ часть своихъ ротъ и казаковъ въ укрѣпленныхъ имъ пунктахъ, возвратился къ осени въ Оренбургъ. 18-го ноября, въ 11 часовъ утра, былъ назначенъ командиромъ отдѣльнаго корпуса генералъ-адъютантомъ Перовскимъ смотръ войскамъ, а затѣмъ и выступленіе въ походъ.

Рано утромъ, отрядъ сталъ собираться за крѣпостными самарскими воротами, началась вьючка верблюдовъ и укладка въ сани всевозможныхъ принадлежностей, заготовленныхъ къ походу. Въ сани впрягали верблюдовъ, и когда эта работа была окончена, отрядъ сталъ строиться въ указанномъ порядкѣ. Морозъ былъ довольно значительный, но солдаты, одѣтые въ теплую одежду, чувствовали себя бодро и, подшучивая надъ смѣшнымъ своимъ одѣяніемъ, ожидали выступленія. Въ $9^1/_2$ часовъ къ отряду пріѣхалъ начальникъ 22-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ Толмачевъ, въ походной формѣ, т. е. въ сюртукѣ, подбитомъ мѣхомъ, при эполетахъ, шарфѣ и въ шапкѣ съ большимъ козырькомъ и, осмотрѣвъ отрядъ, сталъ ожидать главнаго начальника отряда генералъ-адъютанта Перовскаго. Оригинальное зрѣлище представлялъ собою отрядъ, наряженный въ неуклюжую свою форму и съ масками на лицахъ у солдатъ—онъ положительно имѣлъ видъ легіона бѣсовъ, явившихся изъ преисподней. Въ 11 часовъ прибылъ къ отряду и генералъ Перовскій, поздоровался съ войсками и, объѣхавъ ихъ, приказалъ двинуть отрядъ церемоніальнымъ маршемъ повзводно на взводныя дистанціи чрезъ самарскія ворота на «плацъ-парадное мѣсто», куда онъ и отправился впередъ, чтобы пропустить мимо себя войска. Генералъ-лейтенантъ Толмачевъ повелъ колонну справа повзводно и, подойдя къ мѣсту, гдѣ стоялъ окруженный свитою начальникъ отряда, и, отсалютовавъ ему шпагою, подошелъ къ генералу Перовскому и оставался возлѣ него до тѣхъ поръ, пока не прошли всѣ части. Тогда онъ сѣлъ верхомъ на лошадь и поскакалъ впередъ. Войска проходили церемоніальнымъ маршемъ скорымъ шагомъ, держа ружья подъ прикладъ. Сначала шла пѣхота, имѣвшая по 32 ряда во взводахъ трехшереножнаго строя, потомъ уфимскій казачій полкъ, уральскіе казаки, артиллерія и далѣе вагенбургъ. Прохожденіе войскъ длилось около 3-хъ часовъ мимо начальника от-

Digitized by Google

ряда, который внимательно осматривалъ каждаго солдата и повозки. Пройдя въ такомъ порядкѣ уральскія ворота, отрядъ перешелъ по льду рѣку Уралъ и остановился верстахъ въ двухъ отъ города по ту сторону рѣки, гдѣ и расположился въ видѣ четырехугольника, вокругъ приготовленнаго аналоя. По прибытіи всѣхъ чиновъ отряда, начался напутственный молебенъ. Наступила глубокая тишина, и только голосъ священника и стройное пѣніе походныхъ пѣвчихъ раздавались среди молящейся толпы людей, готовой черезъ нѣсколько минутъ вступить въ тяжелый степной походъ во время суровой зимы съ ея вьюгами и мятелями.

Этотъ день былъ замѣчателенъ тѣмъ, что съ выступленіемъ за Уралъ отряда пошелъ сильный снѣгъ, а на первомъ же полупереходѣ поднялся сильный буранъ, который продолжался, не переставая, трое сутокъ, и суровая степная зима съ этой поры вступила въ полныя права свои, то засыпая горсточку смѣлыхъ русскихъ воиновъ цѣлыми сугробами снѣга, то обдавая ихъ трескучимъ морозомъ и вѣтромъ. Зима того года была особенно снѣжная и морозная, а лежащій въ степи глубокій снѣгъ сильно препятствовалъ движенію отряда. На первыхъ же порахъ оказалось много отмороженныхъ рукъ и ногъ, появились заболѣвшіе, и много солдатъ успокоилось навсегда подъ холодною пеленою снѣга въ необозримыхъ азіатскихъ степяхъ. Отрядъ, кромѣ припасовъ для согрѣванія сбитня, не захватилъ для нижнихъ чиновъ ни водки, ни спирту, которые въ тяжелые походные дни сильно поднимаютъ бодрость духа утомленнаго и полупростуженнаго солдата. Между тѣмъ снѣгъ становился все глубже и глубже. Морозы усиливались. Вѣтеръ пронизывалъ каждаго насквозь. Джибага нисколько не грѣла, и было бы удобнѣе, если бы вмѣсто нея одѣли солдата въ овчиные тулупы. Тяжелые сапоги при глубокомъ снѣгѣ сильно утомляли пѣхоту. Въ отрядѣ скоро наступило полное уныніе. «Хоть бы водочки выдали»,—стонали изъябшіе, полубольные люди. Но водки не было, а вмѣстѣ съ тѣмъ не доставало и топлива для согрѣванія сбитня. Положеніе отряда становилось критическимъ. Люди стали болѣть, верблюды дохнуть такъ, что грузъ, который не на чемъ было перевозить дальше, былъ употребленъ или на топливо, или затопленъ въ рѣкѣ Эмбѣ.

Кое-какъ, съ большими лишеніями дотащился отрядъ до Чушкакуля (Свиное озеро) и остановился бивуакомъ. Между людьми появились различныя болѣзни, и почти всѣ заболѣли цынгою. Верблюды за малымъ исключеніемъ почти всѣ передохли, а тѣ, которые и остались, еле-еле волочили ноги и были совершенно негодны для перевозки не только груза, но даже и одного больнаго.

При движеніи въ Хиву, отрядъ былъ раздѣленъ на нѣсколько колоннъ, называвшихся по фамиліи начальствующихъ офицеровъ, и

Digitized by Google

всѣ онѣ одинаково находились въ тѣхъ же тяжелыхъ условіяхъ, какъ и главный корпусъ отряда.

На одну изъ такихъ колоннъ, а именно майора Симбухина, пользуясь печальнымъ состояніемъ людей ея, наѣхала ночью шайка хивинцевъ и, отбивъ табунъ уцѣлѣвшихъ верблюдовъ, погнала ихъ въ степь, мимо колонны поручика Ерофеева. Этотъ офицеръ прибылъ передъ хивинскимъ походомъ изъ арміи, принялъ роту въ 3-мъ Оренбургскомъ линейномъ баталіонѣ, съ которою и выступилъ въ походъ. Присоединивъ къ колоннѣ своей сотню уральцевъ, поручикъ Ерофеевъ за Акъ-Булакомъ остановился на ночлегъ, сдѣлалъ изъ тюковъ преграду отъ снѣга и возлѣ нея уложилъ верблюдовъ. Такая ограда, въ случаѣ внезапнаго нападенія непріятеля, должна была служить и закрытіемъ. За тюками были разставлены кибитки, въ которыхъ кое-какъ согрѣвались нижніе чины. Какъ разсказывалъ поручикъ Ерофеевъ, у него къ этому времени было болѣе половины больныхъ людей, и треть всего числа, бывшихъ при колоннѣ, верблюдовъ издохла. Хивинцы, гнавшіе отъ колонны Симбухина верблюдовъ, наткнулись на его колонну и не застали ея врасплохъ только потому, что дежурный барабанщикъ (изъ цыганъ) ударилъ тревогу. Хивинцы подумали, что здѣсь расположенъ большой отрядъ, испугались, а отъ внезапнаго барабаннаго боя, раздавшагося среди глубокой тишины, аргамаки ихъ стали бѣситься, сбрасывая съ себя сѣдоковъ. Замѣтивъ это, поручикъ Ерофеевъ приказалъ и другому барабанщику бить дробь и открылъ по непріятелю огонь. Въ это время одинъ изъ смѣлыхъ солдатъ, во главѣ съ нѣсколькими линейцами, черезчуръ близко набѣжалъ на хивинцевъ; одинъ изъ нихъ накинулъ на него арканъ и, оттащивъ на отдаленное разстояніе, вмѣстѣ съ другими подоспѣвшими хивинцами началъ сдирать съ него съ живаго кожу. Несчастный испускалъ неистовые крики, которые рвали на части души его товарищей, и тогда поручикъ Ерофеевъ, во главѣ съ уральцами, бросился на выручку товарища, но хивинцы оставили верблюдовъ и скрылись. Далеко преслѣдовать ихъ въ степи было рискованно, такъ какъ легко можно было сбиться съ пути, да и преслѣдованіе на измученныхъ киргизскихъ маштачкахъ степныхъ хивинскихъ скакуновъ было бы безумною попыткою. Отбитые верблюды были загнаны къ колоннѣ и положены около тюковъ. По утру, судя по числу оставшихся слѣдовъ лошадиныхъ копытъ, было опредѣлено, что хивинцевъ было болѣе тысячи человѣкъ. Стали отыскивать захваченнаго солдата, и нашли его трупъ обезглавленнымъ и съ отрубленными руками и по колѣна ногами. Такой же участи могъ подвергнуться одинъ офицеръ С., который, услыша раздирающіе душу крики захваченнаго солдата, вскочилъ на лошадь и въ безумномъ порывѣ съ нагайкою въ рукахъ бросился на выручку, но во время былъ остановленъ казаками, которые воротили его въ колонну. За это дѣло поручикъ Ерофеевъ

Digitized by Google

ѳеевъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и капитаны и награжденъ орденомъ Святаго Владиміра съ мечами и бантомъ [1]). А барабанщикъ, забившій во время тревогу, получилъ Георгіевскій крестъ.

Отъ Акъ-Булака отрядъ, соединивъ всѣ свои части, двинулся къ Чушка-кулю, но киргизы-возчики отказались слѣдовать далѣе, что̀ заставило главнаго начальника отряда подъ страхомъ смерти принудить ихъ поднять грузы и идти далѣе. Съ большими лишеніями дотянулся отрядъ до Чушка-куля, но и тутъ оказалось не лучше. Зима становилась суровѣе. Морозы и вѣтры донимали людей и верблюдовъ. Лошади почти всѣ передохли, а офицеры шли пѣшкомъ. Большинство вьюковъ было сожжено или брошено въ степи. Провіанту и топлива не хватало. Болѣзни усилились, и смертность стала увеличиватьсл. Въ джибагѣ завелись насѣкомыя, такъ что солдаты предпочли побросать ихъ, и ни одинъ не принесъ обратно съ собою это одѣяніе. Солдаты замерзали, неся сторожевую службу. Однажды, одинъ изъ колонныхъ начальниковъ, повѣряя передовые посты, увидѣлъ солдата въ полулежачемъ положеніи, держащаго ружье въ рукѣ. Онъ подошелъ къ нему и, громко крикнувъ: «чего ты сидишь, такой-сякой, на посту», ткнулъ его въ шею. Солдатъ свалился на снѣгъ и лежалъ неподвижно. Оказалось, что онъ былъ уже замерзшій трупъ.

Въ такомъ состояніи отрядъ простоялъ на Чушка-кулѣ до начала весны и съ первыми лучами весенняго солнца двинулся обратно въ Оренбургъ, убѣдившись въ невозможности идти дальше.

Послѣ восьми-мѣсячнаго пребыванія въ степи, 8-го іюля 1840 года, хивинскій отрядъ прибылъ въ Оренбургъ и остановился на зауральской сторонѣ на берегу рѣки Урала, противъ Баннаго озера, оставивъ погребенными въ степи нижнихъ чиновъ 1.054 человѣка да еще, по прибытіи, положивъ въ Оренбургскій госпиталь цынготныхъ 609 человѣкъ, въ томъ числѣ 20 офицеровъ. Больныхъ привезли въ госпиталь 6-го іюля; я тогда былъ дежурнымъ еще въ чинѣ прапорщика; картина, открывшаяся предо мной и бывшая не такою замѣтною въ походѣ, была ужасна. Жаль было смотрѣть на больныхъ, хотѣлось выразить участіе несчастнымъ страдальцамъ, но не было никакой возможности стоять долго въ палатѣ. У каждаго больнаго десна распухли, и изъ образовавшихся на нихъ тре-

---

[1]) Капитанъ Ероѳеевъ, по возвращеніи изъ похода, былъ командированъ въ учебный образцовый полкъ на годъ и, возвратившись майоромъ, принялъ 3-й Оренбургскій линейный баталіонъ. Затѣмъ былъ комендантомъ Оренбургскаго укрѣпленія, а потомъ Раимскаго, гдѣ за отличіе произведенъ въ подполковники. Въ это же время онъ началъ сильно пить, заболѣлъ и вслѣдствіе этого уволенъ отъ службы. Но, благодаря ходатайству генерала Перовскаго, былъ снова принятъ на службу и зачисленъ младшимъ штабъ-офицеромъ въ Самарскій губернскій баталіонъ, на каковой должности и умеръ.

Digitized by Google

щинъ текли кровь и матерія съ ужаснымъ запахомъ, ноги были у всѣхъ сведены и въ ранахъ. Нѣкоторые въ тотъ же день и умерли. Офицеры, какъ и нижніе чины, были въ одинаковомъ положеніи. Цѣлыя толпы родственниковъ, женъ и дѣтей, собрались въ госпиталь, несмотря на страшную атмосферу, стоявшую въ зданіи. Несчастные мученики разсказывали, со слезами на глазахъ, своимъ близкимъ про тѣ бѣдствія, которыя перенесли они за этотъ злосчастный походъ. Они ярко рисовали картину, какъ остались они безъ топлива, какъ все лишнее жгли вмѣсто дровъ, какъ рубили оглобли и сани и, наконецъ, кибитки для того, чтобы разогрѣть въ чайникѣ воду. Дѣйствительно эти люди испытали все, что можетъ только переиспытать человѣкъ, заброшенный въ пустыню во время суровой зимы, безъ пищи, крова и топлива.

Не помню, какъ долго стоялъ отрядъ, по прибытіи изъ степи, въ лагеряхъ, но, кажется, мѣсяца два или три. Уныніе было полное, и, чтобы поднять духъ солдатъ, а главное, чтобы не бросался ярко въ глаза трагическій исходъ похода, начальство устраивало ежедневно въ лагерѣ отряда празднества (было что праздновать!). Ежедневно съ 4-хъ часовъ и до пробитія вечерней зори играла тамъ военная музыка, по вечерамъ устраивались танцы, садъ иллюминовался, и пускался фейерверкъ. На эти вечера собиралось множество семействъ изъ общества Оренбурга, но вечера были вялы и не удачны.

Больные въ Оренбургскомъ госпиталѣ не поправлялись, и только нѣкоторые къ концу года выздоровѣли, а большинство отправилось въ вѣчность.

Памятенъ былъ всѣмъ Хивинскій походъ, о которомъ каждый отзывался съ необыкновенною грустью и неохотно пускался въ описаніе подробностей пережитаго. Дорого обошелся и государству этотъ походъ, кромѣ погибшихъ полныхъ силъ людей, на него было затрачено 1.700.000 рублей ассигнаціями и 12.000 червонныхъ.

Въ концѣ октября мѣсяца, 1840 года были возвращены изъ Хивы 600 человѣкъ русскихъ плѣнныхъ, отсталыхъ отъ отряда, подобранныхъ хивинцами, которые всюду слѣдовали по пятамъ русскихъ, а также захваченныхъ ими, еще до выступленія русскихъ въ Хивинскій походъ, съ нашихъ пограничныхъ пунктовъ. Жалкій видъ имѣли плѣнные. Въ оборванныхъ хивинскихъ халатахъ, съ выбритыми головами или же уже съ отросшими лохматыми волосами, они положительно едва сохранили образъ человѣческій. На лицахъ ихъ можно было прочесть тѣ страданія, какія пришлось перенести имъ въ плѣну у дикихъ хивинскихъ племенъ. Эти несчастные мученики разсказывали ужасныя подробности о вынесенныхъ ими страданіяхъ. Ихъ продавали въ рабство, били кнутами и нагайками, держали въ клоповникахъ безъ пищи, оставляя на произволъ ужаснымъ насѣкомымъ. Глубокіе шрамы на плечахъ и спинѣ свидѣтельствовали

Digitized by Google

объ истязаніяхъ, которымъ подвергались эти несчастные люди. Нѣсколько человѣкъ были съ выколотыми глазами и, возвратясь на родину, уже не видали ея, а рыдали, обнимая своихъ земляковъ. Что было на душѣ у этихъ несчастныхъ,—одному Богу извѣстно. Измученныя, съ безжалостно оскорбленною честью женщины были ужасны. Безъ слезъ нельзя было смотрѣть на нихъ. Душа кипѣла мщеніемъ за эту горсть собратій, для которыхъ жизнь уже поблекла, для которыхъ не открывалось уже розоваго будущаго, такъ какъ лучшіе годы ихъ и лучшія силы ушли въ рабствѣ, насиліи и поруганіи. Многіе не выдержали всеугнетающаго рабства, сложили въ Хивѣ свои кости, многіе были казнены за попытки къ бѣгству. Нѣкоторымъ удавалось и бѣжать, но и ихъ участь была не лучше, они погибли отъ голода и жажды въ безпредѣльныхъ степяхъ, занесенные пескомъ или снѣгомъ. Были и такіе, которые перемѣнили Христову вѣру и стали жить въ почетѣ среди мусульманъ, но такихъ насчитывалось очень немного—большинство рвалось на родину, сохранивъ вѣру Христа и любовь къ Россіи.

Одновременно съ возвращеніемъ плѣнныхъ былъ изданъ хивинскимъ ханомъ фирманъ о запрещеніи не только ловить русскихъ, но и покупать ихъ у барантачей (разбойниковъ).

Е. Косыревъ.

Digitized by Google

ФРАНЦУЗЪ-КОНФЕДЕРАТЪ ВЪ СИБИРИ.

ОСЛѢ ниспроверженія Барской конфедераціи, когда толпы захваченныхъ поляковъ гнали въ глубь Россіи: за Уралъ, въ Сибирь, въ Камчатку, въ Нерчинскіе рудники, въ числѣ ихъ находился нѣкто Белькуръ — «пѣхотный полковникъ краковской конфедераціи», родомъ французъ. Между барскими конфедератами было много иноземцевъ, особенно французовъ.

Белькуръ прожилъ въ Сибири три года (1770—1773 гг.).

Жизнь его въ изгнаніи описана въ вышедшей въ 1776 г. въ Амстердамѣ на французскомъ языкѣ — книжкѣ, подъ заглавіемъ: «Journal d'un officier françois au service de la confederation de Pologne, pris par les Russes et relegué en Siberie» [1]). Авторъ этой нынѣ весьма рѣдкой книжки, подписавшійся подъ «предисловіемъ» къ ней иниціалами Th. de B., былъ самъ Белькуръ, и иниціалы эти слѣдуетъ читать какъ: Thesby de Belcour—полная его фамилія.

Большая часть содержанія книжки посвящена этнографическому описанію Сибири. Опуская это описаніе, извлекаемъ изъ нея лишь то, что лично относится къ его автору.

---

[1]) Книжка эта существуетъ въ переводахъ на языки нѣмецкій (Естройхеръ, «Bibliogr.», XII, 444) и польскій (въ прибавленіи къ «Dzienn. liter. lwowsk.», 1866 г.). Ею также пользовался въ широкихъ размѣрахъ авторъ сочиненія «Konfeder. barscy na Syberyi», Краковъ, 1895 г. Г. В.

Digitized by Google

Франсуа-Огюстъ Тесби-де-Белькуръ—такъ звали нашего героя—принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ французовъ съ англичанами изъ-за обладанія Канадой, — войнѣ, окончившейся, какъ извѣстно, уступкою Канады Англіи по версальскому миру 1763 года. Белькуръ попалъ къ англичанамъ въ плѣнъ и, когда получилъ свободу, въ 1769 г., прельщенный обѣщаніями наградъ и отличій, выѣхалъ въ Польшу.

Здѣсь онъ примкнулъ къ краковской конфедераціи, провозглашенной маршаломъ-княземъ Юріемъ-Мартиномъ Любомірскимъ.

Когда Яковъ Шанявскій выступилъ со своею дивизіею изъ-подъ Затора (окрестностей Кракова) въ познанское и гнѣздненское воеводства, для подкрѣпленія формирующихся тамъ конфедерацій,—Іосифъ Бѣжинскій и Фран. Дзержановскій, оба храбрые и извѣстные своими способностями вояки, получили приказъ соединить свои отряды съ его дивизіею.

Около Піоткова (Петрокова), подъ д. Ленчино, Тесби-де-Белькуръ, бывшій уже въ чинѣ полковника и входившій въ составъ дивизіи Шанявскаго, слѣдуя въ авангардѣ со своимъ отрядомъ, неожиданно подвергся нападенію Древича и хотя оказалъ ему сильное сопротивленіе, однако, русскіе своею численностію одержали верхъ, разсѣяли отрядъ Белькура, а его самого взяли въ плѣнъ.

Раздѣтыхъ и разутыхъ конфедератовъ погнали черезъ Варшаву [1]) въ Кіевъ, а оттуда черезъ Тулу и Казань въ Сибирь.

Въ октябрѣ 1770 г. Белькуръ прибылъ въ Тобольскъ.

Здѣсь онъ прожилъ безъ малаго три года.

Общая цифра сосланныхъ въ то время въ Сибирь конфедератовъ достигала (если еще не превышала) 5.000 человѣкъ.

Тогдашній сибирскій, или тобольскій, генералъ-губернаторъ Денисъ Ивановичъ Чичеринъ относился къ нимъ довольно сурово [2]).

Плѣнный французъ-конфедератъ былъ лично извѣстенъ генералъ-аншефу, гр. Зах. Гр. Чорнышеву, занимавшему тогда въ Петербургѣ видный постъ вице-президента военной коллегіи. Благодаря этому обстоятельству, Белькуръ не только не боялся Чичерина, но еще могъ оказать большія услуги товарищамъ по ссылкѣ. Благодаря ему, многіе изъ плѣнныхъ были освобождены отъ службы «въ казакахъ». Служить въ казакахъ—значило въ то время быть приписаннымъ къ сословію казаковъ и наравнѣ съ ними нести военную службу. Какая масса была приписанныхъ, видно изъ того, что

---

[1]) Здѣсь ихъ показывали для чего-то королю (Залескій, «Panow. Stan. Augusta», Познань, 1887 г., 263). Г. В.

[2]) Чичеринъ, Д. И., † въ 1785 г. въ чинѣ генералъ-поручика. Съ 1762 г. 18 лѣтъ управлялъ Сибирью. Пользовался неограниченною властью, дарилъ своимъ чиновникамъ заимки около Тобольска и производилъ въ сибирскіе дворяне. Г. В.

Digitized by Google

въ концѣ прошлаго столѣтія въ Сибири образовались изъ нихъ даже цѣлые полки. А какова была въ нихъ служба, показываетъ записанная Белькуромъ «казачья пѣсня»:

«Ой летитъ воронъ зъ чужихъ сторонъ
Тай жалобенко краче,
Не едная мила чернобрыва
За конфедератомъ плаче...

Ей ты сторонко, вихри далеко,
Не могу тидъ докинуть,
Ей просы Бога, моя дѣвчыненко,
Штобъ въ Россыи не згинуть!»

Однажды, прислали изъ Казанской губерніи въ Тобольскъ семерыхъ бывшихъ польскихъ офицеровъ. Ихъ обвинили въ намѣреніи бѣжать. Казанскій губернаторъ, не разобравши, по словамъ Белькура, дѣла, велѣлъ ихъ заковать, уменьшилъ ежедневное содержаніе (четыре гроша на человѣка) и отослалъ на распоряженіе Чичерина. Послѣдній хотѣлъ отправить ихъ дальше — въ Сибирь. Белькуру, при посредствѣ друзей, удалось освободить ихъ отъ кандаловъ, дальнѣйшаго путешествія и вернуть прежнее содержаніе.

Въ другой разъ, нѣкто Баньковскій, въ сильный морозъ, пришелъ въ церковь и забылъ снять шапку въ церковныхъ дверяхъ. Генералъ-губернаторъ приказалъ его арестовать и заковать въ кандалы, а на другой день назначилъ дать ему извѣстное число плетей, и только заступничество Белькура и его знакомыхъ избавило Баньковскаго отъ позорнаго наказанія.

Но не всегда удавалось Белькуру избавлять своихъ товарищей по несчастію отъ жестокой расправы съ ними тобольскаго генералъ-губернатора. Вотъ нѣсколько картинокъ такой расправы.

Ссыльные Янковскій и Островскій хорошо играли на струнныхъ инструментахъ. Чичеринъ приказалъ взять ихъ въ свою капеллу. Какъ-то разъ они играть не пришли, отговариваясь, что на получаемое ими содержаніе четыре гроша въ сутки не въ состояніи покупать струны. За это генералъ-губернаторъ посадилъ ихъ въ тюрьму, велѣлъ надѣть имъ на шею цѣпи съ рогами и гонять на работы—копать канавы.

Капитанъ Мочидловскій, поселенный въ Тюмени, по жалобѣ своей квартирной хозяйки, что очень ужъ неспокойный, получилъ двѣсти палокъ. При этомъ, по ходатайству тюменскаго городничаго, любовника этой хозяйки, приказано было всю партію ссыльныхъ отправить въ Тобольскъ. Нѣсколькихъ человѣкъ изъ нихъ Чичеринъ взялъ къ себѣ на послуги.

Digitized by Google

Не взлюбилъ генералъ-губернаторъ нѣкоего ротмистра Петра Тжаску. Казался онъ Чичерину очень гордымъ. Тжаска, когда прибылъ въ Тобольскъ, получалъ содержанія по 50 грошей въ сутки. Генералъ-губернаторъ убавилъ его сначала до 4 грошей. Потомъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда за Тжаску вступились «русскіе полковники» и нѣкоторыя другія вліятельныя особы, Чичеринъ приказалъ отпускать ему по 24 гроша суточныхъ. Потомъ снова то уменьшалъ, то увеличивалъ до 20—5—10 грошей и, наконецъ, назначивъ 6 грошей, отправилъ Тжаску въ Березовъ, «край неплодородный, пустынный и холодный».

За Тжаску вступились его товарищи. Свыше тридцати человѣкъ ссыльныхъ подали въ защиту его плацъ-майору записку, прося доложить ее генералъ-губернатору. Послѣдній, не зная еще хорошо, чего просители хотятъ,—приказалъ наказать ихъ палками публично. Послѣ такой экзекуціи одинъ изъ конфедератовъ—Гролицкій, едва не умеръ.

Особенно нещадно расправлялся генералъ-поручикъ Чичеринъ съ тѣми изъ конфедератовъ, которые отказывались присягать на вѣрность императрицѣ, чего требовалъ генералъ-губернаторъ, насильно зачисляя ихъ въ войска, или которые были заподозрѣны въ намѣреніи бѣжать.

«Казацкій полковникъ» Слупницкій зашелъ въ церковь, когда тамъ приводили поляковъ къ присягѣ. Какой-то солдатъ (русскій), будучи на него сердитъ, донесъ, что Слупницкій пришелъ только затѣмъ, чтобы отговаривать «своихъ» отъ присяги. Генералъ-губернаторъ посадилъ Слупницкаго на гауптвахту, приказалъ заковать его по рукамъ и по ногамъ и никого къ нему не пускать; а потомъ велѣлъ объявить, что будь онъ, Чичеринъ, здоровъ (а онъ былъ тогда боленъ), не миновать бы Слупницкому висѣлицы...

«Стольникъ и ротмистръ» Нидецкій, какъ-то, въ ссорѣ съ военнымъ судьею Ненхой, который какимъ-то путемъ успѣлъ пріобрѣсти къ себѣ расположеніе Чичерина, замѣтилъ, что вотъ де хотя и пользуешься такимъ благоволеніемъ генералъ-губернатора, однако ничего ему не говоришь о полякахъ, которымъ онъ чинитъ такія несправедливости и обиды...

Ненха, конечно, не замедлилъ передать эти слова Чичерину, и Нидецкаго заковали, посадили въ тюрьму вмѣстѣ съ бродягами и, пока сидѣлъ, гоняли рыть канавы. Поручика Щигельскаго, на котораго донесли, будто онъ собирается бѣжать, велѣно бить плетьми, а когда онъ сталъ оправдываться, его еще больше били и, въ концѣ концовъ, вмѣстѣ съ однимъ фельдшеромъ, на котораго былъ сдѣланъ такой же самый извѣтъ, отправили въ Березовъ.

Съ плѣнными солдатами Чичеринъ совсѣмъ уже не церемонился.

Онъ раздавалъ ихъ въ услуженіе купцамъ и офицерамъ (русскимъ), а тѣ употребляли ихъ на всевозможныя работы. За каж-

Digitized by Google

дый ихъ проступокъ, о которомъ ему докладывали, наказывалъ безъ пощады. Такъ одного рядоваго наказали плетьми на рынкѣ за то, что онъ ударилъ по лицу кабатчика, который самъ же началъ драку—отколотилъ солдата палкой...

Били солдатъ и не за вину, а такъ просто по капризу всесильнаго генерала.

Одинъ купецъ послалъ, отданнаго ему въ работу, рядоваго поляка за водой на саняхъ. Дѣло было лѣтомъ. Увидѣлъ это Чичеринъ и приказалъ наказать плетьми поляка: зачѣмъ де лѣтомъ ѣздишь на саняхъ.

Въ другой разъ, генералъ встрѣтилъ такого же поляка—работника. Тотъ везъ траву и сидѣлъ на возѣ. Чичеринъ приказалъ тутъ же его разложить и наказать плетьми, приговаривая:

— Зачѣмъ сидишь на возѣ, а не ведешь лошадь за поводья?

Белькуръ, видя все это, обратился съ жалобою къ своему покровителю, графу Чернышеву.

Чернышевъ сдѣлалъ Чичерину строгій выговоръ (reprimande).

Съ этихъ поръ генералъ-губернаторъ поляковъ уже такъ не тѣснилъ, а всю свою злобу обратилъ противъ Белькура и началъ преслѣдовать его всѣми способами. Прежде всего выжилъ Белькура изъ прежней его квартиры и приказалъ отвести ему помѣщеніе у «ошельмованнаго сапожника». При переходѣ Белькура на новую квартиру солдатамъ приказано выбрасывать вещи бѣднаго француза въ окно, благодаря чему онъ немало понесъ убытка. Отдано было приказаніе слѣдить, не выходитъ ли Белькуръ изъ дома послѣ переклички, и если его встрѣтятъ гдѣ нибудь на улицѣ, сейчасъ же арестовать и доставить въ полицію. Но этого не случилось. Французъ велъ себя скромно и осторожно. Тогда мстительный и нетерпѣливый Чичеринъ велѣлъ арестовать Белькура на квартирѣ и привести въ полицію. Ночью, въ 4 часа, Белькура арестовали. Пришедшему за нимъ солдату онъ сказалъ:

— За что меня брать, когда мнѣ эту квартиру далъ плацъ-майоръ?

— Иди,—отвѣчалъ солдатъ,—а не то тебѣ достанется...

Въ полиціи его продержали ровно сутки, не давши ни пить, ни ѣсть и никого къ нему не допуская.

Потомъ снова водворили у сапожника.

Прошло нѣсколько времени.

Разъ, въ страшную непогоду, приказано было всѣмъ полякамъ немедленно явиться въ канцелярію плацъ-майора, которая, къ слову сказать, находилась очень далеко отъ квартиръ ссыльныхъ. Когда всѣ собрались, генералъ-губернаторъ обратился со слѣдующими словами:

— Поблагодарите, господа, господина Белькура, ибо все терпите черезъ него... и приказалъ прочитать указъ, чтобы никто изъ ссыльныхъ не смѣлъ ничего писать безъ вѣдома и разрѣшенія начальства.

Digitized by Google

Все это было продѣлано для того, чтобы возбудить противъ Белькура неудовольствіе прочихъ ссыльныхъ.

Белькуръ это понялъ и не задумался обратиться съ новою жалобою и на этотъ разъ не къ одному Чернышеву, но и къ самой императрицѣ.

Послѣ того изъ военной коллегіи пришелъ генералъ-губернатору приказъ перемѣнить свое отношеніе къ полякамъ и быть къ нимъ снисходительнѣе, а равнымъ образомъ устанавливалась постоянная цифра ежедневнаго содержанія: дворянамъ по 20 грошей, нижнимъ чинамъ по 10, а французскимъ офицерамъ по 40 грошей. За обиды же, причиненныя полякамъ и Белькуру, Чичеринъ получилъ выговоръ. Сверхъ того, Чернышевъ особымъ письмомъ просилъ генералъ-губернатора быть снисходительнѣе къ Белькуру: что каждый знакъ вниманія его къ Белькуру онъ будетъ считать сдѣланнымъ какъ бы ему, Чернышеву. Въ письмо Чичерину было вложено, въ особомъ конвертѣ, письмо Чернышева Белькуру.

Съ этихъ поръ Чичеринъ, повидимому, оставилъ въ покоѣ и поляковъ и Белькура.

Но вотъ въ 1773 году пришелъ указъ императрицы освободить конфедератовъ.

Высочайше утвержденнымъ 10 сентября того же года докладомъ военной коллегіи предоставлялась свобода конфедератамъ подъ условіемъ никогда противъ Россіи не воевать и ни къ какой конфедераціи не приставать.

Однако милость эта не распространялась: во-первыхъ, на разныхъ преступниковъ и виновныхъ въ нападеніи на русскій гарнизонъ въ Краковѣ, во-вторыхъ, на молодого Пулавскаго (сосланнаго въ Казань) за преступленія его отца, въ-третьихъ, на находящихся въ нерчинскихъ сереброносныхъ рудникахъ и, въ-четвертыхъ, на принявшихъ уже грекороссійскую вѣру и, въ-пятыхъ, на тѣхъ, которые задолжали; впрочемъ послѣдніе отдавались подъ административный надзоръ и могли быть освобождены послѣ уплаты своихъ долговъ [1]).

Снова пробудилась въ Чичеринѣ ненависть къ ссыльнымъ полякамъ и французамъ. Онъ, вопреки указу, выбралъ однихъ офицеровъ, да еще старцевъ и калѣкъ, а молодежь задержалъ. Не освободилъ и тѣхъ, которыхъ раньше насильно взялъ въ военную службу.

Составили партію. Въ ней находился и Белькуръ. Когда пришло время выходить, Белькуру передали распоряженіе генералъ-губернатора остаться, говоря, что его отправятъ на почтовыхъ, и онъ такимъ образомъ догонитъ партію, идущую на подводахъ.

Конечно, пришлось согласиться.

Когда же остальные конфедераты, товарищи Белькура, нижніе

---

[1]) Полн. собр. зак. Росс. имп., т. XIX, № 14388. Г. В.

Digitized by Google

чины и даже отданные въ работу, узнали о днѣ его выѣзда, то пришли къ нему на квартиру и просили:

— Мы видимъ: всѣ насъ оставляютъ—и офицеры и маршалки, будьте хоть вы добры, не оставляйте насъ! Мы тутъ одни пропадемъ... Въ заключеніе они заявили въ одинъ голосъ:

— Мы васъ, г. полковникъ, не отпустимъ.

И только уступили тогда, когда Белькуръ далъ имъ честное слово офицера и поклялся, что доведетъ объ нихъ до свѣдѣнія Рѣчи Посполитой и приметъ всѣ съ своей стороны мѣры къ ихъ освобожденію.

Въ сентябрѣ 1773 г., Белькуръ уже былъ на пути въ Польшу. Посѣтилъ Казань въ эпоху бунта Пугачева. Въ февралѣ 1774 года находился уже въ Москвѣ, волновавшейся слухами объ успѣхахъ самозванца. Наконецъ, прибывъ въ Варшаву, занялся судьбою конфедератовъ, оставшихся въ Сибири. Онъ подалъ королю и сейму прошеніе, въ которомъ указывалъ на самоволіе тобольскаго генералъ-губернатора, позволившаго себѣ совершенно неосновательно задержать въ Сибири большую часть конфедератовъ. Прошеніе заканчивалось такими словами: «Будучи убѣжденъ, что повелѣнія всепресвѣтлѣйшей императрицы всероссійской касательно освобожденія польскихъ плѣнныхъ являются единственно результатомъ состраданія и милосердія вашего королевскаго величества, я почитаю за пріятную для себя обязанность сообщить вашему королевскому величеству о несправедливостяхъ тобольскаго губернатора и стать у подножія трона въ защиту угнетеннаго человѣчества».

По исчисленіямъ Белькура, должно было еще вернуться изъ Сибири 5.290 конфедератовъ, а сумма долговъ, надѣланныхъ ими, не превышала 7.000 рублей. Сумму эту Белькуръ даже пытался собрать путемъ складокъ между сенаторами. Прочитавъ прошеніе, король проникся было жалостью къ бѣднякамъ, оставшимся въ Сибири, но сенаторы не хотѣли вѣрить и твердили, что уже всѣ плѣнные воротились въ Польшу [1]).

Видя безуспѣшность своихъ хлопотъ, живой французъ посвятилъ себя инымъ занятіямъ, онъ сталъ работать надъ распространеніемъ идей «вольныхъ каменщиковъ» и въ качествѣ уполномоченнаго французской ложи «добраго пастыря», существовавшей въ Вильнѣ, примкнулъ въ 1784 году къ числу редакторовъ «устава великаго востока королевства польскаго и великаго княжества литовскаго» (Ustawy Wielkiego Wschodu Krol. Polskiego i W. X. Litewskiego) [2]).

Нѣмцевичъ въ своихъ воспоминаніяхъ [3]) упоминаетъ о Белькурѣ,

---

[1]) Что это неправда, можно видѣть, напримѣръ, изъ именныхъ указовъ Екатерины II отъ 28-го іюля и 19-го ноября 1781 г. (Полн. собр. зак., т. XXI, №№ 15198 и 15282).—Г. В.

[2]) Смоленскій, Przewrót umysłowy w Polsce w. XVIII, Кр.—Спб., 1891 г., 188.

[3]) «Pamiętn. czasów moich», Парижъ, 1848 г., 50—62.

Digitized by Google

какъ командирѣ полка имени Массальскихъ, набраннаго на Литвѣ княземъ-епископомъ, который былъ самъ его шефомъ. «Этотъ князь-епископъ,— пишетъ Нѣмцевичъ,— имѣлъ особенное представленіе о военной дисциплинѣ. Онъ думалъ, что каждый высшаго ранга можетъ бить палкой низшаго себя... И такъ: поручикъ—хорунжаго, капитанъ—поручика...

«И вотъ разъ, разсердившись на своего полковника Белькура, бросился на него съ палкой.

«Французъ схватилъ его за грудь и поднялъ кверху:

— Voulez-vous, mon prince,—крикнулъ онъ,—que je vous jette par la fenêtre! и уже поднесъ его къ окну. Несчастное созданіе начало извиняться, и этимъ все кончилось».

11-го сентября 1789 года, Белькуръ перешелъ на службу тѣмъ же чиномъ—полковника—въ польскія войска, поступилъ въ полкъ имени Дзялынскихъ.

Въ слѣдующемъ году онъ получилъ права польскаго дворянства [1]).

«Видалъ я часто у посланника Штакельберга, — говоритъ В. Енгестромъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» [2]),—стараго француза, по имени Белькура, полковника, командира полка имени Дзялынскихъ. Большой былъ весельчакъ и говорилъ тономъ тамбуръ-мажора, какъ утверждали военные, о чемъ я не могу судить, такъ какъ никогда не слышалъ ни одного тамбуръ-мажора. Вольно ему было болтать, что ему нравилось»...

Конецъ военной карьеры Белькура не согласовался съ ея прекраснымъ началомъ.

Вотъ что мы находимъ объ немъ въ «запискахъ» польской дамы конца XVIII столѣтія—Уршули Тарновской, урожденной Устжицкой [3]).

«Француза Белькура, полковника полка Дзялынскихъ,—пишетъ она,—великаго вора, расточающаго полковую кассу, урывающаго жалованье у офицеровъ и содержаніе у солдатъ и, наконецъ, подающаго ложный рапортъ о составѣ полка въ 1.200 человѣкъ, тогда какъ въ немъ на самомъ дѣлѣ едва было 600 человѣкъ,—за такія злоупотребленія не повѣсили и не разстрѣляли, только посредствомъ военной комиссіи лишили чина и прогнали изъ полка»...

13-го мая 1793 года, Тарговицкіе генеральные чины, возвращая права и преимущества утратившему ихъ адаму Понинскому, отмѣнили выше помянутый приговоръ военной комиссіи и относительно Белькура [4]).

Дальнѣйшая судьба Тесби-де-Белькура покрыта мракомъ неизвѣстности.

Г. А. Воробьевъ.

---

[1]) Volum. leg., IX, 192 (по изд. Akad. Umiejęt).

[2]) Изд. въ Позн. въ 1875 г., стр. 43.

[3]) Pamięt. damy polskiej z XVIII w., Львовъ, 1876 г., 56.

[4]) «Korresp. krajowy i zagran.» на 1793 г., № 41, «Konfeder. barscy na Syberyi», 11.—Г. В.

Digitized by Google

ДОМА ТРУДОЛЮБІЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

НАХОДИВШЕЕСЯ у насъ еще такъ недавно въ самомъ зачаточномъ состояніи дѣло по устройству домовъ трудолюбія быстрыми шагами двигается впередъ. Энергія состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны попечительства о домахъ трудолюбія приковываетъ къ себѣ всеобщее вниманіе и возбуждаетъ самое искреннее и горячее сочувствіе. Попечительство это учреждено весьма недавно,—лишь въ сентябрѣ 1895 года, а между тѣмъ имъ уже сдѣлано такъ много! Крупныя денежныя средства, которыми, благодаря Монаршей волѣ, располагаетъ попечительство, въ значительной степени всюду облегчаютъ уже давно назрѣвшій въ Россіи вопросъ объ устройствѣ домовъ трудолюбія, задачей которыхъ является оказывать помощь бездомнымъ бѣднякамъ, лицамъ, выпущеннымъ изъ больницъ и не имѣющимъ еще заработка, освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія и всѣмъ вообще впавшимъ въ крайнюю бѣдность, посредствомъ предоставленія имъ труда и пріюта.

Изъ опубликованныхъ ко всеобщему свѣдѣнію данныхъ о дѣятельности попечительства, со дня его учрежденія по 1 января текущаго года, мы узнаемъ, какихъ вполнѣ благопріятныхъ и серіозныхъ результатовъ успѣло уже достигнуть это въ высокой степени симпатичное и гуманное дѣло, осчастливленное быть поставлен-

Digitized by Google

нымъ подъ Августѣйшее руководительство Ея Величества Государыни Императрицы.

По свѣдѣніямъ отчета комитета [1]) попечительства, домовъ трудолюбія ко времени открытія дѣятельности попечительства было весьма немного, а именно: 4 въ Петербургѣ, одинъ въ Москвѣ и 35 въ разныхъ городахъ Россіи. За сказанный періодъ времени вновь открыты дома трудолюбія въ Баку, Боровичахъ, Бузулукѣ, Варшавѣ, Верхнеуральскѣ, Вологдѣ, Двинскѣ, Екатеринбургѣ, Ельцѣ, селѣ Ивановскомъ (С.-Петербургской губерніи), Казани, Курганѣ, Курскѣ, Новой Ладогѣ, Великихъ Лукахъ, Новгородѣ, Одессѣ, Омскѣ, Оренбургѣ, Орскѣ, Петрозаводскѣ, Плоцкѣ, Порховѣ, Ревелѣ, Ростовѣ на Дону, Самаркандѣ, Сувалкахъ, Сызрани, Ташкентѣ, Тобольскѣ, Томскѣ, Троицкѣ, Уфѣ, Хабаровскѣ, Харьковѣ, Челябинскѣ, Череповцѣ, Читѣ и Яранскѣ.

Кромѣ того, учрежденъ еще одинъ новый домъ трудолюбія въ Москвѣ, и вновь открыто еще 11 домовъ трудолюбія въ Петербургѣ: 8 въ самомъ городѣ и 3 въ его окрестностяхъ, а именно въ Царскомъ Селѣ, Царской Славянкѣ (Ольгинскій дѣтскій домъ трудолюбія, близъ Павловска) и Петергофѣ.

Издавна живо интересуясь вопросомъ устройства у насъ домовъ трудолюбія, мы подробно осмотрѣли нѣкоторые изъ наиболѣе, по нашему мнѣнію, любопытныхъ домовъ трудолюбія въ Петербургѣ [2]),

---

[1]) Находящійся подъ Августѣйшимъ предсѣдательствомъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны комитетъ попечительства о домахъ трудолюбія состоитъ изъ вице-предсѣдателя онаго, гофмейстера А. С. Танѣева и слѣдующихъ членовъ: о. Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій), министръ внутреннихъ дѣлъ д. т. с. И. Л. Горемыкинъ, М. Н. Галкинъ-Враской, сенаторъ А. Н. Марковичъ, В. А. Ратьковъ-Рожновъ, баронъ О. О. Буксгевденъ, шталмейстеръ высочайшаго двора баронъ А. А. Будбергъ, баронъ П. Л. Корфъ, заслуженный профессоръ Московскаго университета В. И. Герье и камергеръ высочайшаго двора графъ Н. А. Ламздорфъ, исполняющій обязанности члена-дѣлопроизводителя комитета. Секретаремъ при комитетѣ состоитъ камергеръ М. В. Арцимовичъ, а казначеемъ камеръ-юнкеръ баронъ Н. Б. фонъ-Вольфъ. При попечительствѣ издается и свой спеціальный органъ «Трудовая Помощь», ежемѣсячный журналъ, имѣющій цѣлью знакомить какъ съ дѣятельностью попечительства, такъ и съ современной постановкой дѣла общественной благотворительносми у насъ и за границей.

[2]) Въ настоящее время въ Петербургѣ существуютъ слѣдующіе дома трудолюбія: по Большому Охтенскому пр., № 36 (женскій), по Спасскому пер., № 7 (женскій), по Гулярной ул., № 8 (женскій), Евангелическій (мужской) домъ трудолюбія (по Большому Самсоніевскому пр., № 97), домъ трудолюбія для образованныхъ женщинъ (Знаменская ул., № 28), по Широкой ул., № 36 (мужской), домъ трудолюбія (женскій) Казанскаго благотворительнаго общества (по Екатерининскому каналу, № 33), по Обводному каналу, № 145 (для мужчинъ и женщинъ), по Глухоозерской ул., № 9 (мужской), на углу Косой линіи и Большого проспекта, № 1—66 (дѣтскій), по Наличной ул., № 2 (общества вспоможенія бѣднымъ въ приходѣ Троицкой церкви, что въ Суворовскомъ участкѣ), по Грязной ул., № 14 (дѣтскій) и Городской (для мужчинъ и женщинъ) домъ трудолюбія (на Никольской площади). Первые четыре дома трудолюбія открыты до учрежденія попечительства о домахъ трудолюбія, остальные послѣ.

Digitized by Google

какъ по образцовой постановкѣ въ нихъ дѣла, такъ и по достойной вниманія ихъ внутренней организаціи.

Мы дѣлимся здѣсь съ читателями нашими непосредственными впечатлѣніями, вынесенными изъ этого осмотра.

Чрезвычайно пріятное впечатлѣніе производитъ домъ трудолюбія для женщинъ на Гулярной улицѣ, № 8, на Петербургской сторонѣ.

Домъ этотъ основанъ въ 1895 году по иниціативѣ извѣстной благотворительницы Е. Г. фонъ-Валь, покойной супруги бывшаго С.-Петербургскаго градоначальника, и принадлежитъ обществу дешевыхъ чайныхъ и столовыхъ.

Труженицы [1]) занимаются, главнымъ образомъ, шитьемъ бѣлья и мужскаго платья. Насколько дѣло здѣсь идетъ успѣшно, видно уже изъ того, что домъ, по словамъ управляющей, имѣетъ постоянные заказы на мужское платье отъ обмундировальной мастерской С.-Петербургской городской полиціи, артиллерійскаго училища и варшавской желѣзной дороги. Что касается бѣлья, то мы имѣли возможность лично убѣдиться, при подробномъ осмотрѣ дома, что оно выходитъ изъ рукъ труженицъ ничуть не хуже, чѣмъ изъ любой бѣлошвейной мастерской средняго уровня. Расчетъ за работы производится поденно (10—20 коп. въ день).

При домѣ существуетъ спеціальная школа кройки (по системѣ Базаровой), куда принимаются ученицы на шесть мѣсяцевъ съ трехрублевымъ ежемѣсячнымъ взносомъ. Школа идетъ прекрасно: отъ желающихъ поступить въ нее часто нѣтъ отбоя. Школа находится подъ опытнымъ руководствомъ особой закройщицы-учительницы, о преподаваніи которой управляющая домомъ отзывалась намъ съ большою похвалой.

Наконецъ, при домѣ имѣется обширная прачешная, съ катальной, гладильной и сушильней, принимающая заказы на стирку всевозможнаго бѣлья и состоящая подъ надзоромъ и контролемъ особаго лица.

Эта прачешная производитъ весьма хорошее впечатлѣніе по царящей въ ней чистотѣ, порядку и, такъ сказать, комфорту помѣщеній. Пріятно знать, что бѣлье ваше моется въ такихъ благопріятныхъ, санитарныхъ условіяхъ.

Рабочій день въ домѣ начинается съ 7 — 7¾ часовъ утра; въ полдень труженицы обѣдаютъ, получая свои порціи, по выбору, изъ находящейся въ томъ же домѣ, но въ совершенно особомъ помѣщеніи, выходящемъ на улицу, столовой, содержимой тѣмъ же обществомъ дешевыхъ чайныхъ и столовыхъ, которому принадлежитъ

---

[1]) По комплекту въ домѣ работаетъ не свыше 30, многія берутъ работу къ себѣ домой.

Digitized by Google

Домъ трудолюбія для женщинъ на Гулярной улицѣ.

Digitized by Google

и самый домъ трудолюбія; столовая находится въ вѣдѣніи особаго лица. Въ 6 часовъ вечера труженицы пьютъ чай, получаемый ими отъ дома, и, кромѣ того, имъ предлагается чай еще разъ, въ 2 часа по полудни, благодаря любезности и доброму желанію управляющей домомъ, взявшей расходы на это на себя.

Домъ [1]) стоитъ во дворѣ, двухъэтажный; въ немъ девять комнатъ, не считая двухъ, занимаемыхъ школой, и помѣщенія подъ прачешной.

Въ окна виднѣется свѣжая зелень сосѣднихъ садиковъ, которыми такъ богата Петербургская сторона, всюду масса свѣта, воздуха, чистота и строгій порядокъ. Видно, что домъ находится въ хорошихъ рукахъ человѣка, всѣмъ сердцемъ любящаго свое дѣло, и поэтому успѣшно выполняетъ свою высокую и благую цѣль.

Намъ бы очень хотѣлось, чтобы эти строки не пропали даромъ, и чтобы нашлись люди, которые пожелали бы воспользоваться бѣлошвейными работами этого симпатичнаго дома трудолюбія и его образцовой прачешной. Мы увѣрены, что они не раскаялись бы въ этомъ.

Въ Петербургѣ существуетъ совершенно особый домъ трудолюбія, единственный пока во всей Россіи, стоящій совершенно отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ нынѣ учрежденныхъ у насъ домовъ трудолюбія обыкновеннаго типа. Это — домъ трудолюбія для образованныхъ женщинъ.

Въ началѣ 1896 года, среди нѣсколькихъ лицъ въ Петербургѣ возникла, по истинѣ, благая мысль основать спеціальный домъ трудолюбія для образованныхъ женщинъ всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій, съ попечительнымъ при немъ обществомъ, приспособленный къ положенію, силамъ и нуждамъ собственно этой, весьма, къ сожалѣнію, многочисленной въ нашей столицѣ категоріи бѣдствующихъ, гдѣ бы попечительное общество могло оказывать имъ своевременную помощь, предоставляя такимъ женщинамъ, по возможности, трудъ и заработокъ, впредь до болѣе прочнаго устройства ихъ судьбы, опредѣленіемъ ихъ къ постояннымъ занятіямъ.

При самомъ даже поверхностномъ взглядѣ на положеніе безпомощныхъ и бѣдствующихъ образованныхъ женщинъ, нельзя не прійти къ убѣжденію, что положеніе ихъ часто становится трагическимъ и безъисходнымъ. Многія изъ нихъ видѣли въ дѣтствѣ и юности другіе, лучшіе дни, воспитываясь въ довольствѣ, а не рѣдко и въ роскоши, и, готовясь къ иной долѣ, получили прекрасное образованіе и воспитаніе, но совершенно не соотвѣтствующее тѣмъ реаль-

[1]) Домъ пожертвованъ обществу дешевыхъ чайныхъ и столовыхъ купцомъ Алексѣевымъ, выговорившимъ себѣ лишь право пожизненно пользоваться въ немъ даровой квартирой.

Digitized by Google

Домъ трудолюбія для образованныхъ женщинъ.

Digitized by Google

нымъ и часто жестокимъ запросамъ суровой дѣйствительности, съ которыми имъ приходится зачастую считаться впослѣдствіи, по волѣ злой судьбы. Къ этимъ несчастнымъ, помимо ихъ воли, уже съизмала успѣли органически привиться вкусы, привычки, потребности и понятія той культурной и достаточной среды, въ которой онѣ первоначально вращались. Трудно даже представить себѣ всю тягость, безпомощность и трагизмъ положенія такихъ женщинъ, когда, вслѣдствіе постигшаго ихъ семью несчастія или крушенія въ ихъ личной жизни, онѣ подъ ударами разразившейся надъ ними грозы вдругъ останутся въ громадномъ, шумномъ и иногда мало имъ знакомомъ городѣ одинокими, беззащитными, безъ родныхъ, безъ друзей, безъ всякой нравственной и матеріальной поддержки, выброшенныя, такъ сказать, жизнью на мостовую, на произволъ судьбы, на встрѣчу всякимъ бѣдамъ, соблазнамъ и паденію...

Куда имъ дѣваться, этимъ несчастнымъ, куда и къ кому идти, что дѣлать?

Онѣ не пріучены къ «черному» труду, въ нихъ нѣтъ, при всемъ добромъ желаніи, ни силъ, ни умѣнья съ нимъ справиться.

Онѣ, конечно, не могутъ успѣшно конкурировать съ простыми, «чернорабочими» женщинами ни въ мытьѣ половъ, ни въ стиркѣ бѣлья, ни въ поденныхъ работахъ на кухнѣ или въ огородѣ. Да если бы онѣ и желали приняться за все это, ихъ, безъ сомнѣнія, не допустили бы къ такимъ работамъ ихъ потребители, которые предпочли бы въ данномъ случаѣ мускульную силу, привычку къ физическому труду, неутомимость и неприхотливость рабочей массы.

Все это, безъ сомнѣнія, очень печально, наводитъ на грустныя мысли и свидѣтельствуетъ о ненормальности физическаго воспитанія нашего интеллигентнаго класса, гдѣ физическій трудъ является болѣе или менѣе забавой или извѣстной модой на «народничество» или «толстовщину», изъ-за которой люди начинаютъ вдругъ тачать сапоги, въ большинствѣ случаевъ весьма неудобоносимые...

Но фактъ, однако же, остается непреложнымъ фактомъ, и съ нимъ волей-неволей приходится такъ или иначе считаться.

Это соображеніе и вызвало, благодаря энергіи и первоначальной необходимой поддержкѣ серьезно сочувствующихъ дѣлу лицъ, появленіе въ Петербургѣ «дома трудолюбія для образованныхъ женщинъ», сначала не офиціально, подъ видомъ благотворительныхъ мастерскихъ для ищущихъ труда и заработка интеллигентныхъ женщинъ. Впослѣдствіи, по утвержденіи правительствомъ устава, учредители попечительнаго общества вошли въ составъ этого общества вмѣстѣ съ лицами, заявившими о желаніи вступить въ него. Организовалось избранное общимъ собраніемъ учредителей правленіе общества, и такимъ образомъ домъ трудолюбія, первоначально управлявшійся временнымъ распорядительнымъ комитетомъ, перешедшимъ въ полномъ своемъ составѣ въ правленіе, открылъ, въ 1896 году, свою

Digitized by Google

дѣятельность уже вполнѣ офиціально, какъ окончательно сформировавшееся учрежденіе трудовой помощи.

Первоначальная возможность къ открытію дома была дана, главнымъ образомъ, единовременнымъ пособіемъ въ 1.500 рублей, ассигнованнымъ состоящимъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны попечительствомъ о домахъ трудолюбія; къ этому не замедлили присоединиться и щедрыя частныя пожертвованія, что весьма способствовало укрѣпленію вновь зародившагося благого начинанія.

Тотчасъ же по открытіи дома обнаружилось, насколько настоятельна и существенна была нужда именно въ такомъ видѣ благотворительности. Къ помощи дома обратилась сразу масса образованныхъ женщинъ и дѣвушекъ, крайне нуждающихся и ищущихъ труда и хотя какого нибудь заработка.

Уже въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ его существованія въ домѣ работало до 150 женщинъ, воспользовавшихся, въ той или иной формѣ, его помощью. Изъ нихъ двадцать шесть получили затѣмъ мѣста на желѣзныхъ дорогахъ, телефонѣ, гувернантокъ, боннъ, занятія на пишущихъ машинахъ, уроки музыки и другихъ предметовъ, занятія по хозяйству и т. п.

Во время посѣщенія нами дома, помѣщающагося въ центральной части города, на Знаменской улицѣ (№ 28), въ началѣ мая текущаго года, труженицъ было, по заявленію завѣдующей домомъ, 53.

Домъ трудолюбія занимаетъ очень уютную, довольно съ виду помѣстительную и свѣтлую квартиру во второмъ этажѣ, состоящую изъ шести комнатъ, не считая кухни.

Помѣщенія этого оказывается, однако, крайне недостаточно: осенью и зимой, при постоянно возростающемъ числѣ обращающихся къ помощи дома лицъ, малый объемъ помѣщенія сказывается самъ собой весьма существенно, и было бы весьма желательно, въ видахъ пользы и расширенія дѣла, постараться найти возможность перевести домъ въ болѣе обширную квартиру.

Чѣмъ же занимаются труженицы?

Прежде всего—перепиской на пишущихъ машинахъ. Съ одной стороны, спросъ на такого рода переписку все болѣе и болѣе увеличивается, съ другой — это занятіе, требующее не только одной простой грамотности, но извѣстнаго образованія и развитія, наиболѣе подходящее дѣло для труженицъ-интеллигентокъ, большинство которыхъ окончило курсъ въ пансіонахъ, гимназіяхъ, институтахъ и на педагогическихъ курсахъ.

Затѣмъ въ домѣ введено теоретическое и практическое обученіе кройкѣ и шитью. Для этого домомъ приглашены, за извѣстное вознагражденіе, двѣ опытныхъ преподавательницы, изъ которыхъ одна проходитъ съ труженицами теоретическій курсъ кройки, а другая, закройщица, руководитъ ихъ работами практически.

Digitized by Google

Оба эти отдѣла труда въ домѣ—переписка на пишущихъ машинахъ и шитье, весьма, однако, страдаютъ отъ отсутствія необходимыхъ для болѣе широкой постановки дѣла средствъ: въ домѣ слишкомъ недостаточно пишущихъ и швейныхъ машинъ, и это обстоятельство очень вредитъ развитію указанныхъ отдѣловъ, которые имѣютъ всѣ шансы идти весьма успѣшно, такъ какъ заказы на шитье и переписку исполняются въ высшей степени добросовѣстно, вызываютъ одобреніе заказчиковъ и заказчицъ и могли бы значительно увеличиться и доставлять хорошій заработокъ труженицамъ.

Далѣе, въ видахъ облегченія трудящимся возможности найти себѣ постоянныя занятія въ банкахъ, конторахъ и разныхъ торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ, въ домѣ было введено преподаваніе бухгалтеріи. Уроки эти давались безплатно и въ настоящее время, какъ намъ сообщила завѣдывающая домомъ, къ сожалѣнію, прекратились. Ими воспользовались пятнадцать труженицъ.

Кромѣ того, въ домѣ производятся еще слѣдующія работы: переписка перомъ (на четырехъ языкахъ), переводы съ иностранныхъ языковъ на русскій и обратно, мѣтка гладью, плетенье и починка брюссельскихъ и валансьенскихъ кружевъ, живопись по стеклу, фарфору, бархату и атласу и разныя изящныя рукодѣлія.

Всѣ вообще работы въ домѣ исполняются крайне добросовѣстно, быстро и аккуратно, въ чемъ мы имѣли не разъ случай лично убѣдиться, а цѣны на нихъ назначены самыя умѣренныя, такъ какъ домъ преслѣдуетъ, конечно, не меркантильныя, а совсѣмъ иныя цѣли.

Домъ основанъ очень недавно: онъ только что вступилъ въ третій годъ своего существованія, а между тѣмъ его дѣятельность, въ высокой степени симпатичная и гуманная, уже принесла добрые плоды: однѣ изъ прибѣгшихъ къ его помощи научились перепискѣ на пишущихъ машинахъ, что́ далеко не такъ легко и просто, какъ, можетъ быть, кажется съ перваго взгляда, другія освоились съ мастерствомъ шитья бѣлья и платья, третьи усвоили основныя правила бухгалтеріи, — словомъ, труженицы имѣли возможность подготовиться болѣе или менѣе къ посильнымъ для нихъ видамъ труда, который можетъ давать имъ готовый кусокъ хлѣба. Нѣкоторымъ же изъ нихъ уже посчастливилось найти, при посредствѣ дома, и постоянныя занятія.

Недостатокъ въ средствахъ не позволялъ донынѣ дому расширить свою благотворную дѣятельность, и мѣшалъ устройству при немъ проектируемаго администраціей дома пріюта для временнаго призрѣнія образованныхъ женщинъ, гдѣ бы наиболѣе бѣдствующія изъ нихъ могли найти на время даровое убѣжище до болѣе прочнаго устройства ихъ судьбы. Будемъ надѣяться, что этотъ проектъ осуществится при дружныхъ усиліяхъ сочувствующихъ дѣлу лицъ, число которыхъ увеличивается съ каждымъ днемъ, такъ какъ домъ трудо-

Digitized by Google

Евангелическій домъ трудолюбія.

Digitized by Google

любія для образованныхъ женщинъ вполнѣ заслуженно возбуждаетъ къ себѣ всеобщія симпатіи столичнаго населенія.

Только при этомъ условіи, т. е. при основаніи вышеупомянутаго пріюта, домъ можетъ считать свою организацію вполнѣ законченною и сдѣлаться въ полномъ смыслѣ слова спасательною станціей для безпомощныхъ и погибающихъ, гдѣ бы онѣ могли найти себѣ, кромѣ труда, и временный пріютъ, и нравственную поддержку, и удовлетвореніе необходимыхъ потребностей, а слѣдовательно и возможность физическаго и нравственнаго оздоровленія, для выхода потомъ, съ новыми силами и свѣтлыми надеждами, на путь самостоятельнаго труда.

Насколько намъ извѣстно, въ самое недавнее время комитетомъ попечительства, по волѣ Августѣйшей его Предсѣдательницы, обращено серіозное вниманіе на нужды дома трудолюбія для образованныхъ женщинъ. Ему отпущены довольно значительныя суммы, которыя, несомнѣнно, дадутъ правленію этого дома возможность расширить дѣятельность разсматриваемаго нами благотворительнаго учрежденія.

Сядьте въ паровой трамвай, у клиники Вилье, что идетъ въ Лѣсной, и поѣзжайте по Большему Самсоніевскому проспекту. Чрезъ какіе нибудь полчаса вы поровняетесь съ большимъ земельнымъ участкомъ (№ 97), огороженнымъ крѣпкимъ заборомъ, изъ-за котораго виднѣется высокій каменный, выстроенный изъ простыхъ красныхъ кирпичей, домъ незатѣйливо-суроваго, казарменнаго типа.

На воротахъ русская надпись: «Евангелическій домъ трудолюбія» и нѣмецкая «Ewangelisches Arbeitshaus».

Вы звоните, вамъ отворяетъ калитку привратникъ, и вы входите на обширный дворъ, на который выходитъ фасадъ дома: со стороны проѣзжей дороги видна лишь боковая часть его.

Домъ безъ всякихъ украшеній и затѣй въ стилѣ и отдѣлкѣ. Это, воплощенная простота, самая примитивная!

Вокругъ дома—садъ или, правильнѣе, обширное пространство съ тѣнистыми деревьями, гдѣ разведенъ прекрасный огородъ; тутъ же небольшая оранжерейка. Во дворѣ птичій и скотный дворы; здѣсь, между прочимъ, разводятъ іоркширскую породу свиней, что даетъ изрядный доходъ дому. Тутъ, на открытомъ воздухѣ, вдали отъ шумнаго города, на лонѣ природы, мирно работаютъ трудолюбцы, испытывая на себѣ всю справедливость извѣстной теоріи о нравственной пользѣ для испорченныхъ жизнью натуръ правильно организованнаго физическаго труда.

Мы застали на огородѣ много питомцевъ дома, въ которомъ учреждено общежитіе на 120 человѣкъ. Они усердно и сосредоточенно работали на грядахъ. У нихъ былъ довольный, спокойный видъ лю-

Digitized by Google

дей, удовлетворенныхъ сознаніемъ, что они «при дѣлѣ», что имъ нечего думать о кускѣ хлѣба, что надъ ними кровъ.

— Цѣль наша,—сказалъ намъ завѣдывающій домомъ, симпатичный, всецѣло преданный своему дѣлу и глубоко вѣрящій въ его широкое будущее Г. Н. Кромель,—наша священная цѣль—не только дать бездомнымъ бродягамъ, бѣднякамъ, несчастнымъ, впавшимъ въ нищету волею судьбы, вслѣдствіе пожара, разоренія, тяжкой болѣзни, и лицамъ, выпущеннымъ изъ мѣстъ заключенія, честный заработокъ и временный пріютъ, но и исправлять, по мѣрѣ возможности, тѣхъ изъ пришедшихъ къ намъ исковерканныхъ жизнью и порокомъ людей, которые уже не могутъ встать на прямой путь безъ посторонней помощи, нравственнаго воздѣйствія, сердечнаго участія, братскаго, добраго слова. Въ этомъ наша главная задача, нашъ идеалъ, къ которому мы стремимся, и который, по моему мнѣнію, долженъ составлять завѣтнѣйшую мечту каждаго правильно поставленнаго дома трудолюбія...

Мы застали г. Кромеля въ канцеляріи дома, смежной съ его квартирой, гдѣ онъ записывалъ въ особую книгу вновь вступающаго въ число его питомцевъ старичка, уже нѣкогда побывавшаго въ домѣ и рѣшившагося отказаться отъ протягиванія руки на улицахъ и снова приняться за честный трудъ.

Вступленіе въ домъ новыхъ пришельцевъ совершается такимъ образомъ.

По ознакомленіи съ правилами пребыванія въ домѣ, поступающій долженъ расписаться въ томъ, что согласенъ имъ подчиниться. Затѣмъ онъ моется въ банѣ и получаетъ чистое бѣлье и одежду,—рабочую блузу, общую для всѣхъ питомцевъ. Свою же одежду онъ отдаетъ смотрителю, который записываетъ каждую принятую имъ вещь и потомъ отдаетъ чистить, насколько это представляется возможнымъ. Вымытый и одѣтый въ новую одежду, питомецъ получаетъ обѣдъ. Подкрѣпившись, онъ идетъ на работу.

Работы въ домѣ весьма разнообразны: въ домѣ заведено цѣлыхъ восемь мастерскихъ: коробочная, переплетная, столярная, портняжная, сапожная, механическая (слесарно-токарная), кузнечная и обойно-малярная.

Домъ постоянно имѣетъ массу заказовъ, и плата за работы производится слѣдующимъ образомъ: трудолюбецъ, заработавшій 50 коп. въ день, отдаетъ дому 40, оставляя себѣ 10, заработавшій 60 к. вручаетъ дому тѣ же 40, оставляя въ свою пользу 20 к., заработавшій 70 к. отдаетъ дому 45, оставляя себѣ 25 к., заработавшій 80 к. отдаетъ 50, оставляя себѣ 30 к., и т. д. въ подобной же пропорціи. Изъ полученныхъ денегъ домъ беретъ себѣ лишь часть за содержаніе питомца, а остальныя записываются въ общую книжку, такъ что заработанныя деньги не выплачиваются питомцу тотчасъ же, и онъ получаетъ ихъ только при выходѣ изъ дома, и то только въ томъ

Digitized by Google

случаѣ, если онъ окажется серьезнымъ, достойнымъ довѣрія труженикомъ. Въ противномъ же случаѣ принадлежащія ему деньги передаются родственникамъ или довѣреннымъ лицамъ, которыя могутъ ихъ отдать собственнику уже по собственному усмотрѣнію.

Внушившимъ къ себѣ довѣріе питомцамъ разрѣшается расходовать свои заработки на возобновленіе и пополненіе себѣ одежды.

Менѣе двухъ недѣль въ домѣ никто не остается. Питомцы могутъ по желанію отлучаться изъ дома, но въ 9 ч. веч. должны быть уже на мѣстѣ, иначе они подвергаются домашнему аресту. Это оговорено въ правилахъ и трудолюбцамъ заранѣе извѣстно.

За канцеляріей, гдѣ г. Кромель сообщилъ намъ вышеприведенныя свѣдѣнія, находится складъ жертвуемыхъ дому разными лицами вещей, — главнымъ образомъ видѣли мы тамъ носильное платье и бѣлье. Все это аккуратно записано въ реестрѣ и хранится подъ ключемъ въ особыхъ шкафахъ.

Изъ канцеляріи мы вмѣстѣ вышли въ садъ, о которомъ было уже сказано выше, а оттуда прошли въ домъ.

Общія спальни—обширныя, свѣтлыя комнаты, безукоризненныя въ гигіеническомъ отношеніи, съ массой воздуха, врывающагося изъ сада чрезъ настежь открытыя широкія окна. Правильными рядами разставленныя койки напоминаютъ школу.

Я сказалъ объ этомъ г. Кромелю.

— Нашъ домъ, конечно, отчасти и школа,—замѣтилъ онъ, улыбаясь,—такъ какъ, какъ я уже вамъ сказалъ, мы стараемся и о воспитаніи нашихъ питомцевъ.

— Надъ какимъ же именно, главнымъ образомъ, типомъ испорченныхъ питомцевъ приходится вамъ всего больше работать?

— Много приходятъ къ намъ такихъ, которые отбились отъ работы, боятся честнаго, здороваго, хоть и не легкаго труда, которые промышляютъ попрошайствомъ, всякими вымогательствами, мелкими обманами... Болѣе же всего приходится возиться намъ съ алкоголиками...

— Ну, и что же, есть результаты?

— Да... Есть—которые болѣе или менѣе выправляются, поступаютъ отъ насъ на мѣста, но есть и такіе, что снова сбиваются съ пути и запиваютъ... и тогда опять приходятъ къ намъ, ища нравственной помощи.

Мы, къ удивленію, узнали, между прочимъ, что въ числѣ трудолюбцевъ бываютъ и люди высшаго общества, и люди съ серьезнымъ образованіемъ. Такъ сюда уже два раза являлся графъ Р., пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду баронъ М., а недавно уѣхалъ изъ дома молодой человѣкъ, окончившій курсъ въ политехникумѣ, въ Ригѣ...

Въ евангелическій домъ трудолюбія принимаются исключительно лютеране. Было бы большой ошибкой видѣть въ этомъ какія либо соображенія національнаго свойства. Дѣло объясняется очень

Digitized by Google

Городской домъ трудолюбія.

Digitized by Google

просто: въ числѣ средствъ нравственнаго воздѣйствія на питомцевъ, которыхъ домъ задался цѣлью вести по пути нравственнаго совершенствованія, первое мѣсто, конечно, занимаетъ общая молитва по лютеранскому обряду и проповѣдь пастора.

Кромѣ этого, г. Кромель постоянно и систематически ведетъ съ своими питомцами назидательныя бесѣды при чтеніяхъ сочиненій этико-философскаго характера, а также и нѣмецкихъ классиковъ. При домѣ существуетъ большая библіотека.

Мы видѣли и самый залъ, гдѣ проповѣдуетъ пасторъ и ведетъ свои собесѣдованія г. Кромель. Это высокая, большая и пуританская по обстановкѣ (какъ и все въ этомъ домѣ) комната съ каѳедрой, изреченіемъ изъ св. писанія на стѣнѣ и рядами скамеекъ. Проповѣдуетъ достопочтенный пасторъ А. Мазингъ.

Рядомъ—курильня; здѣсь, въ свободное отъ занятій время, трудолюбцы сходятся покурить и побесѣдовать другъ съ другомъ.

Въ этомъ же этажѣ и небольшой домовый лазаретъ. Имъ, впрочемъ, трудолюбцы почти не пользуются, такъ какъ, по заявленію г. Кромеля, очень рѣдко заболѣваютъ заразными болѣзнями, требующими ихъ отдѣленія отъ остальныхъ.

Мы прошлись также и по всѣмъ мастерскимъ. Въ нихъ, по причинѣ лѣтняго времени, работы было не много. Изъ мастерскихъ самая большая—коробочная. Здѣсь изготовляютъ картонажныя издѣлія, начиная отъ простыхъ картонокъ подъ шляпы и кончая изящными, съ большимъ вкусомъ сдѣланными бонбоньерками всевозможныхъ фасоновъ, размѣровъ и цвѣтовъ.

— И хорошо идутъ у васъ такія работы?—полюбопытствовали мы.

— Прекрасно! Не успѣваемъ изготовлять заказовъ.

И это вполнѣ понятно: работа трудолюбцевъ этого дома опрятная, добросовѣстная, исполненная съ той солидной, методической аккуратностью, которая лежитъ въ самомъ характерѣ нѣмецкой натуры.

Мы остановились подольше въ переплетной мастерской: намъ хотѣлось видѣть этотъ рядъ издѣлій осматриваемаго нами дома. Переплеты отличались изяществомъ и чистотой отдѣлки, ничуть не уступающими спеціально переплетнымъ заведеніямъ. Заказами на эти работы домъ также заваленъ.

Зашли мы и въ столовую, помѣщающуюся въ нижнемъ этажѣ. Это обширная зала, рядомъ съ кухней; въ ней царилъ пріятный полумракъ и свѣжесть, въ раскрытыя окна заглядывала зелень сада.

Намъ принесли отвѣдать «трудового» хлѣба: онъ оказался очень вкусно и хорошо испеченнымъ.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что тѣмъ изъ призрѣваемыхъ, которые исполняютъ при домѣ какія нибудь постоянныя обязанности, домъ назначаетъ опредѣленное мѣсячное жалованье, какъ, напримѣръ, повару, булочнику, дворнику и кучеру.

Digitized by Google

Домъ трудолюбія на Обводномъ каналѣ.

Digitized by Google

Евангелическій домъ трудолюбія вступилъ уже въ тринадцатый годъ своего существованія, возродившись изъ очень маленькаго пріюта для бѣдныхъ, въ три комнаты, основаннаго здѣшней лютеранской общиной. Теперь домъ помѣщается въ собственномъ зданіи, состоящемъ изъ четырехъ обширныхъ этажей, со всѣми службами, садомъ, огородомъ, что, въ общемъ, занимаетъ принадлежащій дому большой земельный участокъ почти въ двѣ десятины. Домъ съ инвентаремъ и принадлежащей ему землею оцѣнивается въ 46.000 руб.

Изъ маленькаго дѣла возникло понемногу крупное, достойное всякаго уваженія, похвалы и подражанія благотворительное учрежденіе. Крошечное зерно принесло обильные плоды: оно принесло спасительные плоды на пользу обиженныхъ, изувѣченныхъ судьбою нашихъ сирыхъ и убогихъ братьевъ, которымъ не только протянута рука помощи, дающая работу, но и дана возможность возродиться и воскреснуть нравственно, отрясти съ себя пыль порока и снова выйти на прямой, чистый, свѣтлый путь труда и самосознанія!

А развѣ этого мало?!

Во время осмотра дома г. Кромель (педагогъ по спеціальности, оставившій службу, чтобы всецѣло преслѣдовать дорогія ему воспитательныя цѣли дома, о которыхъ мы говорили) развивалъ предъ нами свои планы на будущее. Ему хотѣлось бы видѣть возникновеніе тутъ же вблизи и особаго дома трудолюбія для малолѣтнихъ, изъятыхъ изъ дурныхъ семей мальчиковъ, которые могли бы подучаться ремесламъ подъ руководствомъ своихъ старшихъ сотоварищей трудолюбцевъ и такимъ образомъ готовиться съизмала къ трудовой жизни.

Эта мысль достойна полнаго сочувствія, и нѣтъ причинъ думать, чтобы она со временемъ не осуществилась.

Городской домъ трудолюбія помѣщается на Никольской площади, близъ церкви Николы Морского.

Это—красивое трехъэтажное зданіе, спеціально выстроено петербургскимъ общественнымъ управленіемъ въ самое послѣднее время.

Домъ официально открылъ свою дѣятельность лишь съ февраля текущаго года.

Домъ проектированъ для мужчинъ и женщинъ, но пока, къ сожалѣнію, въ немъ открыто лишь одно женское отдѣленіе, на каковой предметъ ежегодно отпускается городской управой 5.000 руб. Отдѣленіе же для мужчинъ по какимъ-то непонятнымъ причинамъ до сихъ поръ еще не вошло въ городскую смѣту и поэтому начнетъ свою дѣятельность лишь тогда, когда вышеприведенное обстоятельство будетъ, наконецъ, устранено.

Внутренность дома производитъ прекрасное впечатлѣніе. Обширныя и высокія мастерскія буквально залиты свѣтомъ, вливающимся

Digitized by Google

въ нихъ широкой волной чрезъ громадныя, итальянскія окна, расположенныя съ обѣихъ сторонъ залъ. Всюду масса воздуха, простора, вездѣ строгій порядокъ и образцовая чистота.

Труженицы работаютъ здѣсь надъ изготовленіемъ простого бѣлья и больничнаго и казеннаго платья. Плата за труды выдается въ домѣ поштучно [1]), что, разумѣется, весьма содѣйствуетъ успѣхамъ работницъ, которыя стараются какъ можно скорѣе и лучше обучиться своему дѣлу, чтобы получить побольше выручки. Этотъ способъ вознагражденія труженицъ должно признать вполнѣ раціональнымъ и практичнымъ, такъ какъ онъ подымаетъ производительность труда и способствуетъ расширенію дѣятельности дома, чего нельзя, конечно, сказать о системѣ поденнаго вознагражденія за трудъ, практикующагося въ нѣкоторыхъ домахъ трудолюбія и не вызывающаго никакого соревнованія у работницъ, уже заранѣе знающихъ, что каждая изъ нихъ, сколько бы ни трудилась, не можетъ, по правиламъ дома, заработать болѣе установленной нормы вознагражденія.

Дѣятельность дома идетъ въ высшей степени успѣшно. Это видно уже изъ массы заказовъ на бѣлье и платье, постоянно получаемыхъ домомъ отъ разныхъ мѣстъ и учрежденій, какъ, напримѣръ, отъ кавалерійскаго училища, морского корпуса, барачной больницы, Обуховской больницы, Пантелеймоновской больницы, психіатрической лѣчебницы св. Николая Чудотворца, больничной комиссіи, Крестовоздвиженской общины, училища для глухонѣмыхъ и др.

Насколько заказы выполняются здѣсь добросовѣстно, видно изъ того, напримѣръ, факта, что изъ полученнаго домомъ матеріала отъ больницы св. Николая Чудотворца вышло, благодаря умѣлой аккуратности и вполнѣ честной кройкѣ, нѣсколько десятковъ лишнихъ халатовъ для больныхъ, а при отправкѣ заказа по назначенію былъ посланъ туда же и цѣлый мѣшокъ всевозможныхъ, оставшихся отъ работы обрѣзковъ и лоскутьевъ для починки больничной экипировки.

Было бы очень пріятно, чтобы подобнымъ отношеніемъ къ дѣлу руководствовались и всѣ вообще мастерскія портняжнаго и бѣлошвейнаго дѣла, отличающіяся совершенно противоположными качествами.

Однако, благотворная дѣятельность дома, дающаго честный трудовой кусокъ хлѣба и заработокъ сотнямъ бѣдныхъ женщинъ нашей столицы [2]), не можетъ и не должна считаться вполнѣ законченной, пока всѣ содержимыя на средства городского самоуправленія Петербурга больницы не будутъ отдавать городскому дому трудолюбія

---

[1]) Изъ записей заработанныхъ труженицами денегъ видно, что нѣкоторыя изъ нихъ доводили свою выручку до 6 р. 50 к. въ недѣлю, т. е. до 26 руб. въ мѣсяцъ. При поденной платѣ это совершенно невозможно.

[2]) Въ домѣ можетъ работать сразу до 200 женщинъ. Обыкновенно число ихъ колеблется между 40 и 80.

Digitized by Google

заказовъ на бѣлье и платье, которые исполняются нынѣ на сторонѣ, при посредствѣ служащихъ при больницахъ лицъ. Эту постановку дѣла отнюдь нельзя признать правильною. Устроивъ на спеціальныя средства города особый домъ трудолюбія, за что столица можетъ только поблагодарить петербургскую городскую управу, общественное самоуправленіе тѣмъ самымъ должно озаботиться и естественнымъ вопросомъ о доставленіи дому постоянной работы. Обязательная отдача дому подвѣдомственными городу больницами вышеупомянутыхъ заказовъ являлась бы вполнѣ логичнымъ и крайне желательнымъ результатомъ учрежденія самаго дома.

Надо надѣяться, что на эту аномалію будетъ вскорѣ обращено надлежащее вниманіе нашего городского самоуправленія.

Нельзя также считать дѣятельность дома нормальной и до тѣхъ поръ, пока не будетъ, наконецъ, открыто въ домѣ мужское отдѣленіе.

Въ настоящее время, къ сожалѣнію, работы производятся, какъ уже сказано, однѣми женщинами въ верхнемъ, второмъ, этажѣ дома, подъ руководствомъ энергичной и преданной своему дѣлу управляющей домомъ, М. Н. Замысловской, много лѣтъ работавшей съ успѣхомъ на этомъ поприщѣ и пріобрѣтшей надлежащій навыкъ и солидную опытность.

Тутъ же, въ смежной мастерской, труженицы занимаются также вязаньемъ чулокъ на спеціальныхъ машинахъ. Заказы на этого рода работу сдѣланы училищной комисіей при с.-петербургской городской думѣ.

Весь же первый и подвальный этажи, предназначенные для мужскихъ мастерскихъ, пока совершенно безлюдны и пусты, а нужда въ этихъ мастерскихъ весьма велика, и открытіе ихъ, въ возможно непродолжительномъ времени, является насущной потребностью, въ виду массы бѣдноты нашего столичнаго населенія, для которой не хватаетъ и всѣхъ возникшихъ въ Петербургѣ въ послѣднее время домовъ трудолюбія.

Кстати сказать, подвальное помѣщеніе, о которомъ мы только что упомянули, довольно сыровато и требуетъ предварительно осушки...

Ко всему вышесказанному нельзя не присовокупить, что городской домъ трудолюбія лишь только тогда будетъ вполнѣ отвѣчать высокогуманнымъ цѣлямъ, преподаннымъ съ высоты Престола, въ Высочайшемъ указѣ отъ 1-го сентября 1895 г., въ коемъ обращается вниманіе на судьбу тѣхъ несчастныхъ, которые, «терпя крайнюю нужду, тщетно ищутъ себѣ заработка и пріюта»,—когда выстроенный столичнымъ городскимъ самоуправленіемъ и помѣщающійся рядомъ съ городскимъ домомъ трудолюбія ночлежный пріютъ, предназначенный сначала для трудолюбцевъ этого дома, но нынѣ обращенный почему-то временно въ больницу, будетъ отвѣчать своей первоначальной цѣли.

Digitized by Google

На Обводномъ каналѣ, почти напротивъ вокзала Балтійской желѣзной дороги, высится красивое, сложенное изъ краснаго кирпича зданіе, отдѣленное отъ улицы легкой чугунной рѣшеткой.

Это «первый домъ трудолюбія С.-Петербургскаго столичнаго попечительнаго общества о домахъ трудолюбія», сооруженный на ассигнованную комитетомъ состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы попечительства о домахъ трудолюбія сумму, въ размѣрѣ 40.000 рублей. Мѣсто для этого дома отведено городомъ безвозмездно, изъ бывшаго Измайловскаго плацъ-парада, величиною въ 447 съ небольшимъ квадратныхъ саженъ.

Закладка дома состоялась 21 іюля 1896 г., къ 15 августа была уже окончена каменная кладка стѣнъ, черезъ мѣсяцъ все зданіе было возведено вчернѣ и приступлено къ работамъ по внутреннему его устройству. Эти работы закончены были въ декабрѣ мѣсяцѣ, а съ февраля прошлаго года домъ офиціально открылъ свою благотворительную дѣятельность.

Описываемый нами домъ трудолюбія имѣетъ свою особую окраску и характеръ. Онъ предназначенъ спеціально для оказанія помощи пришлому, оставшемуся безъ работы, люду, знающему ремесла, и чернорабочимъ, разсчитанъ на 250 человѣкъ и принимаетъ къ себѣ мужчинъ и женщинъ.

Именно такого пришлаго рабочаго элемента въ нашей столицѣ чрезвычайно много. Съ удешевленіемъ желѣзнодорожнаго тарифа сюда стекается ежегодно изъ провинціи масса рабочихъ, которые частью вслѣдствіе безработицы, частью вслѣдствіе разгула и пьянства, частью же и вслѣдствіе болѣзней и разныхъ невзгодъ, остаются на улицѣ незнакомаго имъ города безъ куска хлѣба и положительно не знаютъ, куда идти и что дѣлать. Прямымъ и логическимъ исходомъ изъ этого критическаго положенія само собой является нищенство, какъ самый легкій способъ пропитанія. Это занятіе, за которое сначала берутся, скрѣпя сердце, единственно во избѣжаніе голодной смерти, до такой степени мало-по-малу втягиваетъ въ себя, что несчастные, протягивающіе сперва руку за подаяніемъ съ краской стыда, вполнѣ привыкаютъ къ своей «профессіи» и уже не могутъ отъ нея отстать, какъ пьяница отъ рюмки водки... Нищенство, какъ легчайшій способъ существованія, до такой степени распространено въ Петербургѣ, что здѣсь промышляютъ имъ цѣлыя волости, яркимъ примѣромъ чего могутъ служить уроженцы Себежскаго уѣзда Витебской губерніи, устроившіе въ столицѣ свой особый притонъ для выходцевъ своего уѣзда, на артельныхъ началахъ, со старостой во главѣ. Кліенты этой своеобразной артели оставляютъ часть вырученныхъ отъ подаянія денегъ у себя, въ свою пользу, часть же вносятъ въ общую кассу, для нуждъ артели.

Контингентъ нищихъ пополняется мѣстными чернорабочими, уда-

Digitized by Google

ленными отъ работъ за нетрезвое и дурное поведеніе и проводящими время со сбившимися съ пути пришлыми мастеровыми въ кабакахъ и притонахъ разврата. Здѣсь-то, въ этихъ вертепахъ, воспитываются будущіе мошенники, пройдохи-попрошайки, воры и преступники, являясь тяжкимъ бременемъ, какъ для столицы, такъ и для мѣстъ своей осѣдлости, куда ихъ высылаютъ административнымъ порядкомъ. Среднее число ежегодно выселяемыхъ изъ Петербурга за нищенство доходитъ до 5.000 случаевъ. Если предположить, согласно произведенному расчету, что средняя стоимость содержанія въ полицейскомъ домѣ и пересыльной тюрьмѣ, проѣздъ до мѣста высылки и экипированіе высылаемыхъ, составляетъ приблизительно 2 р. 60 коп. на каждое выдвореніе, то получится весьма крупная сумма въ 13.000 рублей, расходуемыхъ изъ года въ годъ на нищенство въ столицѣ! Прибавимъ къ этому, что деньги эти, къ сожалѣнію, тратятся совершенно непроизводительно, такъ какъ громадное большинство выселяемыхъ возвращаются снова, потому что находятъ такія путешествія для себя весьма выгодными, обращая въ свою пользу казенное платье, которое имъ выдается при отправкѣ на родину. Платье это, немедленно же по прибытіи къ мѣсту назначенія, или пропивается или продается... Подъ Петербургомъ, въ Шлюссельбургѣ, Любани, Бронницахъ и другихъ пунктахъ существуютъ даже особыя конторы скупщиковъ такого именно казеннаго платья, которое охотно несутъ имъ эти періодически выселяемые и вновь пробирающіяся въ столицу нищіе-бродяги, получившіе въ народѣ особое названіе «спиридоновъ-поворотовъ»...

Вотъ для систематической борьбы съ этой именно мрачной стороной нашей [столичной жизни и основанъ домъ трудолюбія на Обводномъ каналѣ. Учрежденіе его явилось крайней необходимостью и вызвано, такъ сказать, самой жизнью, такъ какъ всѣ существующіе въ Петербургѣ дома трудолюбія приспособлены преимущественно къ трудоспособности городскаго населенія, но мало разсчитаны для предоставленія соотвѣтственныхъ занятій простому рабочему и притомъ по своей вмѣстимости далеко не отвѣчаютъ численности нуждающагося въ трудовой помощи рабочаго класса.

Такимъ образомъ основанный, въ виду приведенныхъ соображеній, домъ трудолюбія на Обводномъ каналѣ является главнымъ образомъ и по преимуществу мѣстомъ труда самаго простого люда столицы,— ищущихъ временной поддержки мастеровыхъ, пришедшихъ въ Петербургъ искать счастья, спившихся, но рѣшившихъ взяться за умъ чернорабочихъ, предпочитающихъ заработать нѣсколько копеекъ въ день, чѣмъ просить милостыню, и женщинъ, жаждущихъ честнаго труда, спасающаго отъ нравственнаго паденія.

Всѣмъ имъ домъ даетъ работу, и всѣмъ имъ найдется тамъ довольно мѣста!

Въ домѣ устроены мастерскія: швейная, обойная, мастерская для

Digitized by Google

выдѣлки матовъ изъ смоляного каната, гамаковъ, ковриковъ и спасательныхъ круговъ, столярная, малярная, сапожная (гдѣ производится только починка обуви); въ отдѣленіи для чернорабочихъ производится щипка пеньки, идущей для построекъ, щипка мочалы для матрасовъ и изготовленіе швабръ. Спеціальныя работы производятся подъ наблюденіемъ спеціальныхъ мастеровъ, а швейной женской мастерской завѣдуетъ особая закройщица.

Мастерскія, куда въ зимнее время съ утра валомъ валитъ простой народъ за заработкомъ,—высокія, просторныя комнаты съ большими итальянскими окнами, дающими массу свѣта.

Чистота и порядокъ въ домѣ образцовые. Въ нижнемъ, подвальномъ его этажѣ семь комнатъ: раздѣвальная, двѣ столовыхъ—для мужчинъ и женщинъ отдѣльно,—кухня, двѣ кладовыя, для матеріаловъ и готовыхъ издѣлій, и комната для чернорабочихъ. Въ первомъ—прихожая, канцелярія, гдѣ ведется отчетность по дому и запись поступающихъ на работы, пріемный покой и четыре мастерскихъ, а въ верхнемъ этажѣ — комната смотрителя дома и также четыре обширныхъ мастерскихъ.

Трудолюбцы обѣдаютъ въ домѣ, при чемъ изъ поденныхъ денегъ каждаго вычитается за это по 7 коп. съ человѣка.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что кухня дома поражаетъ какъ своей удивительной чистотой, такъ и камфортабельностью и красотой помѣщенія. Блистающая чистотой кухонная утварь, въ порядкѣ разставленная по полкамъ посуда и изящный, лакированный, съ пестрымъ рисункомъ бетонный полъ производятъ удивительно пріятное впечатлѣніе. Смѣемъ думать, что въ рѣдкомъ первоклассномъ ресторанѣ Петербурга встрѣтите вы такую во всѣхъ отношеніяхъ образцовую кухню, какъ въ этомъ скромномъ домѣ труда для самаго «сѣраго» населенія столицы.

Разнообразныя, но простыя по качеству, матеріалу и отдѣлкѣ, работы трудолюбцевъ продаются домомъ ежегодно въ большомъ количествѣ, и общій оборотъ отъ продажи издѣлій дома достигаетъ въ зимнее время до 1.500 рублей въ мѣсяцъ, изъ каковой суммы домъ закупаетъ потомъ нужный матеріалъ и платитъ за работы трудолюбцамъ.

Вотъ списокъ работъ, производимыхъ въ домѣ и продаваемыхъ по весьма дешевой цѣнѣ: разныя блузы, бумазейныя, байковыя и сатиновыя, ситцевыя рубахи разныхъ цвѣтовъ, передники, русскіе флаги, шерстяные и бумажные, попоны, спасательные круги, смоляные маты, табуреты, всевозможные матрацы, отъ самыхъ простыхъ до пружинныхъ, гамаки, швабры, коврики изъ суконныхъ кромокъ и такія же дорожки.

Вы видите, что все это самыя незатѣйливыя, самыя простыя вещи, но именно эта-то ихъ простота и является ручательствомъ ихъ успѣшнаго и постояннаго сбыта, будучи въ то же время при-

Digitized by Google

норовленой къ трудоспособности рабочаго контингента питомцевъ дома.

Къ сожалѣнію, при домѣ нѣтъ общежитія, но оно, какъ намъ сообщили, проектируется въ особомъ флигелѣ, во дворѣ дома, намѣченномъ къ постройкѣ при первой же возможности. При домѣ предполагается также построить баракъ для черныхъ работъ на лѣтнее время, дезинфекціонную камеру и прачешную съ ваннами или баню.

Дѣятельность дома продолжается не весь круглый годъ: съ 15 мая по 1 сентября, въ виду значительнаго уменьшенія наплыва трудолюбцевъ, менѣе нуждающихся съ наступленіемъ тепла въ поддержкѣ дома, чѣмъ въ зимнее время, домъ прекращаетъ работы и занимается лишь продажей ранѣе заготовленныхъ трудолюбцами издѣлій.

Въ остальное же время домъ, какъ уже было сказано, буквально переполненъ народомъ, что совершенно ясно, лучше всякихъ словъ и разсужденій, показываетъ, какъ именно такой домъ трудолюбія необходимъ нашей столицѣ, и какъ успѣшно ведетъ онъ начатую имъ нелегкую борьбу съ распространенными въ Петербургѣ нищенствомъ и бродяжествомъ, которыя могутъ уменьшиться только тогда, когда бродячій элементъ безработныхъ скитальцевъ, погибающихъ въ разныхъ трущобахъ, будетъ имѣть возможность немедленно получить и трудовую помощь и здоровый кусокъ хлѣба.

Возникновеніемъ дома трудолюбія на Обводномъ каналѣ мы всецѣло обязаны с.-петербургскому градоначальнику генералъ-майору Н. В. Клейгельсу, благодаря иниціативѣ и энергіи котораго онъ учрежденъ, за что нельзя не принести ему самой искренней благодарности.

Намъ остается еще добавить, что на 5-ой улицѣ Песковъ (№ 21) находится безплатная швейная мастерская, какъ филіальное отдѣленіе женской мастерской описываемаго нами дома трудолюбія.

Кто изъ жителей Петербурга не знаетъ или не слыхалъ о знаменитомъ домѣ князя Вяземскаго (нынѣ г. Болотова), близъ Сѣнной площади? Исторія ночлежныхъ домовъ и притоновъ, которые наполняютъ собой этотъ въ своемъ родѣ историческій «домъ», занимающій цѣлый кварталъ, идущій вкось отъ начала Забалканскаго проспекта къ набережной Фонтанки и застроенный цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ корпусовъ, — носитъ на себѣ полулегендарный характеръ, напоминая баснословные разсказы о лондонскомъ White-Chapel, гдѣ нѣкогда отличался пресловутый «Джэкъ, вспарыватель животовъ». Длинный рядъ кровавыхъ драмъ, вереница изумительно дерзкихъ мошенничествъ и цѣлая живописная фаланга своего рода Картушей, Рокомболей и Джэковъ неразрывно связаны съ этимъ пресловутымъ домомъ нищеты, порока и преступленія, интересной ареной для петербургскихъ Лекоковъ. Домъ Вяземскаго съ его оби-

Digitized by Google

тателями послужилъ даже темой романа одному изъ нашихъ крупныхъ беллетристовъ, покойному Всеволоду Крестовскому, написавшему рядъ превосходныхъ очерковъ изъ жизни столичныхъ вертеповъ и притоновъ, подъ названіемъ «Петербургскія трущобы».

И вотъ именно тутъ, въ этомъ ужасномъ вертепѣ разгула и злодѣяній, на почвѣ всевозможныхъ грѣховъ и безконечныхъ паденій, возникло недавно доброе и святое дѣло общественной благотворительности: въ началѣ мая въ домѣ Вяземскаго открытъ домъ трудолюбія для дѣтей обоего пола. Цѣль дома—вырвать, по возможности, бѣдныхъ малолѣтнихъ дѣтей изъ порочныхъ семей, гдѣ они поневолѣ съ пеленокъ пріучаются къ разврату и растутъ въ тлетворной атмосферѣ безпросыпнаго кутежа, пьянства и всякаго разгула.

Трудно себѣ представить болѣе подходящее мѣсто для указанной цѣли. Домъ Вяземскаго искони весь кишитъ такими семьями, гдѣ дѣтямъ съ молокомъ матери преподаются мудрыя правила всевозможныхъ обмановъ, попрошайства, воровства, профессіональнаго нищенства. Нравственное оздоровленіе несчастныхъ дѣтей, хотя бы на первое время въ одномъ только домѣ Вяземскаго, и это уже является, съ общественной точки зрѣнія, величайшимъ благодѣяніемъ и дѣломъ, по истинѣ, святымъ. Сколько еще маленькихъ душъ, уже близкихъ къ гибели, спасетъ этотъ новый дѣтскій домъ трудолюбія, сколько людей во время удержитъ отъ паденія, сколько сердецъ, уже начинавшихъ навсегда черствѣть и глохнуть для добра, заставитъ онъ снова раскрыться къ воспринятію свѣтлыхъ началъ любви и правды!

Этотъ новый дѣтскій домъ трудолюбія [1]) основанъ на частныя средства и носитъ пока названіе «безплатной мастерской для дѣтей».

Домъ помѣщается въ крошечной квартиркѣ, въ самомъ заду обширнаго двора дома Вяземскаго, вблизи той самой знаменитой «стеклянной галлереи», гдѣ во время оно разыгралось столько кровавыхъ сценъ...

По одной изъ каменныхъ лѣстницъ вы подымаетесь во второй этажъ кирпичнаго корпуса, тянущагося вдоль всей правой стороны двора, и входите прямо въ кухню съ крохотной русской печью. Это самая помѣстительная комната квартиры. Прямо изъ кухни, возлѣ которой за деревянной перегородкой помѣщается комнатка смотрительницы,—двѣ смежныя мастерскія: для дѣвочекъ направо и для мальчиковъ налѣво. Вотъ пока и все помѣщеніе.

Мастерскія разсчитаны пока на 64 питомца, по 32 человѣка въ

---

[1]) Въ Петербургѣ уже существуютъ нѣсколько домовъ трудолюбія для дѣтей, какъ, напримѣръ, на Васильевскомъ островѣ (уголъ Косой линіи и Большого проспекта, № 1—66), на Грязной улицѣ, № 14, и одинъ подъ Петербургомъ, въ Царской Славянкѣ (Ольгинскій).

Digitized by Google

каждой. Дѣвочки занимаются шитьемъ себѣ платья и бѣлья, подъ руководствомъ смотрительницы, изъ матеріала, пожертвованнаго добрыми людьми. Мальчиковъ предполагаютъ обучать прежде всего сапожному мастерству. Всѣ необходимыя для этого принадлежности и инструменты пожертвованы баронессой К—дорфъ.

При мастерскихъ проектируются также воспитательныя чтенія. Подобныя чтенія и назидательныя бесѣды вообще происходятъ отъ времени до времени въ петербургскихъ домахъ трудолюбія [1]), если не во всѣхъ, то въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и пользуются популярностью среди трудолюбцевъ, охотно ихъ посѣщающихъ.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что выработка наилучшаго типа дѣтскихъ домовъ трудолюбія, которыхъ пока еще очень не много и въ Петербургѣ и въ губерніяхъ, весьма озабочиваетъ попечительство о домахъ трудолюбія. Въ маѣ мѣсяцѣ этого года, какъ мы слышали, Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ благоугодно было поручить отправившемуся въ Данію члену Русскаго Литературнаго Общества П. Г. Ганзену, датчанину по происхожденію, много занимавшемуся вопросами общественной самопомощи [2]), поближе изучить постановку дѣла дѣтскихъ домовъ трудолюбія, какъ въ самой Даніи, такъ и въ Швеціи и Норвегіи, гдѣ онѣ достигли наибольшаго развитія и процвѣтанія.

С. Уманецъ.

---

[1]) Въ домѣ трудолюбія на Обводномъ каналѣ читалъ поручикъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка Д. Н. Ломанъ; въ одномъ изъ столичныхъ домовъ трудолюбія прошлой зимою состоялось чтеніе миссіонера о. Арсенія.

[2]) «Общественная самопомощь въ Даніи, Норвегіи и Швеціи», 25 очерковъ П. Ганзена, Спб., 1898 года.

Digitized by Google

СУДЪ И КАЗНЬ САЛАВАТКИ.

(Къ исторіи Пугачевскаго бунта).

УГАЧЕВЩИНА, эта печальная страница славнаго царствованія Екатерины II, до сей поры еще не изслѣдована подробно, несмотря на изысканія Д. Л. Мордовцева («Самозванцы и понизовая вольница», т. I — II) и обширный трудъ Н. Ѳ. Дубровина («Пугачевъ и его сообщники», I—III). Значительный пробѣлъ въ этихъ трудахъ, а особенно въ «Исторіи Пугачевскаго бунта» Пушкина замѣчается относительно сѣверныхъ провинцій Пріуралья; а между тѣмъ тамъ-то Пугачевскій бунтъ и произвелъ болѣе сильное впечатлѣніе на инородцевъ и заводскихъ крестьянъ, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ края.

Если не главнымъ, то и не послѣднимъ явленіемъ въ этихъ мѣстахъ было возмущеніе башкиръ, подъ предводительствомъ знаменитаго сподвижника Пугачева, Салаватки Юлаева, о судьбѣ и дѣяніяхъ котораго еще очень мало данныхъ въ печатныхъ произведеніяхъ, хотя дѣйствія его вполнѣ заслуживаютъ подробнаго описанія, такъ какъ Салаватка былъ чуть не единственнымъ, во время Пугачевщины, руководителемъ башкирскаго возстанія, служа у самозванца правой рукой и первымъ вербовщикомъ для него разношерстныхъ шаекъ. Даже съ полною увѣренностью можно сказать, что не будь у Пугачева такого рьянаго и «свирѣпаго» помощника, онъ врядъ ли бы могъ продержаться долго въ Башкиріи, чтобы,

Digitized by Google

послѣ цѣлаго ряда неудачъ отъ Михельсона и Декалонга, успѣть снова набрать мятежныя толпы, съ которыми потомъ двинулся къ Казани.

Недостатокъ въ существующихъ печатныхъ источникахъ свѣдѣній о Салаваткѣ, видимо, произошелъ отъ того, что слѣдственное дѣло о немъ и судъ и казнь надъ нимъ были произведены не въ Москвѣ, какъ надъ другими преступниками, и не въ Оренбургѣ, центрѣ тогдашняго управленія заволжскимъ краемъ, а въ глухомъ и незначительномъ по тому времени городишкѣ Уфѣ.

Лѣтомъ 1897 года, намъ удалось розыскать въ Уфимскомъ губернскомъ архивѣ почти всю слѣдственную переписку объ этомъ мятежникѣ и объ отцѣ его Юлаѣ, что и даетъ намъ возможность освѣтить найденныя, хотя не многія, новыя данныя, затерявшіяся «въ пыли вѣковъ» [1]).

Какъ извѣстно, отецъ Салавата, Юлай Азналиховъ и раньше Пугачевскаго мятежа принималъ участіе въ башкирскихъ возмущеніяхъ; но, будучи въ 1755 году [2]) прощенъ всемилостивѣйшимъ манифестомъ, возвратился къ мирнымъ занятіямъ кочевника и настолько загладилъ свои вины, что черезъ 12 лѣтъ послѣ этого оренбургскимъ губернаторомъ княземъ Путятинымъ [3]) былъ пожалованъ званіемъ башкирскаго старшины деревни Юлаевой, Уфимской провинціи, Сибирской дороги [4]). Пугачевское возмущеніе вновь заставило всколыхнуться задремавшаго было въ лѣсной тиши безпокойнаго башкирца, жаждавшаго крови и добычи, чтобы подъ шумокъ, пользуясь такимъ удобнымъ моментомъ, опять безнаказанно крошить и уничтожать ненавистныхъ русскихъ, такъ дерзко, будто бы, и незаконно завладѣвшихъ ихъ землями, ихъ исконными вла-

---

[1]) Собственно въ Уфимскомъ архивѣ имѣется трехтомное дѣло о Пугачевщинѣ. Но, къ сожалѣнію, первый томъ, болѣе интересный, исчезъ безслѣдно. Переписка же второго тома начинается только съ 1-го мая 1774 г. Здѣсь, какъ и въ третьемъ томѣ, заключаются свѣдѣнія исключительно о волненіяхъ въ Уфимской провинціи, хотя далеко не подробныя, но тѣмъ не менѣе и въ нихъ есть новыя и неизвѣстныя еще данныя. Переписка о Салаватѣ находится въ концѣ III-го тома.

[2]) Пушкинъ въ «Исторіи Пугачевскаго бунта», VI, прим. 1, говоритъ, что Юлай, послѣ казни 1741 года, скрылся въ Башкиріи. Это невѣрно. По вышепоказанному слѣдственному дѣлу видно, что въ 1775 году Юлаю было 45 лѣтъ. Слѣдовательно, во время башкирскаго возмущенія 1735—1741 гг. ему насчитывалось 5—10 лѣтъ отъ роду. Какимъ же образомъ онъ могъ принимать въ этомъ волненіи участіе?

[3]) Тайн. сов. кн. Авраамъ Артемьевичъ Путятинъ управлялъ Оренбургскимъ краемъ съ 1767 по 1769 годъ.

[4]) Башкирскій народъ по управленію раздѣлялся на четыре дороги (округи): Сибирскую, Ногайскую, Казанскую и Осинскую. Самый большой районъ былъ Сибирской дороги, заключавшій въ себѣ семь волостей, или главныхъ родовъ, и 55 тюбей, или родовыхъ отдѣленій. (См. Рычковъ, «Исторія Оренбургская», въ «Переводахъ Ежемѣсячн.», 1759, февраль, 120—123).

Digitized by Google

дѣніями отъ отцовъ и дѣдовъ. На этотъ разъ побудительной причиной стать Юлаю во главѣ мятежниковъ былъ, по его показанію [1]), захватъ коллежскими совѣтниками Твердышевымъ и Мясниковымъ всецѣло принадлежащей ему земли и постройка на ней Симскаго завода [2]). Для Юлая, конечно, не было надобности развѣдывать и досконально узнавать, кто шелъ разорять русскіе города и селенія—законный ли государь, или самозванецъ. Врожденная кровожадность требовала только жертвъ и грабежа. Изданный 29-го ноября 1773 года высочайшій манифестъ, даровавшій мятежникамъ полное прощеніе, «ежели они сознаютъ свои вины и впредь не будутъ чинить злодѣйства» [3]), нисколько не удержалъ его отъ попытокъ производить грабежи, но еще больше разжегъ его намѣреніе соединиться съ самозванцемъ и совмѣстно вредить Россіи.

Когда, въ сентябрѣ 1773 года, генераломъ Рейнсдорпомъ были разосланы въ Уфимскую и Исетскую провинціи циркулярныя предписанія съ требованіемъ немедленной помощи Оренбургу «противъ злодѣя Пугачева»,—Юлай, собравъ 95 башкиръ, съ сыномъ Салаватомъ (21-го года), выступилъ изъ Башкиріи. Но рыскавшія кругомъ Оренбургской крѣпости шайки пугачевцевъ не допустили башкирцевъ соединиться съ правительственными войсками. Атаманомъ Овчинниковымъ Салаватка и отецъ его были захвачены въ плѣнъ и увезены въ Берду къ Пугачеву, который, по обыкновенію, обласкалъ ихъ, насулилъ имъ горы наградъ, правъ, вольностей. Бойкій и смышленый Салаватъ такъ понравился самозванцу, что онъ тутъ же произвелъ его въ полковники и, вмѣстѣ съ отцомъ, командировалъ въ Башкирію, чтобы распространять тамъ свѣдѣнія о немъ, какъ о «государѣ законномъ и прирожденномъ», набирать команду и возвратиться къ нему [4]).

---

[1]) См. въ дѣлѣ показаніе его, данное въ тайной экспедиціи.

[2]) Симскій заводъ, на р. Симѣ, въ 356 верстахъ отъ Оренбурга, построенъ въ 1759 году.

[3]) Къ сожалѣнію, въ мѣстныхъ архивахъ не сохранилось этого манифеста. Въ приложеніяхъ же къ «Ист. Пугач. бунта» значится только манифестъ 23-го декабря 1773 года.

[4]) Въ своемъ показаніи въ главной слѣдственной комиссіи, подъ предсѣдательствомъ генералъ-майора Потемкина, въ Казани, Салаватъ, однако, показывалъ, что онъ вступилъ въ шайку Пугачева по принужденію, «боясь смерти, по молодости лѣтъ», хотя «считалъ его за законнаго государя». Въ одно изъ злодѣйскихъ нападеній на Оренбургъ онъ, будто бы, хотѣлъ бѣжать отъ Пугачева; но Яицкіе казаки его поймали, «кололи пиками и сдѣлали ему двѣ раны: въ лѣвую щеку подъ лѣвымъ ухомъ, да въ правую руку; кололи въ спину, но, черезъ кольчугу, не причинили ему вреда, хотѣли лишить его живота, только наѣхавшими башкирами онъ отъ смерти, по просьбѣ ихъ, былъ избавленъ». Салаватка опять былъ представленъ Пугачеву, «который уговаривалъ его служить ему вѣрой и правдой», угрожая смертью въ случаѣ новаго бѣгства. Тутъ самозванецъ произвелъ его въ полковники. «Но какъ онъ Салаватъ отъ полученныхъ ранъ былъ боленъ, то былъ отпущенъ съ десятью заболѣвшими башкирами до выздоровленія въ его жилище».

Digitized by Google

Но еще за нѣсколько дней до прибытія Салавата въ Уфимскую провинцію тамъ успѣлъ похозяйничать ранѣе посланный Пугачевымъ «полковникъ» Иванъ Грязновъ, который «силой» вербовалъ башкиръ въ свою команду, билъ и мучилъ сопротивлявшихся, при чемъ «одного башкирскаго сотника Колбу Девлетова повѣсилъ, а у другого разграбилъ домъ» [1]). Толпа Грязнова съ каждымъ днемъ росла и увеличивалась. Захватывая башкиръ, крестьянъ, солдатъ, казаковъ и разоряя поселенія, предводитель этотъ не щадилъ и женщинъ и не оставлялъ ихъ безъ поруганія. Въ попутныхъ крѣпостяхъ онъ забиралъ всѣ боевые припасы и оружіе, и, усиливъ такимъ образомъ толпу свою до 4 тысячъ человѣкъ, часть ея послалъ подъ Уфу къ «графу Чернышеву» (Чика-Зарубинъ), а съ другой частью отправился подъ Яицкъ [2]).

Мятежъ разгорался все больше и больше. Салаватъ, вѣрный велѣніямъ «своего государя», пробывъ въ своей деревнѣ Юлаевкѣ только два дня, сталъ также разъѣзжать по окружнымъ башкирскимъ селеніямъ Сибирской дороги, набирая падкихъ на грабежи туземцевъ «на царскую службу». Уже въ концѣ 1773 года видѣли его, какъ онъ, предводительствуя толпою въ 800 человѣкъ, вмѣстѣ съ атаманомъ Иваномъ Басовымъ напалъ на с. Сарапуль [3]). Цѣлый день мятежники сражались съ застигнутыми врасплохъ жителями и только къ вечеру отхлынули прочь, захвативъ нѣсколько человѣкъ сарапульцевъ, которые были отвезены въ Чесноковку [4]) къ Чикѣ. Въ началѣ слѣдующаго года Салаватка цѣлую недѣлю свирѣпствовалъ съ своей толпой въ Красноуфимской крѣпости, захватилъ тамъ 4 пушки, 19 пудовъ пороху, канонировъ съ учениками 24 человѣка, 100 казаковъ, и 15-го января двинулся къ Кунгуру [5]).

Соединившись по пути съ толпой Табынскаго кузнеца, именовавшаго себя «бригадиромъ», Иваномъ Степановымъ Кузнецовымъ, и увеличивъ такимъ образомъ свою шайку до 4 тысячъ человѣкъ, Салаватъ, въ первыхъ числахъ февраля, подступилъ къ Кунгуру, намѣреваясь «штурмомъ» завладѣть имъ; но попытка его не удалась. Бунтовщики цѣлый день кружились около него, но были отражены всюду. Салаватку ранили въ правый бокъ. «Сдѣлавшись

---

[1]) Изъ показанія Салаватки.

[2]) Изъ показанія Салаватки. Очевидно, подъ Верхнеуральскъ, а не подъ Нижне-Яицкъ, такъ какъ извѣстно, что Грязновъ дѣйствовалъ въ верховьяхъ Яика и въ Башкиріи.

[3]) Это былъ нынѣшній уѣздный городъ Вятской губерніи Сарапуль, на правомъ берегу р. Камы, который до 1779 года считался селомъ.

[4]) Деревня Чесноковка находится въ 18 верстахъ отъ Уфы по Оренбургскому тракту. Какъ объ этомъ, такъ и о нижеприведенныхъ обстоятельствахъ нѣтъ еще свѣдѣній въ печати.

[5]) По показаніямъ свидѣтелей. Самъ же Салаватка говоритъ, что подъ Красноуфимскую подступали Грязновъ и Овчинниковъ, и только когда они потребовали отъ него подмоги, онъ привелъ имъ 2.000 разношерстной рати.

Digitized by Google

оттого боленъ», онъ не могъ уже управлять толпой «и былъ отпущенъ въ жилище свое» [1]). Однако, слѣдуя домой, онъ по пути не переставалъ понуждать жителей итти «служить государю Петру Ѳедоровичу» и посылалъ для набора шаекъ своихъ казаковъ даже до с. Троицкаго [2]) и дер. Озерковъ [3]).

Опять появился Салаватка на аренѣ кровавой рѣзни только послѣ вступленія въ Башкирію Пугачева. Первымъ его дѣйствіемъ, весной 1774 года, вмѣстѣ съ отцомъ Юлаемъ, было оцѣпленіе Симскаго завода купца Твердышева. Здѣсь бунтовщики «священника и крестьянъ 60 человѣкъ перекололи, заводъ разграбили и выжгли» [4]). Послѣ того свирѣпый предводитель, съ башкирами и заводскими крестьянами, въ числѣ 2.000 человѣкъ, выдержавъ три сраженія съ подполковникомъ Михельсономъ [5]), пошелъ на Саткинскій заводъ, въ которомъ захватилъ было въ свою толпу, съ намѣреніемъ казнить, неповиновавшагося ему, «Казанскаго 1-го баталіона солдата Бородина»; но, «услышавъ приближеніе полковника Михельсона отослалъ его скованнымъ въ башкирскую деревню, въ 20 верстахъ отъ завода».

Тѣмъ временемъ посланные имъ башкирцы, Аладинъ и Бахтіяръ Каскеевъ, въ Уфимскомъ уѣздѣ [6]) набирали еще толпы, съ которыми потомъ подступили къ Бирску, но, будучи разбиты тамъ правительственными войсками, принуждены были скрыться въ деревню Пулевку, куда изъ-подъ Саткинскаго завода, боясь преслѣдованія Михельсона, съ 200 уцѣлѣвшими отъ погрома башкирами и казаками, прискакалъ и только что произведенный въ бригадиры Салаватъ. Соединивъ кое-какъ свои разрозненныя шайки, онъ направился по Сибирской дорогѣ, командировавъ, подъ начальствомъ черемиса деревни Бургашевой Уфимскаго уѣзда, Янбаева, 100 мятежниковъ «развѣдывать о вѣрныхъ войскахъ и доносить ему» на Уфимскую дорогу, гдѣ они, близъ деревни Сюбаевой, въ полѣ про-

---

[1]) Изъ показанія Салаватки.

[2]) Изъ показаній свидѣтелей. С. Троицкое стоитъ на Камѣ, нынѣ Осинскаго уѣзда, Пермской губерніи.

[3]) Деревня Озерки находится въ 30 верстахъ отъ с. Троицкаго.

[4]) Изъ показаній свидѣтелей. Какъ разсказываетъ самъ Юлай, заводъ собственно выженъ имъ, ибо «онъ былъ построенъ на его землѣ». Салаватъ же, въ обществѣ двухъ какихъ-то полковниковъ, съ частью злодѣйской толпы, но безъ вѣдома Пугачева, выжегъ только двѣ деревни, принадлежащія этому заводу (показаніе Салавата).

[5]) Изъ показаній свидѣтелей. По Пушкину («Ист. Пуг. б.», VI, 76 — 81) это произошло между 5 и 27 мая 1774 года.

[6]) По показанію свидѣтелей. «Въ д. Балтачевой жители знали, что Салаватъ служитъ злодѣю, но какъ онъ разъѣзжаетъ по жительствамъ съ великою толпою, то принуждены были дать Аладину 15 человѣкъ». «Въ д. Старой Тертековой пріѣхавшій Каскеевъ, съ 300 мятежниковъ, предъявилъ старшинѣ данный ему отъ Салаватки о наборѣ людей указъ, ночевалъ здѣсь и взялъ въ толпу 20 человѣкъ» и т. д.

Digitized by Google

стояли по іюль мѣсяцъ, когда уже Пугачевъ перешелъ Каму и направился къ Казани, а Салаватка воротился въ Башкирію набирать новыя толпы, чтобы уже лично отъ себя производить грабежи и разоренія [1]).

На Сибирской дорогѣ къ Салавату присоединилось 300 башкиръ. Въ деревнѣ Узяковой онъ еще «набиралъ людей», потомъ въ селѣ Касеевѣ «ограбилъ церковь и нѣсколько обывательскихъ домовъ» и, собравъ пятитысячную рать, спѣшилъ слѣдомъ за подвигавшимся къ Красноуфимску [2]) Пугачевымъ къ Осѣ, которая и была взята обоими мятежниками [3]). Въ этомъ сраженіи Салаватъ былъ тяжело раненъ въ правую ногу ружейной пулей [4]) и былъ отпущенъ на излѣченіе домой.

Самозванецъ, тѣмъ временемъ, перейдя Каму, направился къ Казани. Салаватъ же, воротившись въ Уфимскій уѣздъ, гдѣ у него была оставлена наблюдательная партія, вновь сталъ разсылать по окрестнымъ деревнямъ вѣрныхъ ему башкиръ и черемисъ [5]) набирать «команду», съ которой производилъ грабежи даже послѣ поимки Пугачева. Осенью, съ толпой въ 200 человѣкъ, онъ явился въ деревню Балтачеву, «захватилъ тамъ людей» и съ той же цѣлію направился было въ деревню Имянгуле, но высланныя противъ него войска не допустили его дальше. Салаватъ былъ разбитъ и, преслѣдуемый по пятамъ подполковникомъ Аршеневскимъ, наконецъ, 25-го ноября 1774 года былъ захваченъ и закованъ въ кандалы [6]). Не много ранѣе, видя свое дѣло проиграннымъ, по вызову старшинъ явился къ коллежскому совѣтнику Тимашеву и отецъ его Юлай. Преступники были посажены въ Уфѣ, а потомъ пересланы въ главную слѣдственную комиссію въ Казань. Но здѣсь, на допросахъ, оба предводителя не сознались въ совершенныхъ ими

---

[1]) Изъ показаній свидѣтелей. Пушкинъ же говоритъ (гл. VI, 83), что Бирскъ былъ сожженъ въ іюнѣ, почти въ виду полковниковъ Якубовича и Обернибѣсова и майора Дуве.

[2]) Изъ пок. свид. «Когда прошелъ слухъ, что Пугачевъ, побывавши у Салавата, пойдетъ по Красноуфимской дорогѣ на Казань, жители д. Епалчихи условились о повиновеніи послать ему рапортъ».

[3]) Показ. свид. По Пушкину (VI, 84) Оса взята 18-го іюня.

[4]) Показ. Салавата. Между тѣмъ Пушкинъ (VI, 82) увѣряетъ, что Салаватка былъ раненъ въ сраженіи 30-го мая, но гдѣ происходило это сраженіе,— неизвѣстно. Трудно, однако, повѣрить, чтобы онъ успѣлъ поправиться въ такой короткій срокъ отъ ранъ, чтобы успѣть собрать 5 тысячъ мятежниковъ.

[5]) Показ. свид. «Тутъ онъ (то-есть Салаватъ) отъ черемисъ одного Изибая именовалъ полковникомъ и далъ ему о томъ на татарскомъ языкѣ письмо».

[6]) Показ. свид. Самъ же Салаватъ о своемъ захватѣ говоритъ, что воротившись изъ-подъ Осы «на излѣченіе въ свою деревню, онъ былъ взятъ въ ней правительственными войсками, при чемъ весь его домъ разоренъ, три жены и два сына взяты въ плѣнъ, и гдѣ находятся,— не знаетъ. Онъ, Салаватъ, съ прочими привезенъ къ подполковнику Аршеневскому, у котораго, при спрашиваніи его злодѣйствъ, сѣченъ былъ батожьемъ, а отъ него отосланъ въ Казань».

Digitized by Google

преступленіяхъ. Салаватъ каялся только въ своемъ вынужденномъ участіи съ толпой мятежниковъ «во многихъ сраженіяхъ противъ правительственныхъ войскъ и въ разоренін многихъ селеній», но «не винился въ грабежахъ и убійствахъ». Отецъ его Юлай сначала также отрицалъ всякое сообщничество съ мятежниками, но «напослѣдокъ» сознался, что былъ захваченъ въ шайку Пугачева «по неволѣ» и выжегъ Симскій заводъ за то, что онъ построенъ «на его землѣ». Однако, оба преступника десятью содержавшимися въ Казани колодниками и башкирскимъ старшиной Кулеемъ Балтаевымъ были изобличены въ другихъ еще большихъ своихъ злодѣйствахъ.

Тогда бунтовщики, при особой запискѣ, были препровождены генераломъ Потемкинымъ въ Петербургъ въ спеціально для разбора дѣлъ надъ мятежниками учрежденную при сенатѣ тайную экспедицію, куда они прибыли 25-го февраля 1775 года. Но и тамъ злодѣи не сдѣлали чистосердечнаго признанія. Въ виду этого, хотя по собраннымъ даннымъ Юлайка «за разграбленіе завода былъ достоинъ лишенія живота», а Салавата, «яко клятвопреступника и бунтовщика, слѣдовало бы подвергнуть смертной казни»..., «но понеже» первый изъ нихъ, «на допросѣ добровольно раскаявшись въ своихъ преступленіяхъ, отъ злодѣйской толпы отсталъ и явился вѣрныхъ войскъ у начальника Тимашева, а по показанію Балтаева напредь сего былъ поведенія хорошаго и служилъ ея императорскому величеству въ польскомъ корпусѣ вѣрно и усердно»; второй же, хотя «изобличенъ въ своихъ поступкахъ, но въ оныхъ не признался», то, «держась правосудія», «дабы всѣ ихъ злодѣйства въ самую точность привесть и обличить ихъ чрезъ такихъ людей, которые были свидѣтелями чинимыхъ ими убійствъ», тайная экспедиція опредѣлила послать ихъ для дальнѣйшаго производства слѣдствія и суда «на мѣсто въ Оренбургскую губернію».

Сообщая объ этомъ (въ письмѣ 17-го марта 1775 года) оренбургскому губернатору, генералъ-поручику Рейнсдорпу, генералъ-прокуроръ князь А. А. Вяземскій добавлялъ еще, что «если по немъ (Юлаѣ) доброе поручительство будетъ, то о свободѣ его отъ всякаго наказанія поступить по силѣ всемилостиваго 1773 г. ноября 29-го дня манифеста и на конецъ привесть въ вѣрности ея императорскому величеству къ присягѣ. Буде же по развѣдываніи окажется, въ толькихъ злодѣйствахъ находилси, какъ его сынъ, то по законамъ судить; учинить допросъ: самъ ли Юлай отъ злодѣевъ отсталъ—разспросить сосѣднихъ башкирскихъ старшинъ и лучшихъ людей, насколько онъ наполненъ зломъ... Если онъ и сынъ Салаватъ окажутся соучастниками мятежа добровольно, то, по силѣ указа 1754 года, мая 13-го, сослать въ каторжную работу въ Рогервикъ».

Преступники были отправлены въ Оренбургъ, а оттуда, при предписаніи Рейнсдорпа, 23-го апрѣля (№ 879), въ провинціальную канцелярію въ Уфу, подъ конвоемъ подпоручика Пушкарева и четы-

Digitized by Google

рехъ солдатъ, Юлайка—въ ножныхъ, а Салаватъ въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ.

Въ уфимской провинціальной канцеляріи мятежныя дѣйствія обоихъ преступниковъ вполнѣ подтвердились допросами. Помимо совмѣстнаго сожженія Симскаго завода, Юлай разграбилъ еще заводы Усть-Катавскій, Катавскій (или Катавъ-Ивановскій) и деревню Орловку; Салаватъ же—деревни Юлаеву, Лакъ и посады Красноуфимскъ, Кунгуръ, Осу. Поэтому провинціальная канцелярія признала поступки ихъ заслуживающими высшей мѣры наказанія и 6-го іюля 1775 года приговорила: «Юлая и Салавата, наказавъ кнутомъ, вырѣзавъ ноздри и поставя на лбу и щекахъ знаки, сослать въ каторжную работу въ Рогервикъ вѣчно», а затѣмъ 22-го іюля опредѣлила: «Наказаніе крутомъ учинить въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ они злодѣйства дѣлали, а именно: Юлаю—въ Симскомъ заводѣ—45 ударовъ, Усть-Катавскомъ—45, Катавскомъ—45, деревнѣ Орловкѣ—40; Салавату—на Симскомъ заводѣ—25 ударовъ, деревнѣ Юлаевой—25, деревнѣ Лакъ—25, въ Красноуфимскѣ—25, Кунгурѣ—25, Осѣ—25 и въ томъ числѣ, гдѣ онъ, не доѣзжая Юлдака, чинилъ съ подполковникомъ Рылѣевымъ сраженіе,—25»; затѣмъ Юлаю—въ Орловкѣ, а Салавату, гдѣ произошло сраженіе съ Рылѣевымъ, «вырвать ноздри и поставить на лбу знаки» [1]).

Остальные знаки на щекахъ были поставлены въ Уфѣ, откуда преступники въ октябрѣ того же года, чрезъ Казань, были отправлены въ мѣсто вѣчной каторги.

П. Юдинъ.

[1]) Въ «Матеріалахъ по исторіи, этнографіи и проч. Оренбургской губерніи» 1877 г., отд. II, 31, неправильно показано, что Салавату на каждомъ мѣстѣ велѣно давать по 40 ударовъ. По полученіи «болѣе 400 ударовъ, онъ остался живъ»... Между тѣмъ изъ вышеприведеннаго видно, что какъ ему, такъ и его отцу, дано было всего по 175 ударовъ.

Digitized by Google

НЕДУГИ СРЕДНЯГО ОБРАЗОВАНІЯ.

I.

ОСЛѢ долгаго затишья въ печати о недугахъ русской «средней» школы, и главнымъ образомъ классической гимназіи вопросъ этотъ въ послѣднее время снова получаетъ право гражданства, и обсужденіе этихъ недуговъ привлекаетъ на страницы періодической прессы все большее и большее количество работниковъ пера. Два фельетона въ «Новомъ Времени» (№№ 7982 и 7991) П. Гн—ча «Среднее образованіе» и, какъ дополненіе и живая иллюстрація къ нимъ, «Этюдъ» (№ LXIII) Old Gentlemen'a въ той же газетѣ, за текущее лѣто, поставили вопросъ о нашей классической гимназіи ребромъ; въ этихъ фельетонахъ оба автора, со свойственной имъ беллетристической яркостью и образностью, выпукло обрисовали передъ читателями фронтоны тѣхъ «серединныхъ» храмовъ науки, куда ежедневно, въ теченіе всего учебнаго сезона, стекаются десятки тысячъ русскаго учащагося юношества. И. Гн—чъ и Old Gentleman отнеслись совершенно отрицательно къ педагогическимъ условіямъ, въ кои поставлены въ этихъ храмахъ наши младшіе братья, сыновья и родственники, и о которыхъ и мы, представители старшаго поколѣнія русскаго общества, побывавшіе лично тамъ, вспоминаемъ подчасъ съ чувствомъ неподдѣльной горечи. Въ отмѣченныхъ фельетонахъ «Новаго Времени» недостатки дѣйствующей системы средней школы обрисованы лишь въ общихъ контурахъ, лишь рѣзкими штри-

Digitized by Google

хами, и представлены, въ интересахъ образности изложенія, конкретными фактами. Болѣе глубоко и шире, хотя чисто теоретически, разработали тѣ же вопросы, въ ихъ историческомъ, педагогическомъ и публицистическомъ освѣщеніи, С. Н. Южаковъ и П. Каптеревъ на страницахъ ежемѣсячныхъ журналовъ — «Русскаго Богатства» и «Русской Школы». Нынѣ эти работы вышли отдѣльными изданіями; перваго изъ нихъ подъ заглавіемъ «Вопросы просвѣщенія. Публицистическіе опыты», второго—«Новая русская педагогія, ея главнѣйшія идеи, направленіе и дѣятели». Нѣкоторымъ дополненіемъ къ этимъ работамъ можетъ служить брошюра П. М. Луговскаго «На помощь дѣтямъ. Нѣсколько мыслей по школьному вопросу», являющаяся собраніемъ статей за 1897 годъ, напечатанныхъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и принадлежащихъ, повидимому, перу человѣка, стоящаго близко къ дѣлу гимназическаго обученія.

Въ названныхъ работахъ дѣйствующая въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ система разсмотрѣна принципіально, съ точки зрѣнія ея историческаго raison d'être'a и ея современной цѣлесообразности; критикѣ подвергнута вся школьная схема, а также отмѣчено, что̀ новаго должно быть внесено въ учебное дѣло, дабы оно получило направленіе, которое ему указываютъ опытъ старшихъ культурныхъ народовъ и соображенія лучшихъ былыхъ представителей отечественной педагогики. Г. Южаковъ не ограничивается въ своей книгѣ только такой постановкой вопроса, но пытается (и, нужно сознаться, вполнѣ удачно) распространить свой анализъ и на дробныя части дѣйствующей системы или, правильнѣе, существующихъ школьныхъ программъ. Поэтому имъ притянуты къ отвѣту не только составныя части гимназическаго учебнаго дѣла, но и тѣ орудія, при помощи которыхъ предназначено этимъ составнымъ частямъ выполнять свои функціи. Онъ подвергъ критикѣ гимназическіе учебники по главнѣйшимъ жизненнымъ предметамъ обученія и пришелъ здѣсь къ высшей степени любопытнымъ результатамъ, нарисовалъ здѣсь такую картину извращенія элементарныхъ понятій учениковъ, отъ ознакомленія съ которой жутко становится за молодое поколѣніе.

Эта детальная, такъ сказать, работа въ области современной русской педагогики совпадаетъ съ тѣми задачами, надъ разрѣшеніемъ которыхъ трудятся въ настоящее время и спеціальные педагогическіе журналы—«Русская школа» Я. Гуревича, «Образованіе» А. Острогорскаго и московскій «Вѣстникъ Воспитанія» д-ра Н. Михайлова. Во всѣхъ названныхъ изданіяхъ поставлены также на очередь разсмотрѣнія и рѣшенія вопросы методовъ преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и орудій этого преподаванія, то-есть учебниковъ, причемъ главное вниманіе удѣлено преподаванію русской грамотности, исторіи и географіи. Рядомъ съ такого рода литературно-педагогическимъ теченіемъ надлежитъ отмѣтить и стремленіе выяснить вопросъ о подготовкѣ преподавателей въ среднихъ

Digitized by Google

учебныхъ заведеніяхъ къ предстоящей имъ дѣятельности, вопросъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ рѣзко поставленъ въ нашей литературѣ извѣстной брошюрой Н. Скворцова «О надлежащемъ приготовленіи учителей гимназіи».

Какъ видятъ читатели, вопросы, выдвинутые печатью, общей и спеціальной, въ области русскаго школьнаго дѣла, вопросы—капитальнаго значенія, отъ правильной постановки которыхъ зависитъ судьба молодыхъ поколѣній, ихъ пригодность служенія родной землѣ и благо послѣдней. Школьное неустройство, которое рѣшительно всѣми единогласно признается, какъ фактъ несомнѣнный, явленіе слишкомъ серьезное, чтобы къ нему можно было относиться безучастно и пассивно, и благо нашему времени, что оно имѣетъ возможность нынѣ гласно обсудить всѣ эти вопросы, имѣетъ возможность привлечь къ этому обсужденію элементы общественные. Было время, и еще не такъ давно, когда затрогивать среднюю школу, и въ особенности классическую гимназію, считалось чуть ли не преступнымъ и во всякомъ случаѣ неудобнымъ. Въ критикѣ дѣйствовавшей системы классическаго образованія усматривали почему-то посягательство на коренные устои русской жизни, посягательство съ никуда негодными средствами и цѣлями противъ существующаго государственнаго порядка вещей. Отсюда наложеніе печати молчанія на всѣ вопросы средней школы и ея режима, которая, сокрытая бдительной охраной отъ ревизіи гласности и предоставленная самой себѣ, въ виду отсутствія живого обмѣна съ остальными элементами общественнаго строя, слишкомъ долго оставалась въ состояніи косной неподвижности и мертвенной затхлости. Но вотъ, когда подъ вліяніемъ напора насущныхъ потребностей русской жизни, въ послѣдніе годы министерства покойнаго графа И. Д. Делянова, эта печать была сломлена, и русская серединная школа выступила передъ нами обнаженною отъ окутывавшей ее такъ долго плотной завѣсы: всѣ тѣ, кто рѣшился поближе подступить даже къ ея наружному фасаду, ужаснулись ея печальному виду. Дальнѣйшее ознакомленіе съ тѣмъ, въ какой видъ пришли за двадцать пять почти лѣтъ остальныя части серединнаго храма науки, давало все болѣе и болѣе неожиданные и вмѣстѣ съ тѣмъ грустные результаты. Оказалось, что все школьное зданіе, начиная съ его устарѣвшей архитектуры, съ его неудобными и нецѣлесообразными покоями и кончая даже его обитателями изъ числа командующаго состава, нуждается въ переустройствѣ, въ фундаментальномъ ремонтѣ, въ смѣнѣ и обновленіи этого состава. Отсюда въ короткое время нарожденіе цѣлой литературы, посвященной «среднему образованію», литературы, которая со свойственнымъ ей доброжелательствомъ и энергіей поспѣшила на помощь власть имущимъ съ указаніями и предложеніями. Эти указанія, эта доброжелательная критика, эти предложенія своихъ услугъ опыта и знанія настолько любопытны и знаменательны, что популяризація ихъ,

Digitized by Google

компановка этой литературы по нѣкоторымъ наиболѣе существеннымъ рубрикамъ вопросовъ, предлагаемая мною въ настоящемъ очеркѣ читателямъ, будетъ небезполезною въ общей литературѣ вопроса о среднемъ образованіи.

Я нарочно предупреждаю, что именно эта популяризація, эта компановка и является главною моею задачею, такъ какъ, пройдя лично по всѣмъ коридорамъ и покоямъ серединной русско-классической школы съ года ея основанія, ея расцвѣта и примѣненія къ ней всевозможныхъ способовъ ухода, я могъ бы, подобно, напримѣръ, Old Gentleman'y, дать вмѣсто такой работы нѣчто иное лишь того же типа, въ родѣ воспоминаній о цѣлыхъ трехъ классическихъ гимназіяхъ семидесятыхъ годовъ, въ коихъ по волѣ судьбы пришлось побывать по нѣсколько лѣтъ. Но къ этимъ воспоминаніямъ по коекакимъ соображеніямъ я сейчасъ приступить не считаю удобнымъ, какъ равно не полагаю возможнымъ по условіямъ журнальной программы «Историческаго Вѣстника» представить здѣсь собственныя размышленія о русской классической школѣ. Поэтому, поставивъ себѣ темою очерка одинъ изъ наиболѣе интересныхъ вопросовъ, всплывшихъ на поверхность нашей журнальной жизни, я, отвѣчая на запросы читателя, и предпочитаю разработать этотъ вопросъ библіографическимъ способомъ, т. е. попытаюсь познакомить читателей съ тѣмъ, что по поводу недуговъ нашего средняго образованія успѣла къ настоящему времени заявить текущая литература. Исчерпать весь печатный, накопившійся по настоящему предмету матеріалъ, конечно, невозможно; онъ слишкомъ великъ по своему объему и слишкомъ дробенъ по составнымъ частямъ. Газеты, даже провинціальныя (напримѣръ, «Варшавскій Дневникъ» текущаго года), постоянно и систематически приподносятъ все новыя и новыя данныя по тому же предмету, такъ что рѣшительно теряешься въ безбрежномъ морѣ печатной бумаги. Волею-неволею приходится, особенно экономизируя мѣсто, ограничиваться лишь существеннымъ и притомъ ведущимъ свое происхожденіе только отъ нашихъ дней, во главѣ коего и положены мною книги — С. Южакова «Вопросы просвѣщенія», П. Каптерева «Новая русская педагогія» и Н. Скворцова «Недуги нашего учебнаго дѣла». Сюда же присоединены мною отмѣченные выше фельетоны «Новаго Времени» и нѣкоторыя наиболѣе подходящія статьи изъ перечисленныхъ педагогическихъ журналовъ.

II.

Русская дореформенная школа носила на себѣ премущественно утилитарный характеръ, и образованіе здѣсь юношества было приноровлено къ государственнымъ потребностямъ, подготовляя изъ этого юношества служилыхъ людей и различныхъ техниковъ. Педагогія обрѣталась также въ жалкомъ положеніи и, по свидѣтель-

Digitized by Google

ству г. Каптерева, «преобразовательная эпоха застала русскую педагогію въ крайне слабомъ состояніи, ея почти даже не было. Были у насъ школы разныхъ наименованій, были учителя, было начальство школьное, но все это было казенное, офиціальное... Постановка образованія была строго принудительная, регламентированная до мелочей государствомъ: учителя по обязанности учили, начальство награждало и наказывало учениковъ, совершались выпуски окончившихъ школьный курсъ—вотъ и все».

Преобразовательная эпоха, вдохнувшая въ русскую жизнь, во всѣхъ ея слояхъ и проявленіяхъ, свѣжую атмосферу, всколебавшая эту жизнь въ самыхъ ея глубокихъ и коренныхъ основаніяхъ, совершила истинную метаморфозу и въ русскомъ школьномъ дѣлѣ, въ области русской педагогической мысли. Все здѣсь пришло въ движеніе, и точно по мановенію какой-то волшебной руки создались у насъ школы, учителя, учебники, педагогическая журналистика, педагогическая литература, педагогическая теорія и практика. «Въ послѣднія 40—50 лѣтъ,—говоритъ г. Каптеревъ,—теоретическая и практическая педагогія сдѣлала у насъ также огромные успѣхи, какихъ она не дѣлала въ теченіе нѣсколькихъ предшествовавшихъ столѣтій». Причина успѣха, по мнѣнію почтеннаго автора, заключается въ томъ, что воспитаніе перестало быть дѣломъ исключительно одного лишь государства, но стало и живымъ общественнымъ дѣломъ. До эпохи освобожденія образованіе, подвѣдомственное казеннымъ канцеляріямъ, было поставлено безжизненно, отвлеченно и односторонне; въ послѣдовавшій же періодъ общество горячо заинтересовалось имъ, и въ участіи общества это образованіе почерпнуло живительную силу. Общество выставило рядъ дѣятелей по образованію и теоретической педагогикѣ, для которыхъ педагогическіе вопросы стали дѣломъ жизни, дѣломъ свободнаго избранія, дѣломъ естественнаго и безкорыстнаго призванія. На пустомъ педагогическомъ мѣстѣ дореформеннаго періода эти дѣятели, воодушевленные горячею любовью къ родинѣ, къ народу, къ просвѣщенію, сумѣли насадить новые идеалы, большинство которыхъ вошло въ плоть и въ кровь современнаго общества и по всей справедливости считается неотъемлемымъ достояніемъ нашего историческаго самосознанія. Развитіе и формулировка этихъ идеаловъ по ихъ главнѣйшимъ рубрикамъ приведена въ работѣ г. Каптерева «Новая русская педагогія», а еще полнѣе, но безъ всякаго освѣщенія и обработки, въ педагогической хрестоматіи М. И. Демкова «Русская педагогика въ главнѣйшихъ ея представителяхъ», являющейся любопытною новинкою на нашемъ книжномъ рынкѣ, и которую я, невзирая на ея нѣкоторые недостатки, главнымъ образомъ біографическаго характера, охотно рекомендую читателямъ, интересующимся педагогическими вопросами. На основаніи этихъ-то трудовъ—г. Каптерева и г. Демкова, ознакомимся вкратцѣ, какія требованія предъявили русской, главнымъ образомъ, средней школѣ

Digitized by Google

представители нашей педагогики, съ Н. И. Пироговымъ, авторомъ знаменитыхъ «Вопросовъ жизни», во главѣ.

Начало разсужденія о сущности, задачахъ и средствахъ общечеловѣческаго воспитанія было положено журналомъ «Морской Сборникъ», напечатавшимъ статью Бема о воспитаніи вообще, по поводу каковой редакція тутъ же вызывала лицъ, желающихъ высказаться по тому же предмету. Изъ числа этихъ откликовъ на приглашеніе особенное историческое значеніе имѣетъ статья Пирогова «Вопросы жизни». Почти одновременно появилась на страницахъ «Журнала для воспитанія» Чумикова статья П. Г. Рѣдкина «Что такое воспитаніе?». Эти-то двѣ статьи, надѣлавшія въ свое время столько шума, и дали толчокъ развитію у насъ тѣхъ педагогическихъ теченій, которыя въ конечномъ своемъ результатѣ привели нашихъ мыслителей къ поклоненію передъ общечеловѣческими идеалами, гдѣ все временное, мѣстное, случайное, тонуло въ вѣчномъ, общемъ и постоянномъ. «Мыслители, бравшіеся за разрѣшеніе педагогическихъ вопросовъ, не имѣли въ виду удовлетворить лишь потребностямъ минуты,—говоритъ г. Каптеревъ,—они хотѣли, удовлетворяя временную нужду, указать вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчное и постоянное въ данной области, положить такой твердый, надежный фундаментъ, на которомъ могло бы строиться все дальнѣйшее образованіе русскаго народа, чтобы путемъ этого образованія русскій народъ братски вошелъ въ семью образованныхъ западноевропейскихъ народовъ».

Въ статьѣ «Что такое воспитаніе?» [1]), имѣющей богословское основаніе, Рѣдкинъ, говоритъ: «Очевидно для всѣхъ и каждаго, какъ важна, велика, трудна задача воспитанія. Сдѣлать изъ юноши и дитяти человѣка въ полномъ смыслѣ этого слова; способствовать естественному развитію ихъ нравственной свободы; укрѣплять ихъ волю такъ, чтобы они могли дѣйствовать самостоятельно; изощрить ихъ духовное зрѣніе, чтобъ они ясно смотрѣли на жизнь, сознавая задачу ея и стараясь всѣми силами рѣшить ее; посѣять въ душѣ ихъ и взрости все прекрасное, истинное и доброе; возжечь въ груди ихъ пламенную любовь къ Богу и ближнему; ввести ихъ въ свѣтъ здравыми тѣломъ и духомъ, способствовать продолжать дальнѣйшее свое образованіе и дѣйствовать для пользы общей и во славу Всевышняго — вотъ черты истинной идеи воспитанія. Кто не согрѣтъ этою идеею, тотъ не можетъ называться воспитателемъ въ истинномъ смыслѣ слова. Но воспитатель, носящій въ умѣ и сердцѣ своемъ идею воспитанія, обязанъ мало-по-малу знакомить съ нею и самого воспитанника, представляя ее, наглядным образомъ, въ идеалахъ. Да будетъ же самъ воспитатель ближайшимъ идеаломъ для своего воспитанника! Но какъ бы ни былъ самъ воспитатель того достоинъ, во всякомъ случаѣ онъ не можетъ проявить въ

[1]) И. М. Демковъ, стр. 209—218.

Digitized by Google

одномъ себѣ всей идеи. Проводите же, воспитатели, постоянно предъ воспитанниками вашими тѣ великія и благородныя личности, которыхъ исторія увѣнчала вѣчно-зеленѣющимъ вѣнкомъ безсмертія! Соединяйте въ одинъ образъ тѣ отдѣльныя черты изъ жизни историческихъ людей, которыми каждый изъ нихъ наиболѣе приблизится къ идеалу! Всего же болѣе старайтесь возбудить воспитанника вашего къ подражанію тому Высочайшему идеалу, который призываетъ всѣхъ насъ, да послѣдуемъ стопамъ Его, который Самъ сказалъ о Себѣ: «Образъ дахъ вамъ, да яко же Азъ сотворилъ вамъ, и вы творите»...

Такимъ образомъ, идеалъ воспитанія и всей воспитательной системы, какъ ее опредѣляетъ В. Рѣдкинъ, есть выработка «человѣка въ полномъ смыслѣ этого слова»; средствами же для того, по крайней мѣрѣ главнѣйшими, имъ рекомендуются основы гуманитарнаго знанія, во главу которыхъ положены историческія свѣдѣнія о жизни великихъ людей.

Большее значеніе, нежели статья Рѣдкина, имѣли для исторіи педагогической эволюціи въ нашемъ отечествѣ знаменитые «Вопросы жизни» Пирогова, гдѣ послѣдній кратко формулировалъ задачи воспитанія основнымъ положеніемъ, что идеаломъ воспитанія должно быть стремленіе школы пріуготовить изъ учащагося «человѣка» при помощи самопознанія. Развитіе этого основнаго положенія, поскольку оно вытекаетъ изъ всей философской схемы, набросанной Пироговымъ, и, какъ его опредѣляетъ г. Каптеревъ, слѣдующее: «Убѣжденія даются не каждому, они даръ неба. Только тотъ можетъ имѣть ихъ, кто хотя однажды проницательно взглянулъ на себя, точнѣе — въ себя. Начало перевоспитанія — познаніе себя. А это неимовѣрный трудъ. Самый главный результатъ самопознанія—сознаніе непрерывной борьбы между наружнымъ и внутреннимъ человѣкомъ, между влеченіями инстинктовъ и силою воли. Такая двойственность и есть наше зло, борьба съ двойственностью есть основная задача нашей дѣятельности. Побѣда надъ двойственностью ведетъ къ безсмертію, обѣщанному откровеніемъ. Кто дошелъ до убѣжденія въ необходимости борьбы съ двойственностью, тотъ убѣжденъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ предстоящемъ ему безсмертіи. Но съ двойственностью нужна борьба, а не вражда. Не враждуя съ матеріей, не враждуя съ окружающимъ міромъ, нужно вступить въ борьбу ради недосягаемаго на землѣ идеала».

Сопоставляя настроеніе Пирогова съ тѣмъ, что говорилось до него, и даже съ тѣмъ, что провозглашалось Рѣдкинымъ, г. Каптеревъ заключаетъ, что: «въ прежнихъ идеалахъ царила вѣра, а здѣсь — критика; прежде господствовалъ авторитетъ, а теперь — самопознаніе, правда, авторитетовъ всецѣло не отрицающее; прежде призывали къ послушанію, къ переламыванію воли, а теперь гово-

Digitized by Google

рять о свободномъ и самодѣятельномъ служеніи высокимъ идеаламъ».

Стремясь провести въ общество идею о необходимости примиренія школы и жизни во имя высшаго нравственнаго идеала, Пироговъ въ статьѣ «Школа и жизнь» [1]) говоритъ: «Во всѣхъ народныхъ, сельскихъ и городскихъ школахъ общечеловѣческое образованіе должно какъ можно ранѣе и какъ можно прямѣе переходить въ реальное и прикладное. А общечеловѣческое образованіе среднихъ и высшихъ классовъ, до перехода въ спеціальное, ничѣмъ въ сущности не можетъ быть различно. Уровень его для этихъ двухъ классовъ можетъ быть повышенъ или пониженъ, не по сословіямъ и не по кастамъ, а по состоянію, смотря по тому, кто богаче или бѣднѣе, кто болѣе или менѣе можетъ обойтись безъ матеріальныхъ пособій, доставляемыхъ приложеніемъ науки къ жизни. Опредѣливъ, что уровень общечеловѣческаго образованія долженъ быть въ настоящее время двоякій для различныхъ слоевъ общества, нужно еще опредѣлить, какія отрасли вѣдѣнія и въ какомъ объемѣ должны относиться къ одному и какія къ другому уровню. Но этотъ вопросъ никогда не разрѣшится окончательно. Его разрѣшить можно не иначе, какъ пожертвовавъ одною отраслью знанія для другой, какъ доказавъ математически, что одна отрасль несравненно болѣе содѣйствуетъ развитію всѣхъ способностей души, чѣмъ другая. А этого доказать нельзя. Но если этотъ вопросъ и остается еще не разрѣшеннымъ для науки и педагогическаго искусства, то это не интересуетъ родителей. Если у васъ есть больное дитя, то развѣ для васъ не все равно, по какой методѣ его будутъ лѣчить,—лишь бы возвратили здоровье. Для чего же вамъ спорить, хлопотать и теряться въ недоумѣніяхъ, что полезнѣе вашему сыну—учиться ли полатыни и погречески, или пофранцузски и поанглійски? Повѣрьте, въ рукахъ дѣльнаго педагога, и древніе, и новые языки, и всѣ предметы общечеловѣческаго образованія, не останутся безъ пользы для развитія умственныхъ способностей. Ищите убѣдиться въ другомъ,—въ самомъ главномъ,—въ личности людей, которымъ вы повѣряете образованіе вашего сына. Посредствомъ ли изученія древнихъ языковъ и математики, или посредствомъ новыхъ и естествовѣдѣнія совершится общечеловѣческое образованіе вашего сына, все равно — лишь бы сдѣлали его человѣкомъ. Преимущество и выгоды различныхъ способовъ этого образованія такъ очевидны и такъ значительны, что нѣтъ возможности въ настоящее время сказать, который лучше.

«Когда школа была въ полномъ разладѣ съ жизнью; когда она и родителямъ, и дѣтямъ казалась какимъ-то гробомъ, то и грамота и изученіе родного слова, казались бременемъ, вовсе лишнимъ для жизни, жилось и такъ прекрасно. Теперь это повѣрье перешло на

[1]) Сочиненія Н. И. Пирогова, т. II, стр. 294—295.

Digitized by Google

древніе языки, да и на другіе предметы гуманнаго образованія. И теперь еще не совсѣмъ кончилась борьба жизни съ грамотою. Какъ прежде, въ разгарѣ этой борьбы, для самыхъ высшихъ слоевъ общества, нужна была польза отъ связи жизни съ грамотою, и они поддерживали эту борьбу напропалую, такъ и теперь еще для многихъ не разъяснилась органическая связь жизни съ высшими звеньями гуманизма, и они отъ грамоты, съ которою уже помирились, спѣшатъ, что называется, сломя голову, удариться въ реализмъ. Школа и жизнь все еще не помирились».

Изъ этой длинной приведенной мною тирады Пирогова мы видимъ, что онъ ставитъ базисомъ всякой школы—общечеловѣческое образованіе, которое для низшихъ и недостаточныхъ классовъ должно перейти въ реальное и прикладное или профессіональное, какъ мы его теперь именуемъ. Для среднихъ же и высшихъ классовъ, въ интересахъ которыхъ созидаются наши гимназіи, онъ намѣчаетъ, какъ лучшій путь достиженія высшаго человѣческаго идеала, гуманитарное образованіе, опирающееся или на изученіе древнихъ языковъ, или на ознакомленіе съ новыми — безразлично. Такимъ образомъ и Пироговъ, подобно Рѣдкину, ставитъ два необходимыхъ условія нашей школѣ: 1) чтобы она была гуманитарною, т. е. опиралась бы на циклѣ гуманныхъ наукъ, и 2) чтобы она преслѣдовала цѣль—созданія изъ учащихся людей въ высшемъ значеніи этого слова, согласно Божественному ученію.

Здѣсь Пироговъ не подчеркиваетъ необходимости для русскаго гуманизма въ качествѣ обязательной основы монополіи древнихъ языковъ. Эту тенденцію онъ проводитъ въ слѣдующей своей статьѣ «Мысли и замѣчанія о проектѣ устава училищъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія» [1]), гдѣ утверждаетъ: «Мы теперь не безъ людей, желающихъ высшаго образованія, хотя еще ихъ и немного; число ихъ, нѣтъ сомнѣнія, еще увеличится, если одинъ родъ школъ поддержитъ и разовьетъ эту наклонность. Мы имѣемъ опять много такихъ, которые, по несклонности и по недостатку матеріальныхъ средствъ, не могутъ долго учиться и просятся скорѣе въ практическую жизнь. Мы должны удовлетворить и тѣхъ, и другихъ. Для однихъ пусть будутъ назначены классическія гимназіи, открывающія путь въ университеты, для другихъ—реальныя, съ выходомъ въ практическую жизнь. Здѣсь не мѣсто распространяться, почему я отдаю безусловное преимущество классическому образованію для вступающихъ въ университетъ. Скажу только, что это я дѣлаю потому, что приписываю высшую образовательную силу исключительно глубокому изученію древнихъ языковъ, языка отечественнаго, исторіи и математики. Я сошлюсь въ этомъ на вѣковой опытъ, который, вопреки всѣмъ возгласамъ противни-

[1]) «Сочиненія», т. II, стр. 316—317.

Digitized by Google

ковъ, все-таки доказалъ, что изученіе этихъ наукъ одно и само по себѣ уже достаточно образуетъ и развиваетъ духъ человѣка, приготовляя его къ воспринятію всевозможныхъ и нравственныхъ и научныхъ истинъ. Оно достигаетъ этой цѣли, имѣя предметомъ преимущественно міръ внутренній (субъективный) человѣка (т. е. самого себя), открываемый религіей, словомъ и исторіею, и міръ внѣшній (объективный), изслѣдуемый математикою въ ближайшей его связи (чрезъ отвлеченіе) съ міромъ внутреннимъ. Реализмъ же, хотя и развиваетъ наблюдательную способность и разумъ человѣка упражненіемъ чувствъ и изученіемъ міра внѣшняго, но никогда еще одинъ, самъ по себѣ, не могъ вполнѣ развить всѣ высшія способности духа. Соединить эти два начала можно, но не иначе какъ насчетъ полноты и глубины изученія каждой изъ образовательныхъ наукъ, входящихъ въ составъ и того, и другого; а тогда легко можетъ случиться, — какъ и случается на дѣлѣ, — что чрезъ насильственное соединеніе выходятъ наружу одни только недостатки и того, и другого».

Эти слова Пирогова чрезвычайно характерны для того времени. Онъ выступаетъ здѣсь убѣжденнымъ сторонникомъ классической системы, какъ переходнаго этапа къ высшему университетскому образованію, въ полномъ объемѣ воплощающему въ себѣ высшія идеи знанія и просвѣщенія. Реализмъ же, который и Пироговъ и всѣ дѣятели на педагогическомъ поприщѣ того времени смѣшивали съ профессіонализмомъ, разсматривается лишь, какъ кратчайшій путь служенія не существеннымъ и настоятельнымъ потребностямъ государства и страны, въ сферѣ интересовъ экономическихъ, а какъ путь къ достиженію лишь личныхъ матеріальныхъ благъ, какъ кратчайшая дорога своего рода жизненнаго карьеризма. Далѣе нашъ мыслитель рѣшительно возстаетъ противъ смѣшенія принциповъ реализма съ принципами гуманизма и каждую категорію этихъ принциповъ размѣщаетъ въ соотвѣтствующія школьныя системы, изъ коихъ одна рекомендуется людямъ несостоятельнымъ, ищущимъ куска хлѣба, живыхъ «хлѣбомъ единымъ», а другая для лицъ со средствами, могущихъ современемъ явиться «солью» родной земли. Такимъ образомъ, гуманизмъ, опирающійся на систему классическаго образованія, въ духѣ тогдашняго западно-европейскаго и, главнымъ образомъ, нѣмецкаго просвѣщенія, устами Пирогова громко провозглашается, какъ наилучшій способъ самопознанія и приближенія къ общечеловѣческому идеалу воспитанія; реализмъ же допускается въ качествѣ своего рода необходимой уступки матеріалистическому злу, проѣвшему, какъ ржа желѣзо, нашу жизнь.

Въ униссонъ Рѣдкину и Пирогову вторили и педагогическія изданія 1850—1860 годовъ, которыя, съ легкой руки этихъ двухъ мыслителей, начавъ съ идей общечеловѣческихъ, универсальныхъ, постепенно, но вполнѣ логически-послѣдовательно перешли къ ши-

Digitized by Google

рокому заимствованію западно-европейскихъ идей, оказавшихся на лицо въ тамошней педагогической литературѣ и практикѣ. Это увлеченіе иностранными готовыми и обработанными уже образцами со страницъ журналовъ и отъ теоретиковъ-мыслителей перешло и въ правящія сферы, сдѣлалось обязательнымъ указаніемъ и для русскаго государственнаго опыта въ области школьнаго дѣла. Всѣ увлеклись идеей гуманизма, отождествленнаго вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыми съ дѣйствовавшимъ въ Германіи классицизмомъ, и идеалъ всечеловѣка положительно затмилъ собою образъ гражданина, на обязанности котораго лежитъ забота о государствѣ, о родномъ народѣ, о насущныхъ надобностяхъ Русской земли.

III.

Рядомъ съ этимъ доминировавшимъ общественнымъ настроеніемъ родилось, въ качествѣ боковой вѣтви его, иное движеніе, съ виду діаметрально-противоположное и противорѣчивое первому, но, по моему искренному убѣжденію, вытекавшее изъ того же нѣмецкаго источника теоретизма и отвлеченія мысли отъ реальныхъ корней жизни, движеніе, окрещенное г. Каптеревымъ именемъ «національнаго» и явившееся на сцену, какъ реакція общечеловѣческому идеалу воспитанія, выдвинутому съ особенной силой Пироговымъ и Рѣдкинымъ. Представителями его въ нашей литературѣ явились К. Д. Ушинскій и В. Я. Стоюнинъ, впервые поднявшіе вопросъ о необходимости строго-національной окраски воспитанія.

Наиболѣе полно и обстоятельно развиты Ушинскимъ, родоначальникомъ національнаго движенія въ русской педагогикѣ, излюбленныя и основныя положенія его общей системы въ статьѣ «О народности въ общественномъ воспитаніи» [1]), — положенія, сведенныя самимъ авторомъ къ слѣдующему резюме:

1. Общей системы народнаго воспитанія для всѣхъ народовъ не существуетъ не только на практикѣ, но и въ теоріи, и германская педагогика есть не болѣе, какъ теорія нѣмецкаго воспитанія.

2. У каждаго народа своя особенная національная система воспитанія, потому заимствованіе однимъ народомъ у другого воспитательныхъ системъ является невозможнымъ.

3. Опытъ другихъ народовъ въ дѣлѣ воспитанія есть драгоцѣнное наслѣдіе для всѣхъ, но точно въ томъ же смыслѣ, въ которомъ опыты всемірной исторіи принадлежатъ всѣмъ народамъ. Какъ нельзя жить по образцу другого народа, какъ бы заманчивъ ни былъ этотъ образецъ, точно также нельзя воспитываться по чужой педагогической системѣ, какъ бы ни была она стройна и хорошо

[1]) Нѣсколько отрывковъ изъ нея приведены въ «Хрестоматіи» М. Н. Демкова, стр. 253—261.

Digitized by Google

обдумана. Каждый народъ въ этомъ отношеніи долженъ пытать собственныя свои силы.

4. Наука не должна быть смѣшиваема съ воспитаніемъ. Она обща для всѣхъ народовъ; но не для всѣхъ народовъ и не для всѣхъ людей составляетъ цѣль и результатъ жизни.

5. Общественное воспитаніе не рѣшаетъ само вопросовъ жизни и не ведетъ за собою исторіи, но слѣдуетъ за нею. Не педагогика и не педагоги, но самъ народъ и его великіе люди прокладываютъ дорогу въ будущее; воспитаніе только идетъ по этой дорогѣ и, дѣйствуя заодно съ другими общественными силами, помогаетъ идти по ней отдѣльнымъ личностямъ и новымъ поколѣніямъ.

6. Общественное воспитаніе только тогда оказывается дѣйствительнымъ, когда его вопросы становятся общественными вопросами для всѣхъ и семейными вопросами для каждаго. Система общественнаго воспитанія, вышедшая не изъ общественнаго убѣжденія, какъ бы хитро она ни была обдумана, окажется безсильною и не будетъ дѣйствовать ни на личный характеръ человѣка, ни на характеръ общества. Она можетъ приготовлять техниковъ, но никогда не будетъ воспитывать полезныхъ и дѣятельныхъ членовъ общества, и если они будутъ появляться, то независимо отъ воспитанія.

7. Возбужденіе общественнаго мнѣнія въ дѣлѣ воспитанія есть единственно прочная основа всякихъ улучшеній по этой части: гдѣ нѣтъ общественнаго мнѣнія о воспитаніи, тамъ нѣтъ и общественнаго воспитанія, хотя можетъ быть множество общественныхъ учебныхъ заведеній.

Эти тезисы педагогическаго profession de foi представляютъ собою собственно сплошное «общее мѣсто», заволоченное дымкою тумана, изъ-за котораго достаточно неясно обрисовывается лишь общая идея народности, но въ какихъ опредѣленныхъ конкретныхъ явленіяхъ она должна реализироваться, о томъ Ушинскій не даетъ указаній. Г. Каптеревъ приводитъ одну тираду знаменитаго педагога, въ качествѣ «самаго рѣшительнаго мѣста» изъ всего имъ сказаннаго по вопросу о національномъ и народномъ воспитаніи, которую и привожу здѣсь въ извлеченіи, сдѣланномъ авторомъ «Новой русской педагогіи». Ушинскій говоритъ:

«Глубокіе, задушевные принципы патріархальнаго быта, чуждые, съ одной стороны, юридической строгости римскаго права, болѣе или менѣе легшаго въ основу быта западныхъ народовъ, а съ другой — меркантильной жесткости и разсчетливости; преобладаніе то льющагося непримѣтнымъ ручьемъ, то разстилающагося широкою рѣкою, славянскаго чувства, порывистаго, неровнаго, но имѣющаго достаточно силы, чтобы иногда однимъ натискомъ вынести человѣка изъ самой глубины нравственнаго омута на вершины человѣческаго достоинства; необыкновенное обиліе инстинктовъ, скорѣе угадывающихъ, нежели изучающихъ; необыкновенная, изумляющая иностран-

Digitized by Google

цевъ, воспріимчивость ко всему чуждому, льется ли оно съ востока или съ запада, и вмѣстѣ съ тѣмъ стойкость въ своей національности, хотя часто безсознательная; наконецъ, древняя православная религія съ ея всемірно-историческимъ значеніемъ,—религія, превратившаяся въ кровь и плоть народа; вотъ что должно проявиться въ народности русскаго воспитанія, если оно хочетъ сдѣлаться дѣйствительнымъ выраженіемъ народной жизни, а не насильственнымъ, чуждымъ народности, подражаніемъ, не растеніемъ безъ корня, которое, безпрестанно увядая, безпрестанно должно искусственно подновляться и вновь пересаживаться съ чуждой почвы, пока наша вновь его испортитъ».

Приводя эту выдержку, г. Каптеревъ вполнѣ справедливо произноситъ надъ ней довольно строгій приговоръ, утверждая, «что эта тирада оставляетъ читателя въ туманѣ относительно національной русской школы. Въ тирадѣ много лирики, краснорѣчія, но мало точности и опредѣленности. Каковы задачи, курсъ и направленіе русской національной школы—все это неясно, нисколько не разрѣшается приведенными словами. Ушинскій чертитъ какой-то расплывчатый образъ психическихъ особенностей русской народности; но дѣйствительно ли эти особенности составляютъ самую душу русскаго народа, нѣтъ ли другихъ, болѣе характерныхъ, свойствъ у русскаго человѣка, и какъ указанныя особенности повліяютъ на строй школы—ничего такого не выяснено. А безъ разрѣшенія этихъ вопросовъ дѣло національной русской школы мало подвинется впередъ».

Если Ушинскому не удалось начертать облика чисто-русской, исторически-національной школы, съ ея оригинальной и самобытной программой обученія и самобытными методами обученія, то одну сторону этой программы онъ поставилъ дѣйствительно блестяще, развивъ широко и обстоятельно, а именно значеніе роднаго языка для національнаго образованія. Эта сторона русской педагогики имъ разработана вполнѣ обстоятельно, и по всей справедливости она должна бы считать мысли Ушинскаго по настоящему предмету краеугольными камнями въ современномъ намъ школьномъ преподаваніи русскаго языка.

Значеніе языка обрисовано Ушинскимъ въ слѣдующихъ знаменательныхъ словахъ [1]): «Языкъ народа — лучшій, никогда не увядающій и вѣчно вновь распускающійся цвѣтъ всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами исторіи. Въ языкѣ одухотворяется весь народъ и вся его родина, въ немъ претворяется творческою силою народнаго духа въ мысль, въ картину и звукъ небо отчизны, ея воздухъ, ея физическія явленія, ея климатъ, ея

[1]) «Русская педагогика въ главнѣйшихъ ея представителяхъ» М. Демкова, стр. 267—268.

Digitized by Google

поля, ея горы и долины, ея лѣса и рѣки, ея бури и грозы,—весь тотъ глубокій, полный мысли и чувства голосъ родной природы, который говоритъ такъ громко въ любви человѣка къ его иногда суровой родинѣ, который высказывается такъ ясно въ родной пѣснѣ, въ родныхъ напѣвахъ, въ устахъ народныхъ поэтовъ. Но въ свѣтлыхъ, прозрачныхъ глубинахъ народнаго языка отражается не одна природа родной страны, но и вся исторія духовной жизни народа. Поколѣнія народа проходятъ одно за другимъ, но результаты жизни каждаго поколѣнія остаются въ языкѣ — въ наслѣдіе потомкамъ. Въ сокровищницу родного слова складывается одно поколѣніе за другимъ, плоды глубокихъ сердечныхъ движеній, плоды историческихъ событій, вѣрованія, воззрѣнія, слѣды прожитаго горя и прожитыя радости,—словомъ весь слѣдъ своей духовной жизни народъ бережно сохраняетъ въ народномъ словѣ. Языкъ есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившія, живущія и будущія поколѣнія народа въ одно великое историческое живое цѣлое. Онъ не только выражаетъ собою жизненность народа, но есть именно эта самая жизнь: когда исчезаетъ народный языкъ—народа нѣтъ болѣе!.. Пока живъ языкъ народный въ устахъ народа, до тѣхъ поръ живъ и народъ. И нѣтъ насилія болѣе не выносимаго, какъ то, которое желаетъ отнять у народа наслѣдство, созданное безчисленными поколѣніями его отжившихъ предковъ. Отнимите у народа все—и онъ все можетъ воротить; но отнимите языкъ, и онъ никогда болѣе не создастъ его, новую родину даже можетъ создать народъ, но языкъ—никогда! Вымеръ языкъ въ устахъ народа—вымеръ и народъ. Но если человѣческая душа содрагается передъ убійствомъ одного недолговѣчнаго человѣка, то что же должна бы чувствовать она, когда посягаютъ на жизнь многовѣковой исторической личности народа, этого величайшаго изъ всѣхъ созданій Божіихъ на землѣ?»

Въ дальнѣйшемъ, какъ увидятъ читатели, введенная система средняго образованія, съ древними языками въ основѣ, совершила именно то посягательство, о коемъ говорилъ Ушинскій, такъ какъ дѣйствительно она въ нѣкоторомъ родѣ убила въ классическихъ гимназіяхъ историческое пониманіе русской рѣчи, владѣніе ею, принизила ея значеніе за счетъ мертвыхъ и чуждыхъ намъ языковъ. Но объ этомъ дальше, а пока слѣдуетъ остановиться на второмъ видномъ представителѣ идеи національной русской педагогики—В. Я. Стоюнинѣ

Окидывая взоромъ реформированную уже серединную школу, Стоюнинъ находилъ ее неудовлетворяющею потребностямъ и задачамъ русской жизни, усматривая главный ея недостатокъ и недугъ въ ея космополитизмѣ, въ отсутствіи у нея системы прочныхъ національныхъ основъ. Въ отзывѣ «Чего не досказали намъ нѣмецкіе педагоги», приведенномъ въ христоматіи М. Демкова [1]), Стоюнинъ,

[1]) Стр. 307.

Digitized by Google

констатируя существовавшее недовольство реформированной школой, иронически спрашиваетъ: намъ ли, повидимому, быть недовольными, если ужъ извѣстные нѣмецкіе педагоги одобряли и системы, и планы, и программы, которыя, къ стыду нашему, посылались на ихъ просвѣщенный приговоръ и на авторитетъ которыхъ мы такъ покорно полагались? «Да,—отвѣчаетъ онъ,—имъ, конечно, было лестно, что чужой народъ нуждается въ ихъ умѣ, не довѣряя своему собственному, хоть, можетъ быть, они не знали убѣжденія нѣкоторыхъ нашихъ головъ, что «намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья». Они одобрили наши проекты, но все ли они высказали, что могли бы высказать, и все ли взяли въ расчетъ, на что указываетъ ихъ педагогическая теорія, практика и исторія? Имъ, можетъ быть, не пришло въ голову повторять тѣ истины, которыя для нихъ такъ очевидны и общеизвѣстны. Иначе бы они сказали, что дѣло школы можно разсматривать только въ связи со всѣми условіями жизни того народа, для котораго она предназначается, въ связи съ его природными способностями и наклонностями, въ связи съ его семьею и общественнымъ положеніемъ и требованіями, что живая школа не преобразуется и не создается по чужой исторіи и по чужимъ опытамъ, потому что эти опыты дѣлались въ извѣстной средѣ, въ извѣстной мѣстности и въ извѣстное время, можетъ быть, и очень продолжительное; они дѣлались не изъ подражанія кому нибудь, а вызывались требованіями времени согласно съ его духомъ. Они объясняются и исторіей, и характеромъ народа. Эти педагоги похвалили бы насъ, что мы изучаемъ ихъ педагогію, но при этомъ прибавили бы, что она годна во всѣхъ своихъ частяхъ для ихъ школы, а для нашей, можетъ быть, и не совсѣмъ пригодится; они намъ рекомендовали бы только выведенное изъ физіологіи и психологіи, да и тутъ должны бы были прибавить, что, кромѣ общей психологіи, у каждаго народа есть еще своя психологія, т. е. извѣстное направленіе духа, созданное всей обстановкой вѣковой жизни народа. Они намъ сказали бы: если вы хотите создать живую школу, то, не пренебрегая той общей наукой, до которой дошли мы, изучите, сколько можете, и свою народную психологію, пользуясь и исторіей, и современнымъ бытомъ народа, и сравненіемъ его съ другими народами. Мы не думаемъ, прибавили бы они, что русскій народъ похожъ на нѣмецкій, что его исторія имѣетъ что нибудь общее съ нѣмецкою; не думаемъ, что и сколки или слѣпки съ нѣмецкихъ школъ не окажутся мертвыми въ жизни русскаго народа. Если бы они дали намъ такой совѣтъ, то дѣйствительно поучили бы насъ уму-разуму и заставили бы внимательнѣе подумать, какимъ образомъ создать школу живую, способную развиваться въ связи съ психическими и общественными требованіями. Тогда, конечно, намъ стыдно было бы думать, что для школы довольно опредѣленной программы, высиженной въ кабинетѣ, довольно инструкцій,

Digitized by Google

и школа будетъ жить, развиваться и приготовлять къ какой угодно дѣятельности».

Продолжая ту же критику дѣйствовавшей системы, Стоюнинъ, утверждаетъ: «Не забыли бы они прибавить и другой совѣтъ: если вы хорошо вглядывались въ устройство нашихъ учебныхъ заведеній, то должны были замѣтить, что во главѣ каждаго изъ нихъ стоитъ у насъ свой человѣкъ, а не иноземецъ, у котораго не можетъ быть нравственной связи ни съ нашими дѣтьми, ни съ семьями, ни съ обществомъ. Если вы хотите подражать имъ, то обратите вниманіе на это обстоятельство. Мы хлопочемъ о томъ, чтобы наша школа могла назваться національною, въ этомъ должна заключаться ея жизнь. Совѣтуемъ и вамъ похлопотать о томъ же всѣми силами».

Стоюнинъ, подобно Ушинскому, оказался силенъ въ критикѣ существовавшей общей системы воспитанія, въ отрицаніи ея отвлеченнаго космополитическаго характера, но сдѣлать свое новое оригинальное построеніе школы, съ детальной разработкой ея составныхъ частей, онъ не сумѣлъ. Но какъ Ушинскій въ желательной ему системѣ національнаго воспитанія выдвинулъ съ особенною силою значеніе изученія родной рѣчи, такъ Стоюнинъ разработалъ въ общемъ преподаваніи значеніе русской словесности и русской литературы; эти предметы онъ поставилъ на особую высоту и въ этой области занялъ особенно авторитетное положеніе.

Минуя послѣдующихъ представителей идеи національнаго воспитанія и сводя къ единому средства, предложенныя въ этихъ видахъ, мы получаемъ слѣдующія указанія со стороны представителей школы педагогическихъ націоналистовъ: 1) уменьшеніе непосредственныхъ иностранныхъ вліяній, каковы окруженіе дѣтей иностранными боннами и гувернантками, и порученіе русскихъ учебныхъ заведеній руководительству нѣмцевъ и чеховъ; 2) общественный починъ и энергичная общественная дѣятельность въ дѣлахъ образованія; 3) самостоятельная педагогическая литература; 4) самостоятельность въ извѣстныхъ предѣлахъ педагогической корпораціи, ея участіе въ выработкѣ законовъ, касающихся постановки воспитанія и образованія, свобода педагогическихъ обществъ, собраній, съѣздовъ; 5) видное мѣсто въ образовательномъ курсѣ наукъ, имѣющихъ своимъ предметомъ родину, каковы русскій языкъ и исторія съ русской литературой, исторія Россіи, географія и этнографія Россіи, обстоятельное знакомство съ русской флорой и фауной; 6) общая русская обстановка школъ въ бытовомъ отношеніи, религіозномъ, поэтическомъ и всѣхъ другихъ; 7) укрѣпленіе въ учащихся чувства законности и большаго уваженія къ наукѣ.

Идеи школы Ушинскаго и Стоюнина не повліяли на складъ по реформенной школы—она осталась внѣ сферы ихъ воздѣйствія, какъ равно не оказала давленія на ея обликъ и третья категорія педаго-

Digitized by Google

гическихъ идеаловъ, выдвинутая тѣмъ же періодомъ оживленія русской жизни, т.-е. шестидесятыми годами. Эта третья категорія, окрещенная г. Каптеревымъ названіемъ «радикальной», выставила устами Д. И. Писарева и гр. Л. Н. Толстого идею «свободнаго образованія», гдѣ нѣтъ ни государственнаго контроля, ни государственнаго почина, ни государственнаго воздѣйствія. Сущность этого свободнаго образованія сводится къ прегражденію вліяній старшаго поколѣнія на младшее, родителей на дѣтей, учителей на учениковъ. Старшее поколѣніе должно только предлагать пищу тѣлесную и духовную, но отнюдь не руководить младшимъ поколѣніемъ. Послѣднее пусть само выбираетъ, что ему угодно, одно беретъ, другое отвергаетъ, такъ какъ старшее поколѣніе не знаетъ, что нужно младшему, а потому и не можетъ руководить имъ, не можетъ учить.

Эти идеи, явившіяся на поверхности русской жизни шестидесятыхъ годовъ, какъ крайнія проявленія только-что освободившагося отъ тѣсныхъ путъ общественнаго настроенія, видной роли вообще въ нашей педагогикѣ не сыграли и не имѣли рѣшительно никакого вліянія на судьбу русской школы. Я привелъ ихъ только, какъ указаніе на существовавшія общія теченія того времени, когда правительство приступило къ созданію въ нашемъ отечествѣ правильно организованной и мобилизованной школы,— теченія, съ которыми такъ или иначе, но все же приходилось тогда считаться.

Передъ творцами новой школы предстояли такимъ образомъ три пути слѣдованія: одинъ указывалъ будущей школѣ на идеалъ человѣка вообще, который достижимъ при помощи гуманитарнаго образованія, скроеннаго по подобію западно-европейскому, съ выработанной уже классической системой, второй—указывалъ на тотъ же идеалъ лишь въ его національной окраскѣ, при чемъ въ числѣ орудій образованія на первомъ мѣстѣ ставилось отечествовѣдѣніе, съ основнымъ знаніемъ русскаго языка и русской литературы; наконецъ, третій рисовалъ какія-то туманныя перспективы въ видѣ малопонятнаго и ужъ совершенно непрактичнаго «свободнаго образованія», съ устраненіемъ отсюда всякихъ воспитательныхъ вліяній. Послѣдніе два пути были отринуты, и для русской школы былъ избранъ первый, какъ онъ уже сложился у западныхъ сосѣдей и въ особенности у нѣмцевъ. Этотъ путь заимствованія былъ наиболѣе легкій, наиболѣе скорый. Къ избранію его не требовалось ни личнаго творчества, ни особенныхъ знаній, ни особаго труда, къ тому же здѣсь, повидимому, сыграли не малую роль и тѣ политическія преданія, по коимъ русская жизнь и русскій народъ вѣчно ходили на послугахъ и приносились въ жертву интересамъ «дорогихъ сосѣдей», т.-е. нѣмцевъ. Къ послѣднимъ и по школьному вопросу предпринято было паломничество, встрѣченное ими, конечно, милостиво и благосклонно, какъ небезвыгодное и сулившее въ будущемъ хорошіе барыши. Создатели русской новой школы, подобно Рѣдкину и Пирогову, были очевидно теоретиками, почерпавшими

Digitized by Google

всю мудрость изъ нѣмецкаго философскаго источника. Философскій идеалъ всечеловѣка былъ плѣнителенъ; путь, приводившій къ осуществленію этого идеала, былъ уже твердо утоптанъ ногами нѣмецкихъ буршей. Слѣдовательно... слѣдовательно, нечего было сомнѣваться, и позаимствованіе шаблона было сдѣлано смѣлой и широкой рукой.

«Заимствовались не только частные пріемы и методы преподаванія, заимствовались не только общія руководящія идеи и цѣлыя педагогическія міросозерцанія, заимствовались даже люди, выполнители началъ нѣмецкой педагогіи, говоритъ г. Каптеревъ. Министерство просвѣщенія при министрѣ Толстомъ выписывало нѣмцевъ и чеховъ въ учителя русскихъ гимназій и даже въ инспектора и директора, хотя эти иностранцы и не умѣли говорить порусски; у нѣмцевъ была открыта русская семинарія для подготовки учителей въ русскія среднія учебныя заведенія; разные планы, программы и системы, предполагавшіеся ко введенію въ русскія школы, были предварительно посылаемы на просмотръ и одобреніе заграничныхъ ученыхъ и педагоговъ — мы, дескать, сами не знаемъ, что намъ нужно и хорошо, научите, пожалуйста; вы, нѣмцы, народъ умный. Съ трудомъ вѣрится, чтобы 30 лѣтъ назадъ директоръ русскаго учебнаго заведенія могъ утверждать, что учитель для него то же, что наборщикъ для метранпажа, что для учащихся совершенно безразлично, русскій или не русскій человѣкъ имъ преподаетъ, лишь бы преподавалъ дѣло».

IV.

Теперь умѣстно поставить вопросъ, каково же историческое происхожденіе того источника, откуда были сдѣланы для русскаго школьнаго дѣла позаимствованія, и въ какихъ формулахъ онъ обозначался на мѣстѣ своей родины? Для рѣшенія поставленной задачи обратимся къ книгѣ С. Южакова «Вопросы просвѣщенія» и Н. Скворцова «Недуги нашего учебнаго дѣла».

Уже въ началѣ своего публицистическаго труда г. Южаковъ говоритъ, что земное человѣчество имѣетъ въ своей далеко нерадостной исторіи одинъ въ высшей степени свѣтлый и отрадный эпизодъ, одинъ ни съ чѣмъ несравненный періодъ всесторонняго подъема человѣческаго генія.

Періодъ этотъ—классическая исторія, главнымъ образомъ исторія Эллады, этотъ расцвѣтъ человѣческаго творчества и человѣческаго достоинства въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Эти Аѳины, въ три поколѣнія развернувшія культуру, на которую другіе народы и все человѣчество тратило напрасно цѣлыя тысячелѣтія; эта Спарта, воинская доблесть которой никогда не была превзойдена и которая истинно-легендарнымъ патріотизмомъ является вѣчною укоризною эгоизму и своекорыстію человѣчества; это свѣтское просвѣщеніе,

Digitized by Google

дотолѣ вовсе невѣдомое міру и затѣмъ снова утраченное человѣчествомъ на два тысячелѣтія; эта философія, что сумѣла затронуть всѣ основныя идеи всѣхъ главныхъ философскихъ школъ всѣхъ временъ и народовъ; это искусство, что доселѣ приводитъ въ восхищеніе и служитъ поученіемъ художественному міру; однимъ словомъ, эта Эллада, что не имѣетъ себѣ равной на пространствѣ всего земного шара, на протяженіи всѣхъ пяти тысячелѣтій всемірной исторіи,—развѣ это не является именно такимъ несказанно свѣтлымъ эпизодомъ въ жизни человѣчества, жизни, достаточно сѣрой и недостаточно отрадной? И человѣчество дѣйствительно хранитъ и не можетъ, не смѣетъ не хранить, память объ этомъ періодѣ и съ умиленіемъ улыбается, вспоминая этотъ небывалый подъемъ своей даровитости и энергіи, своего творчества и своей доблести, своей умственной и нравственной силы. Эта страница исторической жизни человѣчества научаетъ насъ уважать, а не презирать человѣчество, вкладываетъ въ нашу грудь вѣру въ его силу и энергію, въ его достоинство и будущность... Исторія и дѣянія эллинскаго періода—великая, поучительная и возвышающая душу книга, которую никогда не надо забывать и повторять которую никогда не мѣшаетъ. Исторія римскаго народа является необходимымъ дополненіемъ греческой исторіи. Римъ, повторивъ сначала легендарныя доблести Спарты, затѣмъ принялъ аѳинское наслѣдство, усвоилъ его, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ развилъ и сохранилъ для послѣдующаго человѣчества. Въ формулахъ права Римъ резюмировалъ свободную и свѣтскую гражданственность классическаго міра. Таково было то наслѣдство, которое въ XV вѣкѣ, послѣ паденія Константинополя и переселенія въ Италію послѣднихъ могикановъ греческой образованности, открылось романо-германской Европѣ, какъ разъ въ это время уже доразвившейся до идеи свѣтскаго просвѣщенія. Его не приходилось даже искать. Оно, совсѣмъ готовое, со всѣмъ обаяніемъ никогда дотолѣ непревзойденнаго генія, открылось очамъ, уже ищущимъ истины и свѣта.

«Если созданіе цивилизованнаго человѣка есть задача образованія, если лучшимъ путемъ для этого является изученіе дѣяній и твореній цивилизованныхъ людей въ ихъ лучшихъ и совершеннѣйшихъ представителяхъ, то для европейскаго общества XIV—XVI вв. не могло быть лучшей школы, какъ классическая,—утверждаетъ г. Южаковъ. Германскій дикарь, въ теченіе V—VII вв. завоевавшій и ниспровергшій древній цивилизованный міръ романскій и кельтическій, былъ еще такъ невиненъ въ смыслѣ культуры и просвѣщенія, что могъ только истребить цивилизацію, но не перенять. Идеалъ цивилизованнаго человѣка,—всѣ эти Аристиды, Периклы, Гракхи, Бруты, Сократы, стоики,—былъ ему совершенно недоступенъ и непонятенъ. Ихъ чувства и мысли, ихъ радости и горести, ихъ подвиги и ихъ униженія, всѣ ихъ страсти, стремленія и же-

Digitized by Google

ланія были ему совершенно чужды до совершенной непостижимости, не говоря ужъ объ ихъ идеяхъ, міропониманіи, общественномъ идеалѣ, наукѣ, искусствѣ. Этому дикарю, талантливому, но грубому умомъ и чувствомъ, надо было дать предварительное медленное, но суровое и неослабное перевоспитаніе. Римская церковь взялась за это дѣло. Убіеніе плоти съ ея необузданными страстями; уваженіе къ духовному началу; почитаніе подвиговъ самоотверженія, страданія и милосердія; суровая дисциплина покаянія и духовной покорности; доступные пониманію средневѣкового человѣка библейскіе разсказы о добродѣтельной, но простой жизни древнихъ патріарховъ; обаяніе исполненной труда и подвига жизни святыхъ и праведныхъ—и явились этою необходимою школою. Въ XIV—XV вв. общество стало уже перерастать эту школу, а невозбранное многовѣковое господство ея представителей, католическаго духовенства, постепенно вытравило въ ней духъ творчества и добродѣтели и открывало ее справедливой критикѣ. Протестантизмъ и Возрожденіе явились одинаково отвѣтомъ на эту отсталость и упадокъ средневѣковой школы. Протестантизмъ былъ болѣе рѣзкою по формѣ, Возрожденіе болѣе глубокою по идеѣ реформою духовной жизни народовъ Западной Европы. Что было вполнѣ пригодно и полезно для дикаря VI в., изъ того уже выросъ полу-варваръ XV в. Непонятное и недоступное для перваго стало для второго обаятельно привлекательнымъ. Самъ онъ еще не былъ цивилизованнымъ человѣкомъ, но уже могъ понять чувства, идеи и стремленія цивилизованнаго человѣка. Это пониманіе дала ему новая тогда, а нынѣ столь престарѣлая, классическая школа».

По мнѣнію автора «Вопросовъ просвѣщенія», «никогда въ другой разъ школѣ не удавалось сотворить такого поистинѣ великаго дѣла, какое выпало на долю и на счастье классической школѣ, по справедливости назвавшей себя школою гуманистическою, школою человѣчности. Черезъ нее огромный запасъ накопленнаго знанія древняго классическаго міра, еще болѣе огромный запасъ идей, общественныхъ идеаловъ, художественнаго творчества, весь этотъ, казалось, мертвый капиталъ, погребенный подъ обломками пятнадцати вѣковъ, сразу открылся молодой Европѣ, уже жаждущей просвѣщенія, истины и правды. Это была такая громадная сила, явившаяся внезапно на помощь прогресивнымъ силамъ того времени, что оцѣнить ея значеніе возможно только теперь, когда уже завершилась ея роль. Богъ знаетъ, сумѣла ли бы Европа справиться съ одолѣвавшими ее мрачными силами обскурантизма и косности, если бы не эта счастливая и могущественная поддержка, оказанная умственнымъ и нравственнымъ наслѣдствомъ великихъ мыслителей и дѣятелей греко-римскаго міра. Классическая школа явилась въ свое время проводникомъ этого наслѣдства, и въ этомъ ея величайшая историческая заслуга».

Digitized by Google

Таково—въ прекрасномъ изложеніи и освѣщеніи г. Южакова—историческое происхожденіе и оправданіе классической школы, какъ системы, основанной на всестороннемъ ознакомленіи учащагося поколѣнія съ твореніями и дѣяніями греческаго и римскаго міра. Въ этомъ ея основная сущность. Учебная программа сложилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ условій мѣста и времени. Въ тѣ времена, когда складывалась учебная программа классической школы, выработаннаго литературнаго и научнаго языка не имѣли ни французы, ни нѣмцы, ни англичане. Имѣли итальянцы языкъ Данте, но все-таки не для науки и философіи. Варварская средневѣковая латынь служила во всей романо-германской Европѣ и у западныхъ славянъ языкомъ литературы и науки, языкомъ просвѣщеннаго класса. Замѣнить неуклюжую, испорченную, не изящную и мало литературную варварскую латынь подлиннымъ, красивымъ, выразительнымъ, стройнымъ языкомъ Горація и Тацита явилось, такимъ образомъ, естественною задачею новой классической школы, естественною и необходимою, потому что ни дѣйствительное постиженіе древне-римской жизни и литературы, ни развитіе литературнаго вкуса, не могли быть достигнуты инымъ путемъ. Та же причина заставила столь же прилежно заняться и греческимъ языкомъ.

«Только продолжительное, изъ поколѣнія въ поколѣніе, усвоеніе образованнымъ европейскимъ обществомъ классическихъ языковъ съ ихъ высоко развитою литературною формою и глубокимъ идейнымъ содержаніемъ могло такъ скоро создать цивилизованное общество изъ полуварваровъ и схоластиковъ недавняго времени и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ быстро и удачно разрѣшить задачу созданія новыхъ національныхъ языковъ, литературныхъ и научныхъ,—говоритъ г. Южаковъ.—Итальянскій языкъ сложился и выработался первымъ, въ XIV—XV вв. Всѣ шансы опередить его имѣлъ только языкъ провансальскій, но горестныя политическія судьбы провансальскаго народа не только задержали, но даже совершенно остановили развитіе его прекраснаго и много обѣщавшаго языка, передавшаго свое наслѣдство языку французскому, который одновременно съ испанскимъ и португальскимъ и получаетъ литературную и философскую обработку въ XVI в. Тогда же складывается и англійскій языкъ. Въ XVII в. въ литературный фазисъ существованія вступаютъ языки голландскій и польскій. Тягостная политическая исторія Германіи въ теченіе XVI и XVII вв. тормозитъ развитіе нѣмецкаго языка, который сложившимся можно считать лишь съ XVIII в. Русскій литературный языкъ есть уже созданіе XIX вѣка. Такимъ образомъ, мало-по-малу, въ теченіе четырехъ столѣтій окончательно вырабатываются и складываются, на почвѣ усвоенія классической литературы, ея формъ и вкуса, всѣ новые европейскіе языки (кромѣ русскаго, для котораго ту же службу сослужили языки французскій и нѣмецкій). Повидимому, эта роль и назна-

Digitized by Google

ченіе классической школы завершились, и новые языки и новыя литературы, воспринявъ и переработавъ богатое лингвистическое и литературное наслѣдство древняго міра, продолжаютъ дальше развитіе, уже не нуждаясь въ классическихъ образцахъ и далеко переросши классическія идеи. Повидимому, стало быть, и самой школѣ классической наступаетъ время подумать о наслѣдникѣ».

Схоластическая школа господствовала въ теченіе девяти вѣковъ во всей Европѣ. Вполнѣ отвѣчавшая потребностямъ VII—VIII вв., она должна быть помянута съ благодарностью. Она много потрудилась надъ перевоспитаніемъ дикаря и для пріобщенія его къ духовной жизни. Когда школа, вмѣстѣ съ другими, болѣе могучими, факторами исторіи, совершила эту задачу, и европейскій варваръ, пріобщенный къ духовной жизни, потребовалъ духовной пищи, схоластическая школа не могла удовлетворить этой новой потребности. Ее замѣнила классическая, блистательно выполнившая свою задачу и создавшая цивилизованное общество новой Европы.

«Для общества, знавшаго только схоластику, философія Платона, Зенона, Эпикура, Демокрита была истиннымъ откровеніемъ,—свидѣтельствуетъ авторъ «Вопросовъ просвѣщенія»,—для нашего общества эта философія любопытна лишь, какъ геніальное предвосхищеніе идей, всестороннее и широкое обоснованіе и развитіе которыхъ мы будемъ искать, конечно, не у древнихъ. Для общества, которое имѣло только рыцарскую поэзію трубадуровъ и миннезингеровъ и эпическія сказанія, изящная литература Греціи и Рима открывала собою цѣлый новый міръ образовъ, формъ, художественныхъ идей; для современныхъ европейскихъ обществъ съ ихъ еще болѣе богатыми и разносторонними литературами, классическія литературы сохранили, конечно, интересъ и поучительность, но уже не могутъ имѣть наставляющаго и руководящаго значенія. Для общества, дико-невѣжественнаго и суевѣрнаго, какимъ было общество XV в., наука Аристотеля, Птоломея, Плинія была очень крупнымъ, прямо драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ; она—только историческій памятникъ для современнаго общества. Формы древней цивилизаціи съ ихъ свободными учрежденіями, съ ихъ свѣтскостью и сравнительною гуманностью, съ ихъ патріотизмомъ и самоотверженіемъ, съ ихъ признаніемъ неприкосновенности права, эти формы могли быть идеаломъ для общества, построеннаго на феодальной іерархіи и не знавшаго отечества, съ суровыми деспотическими правительствами, съ безправіемъ и безсудіемъ. Надо, однако, вспомнить, что древняя цивилизація никогда не могла освободиться отъ рабства, и если освобождала женщину изъ-подъ замковъ гинекея, то развѣ для разврата. Конечно, такая цивилизація уже не можетъ быть идеаломъ современнаго общества. Для общества XV вѣка классическая цивилизація должна была представляться идеаломъ во всѣхъ отношеніяхъ; современное общество во всѣхъ отношеніяхъ переросло эту цивили-

Digitized by Google

зацію. Оно переросло, слѣдовательно, и классическую школу, которой великая историческая задача и великая историческая заслуга и заключались въ томъ, чтобы варварскому обществу привить высшую цивилизацію. Покамѣстъ классическая цивилизація была выше новоевропейской, до тѣхъ поръ классическая школа имѣла великое цивилизующее значеніе. Съ тѣхъ же поръ, какъ современная новоевропейская цивилизація далеко опередила классическую, и образованіе классическое потеряло главную основу своего существованія. Въ настоящее время оно пережило само себя, и одряхлѣвшая, извѣрившаяся, потерявшая весь былой престижъ и былое значеніе, классическая школа держится только преданіемъ».

Когда въ Западной Европѣ проявилась необходимость созданія новаго типа школы, которая бы смѣнила собою старую класическую, то, оставивъ въ неприкосновенности былое наслѣдіе историческихъ вѣковъ, т. е. заслуженную классическую гимназію, рядомъ съ нею основали новую, названную «реальною», которая по составу входящихъ въ нее реальныхъ отраслей знанія являлась какъ бы отвѣтомъ на запросы новаго времени. Значеніе этой реальной школы печальное,—утверждаетъ г. Южаковъ. «Классическая школа даетъ цивилизацію, хотя устарѣлую и стоящую ниже современной,—говоритъ онъ:—реальная школа вовсе не даетъ цивилизаціи, совсѣмъ не ставитъ ее своей задачей, ограничиваясь сообщеніемъ полезныхъ свѣдѣній. Правда, и въ реальныхъ училищахъ преподается исторія, родной языкъ и родная литература, но, во-первыхъ, они отодвинуты на задній планъ, и, во-вторыхъ, усвоеніе національной цивилизаціи хотя и должно входить въ составъ общаго образованія, не есть, однако, общее образованіе. Даже такія богатыя культурою націи, какъ англичане, французы или нѣмцы, не могли бы, безъ большого ущерба для самой культуры своей, замкнуться въ ней и не оплодотворять ее общеніемъ съ другими культурами. Такимъ образомъ, если классическое образованіе не соотвѣтствуетъ современному уровню цивилизаціи, то реальное вовсе не есть образованіе. Классическая школа пережила уже свое время и должна быть замѣнена новою школою, но никакъ не реальныя училища могутъ быть этою новою школою. Неудачное порожденіе неудачнаго компромисса защитниковъ старой школы съ нарождающимися новыми потребностями, реальная школа не должна пережить классическую и одновременно съ нею должна уступить мѣсто новой школѣ, которая, подобно классической, должна ставить своей задачей образованіе цивилизованнаго человѣка, но при этомъ должна быть согласована съ современнымъ высшимъ уровнемъ цивилизаціи».

Такова историческая роль, происхожденіе и значеніе двухъ главныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, послужившихъ прототипами нашихъ классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ, когда пореформенная эпоха русской жизни поставила для нашего отечества

Digitized by Google

на очередь необходимость созданія на гуманитарныхъ основаніяхъ и во имя общечеловѣческаго идеала системы средняго образованія. Мы уже знаемъ, какую выдающуюся роль сыграла въ исторіи западноевропейскаго человѣчества классическая гимназія; такую же роль, какъ надѣялись книжные люди, теоретики, стоявшіе у кормила государственнаго управленія въ нашемъ отечествѣ, эта школа, пересаженная на русскую дѣвственную ниву пореформенной жизни, сыграетъ и у насъ. Образецъ былъ найденъ скоро и рѣшительно, и пересадка сдѣлана властной и энергичной рукой. Общественное мнѣніе на самыхъ первыхъ порахъ какъ будто встрѣтило и сочувственно эту пересадку; протесты были не Богъ вѣсть какъ громки и во всякомъ случаѣ не отличались единодушіемъ. Принципы гуманизма и идеализма, идеалы общечеловѣческаго воспитанія были слишкомъ привлекательны и заманчивы. Въ унисонъ этому настроенію вторили выдающіеся голоса компетентныхъ людей, расходившихся лишь въ мнѣніи о второстепенныхъ составныхъ частяхъ системы; антитезы, строго обдуманной и ясно формулированной, въ наличности не было, и вотъ классическая система искусственно внѣдряется въ составъ коренныхъ устоевъ русской новой культуры, на многіе годы становится рѣшительницею судебъ нашего юношества.

V.

Что же представляли собою на мѣстѣ родины избранные нами для заимствованія прототипы учебныхъ заведеній, и каковы были ихъ составныя части, выполнявшія необходимый просвѣтительный процессъ? За указаніями по настоящему предмету обратимся къ труду Н. Скворцова «Недуги нашего учебнаго дѣла».

Нѣкогда въ Западной Европѣ гимназія находилась въ непосредственной и непрерывной связи съ университетомъ, и она являлась приготовительною школою къ этому высшему разсаднику научнаго знанія, и даже нѣкоторыя изъ этихъ школъ сами были органическими зародышами университетовъ. Такъ произошли, напримѣръ, университеты Кембриджкій и Парижскій. «Потребность университетовъ имѣть въ органической связи съ собою приготовительную школу сознавалась вообще такъ ясно,—говоритъ г. Скворцовъ,—что въ Англіи, напримѣръ, вмѣстѣ съ основаніемъ университетскихъ коллегій основывались и приготовительныя къ нимъ школы. Такъ, между прочимъ, вмѣстѣ съ основаніемъ въ Оксфордѣ коллегіи New college Винчестерскимъ епископомъ (въ 1386 г.) въ самомъ Винчестерѣ была основана имъ же приготовительная для нея школа; равнымъ образомъ знаменитая Итонская школа была основана королемъ Генрихомъ VI одновременно съ основанною имъ Kings college въ Кембриджѣ (1411 г.). Точно также и Парижскій университетъ еще въ XIII вѣкѣ имѣлъ подъ своимъ руководствомъ много приготовительныхъ къ нему

Digitized by Google

школъ, какъ въ самомъ Парижѣ, такъ и въ провинціяхъ. То же было и въ другихъ государствахъ. У насъ, въ Россіи, въ первое время существованія нашихъ университетовъ, низшія, приготовительныя къ нимъ школы находились также въ болѣе непосредственной связи съ ними, чѣмъ теперь; онѣ даже управлялись ими, и это, конечно, было гораздо лучше, какъ для школъ, такъ и для самихъ университетовъ».

Органическое отношеніе, по указаніямъ автора «Недуговъ», между университетскимъ и приготовительнымъ къ нему школьнымъ ученіемъ въ эпоху возрожденія наукъ не только не измѣнилось, но еще рѣзче выразилось и опредѣлилось. Дѣло въ томъ, что основные предметы ученія въ средневѣковыхъ университетахъ, особенно первоначально, были тѣ же, что и въ тѣхъ школахъ, изъ которыхъ или на почвѣ которыхъ они выростали. Это именно теологія и artes liberales (свободныя искусства). Раздѣленіе университета въ средніе вѣка на факультеты представляетъ только нѣкоторое обособленіе artium liberalium отъ теологіи и нѣкоторое развитіе въ то же время римскаго права и врачебнаго искусства—предметовъ, которые также преподавались въ нѣкоторыхъ, особенно итальянскихъ университетахъ. А такъ какъ artes liberales были также учебнымъ матеріаломъ для школъ, на почвѣ которыхъ такъ или иначе выростали университеты, то ясно, что въ учебномъ матеріалѣ того времени не было основанія для какой нибудь особой организаціи приготовительной къ университету школы. Въ эпоху возрожденія, съ развитіемъ учебнаго содержанія artium, вслѣдствіе внесенія въ него соотвѣтствующихъ элементовъ изъ древности и съ наибольшимъ обособленіемъ наукъ другихъ факультетовъ, приготовительная школа къ университетскому ученію формируется уже наиболѣе опредѣленнымъ образомъ. То была такъ называемая латинская школа, которая въ учебномъ своемъ содержаніи сложилась изъ основныхъ собственно школьныхъ элементовъ факультета artistarum. Самъ же факультетъ этотъ мало-помалу сталъ философскимъ, разсматриваемымъ, какъ начало и корень другихъ факультетовъ. Съ теченіемъ времени онъ сравнялся съ прочими факультетами и по научному своему содержанію нерѣдко являлся даже какъ бы доминирующимъ среди нихъ, а латинская школа въ то же время въ позднѣйшую гимназію. Въ общей организаціи ученаго образованія, какъ эта организація слагалась исторически, латинская школа, въ качествѣ органа всей системы, явно функціонировала только нѣкоторую часть той задачи, которая лежитъ теперь на гимназіи — приготовленіе къ университетскому ученію; другую, важнѣйшую функцію въ этомъ дѣлѣ исполнялъ самъ университетъ черезъ свой философскій факультетъ, или чрезъ facultas artistarum. Гимназія же, вмѣсто того, чтобы принять въ себя учебные элементы, первоначально входившіе въ составъ факультета философскаго, или artistarum, все болѣе и болѣе ассимилировалась

Digitized by Google

по своему учебному содержанію со школами энциклопедическаго учебнаго состава. Усиливая постоянно въ себѣ элементы модерные (новые языки, новую литературу, исторію и проч.), она вступила въ конкурренцію съ прочими школами по пути доставленія ученикамъ своимъ общаго образованія. Не подымаясь до значенія, которое имѣли въ свое время въ дѣлѣ ученаго образованія факультеты artistarum, гимназія естественно слабѣла, какъ органъ собственно ученаго образованія и чрезъ это все болѣе и болѣе утрачивала значеніе школы, приготовительной къ университету. Преимущество латинской школы передъ нашей теперешней гимназіей состоитъ въ томъ, что она, особенно въ началѣ эпохи возрожденія, въ XVI и въ началѣ XVII вѣка, не отдѣлялась такъ рѣзко, какъ теперешняя гимназія, отъ университета. Университетъ былъ мѣстомъ завершенія того образовательнаго процесса, который совершался въ латинской школѣ. Эта непрерывность учебнаго дѣйствія въ университетѣ и въ латинской школѣ и давала послѣдней ту образовательную силу, которую она имѣла, именно какъ приготовительная школа къ университету.

«Разстройство органическаго отношенія между университетомъ и приготовительною къ нему школою началось собственно въ XVIII вѣкѣ,—говоритъ г. Скворцовъ. Этотъ вѣкъ просвѣщенія, siècle éclairé, или философскій, какъ его называли современники, былъ на самомъ дѣлѣ вѣкомъ резонерства и утопій всякаго рода, какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ. Источникомъ всѣхъ этихъ заблужденій служила совершенно ложная мысль, что образованіе будто бы имѣетъ силу и должно человѣка, какъ разумное существо, сдѣлать господиномъ надъ всѣмъ существующимъ, какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ нравственномъ. Мысль объ этомъ совершенно безцѣльномъ, да и невозможномъ господствѣ человѣка, какъ о задачѣ не только его образованія, но и самого призванія въ міръ, тѣмъ болѣе владѣла умами, чѣмъ менѣе было содержанія въ самомъ образованіи... Принципъ просвѣщенія не внесъ въ образованіе никакого своего собственнаго содержанія; принципъ этотъ совершенно формальный—возбужденіе разума къ самостоятельному сужденію и къ пріобрѣтенію знаній, практически примѣнимыхъ. Согласно съ этимъ, отношеніе умовъ въ эту эпоху къ самой основѣ ученаго образованія, къ классическому міру, было двоякое. Съ одной стороны, преклонялись предъ мудростію древнихъ, въ ученіи ихъ видѣли религію разума, при которой не нужно даже никакого откровенія. Сократъ, Сенека представлялись образцами совершеннаго ума и добродѣтели; съ другой стороны, въ учебномъ дѣлѣ держались вообще того взгляда, что въ просвѣщеніи современники превосходятъ древнихъ».

Господство надъ умами того мнѣнія, что образованіе есть просвѣщеніе разума для индивидуальной пользы каждаго въ отдѣль-

Digitized by Google

ности, продолжаетъ царить и въ XIX в. Поворотомъ въ этой области служитъ ученіе Шлейермахера, виднаго представителя «исторической школы», который утверждалъ, что ученіе, черезъ которое образуется умственно и нравственно молодежь, есть процессъ обновленія человѣческой жизни, путемъ котораго возростающее поколѣніе не только доводится умственно и нравственно до той высоты, на которой находится поколѣніе, сходящее съ жизненнаго поприща, но и становится способнымъ образовательную работу двинуть впередъ еще далѣе.

Такимъ образомъ, говоритъ г. Скворцовъ, «понятіе просвѣщенія потеряло мало-по-малу свою чарующую силу и уступило мѣсто понятію культуры... На мѣсто индивида, о личной пользѣ котораго заботилась эпоха просвѣщенія, идеаломъ образованія явилась humanitas, чистое человѣчество (reine Menschenthum), по выраженію Гердера,—подъ которымъ должно понимать гармоническое развитіе всѣхъ силъ тѣла и души, внѣ всякаго отношенія этого развитія къ призванію и назначенію человѣка въ обществѣ. Это и есть тотъ новый гуманизмъ, который доселѣ еще держитъ подъ своимъ знаменемъ школы нашего вѣка. Однимъ изъ выразительныхъ проповѣдниковъ идеи новаго гуманизма былъ именно Гердеръ. «Гуманизмъ, говоритъ онъ, есть сокровище, добытое человѣческими усиліями; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ есть искусство нашего поколѣнія. Что въ твореніяхъ древнихъ и новыхъ служитъ къ образованію гуманнаго человѣка, составляетъ humaniora, будетъ ли то краснорѣчіе или поэзія, философія или исторія. Наука и искусство не имѣютъ иной цѣли, какъ только гуманизовать насъ». Къ цѣлямъ гуманнаго образованія должна была вести филологія, но не та филологія прежней латинской школы, которая въ ряду наукъ, составляющихъ universitas litterarum, имѣла пропедевтическое значеніе, а та новая наука, которая, какъ самостоятельный предметъ знанія и умѣнія, впервые была создана Фр. Авг. Вольфомъ. Въ составѣ разнообразныхъ дисциплинъ, филологія была въ его глазахъ наукою о томъ, «что только есть наивысшаго и наиболѣе важнаго для человѣка».

Согласно съ этимъ ученіемъ, гимназія изъ школы, приготовляющей къ университету, превращалась въ какую-то идеальную школу, долженствующую доводить всѣ силы духа учащихся до наипрекраснѣйшей гармоніи. Ибо studia humanitatis, по словамъ Вольфа, обнимаетъ все то, посредствомъ чего чисто человѣческое образованіе всѣхъ силъ ума и воли доводится до прекрасной гармоніи внутренняго и внѣшняго человѣка. Благодаря такой постановкѣ вопроса, классическій филологизмъ образовалъ окончательную пропасть между средней и высшей школой, придавая первой изъ нихъ совершенно самостоятельное значеніе и возлагая на нее исключительную миссію гуманизаціи подростающихъ поколѣній. Но эта пропасть, созданная искусственнымъ путемъ, въ интересахъ админи-

Digitized by Google

стративныхъ и полицейскихъ, терпима быть не могла; черезъ нее необходимо было перекинуть какой нибудь постоянный мостикъ. И вотъ его постепенно начали наводить въ видѣ такъ называемаго экзамена зрѣлости, воплощающаго въ себѣ символъ отношенія гимназіи къ университету.

Разсматривая многолѣтнюю исторію этого экзамена въ Пруссіи, г. Скворцовъ приходитъ къ заключенію, что «искусственный механизмъ, придуманный для того, чтобы возстановить чрезъ него порванную разными учебными теоріями натуральную органическую связь между этими двумя органами учебнаго дѣла, экзаменъ зрѣлости во всю свою столѣтнюю исторію не былъ въ состояніи возсоздать между ними эту живую связь. Напротивъ, самъ онъ, очевидно, рушится теперь, какъ средство малонадежное, и считается даже только неизбѣжнымъ зломъ; а молодые люди, проходящіе чрезъ него, какъ черезъ мостъ изъ гимназіи въ университеты, какъ профессорами, такъ и самой учебной администраціей, и теперь все еще считаются нерѣдко недостаточно зрѣлыми. Отчего же это происходитъ? Отъ того, конечно, что современная гимназія сама по себѣ не есть въ истинномъ смыслѣ школа, приготовляющая къ университету».

Таковъ историческій путь и философское происхожденіе современной классической гимназіи у нашихъ сосѣдей, долженствовавшей и отчасти понынѣ долженствующей выполнять задачу гуманизаціи юношества при посредствѣ классической филологіи, въ составъ которой обязательно входили оба древнихъ языка — латинскій и греческій. Но рядомъ съ этой классической гимназіей историческимъ же путемъ образовался тамъ и второй типъ средняго учебнаго заведенія — реальнаго училища, послужившаго видоизмѣненнымъ прототипомъ аналогичныхъ училищъ у насъ.

Въ періодъ образованія, послѣдовавшій за временемъ возрожденія, когда ученое образованіе разложилось на двѣ стадіи—гимназію, или собственно латинскую школу, и университетъ, реальной школы не существовало. Она возникла въ XVIII вѣкѣ, въ періодъ «просвѣщенія», въ интересахъ тѣхъ, кто хотѣлъ имѣть образованіе «безъ латыни». Начавшись такимъ образомъ, реальная школа служила сперва собственно приготовительною школою къ технико-промышленной и вообще хозяйственной дѣятельности, и только впослѣдствіи, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, она стала возвышаться надъ уровнемъ задачъ образованія, соотвѣтствующихъ непосредственно интересамъ хозяйственнымъ. Это произошло мало-по-малу, вмѣстѣ съ послѣдовательнымъ развитіемъ техническихъ и вообще прикладныхъ знаній и съ возростаніемъ къ нимъ интереса въ обществѣ. Въ глазахъ общества и самого государства, которое первоначально относилось къ реальной школѣ не безъ предубѣжденія, она постепенно получила современное значеніе школы, приготовляю-

Digitized by Google

щей къ высшимъ техническимъ учебнымъ заведеніямъ и даже къ нѣкоторымъ университетскимъ факультетамъ. Согласно съ этимъ, въ административномъ порядкѣ учебнаго дѣла она заняла мѣсто на ряду съ гимназіей, ставъ при этомъ въ конкурренцію съ нею на поприщѣ общаго образованія. Во мнѣніи общества и нѣкоторыхъ учебныхъ управленій получались такимъ образомъ двѣ школы, близкія одна къ другой по своему значенію въ системѣ образованія.

«Но ставъ во мнѣніи общества и правительства въ такое отношеніе къ гимназіи и вообще къ ученому образованію, реальная школа на дѣлѣ, внутри себя самой, дидактически, доселѣ не сложилась, какъ истинно ученая школа, или какъ гимназія новѣйшей формаціи,—говоритъ г. Скворцовъ. Отсюда—то затрудненіе, въ которое вездѣ болѣе или менѣе поставлено теперь учебное дѣло въ этой своей части. Оно состоитъ въ томъ, что въ реальной школѣ, которая исторически образовалась изъ нѣкоторыхъ учебныхъ элементовъ, въ виду особыхъ цѣлей образованія, для которыхъ гимназія, и исторически и по существу своего дѣла не имѣетъ надлежащихъ средствъ,—хотятъ теперь имѣть не что иное, какъ гимназію bis. Потому, какъ отъ реальной школы требуютъ того, что лежитъ въ цѣляхъ гимназіи, то-есть служить дѣлу ученаго образованія, такъ въ свою очередь и отъ гимназіи требуютъ услугъ тѣмъ интересамъ образованія, въ виду которыхъ сложилась реальная школа. Согласно съ этимъ, несмотря на то, что внутренно, по существу дѣла и по происхожденію своему, реальная школа есть какъ бы отрицаніе гимназіи, или—что то же—есть школа не ученаго, а свѣтскаго образованія, доселѣ еще у нѣмцевъ она традиціонно числится въ разрядѣ «ученыхъ школъ», и вся исторія ея въ Европѣ до самыхъ послѣднихъ дней представляетъ рядъ попытокъ подвести подъ нее дидактическое научное основаніе, съ тѣмъ, чтобы она, какъ гимназія, была также ученою школою».

Эти попытки, по свидѣтельству автора «Недуговъ нашего учебнаго дѣла», не привели къ желаннымъ результатамъ, и реальная школа не сдѣлалось школою истинно ученою. «Причина заключается въ исторической тенденціи самой школы и въ дидактическихъ условіяхъ ея учебныхъ предметовъ,—говоритъ Н. Скворцовъ. Тяготѣніе къ настоящему, къ тому, что дано въ окружающей дѣйствительности и входитъ непосредственно въ интересы жизни, составляетъ отличительный характеръ образованія, къ развитію котораго исторически призвана реальная школа. Потому, съ одной стороны, новые языки ставятъ здѣсь обыкновенно гораздо сильнѣе, чѣмъ въ гимназіяхъ: ихъ и начинаютъ раньше и больше времени на нихъ употребляютъ, съ другой,— также согласно съ характеромъ образованія, къ которому тяготѣетъ реальная школа, естествознаніе и математика занимаютъ здѣсь наиболѣе видное мѣсто среди прочихъ учебныхъ предметовъ».

Digitized by Google

Стремясь во что бы то ни стало поставить реальныя училища на одну доску съ гимназіями, въ интересахъ свободной конкурренціи, въ Пруссіи въ началѣ текущаго столѣтія начали вводить обученіе въ этихъ реальныхъ училищахъ латинскому языку, сначала необязательное, а потомъ обратившееся въ принудительное. Но этотъ типъ «реальной гимназіи» я разсматривать не буду, такъ какъ онъ не сыгралъ никакой роли въ судьбахъ русскаго образованія. Для насъ важно было лишь отмѣтить историческую судьбу и происхожденіе классической гимназіи и реальнаго училища, исключительно привлекшихъ къ себѣ въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ вниманіе нашихъ руководителей учебнаго дѣла и по образцу которыхъ была создана русская пореформенная средняя школа.

Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Digitized by Google

ПО КИТАЙСКОМУ ПОБЕРЕЖЬЮ [1].

VI.

Городъ Фу-чжоу-фу.

АКЪ зовутъ туземцы столицу Фокіенской провинціи, причемъ удареніе рѣзко слышится на первомъ Фу; англичане называютъ ее Фу-чау, французы—Фу-чеу, на прейскурантахъ московскихъ чайныхъ фирмъ этотъ городъ обратился въ Фуче-фу,—слово, знакомое всѣмъ намъ съ дѣтства и довольно близко подходящее своимъ началомъ къ французскому названію, а концомъ — къ китайскому. Этотъ конецъ, то-есть послѣднее фу, употребляется здѣсь только при обозначеніи губернскихъ городовъ областей; уѣздные города имѣютъ другія приставки, смотря по своей важности и значенію.

Не только среди такъ называемыхъ договорныхъ портовъ Срединнаго царства, то-есть тѣхъ городовъ, что открыты иностранцамъ для торговли и свободнаго проживанія въ нихъ, въ силу трактатовъ, заключенныхъ китайскимъ правительствомъ въ разное время съ разными европейскими и неевропейскими государствами, но и вообще на всемъ приморскомъ побережьѣ Китая нѣтъ другаго города, котораго ближайшія окрестности были бы болѣе интересны и живописны, чѣмъ окрестности Фу-чжоу.

Расположенный въ области, производящей громадныя количества чая, онъ давно уже сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ мѣстъ

---

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXIII, стр. 271.

Digitized by Google

вывоза этого продукта въ другія страны, между прочимъ, и къ намъ въ Россію. Съ семидесятыхъ годовъ здѣсь существуетъ даже крошечная колонія русскихъ людей, занимающихся чайнымъ дѣломъ. Такимъ образомъ, Фу-чжоу представляется однимъ изъ весьма немногихъ пунктовъ Китая, гдѣ можно встрѣтить нашихъ соотечественниковъ не въ качествѣ залетной avis rarissima, а въ видѣ осѣдлой общины, хотя и микроскопической по размѣрамъ, но сильной своимъ вліяніемъ и общественнымъ положеніемъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ произведенъ подсчетъ всѣхъ иностранцевъ, проживающихъ въ Китаѣ, давшій слѣдующія любопытныя цифры распредѣленія ихъ по національностямъ: англичанъ оказалось 3.317, гражданъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ 1.153, японцевъ 883, нѣмцевъ 648, португальцевъ 610, французовъ 589, испанцевъ 304, шведовъ и норвержцевъ 155, русскихъ 131, датчанъ 85, итальянцевъ 74, австрійцевъ 65, голландцевъ 41, бельгійцевъ 28, бразильцевъ 2, всего 8.081 человѣкъ.

Къ сожалѣнію, статистики различныхъ иностранныхъ капиталовъ, вложенныхъ въ китайскія предпріятія, не существуетъ: но если бы она была, то несомнѣнно, что мы заняли бы въ ея таблицахъ гораздо болѣе высокое мѣсто, чѣмъ то, какое мы имѣемъ въ приведенномъ только что рядѣ, ибо значительное число членовъ русской группы такъ или иначе связаны съ нашими заправилами чайнаго дѣла; а эти заправилы ворочаютъ здѣсь большими милліонами.

Мнѣ пришлось быть въ Фу-чжоу три раза; но два послѣдніе, отдѣленные промежутками въ нѣсколько лѣтъ, послужили только для того, чтобы освѣжить, провѣрить и дополнить тѣ впечатлѣнія и свѣдѣнія, какія дало мнѣ первое посѣщеніе этого порта, гдѣ мы простояли тогда три мѣсяца, причемъ, благодаря любезности нашего консула Н. А. Попова и другихъ членовъ мѣстной русской колоніи, я имѣлъ возможность близко ознакомиться не только съ самимъ Фу-чжоу, но и съ его наиболѣе замѣчательными окрестностями.

Это было слишкомъ 12 лѣтъ тому назадъ когда я увидѣлъ впервые ту рѣку, на которой, кромѣ Фу-чжоу, стоятъ еще тридцать городовъ, обнесенныхъ стѣнами, историческую рѣку Минъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ разыгрался одинъ изъ знаменательнѣйшихъ эпизодовъ той длинной, сложной, нерѣдко кровавой драмы, какую представляетъ исторія сношеній Китая съ сильными государствами Запада и Востока за послѣдніе полъ-вѣка.

Дулъ свѣжій береговой бризъ, ясный солнечный день уже склонялся къ вечеру, когда мы 1-го декабря 1885 года взяли курсъ съ моря къ устью Мина послѣ плаванія, хотя въ общемъ и неособенно тяжелаго, но все-таки надорвавшаго силы нашего «Моржа», который теперь еле-еле тащилъ свои старыя кости. Давно уже въ фіолетовой дымкѣ дали виднѣлись огромные массивы прибрежныхъ горныхъ хребтовъ, въ безпорядкѣ громоздившіеся другъ надъ другомъ.

Digitized by Google

По мѣрѣ нашего приближенія, они начинаютъ вырисовываться все яснѣе и яснѣе; брошенные въ море скалистые острова отдѣляются отъ фона материка, на которомъ они доселѣ неподвижно проектировались, и какъ бы оживаютъ, обособляясь въ самостоятельныя тѣла, каждое съ своей собственной физіономіей и жизнью.

Мы принимаемъ лоцмана. Горныя вершины мрачными, рѣзкими линіями выступаютъ на темнѣющемъ прозрачно-чистомъ небѣ. Направо отъ насъ, у самаго берега виднѣется островъ; на немъ бѣлѣютъ какія-то зданія европейской архитектуры: это Sharp-pick [1]).

Шарпикъ—нѣчто въ родѣ санитарной станціи для европейцевъ, живущихъ въ городѣ Фу-чжоу: сюда бѣгутъ спасаться отъ томительныхъ лѣтнихъ жаровъ, бѣгутъ больные перемежающейся лихорадкой, выздоравливающіе отъ различныхъ тяжелыхъ мѣстныхъ болѣзней, бѣгутъ для того, чтобы подышать чистымъ морскимъ воздухомъ, покупаться въ морѣ, наконецъ, просто отдохнуть отъ суетолокъ городской жизни и дѣлъ. Санаторіей завѣдуетъ врачъ, миссіонеръ одной изъ тамошнихъ протестантскихъ миссій. Больные принимаются на полное содержаніе за извѣстную помѣсячную плату.

Передъ нами открывается узкій проходъ между двумя скалами. Мы входимъ, минуемъ баръ (глубина надъ нимъ въ часы отлива всего лишь 10—12 футъ) и плывемъ по узкому ущелью между громадами гранита. По берегамъ рисуются силуэты укрѣпленій: это проходъ и форты Кинпао. Занимъ открывается широкая долина, прекрасно воздѣланная и богато орошенная многочисленными каналами. Рѣка въ своемъ теченіи расширяется; но мы идемъ малымъ ходомъ, и все чаще и чаще слышится команда лоцмана: право! лѣво! такъ держать! Повороты самые неожиданные! Но вотъ разступившіяся было горы снова сдвигаются, оставляя ущелье, еще болѣе узкое, чѣмъ Кинпао, и очень извилистое. Это Миннганскій проходъ. Мгла стелется надъ рѣкой, шумно и быстро льющей свои воды. На склонахъ скалъ опять укрѣпленія: форты Миннгана. Мы проходимъ еще мимо какой-то неопредѣленной постройки на берегу.

Совсѣмъ стемнѣло. Не вотъ блеснулъ огонекъ, характерный огонь орудія, за нимъ другой, третій, и гулъ пушечныхъ выстрѣловъ звонкимъ рокотомъ отдался въ ущельяхъ горъ. На вершинахъ, точно по волшебству, засвѣтились вдругъ разноцвѣтные фонарики и волнующимися, длинными рядами закачались надъ землей. Едва смолкъ послѣдній пушечный выстрѣлъ, какъ возлѣ этихъ фонариковъ закипѣли каскады огней, и цѣлый хаосъ трескучихъ звуковъ наполнилъ воздухъ: ружейные залпы, взрывы хлопушекъ, вспышки бенгальскихъ огней, все слилось вмѣстѣ, и все вмѣстѣ было такъ неожиданно странно. Густой дымъ заволокъ окрестности и скрылъ совсѣмъ очертанія береговъ.

---

[1]) Шарпикъ значитъ острый пикъ.

Digitized by Google

— Что это?—спрашиваемъ у лоцмана. Тотъ хохочетъ, держась руками за бока.

— Этакіе ослы! Этакіе ослы!—повторяетъ онъ сквозь слезы.

— Да въ чемъ дѣло?

Произошло, оказывается, довольно забавное qui pro quo: въ этотъ вечеръ ожидался въ Фу-чжоу одинъ очень важный мандаринъ изъ Пекина; мѣстныя власти распорядились устроить ему торжественную встрѣчу; между прочимъ, форты, расположенные по рѣкѣ, должны были салютовать пушечными выстрѣлами, а собранныя пѣхотныя войска ружьями и хлопушками; фонарики, что мелькали въ воздухѣ, принадлежали тоже солдатамъ: каждый китайскій воинъ имѣетъ присвоенный ему ночью фонарикъ, а днемъ—свое особое знамя, или значекъ. Мандаринъ-то, дѣйствительно, пріѣхалъ, но почему-то не пожелалъ слѣдовать дальше вверхъ по рѣкѣ, а остался на ночь у бара; пришли же къ бару и мы и онъ почти одновременно; и его судно и наше очень похожи съ перваго взгляда; а если принять въ расчетъ ночное время и нервно возбужденное состояніе лицъ, ожидающихъ прибытія начальства, то вотъ и причина всей происшедшей путаницы и тѣхъ овацій, которыхъ мы такъ незаконно удостоились. А ихъ было достаточно: укрѣпленія, мимо которыхъ мы проходили, продолжали жарить изъ пушекъ, пѣхота палила изъ ружей, вездѣ по склонамъ горъ мелькали огоньки, по временамъ доносился отдаленный гулъ музыки: глухо звенѣли мѣдные гонги, стучали барабаны, слышались какіе-то крики; иногда во мракѣ, освѣщенныя свѣтомъ фонарей, вырѣзывались кучки людей; качались носилки, въ которыхъ несли, вѣроятно, офицеровъ: въ общемъ получалась эффектная картина, полная жизни и движенія, красивый моментъ красивой сценической пьесы, разыгранной только не на театральныхъ подмосткахъ, среди картонныхъ пейзажей, въ спертомъ воздухѣ душной залы, а въ грандіозной рамкѣ живой природы, среди настоящихъ китайскихъ горъ, подъ темнымъ южнымъ китайскимъ небомъ, обвѣянной свѣжестью мягкой зимней ночи юга.

За Миннганскимъ [1]) ущельемъ рѣка разливается въ широкую водную равнину, имѣющую форму озера; однако мы идемъ все также тихо, какъ и раньше, и все также часто раздаются предостерегающіе возгласы лоцмана: подъ широкой спокойной гладью рѣки—масса предательскихъ, песчаныхъ отмелей, чуть видныхъ островковъ и камней. Но вотъ замелькали судовые огоньки стоящихъ на якорѣ пароходовъ, затѣмъ блеснули освѣщенныя окна зданій на берегу, и передъ нами вырисовался довольно большой островъ съ пагодой на вершинѣ. Это и есть островъ Пагоды (Pagoda Island), или Pagoda ancorage, мѣсто якорной стоянки судовъ, приходящихъ въ Фу-чжоу. И мы

[1]) Или вѣрнѣе, пожалуй,—Миннанскимъ.

Digitized by Google

здѣсь отдали якорь, пройдя отъ устья рѣки 26 миль (около 45 верстъ). Собственно до города отсюда еще 9 миль; но выше рѣка становится слишкомъ мелкой и доступна лишь для судовъ съ очень малой осадкой. Два раза въ мѣсяцъ, въ періоды наиболѣе сильныхъ приливовъ, суда, сидящія не свыше 9 футъ, могутъ еще подняться къ самому Фу-чжоу, или, вѣрнѣе, къ острову Нантаю, на которомъ разбросалась мѣстная европейская колонія; но за Нантаемъ плаваніе возможно только для совсѣмъ плоскодонныхъ туземныхъ барокъ. Приблизительно въ пяти миляхъ отсюда, на полъ-дорогѣ между островомъ Пагоды и Нантаемъ, китайцы въ 1840 году, желая помѣшать англійскимъ военнымъ судамъ подняться по Мину до города Фу-чжоу, запрудили рѣку громадными камнями, что и повело, съ теченіемъ времени, къ образованію песчаныхъ отмелей выше мѣста запруды.

На другой день съ утра насъ осадила цѣлая куча продавцовъ мѣстныхъ издѣлій. Фу-чжоу славится своими подѣлками изъ такъ называемаго мыльнаго камня, добываемаго въ окрестныхъ горахъ, и корней какого-то тамошняго дерева. Миніатюрныя пагоды, столики, гробницы, чашки, блюда, изображенія людей, птицъ, животныхъ, рыбъ,—все это, сдѣланное съ тѣмъ кропотливымъ стараніемъ, которое характеризуетъ китайское искусство, цѣлая куча бездѣлушекъ, очень оригинальныхъ, не лишенныхъ своеобразнаго изящества и вкуса, завалили верхнюю палубу и скоро обратили ее въ настоящій базаръ.

День чудный. Солнце свѣтитъ ярко. Легкій паръ подымается изъ ущелій и прозрачной дымкой стелется по склонамъ горъ. Мы точно въ громадной бухтѣ: рѣка здѣсь очень широка,—около 5-ти верстъ, говорятъ. На рейдѣ стоятъ нѣсколько большихъ купеческихъ пароходовъ, да вдали бѣлѣетъ маленькая англійская канонерка «Firebrand». На первомъ ближайшемъ къ намъ берегу рѣки виднѣется большое трехъэтажное каменное зданіе таможни; по склонамъ лѣпятся нѣсколько европейскихъ домовъ общаго всему Востоку типа постройки. Дальше безпорядочной кучей толпятся китайскіе домишки. Большой, близко придвинувшійся къ лѣвому матерому берегу, островъ увѣнчанъ девяти-этажной пагодой, отъ которой вся окрестная мѣстность получила свое названіе. Одинъ мысъ сѣвернаго берега рѣки выдался въ видѣ полуострова, и на немъ расположился знаменитый Фу-чжоускій арсеналъ; на эллингахъ острова Пагоды видны корпуса двухъ строящихся военныхъ судовъ. Ошвартовавшись у берега, стоятъ двѣ китайскія канонерки, носящія на себѣ всѣ слѣды недавняго пребыванія на днѣ рѣчномъ: это остатки той злосчастной флотиліи, которую потопили здѣсь французы въ августѣ 1884 года. Китайцы поднимаютъ тѣ изъ затопленныхъ судовъ, какія можно поднять, чинятъ ихъ и снова пускаютъ въ ходъ.

Digitized by Google

Учрежденія, извѣстныя подъ общимъ именемъ Арсенала Фучжоу, заключаютъ въ себѣ, кромѣ складовъ оружія и военныхъ запасовъ,— доки, обширныя мастерскія, снабженныя прекрасными европейскими машинами, и два училища для подготовки изъ туземцевъ морскихъ офицеровъ, механиковъ, корабельныхъ инженеровъ, чертежниковъ и проч.

Исторія возникновенія Фучжоускаго арсенала была въ свое время разсказана однимъ изъ профессоровъ его, французомъ Руссѐ, стоявшимъ очень близко къ иниціаторамъ и руководителямъ замѣчательнаго учрежденія. Это, въ сущности, цѣлая глава изъ новѣйшей исторіи Китая, чрезвычайно интересная и поучительная.

Послѣднее грандіозное народное возстаніе въ Китаѣ, извѣстное подъ именемъ Тайпинскаго мятежа, свирѣпствовавшее безъ малаго 15 лѣтъ на пространствѣ $^3/_4$ Китайской имперіи, унесшее 20 милліоновъ человѣческихъ жизней, обратившее многолюдные города и цѣлыя цвѣтущія области страны въ груды развалинъ,— возстаніе это, какъ и всякая крупная революція, должно было выдвинуть и дѣйствительно выдвинуло на первый планъ политической сцены рядъ талантливыхъ и энергичныхъ людей. Особенно широкой извѣстности между ними, далеко распространившейся и за предѣлы имперіи, достигли три лица: Тсенгъ-куо-фанъ, Лихунчанъ и Тсо-Тсонъ-Танъ. Получивъ, послѣ разсѣянія мятежниковъ, порученіе возстановить изъ развалинъ провинціи, которыя они только-что усмирили, эти люди обнаружили и на мирномъ поприщѣ столь же блистательные административные таланты, сколько проявили твердости и мужества на поляхъ сраженій. Громадная опасность, угрожавшая самому существованію имперіи, внутри отъ Тайпиновъ, извнѣ отъ иноплеменнаго нашествія, извѣстнаго подъ именемъ англо-французской экспедиціи, открыла этимъ людямъ глаза: болѣе умные и дальновидные, чѣмъ большинство ихъ соотечественниковъ, они поняли, что если Китаю и удалось на этотъ разъ избѣгнуть гибели, то для предотвращенія подобной опасности въ будущемъ онъ долженъ прежде всего заняться улучшеніемъ своихъ средствъ обороны и ввести въ свою администрацію нѣкоторыя неизбѣжныя реформы, требуемыя измѣнившимися условіями сношеній Европы съ Дальнимъ Востокомъ. Они явились иниціаторами движенія въ пользу этихъ реформъ и принялись за энергическую борьбу съ приверженцами неподвижной старины. Эта политическая борьба, замкнутая въ тѣсный кругъ сановниковъ имперіи и въ тайники департаментовъ правительственныхъ канцелярій Пекина, не производила, однако, большаго шума. Народъ совсѣмъ и не зналъ о ней. Довольный той большой индивидуальной свободой, которой онъ пользуется, не стѣсняемый мелочнымъ вмѣшательствомъ правительственной власти въ его внутреннюю жизнь, народъ китайскій не занимается политикой и позволяетъ управлять собою легко, до тѣхъ

Digitized by Google

поръ пока злоупотребленія мандариновъ или ихъ агентовъ не принудятъ его къ актамъ насилія или возстанія. Но въ правительственныхъ сферахъ образовались двѣ партіи: одна—строго-консервативная, старо-китайская,— партія сопротивленія всякому измѣненію и заимствованію; другая—партія либеральная, прогрессивная, радикальная, назовите ее, какъ хотите,— въ данномъ случаѣ дѣло не въ названіи: было бы очень большой ошибкой думать, что сторонники этой послѣдней партіи суть утописты, жаждущіе сначала ниспровергнуть весь существующій государственный и общественный строй, для того чтобы на развалинахъ его воздвигнуть потомъ новое зданіе новаго общества, устроеннаго по собственному плану и вкусу; они не только безконечно далеки отъ мысли о чемъ нибудь подобномъ, но даже очень далеки и отъ восторженнаго преклоненія передъ цивилизаціей и существующимъ строемъ жизни Запада, и если имъ захотѣлось сдѣлать изъ этой цивилизаціи позаимствованія, которыя они считали безвредными для основъ своего соціальнаго строя, то это лишь для того, чтобы имѣть возможность успѣшнѣе бороться съ Европой, а вовсе не затѣмъ, чтобы открыть ей настежь всѣ ворота застѣннаго Китая. Они—радикалы только съ точки зрѣнія ихъ противниковъ,— слѣпыхъ приверженцевъ старины. Въ дѣйствительности же между обѣими политическими партіями существуетъ глубокая внутренняя связь, ихъ соединяетъ одно общее чувство, одинаково сильное въ обѣихъ: это чувство — любовь къ своему, китайскому, сознаніе кореннаго превосходства основъ своего быта надъ всякой иноземщиной. У экзальтированныхъ непримиримыхъ оно могло принимать иногда характеръ ненависти къ иностранцамъ; у прогрессистовъ, болѣе умѣренныхъ по темпераменту и одаренныхъ лучшимъ пониманіемъ положенія дѣлъ, оно выражалось въ желаніи — во всякомъ случаѣ сохранить своей цивилизаціи все то, что составляетъ ея оригинальность и силу. Такимъ образомъ, основная цѣль, преслѣдовавшаяся обѣими партіями, въ сущности была одна и та же. Онѣ расходились только въ выборѣ средствъ для ея достиженія. Прогрессисты предлагали правительству заимствовать отъ Европы ея усовершенствованное оружіе, военную организацію, военныя суда,— ея орудія обороны всѣхъ сортовъ. Это былъ, если угодно, шагъ, сдѣланный по дорогѣ прогресса, но въ направленіи, діаметрально противоположномъ тому, что большинство европейскихъ резидентовъ въ Китаѣ желало бы видѣть отъ его правительства. Если прогрессисты, казалось, хотѣли уступить Европѣ въ данный моментъ, то это лишь для того, чтобы получить возможность успѣшнѣе бороться съ ней въ слѣдующій,— и, становясь на точку зрѣнія китайскихъ патріотовъ, нельзя не признать мудрости людей, ставшихъ во главѣ такъ называемой партіи прогресса. Несмотря на упорное сопротивленіе, которое они встрѣтили и противъ котораго должны были отчаянно

Digitized by Google

бороться, они кончили тѣмъ, что побѣдили, благодаря, главнымъ образомъ, могущественной поддержкѣ принца Кунга.

Тсо-Тсонъ-Танъ одинъ изъ первыхъ перешелъ отъ разсужденій къ дѣлу, къ примѣненію своихъ взглядовъ на практикѣ. По изгнаніи мятежниковъ изъ Чекіанской провинціи, гдѣ онъ былъ губернаторомъ, Тсо, въ награду за услуги, оказанныя государству, былъ назначенъ вице-королемъ Фокіенской и Чекіанской областей. Еще во время кампаніи противъ Тайпиновъ, онъ, для скорѣйшаго подавленія возстанія, прибѣгъ къ употребленію такъ называемыхъ франко-китайскихъ отрядовъ, то-есть, войсковыхъ частей, сформированныхъ изъ китайскихъ солдатъ, но находившихся подъ командою французскихъ офицеровъ и инструкторовъ. Видя собственными глазами дѣйствія европейскихъ офицеровъ, Тсо имѣлъ возможность оцѣнить какъ ихъ службу, которой онъ былъ обязанъ рядомъ блестящихъ побѣдъ, такъ и преимущества европейскаго обученія и вооруженія. Тамъ же, на поляхъ сраженій, онъ составилъ себѣ очень высокое понятіе о мужествѣ и преданности своему долгу командировъ этихъ отрядовъ, людей выдающагося ума и энергіи, видя, что изъ четырехъ офицеровъ, послѣдовательно занимавшихъ командирскій постъ, двое — Le Brethon и Tardif de Moidray, были ранены смертельно, а третій—Giquel—очень тяжело, и онъ рѣшилъ употребить съ бо́льшей пользой для дѣла тѣхъ, которые еще остались въ живыхъ послѣ этой кампаніи. Пораженный могуществомъ французской Тихо-океанской эскадры и полагая, что, въ виду огромнаго развитія китайской береговой линіи, его странѣ принесло бы неизмѣримую пользу обладаніе своимъ собственнымъ военнымъ флотомъ, могущимъ охранять подступы къ ней съ моря, онъ въ 1864 году обратился къ французскимъ морскимъ офицерамъ, лейтенантамъ Giquel'ю и d'Aiguebelle'ю, съ просьбою составить ему проектъ созданія въ г. Фу-чжоу большаго учрежденія для постройки паровыхъ военныхъ судовъ. Два года спустя, онъ представилъ императору планъ этихъ офицеровъ и по утвержденіи его заключилъ съ ними контрактъ, главные, наиболѣе существенные пункты котораго были слѣдующіе: втеченіе пяти лѣтъ въ Фу-чжоу должны быть устроены, во-первыхъ, мастерскія и доки, необходимые для постройки судовъ и ихъ машинъ; во-вторыхъ, созданы школы для подготовки изъ туземцевъ личнаго персонала будущаго мѣстнаго военнаго флота, то-есть штурмана, механики, морскіе офицеры, и проч.; въ-третьихъ, законтрактованъ на тотъ же срокъ достаточный европейскій персоналъ, вполнѣ компетентный для того, чтобы вести, какъ самыя работы, такъ и дѣло обученія китайцевъ въ мастерскихъ, докахъ и школахъ; въ-четвертыхъ, выстроены 15 паровыхъ судовъ различнаго водоизмѣщенія, долженствовавшихъ послужить ядромъ собственнаго флота.

Подобная иниціатива была вещью очень новою въ Китаѣ, и

Digitized by Google

требовалось много гражданскаго мужества, чтобы взять на себя такую большую отвѣтственность. Центральное правительство въ Китаѣ, по принципу, никогда активно не вмѣшивается ни въ какія предпріятія, имѣющія даже общегосударственное значеніе: оно довольствуется тѣмъ, что отвергаетъ или одобряетъ проекты, которые ему предлагаютъ, оставляя авторамъ такихъ проектовъ всю отвѣтственность ихъ исполненія. Рѣдко бываетъ, что эти авторы видятъ осуществленіе своихъ думъ и трудовъ: зависть соперниковъ, возбужденная успѣхомъ, заставляетъ ихъ пускать въ ходъ все, чтобы помѣшать довести дѣло до конца, и зачастую смѣлые иниціаторы видятъ свою карьеру разбитою, личное состояніе потерянным, нерѣдко даже самая жизнь ихъ подвергается опасности. Вотъ почему въ большую заслугу Тсо надо вмѣнить его смѣлость начать, за собственный страхъ и рискъ, такое новое и большое дѣло, и этого акта разумный личной иниціативы было бы одного вполнѣ достаточно, чтобы обезпечить ему почетное мѣсто въ современной исторіи Китая. Помощникомъ себѣ по выполненію своихъ обширныхъ плановъ Тсо выбралъ мандарина Шен-пао-чена, человѣка тоже замѣчательнаго ума и характера.

Работы, начатыя въ 1868 году, были въ самомъ разгарѣ, какъ вдругъ Тсо отозвали съ поста вице-короля Фокіена и Чекіана и назначили вице-королемъ Шенъ-зи и Кансу для усмиренія мусульманъ, возставшихъ на другомъ концѣ имперіи. Въ этомъ внезапномъ перемѣщеніи, кромѣ желанія воспользоваться военными талантами Тсо, не малую роль, конечно, сыграли придворныя интриги, зависть враговъ, недовѣрчивая подозрительность центральнаго правительства и желаніе удалить вліятельнаго вице-короля, уже пріобрѣвшаго большую популярность, отъ учрежденія, которое должно было еще больше увеличить его престижъ и значеніе, давъ ему въ руки такія могущественныя орудія войны: вице-короли различныхъ областей Китая сохранили въ себѣ еще очень много характерныхъ чертъ древнихъ сатраповъ; это — настоящіе правители, пользующіеся гораздо большей властью, чѣмъ просто генералъ-губернаторы, какъ ихъ иногда считаютъ у насъ; и центральное правительство постоянно и очень зорко слѣдитъ за каждымъ ихъ шагомъ.

Во главѣ Фу-чжоускаго арсенала остался Шенъ-пао-ченъ.

Въ 1874 году, благодаря энергіи европейскаго персонала и поддержкѣ Шен-пао-чена, несмотря на безчисленныя препятствія всякаго сорта, всѣ пункты контракта оказались выполненными. Достигнутые за такой короткій срокъ результаты были поразительны: сотни хорошо обученныхъ туземныхъ рабочихъ наполняли обширныя мастерскія, совершенно оборудованныя; 15 военныхъ судовъ спущены на воду и вооружены; въ школахъ ученики, меньше чѣмъ въ 5 лѣтъ, прошли полный курсъ наукъ и могли съ успѣхомъ примѣнять свои

Digitized by Google

знанія тутъ же, на судахъ, въ чертежныхъ и кораблестроительныхъ мастерскихъ.

Въ отчетѣ, который представило тогдашнему французскому морскому министру командированное имъ въ Фу-чжоу довѣренное лицо, занимавшее очень видное мѣсто въ министерствѣ, содержатся, между прочимъ, слѣдующія любопытныя строки: «въ дѣлѣ г-на Giquel'я есть одна сторона, болѣе всего поразительная; не трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ даже издали, что при извѣстныхъ средствахъ возможно устроить подобное учрежденіе, организовать кадры рабочихъ и выстроить цѣлую флотилію; но понятно, что было гораздо труднѣе открыть въ ученикахъ скрытые таланты къ изученію столь чуждыхъ имъ наукъ, къ разумѣнію абстрактныхъ идей, въ нихъ заключающихся, которыя, казалось бы, должны были остаться совершенно непонятными людямъ, не имѣющимъ въ своемъ языкѣ даже словъ для ихъ выраженія. И однако же этотъ результатъ былъ достигнутъ, и я думаю, что въ выучкѣ личнаго персонала изъ туземцевъ г. Giquel выполнилъ больше, чѣмъ обѣщанія своей программы. Въ мое посѣщеніе училищъ, созданныхъ его усиліями и составлявшихъ постоянно предметъ его особеннаго вниманія, я былъ пораженъ полученными результатами. Я посѣтилъ французское училище, предназначенное для образованія корабельныхъ инженеровъ и механиковъ, и англійское морское училище. И въ томъ, и въ другомъ преподаваніе поставлено очень хорошо. Воспитанники французскаго училища получаютъ даже первыя понятія объ интегральномъ и дифференціальномъ исчисленіяхъ. Профессора этого училища, въ исполненіи своей задачи, столь трудной, обнаружили удивительное терпѣніе и преданность дѣлу. Ихъ усилія не остались безплодными, и я могъ убѣдиться изъ вопросовъ, предложенныхъ въ моемъ присутствіи, что ученики вполнѣ сознательно усвоили себѣ преподанные имъ предметы. За то же самое говорятъ и письменныя рабсты ихъ, взятыя мною наудачу, безъ всякаго выбора».

Хотя достигнутые результаты были такимъ образомъ и очень велики, китайскія власти арсенала считали, однако, услуги и помощь европейцевъ въ данномъ дѣлѣ необходимыми въ теченіе еще нѣкотораго довольно продолжительнаго времени; но высказать это громко они не рѣшались. Несмотря на осязательныя доказательства, что извѣстная программа, обусловленная контрактомъ, была дѣйствительно выполнена въ срокъ,—заявить, что надобность въ сохраненіи при арсеналѣ европейцевъ продолжаетъ еще существовать, значило признаться передъ центральнымъ правительствомъ въ собственной несостоятельности, дать въ руки враждебной партіи оружіе для самыхъ тяжелыхъ нападокъ и компрометтировать какъ главнаго иниціатора предпріятія, такъ и тѣхъ лицъ, кому было поручено дальнѣйшее веденіе его. Лучше было сказать, что китайцы считаютъ себя вполнѣ удовлетворенными и не нуждаются больше въ услугахъ европейскаго

Digitized by Google

персонала, который помогалъ имъ до сихъ поръ. Такой выходъ вполнѣ согласовался съ исконными традиціями китайской бюрократіи, и Шенпао-ченъ не былъ бы сыномъ своей страны, если бы онъ поступилъ иначе.

Результатомъ его доклада императору въ этомъ именно смыслѣ было увольненіе въ 1874 году всѣхъ европейцевъ, служившихъ въ арсеналѣ Фу-чжоу, при чемъ императоръ пожаловалъ имъ разныя болѣе или менѣе высокіе чины и отличія, и арсеналъ съ тѣхъ поръ поступилъ въ исключительное завѣдываніе китайскихъ чиновниковъ.

Прошло 10 лѣтъ. По странной ироніи судьбы, на долю французовъ же въ 1884 году выпало разрушить то, что было воздвигнуто въ Фу-чжоу ихъ соотечественниками въ 1874 году.

Такъ какъ вопросы большой политической важности, возникшіе между Франціей и Китаемъ около этого времени, не могли быть улажены дипломатическимъ путемъ, то Франція прибѣгла къ ряду такъ называемыхъ «репрессалій» и, между прочимъ, къ «морской демонстраціи» на рѣкѣ Минъ, которая окончилась разрушеніемъ части арсенала, значительнаго числа китайскихъ военныхъ судовъ и всѣхъ фортовъ по рѣкѣ французскимъ флотомъ подъ начальствомъ адмирала Курбе.

Комиссаръ Каралль (Deputy Commissioner Carall), бывшій очевидцемъ этого побоища, далъ интересный отчетъ о немъ, многія подробности котораго очень разнятся отъ офиціальной французской версіи этого громкаго дѣла.

Силу обоихъ противниковъ, стоявшихъ другъ противъ друга близъ острова Пагоды,—говоритъ Каралль,—составляли: у французовъ—9 обшитыхъ броней кораблей и 2 миноносца, 1830 человѣкъ команды, 77 крупныхъ орудій и масса скорострѣльныхъ пушекъ; у китайцевъ—11 деревянныхъ судовъ, 1190 человѣкъ команды и 45 орудій, изъ которыхъ только немногія были большаго калибра. Но количество судовъ, пушекъ и людей не даетъ еще надлежащаго понятія о боевой силѣ сражающихся сторонъ: необходимо помнить, что французскіе корабли представляли образецъ современнаго морского строительнаго искусства, ихъ пушки—торжество техники этого сорта, а люди стояли на уровнѣ современныхъ требованій къ судовымъ командамъ, тогда какъ китайскую флотилію, за исключеніемъ двухъ или трехъ кораблей, составляли небольшія суда, несшія береговую полицейскую службы, главнымъ образомъ преслѣдовавшія мѣстныхъ пиратовъ и совершенно неспособныя противостоять сокрушительной силѣ металла, посланнаго на нихъ съ близкаго разстоянія. То, что команды ихъ не дезертировали цѣлыми массами раньше боя, когда онѣ въ теченіе цѣлыхъ недѣль стояли подъ заряженными дулами вражескихъ пушекъ, совершенно ясно понимая свою полную безпомощность,—просто удивительно и должно въ значительной мѣрѣ парализовать обвиненіе въ малодушіи, высказанное противъ нѣкото-

Digitized by Google

рыхъ изъ нихъ за то, что они не остались до конца у своихъ пушекъ, пока ихъ корабли не пошли ко дну [1]).

Бой начался въ 1 час. 56 мин. по полудни 23-го августа, въ тотъ моментъ, когда условія прилива дали большую свободу флоту для дѣйствій. Когда на «Volta» взвился красный флагъ, «Lynx» открылъ огонь, а вслѣдъ за нимъ начали стрѣлять и остальныя суда французской эскадры. Черезъ нѣсколько секундъ два китайскія судна пошли ко дну; два другія бѣжали вверхъ по рѣкѣ и разбились у Лин-пу; еще пара затонула тутъ же на рейдѣ; три другія хотя и не затонули сейчасъ же, но были приведены въ полную негодность тотчасъ послѣ начала боя. Только «Янгву» и «Ченвей» обнаружили необыкновенное мужество, сражаясь до конца. «Янгву» вступилъ, было, въ бой съ «Volta»; первый же снарядъ съ китайскаго судна разорвался на мостикѣ французскаго адмиральскаго корабля, убивши лоцмана и пять человѣкъ команды; адмиралъ Курбе едва избѣгъ опасности, такъ какъ онъ стоялъ рядомъ съ лоцманомъ, когда снарядъ разорвался. Минный катеръ съ «Volta», посланный немедленно къ «Янгву», взорвалъ его на воздухъ черезъ 27 секундъ отъ начала сраженія. Маленькій «Ченвей», осыпаемый выстрѣлами съ «Villars» и «d'Estaing» и изрѣшетенный снарядами изъ большихъ орудій «Triomphante'a», геройски бился до конца. Весь въ пламени, уносимый теченіемъ и утопая, «Ченвей» продолжалъ стрѣлять до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ французскихъ миноносцевъ не довершилъ дѣла его разрушенія; но, даже идя совсѣмъ ко дну, онъ успѣлъ выстрѣлить еще въ своего разрушителя и серьезно ранилъ командира французскаго миноносца и двухъ его людей.

Хотя уже черезъ семь минутъ отъ начала сраженія, каждое китайское военное судно перестало фактически существовать, какъ боевая единица, французы продолжали заливать противниковъ свинцомъ, стрѣляя изъ ружей, крупныхъ орудій и пушекъ Гочкиса, не обращая вниманія на раненыхъ и безпомощныхъ людей на гибнувшихъ судахъ.

Огонь продолжался съ небольшими перерывами до 8 час. вечера, будучи направленъ теперь главнымъ образомъ по различнымъ отрядамъ китайскихъ солдатъ, стоявшихъ лагерями на окрестныхъ холмахъ.

У французовъ было 5 убитыхъ и 15 раненыхъ, у китайцевъ— 419 убитыхъ, 128 раненыхъ и 51 пропавшихъ безъ вѣсти, кромѣ 102 убитыхъ и 22 раненыхъ на военныхъ джонкахъ.

Рано утромъ 24-го августа французы послали 3 паровыхъ катера и 5 шлюпокъ, вооруженныхъ скорострѣльными пушками, вверхъ

---

[1]) На нѣкоторыхъ китайскихъ судахъ, при первыхъ же непріятельскихъ выстрѣлахъ, команды, да и офицеры, предпочли бѣгство бою; многіе изъ нихъ тутъ же въ рѣкѣ и потонули; другіе, которымъ удалось добраться до берега, были, говорятъ, убиты окрестными крестьянами за нарушеніе вѣрности долгу службы.

Digitized by Google

по небольшой рѣкѣ, впадающей въ Минъ близъ таможни, для уничтоженія всѣхъ китайскихъ судовъ, какія тамъ только встрѣтятся, что̀ и было ими исполнено въ точности. Въ 10 час. утра того же дня «Volta», «Aspic» и «Lynx», выстроившись противъ арсенала, открыли по немъ орудійный огонь, который продолжался съ перерывами нѣсколько часовъ. Въ теченіе дня пять сильныхъ взрывовъ были слышны изъ арсенала, а около 3-хъ часовъ по полудни отъ него взвился огромный столбъ пламени и дыма.

25-го августа, въ 12 час. 40 мин. дня, французская эскадра снялась съ якоря и пошла къ Миннганскому ущелью. Остановившись близъ острова Spiteful, она въ 5 час. дня начала бомбардировку фортовъ, находящихся въ началѣ прохода. На этотъ огонь форты были не въ состояніи отвѣчать: ихъ амбразуры оказались построенными такъ, что орудія могли стрѣлять только внизъ по рѣкѣ и, слѣдовательно, были безсильны противъ непріятеля, находившагося выше ихъ. То же относится и ко всѣмъ другимъ фортамъ по рѣкѣ. Но что они могли представить серьезное препятствіе непріятелю, приближающемуся къ нимъ съ моря, это было достаточно демонстративно показано въ тотъ же день утромъ. «La Galissonière», въ то время одинъ изъ наиболѣе сильныхъ броненосцевъ французской эскадры въ этихъ водахъ, вошелъ въ рѣку. Пройдя $2^1/_2$ мили, онъ подставилъ свой бортъ фортамъ, и случаемъ этимъ они не замедлили воспользоваться. Первые три выстрѣла не попали въ корабль; онъ отвѣтилъ сильнымъ огнемъ, при чемъ его снаряды рвались у самыхъ амбразуръ китайскихъ батарей; но вскорѣ форты пристрѣлялись, и два выстрѣла подъ рядъ попали во французскій корабль. Слѣдующіе же были настолько удачны, что заставили его повернуть назадъ и искать безопасной якорной стоянки.

Съ 25-го по 29-е августа суда французской эскадры занимались разрушеніемъ укрѣпленій и лагерей вдоль рѣки отъ острова Пагоды до Шарпика и окончательно ушли въ море въ 3 час. дня 29 августа.

Первый же выстрѣлъ у Пагоды 23-го августа былъ сигналомъ къ отъѣзду Чан-Пей-Луна, императорскаго комиссара береговой обороны, и Хо-жу-чана, императорскаго комиссара арсенала. Они остановились было сдѣлать привалъ у Куай-ан'а, мѣстечка на вершинѣ Кушанскаго гребня; встрѣтивъ тамъ враждебный пріемъ со стороны мѣстныхъ жителей, первый отправился въ Пенъ-ченъ, деревушку неподалеку отсюда, а второй — въ г. Фу-чжоу.

Черезъ недѣлю послѣ ухода французской эскадры въ море, въ Фу-чжоу пришла англійская канонерка «Zephyr». Въ то время, когда она поднималась вверхъ по рѣкѣ, командиръ одного изъ фортовъ, принявши «Zephyr» за французское военное судно, приказалъ открыть пальбу. Одинъ снарядъ разорвался на мостикѣ канонерки, убилъ стоявшаго тамъ лейтенанта и ранилъ нѣсколькихъ матросовъ.

Digitized by Google

Китайскія власти приняли немедленно мѣры для предотвращенія возможности повторенія подобныхъ несчастныхъ случаевъ: всѣ суда дружественныхъ націй были снабжены бѣлыми флагами съ черными письменами на нихъ, обозначавшими національность даннаго корабля; эти флаги суда должны были нести на фокъ-мачтахъ во все время прохожденія по р. Минъ.

Отмѣтимъ здѣсь еще нѣсколько интересныхъ эпизодовъ изъ того времени, сообщенныхъ намъ мѣстными европейскими обывателями Фу-чжоу, которые имѣли возможность быть ближайшими свидѣтелями событій знаменательныхъ дней, пережитыхъ столицей Фокіена въ августѣ 1884-го года.

Китайскія власти Фу-чжоу, получивъ строжайшій приказъ изъ Пекина ни въ какомъ случаѣ не затрогивать французовъ и не подавать съ своей стороны ни малѣйшаго повода къ начатію какихъ либо непріязненныхъ дѣйствій, не вѣрили въ возможность нападенія вплоть до самой бомбардировки, стоившей имъ девяти военныхъ судовъ, тринадцати военныхъ джонокъ, арсенала и фортовъ, то-есть, около 20 милліоновъ рублей убытку. Тѣмъ сильнѣе было негодованіе китайцевъ на коварныхъ противниковъ, напавшихъ на нихъ совершено врасплохъ. Послѣ перваго же дня побоища у Пагоды городское начальство распорядилось вывѣсить повсюду объявленія, гдѣ за каждую доставленную ему голову француза была назначена извѣстная плата. При этомъ матросская голова была оцѣнена въ 200 ланъ (ланъ тогда равнялся около $2^1/_2$ р.), офицерская въ 500 ланъ, капитанская въ 2.000 и адмиральская въ 30.000 ланъ. Европейскіе консулы немедленно протестовали противъ такого распоряженія, подвергавшаго опасности жизнь каждаго иностранца въ Фучжоу, и объявленія на слѣдующій день были сняты. Въ центрѣ китайскаго города въ то же время едва не розыгралась кровавая драма. Когда англійскій консулъ Синклеръ отправился къ генералъ-губернатору, живущему въ застѣнномъ Фу-чжоу съ представленіями по поводу этихъ объявленій, чернь, страшно возбужденная и раздраженная враждебными дѣйствіями европейцевъ у Пагоды, узнавши о пребываніи консула въ домѣ начальника края, потребовала его выдачи. Генералъ-губернаторъ долго и на всѣ лады уговаривалъ толпу оставить въ покоѣ представителя иностранной державы, находящагося у него въ гостяхъ, сталъ, наконецъ, на колѣни, говоря, что онъ отвѣтитъ головой за такую выдачу, всячески оттягивалъ время до прихода войскъ; а когда войска явились, Синклера переодѣли въ китайское платье, посадили въ закрытыя носилки и подъ сильнымъ конвоемъ доставили въ домъ консульства. Въ тотъ же день, съ англійскихъ военныхъ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ Фучжоу былъ сведенъ дессантъ въ 250 человѣкъ для защиты мѣстной европейской колоніи.

Трупы матросовъ, погибшихъ у острова Пагоды, долгое время

Digitized by Google

оставались неубранными; ихъ носило то вверхъ, то внизъ по рѣкѣ: въ отливъ они быстро спускались по теченію, застрѣвали гдѣ нибудь на отмеляхъ, начинался приливъ, и ихъ снова несло назадъ, пока, наконецъ, европейцы не побудили китайскія власти принять мѣры къ погребенію убитыхъ.

На материкѣ, близъ острова Пагоды, видно большое огороженное пространство, внутри котораго тянутся длинныя плиты: здѣсь погребены китайскіе солдаты, павшіе въ этой, единственной въ своемъ родѣ, «войнѣ».

Разгромъ китайской эскадры у острова Пагоды и разрушеніе береговыхъ фортовъ по р. Минъ воочію показали китайскому правительству, что военное образованіе его офицеровъ и обученіе солдатъ далеко еще недостаточны, что вообще въ дѣлѣ улучшенія средствъ береговой обороны страны необходимы дальнѣйшія, самыя серьезныя усилія, и что прежде всего надо поднять учрежденія арсенала Фу-чжоу до уровня съ аналогичными учрежденіями Европы и построить здѣсь новыя верфи, которыя были, бы въ состояніи спускать на воду военные корабли, достаточно могущественные для боя съ иностранными судами новѣйшихъ типовъ. И вотъ на сцену снова появляется старый Тсо-Тсунъ-Танъ; онъ уже въ началѣ 1884-го года былъ назначенъ спеціальнымъ императорскимъ комиссаромъ для защиты южнаго побережья Китая. Вскорѣ послѣ Фу-чжоускаго побоища ему было поручено опять заняться своимъ дѣтищемъ,—тамошнимъ арсеналомъ, за что Тсо и принялся со всей ему обычной энергіей, и опять былъ отозванъ съ своего поста въ самый разгаръ начатой работы,—на этотъ разъ смертью: одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей Китая умеръ въ 1885 году. Если бы онъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ, несомнѣнно, что многія начинанія его въ арсеналѣ пошли бы гораздо скорѣе. Но какъ бы то ни было, съ тѣхъ поръ тамъ введено было много прибавленій и улучшеній въ мастерскихъ и школахъ, выстроены нѣсколько хорошихъ военныхъ кораблей и положено начало сухому доку, разсчитанному для судовъ, имѣющихъ до 4000 тоннъ водоизмѣщенія.

Старые форты по рѣкѣ Минъ теперь уже совсѣмъ возстановлены изъ развалинъ, воздвигнуты, кромѣ того, много новыхъ фортовъ, и подступы къ арсеналу стали теперь куда грознѣе, чѣмъ они были въ дни знаменитыхъ французскихъ «репрессалій». Рейдъ острова Пагоды обстрѣливается четырьмя батареями, поставленными на сосѣднемъ высокомъ холмѣ; каждая батарея состоитъ изъ одного восьмидюймоваго и двухъ шестидюймовыхъ орудій. Ближайшій къ арсеналу Миннганскій проходъ представляетъ на обоихъ своихъ берегахъ рядъ сильныхъ крѣпостныхъ сооруженій: на лѣвомъ берегу стоитъ фортъ изъ трехъ батарей, вооруженныхъ однимъ 12-ти-дюймовымъ, четырьмя шести-дюймовыми орудіями и восемью

Digitized by Google

пушками мелкаго калибра; на правомъ берегу—два форта: первый изъ двухъ батарей, вооруженныхъ двѣнадцатью мелкокалиберными пушками; второй—изъ трехъ казематированныхъ батарей, имѣющихъ шесть 6-ти-дюймовыхъ и 18 мелкихъ орудій. Укрѣпленія эти построены неподалеку отъ воды; казематы батарей сложены изъ гранитныхъ плитъ, облицеванныхъ цементомъ, и помѣщаются на гранитномъ же фундаментѣ. Крайній къ выходу въ море проходъ Кинъ-пао укрѣпленъ еще сильнѣе. Здѣсь мы имѣемъ: во-первыхъ, «Черный» фортъ, названный такъ по цвѣту краски, которою выкрашены его каменныя стѣны; онъ состоитъ изъ четырехъ батарей, вооруженныхъ семью орудіями крупнаго калибра и шестью пушками мелкаго калибра; во-вторыхъ, фортъ на высокомъ холмѣ, съ двумя 12-ти-дюймовыми и двѣнадцатью 6-ти-дюймовыми орудіями; далѣе, фортъ у самой воды съ четырьмя 6-ти-дюймовыми пушками; наконецъ, три форта, одинъ надъ другимъ, вооруженныхъ 12-ю или 15-ю орудіями тоже крупныхъ калибровъ. Кромѣ того, на окрестныхъ холмахъ находятся еще 5 укрѣпленныхъ лагерей для сухопутныхъ войскъ мѣстнаго горнизона. Всѣ эти форты и лагери расположены на лѣвомъ берегу Кинпайскаго прохода.

Укрѣпленія праваго берега составляютъ: фортъ, расположенный на склонѣ горы и вооруженный тремя орудіями очень крупнаго калибра; на значительной высотѣ надъ нимъ разбитъ большой, укрѣпленный лагерь; еще одинъ такой же лагерь устроенъ близъ самой рѣки; эти лагери служатъ для помѣщенія мѣстныхъ войскъ, имѣющихъ задачей не допустить здѣсь высадки непріятельскаго десанта; другой фортъ, съ батареей изъ трехъ 6-ти-дюймовыхъ пушекъ, лежитъ внизу; тотчасъ же надъ нимъ виднѣется довольно обширная площадка, съ сигнальной мачтой, батареей изъ нѣсколькихъ пушекъ и лагеремъ при ней. Въ общемъ получается весьма внушительная оборонительная линія, прорвать которую съ моря едва ли представляется какая либо возможность въ настоящее время.

Сообщеніе якорной стоянки пароходовъ, т. е. рейда острова Пагоды, съ городомъ производится на маленькихъ, мелкосидящихъ стимъ-ленчахъ, принадлежащихъ мѣстнымъ европейскимъ торговымъ домамъ. Но ничего срочнаго въ этомъ сообщеніи нѣтъ: если вы хотите ѣхать въ городъ, вы даете отсюда телеграму въ Фу-чжоу къ одному изъ такихъ пароходовладѣльцевъ, прося его выслать свое суденышко; за пользованіе имъ въ одинъ конецъ платится обыкновенно семь долларовъ. Если почему либо въ данный моментъ нельзя достать пароходикъ, то можно всегда нанять китайскую шлюпку; но тогда приходится слишкомъ ужъ зависѣть отъ вѣтра, прилива и отлива: одинъ разъ можно добраться до города въ 2 часа, другой разъ мало и пяти часовъ. Пароходикъ же съ попутнымъ тече-

Digitized by Google

ніемъ идетъ часа $1^1/_2$, съ противнымъ до $2^1/_2$ часовъ. Ночью, во всякомъ случаѣ, брать туземную шлюпку не безопасно, такъ какъ рѣка Минъ кишитъ, говорятъ, пиратами, не брезгающими и мелкимъ грабительствомъ.

Было ясное, солнечное утро, когда мы, взявши стимъ-ленчъ, отправились въ городъ Фу-чжоу. Надъ горами висѣлъ сизый, прозрачный туманъ; на солнцѣ было тепло, даже жарко; но въ тѣни декабрь давалъ себя чувствовать замѣтной прохладой.

Ноябрь и декабрь—лучшее время въ Фу-чжоу: съ января идутъ дожди; а съ конца апрѣля начинается томительная жара, продолжающаяся вплоть до глубокой осени, съ лихорадками, дизентеріей, холерой и т. п. прелестями.

Намъ показываютъ нѣсколько буйковъ на поверхности воды, оказавшихся знаками, поставленными по распоряженію туземныхъ властей надъ могилами затопленныхъ французами въ прошломъ году китайскихъ военныхъ судовъ и джонокъ. Лѣвый берегъ рѣки становится все выше, правый—пологій; но направо—не материкъ, а большой островъ. Дѣло въ томъ, что выше города Фу-чжоу рѣка Минъ развѣтвляется въ своемъ теченіи на два рукава, которые идутъ раздѣльно на протяженіи 15-ти миль, омывая образовавшійся здѣсь значительной величины островъ, и сливаются вмѣстѣ лишь по близости арсенала. Имя этому острову—Нантай. На сѣверной оконечности его и основалась здѣшняя европейская колонія. Рукавъ, по которому мы теперь идемъ, ограниченъ съ сѣвера материкомъ (лѣвый берегъ рѣки), а съ юга—Нантаемъ. Шибко бѣжитъ нашъ пароходикъ; но мы не очень-то быстро движемся впередъ: со средины рѣки вдругъ бросимся въ сторону, идемъ, идемъ, чуть въ берегъ не ткнемся круто поворачиваемъ и черезъ всю ширину рѣки бѣжимъ опять къ противоположному берегу, а тамъ снова на средину рѣки, и такъ нѣсколько разъ: очень ужъ много отмелей, да и время отлива къ тому же. Горы все время провожаютъ насъ справа; склоны ихъ во многихъ мѣстахъ представляютъ сплошь обработанныя террасы; у подножія лѣпятся деревушки, виднѣются рощи и зеленѣющія поля. На рѣкѣ—жизнь и движеніе. А вверху—голубое, ясное небо и мягко грѣющее солнце. Но вотъ среди вершинъ (все того же лѣваго берега) выдѣляется знаменитый своимъ монастыремъ Ку-шанъ,—горный массивъ, возвышающійся на три слишкомъ тысячи футъ надъ уровнемъ моря. Неподалеку отсюда, насупротивъ мыса Лин-пу и набросаны были туземцами въ 1840 году камни въ рѣку, чтобы помѣшать англичанамъ, воевавшимъ тогда съ Китаемъ, подняться къ самому Фу-чжоу.

— Теперь недалеко и до города,—говорятъ намъ. Но это «недалеко» равняется еще добрымъ тремъ-четвертямъ часа хода: Кушанъ—какъ разъ на половинѣ пути между Фу-чжоу и островомъ Пагоды.

Наконецъ, вдали начинаютъ вырисовываться очертанія строеній,

Digitized by Google

а передъ ними—цѣлый лѣсъ мачтъ туземныхъ джонокъ. Надъ крышами показавшихся зданій возвышаются три заводскія трубы; ясно уже можно различать дома европейской архитектуры; еще два-три поворота,—мы врѣзываемся въ водяный городъ, съ его тысячами обитателей, и, наконецъ, пристаемъ къ каменной набережной, усаженный деревьями. Это—европейскій Фу-чжоу. Китайскій застѣнный городъ—въ семи верстахъ дальше, на материкѣ; но и въ европейскомъ китайцевъ достаточно: цѣлые кварталы здѣсь сплошь заселены ими. Съ набережной, по узкой улицѣ, застроенной каменными, двухъэтажными европейскими домами, мы попадаемъ въ крошечную колонію нашихъ соотечественниковъ, — чайныхъ купцовъ. Въ то время здѣсь были три русскія чайныя фирмы: «Спѣшиловъ», «Пятковъ и Молчановъ» и «Токмаковъ, Молотковъ и К°». Съ тѣхъ поръ фирма Спѣшилова исчезла; въ распредѣленіи именъ компаньоновъ двухъ другихъ товариществъ произошли нѣкоторыя измѣненія; но самыя фирмы, представляющія столпы русскаго чайнаго дѣла въ Китаѣ, конечно, остались.

Вездѣ у соотечественниковъ мы встрѣтили такой широкій, радушный пріемъ, какъ будто мы были если не близкіе родственники, то, по крайней мѣрѣ, старинные, дорогіе друзья, хотя мы встрѣтились другъ съ другомъ здѣсь въ первый разъ въ жизни.

Нашъ русскій консулъ Н. А. Поповъ живетъ довольно далеко отъ набережной, и, чтобы добраться къ нему, надо пройти порядочную часть китайскаго квартала: вонь, грязь, тѣснота, давка,—всѣ прелести уличной китайщины такъ и бьютъ по нервамъ! Но вотъ и наше консульство, съ которымъ у всѣхъ, посѣщавшихъ Фу-чжоу русскихъ, навѣрное, связаны одни изъ лучшихъ воспоминаній.

Тамъ, гдѣ стоитъ наше консульство, дома страшно разбросаны, улицы кривы и узки, мѣстами онѣ совсѣмъ переходятъ въ тропинки. Дѣло въ томъ, что китайское правительство отвело европейцамъ ту часть Нантая, гдѣ находится одно изъ туземныхъ кладбищъ, и значительное количество европейскихъ жилищъ разсѣяно между могилами. Снести ихъ, чтобы разровнять и расширить путь, нельзя: это было бы такимъ оскорбленіемъ религіознаго чувства туземцевъ, которое не прошло бы безнаказаннымъ для нарушителей покоя предковъ, и дорожки вьются, старательно обходя всѣ могилы.

На югѣ Китая могила — это цѣлая каменная постройка, болѣе или менѣе затѣйливая, смотря по общественному положенію покойника; существенную часть ея составляетъ, обложенный снаружи землею, низкій, каменный, сводчатый склепъ, куда вдвигается гробъ; входное отверстіе закладывается каменною же, вертикально поставленною, узкою плитою; у бѣдныхъ и простыхъ людей установкою такой плиты все дѣло кончается; но на могилахъ богатыхъ или знатныхъ особъ отъ плиты начинается въ обѣ стороны (направо и налѣво) каменная кладка, придающая могилѣ видъ огромной лошади-

Digitized by Google

ной подковы, поставленной вертикально и похожей издали на тѣ водоемы, которые въ такомъ обилiи разсѣяны по Болгарiи и Турцiи. Могилы здѣсь часто располагаются на склонахъ горъ; отъ могильной плиты идутъ террасами ступеньки; нерѣдко у послѣднихъ ступенекъ возвышаются два каменные столба съ перекладиной вверху, покрытою письменами. Иногда, направо и налѣво отъ сооруженiя идутъ каменныя изваянiя разныхъ животныхъ, — вѣроятно, символическiя изображенiя доблестей, какими отличался покойникъ при жизни. Могила одного мандарина составляетъ даже достопримѣчательность Фу-чжоу: окруженная тѣнистой рощей, построенная чрезвычайно монументально, она обставлена большимъ количествомъ высѣченныхъ изъ камня фигуръ звѣрей и въ цѣломъ производитъ впечатлѣнiе, не лишенное своеобразной величавости. Изящества здѣсь нѣтъ съ нашей, европейской точки зрѣнiя: это—«тотъ первобытный стиль, красота котораго заключается въ его совершенной прочности».

Черезъ нѣсколько дней по приходѣ, 9-го или 10-го декабря, не помню, мы, пользуясь новолуniемъ и большимъ приливомъ, перешли отъ острова Пагоды къ самому городу и стали на якорь въ виду набережной европейскаго квартала Фу-чжоу.

Та часть Нантая, гдѣ ютится европейскiй кварталъ, холмиста, покрыта во многихъ мѣстахъ рощами и представляетъ прекрасные уголки для прогулокъ. Съ холмистыхъ вершинъ острова открывается обширный видъ на рѣку и на лежащiя за ней равнины, густо заселенныя, и на далекiя синiя горы.

Городъ расположился на сѣверномъ берегу Мина; застѣнная часть его находится отъ рѣки въ разстоянiи трехъ или четырехъ верстъ; отъ стѣнъ же до Мина тянутся пригороды, представляющiе у самыхъ береговъ рѣки огромную, безпорядочную массу зданiй. На рѣкѣ, противъ европейскаго квартала Нантая, лежитъ другой, маленькiй островокъ Чун-чжеу, весь облѣпленный домами. Небольшой гранитный мостъ соединяетъ Нантай и Чун-чжеу, а между послѣднимъ и сѣвернымъ берегомъ рѣки перекинутъ длинный, каменный мостъ, называемый «Мостомъ десяти тысячъ лѣтъ». Онъ построенъ въ XI столѣтiи нашей эры, имѣетъ около 200 саженъ длины и три сажени ширины и состоитъ изъ сорока крѣпкихъ быковъ, сдѣланныхъ изъ тесаннаго камня и соединенныхъ наверху гранитными плитами, толщиною мѣстами до аршина и длиною до 6 саженъ; онѣ поддерживаютъ гранитную настилку моста; невысокiя каменныя перила его, состоящiя изъ перпендикулярныхъ столбовъ и поперечныхъ тесинъ, точно обтаяли отъ времени.

Общiй видъ, открывающiйся съ высотъ Нантая,—эта рѣка съ пловучимъ городомъ, усыпанный домами островокъ Чун-чжеу, мостъ

Digitized by Google

десяти тысячъ лѣтъ съ его громаднымъ движеніемъ, колоссальные пригороды Фу-чжоу, застѣнный городъ съ его холмами и высоко къ небу подымающимися пагодами, синѣющіе на горизонтѣ массивы горъ, — вся эта картина, залитая лучами солнца, полная жизни и движенія, глубоко врѣзывается въ душу своими рѣзко-оригинальными чертами, оставляя то своеобразное, смутно-тревожное ощущеніе подавляющей грандіозности, какое я испытывалъ такъ часто въ этой далекой странѣ.

Въ предмѣстьѣ, которое начинается тотчасъ за длиннымъ мостомъ и раскинулось выше его по лѣвому берегу рѣки, находится кварталъ, называемый тамошними туземцами кварталомъ «цвѣтовъ» и «ивъ».

Цвѣты—это дамы полусвѣта, молодыя и граціозныя особы, въ шелковыхъ платьяхъ, съ коралловыми губами, съ лилейнымъ цвѣтомъ лица, съ волосами, темными, какъ агатъ, составляющими лучшее ихъ украшеніе.

Въ застѣнномъ городѣ имъ жить нельзя, и онѣ нашли себѣ убѣжище въ этой части предмѣстья, гдѣ мѣстная золотая молодежь и купцы «богатые, невѣжественные и чувственные образуютъ среду, наиболѣе благопріятную для ихъ процвѣтанія».

«Ивы» — фигуральное названіе молодыхъ актеровъ, ловкихъ и гибкихъ, спеціальность которыхъ исполненіе женскихъ ролей, такъ какъ женщины въ Китаѣ не могутъ показываться на театральныхъ подмосткахъ. Эти актеры въ такомъ совершенствѣ подражаютъ голосу, манерамъ и внѣшнему виду женщинъ, что иллюзія бываетъ полная.

Здѣсь же, въ этомъ кварталѣ, помѣщаются лучшіе туземные театры и рестораны.

Предмѣстье, такъ широко раскинувшееся непосредственно у рѣки, дальше по направленію къ застѣнному городу переходитъ въ одну длинную, длинную улицу, гдѣ главныя корпораціи купцовъ и ремесленниковъ сгруппировались по кварталамъ. Эта улица, страшно шумная, тѣсная, какъ бы сдавленная, упирается своими нагроможденными, безпорядочными постройками въ самыя стѣны города.

Издѣлія Фу-чжоу не представляютъ ничего похожаго на производства Нин-по: бо́льшею частью это— грубыя, топорныя вещи, но тѣмъ не менѣе довольно дорогія. Мы натолкнулись здѣсь какъ-то на интересную мастерскую одного изъ мѣстныхъ скульпторовъ. Среди кучи недоконченныхъ фигуръ, на полкахъ стояло нѣсколько готовыхъ статуэтокъ изъ розоватой глины, изображавшихъ туземцевъ въ разныхъ одеждахъ и позахъ съ такою живостью и вѣрностью, которыя показывали очень недюжинный талантъ въ мастерѣ. Я хотѣлъ купить что нибудь; но мнѣ сказали, что это— лѣпки съ живыхъ лицъ, приготовляемыя только назаказъ. Двое изъ нашихъ офицеровъ пожелали сдѣлать такой же заказъ; послѣ нѣ-

Digitized by Google

котораго колебанія скульпторъ согласился на ихъ просьбу, условился въ цѣнѣ (5 долларовъ за экземпляръ), и на другой же день пріѣхалъ къ намъ. Онъ очень быстро, въ одинъ сеансъ,—слѣпилъ головы и объявилъ, что черезъ двѣ недѣли статуи будутъ готовы. Въ назначенный срокъ онъ, дѣйствительно, принесъ ихъ; но, Боже, какія это были уморительныя фигуры! Художникъ, конечно, не думалъ лѣпить каррикатуры; но работать надъ европейскимъ лицемъ ему пришлось, очевидно, впервые, и онъ просто не въ силахъ былъ сладить съ трудной задачей—уловить характерныя черты лица расы, столь ему чуждой.

Городскія стѣны, вышиною около 5 и шириною до двухъ саженъ, имѣютъ 12 верстъ въ окружности. Семь воротъ, увѣнчанныхъ караульными башнями, ведутъ внутрь застѣннаго города. Отъ южныхъ воротъ, въ которыя мы попадаемъ изъ предмѣстья, начинается главная городская улица. Она еще тоже довольно шумна; но стоитъ только свернуть въ одинъ изъ сосѣднихъ кварталовъ, и картина сразу рѣзко мѣняется: широкія и чистыя улицы пустынны, домовъ не видать изъ-за высокихъ стѣнъ, тишину нарушаетъ только шумъ шаговъ, звонко отдающихся отъ гранитныхъ плитъ мостовой. Въ такихъ-то кварталахъ, далекихъ отъ треволненій дѣловыхъ центровъ города, и живетъ ученая буржуазія, этотъ цвѣтъ страны, воплощеніе ея лучшихъ духовныхъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ.

На улицахъ застѣннаго Фу-чжоу, за исключеніемъ двухъ-трехъ важнѣйшихъ артерій его, рѣдко когда можно встрѣтить мѣстныхъ обывателей. Видъ улицъ однообразно-простъ и утомительно-скученъ; даже въ торговыхъ кварталахъ здѣсь нѣтъ ничего, что могло бы развлечь взоръ, было бы на показъ, на эффектъ: въ китайскихъ магазинахъ вообще нѣтъ витринъ, вовсе нѣтъ той блестящей выставки товаровъ, которая придаетъ столько красоты европейскимъ улицамъ. Одинъ очень умный французъ, долго жившій въ Китаѣ и оставившій одно изъ лучшихъ описаній его (о немъ мы имѣли уже случай говорить), совершенно вѣрно замѣтилъ, что это отсутствіе наружной роскоши является естественнымъ слѣдствіемъ отсутствія участія женщины въ тамошней общественной жизни: китайцы оставили для внутренней, интимной жизни дома все то, что можетъ льстить зрѣнію, тщеславію или любопытству ихъ женъ и дочерей, ибо онѣ у домашняго очага занимаютъ столь же много мѣста, насколько мало имъ отведено его въ общественныхъ отношеніяхъ.

Неподалеку отъ южныхъ воротъ поднимаются двѣ старинныя, многоэтажныя погоды, видныя издалека; здѣсь помѣщается правительственный пороховой заводъ,—удивительная небрежность, которая въ случаѣ несчастья можетъ стоить безчисленнаго множества жертвъ. По близости отсюда находятся два холма: «Холмъ чернаго камня»,—чудеснаго камня, упавшаго по преданію съ неба, и «Холмъ

Digitized by Google

девяти геніевъ», съ однимъ большимъ храмомъ и массой маленькихъ кумиренъ на его вершинѣ.

Восточная часть застѣннаго города заключаетъ въ себѣ отдѣльный кварталъ, отведенный спеціально для войскъ манчжурскаго гарнизона. Улицы здѣсь очень широкія, дома низенькія, оконъ на улицу нѣтъ совсѣмъ, а есть только узкая входная дверь; на бѣлыхъ наружныхъ стѣнахъ нарисованы черные круги и какіе-то знаки, вѣроятно, для обозначенія различныхъ военныхъ частей. Манчжурскія войска, число которыхъ простирается здѣсь до восьми тысячъ человѣкъ, живутъ со своими семьями уединенно отъ остальнаго туземнаго населенія. Манчжурскія женщины всѣ — съ естественными, неизуродованными ногами, одѣты въ длинныя бѣлыя платья съ широкими рукавами, отороченными черными каймами. Дѣти удивительно похожи на нашихъ татарчатъ.

Вотъ, собственно, и все по части достопримѣчательностей Фучжоу, который вообще красой не блещетъ. Вся страна, лежащая выше Фу-чжоу по рѣкѣ Минъ, несетъ свои продукты въ главный городъ провинціи, торговля и процвѣтаніе котораго зависятъ, такимъ образомъ, цѣликомъ отъ окружающихъ его мѣстъ. Самъ же Фу-чжоу почти вовсе не имѣетъ сколько нибудь важныхъ мануфактуръ. Въ этомъ отношеніи онъ рѣзко отличается отъ Нин-по, который производитъ такую массу мебели, шелка, циновокъ и проч. Фу-чжоу, имѣющій свыше милліона жителей, гораздо больше Нин-по, но въ немъ нѣтъ такихъ огромныхъ магазиновъ, которые мы тамъ видѣли, нѣтъ такихъ прекрасныхъ храмовъ, да и всѣ дома, кажется, выстроены хуже, смотрятъ бѣднѣе и мрачнѣе. Народъ здѣсь тоже какъ будто другой: что-то жесткое, грубое, подчасъ вызывающее сквозитъ въ ихъ обращеніи съ европейцами; въ отношеніяхъ другъ къ другу, поскольку это можно замѣтить при наблюденіи уличной толпы, тоже замѣчается отсутствіе той мягкости и привѣтливости, какія мы до сихъ поръ встрѣчали у сѣверянъ: это рѣзко бросается въ глаза. Фу-чжоусцы, до послѣдняго франко-китайскаго столкновенія, чрезвычайно гордились тѣмъ, что никогда не терпѣли отъ иностраннаго нашествія, тогда какъ и Кантонъ, и Нин-по, и Шангай, и даже самъ Пекинъ побывали въ рукахъ «заморскихъ дьяволовъ». На улицахъ — толпы нищихъ, особенно въ предмѣстьяхъ. Много замѣчается преступниковъ съ головами, продѣтыми сквозь тяжелыя доски; эти доски они должны носить на плечахъ, не снимая, пока не кончится срокъ наказанія.

Столица Фокіена лежитъ подъ 26° 2′ 24″ сѣверной широты и 119° 20′ восточной долготы.

Въ переводѣ Фу-чжоу значитъ «Счастливый уголокъ»; у туземцевъ онъ извѣстенъ болѣе подъ именемъ Гокчіо; его называютъ также «Юнченъ», т. е. «городъ, окруженный баньяновыми рощами». Фу-чжоу давно уже привлекалъ вниманіе иностранцевъ, какъ весьма

Digitized by Google

удобный пунктъ, гдѣ могла бы завязаться торговля чаемъ, громадныя плантаціи котораго находятся именно въ бассейнѣ рѣки Минъ. До открытія порта иностранцамъ чай перевозился отсюда въ Кантонъ сухимъ путемъ, что было крайне неудобно во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому Остъ-Индская компанія въ 1830 г. сдѣлала представленіе передъ китайскимъ правительствомъ о допущеніи ея агентовъ въ Фу-чжоу, но не добилась ничего опредѣленнаго до заключенія Нанкинскаго трактата въ 1842 г. Первое время по открытіи порта, сношенія съ туземцами завязывались очень туго; плаваніе по рѣкѣ, вслѣдствіе незнакомства съ причудливымъ и измѣнчивымъ фарватеромъ, было очень затруднительно для европейскихъ судовъ; а тутъ еще часто тревожили разные инциденты съ туземцами; въ общемъ получалась очень непріятная обстановка для иностранцевъ, рѣшившихся поселиться здѣсь. Спустя десять лѣтъ, чай стали понемногу вывозить изъ внутреннихъ округовъ страны для продажи европейцамъ; а затѣмъ этотъ вывозъ началъ съ каждымъ годомъ такъ быстро увеличиваться, что Фу-чжоу вскорѣ сдѣлался однимъ изъ главнѣйшихъ портовъ Китая по торговлѣ чаемъ. Увеличеніе это шло crescendo до восьмидесятыхъ годовъ, когда вслѣдствіе конкурренціи со стороны другихъ странъ, начавшихъ производить чай для міровыхъ рынковъ, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, благодаря тому, что мѣстные китайцы стали въ очень широкихъ размѣрахъ употреблять разныя подмѣси къ чаямъ, идущимъ за границу, спросъ на эти чаи началъ быстро падать. О размѣрахъ такого упадка могутъ дать понятіе слѣдующія двѣ цифры: въ 1880 г. изъ Фу-чжоу было вывезено въ чужія страны чернаго чая безъ малаго 737.000 пикулей, а въ 1896 г. уже только 412.000 пикулей, причемъ изъ этого послѣдняго количества около 100.000 пикулей приходится на долю кирпичнаго чая. Въ фальсификаціи фу-чжоускихъ чаевъ надо винить не столько самихъ китайцевъ, сколько иностранныхъ купцовъ: желая, несмотря на измѣнившіяся условія, извлекать здѣсь тѣ же барыши, что и прежде, они стали назначать такія цѣны на продуктъ, по которымъ туземные производители не могли доставлять его безъ убытка для себя и волей-неволей принуждены были обратиться къ разнымъ подмѣсямъ.

Хотя земледѣліе представляетъ главное занятіе жителей Фокіенской области, но здѣсь производится очень ограниченное количество злаковыхъ растеній; въ деревенскихъ округахъ, втеченіе многихъ лѣтъ, культивировка чая стояла на первомъ планѣ, такъ какъ производство чая было до недавняго времени самымъ выгоднымъ занятіемъ; но паденіе цѣнъ на чаи сильно отразилось на его производствѣ, и многіе округа, гдѣ росли лучшіе чаи, представляютъ въ настоящее время печальное зрѣлище запустѣнія: разведеніе сладкаго картофеля теперь выгоднѣе, чѣмъ культура чая.

Одну изъ очень видныхъ доходныхъ статей Фу-чжоускаго округа

Digitized by Google

составляетъ торговля строевымъ лѣсомъ, котораго покамѣстъ еще много растетъ по верхнему теченію Мина на высокихъ горахъ; лѣсъ этотъ въ видѣ бревенъ и досокъ отправляется отсюда въ Шангай и города по Янтескіану.

Выдѣлка бумаги изъ бамбука занимаетъ тоже немаловажное мѣсто среди другихъ производствъ Фокіена. Хотя этотъ продуктъ и не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ лучшими сортами китайской бумаги, но онъ вывозится въ большомъ количествѣ изъ Фучжоу, находя себѣ сбытъ главнымъ образомъ въ отдаленныхъ округахъ по Янтескіану.

Изъ продуктовъ, какіе стали дѣлаться въ новѣйшее время въ Фу-чжоускомъ округѣ, имѣютъ, повидимому, большой успѣхъ ткани, приготовляемыя изъ хлопчатобумажной пряжи, ввозимой изъ-за границы. Ткани эти идутъ на платья, какія носятъ тамошніе простолюдины, и бываютъ двухъ сортовъ: кусокъ перваго сорта имѣетъ въ длину $22^1/_2$ фута, въ ширину 15 дюймовъ и стоитъ 40 центовъ; кусокъ втораго сорта стоитъ 35 центовъ и короче перваго на 2 фута. Такимъ образомъ эта матерія стоитъ на 4 и на 5% дешевле той, которая выдѣлывается въ Шангаѣ для туземцевъ. Фу-чжоуское хлопчато-бумажное производство имѣетъ тенденціей сдѣлать Фокіенскую область независимою въ данномъ отношеніи не только отъ иностранныхъ рынковъ, но и отъ Шангая.

Главными предметами иностраннаго ввоза въ настоящее время являются: керосинъ, опіумъ, иглы, американская мука, японскія спички и мыло.

Торговля порта испытываетъ большія колебанія, зависящія главнымъ образомъ отъ колебаній въ экспортѣ. Въ 1882 г., напримѣръ, она равнялась 15 милліонамъ тэль, въ 1888 г.—17 милліонамъ, въ 1891 г.—12 милліоновъ тэль [1]). Кромѣ 350 иностранныхъ пароходовъ, въ Фу-чжоу приходятъ ежегодно до 2.000 большихъ джонокъ, занимающихся спеціально каботажемъ. Всѣ онѣ группируются въ 4 класса, смотря по области, къ какой принадлежатъ, и отличаются цвѣтомъ наружной окраски. Первое мѣсто, до 50% общаго числа ихъ, занимаютъ джонки Нин-по; корпусъ ихъ окрашенъ въ черный цвѣтъ; второе—джонки Фокіенской провинціи: у нихъ зеленая носовая часть; третье—кантонскія джонки, съ красной носовой частью; наконецъ, четвертое—формозскія джонки, имѣющія нижнюю половину окрашенную въ бѣлый цвѣтъ.

Черныя джонки (изъ Нин-по) совершаютъ рейсы, между Чіао-чау, Нин-по и Фу-чжоу; въ годъ онѣ дѣлаютъ три рейса и привозятъ въ Фу-чжоу бумажныя матеріи, рисъ, масло и соленую рыбу; а вывозятъ отсюда лѣсъ, бумагу и бамбуковые побѣги. Зеленыя

---

[1]) Въ 1882 г. одинъ тэль стоилъ 5 шиллинговъ $8^1/_2$ пенс., въ 1888 г. 4 шилл. $8^3/_8$ п., въ 1891 г. 4 шилл. 11 п.

Digitized by Google

джонки (Фокіенскія) ходятъ между Фу-чжоу и сѣверными портами до Тянь-цзина; круговой рейсъ ихъ занимаетъ цѣлый годъ; онѣ вывозятъ изъ Фу-чжоу, главнымъ образомъ, бумагу и бамбуковые побѣги, а привозятъ фрукты, бобы и лѣкарственныя снадобья.

Джонки Чюан-чау, принадлежащія къ этой же группѣ, ходятъ между Фу-чжоу и Формозой; онѣ привозятъ на островъ разные мелочные товары, вывозятъ съ него сахаръ и соль. Красныя, или кантонскія, джонки тоже занимаются торговлей между Фу-чжоу и сѣверными портами Китая. Ихъ появленіе въ здѣшнихъ водахъ вызвано тѣмъ, что спросъ на туземныя каботажныя суда по квантунскому побережью уменьшился, благодаря развитію тамъ парового каботажа. Бѣлыя, или формозскія, джонки плаваютъ между Фу-чжоу и сѣвероиъ Формозы. На островъ онѣ везутъ сосновыя бревна, а привозятъ съ него сюда рисъ и сахаръ.

Туземныя джонки, занимающіяся каботажемъ, имѣютъ, смотря по размѣру, отъ 20 до 30 матросовъ, изъ которыхъ каждый получаетъ отъ хозяина два доллара въ мѣсяцъ жалованья, столъ и извѣстное пространство на суднѣ, гдѣ онъ можетъ держать товары для продажи ихъ за собственный счетъ. Шкиперъ служитъ по контракту и получаетъ опредѣленный процентъ съ доходовъ. Одна джонка можетъ въ теченіе года перевезти товаровъ на сумму отъ 20 до 30 тысячъ долларовъ и даетъ въ хорошій годъ валоваго дохода до 20%.

Для облегченія торговыхъ сношеній, въ Фу-чжоу постоянно находятся два отдѣленія европейскихъ банковъ: «Honkongand Shanghai Banking Corporation» и «Chartered Bank of India, Australia and China», шесть крупныхъ китайскихъ банковъ, до шестидесяти небольшихъ банкирскихъ конторъ, не считая массы мѣняльныхъ лавокъ. Кромѣ того, на время чайнаго сезона, здѣсь открываются отдѣленія слѣдующихъ иностранныхъ банковъ: «National Bank of India», «Chartered Mercantile Bank of India, London and China», «Agra Bank» и «Comptoir d'Escompte de Paris».

Крупные туземные банки Фу-чжоу имѣютъ дѣловыя сношенія со всѣми важнѣйшими торговыми центрами Китая; главнымъ же образомъ они ведутъ дѣла съ Пекиномъ. Эти банки даютъ деньги подъ товары и другія имущества и берутъ отъ 8 до 25 процентовъ въ годъ. Они также ссужаютъ деньгами лицъ, ожидающихъ полученія мѣстъ въ чиновномъ мірѣ; но здѣсь величина процента зависитъ отъ степени риска. Сумма годовыхъ оборотовъ всѣхъ этихъ шести большихъ китайскихъ банковъ Фу-чжоу, полагаютъ, равняется 4 милліонамъ тэль (одинъ милліонъ фунт. стерл.).

Мелкія банкирскія конторы, которыхъ здѣсь насчитываютъ до 60, обладаютъ капиталами отъ 20 до 50 тысячъ долларовъ и взимаютъ за свои ссуды отъ 15 до 30% въ годъ. Дѣятельность мѣ-

Digitized by Google

няльныхъ лавокъ ограничивается размѣномъ банковыхъ билетовъ или серебряныхъ долларовъ на очень мелкую туземную мѣдную монету, такъ называемые кэши, которые продаются цѣлыми связками; въ одномъ долларѣ бываетъ до 1200 и болѣе такихъ монетъ. Выгода мѣнялъ зависитъ главнымъ образомъ отъ большаго или меньшаго количества фальшивыхъ кэшъ въ каждой связкѣ, какое имъ удается благополучно спустить въ публику. Насколько подобная операція была прибыльна, показываетъ тотъ фактъ, что до недавняго времени такія лавочки въ каждой улицѣ насчитывались дюжинами. Правительство въ послѣднее время обратило вниманіе на эти мошенническія продѣлки; за мѣнялами былъ учрежденъ строгій надзоръ, что повело, говорятъ, къ сильнымъ сокращеніямъ ихъ заработковъ. Оборотный капиталъ мѣняльныхъ лавокъ очень невеликъ: рѣдко когда онъ достигаетъ 500 долларовъ [1]).

Климатъ Фу-чжоу влажный и теплый. Лѣтомъ въ долинахъ здѣсь очень жарко. Зимы дождливы. Морозы бываютъ, но очень рѣдко (разъ въ 30—40 лѣтъ). Снѣгъ выпадаетъ только на вершинахъ окрестныхъ горъ и исчезаетъ черезъ нѣсколько часовъ.

Иностранцевъ въ Фу-чжоу до 200 человѣкъ; между ними миссіонеровъ до 40.

Въ Фокіенѣ работаютъ въ настоящее время четыре иностранныхъ миссіонерскихъ общества: одно римско-католическое, одно англійское протестантское и два американскихъ. Самое старинное изъ нихъ—римско-католическое, которое ведетъ свое начало съ 1632 г., когда первые представители испанскихъ доминиканцевъ поселились въ этой области. Теперь здѣсь два епископа: одинъ въ Фу-чжоу, другой — въ Амоѣ. Сѣверное, или Фу-чжоуское епископство имѣетъ 19 испанскихъ патеровъ, 13 священниковъ изъ туземцевъ и насчитываетъ 34.000 обращенныхъ. Мѣстное миссіонерское общество владѣетъ въ предмѣстьѣ Фу-чжоу, близъ южныхъ воротъ застѣннаго города католической семинаріей, гдѣ изъ китайскихъ юношей вырабатываютъ будущихъ проповѣдниковъ. Рядомъ съ семинаріей находится пріютъ для туземныхъ дѣвушекъ, которымъ завѣдуютъ три сестры и гдѣ воспитываются 200 малолѣтнихъ и 50 взрослыхъ дѣвушекъ. Внутри застѣннаго города находятся еще три такихъ же пріюта для 130 дѣвушекъ.

Англійское миссіонерское общество основалось здѣсь въ 1850 г. Личный персоналъ его въ настоящее время составляютъ: 33 иностранныхъ и 100 туземныхъ священниковъ, 110 учителей изъ туземцевъ, завѣдующихъ 107 школами въ деревняхъ, и около 9.000 обращенныхъ. Американское Board of commissioners for Foreign missions основалось въ 1847 г.; личный составъ его—9 американцевъ и 13 американокъ, между которыми есть нѣсколько врачей; число обращенныхъ туземцевъ 1600 человѣкъ. Общество имѣетъ 2 госпи-

[1]) China. Imperial Maritime Customs. Decennial Reports. 1893.

Digitized by Google

таля, одну аптеку и надзоръ за 23 школами, гдѣ получаютъ воспитаніе около 500 туземцевъ.

Второе американское миссіонерское общество (American methodist episcopal church mission), учредившееся здѣсь тоже въ 1847 г., располагаетъ теперь слѣдующимъ персоналомъ: 16 американцевъ (мужчинъ и женщинъ) и 166 проповѣдниковъ изъ туземцевъ. Общество имѣетъ въ своемъ завѣдываніи: такъ называемый англо-китайскій колледжъ въ Фу-чжоу, обязанный своимъ возникновеніемъ одному богатому китайцу-христіанину, далѣе—духовное училище, высшую школу для мальчиковъ, 96 школъ для обоихъ половъ, 5 школъ для взрослыхъ дѣвушекъ и 1 пансіонъ для малолѣтнихъ дѣвочекъ. Во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ учатся 900 мальчиковъ и 100 слишкомъ дѣвушекъ; преподавательскій персоналъ составляютъ 118 учителей. Число обращенныхъ доходитъ до десяти тысячъ душъ. Богатые туземцы-христіане дѣлаютъ щедрыя пожертвованія на нужды этого миссіонерскаго общества, и оно, какъ разсказываютъ, пользуется вообще здѣсь въ народѣ извѣстными симпатіями, что весьма вѣроятно: главную дѣятельность свою общество направило, повидимому, на школы; а школы въ Китаѣ издревле составляютъ предметъ самаго глубокаго почтенія.

Фу-чжоу является столичнымъ городомъ Фокіенской области. Область эта, лежащая на юго-восточномъ берегу Китая, между 24 и 28 градусами сѣверной широты, граничитъ съ провинціями: Квантунской на югѣ, Чекіанской на сѣверѣ и Кіанси на западѣ; береговая линія ея, омываемая водами Формозскаго пролива, вездѣ крута, обрывиста. Страна изрѣзана повсюду хребтами высокихъ горъ; самый западный изъ нихъ, образующій естестественную границу ея съ провинціей Кіанси, даетъ начало многимъ рѣчкамъ, которыя вскорѣ соединяются въ три большіе потока, сливающіеся у города Юнпин-фу въ одну большую рѣку; до границъ Фу-чжоускаго округа эта рѣка носитъ названіе Чен-чіанъ, а начиная отсюда зовется Минчіанъ, или просто Минъ. Южные округа Фокіена орошаетъ рѣка Люн-чіанъ. Близъ устій этихъ двухъ рѣкъ только и находятся сколько нибудь обширныя равнины. Поверхность земли, годной для обработки, вообще не велика, почва песчана и нуждается въ обильномъ удобреніи, для того, чтобы на ней могли произрастать такія растенія, какъ пшеница и ячмень, представляющія злаки, наиболѣе культивируемые мѣстнымъ земледѣльческимъ населеніемъ. Но, несмотря на чрезвычайное трудолюбіе этого населенія, добываемыхъ продуктовъ не хватаетъ на нужды его; поэтому сюда ввозится много зерна изъ другихъ провинцій, пользующихся лучшими естественными преимуществами. Разведеніе чая составляло до недавняго времени одну изъ важнѣйшихъ доходныхъ статей населенія: чай превосходно растетъ на легкой, сухой почвѣ здѣшнихъ холмовъ; но эта промышленность теперь сильно сократилась, какъ сократится,

Digitized by Google

вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ и лѣсной промыселъ, благодаря безпощадному истребленію лѣсовъ внутри страны. Населеніе Фокіенской области считается приблизительно въ 30 милліоновъ душъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ по рѣкѣ выше Фу-чжоу находится очень важный металлическій округъ Ку-тіенъ, гдѣ добывается желѣзо изъ той магнитной окиси желѣза, которая въ такомъ обиліи разсѣяна по всей этой вулканической почвѣ. Добыча желѣза является промысломъ мѣстныхъ кустарей, употребляющихъ для своихъ маленькихъ, переносныхъ горновъ исключительно древесный уголь. Желѣзо поступаетъ на рынокъ въ болванкахъ и, говорятъ, по своимъ качествамъ, не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Близъ Фу-чжоу, въ горахъ, фабрикуются тоже кустарями разныя вещицы изъ мягкаго серебра, преимущественно предметы женскаго туалета: шпильки, цвѣты, браслеты, кольца, серьги и т. п. Ничего изящнаго на европейскій взглядъ они, однако, не представляютъ. Всѣми этими украшеніями китайскихъ женщинъ мы могли вдосталь налюбоваться съ нашего судна, возлѣ котораго постоянно толклись сампанги, или, какъ ихъ называютъ русскіе вездѣ на Востокѣ, шампунки, — эти подвижные дома, гдѣ проводитъ всю свою жизнь огромное водное населеніе Китая. Не видя собственными глазами, трудно повѣрить возможности для цѣлой большой семьи жить на такомъ маленькомъ пространствѣ. Вообразите себѣ шлюпку, длиною сажени три, шириною около сажени и аршина 2 глубины; въ кормовой своей части она покрыта навѣсомъ изъ циновокъ, открытымъ къ носу и напоминающимъ верхнюю часть нашихъ кибитокъ; на ночь завѣшивается и открытая часть, и тамъ въ два яруса укладывается спать вся семья; ребятишки запихиваются куда-то въ тартарары, на дно шлюпки, въ самую глубь кормы, а взрослые, съ грудными ребятами укладываются на верхней палубѣ; здѣсь же спитъ домашняя птица, которую держатъ на привязи, чтобы не уплыла или не улетѣла куда нибудь; на носу, на цѣпочкѣ, бѣгаетъ маленькая собаченка—сторожъ, а днемъ, на точно такихъ же коротенькихъ цѣпочкахъ приковываютъ маленькихъ ребятъ, чтобы они не свалились за бортъ. Въ носовой части шлюпки помѣщается маленькая жаровня, гдѣ женщины готовятъ пищу семьѣ; здѣсь же растутъ въ горшкахъ цвѣты, составляющіе предметъ большаго ухода и любимое головное украшеніе женщинъ. Промыселъ водныхъ жителей — перевозка пассажировъ и грузовъ; довольствуются они самымъ малымъ, часто голодаютъ, и все богатство ихъ заключается въ шлюпкѣ: на берегу у нихъ нѣтъ ни клочка земли. Не оттого ли и ухаживаютъ они съ такой любовью за этими бѣдными цвѣтами въ горшкахъ, земля которыхъ представляетъ собою весь ихъ надѣлъ? Есть преданіе, что китайскіе водные жители—потомки искон-

Digitized by Google

ныхъ обитателей страны, покоренныхъ пришлыми съ запада завоевателями, которые въ незапамятныя времена согнали ихъ съ насиженныхъ мѣстъ и, завладѣвъ всею землею, заставили ихъ переселиться на воду. Водное населеніе отличается бо̀льшимъ развитіемъ мускульной системы и вообще болѣе крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, чѣмъ наземное населеніе страны, чему, конечно, долженъ былъ содѣйствовать вліявшій въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ образъ жизни, гдѣ постоянное пребываніе на свѣжемъ воздухѣ и упражненіе мускуловъ тѣла при греблѣ, стоя, играетъ такую важную роль. Особенно рѣзко сказывается эта разница на женщинахъ: китайская водная женщина, со своими крѣпкими ногами, не изуродованными узкой обувью, съ сильными мускулистыми руками, могучимъ торсомъ, съ здоровымъ румянцемъ на щекахъ, представляетъ разительный контрастъ съ горожанкой, набѣленной и подрумяненной, съ зеленовато-желтымъ цвѣтомъ кожи, съ искалѣченными ногами, тонкими и худыми руками и со всей ея немного согбенной фигурой, такой хилой и хрупкой на видъ. Любо бываетъ смотрѣть, когда за отсутствіемъ мужчинъ, двѣ женщины, одна на носу, другая на кормѣ, управляются съ какимъ нибудь тяжелымъ баркасомъ на быстромъ теченіи; движенія ихъ смѣлы и увѣренны, и обнаруживаютъ онѣ много силы, ловкости и своеобразной граціи. Когда мужъ умираетъ, а сыновья еще малы, завѣдываніе шлюпкой принимаетъ на себя жена, входящая, какъ полноправный членъ, въ корпорацію лодочниковъ.

Хозяева большихъ джонокъ, ихъ матросы и купцы, имѣющіе дѣла съ каботажнымъ флотомъ и водными жителями, населяютъ, главнымъ образомъ, островокъ Чун-чжеу. На этомъ же островкѣ помѣщается англійскій миссіонерскій госпиталь для китайцевъ: обширный двухъэтажный каменный домъ, съ операціонной комнатой, пріемнымъ покоемъ и аптекой на верху, и съ палатами для больныхъ внизу. Количество приходящихъ больныхъ очень велико; до 12 тысячъ въ годъ; со всей этой массой справляется одинъ врачъ, — англичанинъ, и справляется, насколько я могъ видѣть, хорошо. На женской половинѣ госпиталя меня заинтересовала разъ одна больная, т. е. не она сама, а ея ноги. Это были маленькія, изуродованныя ноги, закутанныя такъ, какъ ихъ обыкновенно закутываютъ китайскія женщины, и я не устоялъ передъ искушеніемъ взглянуть собственными глазами на пресловутое китайское чудо: я попросилъ доктора показать мнѣ ногу его паціентки. Это оказалось тѣмъ удобнѣе сдѣлать, что у больной на одной голени была язва, такъ что просьба разбинтовать ногу не могла показаться ей слишкомъ неделикатнымъ желаніемъ европейца проникнуть въ одну изъ тайнъ ея туалета, столь ревниво охраняемую вообще отъ глазъ не только чужеземцевъ, но и своихъ. Съ видимой неохотой больная развязала бинты, и мнѣ, вмѣсто есте-

Digitized by Google

ственныхъ формъ человѣческой ноги, представилось нѣчто въ высшей степени уродливое. Тыльная поверхность стопы оказалась сильно выпуклой, большой палецъ выдался впередъ, четыре остальные пальца подвернуты къ подошвѣ, пятка сближена съ пальцами, слѣдствіемъ чего явилась глубокая борозда по срединѣ подошвы и выпуклость свода стопы. Холодная на ощупь, какъ ледъ, синевато-блѣдная на видъ, нога эта производитъ впечатлѣніе безжизненнаго патологическаго препарата, а не ноги живой, въ остальномъ совершенно здоровой женщины. Всѣ эти измѣненія достигаются путемъ постепеннаго тугаго бинтованія ноги, начинающагося съ семи лѣтъ и продолжающагося до 15-го года жизни.

Вотъ что разсказываетъ туземное преданіе о возникновеніи этой странной и уродливой моды. Послѣдній представитель Тан'ской династіи Ли-И, послѣ потери почти всего своего царства, владѣлъ еще втеченіе довольно долгаго времени маленькимъ удѣломъ, имѣя свою резиденцію въ Нанкинѣ. Въ 975 г. городъ этотъ былъ взятъ войсками Чао-Куан-ин'а, основателя Сун'ской династіи. Ли-И предпочелъ плѣнъ самоубійству и былъ отосланъ въ г. Кай-фен-фу, новую столицу имперіи, ждать распоряженій воцарившагося владыки. Послѣдній, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, даровалъ жизнь своему плѣннику, пожаловалъ ему почетный титулъ и оставилъ въ покоѣ. Въ Нанкинѣ, въ дни своего благополучія, Ли-И имѣлъ много женъ, и одна изъ нихъ, по имени Яо-Ніанъ, особенно кружила ему голову своими граціозными танцами. Въ танцовальной залѣ дворца находился цвѣтокъ лотоса, сдѣланный изъ глины, густо-вызолоченный и имѣвшій 6 футовъ высоты. Въ дни новолунія черезъ лепестки лотоса былъ виденъ молодой мѣсяцъ, который сіялъ нѣжнымъ свѣтомъ среди плававшихъ по небу облаковъ, игравшихъ разными цвѣтами. Ли-И пожелалъ, чтобы его любимая жена во время танцевъ передъ своимъ повелителемъ, изображала платьемъ облака вечерняго неба, окрашенныя въ ихъ естественные цвѣта, а ногами — серпъ мѣсяца, сверкающій между ними, — и приказалъ Яо-Ніанъ начать стягивать свои ноги шелковыми бинтами, чтобы ступни ихъ приняли форму молодаго мѣсяца, — что ею и было достигнуто. Желаніе имѣть маленькую ногу, изогнутую, какъ серпъ луны, сдѣлалось своего рода маніей среди женщинъ Нанкина, откуда мода постепенно распространилась по всей имперіи. Такимъ образомъ, государь, котораго исторія осудила, какъ нерѣшительнаго и неспособнаго правителя, положилъ основаніе модѣ, удержавшейся въ теченіе уже слишкомъ тысячи лѣтъ. Такъ гласитъ преданіе, окутывая начало существующаго обычая густой дымкой поэтическаго тумана. Въ дѣйствительности, дѣло, вѣроятно, происходило не совсѣмъ такъ. Извѣстно, какую громадную роль играло въ исторической жизни человѣчества стремленіе мужчины удержать женщину въ своемъ безраздѣльномъ обладаніи. Китайская мода уродованія

Digitized by Google

женскихъ ногъ имѣетъ своимъ источникомъ, по всей вѣроятности, то же стремленіе мужчины, представляя собою одинъ изъ безконечныхъ способовъ закрѣпощенія женщины въ тѣсный кругъ семейныхъ интересовъ и обязанностей: съ искалѣченными ногами трудно убѣжать далеко отъ повелителя въ странѣ, гдѣ и донынѣ нѣтъ ни омнибусовъ, ни почтовыхъ, ни желѣзныхъ дорогъ, а въ тѣ давнопрошедшія времена, откуда идетъ обычай, не было и другого способа передвиженія, какъ только пѣшкомъ.

Въ экскурсіяхъ по Фу-чжоу, его пригородамъ и ближайшимъ окрестностямъ, въ посѣщеніяхъ знакомыхъ, мы и не замѣтили, какъ подошли Рождественскіе праздники, во время которыхъ наши матросы изображали своего традиціоннаго «Царя Максимиліана», къ величайшему удовольствію здѣшнихъ соотечественниковъ, никогда, оказывается, не видавшихъ этой чудовищной пьесы, и къ еще большему удовольствію самихъ актеровъ, чувствовавшихъ себя героями минуты. Насталъ русскій Новый годъ. Мы встрѣтили его у нашего консула, куда собралась и вся мѣстная, маленькая русская колонія. А тамъ, недѣли двѣ спустя, наступили и китайскіе праздники Новаго года. Уже дней за 8 можно было замѣтить на улицахъ признаки ихъ приближенія, въ видѣ усиленнаго и необычнаго мытья дверей, ставней, стульевъ и проч. На окружающихъ насъ большихъ и малыхъ джонкахъ шла такая же приборка: вездѣ мылись, терлись, скреблись, чистились; по нѣскольку семей перебирались на время въ одну шлюпку, гдѣ стискивались до полнѣйшей, казалось, невозможности повернуться, и гдѣ тѣмъ не менѣе не только умудрялись ѣсть, пить и спать, но даже готовить огромныя порціи свинины, какихъ-то лепешекъ, сладкихъ пироговъ и т. п. прелестей къ предстоящему празднику. На улицахъ бойко торговали: восковыми свѣчами, выкрашенными въ красный цвѣтъ и болѣе или менѣе пышно разрисованными, которыя цѣлыми пучками и старъ, и младъ тащили въ свои дома; маленькими, красными хлопушками, предназначавшимися для стрѣльбы въ ночь на Новый годъ; цвѣтами, сдѣланными изъ фольги; продолговатыми разныхъ размѣровъ листами бумаги, преимущественно краснаго цвѣта, простыми и позолоченными, съ письменами на нихъ, означающими разныя благія пожеланія, и другимъ товаромъ, нужнымъ для близкаго праздника.

Наступилъ канунъ Новаго года. На улицахъ толкотня и давка: всѣ торопятся, бѣгутъ, спѣшатъ закончить свои дѣла. Къ вечеру стѣны, дверные косяки и притолки домовъ, магазиновъ, храмовъ, всѣ шлюпки на рѣкѣ, даже весла разукрасились налѣпленными на нихъ, длинными, узкими полосами красной бумаги, исписанными большими письменами и придававшими всему необыкновенно-оригинальный и веселый видъ. Не сплошь, впрочемъ, видны на домахъ

Digitized by Google

и шлюпкахъ однѣ только красныя бумаги; тамъ и сямъ онѣ перемежаются съ бумагами другихъ цвѣтовъ, означающими, что въ истекшемъ году смерть посѣтила обитателей жилища. Въ каждомъ домѣ совершаются очистительныя жертвы и моленія. Передъ таблицами предковъ, изукрашенными цвѣтами, ставятся чашечки риса и другихъ блюдъ, зажигаются красныя свѣчи и благовонія. Мы имѣли возможность видѣть эти церемоніи съ борта нашего судна, въ открытыя помѣщенія китайскихъ шлюпокъ. То же самое дѣлалось во всѣхъ домахъ на берегу, богатыхъ и бѣдныхъ. Украшеніе домашнихъ алтарей предковъ, убранство всего дома цвѣтными бумагами, картинами, живыми и искусственными цвѣтами и плодами, приготовленіе огромнаго количества разнообразныхъ блюдъ—все это занимаетъ большую часть предпраздничной ночи. Наканунѣ праздника принято также давать подарки подчиненнымъ и слугамъ; а купцы разсылаютъ ихъ своимъ постояннымъ покупателямъ.

Время предъ Новымъ годомъ—пора сведенія счетовъ и платежа долговъ. Долгамъ не полагается переходить изъ стараго года въ новый, ихъ надо такъ или иначе оплатить. Тѣ лица, долги которыхъ превышаютъ ихъ платежныя средства, обязаны ликвидировать въ это время свои дѣла и отдать всю свою собственность въ руки кредиторовъ. Слѣдствіемъ такого обычая является возвышеніе въ эту пору стоимости денегъ и паденіе цѣнъ на большую часть продуктовъ и товаровъ.

Моментомъ наступленія новаго года считается и въ Китаѣ полночь. Около полуночи, на улицахъ Фу-чжоу и на рѣкѣ началась невообразимо-шумная трескотня отъ хлопушекъ, сжигавшихся повсюду тысячами тысячъ. Къ этому шуму присоединилось вскорѣ битье въ гонги и мѣдные тазы; послышались отдаленные выстрѣлы изъ ружей и пушекъ; воздухъ наполнился трескомъ, дымомъ, копотью, которая ѣла глаза; а въ нихъ и безъ того уже рябило отъ безпрестанно-вспыхивающихъ огоньковъ маленькихъ петардъ. Хлопушки жгутся у дверей домовъ и на палубахъ джонокъ, передъ отходомъ въ вѣчность стараго и появленіемъ новаго года, для того, говорятъ, чтобы отогнать отъ жилья злыхъ духовъ, и потребленіе ихъ такъ громадно, что онѣ довольно толстымъ слоемъ покрываютъ улицы своими обрывками и пепломъ. Всю ночь почти продолжалась эта стрѣльба. А на утро внезапная тишина улицъ поразила насъ. Тамъ, гдѣ наканунѣ кипѣла такая бойкая жизнь,—теперь царствовало глубокое безмолвіе: все точно вымерло. Запертые дома и лавки придавали еще больше странности этому необычному виду китайскихъ улицъ.

Около полудня улицы стали наполняться одѣтымъ въ новыя платья людомъ, спѣшившимъ, кто въ носилкахъ, кто пѣшкомъ, дѣлать свои новогодніе визиты. При встрѣчахъ въ этотъ день китайцы привѣтствуютъ обыкновенно другъ друга фразами: «почтительно

Digitized by Google

желаю вамъ счастья», «да будетъ новая радость съ вами», что совершенно соотвѣтствуетъ нашему: «съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ». Обычай визитировать въ день новаго года не Китай, конечно, взялъ у Европы, а Европа заимствовала его у Китая. Личныя поздравленія здѣсь обязательно должны быть сдѣланы родителямъ, учителямъ и властямъ. Другіе визиты могутъ наноситься помощью присылки визитныхъ карточекъ; на тѣхъ изъ нихъ, которыя идутъ къ близкимъ роднымъ и знакомымъ, бываетъ изображено пожеланіе трехъ высшихъ благъ: дѣтей, долголѣтней жизни и высокаго общественнаго положенія; другія карточки, представляющія изъ себя продолговатыя полосы красной бумаги, съ письменами, означающими общее пожеланіе счастья, разсылаются остальнымъ знакомымъ, постояннымъ покупателямъ и проч.

Въ этихъ визитахъ, поздравленіяхъ, молитвахъ въ храмахъ и у алтарей, усиленной ѣдѣ и питьѣ, карточныхъ играхъ, въ посѣщеніяхъ театральныхъ зрѣлищъ проводятъ вездѣ въ Китаѣ праздники новаго года. Длятся они три дня для бѣдныхъ и до двухъ недѣль у богатыхъ, и что поражаетъ русскій глазъ, это полное отсутствіе пьяныхъ, нигдѣ вы не услышите ни пьяныхъ криковъ, ни шума драки, не замѣтите вообще никакихъ безобразій, чѣмъ такъ обычны всѣ наши большіе и малые праздники.

Первый день Новаго года считается китайцами также днемъ рожденія всей націи, и начало возраста каждаго считается съ началомъ года, такъ что ребенокъ, родившійся, напримѣръ, только за недѣлю до Новаго года, съ наступленіемъ его считается вступившимъ уже во второй годъ своей жизни,—въ первый день перваго мѣсяца. Этотъ офиціальный, такъ сказать, счетъ лѣтъ не мѣшаетъ, впрочемъ, праздновать и годовщину дѣйствительнаго дня рожденія.

Кромѣ Новаго года, въ Китаѣ существуютъ еще слѣдующіе праздники: первое полнолуніе новаго года, день поклоненія предкамъ на ихъ могилахъ (бываетъ около половины апрѣля), дни осенняго и весенняго равноденствій и праздникъ дракона (въ 5-й день 5-го мѣсяца). Вотъ и все. Ничего, подобнаго воскресенью христіанъ, субботѣ евреевъ, пятницѣ магометанъ,—словомъ, ничего, соотвѣтствующаго седьмому дню отдыха, или религіозному почитанію такого перерыва времени, не существуетъ у китайцевъ. Такая малочисленность праздничныхъ дней въ году, въ связи, конечно, съ національной умѣренностью, честностью, трезвостью, трудолюбіемъ и умѣньемъ низводить до minimum'а свои потребности, дѣлаютъ изъ китайца всюду, куда онъ только ни прійдетъ,—страшнаго конкурента мѣстному рабочему.

Digitized by Google

Изъ ближайшихъ окрестностей Фу-чжоу особенной симпатіей мѣстной европейской колоніи и громкой извѣстностью во всей странѣ пользуется гора Кушанъ. Мы видѣли эту гору издали, когда шли отъ острова Пагоды въ Фу-чжоу. Въ январѣ намъ удалось побывать и на вершинѣ ея. Былъ теплый сѣренькій день, когда мы, забравши съ собой всевозможной провизіи, отправились большой компаніей внизъ по рѣкѣ, въ очень помѣстительной баркѣ китайскаго типа, но убранной внутри поевропейски,—такъ называемомъ «гаусботѣ».

Минутъ черезъ 50 плаванія гаусботъ присталъ къ плоскому, илистому берегу. Послѣ получасоваго странствованія по узкимъ возвышеннымъ тропинкамъ между полями мы подошли къ подножію священной горы. Передъ нами вилась широкая, пологая лѣстница, вырубленная въ скалѣ. Начался подъемъ. Съ обѣихъ сторонъ каменной дороги поднялись сосновыя, дубовыя и бамбуковыя рощи,—та странная смѣсь сѣверной и южной флоръ, свойственная возвышенностямъ тропическихъ поясовъ, которая своими живыми контрастами производитъ такое глубокое впечатлѣніе. Каменныя ступени смѣнялись по временамъ широкими каменными площадками. На высотѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ показалась постройка, въ видѣ открытаго со всѣхъ сторонъ павильона, увѣнчаннаго тяжелой крышей характернаго китайскаго типа: тамъ стояли скамьи для отдыха, и китайскіе монахи,—хозяева горы,—предлагали угощеніе, состоявшее изъ чашечки зеленаго чая. Съ высотъ этой первой станціи открывался широкій видъ на рѣку и на глубокую долину, лежащую влѣво между ущельями горъ, съ ярко зеленѣющими по ней нивами, узкими ленточками каналовъ, разбросанными тамъ и сямъ деревушками,—обычный китайскій пейзажъ, полный, какъ и всякій подобный пейзажъ, глубокаго мира и покоя, если смотрѣть на мятущуюся внизу жизнь à vol d'oiseau. Отдохнувъ немного, мы двинулись дальше. Вотъ сверкнулъ въ ущельѣ направо серебристый каскадъ ручья, стремящагося въ долину, шумъ котораго еще издали, въ видѣ неяснаго ропота, доносился до насъ; и живой говоръ, и веселый блескъ его струй, дышащихъ чарующей свѣжестью силы и молодости, такъ странно гармонировалъ съ молчаливо-сумрачнымъ видомъ влажныхъ скалъ, черезъ которыя онъ прыгалъ, и величаво гордою осанкой старыхъ, высокихъ деревьевъ, обступившихъ его со всѣхъ сторонъ... Идемъ все выше и выше. По временамъ намъ попадаются стоящіе на площадкахъ каменные столбы, въ видѣ памятниковъ, съ письменами на нихъ. Такія же странныя письмена, только огромныхъ размѣровъ, чернаго и краснаго цвѣта, виднѣются на окрестныхъ скалахъ:

Это—молитвы, или описанія проѣзда разныхъ высоко-поставленныхъ лицъ на Кушанъ. Мы встрѣтили на пути еще три или четыре павильона одинаковаго типа съ первымъ. Съ одного изъ

Digitized by Google

нихъ мы долго любовались роскошной панорамой развернувшейся широкой картины: точно рамкой, охватили ее темнѣвшіе на далекомъ горизонтѣ массивы синихъ горъ, съ набѣгавшими на нихъ бѣлыми облаками; застѣнный городъ и пригороды стояли, окутанные сырымъ туманомъ собственной копоти, пыли, дыханій массы столпившихся тамъ человѣческихъ жизней; прихотливыя излучины Мин-чіана сверкающими лентами обвивали острова и бороздили долины; большой притокъ Мина, рѣка У-лон-кіанъ бѣжала по одной изъ нихъ, длинной и узкой, сплошь поросшей, говорятъ, рощами апельсинныхъ деревьевъ; по рѣкѣ медленно ползали черныя точки судовъ; кое-гдѣ виднѣлся дымокъ парохода; и всѣ эти издѣлія рукъ человѣческихъ: джонки, пароходы, деревни, пригороды, самъ городъ, вся людская жизнь, съ ея борьбой, шумомъ, грязью, казались отсюда только темными пятнами на фонѣ грандіозной картины, написанной гигантскими размахами творческой кисти природы...

Отъ послѣдняго павильона пошла широкая, великолѣпно-построенная дорога, окаймленная по сторонамъ крѣпкой оградой изъ правильно-отесанныхъ большихъ, каменныхъ плитъ, за которой поднимались старыя, тѣнистыя деревья. Вотъ, наконецъ, и ворота монастырской ограды. Входимъ. Передъ нами глубокое ущелье, замыкаемое высочайшей вершиной Ку-шана; направо, на пригоркѣ, прудъ, обдѣланный камнями; его питаетъ горный ключъ; въ прудѣ масса рыбы; на берегу—павильонъ, гдѣ монахи продаютъ крѣпкіе бѣлые сухари желающимъ покормить эту священную рыбу, наслаждающуюся здѣсь совершенною безопасностью; повсюду роскошная растительность. Широкая, вымощенная гранитными плитами дорога приводитъ насъ къ главному входу въ монастырь. Возлѣ входа стоятъ колоссальныя размалеванныя статуи съ самымъ суровымъ выраженіемъ страшныхъ лицъ; подъ ихъ ступнями лежатъ фигуры какихъ-то демоновъ, корчащихся въ мукахъ,—обыкновенные атрибуты преддверій китайскихъ храмовъ, отличающіеся отъ другихъ видѣнныхъ нами статуй того же рода только своею громадностью. Минуемъ широкій коридоръ и вступаемъ въ четырехъугольный дворъ, также сплошь вымощенный каменными плитами. Посреди двора—небольшой прудъ съ перекинутымъ черезъ него въ видѣ арки мостомъ. Вокругъ двора—крытыя веранды, защищающія прогуливающихся здѣсь монаховъ отъ дождя и солнца. По сосѣдству съ прудомъ—два красивыя зданія; въ одномъ изъ нихъ, когда мы были, шли ремонтныя работы; въ другомъ—подвѣшенъ бронзовый колоколъ. Неподалеку, межъ двухъ столбовъ съ перекладиной, виситъ на веревкѣ большая, деревянная рыба, по которой бьютъ кускомъ дерева во время богослуженія. Черезъ дворъ мы попадаемъ въ обширный залъ,—внутренность святилища. Здѣсь то же, что мы видѣли не разъ въ китайскихъ буддійскихъ храмахъ: прямыя колонны, красиво разрисованныя, покрытыя золотыми письменами, идутъ строй-

Digitized by Google

ными рядами, поддерживая высокій потолокъ; съ потолка спускается масса люстръ и отдѣльныхъ фонарей, заполняя вверху промежутки между колоннами; длинные ряды отдѣльныхъ скамеечекъ занимаютъ значительное пространство храма; передъ каждой изъ нихъ—маленькій аналой; въ нѣсколькихъ шагахъ впереди перваго ряда возвышается большой деревянный алтарь, гдѣ стоятъ вазы, курильницы, свѣчи, живые цвѣты и лежатъ разноцвѣтныя бумажки; за алтаремъ—одна огромная раззолоченная статуя посрединѣ и двѣ другія, меньшей величины, статуи по бокамъ, также богато вызолоченныя: это—три изображенія Будды: Будды Прошедшаго, Настоящаго и Будущаго; вдоль стѣнъ стоятъ рядами фигуры въ человѣческій ростъ,—статуи буддійскихъ святыхъ; въ углу виситъ «тамъ-тамъ»; свѣтъ проникаетъ черезъ очень высокія окна; частый деревянный переплетъ дѣлаетъ ихъ похожими на рѣшетки; вмѣсто стеколъ—толстая бумага. Черезъ боковую дверь входимъ въ другое гораздо меньшее помѣщеніе; здѣсь бонзы показываютъ намъ лежащій передъ статуей Будды на столѣ, покрытомъ шелковой скатертью, подъ стекляннымъ колпакомъ,—громадный зубъ, очевидно, какого-то допотопнаго животнаго, который они почему-то считаютъ зубомъ Сакья-Муни; въ стоящей тутъ же урнѣ, сдѣланной изъ зеленоватаго стекла, съ добрый стаканъ вмѣстимостью, виднѣется прозрачная жидкость: это, говорятъ намъ, слезы великаго учителя, пролитыя имъ за грѣшный міръ. Такихъ зубовъ и слезъ много разсѣяно по Цейлону, южному Китаю, Сіаму; немало храмовъ гордятся тѣмъ, что имѣютъ у себя подобныя священныя реликвіи, и Кушанскій монастырь представляетъ одинъ изъ такихъ храмовъ. Отъ главнаго зданія отходятъ боковыя крылья, гдѣ расположены монастырскія кельи, помѣщенія для гостей, общая столовая и кухня. Столовая и кухня вмѣстѣ помѣщаются въ очень большомъ и просторномъ сараѣ; на одномъ концѣ его находятся нѣсколько чугунныхъ котловъ для варки пищи, вдѣланныхъ въ каменныя кладки, подъ которыми разводится огонь, а на другомъ стоятъ рядами длинныя скамьи и столы; полъ—земляной; посрединѣ его, въ деревянномъ жолобѣ, бѣжитъ горный ручей. Чистота повсюду—удивительная. Помѣщенія для гостей—небольшія комнатки, съ самой простой обстановкой: деревянная кровать, такой же столъ, одинъ—два стула, и ничего больше; всѣ комнаты имѣютъ второй выходъ на наружную, крытую веранду, окружающую то зданіе, гдѣ онѣ помѣщаются, и которое прилѣпилось къ выступамъ камней, какъ орлиное гнѣздо. Мрачныя скалы, поросшія высокими деревьями и кустами, повисли надъ нимъ сверху; густая зелень лѣсовъ застилаетъ лежащія внизу пропасти. Трудно передать словами своеобразное впечатлѣніе этого эффектнаго сочетанія простой монастырской обстановки съ величественной красотой роскошной природы,—всю эту оригинальную прелесть сильныхъ контрастовъ, сплетающихся здѣсь въ такое гармоническое цѣлое.

Digitized by Google

Лѣтомъ, когда въ долинѣ наступаетъ періодъ томительныхъ жаровъ, семейства нѣкоторыхъ изъ европейскихъ обывателей Фу-чжоу перебираются на житье въ Ку-шанскій монастырь. Они ютятся здѣсь, въ этихъ именно келейкахъ, изображающихъ тогда собою оригинальныя дачи. Чудный, горный и лѣсной воздухъ, великолѣпныя, густыя, тѣнистыя рощи, роскошные виды, открывающіеся повсюду, прохлада, тишина и чистота, отсутствіе холеры и лихорадокъ дѣлаютъ эту возвышенность прекраснымъ дачнымъ мѣстомъ. Плата за комнату—30—40 долларовъ въ мѣсяцъ.

Черезъ прелестную рощу граціозно-стройныхъ, молодыхъ бамбуковъ, начинающуюся за рыбнымъ прудомъ, мы поднялись въ гору, въ сторону отъ храма, и послѣ нѣсколькихъ минутъ ходьбы попали въ очень милый уголокъ, гдѣ притаилась небольшая кумирня; на пути къ ней лежитъ узкій, глубокій оврагъ, на днѣ котораго чуть-чуть струится ручей; черезъ оврагъ перекинутъ каменный мостикъ. Одной стороной своей кумирня уперлась въ скалу; съ трехъ другихъ—зданіе совершенно открыто; тяжелая крыша его покоится на толстыхъ деревянныхъ брусьяхъ; а сквозь просвѣты между столбами виднѣется зелень кустовъ и камни скалъ, съ высѣченными на нихъ крупными письменами молитвъ; внутри—низко, сумрачно, слышится запахъ сырости и тихое журчанье ручья: изъ-подъ тѣхъ камней, что образуютъ собою почти глухую стѣну кумирни, бѣжитъ струйка воды; она принимается деревяннымъ жолобомъ, падаетъ затѣмъ на желобоватое же колесо, въ родѣ нашихъ водяныхъ мельничныхъ, и, приводя его въ движеніе, заставляетъ дѣлать оборотъ черезъ опредѣленные промежутки времени; а такъ какъ къ оси тяжелаго колеса привязана веревка, другимъ концомъ своимъ укрѣпленная за языкъ металлическаго колокола, который виситъ въ углу кумирни, то глухой, протяжный звонъ раздается здѣсь день и ночь, съ однообразной правильностью заведенной машины. Не всегда, впрочемъ, ручей даетъ одно и то же количество воды въ минуту: иногда онъ вдругъ почти совсѣмъ перестаетъ течь; говорятъ, будто бы такой феноменъ обыкновенно предшествуетъ мѣстнымъ землетрясеніямъ, въ настоящее время, впрочемъ, очень слабымъ въ этой области. Немного выше этой маленькой кумирни находится другая, еще меньшая, съ массой крошечныхъ идоловъ. А надъ нею подымается высшій пикъ горной группы Ку-шана. Отсюда можно видѣть не только устье Мина и море, но въ хорошую погоду даже островъ Формозу. Къ сожалѣнію, намъ не пришлось полюбоваться такой грандіозной картиной: начиналъ моросить мелкій дождь, въ горахъ клубился туманъ, и очертанія даже ближнихъ долинъ затягивались волнующейся бѣлой пеленой его. Въ одной изъ большихъ залъ, прилегающихъ къ главному храму, мы напились чаю, закусили тѣми запасами, что принесли съ собой, и вернулись домой подъ проливнымъ дождемъ.

Digitized by Google

Въ Фу-чжоу есть двѣ русскія фабрики для выдѣлки кирпичнаго чая. Такая фабрика представляетъ обширный, высокій сарай, гдѣ вдоль одной изъ стѣнъ идетъ рядъ котловъ съ кипящей водой, а почти посрединѣ находится огромный, деревянный прессъ, приводимый въ движеніе ручной силой. Матеріаломъ для приготовленія кирпичнаго чая служатъ обломки листьевъ и корешки ихъ, являющіеся, какъ отбросъ при приготовленіи черныхъ и зеленыхъ чаевъ. Не надо понимать слово «отбросъ» въ смыслѣ дурнаго качества: это—тѣ же чайные листья, которые идутъ и въ настоящіе черные и зеленые чаи, но только пострадавшіе при многочисленныхъ операціяхъ производства послѣднихъ и сдѣлавшіеся, по своей формѣ, непригодными къ свертыванью. На фабрикахъ кирпичнаго чая такой матеріалъ кладется на вогнутыя сита; послѣднія ставятся надъ парами кипящей въ котлахъ воды и закрываются сверху крышкой; когда онъ достаточно размякнетъ, его вкладываютъ въ особыя деревянныя формы, сдѣланныя въ видѣ кирпича, посыпаютъ сверху мелкимъ порошкомъ чая для приданія поверхности однообразновнаго вида, закрываютъ плотно деревянной же крышкой и затѣмъ кладутъ подъ прессъ, съ громадной силой сплющивающій эту чайную массу въ форму плотнаго кирпича. Вся эта процедура идетъ очень быстро, благодаря непрерывной цѣпи рукъ, передающихъ матеріалъ и кирпичи со скоростью и точностью машины. Приготовленные чайные кирпичи складываются въ такія же большія кладки, какъ и глиняные, съ отдушинами для провѣтриванія, и когда остынутъ, завертываются въ бумагу и укладываются въ ящики для отправки ихъ въ Сибирь, которая, среди русскихъ земель, является одною изъ главныхъ потребительницъ этого сорта чая. Китайцы также фабрикуютъ кирпичный чай, идущій главнымъ образомъ въ Тибетъ и Монголію. Китайскій способъ прессованія отличается отъ русскаго тѣмъ, что приготовленную на парахъ чайную массу смачиваютъ рисовой водой передъ формовкой ея въ кирпичи. Въ разныхъ странахъ и мѣстностяхъ разно пьютъ этотъ чай. Тибетцы и монголы отламываютъ кусокъ кирпича и кипятятъ его съ молокомъ, масломъ, водою и небольшимъ количествомъ перца; приблизительно также пьютъ его наши инородцы юго-восточныхъ степей Россіи, Средней Азіи и Западной Сибири; въ Восточной Сибири, гдѣ онъ массами идетъ на золотые пріиски и въ мѣстныя войсковыя части, его просто кипятятъ съ водой, къ которой иногда прибавляется небольшое количество соли. Стоитъ такой чай очень дешево: на мѣстѣ онъ обходится около 5 коп. фунтъ; даже и послѣ длинной перевозки, когда онъ прошелъ черезъ множество всякихъ посредствующихъ рукъ, стоимость его все-таки ничтожна съ цѣнами черныхъ чаевъ (что-то около 20—25 коп. за фунтъ).

Въ началѣ 80-хъ годовъ русскіе въ Ханькоу стали выдѣлывать изъ матеріала, остающагося послѣ приготовленія высшихъ сортовъ

Digitized by Google

чернаго чая, особый видъ чая, на манеръ кирпичнаго, но спрессованнаго въ плитки, напоминающія своею формою толстыя плитки шеколада. Такой же плиточный чай начали производить съ 1886-го года русскіе и въ Фу-чжоу; но уже въ слѣдующемъ году это производство было пріостановлено, такъ какъ генералъ-инспекторъ китайскихъ морскихъ таможенъ, сэръ Робертъ Хартъ, произвольно увеличилъ вывозную пошлину на этотъ сортъ чая. Хотя русскія консульства въ Фу-чжоу и Ханькоу тогда же протестовали противъ такого самовольнаго повышенія пошлины, и протестъ ихъ встрѣтилъ энергическую поддержку со стороны нашей миссіи въ Пекинѣ, тѣмъ не менѣе, однако же, распоряженіе Харта до послѣдняго времени оставалось въ своей силѣ.

Плиточный чай стоитъ дороже кирпичнаго, но гораздо дешевле даже низшихъ сортовъ черныхъ чаевъ; а между тѣмъ это — все-таки настоящій, неподдѣльный чай, который по своимъ качествамъ и дешевизнѣ не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣми наглыми фальсификаціями чая, что такъ распространены въ Европейской Россіи, составляя предметъ безобразнѣйшей эксплуатаціи бѣднаго люда и чрезвычайно доходную статью нашихъ чаеторговцевъ третьяго и четвертаго разбора. Неподдѣльный черный чай въ Россіи доступенъ только состоятельнымъ людямъ, которые могутъ платить за фунтъ отъ двухъ до 4-хъ рублей. Остальная масса, пробавляющаяся разными «экономическими» чаями ниже 2-хъ рублей, пьетъ настой не столько чая, сколько разныхъ болѣе или менѣе грубыхъ фальсификацій его. Черный чай на мѣстѣ, хотя бы, напримѣръ, въ Фучжоу, обходится нашимъ тамошнимъ фирмамъ отъ 30 до 80 коп. за фунтъ. Возьмите стоимость ящиковъ, укупорку, вывозную пошлину, уплачиваемую въ мѣстную китайскую таможню за каждый цибикъ чая, плату за доставку груза на чайный пароходъ, стоимость перевозки отсюда въ Одессу, наши чудовищныя золотыя пошлины на этотъ продуктъ, перевозку съ судна на вокзалъ, плату по желѣзнымъ дорогамъ, напримѣръ, до Москвы, процентъ, какой должны получить фу-чжоускіе комиссіонеры и ихъ московскіе заказчики, процентъ прибыли, который хотятъ, въ свою очередь, имѣть второстепенныя, третьестепенныя и т. д. фирмы, закупающія чаи у главныхъ воротилъ этого дѣла въ Москвѣ, и вы увидите, что и за 2 рубля нельзя имѣть въ Россіи даже того чая, какой на мѣстѣ стоитъ 30—40 коп. фунтъ.

Вотъ почему представляется болѣе цѣлесообразнымъ и желательнымъ, при такой постановкѣ дѣла и теперешнемъ нашемъ таможенномъ тарифѣ, широкое распространеніе плиточнаго чая, ибо это все-таки настоящій, неподдѣльный чай, стоитъ неизмѣримо дешевле поддѣльнаго чернаго и отличается только своимъ нѣсколько своеобразнымъ, но вовсе не противнымъ вкусомъ, къ которому легко привыкнуть, особенно у насъ, въ Россіи, гдѣ чай рѣдко пьютъ чистый, а большею частью съ молокомъ, лимономъ или вареньемъ.

Digitized by Google

Выдѣлкою кирпичнаго чая въ Фу-чжоу занимаются только зимою, въ періодъ сравнительнаго дѣловаго затишья, когда всѣ освободились отъ гнета той страдной поры, что зовется здѣсь чайнымъ сезономъ. Сезоновъ этихъ два въ году: весенній и лѣтній. Тогда готовятся, пробуются и отправляются исключительно только черные и зеленые чаи.

Родиной чайнаго дерева считаютъ именно Фокіенскую область, главнымъ городомъ которой является Фу-чжоу. Отсюда, изъ Фокіена, оно распространилось постепенно къ югу до Кантона, къ сѣверу до Пан-чао-фу, въ Шантунской провинціи (т. е. отъ 23 до 35 градуса сѣверной широты), къ западу—до Юннана. Затѣмъ, въ культивированномъ уже состояніи растеніе перешло въ Японію, Корею Тонкинъ, Кохинхину, Ассамъ, Бенгалію, на острова: Яву, Суматру и Цейлонъ. Когда начали воздѣлывать чай въ Китаѣ, въ точности неизвѣстно; полагаютъ, что между 350 и 500 годами по Рождествѣ Христовѣ. Китайскія преданія говорятъ, что первымъ, открывшимъ драгоцѣнныя свойства чайныхъ листьевъ, былъ нѣкто Бодхи-Дарма, индусъ, пришедшій въ Китай, какъ апостолъ буддизма, и спасавшійся въ одной пещерѣ, въ нынѣшней провинціи Фокіенъ, гдѣ онъ и сдѣлалъ свое великое открытіе.

Чайный кустъ настолько родственъ различнымъ сортамъ камелій, что китайцы называютъ однимъ и тѣмъ же именемъ оба эти растенія. Главное различіе для обыкновеннаго наблюдателя между листьями японской камеліи и чайнаго дерева заключается въ томъ, что чайный листъ тонокъ и нѣженъ, тогда какъ листъ камеліи—гладкій и плотный. И камелія, и чайное дерево, если имъ дать свободу, выростаютъ въ большія деревья (чайное дерево, напримѣръ, достигаетъ 14—17 арш. высоты при 7 верш. толщины); но при культивировкѣ чайному деревцу не даютъ расти больше одного — двухъ аршинъ; съ этою цѣлью у молодыхъ растеній срѣзаютъ верхушки, вслѣдствіе чего они начинаютъ сильно куститься и расти преимущественно въ листъ. Чайное дерево, какъ и камелія, принадлежатъ къ числу вѣчно зеленыхъ растеній: листья ихъ не опадаютъ; они имѣютъ продолговатую или эллиптически-яйцевидную форму и рѣдко бываютъ длиннѣе пяти и шире $2^1/_2$ сантиметровъ; край ихъ слегка зазубренъ. Чайные цвѣты — маленькіе, бѣлаго цвѣта, сидятъ на довольно-длинныхъ черешкахъ, не имѣютъ запаха и скоро опадаютъ. Чайныя сѣмена, три маленькіе орѣшка, заключены въ трехъ-гранную скорлупу, съ перегородками внутри, которыя, когда сѣмя поспѣетъ, лопаются. Сѣмена камелій—такія же, но они болѣе маслянисты. Въ Китаѣ воздѣлываются два сорта камелій изъ-за ихъ маслянистыхъ сѣмянъ, и получаемое отъ нихъ масло извѣстно у туземцевъ подъ именемъ чайнаго масла. Сѣмена чайнаго дерева созрѣваютъ въ октябрѣ. Ихъ кладутъ тогда въ землю, смѣшанную съ пескомъ, которую часто увлажняютъ, пока они не дадутъ рост-

Digitized by Google

ковъ. Въ мартѣ ихъ засѣваютъ въ питомники; а въ слѣдующемъ году молодыя растенія разсаживаютъ, каждое отдѣльно, рядами на разстояніи около 4-хъ футовъ одно отъ другаго. Когда кустику минетъ три года, съ него начинаютъ собирать листья, и этотъ процессъ повторяется раза три-четыре въ годъ, пока кусть не истощится. Это наступаетъ обыкновенно на восьмомъ году жизни растенія; тогда его вырываютъ вонъ на дрова, чтобы дать мѣсто новымъ, свѣжимъ росткамъ.

Такъ называемыя чайныя плантаціи — просто маленькіе клочки земли, съ посаженными на нихъ чайными кустами, обработываемые отдѣльными мелкими собственниками. Наиболѣе тонкіе сорты чая воздѣлываются бонзами маленькихъ монастырей, пріютившихся между холмами чайныхъ округовъ. Плантаціи чая находятся здѣсь всегда на склонахъ холмовъ, высотою въ двѣ-три тысячи футовъ,—въ мѣстахъ, гдѣ вода стекаетъ быстро, оставляя влаги лишь столько, сколько нужно.

Сборъ листьевъ начинается въ первыхъ числахъ апрѣля, до наступленія періода весеннихъ дождей. При сборѣ этихъ самыхъ раннихъ весеннихъ листьевъ не обрываютъ растеніе все цѣликомъ, а стараются оставить достаточно листвы на концахъ вѣтвей.

Для полученія второго (самаго богатаго) сбора необходимы правильные и обильные весенніе дожди. Правильность дождя—вообще самое существенное условіе въ культурѣ чая. Первый сборъ чайныхъ листьевъ—наиболѣе хлопотливъ, требуетъ наибольшаго количества труда и даетъ лучшіе сорты чернаго и зеленаго чаевъ.

Время второго сбора — вторая половина мая, когда листва чайнаго куста достигаетъ своей наибольшей густоты и пышности.

Третій сборъ бываетъ въ концѣ іюня, а въ августѣ производится иногда и четвертый.

Оба послѣдніе сбора даютъ низшіе сорты чая. Общее количество свѣжихъ листьевъ, собираемыхъ съ одного совершенно здороваго растенія, колеблется между 5 и 6 фунтами, дающими въ окончательномъ результатѣ 1—$1^1/_2$ фунта готоваго чая.

Время второго сбора въ чайныхъ округахъ Китая — это пора преимущественно дѣтскаго и женскаго труда. Дѣти и женщины окрестныхъ селеній цѣлыми толпами отправляются къ комиссіонерамъ, закупившимъ листья на кустахъ, или къ собственникамъ тѣхъ участковъ, гдѣ не хватаетъ рабочихъ рукъ, и предлагаютъ имъ свои услуги. Приступивъ къ дѣлу, такая толпа быстро очищаетъ вѣтви чайныхъ кустовъ и наполняетъ свои корзины только хорошими, свѣжими листьями, отбрасывая прочь мелкія вѣточки и желтые листки, такъ какъ имъ платятъ лишь за совершенно чистый сборъ. 15 фунтовъ чайныхъ листьевъ считается мѣрой хорошей, дневной работы для одного человѣка; а поденная плата за подобный

Digitized by Google

трудъ равняется 10 — 15 копеекъ на наши деньги. Второй сборъ продолжается около 12 дней.

У комиссіонеровъ имѣются особые сараи, или сушильни, куда сносятся какъ тѣ чайные листья, которые они скупили на корню и собрали помощью наемныхъ рабочихъ, такъ и сборы, самостоятельно сдѣланные мелкими владѣльцами, продающими сюда же свой продуктъ по рыночной цѣнѣ. Сортировка собранныхъ листьевъ (по величинѣ, толщинѣ и проч.) занимаетъ массу рукъ, ибо это— очень важный пунктъ по отношенію къ чистотѣ различныхъ родовъ чая: разсортировать и очистить чайные листья отъ постороннихъ примѣсей — такая же существенная вещь въ чайномъ дѣлѣ, какъ хорошо сохранить и высушить ихъ.

Свѣже собранные листья чайнаго дерева не имѣютъ ни одного изъ качествъ готоваго чая: ни его аромата, ни вкуса; то и другое образуется только при особой обработкѣ ихъ, послѣ чего получаются, смотря по употребленному способу, разные сорты чая, которые можно раздѣлить на двѣ основныя группы: черные и зеленые чаи.

Приготовленіе черныхъ чаевъ происходитъ слѣдующимъ образомъ: когда свѣжіе листья принесутъ въ сушильню, ихъ тотчасъ же разсыпаютъ тонкимъ слоемъ на циновкахъ и выставляютъ на солнцѣ, приблизительно на часъ времени,—подвяливаютъ. Затѣмъ, ихъ собираютъ и несутъ въ сарай, гдѣ разсыпаютъ по тростниковому столу. Каждый рабочій беретъ пригоршню листьевъ, мнетъ ее въ форму шара и начинаетъ катать взадъ и впередъ по столу, чтобы выжать изъ нихъ влагу, причемъ листья свертываются и скручиваются. Послѣ этой операціи, продѣлываемой много разъ, ихъ кладутъ въ въ кучки, покрываютъ крышками и оставляютъ лежать такъ около часа. Листья начинаютъ тогда слегка разогрѣваться, причемъ въ нихъ наступаетъ своеобразное броженіе, сопровождающееся измѣненіемъ ихъ цвѣта и образованіемъ пахучихъ веществъ; потомъ листья снова разсыпаютъ тонкимъ слоемъ на циновки, выносятъ наружу и даютъ имъ лежать подъ горячими лучами солнца часа три; въ это время они сохнутъ, свертываются, чернѣютъ, давая тотъ тонкій, нѣжный ароматъ, котораго до этого не было. Теперь ихъ переносятъ въ сарай, гдѣ отбираютъ негодные (не свернувшіеся, поломанные или сырые) листья, а годные подвергаютъ такъ называемому поджариванію: въ небольшихъ печкахъ, открытыхъ сверху, зажигаютъ древесный уголь; когда онъ перегоритъ, перестанетъ давать дымъ и затянется легкимъ слоемъ пепла, — надъ печкой ставится особая корзина, съ перехватомъ посрединѣ и открытая съ обоихъ концовъ; нижнимъ концомъ она помѣщается надъ горячей золой, а въ верхній вкладывается частая бамбуковая рѣшетка, на которой тонкимъ слоемъ разсыпаются чайные листья; они здѣсь подогрѣваются 5—6 минутъ, послѣ чего ихъ складываютъ въ корзины; содержимое корзинъ переворачивается, пока все не остынетъ,

Digitized by Google

не высохнетъ, и листья не сдѣлаются всѣ одинаково черными. Затѣмъ, ихъ отправляютъ на ближайшія фабрики, гдѣ, послѣ вторичнаго поджариванья ихъ, начинается длинный процессъ просѣиванія черезъ различной величины сита и провѣиваніе на вѣялкахъ, причемъ помощью искусственно производимаго вѣтра отлетаетъ чайная пыль и легкій, ломанный листъ въ одну сторону, а тяжелый въ другую. Изъ полученныхъ такимъ путемъ листьевъ дѣлаютъ смѣсь слѣдующимъ образомъ: въ крытомъ и сухомъ помѣщеніи загораживаютъ досками съ боковъ извѣстное пространство, причемъ получается кубъ, открытый кверху; на дно такого ящика, объемъ котораго равняется приблизительно тремъ кубическимъ саженямъ, сыплютъ тонкій слой тяжелыхъ листьевъ, сверху—слой чая полегче и третій слой еще болѣе мелкаго листа; потомъ опять идетъ слой тяжелаго чая и т. д. Изъ этихъ закромовъ разсыпаютъ чай уже по ящикамъ и готовятъ партіи ихъ къ отправкѣ. Таковъ, въ общихъ чертахъ, сложный процессъ приготовленія низшихъ сортовъ чернаго чая, предназначаемаго къ вывозу изъ страны. Между ними наибольшей извѣстностью у насъ пользуются «байховый» и «фамильный» чаи. Лучшій сортъ байховаго чая въ Фу-чжоу называется «пакланъ» или «пеклинъ»: по всей вѣроятности, испорченное китайское слово «Бей-Линъ», означающее названіе мѣстности, гдѣ начинаются однѣ изъ важнѣйшихъ чайныхъ плантацій Фокіенской области. Высшіе сорты чернаго чая приготовляются болѣе тщательно, требуя гораздо больше времени для свой сортировки. Такихъ смѣсей, о какихъ говорилось выше, изъ нихъ не дѣлаютъ.

Для Америки, Австраліи и частью Англіи приготовляютъ еще особые сорты такъ называемыхъ надушенныхъ чаевъ (scented tea): партію чая смѣшиваютъ, напр., съ лепестками цвѣтка жасмина, перекладывая чай послойно съ этимъ цвѣткомъ; смѣсь оставляютъ обыкновенно на однѣ сутки, послѣ чего цвѣты удаляются провѣиваніемъ, и чай, принявшій ароматъ жасмина, упаковываютъ для отправки за границу. Если чай недостаточно пропитался ароматомъ цвѣтка, процессъ надушиванія повторяютъ еще разъ.

Для надушиванія чаевъ, кромѣ жасмина, берутъ лепестки апельсиннаго цвѣта, розы, азаліи, гарденіи: апельсиннаго цвѣта нужно 40 фунтовъ на каждые 100 фунтовъ чая, жасмина немного больше, азаліи почти половина на половину и т. д. Надушенные чаи обыкновенно подмѣшиваются, въ извѣстной пропорціи, къ высшимъ сортамъ чистыхъ черныхъ чаевъ.

Зеленый чай приготовляется изъ тѣхъ же самыхъ листьевъ, срываемыхъ въ одну и ту же пору, съ тѣхъ же чайныхъ кустовъ, что и черный, и главная разница въ приготовленіи зеленаго и чернаго чаевъ заключается въ томъ, что послѣдній всегда сушится на солнцѣ (чѣмъ горячѣе лучи солнца,—тѣмъ лучше) и, сложенный затѣмъ въ кучи, подвергается нѣкоторому броженію, отчего онъ и чернѣетъ,

Digitized by Google

тогда какъ зеленый засушивается въ тѣни, на вѣтру, отчего листья его не чернѣютъ, а остаются зелеными. Далѣе, листья зеленаго чая, тотчасъ послѣ трехчасоваго подвяливанія, поджариваются на разогрѣтыхъ предварительно сковородахъ и потомъ уже слегка выжимаются, свертываются и скручиваются. Затѣмъ ихъ еще разъ поджариваютъ, снова закручиваютъ, подвергаютъ повторному просѣиванію и провѣиванію и раздѣляютъ на различные сорты. Зеленые чаи, такимъ образомъ, благодаря подвяливанію въ тѣни, немедленному послѣ этого поджариванью и послѣдующему быстрому охлажденію, удерживаютъ гораздо больше эѳирнаго масла и сока въ листьяхъ, чѣмъ черные. Меньшему содержанію эѳирнаго масла и другихъ летучихъ веществъ въ черныхъ чаяхъ способствуетъ еще и другая причина: бо̀льшее окисленіе ихъ сравнительно съ зелеными сортами, происходящее вслѣдствіе болѣе продолжительнаго соприкосновенія листьевъ растенія съ атмосфернымъ воздухомъ, когда они, находясь во влажно-тепломъ состояніи, просушиваются въ кучахъ послѣ перваго поджариванія.

Всѣ сорты зеленаго чая имѣютъ темно-зеленый оттѣнокъ, переходящій въ голубоватый или въ сѣроватый. Черный чай китайцы называютъ краснымъ отъ цвѣта его настоя. Настой зеленаго чая—соломенно-желтый. Хотя каждый чайный кустъ можетъ давать и зеленый и черный чай всякихъ сортовъ, но изъ разныхъ провинцій получаются только опредѣленные сорты чая, такъ какъ обитатели одной мѣстности, вслѣдствіе многовѣковой практики, научились приготовлять одни сорты высшаго рода и качества; а въ другой мѣстности умѣютъ дѣлать лучше другіе сорты. Почва также оказываетъ большое вліяніе на модификацію продукта, какъ это имѣетъ мѣсто и въ культурѣ винограда.

Лучшіе сорты чая называются китайцами или по мѣстности ихъ производства, или (что гораздо чаще) они носятъ фантастическія прозвища, намекающія на ихъ ароматъ, цвѣтъ, форму и проч. Для черныхъ чаевъ существуютъ, напримѣръ, такія названія: «Брови Лаотее», «Цвѣтъ краснаго пера», «Зерно лотоса», «Шаръ дракона», «Осенняя роса»; для зеленыхъ чаевъ—«Глаза жестокаго краба», «Прежде дождей», «Цвѣтущая весна» и т. д. Въ торговлѣ чаи классифицируются не столько по названію, сколько по мѣстности гдѣ они растутъ, такъ какъ эта послѣдняя классификація основана на хорошо-замѣченномъ фактѣ постоянства главныхъ свойствъ продукта, производящагося изъ года въ годъ въ той или другой области.

Одинъ иностранецъ составилъ карту чайныхъ округовъ Китая, съ обозначеніемъ при каждомъ округѣ свойственныхъ ему главныхъ сортовъ чернаго и зеленаго чая. Площадь всѣхъ такихъ областей занимаетъ около 470.000 квадратныхъ миль, и главнѣйшихъ только сортовъ чая на этой картѣ нанесено: 45 чернаго и 9 зеленаго.

Средневѣковые путешественники, напримѣръ, Марко Поло, ничего

Digitized by Google

не говорятъ о чаѣ: очень вѣроятно, что и въ самомъ Китаѣ онъ не имѣлъ еще въ тѣ времена повсемѣстнаго распространенія.

Среди западныхъ народовъ чай вводился вначалѣ медленно и туго. Голландцы ввезли его въ Европу впервые въ 1591 году; но ничтожное количество его указываетъ, что онъ доставленъ былъ не для торговли, а какъ курьезъ. Въ Россію онъ былъ привезенъ въ первый разъ въ 1638 году Старковымъ, ѣздившимъ въ качествѣ посла къ Алтынъ-хану и привезшимъ съ собою 150 фунтовъ чая въ видѣ подарка царю Михаилу Ѳеодоровичу отъ хана. Вкусъ къ чаю быстрѣе, чѣмъ гдѣ либо, развился въ Англіи, которая и въ настоящее время является страною, потребляющею наибольшія количества чая: въ 1670 году ввозъ чая въ Англію равнялся 80 фунтамъ; 50 лѣтъ спустя, его ввезли сюда уже 375.000 ф.; а теперь ежегодное потребленіе чая одной только Великобританіей исчисляется сотнями милліоновъ фунтовъ. Полагаютъ, что общее количество чая, добываемаго въ различныхъ мѣстахъ его произрастанія, простирается въ настоящее время до 40 милліоновъ пудовъ, и что болѣе 650 милліоновъ человѣкъ пьютъ этотъ напитокъ.

Химическій анализъ показалъ, что въ чаѣ содержатся три главныхъ дѣйствующихъ вещества, которымъ онъ и обязанъ своими качествами. Первое вещество—летучее эѳирное масло, которое получается при перегонкѣ чайныхъ листьевъ съ водою: изъ 100 фунтовъ сухого чая добывается около 1 фунта такого масла. Много его выжимается и улетучивается изъ свѣжихъ листьевъ во время свертыванія ихъ, поджариванія и засушиванія; но извѣстное количество его все-таки остается. Дѣйствіе его въ чистомъ видѣ на человѣческій организмъ очень энергично: это весьма сильное возбуждающее, разрушительнымъ образомъ дѣйствующее на нервную систему. Пробщики чая самымъ наглядным образомъ подтверждаютъ это положеніе о губительномъ дѣйствіи на организмъ значительныхъ количествъ свѣжаго эѳирнаго масла, содержащагося въ крѣпкихъ настояхъ чая, массу которыхъ они обязаны перепробовать въ теченіе каждаго чайнаго сезона. Потеря аппетита, исхуданіе, безсонница, дрожаніе рукъ и ногъ и рядъ всевозможныхъ нервныхъ разстройствъ характеризуютъ собою хроническое чайное отравленіе пробщиковъ. Особенно много эѳирнаго масла содержится въ зеленыхъ чаяхъ. Въ черныхъ—количество его настолько ничтожно, что они въ среднихъ настояхъ не только не имѣютъ никакого вреднаго вліянія на взрослый организмъ, но, производя легкое возбужденіе нервной системы, дѣйствуютъ на нее весьма благотворно. Благотворное вліяніе чая было давно уже замѣчено китайцами. Объ этомъ вліяніи существуетъ тамъ цѣлая литература. Между прочимъ, одинъ изъ туземныхъ ученыхъ, Павелъ Сю, обращенный въ христіанство въ 1620 году, изложивъ въ своемъ трактатѣ правила воздѣлыванія и обработки чая, въ заключеніе говоритъ: «Чай имѣетъ свойства освѣ-

Digitized by Google

жающія; это чрезвычайно полезное растеніе, культивировка и благодѣянія котораго должны быть широко распространены; пойте его, и духъ вашъ будетъ бодръ и ясенъ». Дѣйствительно, дѣятельность органовъ чувствъ, при употребленіи чая, повышается такъ же, какъ способность переработывать полученныя впечатлѣнія. Такое дѣйствіе чая должно быть отнесено, главнымъ образомъ, къ присутствію въ немъ эѳирнаго чайнаго масла, что̀ подтверждаютъ и прямые опыты съ этимъ масломъ.

Другое вещество, которое анализъ открываетъ въ чаѣ, и которому онъ также обязанъ извѣстною долею своего благотворнаго дѣйствія,—теинъ. Теинъ представляетъ кристаллическое вещество, безъ цвѣта и запаха, но со слабымъ горькимъ вкусомъ. Онъ содержитъ около 30% азота. Какъ доказали опыты, теинъ замедляетъ обмѣнъ веществъ въ организмѣ, т. е. уменьшаетъ трату составныхъ частей его тканей, необходимую для совершенія жизненныхъ процессовъ движенія и выработки тепла: при употребленіи чая, слѣдовательно, эти процессы идутъ съ меньшимъ ущербомъ для организма.

Третье вещество, содержащееся въ чаѣ, — таннинъ, или таннинова кислота. Она придаетъ вяжущій вкусъ настою чайныхъ листьевъ и содержится въ количествѣ 17% въ хорошо высушенномъ черномъ чаѣ и въ гораздо большемъ количествѣ въ зеленомъ. Нѣкоторые ученые смотрятъ на таннинъ, какъ на средство, содѣйствующее усиленію благопріятнаго дѣйствія чая.

Кромѣ этихъ трехъ веществъ, въ чаѣ имѣются еще: гумми, декстринъ, клѣтчатка и бѣлковыя вещества, общія съ другими кормовыми растеніями; они образуютъ третью часть вѣса листьевъ, но, при обыкновенномъ способѣ употребленія чайнаго настоя, почти цѣликомъ отбрасываются вмѣстѣ съ листьями. Чтобы извлечь пользу отъ ихъ присутствія въ чаѣ, мы должны были бы усвоить себѣ привычку ѣсть его листья. Питательными свойствами чайныхъ бѣлковыхъ веществъ объясняется, до нѣкоторой степени, общераспространенное употребленіе кирпичнаго чая среди полудикихъ племенъ Азіатскаго материка, такъ какъ при употребленіи кирпичнаго чая въ формѣ супа, съ солью, перцемъ, молокомъ, поѣдаются вмѣстѣ и листья. Но для всѣхъ прочихъ народовъ, т. е. для огромнаго числа потребителей чая, тѣхъ, что пьютъ только его настой, его бѣлковыя вещества питательнаго значенія не имѣютъ. Значеніе чая для этихъ народовъ, какъ мы видѣли, другое и можетъ быть формулировано слѣдующимъ образомъ: «чай есть такое средство, которое понижаетъ обмѣнъ веществъ въ организмѣ и позволяетъ послѣднему производить усиленную работу съ сохраненіемъ собственнаго запаса питательныхъ веществъ, т. е. его тканей». Именно этому свойству чай и обязанъ своимъ распространеніемъ, хотя, несомнѣнно, здѣсь играетъ роль и то легкое возбуждающее дѣйствіе, о которомъ мы говорили раньше.

Digitized by Google

Существующее у многихъ мнѣніе о вредѣ чая должно быть отнесено, главнымъ образомъ, за счетъ употребленія крѣпкихъ настоевъ зеленаго чая, что, безъ сомнѣнія, вредно. Сами китайцы пьютъ всегда очень слабый настой его, и опытъ пятнадцати столѣтій доказалъ, что здоровье, тѣлесное и душевное, всѣхъ классовъ общества въ Китаѣ ничуть не пострадало отъ этого напитка, тогда какъ 15 столѣтій такого же употребленія алкоголя, навѣрное, привели бы эту великую и прекрасную страну къ состоянію вырожденія и полнѣйшаго упадка во всѣхъ отношеніяхъ, къ чему бы полная свобода «распивочно и навынось» привела и насъ еще черезъ немного поколѣній, если бы правительство не взяло, наконецъ, въ свои руки упорядоченіе торговли этимъ ужасающимъ продуктомъ, который, какъ и всякое другое сильно дѣйствующее вещество, будетъ современемъ продаваться, конечно, только по предписаніямъ врачей.

Въ борьбѣ съ алкоголизмомъ, губящимъ нашъ народъ, чай представляетъ единственное безвредное замѣняющее средство. Поэтому необходимо, чтобы съ упорядоченіемъ водочной торговли шло рука объ руку и облегченіе для народа возможности имѣть хорошій, неподдѣльный чай по цѣнамъ, доступнымъ его карману; и на первомъ планѣ здѣсь, конечно, должно стоять уничтоженіе таможенной пошлины на чай, этой ужасной пошлины въ рубль золотомъ съ фунта. Министерство финансовъ могло бы получать чай изъ первыхъ рукъ, отъ нашихъ крупныхъ чайныхъ фирмъ, имѣющихъ дѣла непосредственно съ Ханькоу и Фу-чжоу, и организовать продажу его въ тѣхъ же казенныхъ лавкахъ, въ которыхъ продается теперь и водка, причемъ доходы казны отъ этой статьи, съ теченіемъ времени, съ расширеніемъ потребленія чая, не только покроютъ недоборъ съ государственныхъ доходовъ вслѣдствіе уничтоженія чайной пошлины, но и убытки отъ сокращенія у насъ въ будущемъ пьянства.

Переходъ съ водочнаго режима на чайный, въ числѣ прочихъ благъ для массы населенія, принесетъ съ собой и привычку пить, вмѣсто сырой воды, кипяченую, какъ это дѣлаютъ китайцы, которые вообще не ѣдятъ и не пьютъ ничего, что не было бы хорошо проварено и прожарено, — причина, почему въ Китаѣ даже такія, напримѣръ болѣзни, какъ холера, производятъ сравнительно ничтожныя опустошенія, что, при тамошней грязи и скученности, представляется явленіемъ, особенно рѣзко бросающимся въ глаза.

Кипятить воду для питья простой народъ у насъ, конечно, самъ не станетъ, сколько бы вы ни убѣждали его въ полезности такой мѣры; но если чай будетъ очень дешевъ, онъ съ удовольствіемъ будетъ пить его гораздо чаще и для утоленія жажды начнетъ, поэтому, гораздо рѣже прибѣгать къ сырой водѣ.

Какую роль играетъ чай и кипяченая вода въ прекращеніи даже

Digitized by Google

начавшихся кишечныхъ заболѣваній, показываетъ случай со старымъ нашимъ фрегатомъ «Свѣтланой»: въ 1872 году, на одномъ изъ переходовъ, если не ошибаюсь, въ Тихомъ океанѣ, на «Свѣтланѣ» вспыхнула эпидемія желудочно-кишечныхъ разстройствъ. Старшій корабельный врачъ предложилъ судовому начальству закрыть лагуны, то-есть тѣ большія посудины, откуда команда беретъ воду для питья, и выдавать ей, вмѣсто воды, усиленныя порціи чая. Результатомъ такой мѣры, принятой немедленно, явилось быстрое прекращеніе заболѣваній, грозившихъ было принять очень серіозные размѣры. Этотъ блестящій «урокъ наглядnаго обученія» послужилъ впослѣдствіи исходнымъ пунктомъ для цѣлаго ряда санитарныхъ мѣропріятій на судахъ нашего флота и, между прочимъ, къ разрѣшенію выдавать командамъ въ плаваніи лишнія чайныя порціи, по рапортамъ судовыхъ врачей и усмотрѣнію командировъ, и къ замѣнѣ сырой воды для питья водою опрѣсненною, что при плаваніяхъ въ водахъ Дальняго Востока, напримѣръ, представляется одною изъ мѣръ, безусловно-необходимыхъ для предупрежденія развитія разныхъ непріятныхъ заболѣваній.

Конечно, тамъ, гдѣ населеніе имѣетъ возможность пить чистую, ключевую воду, такая вода будетъ всегда предпочитаться кипяченой; но подобныхъ мѣстъ у насъ немного; огромное же большинство сёлъ и городовъ, расположенныхъ по нашимъ рѣкамъ, загаженнымъ всевозможными фабричными и другими отбросами, кишащимъ міріадами микроорганизмовъ, пьютъ не воду, а самую вредную фальсификацію ея; городовъ же, имѣющихъ хорошую проведенную воду,— разъ-два, и обчелся. Наши водопроводы, не исключая и знаменитаго петербургскаго, стоящіе такія огромныя деньги, далеко не удовлетворяютъ современнымъ научнымъ требованіямъ къ подобнаго рода сооруженіямъ и, обогащая отдѣльныхъ лицъ, служатъ только къ отягощенію городскихъ бюджетовъ и еще бо́льшей задолженности нашихъ нищихъ городовъ, безъ особой пользы для здоровья обывателей. Ждать, пока всѣ грады и веси нашей обширной имперіи обогатятся настолько, чтобы завести у себя дѣйствительно хорошую проведенную воду,— это хуже, чѣмъ ничего не дѣлать. Подобнаго рода надежды и ожиданія — утопіи, относящіяся къ области того «болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго», которое въ настоящій моментъ можетъ представляться лишь однимъ изъ видовъ самой приторной маниловщины. Но сдѣлать шагъ къ замѣнѣ питья сырой воды питьемъ воды кипяченой и дать въ руки населенію хорошій и дешевый чай, который можетъ, помимо всего прочаго, послужить еще надежнымъ замѣняющимъ въ борьбѣ съ алкоголизмомъ,— это лежитъ въ предѣлахъ возможнаго даже въ теперешней нашей дѣйствительности.

Digitized by Google

Зима 1886 года въ Фу-чжоу стояла дождливая, какъ всегда, и очень холодная, что рѣдко тамъ бываетъ: одинъ разъ выпалъ даже снѣгъ на вершинахъ горъ; онъ, впрочемъ, въ тотъ же день и сталъ. Только въ концѣ февраля перестало хмуриться небо, стало чаще проглядывать солнце, и потянуло замѣтнымъ тепломъ. Прошла и масленица, которую мы отпраздновали въ дружескомъ кругу здѣшнихъ знакомыхъ; починки въ машинѣ «Моржа» приближались къ концу, и недалеко уже было время нашего ухода изъ гостепріимнаго Фу-чжоу; но передъ тѣмъ, какъ покинуть его, быть можетъ, навсегда, мнѣ хотѣлось побывать на чайныхъ плантаціяхъ, отстоящихъ отъ города въ какихъ нибудь двѣнадцати часахъ ходьбы. Охотниковъ сопровождать меня въ это интересное путешествіе не оказалось, такъ что пришлось отправиться одному. Мнѣ наняли паланкинъ съ двумя смѣнами носильщиковъ, нашли проводника, китайца, объяснявшагося съ грѣхомъ пополамъ тѣмъ уродливымъ англійскимъ языкомъ, какимъ говорятъ на Востокѣ и который извѣстенъ подъ именемъ птичьяго англійскаго языка (peodjion english), и 3-го марта въ теплый весенній день мы двинулись въ путь. Носильщики быстро пронесли меня по грязнымъ улицамъ Нантая, далеко не благоухавшимъ подъ лучами яркаго солнца, чуть не бѣгомъ прошли оба моста и то обширное предмѣстье, которое тянется отъ берега Мина до стѣнъ собственно города, и, миновавъ мрачными, узкими закоулками застѣнный Фу-чжоу, выбрались, наконецъ, на обширную, низменную площадь, окруженную рѣдкоразбросанными убогими домишками и одной стороной примыкавшую къ высокимъ городскимъ стѣнамъ. Въ этомъ маленькомъ предмѣстьѣ, близъ восточныхъ воротъ города находится много теплыхъ минеральныхъ ключей. Большинство ихъ содержатъ лишь слѣды минеральныхъ солей, главнымъ образомъ щелочныхъ земель; есть и сѣрные источники. Надъ этими минеральными источниками устроены примитивныя купальни, днемъ постоянно наполненныя больными; главную массу ихъ составляютъ страдающіе накожными болѣзнями, которыхъ такъ много въ Китаѣ. Температура здѣшнихъ ключей отъ 52 до 74 градусовъ Цельзія.

Солнце стояло довольно низко, когда мы вышли отсюда на дорогу, мѣстами переходившую въ тропу, которая вилась по глинистой дамбѣ между болотистыми равнинами полей. Встрѣчные смотрѣли на меня во всѣ глаза, нѣкоторые спрашивали о чемъ-то моихъ носильщиковъ, тѣ на ходу бросали имъ короткій отвѣтъ и быстро шли дальше. Я, наконецъ, не выдержалъ этого торжественнаго несенія въ паланкинѣ и пошелъ пѣшкомъ. Путешествіе на людяхъ, столь распространенное на Востокѣ,— всегда болѣе или менѣе непріятная необходимость: слишкомъ ужъ наивно-откровенно сказывается здѣсь этотъ взглядъ на человѣка, какъ на вьючное животное. Мы перевалили нѣсколько невысокихъ холмовъ и очу-

Digitized by Google

тились среди крайне пересѣченной мѣстности, гдѣ холмики, кусты, овраги и поля перепутались въ какой-то сплошной лабиринтъ. Свечерѣло. Надъ землей низко стлался густой туманъ. Небо было пасмурно. Темнѣвшія вдали вершины горъ закутались черными тучами, которыя по временамъ прорѣзывали молніи. Издали послышались отдаленные раскаты грома. Проводникъ мой заволновался: «нельзя идти», «нельзя идти»,—твердилъ онъ,— «сегодня въ горахъ дождь».

— Что же мы будемъ дѣлать?—спросилъ я его.—Не ночевать же, въ самомъ дѣлѣ, среди этой вредоносной равнины.

— Скоро будетъ деревня, тамъ остановимся до утра,—отвѣчалъ китаецъ. Однако, китайское «скоро» тянулось добрыхъ четыре часа. Туманъ поднялся выше и сгустился такъ, что мы шли, мнѣ казалось, наугадъ. Тусклый фонарь тускло мерцалъ въ этомъ туманѣ, чуть освѣщая дорогу подъ ногами. Ходьба точно ощупью, неровная почва, покрытая выбоинами и колдобинами, частые ровики и овраги, все это дѣйствовало странно-раздражающимъ образомъ на нервы и ужасно утомляло. Послѣ многочасоваго плутанья проводникъ объявилъ, что жилье—недалеко. Дѣйствительно, издали послышался лай собакъ, потомъ смутно вырисовались какія-то темныя пятна—неопредѣленные силуэты строеній и деревьевъ, подъ ногами застучала каменная мостовая, и мы вступили въ селеніе. Туманъ разсѣялся; въ вышинѣ засверкали яркія звѣзды; въ воздухѣ вѣяло свѣжестью недавно бывшаго дождя, о чемъ говорили и мокрыя плиты мостовой и весело шумѣвшіе ручьи. Перспектива ночевки въ глухой китайской деревушкѣ не особенно улыбалась мнѣ; но дѣлать было нечего, и я приказалъ проводнику попросить кого нибудь изъ крестьянъ впустить насъ. Хотя было уже поздно по деревенскому времени (часовъ около 11-ти); но жители еще не спали; по крайней мѣрѣ, изъ закрытыхъ домовъ слышался оживленный шумъ разговоровъ и рѣзкій запахъ китайской кухни. Оглушительный лай собакъ и громкій стукъ моихъ шаговъ, звонко отдававшійся въ ночномъ воздухѣ, заставили нѣкоторыхъ обывателей выглянуть на улицу, чтобы узнать причину шума. Появленіе мое, очевидно, произвело сенсацію, и когда одинъ изъ домовъ открылъ намъ, наконецъ, свои двери, послѣ отчаянныхъ криковъ моего проводника, оказавшихся, впрочемъ, самымъ обыкновеннымъ разговоромъ, а вовсе не руганью, какъ можно было бы думать, — то вслѣдъ за нами туда же привалила цѣлая толпа крестьянъ. Первая комната представляла изъ себя очень большое помѣщеніе, съ простымъ, земляннымъ поломъ, деревянными, потемнѣвшими отъ копоти стѣнами, но безъ потолка: потолкомъ служила сама крыша. Большая, низкая печь, съ вмазанными въ нее котлами, занимала середину одной изъ стѣнъ; возлѣ двухъ другихъ стѣнъ стояли деревянные столы и длинныя, деревянныя же скамьи. Остальное пространство тонуло въ глубокомъ

Digitized by Google

мракѣ, такъ какъ освѣщеніе составляли всего двѣ восковыя свѣчи, вставленныя въ жестяные подсвѣчники, очень грубой работы. Хозяева толпились у входа, смотря на меня съ неописаннымъ изумленіемъ. Я сказалъ проводнику, что хочу имѣть какое нибудь отдѣльное помѣщеніе. Меня повели тотчасъ же въ смежную комнату, еще бѣднѣе обставленную: широкія сплошныя лавки у стѣнъ, покрытыя циновками, и столъ посрединѣ составляли всю ея меблировку. Полъ былъ и здѣсь земляной, а сквозь стѣны во многихъ мѣстахъ виднѣлось звѣздное небо. Проводникъ сталъ хлопотать насчетъ кипятку, такъ какъ чай, сахаръ и все прочее было со мною. Въ мою комнату набилась вдругъ масса народа: чуть не вся деревушка сбѣжалась сюда посмотрѣть на такое рѣдкое явленіе, какое представляла для нихъ моя особа; но толпа вела себя сначала замѣчательно сдержанно. Скоро чай былъ готовъ. Китайцы слѣдили за всѣми моими движеніями, комментируя ихъ, очевидно, на свой ладъ. Я налилъ стаканъ вина и предложилъ его одному почтенному на видъ старику, стоявшему близко отъ стола. Онъ сначала крайне изумился, даже отшатнулся, но потомъ, подстрекаемый криками толпы, рѣшился попробовать, осторожно отпилъ глотокъ и передалъ стаканъ сосѣду; сосѣдъ также отпилъ немного и передалъ вино дальше. Такимъ образомъ его перепробовали человѣкъ десять и, видимо, остались очень довольны, потому что, когда я налилъ другой стаканъ, то за нимъ уже протянулись разомъ десятка полтора рукъ. Кусокъ бѣлаго хлѣба также обошелъ толпу; всѣ очень глубокомысленно его жевали и тоже одобрили. Но настоящій восторгъ вызвалъ сахаръ. Мнѣ непремѣнно хотѣлось угостить имъ кого нибудь изъ ребятъ, которые, держась за платье взрослыхъ, смотрѣли на меня во всѣ глаза; но едва я протянулъ кусокъ сахара тому изъ нихъ, кто былъ ко мнѣ поближе, какъ онъ съ дикимъ крикомъ, выражавшимъ глубочайшій ужасъ, бросился прочь. Толпа добродушно разсмѣялась и стала его уговаривать взять то, что я давалъ; но китайченокъ такъ и не подошелъ. Тогда я протянулъ сахаръ маленькой дѣвочкѣ, лѣтъ двухъ-трехъ, сидѣвшей на рукахъ матери. Сахаръ, очевидно, пришелся ей по вкусу, потому что когда мать захотѣла сама попробовать, что это за штука, то дѣвочка начала усиленно пихать его въ ротъ, обнаруживая явное нежеланіе подѣлиться своимъ добромъ. Послѣ такого нагляднаго опыта дѣти стали подбѣгать ко мнѣ уже гораздо смѣлѣе, но, получивъ кусокъ, сейчасъ же удирали: я роздалъ горсти три,—почти весь мой запасъ, причемъ нѣсколько кусковъ достались взрослымъ, и эффектъ, повторяю, былъ чрезвычайный. Толпа пришла въ веселое настроеніе, послышался смѣхъ, оживленный говоръ, и ко мнѣ стали лѣзть уже довольно безцеремонно. Наконецъ, я сказалъ проводнику, что хочу спать; онъ передалъ мое желаніе толпѣ, и черезъ какихъ нибудь три-четыре минуты никого изъ чужихъ не осталось въ отведенной мнѣ комнатѣ. На нарахъ

Digitized by Google

хозяева постлали для меня чистыя циновки и удалились. Была глубокая ночь, когда я проснулся отъ нестерпимо-тяжелаго запаха. Зажегши свѣчу, я осторожно пробрался въ сосѣднее помѣщеніе. Тамъ спала семья моего хозяина, на такихъ же нарахъ, укутанная толстыми одѣялами; возлѣ печи я увидѣлъ огромную, открытую, четырехъ-угольную каменную кадку, въ которой гнила отвратительная жижа человѣческихъ экскрементовъ. Вѣроятно, кто нибудь изъ семьи потревожилъ эту жижу, отчего и распространился тотъ ужасный запахъ, который лучше всякихъ словъ показалъ мнѣ, до чего здѣсь простирается забота о важнѣйшемъ предметѣ удобренія китайскихъ полей. Какъ я ни кутался, какъ ни закрывалъ носъ, но заснуть больше не могъ. Надъ деревней разразилась гроза, и цѣлые потоки дождя полились на землю; съ часъ продолжался этотъ ливень; потомъ все опять стихло. Съ нетерпѣніемъ дождался я разсвѣта, разбудилъ проводника и отправился дальше, съ наслажденіемъ вдыхая свѣжій, утренній воздухъ.

Деревушка, гдѣ мы ночевали, находится недалеко, — въ какомъ нибудь часѣ ходьбы, отъ подножія тѣхъ горъ, на которыя намъ предстояло теперь взбираться, и откуда начинается чайное царство Фокіена. Густой, бѣлый туманъ клубился надъ горами, откуда-то вырвался вдругъ холодный вѣтеръ, и пронизывающая сырость его непріятно охватила тѣло. Но вотъ мы и у подошвы Бейлинскихъ горъ. Разсвѣло совсѣмъ, но сѣро и смутно кругомъ. Широкія, каменныя ступени, въ родѣ тѣхъ, что ведутъ на Ку-шанъ, вьются куда-то въ высь. Подъемъ здѣсь, однако, гораздо круче. Ноги скользятъ на мокрыхъ, истертыхъ плитахъ. Слѣва — сплошной горный массивъ; справа—широкая и глубокая разсѣлина, по скатамъ которой виднѣются смутные силуэты большихъ деревьевъ. Съ трудомъ добрался я до первой площадки. Носильщики сами предложили мнѣ паланкинъ; но совѣстно было воспользоваться ихъ услугами; они же шли въ гору необыкновенно легко, будто шутя. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ все круче и круче становилась лѣстница. Только въ одномъ мѣстѣ пришлось пройти немного по ровной площадкѣ, гдѣ лѣпились нѣсколько избъ, образуя маленькую деревушку,—угрюмо и мрачно смотрятъ окрестности. Горныя ущелья затянуты пеленой волнующагося тумана, сквозь который изрѣдка прорѣзываются верхушки деревьевъ и сѣрыя, каменныя глыбы. Прозрачная бѣлая дымка покрываетъ небо; а передъ глазами—все то же нескончаемое, змѣистое, ослизлое, каменное чудовище—лѣстница. «Еще немного, скоро, теперь совсѣмъ скоро»,—ласково подбадриваетъ меня время отъ времени проводникъ. Наконецъ мы перевалили черезъ послѣдній гребень и очутились на вершинѣ той обширной области, что зовется Бейлинскими горами. Было девять часовъ утра. Солнце осилило, наконецъ, туманъ и яркимъ, теплымъ свѣтомъ обдало открывшуюся предо мной картину. Повсюду, куда я ни смотрѣлъ теперь,

Digitized by Google

возвышались волнистыя очертанія горныхъ вершинъ или отдѣльно стоящіе, оголенные холмы, бросавшіеся сначала въ глаза только ярко-желтымъ цвѣтомъ своей почвы. Подъ ногами была такая же глинистая, желтая земля. Заросли какихъ-то безлиственныхъ кустарниковъ окаймляли узкую тропинку, по которой мы пробирались. Но вотъ на южномъ склонѣ одного изъ ближайшихъ холмовъ я замѣтилъ разсаженные правильными рядами небольшіе, низенькіе кустики, покрытые зелеными листьями; это и были чайныя деревца. Необыкновенная тщательность, съ какою раздѣлана земля у корней, величайшая заботливость, окружающая каждый отдѣльный кустикъ и сквозящая въ неподдающихся описанію мелочахъ, кажутся тѣмъ болѣе поразительными, что количество такихъ кустиковъ невообразимо громадно. Чѣмъ дальше я шелъ, тѣмъ все больше и больше открывалось этихъ чайныхъ полей, или, вѣрнѣе, садиковъ: склоны холмовъ отъ подножія до самой вершины были покрыты террасами ихъ; они занимали и отдѣльныя полянки, представлявшія лишь необходимыя условія со стороны свѣта и стока влаги. Предо мною развертывалась необъятная картина человѣческаго труда, утомлявшая воображеніе, подавлявшая его своимъ грандіознымъ величіемъ. Мы шли, а чайное царство все шире и шире развертывало свои границы; конца-края, казалось, не будетъ ему. Между холмами виднѣлись улыбающіяся долинки, покрытыя кустами и деревьями, представителями сѣвера и юга, ярко зеленѣвшими подъ лучами весенняго южнаго солнца. Одного недоставало оригинально-прекрасной картинѣ: жизни и шума людскаго. Мертвенно-пустынно было теперь чайное царство...

Близокъ былъ полдень. Горный воздухъ и изрядная прогулка давали себя знать. Я попросилъ проводника распорядиться на счетъ завтрака. «Скоро будетъ монастырь», отвѣтилъ онъ. Дѣйствительно, немного погодя, къ живописному уголку, среди зелени высокихъ деревьевъ, близъ серебритыхъ струй ручья, показались зданія маленькаго монастыря. Вышедшій навстрѣчу монахъ очень вѣжливо предложилъ намъ гостепріимство, и въ одной изъ монастырскихъ пристроекъ я расположился, какъ у себя дома. Стѣны этой пристройки оказались испещренными надписями на различныхъ европейскихъ языкахъ. Больше всего, конечно, было англійскихъ, затѣмъ немного французскихъ и нѣмецкихъ, русскихъ я совсѣмъ не замѣтилъ. Я не устоялъ передъ искушеніемъ расписаться и оставить здѣсь слѣдъ своего пребыванія въ такой невинной и безобидной формѣ. Несмотря на злое двустишіе какого-то француза, написавшаго на самомъ видномъ мѣстѣ большими буквами:

Les noms des fous
S'écrient partout!

Digitized by Google

я, тѣмъ не менѣе, вырѣзалъ свое «пот» и имя той сибирской канонерской лодки, которая, старая и гнилая, все-таки принесла насъ въ эти далекіе края.

Позавтракавши, мы двинулись дальше: все тѣ же безконечныя чайныя плантаціи, въ перемежку съ террасами хлѣбныхъ полей.

Мы вернулись иной дорогой, спустившись по другому склону Бейлинскихъ горъ, и пересѣкли такимъ образомъ лишь маленькій клочекъ той площади, занятой чайными садами, которая тянется отсюда на многія тысячи квадратныхъ верстъ внутрь страны. Холмы съ террасами чайныхъ плантацій стали попадаться все рѣже и рѣже, пропали обработанныя поля; мѣстность снова приняла характеръ угрюмый и дикій. Мы шли безъ признаковъ какой либо дороги, по оврагамъ и косогорамъ. Но вотъ предъ нами вырѣзался мрачный утесъ, показалась тропинка и пошла виться змѣею внизъ. Начался спускъ. По лѣвую сторону стѣною встали высокія скалы, по правую пошли глубокія разсѣлины, поросшія рѣдкимъ лѣсомъ. Скользко. Тропа очень узкая: два человѣка едва могутъ идти въ рядъ. Проводникъ заботливо поддерживаетъ меня при каждомъ неловкомъ шагѣ. Здѣсь нѣтъ каменной лѣстницы, какъ на томъ подъемѣ. Тропинка вдругъ круто поворачиваетъ влѣво, и мы выходимъ на широкій просторъ: далеко, далеко внизу узкой лентой льется рѣка; серебристыя ниточки многочисленныхъ каналовъ сверкающей сѣтью опоясываютъ островки зеленыхъ и темныхъ полей; клѣтками гигантской шахматной доски представляются они съ этой высоты; тамъ и сямъ кажутъ свои сѣрые силуэты деревеньки и отдѣльные крестьянскіе дворы; ближе, чуть видными черными точками копошатся на поляхъ люди, а на горизонтѣ, повсюду, куда ни бросишь взоръ, синѣютъ горы, обступившія, точно огромный амфитеатръ, чудесную панораму. Гдѣ-то близко немолчно гремитъ каскадъ бѣгущаго съ горъ потока. «Такъ глубоко, глубоко спокойно» смотритъ темно-синее небо; а южное весеннее солнце горячо обдаетъ землю своими страстными, зовущими къ жизни лучами...

Спускъ съ Бейлина показался мнѣ очень тяжелымъ, и я былъ радъ, когда у подножья горъ я могъ, безъ особеннаго на этотъ разъ зазрѣнія совѣсти, усѣсться въ паланкинъ. Носильщики ловко подхватили меня и ровнымъ, гимнастическимъ шагомъ понесли по тропинкамъ межъ полей. Вскорѣ они выбрались на широкую дорогу, по которой теперь тяжело и медленно тащились черные буйволы, запряженные въ скрипучія телѣги; быстро бѣжали носильщики, нагруженные тяжестями, и цѣлыя вереницы молодыхъ крестьянокъ несли на коромыслахъ большія ведра, наполненныя удобреніемъ для полей. Ни одной изъ нихъ не было съ изуродованными ногами. Но вотъ и стѣны Фу-чжоу, пригороды, мосты, Нантай. «Моржъ» перешелъ къ острову Пагоды. Прощай, Фу-чжоу!

В. Черевковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Digitized by Google

МЕМУАРЫ КНЯЗЯ САНГУШКИ.

ОЗДАНІЕ герцогства Варшавскаго пробудило надежды поляковъ, которые не безъ основаній усмотрѣли въ этомъ актѣ Наполеона I намѣреніе возстановить Польшу. Вѣнскій миръ 1809 года, значительно увеличившій территорію новаго герцогства, далъ еще болѣе почвы такимъ мечтамъ, и въ 1812 году, когда величайшій полководецъ во главѣ вооруженной Европы стоялъ на границахъ Россіи, множество польскихъ патріотовъ устремилось подъ его знамена, желая принять участіе въ борьбѣ за возстановленіе отчизны. Результаты гигантскаго похода, затѣяннаго Наполеономъ, какъ извѣстно, привели къ полному крушенію пламенныхъ надеждъ борцовъ за польскую независимость.

Подобно тому, какъ и другія народности, участвовавшія въ походѣ 1812 года, поляки дали довольно обширную библіографію великой войны, кончившейся столь неудачно для Наполеона. По неизвѣстнымъ, однако, причинамъ польская литература, относящаяся къ 1812 году, остается до настоящаго времени совершенно незнакомою русскому обществу. За исключеніемъ двухъ сочиненій, изданныхъ на французскомъ языкѣ—Огинскаго (Memoires sur la Pologne et les Polonais depuis 1788 jusqu'en 1815. Paris. 1826) и Солтыка (Napoleon en 1812. Memoires historiques et militaires sur la campagne de Russie. Paris. 1836) и маловажныхъ, напечатанныхъ въ Россіи мемуаровъ—Хлопицкаго (Pamiętnik. Z czasów kampanii Napoleona, spisane z ustnych opowiadan. Wilno. 1849) и Плачковскаго (Pamiętniki.

Digitized by Google

Zytomierz. 1861), остальныя не только не появлялись въ видѣ переводовъ или извлеченій на русскомъ языкѣ, но даже не имѣются въ богатѣйшемъ изъ нашихъ книгохранилищъ—Императорской публичной библіотекѣ.

Предполагая ознакомить читателей съ наиболѣе интересными воспоминаніями поляковъ, участниковъ отечественной войны 1812 года, мы помѣщаемъ мемуары князя Евстаѳія Сангушки (Pamiętnik 1786 — 1815 wydal Józef Szujski w Krakowie 1876). Авторъ ихъ—близкій другъ извѣстнаго сподвижника Наполеона, князя Іосифа Понятовскаго; вмѣстѣ съ послѣднимъ боролся за независимость родины подъ знаменами Костюшки. Послѣ окончательнаго раздѣла Польши обширныя родовыя помѣстья Сангушки на Волыни вошли въ составъ Русской имперіи. Въ 1812 году, когда французская армія уже стояла на Вислѣ, и война съ Россіей была рѣшена, Наполеонъ черезъ своего резидента въ Варшавѣ, Прадта, вызвалъ Сангушко въ главную квартиру. Присутствіе польскаго магната, обладавшаго извѣстнымъ именемъ, большими связями и знакомаго съ условіями театра войны, могло быть полезно въ предстоявшей борьбѣ. Сангушко съ радостью послѣдовалъ призыву. Походъ 1812 года онъ сдѣлалъ при главной квартирѣ Наполеона, неся почетное званіе адъютанта императора. Роковой исходъ войны нанесъ жестокій ударъ ожиданіямъ поляковъ. Разочарованный Сангушко послѣ оставленія французскою арміею предѣловъ Россіи воспользовался амнистіею, дарованною императоромъ Александромъ, и возвратился на Волынь.

Записки Сангушки были составлены имъ въ 1815 году, когда въ его памяти были вполнѣ свѣжи впечатлѣнія великихъ событій, очевидцемъ которыхъ онъ былъ. Предназначенныя авторомъ для его дѣтей, онѣ отличаются безыскусственностью, носятъ мѣстами характеръ поученія и дышатъ правдою. Близость же автора къ главной квартирѣ Наполеона придаетъ сообщаемымъ имъ фактамъ и подробностямъ большой интересъ.

Мемуары Сангушки по отношенію къ 1812 году помѣщаются въ подробномъ извлеченіи. Мы позволили себѣ только привести въ нѣкоторый порядокъ послѣдовательность изложенія, потому что авторъ, предназначая свои записки близкимъ роднымъ, не заботился объ ихъ отдѣлкѣ и въ своемъ разсказѣ нерѣдко или опережаетъ событія, или возвращается къ событіямъ, изложеннымъ ранѣе.

Digitized by Google

I.

Пріемъ Сангушки Наполеономъ въ Гумбиненѣ. — Первые дни пребыванія въ Ковнѣ.— Безпорядки во французской арміи.— Вступленіе въ Вильну.— Характеристика приближенныхъ императора.— Засѣданіе у герцога Бассано.— Столкновеніе съ Сапѣгой.— Пріемъ Наполеономъ литовской депутаціи.— Путь отъ Вильны до Свенцянъ.— Французская конница въ Видзахъ.— Характеристика начальствующихъ лицъ французской арміи.

Сангушко засталъ главную квартиру Наполеона въ Гумбиненѣ. Принятый императоромъ, онъ удостоился продолжительной аудіенціи, и, отпуская его, Наполеонъ сказалъ:

— Оставайся при мнѣ. Не скрываю, что мнѣ предстоитъ тяжелая война, и ты будешь свидѣтелемъ событій, которыхъ Европа еще не видала.

«Я оставилъ его, пишетъ Сангушко, проникнутый величіемъ героя, а призракъ отчизны, возстановленной его рукой, заставилъ меня боготворить его въ сердцѣ моемъ».

Послѣ совершенія французской арміей переправы черезъ Нѣманъ, Наполеонъ остановился на нѣсколько дней въ Ковнѣ. Онъ былъ замѣтно недоволенъ тѣмъ, что русскіе отступили безъ боя. Когда, по вступленіи въ городъ, на возвышенностяхъ праваго берега Виліи были обнаружены казаки, императоръ приказалъ эскадрону польскихъ гвардейскихъ уланъ подъ начальствомъ Козетульскаго перейти рѣку. Поляки съ громкими восклицаніями устремились въ воду. Послѣдняя не уменьшила пыла храбрецовъ, и утопавшіе, которыхъ погибло пять человѣкъ, продолжали кричать «да здравствуетъ императоръ!» [1]).

На слѣдующій день, передъ разсвѣтомъ, Наполеонъ по дурному мосту переѣхалъ Вилію. Въ то время, когда онъ спускался съ крутой горы, песокъ осѣлъ подъ ногами его коня, и тотъ упалъ на бокъ. Такое вступленіе подъ дурнымъ предзнаменованіемъ на русскую землю, повидимому, не произвело на императора впечатлѣнія.

Наполеонъ поручилъ Сангушкѣ съ промокшимъ эскадрономъ Козетульскаго выслать разъѣзды вслѣдъ за Витгенштейномъ, отсту-

[1]) Эпизодъ переправы черезъ Вилію въ романическомъ описаніи Сегюра — Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812, представленъ въ видѣ гибели большей части польскаго эскадрона. Въ дѣйствительности число жертвъ было скорѣе меньше, нежели указываетъ Сангушко. По крайней мѣрѣ Залусскій, командовавшій 1-й ротой въ эскадронѣ Козетульскаго, въ своихъ воспоминаніяхъ (Wspomnienia o pułku lekkokonnym polskim gwardyi Napoleona I) прямо говоритъ, что утонулъ только одинъ уланъ, по фамиліи Шцинскій. То же свидѣтельствуетъ Гурго (Napoléon et la grande armée en Russie). Гемпель, служившій офицеромъ въ эскадронѣ Козетульскаго, упоминаетъ (Z czasów Napoleońskich. Wspomnienia wojenne) о гибели трехъ уланъ.

Digitized by Google

павшимъ на Кейданы, и захватить паромы на Нѣманѣ. Когда Сангушко явился съ докладомъ объ исполненіи порученія, Наполеонъ, выслушавъ его, сказалъ:

— Все это хорошо, но слѣдовало доставить мнѣ какого нибудь барона [1]), ксендза или солдата.

Сангушко, который зналъ о прибытіи въ Ковну съ праваго берега Виліи владѣльца Червоннаго двора, Георгія Забѣлло, пріѣхавшаго съ своимъ пробощемъ, и къ которому крестьяне привели отсталаго русскаго егеря, могъ отвѣтить императору, что всѣ три названныхъ имъ лица находятся уже въ коридорѣ его квартиры.

Когда Сангушко увидѣлъ впервые французскія войска въ Гумбиненѣ, армія поразила его своимъ великолѣпіемъ и мощью. Но онъ удостовѣряетъ, что безпорядокъ и разстройство, начало которыхъ существовало уже во время движенія черезъ Пруссію, послѣ переправы черезъ Нѣманъ быстро достигли значительныхъ размѣровъ. Солдаты, подобно разъяренной стаѣ, наводнили край, убивая вмѣсто врага невинныхъ жителей и уничтожая мѣстныя средства, сохраненіе которыхъ было такъ важно на случай отступленія.

Лѣто 1812 года отличалось необычайными засухами и зноемъ. Земля была накалена не только на поверхности, но жаръ проникалъ вглубь на цѣлую сажень, особенно въ лѣсахъ, гдѣ имѣлись вѣковые торфяники. Пожары въ степяхъ и сухихъ болотахъ, покрытыхъ мхомъ, были непрерывны. Многія селенія были уничтожены огнемъ.

Дорога отъ Ковны до Вильны была усѣяна трупами павшихъ лошадей [2]). Зеленая рожь, которою приходилось кормить ихъ за неимѣніемъ другого корма, дѣйствовала самымъ губительнымъ образомъ. Съ приближеніемъ къ Вильнѣ распространилось извѣстіе о томъ, что русскіе намѣреваются принять бой. При этой вѣсти, несмотря на зной и сыпучіе пески, французскія войска устремились впередъ, обгоняя другъ друга. Надежда на сраженіе была однако непродолжительна, и авангардъ безпрепятственно вступилъ въ городъ.

Литовцы радостно привѣтствовали вступавшія войска. Они были въ восторгѣ отъ Наполеона и съ жадностью прислушивались ко всѣмъ новостямъ. Прибывшій изъ Варшавы сенаторъ Выбицкій привезъ извѣстіе объ открытіи сейма подъ предсѣдательствомъ князя Чарторыйскаго, о которомъ Сангушко говоритъ съ большимъ уваженіемъ, называя его Несторомъ Литвы.

Радостное настроеніе литовцевъ было отравлено гнуснымъ по-

---

[1]) Французы называли барономъ всякаго дворянина, имѣвшаго усадьбу.

[2]) Денье (Itinéraire de l'empereur Napoléon pendant la campagne de 1812) свидѣтельствуетъ, что на пути отъ Ковны до Вильны французская армія потеряла 5,000 лошадей.

Digitized by Google

веденіемъ французовъ. Русскіе при отступленіи увезли различные склады и запасы продовольствія. Обозы не поспѣвали за войсками, которыя терпѣли отъ недостатка продовольствія, и ничто не могло остановить солдата, разгоряченнаго алчностью.

Первое впечатлѣніе, произведенное на Сангушку приближенными Наполеона, было далеко не изъ благопріятныхъ. Потомку знатнаго рода казались неблагородными вновь испеченные короли и выскочки, окружавшіе императора. Въ Вильнѣ онъ ближе познакомился съ дворомъ, и лица, составлявшія его, нѣсколько выиграли при этомъ въ его глазахъ. Сангушко былъ любезно принятъ маршаломъ Дюрокомъ, которому Наполеонъ платилъ за столъ каждаго изъ состоявшихъ при немъ, и вскорѣ убѣдился, что въ придворномъ кружкѣ легко было имѣть успѣхъ, особенно для человѣка, умѣющаго играть въ карты. Постоянно вращаясь въ приближенной къ императору средѣ, Сангушко даетъ характеристику многихъ изъ составлявшихъ ее лицъ.

Наполеонъ избѣгалъ окружать себя выдающимися людьми, не желая ни съ кѣмъ въ малѣйшемъ отношеніи дѣлиться славою и властью. Первое мѣсто принадлежало Бертье, и въ 1812 году это было единственное лицо, близкое императору. Бертье обладалъ невзрачною наружностью и скрипучимъ голосомъ. Онъ показался Сангушкѣ, имѣвшему однажды случай бесѣдовать съ нимъ продолжительное время, человѣкомъ ограниченнымъ. Нечего было опасаться, чтобы онъ бросилъ какую либо тѣнь на славу ревниваго монарха. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ любилъ иногда его унизить словомъ или дать порученіе, не соотвѣтствовавшее его высокому положенію. Сангушко разсказываетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ, какъ однажды во время гололедицы императоръ, замѣтивъ фургонъ, перерѣзавшій походную колонну и успѣвшій удалиться на значительное разстояніе, приказалъ Бертье догнать его и отколотить возницу. Бертье исполнилъ приказаніе невѣрной походкой, ковыляя на своихъ старческихъ ногахъ, и возбудилъ смѣхъ Наполеона и присутствовавшихъ. Но сцена эта далеко не была смѣшною съ точки зрѣнія поддержанія дисциплины.

Коленкуръ, обладавшій умомъ и представительною наружностью, былъ правдивымъ и благороднымъ придворнымъ. Герцогъ Бассано, относившійся къ полякамъ доброжелательно, пріятный въ сношеніяхъ, вѣжливый и краснорѣчивый, былъ въ сущности плохимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Важнѣйшіе вопросы сводились у него къ фразамъ дюжиннаго краснорѣчія. Въ трудныхъ обстоятельствахъ конца царствованія Наполеона императоръ не могъ найти помощника въ слугѣ, отличавшемся только пріятными качествами. Дѣйствительно не было слышно, чтобы дѣятельность герцога Бассано въ то время была удачна и соотвѣтствовала обстоятельствамъ.

Наружность старика Нарбонна напоминала королевскую Фран-

Digitized by Google

цію. Генералы Мутонъ, Дюронель, Лористонъ, Раппъ, Сегюръ и многіе другіе при ограниченномъ образованіи отличались честностью.

Въ Вильнѣ Сангушко пробылъ всего восемь дней. Совершенно неожиданно получилъ онъ вдругъ приказаніе ѣхать въ Свенцяны для отвода квартиры императору. Самъ онъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ причину своей высылки изъ Вильны.

У герцога Бассано происходили засѣданія, имѣвшія цѣлью выработать устройство занятаго французами края. На одномъ изъ засѣданій Сангушко присутствовалъ вмѣстѣ съ княземъ Александромъ Сапѣгой и генераломъ Викентіемъ Красинскимъ [1]). При обсужденіи положенія о комиссіяхъ, являвшихся органами административнаго управленія края и состоявшихъ изъ гражданскихъ и военныхъ членовъ, предстояло рѣшить вопросъ относительно предсѣдательства въ нихъ. Герцогъ Бассано высказался въ пользу военнаго предсѣдателя, не настаивая, однако, на своемъ мнѣніи. Сапѣга и Красинскій согласились съ нимъ. Сангушко, оскорбленный предложеніемъ, которое ставило чужеземца, простаго унтеръ-офицера [2]), незнакомаго съ мѣстными условіями края, выше коренныхъ жителей страны, горячо протестовалъ противъ такого рѣшенія вопроса. Онъ сказалъ, что его не удивляетъ предложеніе герцога Бассано, не имѣющаго осязательныхъ доказательствъ самопожертвованія литовцевъ, но удивляетъ, что соотечественники его раздѣляютъ мнѣніе герцога. Подобный порядокъ не практиковался даже въ Испаніи и въ такой преданной странѣ, какъ Польша, могъ только охладить пылъ народа. Разгоряченный Сангушко не ограничился этимъ и прибавилъ, что пока изъ событій настоящей войны видно, что на первомъ планѣ стоитъ императоръ и Франція, а объ его родинѣ и помину нѣтъ.

Въ тотъ же день многія изъ вліятельныхъ лицъ Вильны обратились къ Сангушкѣ за совѣтомъ, поступать ли имъ на службу или выждать еще до лучшаго выясненія обстоятельствъ. Сангушко откровенно отвѣтилъ, что, хотя онъ самъ и участвуетъ въ предпріятіи Наполеона, но его тревожитъ за будущее большой безпорядокъ. Слова Сангушки, вѣроятно, сдѣлались извѣстными и были причиною отправки его въ командировку въ Свенцяны.

Вечеромъ того же дня, во дворцѣ, Сангушко обмѣнялся колкостями съ Сапѣгой, бывшими какъ бы продолженіемъ столкновенія ихъ у герцога Бассано. Въ то время, когда Сангушко любовался

---

[1]) Князь Александръ Сапѣга—членъ временнаго литовскаго правительства, управлявшій военнымъ комитетомъ (министерствомъ). Викентій Красинскій—извѣстный командиръ польскаго гвардейскаго уланскаго полка, командовавшій имъ подъ Соммо-Сіеррой.

[2]) Въ виду потребности значительнаго числа членовъ отъ войскъ въ гражданское управленіе и нежеланія отрывать изъ арміи офицеровъ, рѣшено было назначать унтеръ-офицеровъ.

Digitized by Google

развалинами замка Ягеллоновъ, къ нему подошелъ Дюрокъ и спросилъ его, литовецъ ли онъ. Стоявшій возлѣ Сапѣга предупредилъ Сангушку отвѣтомъ, сказавъ:

— Князь Сангушко не литовецъ.

Усмотрѣвъ въ словахъ Сапѣги умышленное желаніе задѣть его, Сангушко, желая быть понятымъ Дюрокомъ, отвѣтилъ ему пофранцузски:

— Повидимому, князь, ты хочешь прослыть за умнаго. Ты очень золъ, но недостаточно образованъ, иначе замокъ Ягеллоновъ, который торчитъ у тебя передъ глазами, долженъ бы былъ тебѣ напомнить, что я литовецъ [1]).

Изъ времени своего пребыванія въ Вильнѣ Сангушко приводитъ еще слѣдующій эпизодъ. Въ самый день высылки его въ Свенцяны Наполеонъ давалъ аудіенцію депутаціи изъ мѣстныхъ жителей. Императоръ былъ въ отличнѣйшемъ расположеніи духа и дѣлалъ обѣщанія возстановить Польшу въ ея прежнихъ границахъ за исключеніемъ только Галиціи. Это былъ уже не тотъ осторожный полководецъ, который за двѣ недѣли передъ тѣмъ въ Гумбиненѣ не скрывалъ, что ему предстоитъ тяжкая война съ Россіей, обладавшей одинаковыми силами для борьбы, и сознавался, что исходъ войны, столь отдаленной отъ Франціи, могъ быть для него сомнительнымъ. Теперь онъ низводилъ численность русской арміи до ста двадцати тысячъ [2]) и нѣсколько разъ сказалъ, что армія эта быстрымъ отступленіемъ доведена до невозможности защищаться. Трудно было понять, шутилъ ли онъ или увлекался въ дѣйствительности, но во всякомъ случаѣ легкомысленно и не имѣя достаточныхъ основаній. Многіе поляки, раздѣляя радужное настроеніе императора, въ увлеченіи готовы были закидать всю Россію шапками.

Аудіенція до извѣстной степени напоминала сеймикъ. Французы съ любопытствомъ окружали небольшую кучку литовцевъ, обступившихъ Наполеона, стоявшаго по серединѣ пріемной залы. Вскорѣ, однако, наскучивъ затянувшимся и посторонниимъ для нихъ дѣломъ, они разошлись по сосѣднимъ комнатамъ. Сангушко находился въ залѣ. Считаясь въ числѣ придворныхъ, онъ не могъ примкнуть къ депутаціи и стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, съ интересомъ прислушиваясь къ словамъ Наполеона. При этомъ, чтобы лучше слышать, онъ обернулся бокомъ, опершись на ладонь и закрывъ лицо рукою. Въ такой позѣ Сангушко стоялъ нѣкоторое время, неодобрительно покачивая головою каждый разъ, когда, по его мнѣнію, На-

[1]) Сангушки ведутъ свой родъ отъ Любарта, князя володимірскаго и луцкаго, потомка Гедимина.

[2]) Въ дѣйствительности цифра эта довольно точно опредѣляла численность 1-й западой арміи. По свѣдѣніямъ, представленнымъ Наполеону 3 іюля (н. ст.), численность 1 западной арміи была показана въ 105.775 ч., но имѣлись нѣкоторыя части принадлежность которыхъ къ той или другой арміи не была выяснена.

Digitized by Google

полеонъ или депутаты говорили не то, что слѣдовало. Когда зала опустѣла отъ французовъ, въ кругу, обступившемъ Наполеона, образовался просвѣтъ, и Сангушко оказался на виду у императора, наблюдавшаго за нимъ нѣкоторое время. Наконецъ Сангушко нетерпѣливымъ движеніемъ опустилъ руку и оказался лицомъ къ лицу съ Наполеономъ, который пронзилъ его своимъ проницательнымъ взоромъ.

Путь изъ Вильны въ Свенцяны Сангушко совершилъ вмѣстѣ съ генераломъ Сегюромъ. Впечатлѣніе, произведенное на Сангушку этимъ путешествіемъ, было самое тяжелое. Въ варварскія времена слѣды Аттилы, пишетъ онъ, не могли представлять ничего болѣе ужаснаго. Войско, слѣдовавшее въ безпорядкѣ нѣсколькими колоннами, позволяло себѣ всевозможныя своевольства и беззаконія, истощая и разоряя край до послѣдней степени [1]). Въ Свенцянахъ къ Сангушкѣ подошелъ почтенный на видъ и почти нагой старикъ съ просьбою дать ему кусокъ хлѣба. Сангушко подалъ ему милостыню, вызвавшую краску на лицѣ старика, который заявилъ, что онъ проситъ пищи, а не денегъ. Оказалось, что то былъ пользовавшійся уваженіемъ и достаткомъ князь Пузина, доведенный до нищенства, какъ и большинство мѣстныхъ жителей, подъ предлогомъ отсутствія патріотизма.

Въ Видзахъ Сангушко впервые увидѣлъ массу французской конницы, въ числѣ до пятидесяти тысячъ, подъ командой короля Неаполитанскаго. Она находилась уже въ крайне печальномъ состояніи. Хвосты и гривы лошадей вылѣзали отъ голода и лишеній. «Если бы я имѣлъ конницу, замѣчаетъ Сангушко, я ввѣрилъ бы ее Мюрату не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы онъ предводительствовалъ ею пѣшкомъ». Онъ, однако, отдаетъ справедливость мужеству короля Неаполитанскаго и свидѣтельствуетъ, что послѣдній отличался настолько же быстрымъ соображеніемъ въ бою, насколько былъ ограниченъ въ остальное время.

Изъ сподвижниковъ Наполеона Сангушко особенно высоко ставитъ вице-короля и Даву. Первый, по его мнѣнію, отличался талантами, отвагою и скромностью истиннаго генія; второй — справедливый и непреклонный, казалось, вполнѣ соотвѣтствовалъ занимаемому имъ мѣсту. Въ болѣе сдержанныхъ выраженіяхъ говоритъ онъ о Неѣ, походившемъ на Мюрата, хотя и болѣе вынесшемъ сравнительно съ послѣднимъ изъ своего боеваго опыта, объ Удино и Бесьерѣ. Мортье показался ему человѣкомъ мало образованнымъ, а о Лефеврѣ и Жюно онъ отзывается неодобрительно.

Общее впечатлѣніе, произведенное на Сангушку начальствующими

[1]) Великая армія, пишетъ Солтыкъ, проходила по странѣ, подобно разрушительному потоку; посѣвы вытаптывались, дома предавались грабежу и часто разрушенію. Небрежность приводила неразъ даже къ пожарамъ, обращавшимъ въ пепелъ цѣлыя поселенія.

Digitized by Google

лицами французской арміи, было, однако, далеко не изъ благопріятныхъ. Онъ нашелъ репутацію, пріобрѣтенную ими, какъ результатъ двадцати-лѣтнихъ войнъ, значительно преувеличенною, и ему представлялось загадкой, какимъ образомъ подъ начальствомъ лицъ, выдѣлявшихся изъ уровня только мужествомъ и слѣпою вѣрою въ Наполеона, могла быть покорена значительная часть міра. Онъ останавливается на участи французской арміи, которая пришла къ уничтоженію тогда, когда познанія, пріобрѣтенныя новымъ поколѣніемъ, въ соединеніи съ опытностью и отвагою старыхъ ветерановъ, казалось, должны были увеличить ея силу. «Таково дѣйствіе Твоей воли и предопредѣленія, Боже!—восклицаетъ Сангушко.—Вынужденный къ тому множествомъ преступленій и слезами невинныхъ, Ты отнялъ Твою всемогущую десницу и лишилъ разума того человѣка, который въ своемъ высокомѣріи равнялъ себя съ Богомъ, и передъ которымъ народъ, забывшій Твои милости, повергся ницъ съ самымъ низкимъ идолопоклонствомъ».

II.

Постепенное разстройство французской арміи при движеніи къ Витебску.—Уклоненіе русскихъ отъ генеральнаго сраженія.—Вступленіе въ Витебскъ.—Прибытіе адъютанта князя Понятовскаго съ донесеніями.—Рѣшеніе Наполеона остановиться въ Витебскѣ.—Тщеславіе Наполеона.—Соображенія Сангушки, представленныя императору.—Поѣздка Сангушки съ порученіемъ въ Могилевъ.—Потери, понесенныя польскимъ корпусомъ отъ усиленныхъ маршей.—Возвращеніе Сангушки въ Витебскъ.

Французская армія, ослабляя себя усиленными переходами и существуя только грабежомъ, приближалась къ Витебску. Отступленіе русскихъ, которое совершалось едва ли по заранѣе выработанному плану, самымъ дѣйствительнымъ образомъ содѣйствовало ея разстройству, особенно при системѣ войны, принятой Наполеономъ, который съ массой въ нѣсколько сотъ тысячъ вторгся въ страну, разоренную уже противникомъ, не имѣя другихъ средствъ существованія, кромѣ насилія. Послѣдствія не замедлили сказаться. Армія, составленная изъ множества народностей, начала принимать все болѣе и болѣе разстроенный видъ. Войска должны были ослаблять себя на половину фуражировками для добыванія продовольствія. Подъ предлогомъ же фуражировокъ люди разбредались по окрестностямъ и предавались разнымъ неистовствамъ.

Колонна главныхъ силъ, при которой слѣдовалъ Наполеонъ, представляла кишку, растянувшуюся на двадцать миль, что крайне затрудняло передачу необходимыхъ приказаній. Наполеонъ совершалъ свои переѣзды съ самымъ ничтожнымъ конвоемъ, и Сангушко выражаетъ удивленіе, что онъ ни разу не подвергся нападенію русской

Digitized by Google

легкой конницы, къ чему особенно благопріятныя условія представляли Виленскіе лѣса [1]).

Бои подъ Островцемъ [2]) и Витебскомъ имѣли удачный для французовъ исходъ. Встрѣченное со стороны русскихъ сопротивленіе возродило въ Наполеонѣ надежду достигнуть цѣли, къ которой онъ стремился—генеральнаго сраженія. Однако послѣ мужественнаго отпора на всѣхъ пунктахъ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ русская армія очистила позиціи подъ Витебскомъ. Бой былъ данъ только для выигрыша времени, и самое отступленіе послужило наглядным доказательствомъ дисциплины, существовавшей въ арміи противника. Оно было исполнено въ такомъ порядкѣ и такъ скрытно, что не оставило никакихъ слѣдовъ относительно направленія, въ которомъ ушли русскія войска.

Съ занятіемъ Витебска французская армія овладѣла обширнымъ пространствомъ. Нравственный духъ противника былъ ослабленъ. Но на ряду съ этими положительными результатами Сангушко указываетъ на разореніе Литвы и значительныя потери, понесенныя французами въ паркахъ и обозахъ. Отзываясь довольно презрительно о дѣйствіяхъ русской конницы, онъ объясняетъ ея постоянные успѣхи безпорядкомъ, царившимъ во французской арміи. Безпорядокъ же, по его мнѣнію, являлся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ непредусмотрительности Наполеона, создавшаго арміи такія условія, что она могла существовать только посредствомъ грабежа.

Зло было еще поправимо при условіи остановки и отдыхновенія въ Витебскѣ. Урожай былъ необыкновенно обиленъ, а перевозочныя средства крестьянъ, находившіяся въ рукахъ французовъ, обезпечивали всѣ транспортныя потребности. Окружающіе Наполеона надѣялись, что онъ остановится въ Витебскѣ. Съ одной стороны расположеніе арміи въ изобильной странѣ надъ рѣками, носившими громкія имена Двины и Борисѳена, прославленныя исторіей, должно было льстить тщеславію императора [3]); съ другой—наступилъ уже августъ мѣсяцъ, и приближалось позднее время года, неудобное для веденія операцій. Самая обширность Витебска представляла значительныя удобства для расположенія главной квартиры.

---

[1]) Солтыкъ свидѣтельствуетъ, что для лучшаго скрытія предположеній императора высылались въ разныхъ направленіяхъ подставы и заводныя лошади. Большая часть главной квартиры узнавала объ отъѣздѣ Наполеона тогда, когда онъ былъ уже далеко. Даже дежурные при его особѣ офицеры получали приказанія сопровождать императора только въ самый моментъ отъѣзда.

[2]) Подъ Островной.

[3]) Сангушко удачно подмѣтилъ отличительную черту Наполеона—слабость къ громкимъ историческимъ именамъ, дѣйствовавшимъ на воображеніе. Во время нахожденія императора въ м. Глубокомъ было получено донесеніе маршала Даву о прибытіи на берега Днѣпра. Наполеонъ, находясь въ монастырской столовой, громко провозгласилъ названіе «Борисѳенъ» и обнаруживалъ замѣтное неудовольствіе, когда рѣку называли Днѣпромъ.

Digitized by Google

По вступленіи Наполеона въ городъ, его встрѣтилъ адъютантъ князя Понятовскаго, Антонъ Потоцкій, присланный съ донесеніями въ главную квартиру. Принявъ привезенныя денеши, Наполеонъ началъ рѣзко порицать дѣйствія князя Понятовскаго и другихъ генераловъ, приписывая имъ неудачный результатъ операціи своего праваго крыла. Потоцкій остановилъ изліянія императора, доложивъ, что вина въ этомъ должна лежать на королѣ Вестфальскомъ, командовавшемъ войсками праваго крыла. Наполеонъ замолчалъ, въ раздраженіи быстро сѣлъ на коня и, проѣхавъ городъ, продолжалъ подвигаться впередъ съ войсками [1]).

Мрачною тѣнью покрылись лица тѣхъ, которые уже мечтали объ отдыхѣ. Солнце посылало съ неба раскаленные лучи и жгло онѣмѣвшіе отъ утомленія члены. Войска сдѣлали, однако, всего нѣсколько миль, затѣмъ были остановлены и отведены назадъ. Вступая обратно въ Витебскъ, Наполеонъ сказалъ:

— Тутъ я останусь. Мнѣ необходимо собрать свѣдѣнія, сосредоточиться, дать отдыхъ арміи и устройство Польшѣ. Война 1812 года окончена, а война 1813 года сдѣлаетъ остальное [2]).

Всѣ корпуса отдыхали, занявъ линію Днѣпра и Двины, кромѣ Шварценберга, который отсталъ, умышленно избѣгая соединенія съ главными силами. Дѣйствительная причина была искусно скрыта австрійскимъ полководцемъ въ донесеніяхъ, присланныхъ къ императору въ Витебскъ съ майоромъ Войной. Судьбѣ было угодно, чтобы бдительность Наполеона на этотъ разъ была обманута.

Сангушко заявляетъ, что уже въ Витебскѣ увлеченіе Наполеономъ, какъ освободителемъ его родины, стало въ немъ ослабѣвать, и онъ сталъ сомнѣваться относительно истинныхъ намѣреній императора. Понемногу стала спадать маска добраго расположенія къ полякамъ и обнаруживать только одно ненасытное честолюбіе [3]). Порывистый Наполеонъ, какъ и вообще во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, не ожидалъ конца предпріятія, чтобы выказать себя въ настоящемъ свѣтѣ. Въ своемъ высокомѣріи онъ уже достигалъ Москвы и Петербурга, а обѣщанія, данныя Польшѣ, тяготили его. Онъ сознавалъ, что когда цѣль будетъ достигнута, придется выполнить принятыя обязательства, которыя какъ бы сводили на нѣтъ его ловкость и хвастливыя заявленія, что онъ быстро сокрушитъ Россію.

---

[1]) Солтыкъ, передавая разговоръ Наполеона съ графомъ Потоцкимъ, замѣчаетъ: «Поляки снова вызвали неудовольствіе императора, неудовольствіе, которое усилилось вслѣдствіе неумѣстныхъ отвѣтовъ Потоцкаго». Изъ разсказа Солтыка видно, что особенное раздраженіе Наполеона вызвалъ докладъ Потоцкаго о недостаткѣ продовольствія и обуви, который терпѣлъ польскій корпусъ, и о неполученіи послѣднимъ жалованья.

[2]) Буквально тѣ же слова приводитъ Сегюръ.

[3]) Когда польскій корпусъ въ первый разъ представлялся ему подъ Смоленскомъ, Наполеонъ умышленно выказалъ ему невниманіе—повернувшись къ войскамъ спиною, онъ цѣлый часъ сбивалъ вѣткой песокъ съ коня.

Digitized by Google

Трудно встрѣтить примѣръ человѣка, пишетъ Сангушко, въ которомъ встрѣчались бы одновременно столь различныя страсти. Рядомъ съ исполиномъ въ немъ существовалъ карликъ. На ряду съ ключемъ къ всемірному господству онъ хотѣлъ, чтобы ему были подносимы ключи мѣстечекъ, черезъ которыя онъ проходилъ. Подъ Витебскомъ Сангушко, бродя въ задумчивости, наткнулся нечаянно на Наполеона, по его собственному выраженію, «какъ на кабана въ берлогѣ»: въ такомъ скверномъ расположеніи духа онъ былъ, ожидая депутаціи съ изъявленіемъ покорности со стороны жителей, обобранныхъ до послѣдней нитки [1]). Подобная сцена повторялась неоднократно.

Еще въ Свенцянахъ Сангушко черезъ маршала Дюрока получилъ приказаніе Наполеона представить письменно соображенія съ изложеніемъ взгляда на современное положеніе дѣлъ. Причину такого приказанія Сангушко ищетъ въ приведенной выше сценѣ въ пріемной залѣ Виленскаго дворца, когда отъ зоркаго глаза Наполеона не укрылись знаки неодобренія польскаго магната ко многому тому, что говорилось императоромъ и литовскими депутатами.

Въ запискѣ, поданной въ Свенцянахъ же, Сангушко ограничился защитой Виленскаго комитета, состоявшаго изъ пяти членовъ, противъ котораго Наполеонъ былъ разгнѣванъ за выѣздъ изъ Вильны [2]), а также далъ нѣкоторыя свѣдѣнія о мѣстныхъ условіяхъ края. Получивъ милостивое одобреніе императора, Сангушко представилъ въ Витебскѣ вторую записку, въ которой онъ указывалъ на необходимость быстраго наступленія Шварценберга въ предѣлы Волыни и Украйны съ цѣлью воспользоваться ихъ богатыми средствами, а также въ видахъ занятія оборонительныхъ линій по Слугу и Стыри для обезпеченія праваго фланга французской арміи. Познакомившись ближе съ Наполеономъ, Сангушко не рѣшился высказать свое мнѣніе о возможности неблагопріятнаго исхода войны, однако упомянулъ о суровомъ климатѣ, который могъ вызвать значительную убыль въ арміи. Онъ выступилъ также съ оригинальнымъ предло-

---

[1]) Солтыкъ, посланный Наполеономъ въ Витебскъ за депутаціей, даетъ слѣдующія подробности. Прибывъ въ городъ, онъ съ трудомъ собралъ нѣсколькихъ дворянъ и привелъ ихъ къ императору, который прогуливался на лужайкѣ близъ большой дороги въ глубокомъ размышленіи, съ руками, скрещенными на груди. Депутаты, пройдя значительное разстояніе пѣшкомъ, запыхались и, не приготовивъ заранѣе рѣчи, стояли растерянные передъ Наполеономъ, ожидая его вопросовъ. Молчаніе депутаціи видимо раздражило императора, который, сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ о непріятельской арміи, сказалъ имъ отрывистымъ тономъ, что его армія нуждается въ продовольствіи, фуражѣ и особенно въ хлѣбѣ, и затѣмъ, прервавъ тотчасъ разговоръ, воскликнулъ: «Я вижу, что здѣсь нѣтъ болѣе поляковъ; этотъ край уже не польскій».

[2]) Трудно понять, о какомъ комитетѣ говоритъ Сангушко. Виленская губернія управлялась административною комиссіею изъ трехъ человѣкъ подъ пресѣдательствомъ французскаго интенданта.

Digitized by Google

женіемъ формировать зимою партизанскіе отряды на саняхъ, которые обезпечивали бы быстрое перемѣщеніе изъ одного пункта въ другой и могли бы служить для прикрытія въ бою. Наконецъ въ запискѣ были высказаны соображенія относительно ковки лошадей, не соотвѣтствовавшей мѣстнымъ особенностямъ лѣтнихъ и зимнихъ путей.

Сангушко, предполагая, что быстрое вторженіе въ предѣлы Литвы было слѣдствіемъ знакомства императора съ оборонительною силою Полѣсья и желанія скорѣе миновать эту преграду, надѣялся, что Наполеонъ отнесется сочувственно къ его идеѣ относительно дѣйствій Шварценберга. Прошелъ, однако, довольно продолжительный промежутокъ времени послѣ представленія записки, прежде чѣмъ онъ получилъ приказаніе явиться къ императору. Сангушко поспѣшилъ во дворецъ, но полученная изъ Парижа почта помѣшала разговору, который состоялся только на слѣдующій день. Наполеонъ встрѣтилъ польскаго магната довольно привѣтливо, но колко замѣтилъ, что его разсмѣшило желаніе Сангушки учить его. Затѣмъ, не обсуждая высказанныхъ въ запискѣ соображеній, онъ приказалъ Сангушкѣ ѣхать съ порученіемъ въ польскій корпусъ Понятовскаго, давъ, однако, понять, что онъ намѣревается говорить съ нимъ по возвращеніи.

Сангушко кратчайшимъ путемъ, проселками, направился въ Могилевъ. Повернувъ съ большой дороги, онъ разсчитывалъ оставить позади себя бѣдствія, которымъ подверглись лежавшія вдоль нея селенія. Но оказалось, что и уединенныя мѣстности не были защищены отъ необузданныхъ и голодныхъ солдатъ, которые, благодаря болѣе вѣрной безнаказанности, еще беззастѣнчивѣе грабили страну и притѣсняли жителей. Путь Сангушки лежалъ черезъ Славяны и Толочинъ, одну изъ древнѣйшихъ вотчинъ его рода. Имѣніе, несмотря на десятидневный грабежъ, которому оно подверглось, изобиловало разными запасами. Сангушко распорядился ихъ собрать и отправилъ для гвардіи. Въ отвѣтъ онъ получилъ благодарственное письмо, написанное Коленкуромъ по приказанію Наполеона.

Страна между Витебскомъ и Могилевомъ показалась Сангушкѣ довольно богатою. Дороги, обсаженныя березами, несмотря на однообразіе, придавали ей красивый видъ. Сангушко, прибывъ въ Могилевъ, нашелъ князя Понятовскаго озабоченнымъ значительными потерями, понесенными польскимъ корпусомъ во время движенія. Онъ успокоилъ его, объяснивъ, что дѣло обстоитъ не лучше въ главной французской арміи, потери которой въ людяхъ и лошадяхъ были еще ужаснѣе.

Сангушко пробылъ въ Могилевѣ сутки. Понятовскій поручилъ ему доложить императору, что съ отдѣленіемъ генерала Домбровскаго съ восемью тысячами къ Бобруйску онъ будетъ имѣть подъ ружьемъ не болѣе двѣнадцати тысячъ, потому что около двѣнадцати

Digitized by Google

тысячъ потеряно королемъ вестфальскимъ Іеронимомъ, вслѣдствіе неправильной и безцѣльной форсировки движенія.

По возвращеніи въ Витебскъ, Сангушко нашелъ армію готовою къ выступленію. Подобно тому, какъ огромное скопленіе воды, не обращая вниманія на берега и плотины, ищетъ новаго выхода и срываетъ все, попадающееся ей на пути, французская армія, отличавшаяся всегда подвижностью, устремилась по направленію не къ одной изъ столицъ, а вправо, захватывая и наводняя край. Сангушко получилъ приказаніе ѣхать съ Сегюромъ въ мѣсто нахожденія дивизіи Гюдена для отвода квартиры Наполеону. Подобныя порученія, имѣвшія цѣлью заботу объ удобствахъ монарха, считались при дворѣ почетными, но они тяготили Сангушку, незнакомаго съ придворными тонкостями, а потому исполнявшаго ихъ не вполнѣ удачно.

III.

Наступленіе русской арміи къ Витебску.—Сложность плана Наполеона даетъ возможность Барклаю избѣгнуть генеральнаго сраженія.—Поляки подъ Смоленскомъ.—Понятовскій посылаетъ Сангушку съ порученіемъ въ главную квартиру.—Сангушко передъ Наполеономъ и Мюратомъ.—Оставленіе русскими Смоленска.—Наполеонъ на батареѣ на берегу Днѣпра.—Бездѣйствіе Жюно въ бою при Валутиной горѣ.—Грабежи въ Смоленскѣ.—Наполеонъ рѣшается продолжать наступленіе.—Неудовольствіе во французской арміи.—Наполеонъ, виновникъ нравственнаго упадка французскаго народа.

Движеніе французской арміи къ правому флангу было вызвано желаніемъ Наполеона рѣшить участь кампаніи генеральнымъ сраженіемъ. Русскія войска, по соединеніи подъ Смоленскомъ, перешли въ наступленіе къ Витебску. Барклай-де-Толли, вопреки своему мнѣнію о необходимости отступленія, подъ вліяніемъ настойчивыхъ просьбъ, повидимому, потерялъ наконецъ терпѣніе и двинулся впередъ, ища рѣшительнаго боя съ французской арміей. Можно думать, что русскіе подвергались опасности совершеннаго пораженія. Поэтому Барклаю дѣлаютъ честь проявленныя въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ самообладаніе и пожертвованіе ради пользы дѣла собственнымъ самолюбіемъ. Удостовѣрившись, что движеніе Наполеона угрожаетъ его лѣвому флангу, онъ воспользовался невыгоднымъ положеніемъ французовъ, двигавшихся проселочными дорогами, испорченными непрерывными дождями, и потерявшихъ много лошадей, и снова отступилъ къ Смоленску.

Изъ изложеннаго видно, что операціи между Витебскомъ и Смоленскомъ должны были бы привести къ генеральному сраженію, если бы не слишкомъ сложный планъ французовъ, который ясно обнаружилъ ихъ намѣренія и вынудилъ русскихъ къ отступленію.

Digitized by Google

Трудно однако, пишетъ Сангушко, высказать правильное сужденіе, потому что планы нельзя оцѣнивать только по однимъ результатамъ, предварительныя же намѣренія полководцевъ намъ неизвѣстны. Вообще же генералы—стая мухъ, надутыхъ самолюбіемъ и убѣжденныхъ, что единственно ихъ дѣйствія вращаютъ и тормозятъ колесо тяжелаго воза судебъ міра. Объясненія, соотвѣтствующія обстоятельствамъ, даются ими лишь по совершеніи событій. Одинъ Фридрихъ Великій умѣлъ дѣлать многое при помощи малыхъ средствъ.

Французская армія наконецъ выбралась на большую дорогу, представлявшую лучшія условія для движенія. Мюратъ, двигаясь впереди ея, боемъ открывалъ дорогу Наполеону.

Атака Смоленска безъ всякой развѣдки мѣстности и безъ подготовки средствъ для овладѣнія городомъ была явной неудачей, неудачей тѣмъ болѣе тяжелой, что увлеченіе Наполеона имѣло результатомъ значительное число жертвъ. Поляки потеряли генерала Грабовскаго убитымъ и генерала Заіончека, полковника Круковецкаго и многихъ другихъ раненными. Польскихъ рекрутъ не удивила огромная стѣна, окружавшая городъ, а старыхъ солдатъ не смутило то обстоятельство, что имъ не придали ни артиллеріи, ни лѣстницъ. Тѣ и другіе склонили головы передъ ревомъ тысячи пушекъ, потрясавшихъ своимъ громомъ широкія обводныя стѣны.

Сангушко, узнавъ, что поляки предназначены для атаки Смоленска, и желая видѣть ихъ въ дѣлѣ, отправился туда, гдѣ правый флангъ Даву примыкалъ къ лѣвому флангу польскаго корпуса. По рѣдкой для столь многочисленной арміи случайности здѣсь дрались французскій и польскій полки, носившіе одинъ и тотъ же номеръ. Поэтому во время штурма часто раздавалось то пофранцузски, то попольски восклицаніе «впередъ пятнадцатый!». Оба полка, достигнувъ вѣковой стѣны, опоясывавшей городскую твердыню, не хотѣли уступить занятаго пространства и провели ночь такъ близко отъ башенъ, что русскіе черезъ старый, засыпанный сухимъ камнемъ проломъ (носившій названіе Чарторыйскаго пролома, потому что по преданію его нѣкогда пробилъ князь Чарторыйскій) выходили, разговаривая попольски, смѣшивались съ поляками и захватывали плѣнныхъ.

Бой продолжался до наступленія сумерекъ. Вечеромъ князь Понятовскій поручилъ Сангушкѣ доставить въ главную квартиру императора русскаго майора Чичагова, взятаго въ плѣнъ во время штурма. Наполеонъ съ гвардіей ночевалъ въ полумилѣ отъ Смоленска. Сангушко нашелъ его въ небольшой палаткѣ съ королемъ неаполитанскимъ. Императоръ не пожелалъ принять плѣннаго офицера. Была страшная жара. Наполеонъ сидѣлъ раздѣтымъ между постелью и столикомъ, а по другой сторонѣ столика помѣщался Мюратъ, и Сангушкѣ показалось, что послѣдній былъ пьянъ, а императоръ выпивши.

Digitized by Google

Въ присутствіи Сангушки въ палатку былъ приведенъ крестьянинъ, возвращавшійся изъ русской арміи. Наполеонъ долго разспрашивалъ его о движеніи противника и наконецъ приказалъ Сангушкѣ спросить его, чего бы онъ желалъ для себя. Сангушко старался, впрочемъ, осторожно, потому что Наполеонъ понималъ немного по-польски, дать понять простаку, что это для него счастливый случай. Крестьянинъ не хотѣлъ, однако, ничего, кромѣ возвращенія въ свою деревню, объяснивъ, что онъ торопится домой, потому что онъ помолвленъ. Тогда императоръ въ недвусмысленныхъ выраженіяхъ приказалъ его спросить, въ какихъ отношеніяхъ онъ состоитъ съ своей невѣстой. Наконецъ, не добившись отъ него отвѣта, подарилъ ему два наполеондора и приказалъ дать пинка на дорогу.

Императоръ спросилъ Сангушку, какъ идетъ со Смоленскомъ, и велики ли потери. Сангушко отвѣтилъ, что все идетъ хорошо, и хотя городъ не взятъ, но мостъ на Днѣпрѣ находится въ рукахъ атакующихъ. Подобно многимъ другимъ, Сангушко былъ введенъ въ заблужденіе, принявъ довольно значительный протокъ передъ одними изъ воротъ города за Днѣпръ, а мостъ черезъ этотъ протокъ за Днѣпровскій мостъ. Борьба за упомянутыя ворота продолжалась до ночи. Вслѣдствіе грохота орудій и дыма отъ горящаго города, а также страшной пыли, не было возможности не только ориентироваться, но даже видѣть въ двухъ шагахъ. Относительно потерь Сангушко доложилъ, что онѣ не значительны, если принять во вниманіе силы и позицію непріятеля. «Счастье видимо благопріятствуетъ арміи вашего императорскаго величества,—прибавилъ онъ:—король неаполитанскій былъ вчера свидѣтелемъ, какъ десятки выстрѣловъ картечью по его авангарду имѣли результатомъ только потерю руки однимъ изъ канонировъ».

— Вѣрно,—отвѣтилъ Мюратъ,—канониръ еще изъ тѣхъ молодцовъ, которые были съ нами въ Египтѣ, и который меня зоветъ не королемъ, а Мюратомъ.

— А! это изъ тѣхъ молодцовъ [1]),—сказалъ Наполеонъ,—которые и меня называютъ до сихъ поръ Бонапартомъ.

Вслѣдъ затѣмъ императоръ разговорился. «Я думалъ, пишетъ Сангушко, что я стою передъ Тамерланомъ или Аттилою». Говоря объ императорѣ Александрѣ, Наполеонъ выражался однако съ расположеніемъ, но, мало зная его характеръ, упрекалъ его въ недостаткѣ постоянства. Отпуская Сангушку, Наполеонъ позвалъ мамелюка Рустана и приказалъ ему дать шампанскаго. Рустанъ досталъ бутылку изъ-подъ кровати императора, и Сангушко съ удовольствіемъ осушилъ стаканъ за его здоровье.

---

[1]) Въ дѣйствительности Наполеонъ и Мюратъ употребили гораздо болѣе энергичное, но неудобное въ печати выраженіе.

Digitized by Google

Польскій генералъ Грабовскій палъ раненнымъ въ предмѣстьѣ въ то время, когда велъ свою бригаду въ атаку. Дымъ и пыль были ужасны; охваченный огнемъ онъ долженъ былъ сгорѣть. Въ деревянныхъ домахъ длинной улицы выше моста черезъ Днѣпръ лежало до трехъ тысячъ обгорѣлыхъ тѣлъ русскихъ раненныхъ, представлявшихъ ужасный видъ.

Въ ту же ночь русскіе очистили Смоленскъ, и городъ еще до разсвѣта былъ занятъ французами. Того же результата, замѣчаетъ Сангушко, можно было достигнуть безъ потерь, если бы войска были употреблены цѣлесообразно, и если бы было руководство ими [1]).

Наполеонъ утромъ объѣхалъ пункты атаки и около 10 часовъ отправился въ городъ. Здѣсь онъ отдалъ приказаніе приступить какъ можно скорѣе къ исправленію моста черезъ Днѣпръ, сожженнаго русскими при отступленіи. Ожидая въ нетерпѣніи окончанія работъ, императоръ вошелъ на батарею, построенную въ прежнія времена поляками и обращенную горжей къ рѣкѣ. Нѣсколько русскихъ орудій дѣйствовало еще съ противоположнаго берега, и едва Наполеонъ вступилъ на батарею, какъ непріятельское ядро ударило ему между ногъ. Онъ остался, однако, на батареѣ, несмотря на настоятельныя просьбы окружавшихъ, убѣждавшихъ его удалиться [2]).

Мостъ былъ оконченъ къ вечеру. Маршалъ Ней тотчасъ перешелъ рѣку и, продвинувшись двѣ мили впередъ, имѣлъ славное дѣло у Валутиной горы. При небольшомъ счастьѣ русскіе, сбившіеся съ дороги, могли бы здѣсь найти свою могилу. Но въ то

---

[1]) «Жюно, пишетъ Кастелланъ (Journal du maréchal Castellane), упорно принималъ изгороди за массы русскихъ, которые будто бы мѣшали наступать, и, несмотря на то, что ему доказывали противное, ни за что не хотѣлъ двинуться впередъ». Тургo (Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812) даетъ слѣдующія подробности. «Несмотря на настоянія короля неаполитанскаго, вопреки приказаніямъ и инструкціямъ императора, переданнымъ ему ординарцемъ, Жюно ни за что не хотѣлъ направиться на дорогу въ тылъ русскимъ. Этотъ генералъ, давшій столько доказательствъ самой блестящей храбрости, повидимому, испытывалъ уже начало болѣзни, отъ которой онъ умеръ нѣкоторое время спустя. Ординарецъ (Тургo), видя, что онъ не желаетъ исполнить переданное ему приказаніе, сказалъ: «Г. герцогъ, что долженъ я передать императору?» Герцогъ Абрантесъ, окруженный штабомъ, казалось, былъ въ большомъ унынiи. Онъ отвѣтилъ съ неудовольствіемъ: «Вы передадите, что я остановился, потому что наступила ночь». Напрасно ординарецъ возражалъ, что еще оставалось около четырехъ часовъ до наступленія темноты, что маршалъ Ней, вынужденный вести атаку съ фронта, несетъ большія потери. Всѣ его представленія оказались безполезными. Герцогъ Абрантесъ не хотѣлъ двинуться съ мѣста».

[2]) «На берегу Днѣпра, пишетъ Фэнъ (Manuscrit de mille huit cent douze), Наполеонъ сходитъ съ коня и, чтобы лучше разсмотрѣть позицію, которую непріятель продолжаетъ занимать на противоположной сторонѣ рѣки, становится въ амбразурѣ старой башни... Въ избранномъ имъ мѣстѣ императоръ подвергается опасности—пули и ядра бьютъ безпрестанно въ стѣны возлѣ него, но онъ занятъ исключительно рекогносцировкой позиціи. Пробывъ здѣсь болѣе часу, онъ садится снова на коня и ѣдетъ въ крѣпость.

Digitized by Google

время, когда Ней съ горстью войскъ творилъ чудеса, Жюно, выйдя во флангъ непріятеля, несмотря на неоднократныя приказанія императора, переданныя ему черезъ генерала Пана, не хотѣлъ двинуться впередъ подъ предлогомъ, что кустарникъ на его флангѣ скрываетъ русскихъ и не дозволяетъ ему вступить въ бой подъ вечеръ. Увѣдомленный объ этой отговоркѣ, Наполеонъ сказалъ: «Если бы я былъ Жюно, я лучше бы пустилъ себѣ пулю въ лобъ». Императоръ хотѣлъ тогда же лишить его командованія корпусомъ. Смерть Жюно отъ сумасшествія избавила Наполеона отъ полученія въ отвѣтъ совѣта покончить самому съ собою. Въ это время императоръ, замѣчаетъ съ насмѣшкою Сангушко, началъ уже, подобно страусу, все переваривать.

Въ Смоленскѣ оставалось еще довольно много жителей, но обращеніе съ ними французовъ было таково, что они тотчасъ же разбѣжались. Молва о совершенныхъ насиліяхъ далеко предупредила французскую армію, и при дальнѣйшемъ наступленіи она уже почти нигдѣ не встрѣчала живой души. Въ Смоленскѣ сохранилось нѣсколько мѣховыхъ лавокъ, наполненныхъ товаромъ. Онѣ были разграблены въ мгновенье ока. Важнѣйшія лица арміи не гнушались принять участіе въ захватѣ этой добычи и навьючивали своихъ лошадей шкурками обыкновенныхъ бѣлыхъ кроликовъ.

Сангушко разсказываетъ, что подъ Смоленскомъ вниманіе императора привлекло большое стадо дикихъ гусей, летѣвшихъ въ теплые края. Столь ранній отлетъ не навелъ его, однако, на мысль о близости зимы. Императоръ провелъ въ Смоленскѣ всего около десяти дней. Для рѣшенія вопроса, продолжать ли дальнѣйшее наступленіе, былъ собранъ имъ военный совѣтъ. Наконецъ желаніе достигнуть столицы взяло въ немъ верхъ. По слухамъ, Мюратъ и Даву стояли за движеніе впередъ [1]).

Въ дѣйствительности французы, утомленные длиннымъ рядомъ войнъ, только и мечтали о возвращеніи. Наиболѣе преданные Наполеону говорили: «Правда, императоръ осыпалъ насъ богатствами, но что же намъ въ нихъ, если мы не можемъ ими пользоваться и если наши жены и дѣти намъ также чужды, какъ и комфортъ и увеселенія Парижа». Неудовольствіе французовъ было столь сильно, что рѣдкіе изъ нихъ за глазами у начальства исполняли удовлетворительно свои обязанности.

Наполеонъ, пишетъ Сангушко, пожалъ только то, что самъ посѣялъ. Онъ сдѣлалъ все, чтобы развратить свой народъ и искоре-

[1]) Фезенгамъ, состоявшій при главной квартирѣ, свидѣтельствуетъ напротивъ (Journal de la campagne de Russie), что Мюратъ не переставалъ твердить, что войска доведены до изнеможенія, лошади питаются только соломой съ крышъ и не въ состояніи противостоять усталости; если продолжать наступленіе, является рискъ потерять все.

Digitized by Google

нить врожденное послѣднему чувство чести. Чтобы вѣрнѣе достигать своей цѣли, онъ прикрывалъ низости внѣшнею блестящею оболочкою и лѣпилъ изъ французовъ, какъ изъ воску. Богъ предоставилъ каждому человѣку свободную волю и затѣмъ судитъ насъ по нашимъ поступкамъ. Онъ далъ французамъ одинаковую склонность и стремленіе къ алчности и чести. Когда послѣдняя руководила ими, они горѣли яркимъ блескомъ стараго французскаго рыцарства. Вслѣдъ за Дюгескленомъ, Баярдомъ и многими другими можно привести въ примѣръ мужественный родъ Гизовъ. Въ позднѣйшія времена тысячи жертвъ разнаго положенія и возроста клали свои головы подъ топоръ гильотины. Наконецъ французскій солдатъ былъ образцомъ отваги и безстрашнаго мужества. Много поэтому, восклицаетъ Сангушко, долженъ былъ Наполеонъ дать себѣ труда, чтобы совершенно развратить ихъ и довести до того состоянія, въ которомъ они находятся теперь, въ 1815 году.

IV.

Движеніе французской арміи отъ Смоленска къ Можайску. — Бородинское сраженіе.—Слова Наполеона при восходѣ солнца. — Нерѣшительность императора.— Отданное и вслѣдъ затѣмъ отмѣненное приказаніе гвардіи атаковать. — Предложеніе Даву наканунѣ сраженія.—Ошибки Наполеона.

Послѣ Смоленска и Валутина до Можайска не происходило крупныхъ боевъ, и только перестрѣлка конной артиллеріи и кавалерійскія дѣла нарушали однообразіе скучнаго марша. Недостатокъ фуража во время этого движенія заставлялъ французскую армію терпѣть сильныя лишенія. Прилегавшія къ дорогѣ селенія предавались пламени. Огонь — обыкновенный спутникъ войны, замѣчаетъ Сангушко, но нигдѣ два великихъ народа не производили при его посредствѣ упорнѣе и послѣдовательнѣе столькихъ опустошеній.

Французская армія достигла Бородинской позиціи. 5 сентября, послѣ упорнаго боя, поляки и двѣ бригады корпуса Даву овладѣли сильной батареей на правомъ флангѣ [1]). Одержанный успѣхъ въ виду сильной русской позиціи имѣлъ существенное значеніе. Главная квартира провела 6-е сентября близъ взятой батареи. 7 сентября императоръ поднялся еще до разсвѣта и съ нетерпѣніемъ ожидалъ наступленія дня. При восходѣ солнца, онъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Привѣтствую тебя, солнце! Ты то же, что и подъ Аустерлицемъ». Произнесенныя слова и скрытый въ нихъ смыслъ быстро пронеслись по шеренгамъ, горѣвшимъ желаніемъ боя, и онѣ, подобно молніи, устремились впередъ. Въ центрѣ подъ

[1]) Шевардинскій редутъ.

Digitized by Google

сильнымъ огнемъ пяти русскихъ батарей двинулся Ней въ колоннахъ, по своему обыкновенію безъ выстрѣла; правымъ флангомъ командовалъ Даву, лѣвымъ — вице-король, подававшій собою примѣръ мужества итальянской арміи. Понятовскій, сохраняя связь съ арміей, двигался въ обходъ черезъ лѣса, преодолѣвая на пути величайшія затрудненія.

Сангушко, не имѣя опредѣленныхъ обязанностей, старался удовлетворить своему любопытству. Наблюдая за Наполеономъ, онъ пришелъ къ заключенію, что императоръ въ этотъ день не проявилъ своего искусства. Не было видно того полководца, который, устремившись съ вершины Альпъ, искусными дѣйствіями и мужественной настойчивостью сломилъ оплотъ прекрасной Ломбардіи и наложилъ цѣпи неволи на огромную армію могущественной Австріи. Вслѣдствіе своего безмѣрнаго тщеславія императоръ требовалъ отъ своей арміи необыкновенныхъ усилій и трудовъ, не раздѣляя своей особой опасностей, которымъ ее подвергалъ, и нисколько не стараясь избѣжать безполезнаго пролитія крови такихъ храбрецовъ [1]).

Около десяти часовъ утра нельзя было уже сомнѣваться, что сраженіе выиграно французами, а между тѣмъ въ полдень немногаго не доставало, чтобы оно не только приняло нерѣшительный исходъ, но даже было проиграно ими. Храбрая дивизія Фріана, восемьдесятъ гвардейскихъ орудій и всѣ резервы, кромѣ гвардіи, едва возстановили бой въ центрѣ и на лѣвомъ крылѣ, которые уже значительно подались назадъ. Приведенное обстоятельство подтверждаетъ, насколько нерѣшительно дѣйствовалъ въ этомъ бою побѣ-

---

[1]) «Наполеонъ, пишетъ Пелэ (Bataille de la Moskwa), состоявшій при главной квартирѣ французской арміи, выѣхалъ къ Шевардинскому редуту въ два часа ночи, когда было еще совершенно темно. Восходящее яркое солнце онъ привѣтствовалъ воспоминаніями объ Аустерлицѣ. Императоръ находился впереди редута на небольшой возвышенности, командовавшей всѣми пунктами поля сраженія, простиравшагося не болѣе двухъ съ половиною верстъ. Ни съ какой другой точки Наполеонъ не могъ бы видѣть совокупность и подробности сраженія. Находясь въ 500 саженяхъ отъ непріятельской линіи, куда часто уносились ядра, онъ управлялъ дѣйствіями этой великой драмы... Если бы даже Наполеонъ и могъ нѣсколько ближе слѣдить за движеніями атаки, то и тогда онъ не сдѣлалъ бы большаго». Леженъ, другой очевидецъ, состоявшій при главной квартирѣ, пишетъ слѣдующее о дѣятельности Наполеона въ день Бородинскаго сраженія (Memoires du général Lejeune): «Я былъ удивленъ, не видя въ императорѣ той дѣятельности, которая обезпечивала успѣхъ въ прежніе годы. Въ этотъ день онъ сѣлъ на коня только для переѣзда къ полю сраженія. Тамъ онъ усѣлся на холмѣ, откуда могъ видѣть все. Возвращаясь по выполненіи данныхъ мнѣ порученій, я постоянно находилъ его въ томъ же положеніи слѣдящимъ въ подзорную трубку за всѣми движеніями и отдающимъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ приказанія. Но намъ не суждено было видѣть его, какъ въ прежнія времена, электризующимъ войска на пунктахъ, гдѣ упорное сопротивленіе противника затягивало бой и дѣлало успѣхъ его сомнительнымъ. Всякій изъ насъ удивлялся, не видя человѣка Маренго, Аустерлица. Мы не знали, что Наполеонъ былъ нездоровъ».

Digitized by Google

дитель при Маренго и Лоди. Первый успѣхъ надъ противникомъ зависитъ отъ случая, потому что главнокомандующій дѣйствуетъ болѣе или менѣе ощупью безъ знанія силъ и намѣреній противника и нравственнаго состоянія арміи. Но, разъ взявши надъ нимъ верхъ, было бы грубой ошибкой или оплошностью позволить ему оправиться настолько, чтобы онъ пріобрѣлъ существенный успѣхъ.

Гордясь при мысли, что наканунѣ овладѣлъ укрѣпленіями, какъ бы прикрывавшими Москву, Наполеонъ спокойно занимался своимъ завтракомъ и спрашивалъ, почему онъ видитъ мало взятыхъ плѣнныхъ и отбитыхъ орудій [1]). Вмѣсто того, чтобы усилить атаку противъ ослабѣвавшихъ русскихъ, онъ, благодаря отсутствію энергіи, перешелъ отъ атаки къ оборонѣ, ограничиваясь удержаніемъ взятыхъ батарей. «Развѣ для того, восклицаетъ Сангушко, употребила армія столько усилій и стояла лицомъ къ лицу съ ужасной продолжительной зимой, чтобы императоръ обнаруживалъ колебанія и медлительность въ ту минуту, когда наступила столь нетерпѣливо жданная развязка! Такая чрезмѣрная осторожность приводила въ безпокойство всѣхъ, кто былъ свидѣтелемъ ея.

Около полудня, маршалы Лефевръ и Мортье, первый во главѣ старой гвардіи, а второй—молодой гвардіи, получили приказаніе усилить Даву, прорвать расположеніе противника и отдѣлить войска Багратіона, находившіяся на лѣвомъ флангѣ русской позиціи, отъ главныхъ силъ Кутузова. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлось въ виду прижать русскую армію къ рѣкѣ Москвѣ, протекавшей въ двухъ или трехъ верстахъ въ тылу позиціи. Въ минуту отдачи приказанія генералъ Моранъ взялъ укрѣпленіе, находившееся впереди большой центральной батареи и, за исключеніемъ послѣдней, переходившей уже разъ въ ихъ руки, французы владѣли всѣми укрѣпленіями.

Приказаніе, отданное Лефевру и Мортье, должно было имѣть самыя рѣшительныя послѣдствія. Таково было всеобщее мнѣніе. Неизвѣстно, почему, однако, оно не было приведено въ исполненіе. Сангушко ищетъ объясненія въ томъ обстоятельствѣ, что Моранъ былъ вслѣдъ затѣмъ выбитъ русскими изъ взятой имъ батареи, а также въ нежеланіи Наполеона ввести въ дѣло гвардію. Послѣднюю причину онъ считаетъ болѣе вѣроятной—отступленіе Морана могло задержать предположенное движеніе лишь на короткое время, потому что уже вскорѣ онъ вмѣстѣ съ Компаномъ вторично овладѣлъ потерянною батареей.

Во французской арміи носился слухъ, будто бы Монбренъ, павшій въ самомъ началѣ сраженія, имѣлъ особыя указанія отъ императора. Сангушко опровергаетъ это мнѣніе, приводя въ подтвержденіе, что извѣстіе о смерти Монбрена не встревожило Наполеона,

[1]) Пелэ удостовѣряетъ, что и при взятіи Шевардинскаго редута Наполеонъ выражалъ неудовольствіе по поводу малаго числа взятыхъ плѣнныхъ.

Digitized by Google

который ограничился отдачей приказанія Коленкуру, брату великаго конюшаго, заступить мѣсто Монбрена. Затѣмъ, когда палъ Коленкуръ, на смѣну его былъ отправленъ Раппъ, который былъ израненъ и замѣненъ генераломъ Себастіани. Притомъ было извѣстно, что Монбренъ, хотя и пользовался отличной репутаціей, какъ храбрецъ и прекрасный кавалеристъ, но не обладалъ талантами полководца. Наконецъ, указанія императора должны были бы быть переданы не Монбрену, а Даву, который являлся старшимъ на данномъ участкѣ позиціи [1]).

Сангушко высказываетъ сожалѣніе, что мнѣніе Даву, поданное наканунѣ сраженія, было отвергнуто. Даву предлагалъ атаковать лѣвое крыло русскихъ во флангъ, со стороны старой дороги изъ Смоленска на Москву, на которой сражался Понятовскій, и которая пролегала въ одной милѣ отъ поля сраженія. Даву ручался за успѣхъ, если только ему оставятъ дивизію Морана и придадутъ польскій корпусъ, и высказывалъ убѣжденіе, что онъ заставитъ русскихъ перемѣнить фронтъ и очистить укрѣпленія въ то время, какъ императоръ будетъ демонстрировать съ фронта. Планъ этотъ обѣщалъ самые лучшіе результаты.

Въ началѣ боя Даву былъ нѣсколько не въ своей тарелкѣ. Ядро, уложившее четырехъ артиллерійскихъ лошадей, убило подъ нимъ коня и причинило ему болѣзненную контузію. Наполеонъ, уже давно сердившійся на маршала, который раздѣлялъ немилость съ Мюратомъ и Неемъ, обвинялъ его въ вялыхъ дѣйствіяхъ въ этотъ день. Даву съ своей стороны былъ недоволенъ тѣмъ, что у него отняли Морана, безъ котораго онъ былъ слишкомъ слабъ для охвата русской арміи. Онъ встрѣтилъ Сангушку словами, что «не бывало еще такой жестокой и безпорядочной битвы». Рѣшительный пунктъ атаки находился въ участкѣ дѣйствій Даву, и Кутузовъ не упустилъ занять его двойными силами и поддержать сильными резервами. Достаточно, однако, сказать, что пунктъ этотъ должна была атаковать старая гвардія Наполеона, удару которой въ то время невозможно было противостоять. Французы подъ Можайскомъ творили чудеса, но Наполеонъ, вслѣдствіе излишней заботливости о своей особѣ и необычайной нерѣшительности, тормозилъ все.

Отрицать у Наполеона высшія военныя способности было бы равносильно тому, чтобы спорить противъ того, что ясно, какъ день, но въ свою кампанію противъ Россіи онъ сдѣлался жертвой величайшей небрежности. Подъ Можайскомъ Наполеонъ правильно оцѣнилъ расположеніе противника и наиболѣе сильные и слабые пункты позиціи. Доказательствомъ сказаннаго служитъ направленіе,

---

[1]) Сангушко ошибается—Раппъ былъ посланъ на смѣну раненаго Компана, бывшаго подъ командой Даву. Монбренъ вовсе не былъ подчиненъ послѣднему и дѣйствовалъ въ промежуткѣ между Неемъ и вице-королемъ.

Digitized by Google

указанное для неприведенной въ исполненіе атаки гвардіи. Глазъ, однако, обманулъ его относительно силы русскихъ укрѣпленій, которыя онъ принялъ за значительно болѣе слабыя, нежели они были въ дѣйствительности. Поэтому и степень настойчивости его въ атакахъ не была достаточна. Онъ дрался по всему фронту и ни одной изъ атакъ не довелъ до рѣшительнаго удара.

Справедливо, что вести войну въ незнакомой странѣ и притомъ въ столь значительномъ удаленіи отъ отечества необходимо было съ величайшею осторожностью. Но подобное соображеніе не можетъ служить оправданіемъ Наполеону, который нигдѣ не проявилъ ея, за исключеніемъ этой битвы, почему и не воспользовался представлявшимся благопріятнымъ случаемъ. Въ Можайскѣ игра шла во всю. Солдатъ самымъ доблестнымъ образомъ выполнилъ свой долгъ, не доставало только желанія и распорядительности со стороны полководца, который исключительно себѣ долженъ приписать нерѣшительность результатовъ. Наполеонъ потерялъ, считая съ ранеными, нѣсколько десятковъ тысячъ солдатъ и до сорока генераловъ, изъ которыхъ каждый былъ для него дорогъ по своей преданности службѣ и закаленности въ перенесеніи лишеній. Потеря русскихъ, хотя и болѣе значительная по числу выбывшихъ нижнихъ чиновъ, могла быть и дѣйствительно была немедленно пополнена.

«Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Сангушко по поводу сраженія подъ Можайскомъ, что выгоднѣе ничего не дѣлать, нежели дѣлать то, что не можетъ принести существенной пользы. Убѣдительнымъ доказательствомъ тому служатъ послѣдствія сраженія подъ Можайскомъ. Уменьшеніе силъ противника, хотя бы вызывавшее одновременное уменьшеніе собственныхъ силъ, было благоразумно со стороны Кутузова, потому что онъ дѣйствовалъ у себя. Напротивъ со стороны Наполеона было ошибкой безъ рѣшительныхъ выгодъ ослаблять себя въ чужой странѣ. Въ каждомъ дѣлѣ, дѣйствуя противъ желаній противника, мы обезпечиваемъ себѣ половину успѣха. Поэтому не слѣдовало давать боя тамъ, гдѣ этого желалъ Кутузовъ. Наше движеніе вправо заставило бы русскихъ очистить позицію, извѣстную за чрезвычайно сильную, или по крайней мѣрѣ вынудило бы ихъ выйти изъ укрѣпленій и дѣйствовать въ облическомъ порядкѣ, наиболѣе трудномъ для войска менѣе искуснаго въ маневрированіи. Движеніе арміи нашей, произведенное на слѣдующій день послѣ сраженія въ этомъ направленіи, утвердило меня еще болѣе въ моемъ предположеніи. Нечего было опасаться, чтобы противникъ совершенно отказался принять бой для защиты святынь своей столицы. Я проигралъ пари, утверждая, что сраженія не будетъ подъ Можайскомъ, и рѣшительно обязанъ этимъ Наполеону».

Digitized by Google

V.

Барклай де Толли и Кутузовъ въ положеніи главнокомандующаго русской арміей.—Сужденіе Сангушки о полякахъ.—Наполеонъ передъ Москвою.—Значеніе Московскаго пожара.—Сабля Опалинскаго.—Грабежъ дворцовой церкви.—Отношеніе Наполеона къ полякамъ.—Смоленскій бюллетень.—Усыпленіе Наполеона въ Москвѣ.—Причина гибели французской арміи не занятіе Москвы, а продолжительное въ ней пребываніе.—Опасное положеніе Мюрата.—Впечатлѣніе, произведенное на Наполеона извѣстіемъ о сраженіи при Тарутинѣ.

Наступленіе французской арміи отъ Можайска продолжалось съ тѣми же постоянными лишеніями, которыя сопровождали ее при началѣ движенія. Попутныя селенія были обращены въ пепелъ. По временамъ встрѣчались болѣе ужасныя зрѣлища—обгорѣлые трупы людей, которые подъ вліяніемъ утомленія отъ ранъ или холодныхъ ночей искали крова и погибли отъ огня по неосторожности,

Кутузовъ съ самаго вступленія въ командованіе русской арміей дѣйствовалъ благоразумно. Хотя въ этомъ отношеніи нельзя было сдѣлать никакого упрека Барклаю, но довѣріе, которымъ издавна пользовался у русскихъ Кутузовъ, давало ему полное господство надъ умами солдатъ. Барклай, напримѣръ, не могъ бы уступить Москвы безъ еще одной послѣдней битвы, которая несомнѣнно принесла бы много зла для Россіи.

Съ высотъ къ западу отъ Москвы французамъ неожиданно открылась древняя столица царей. Видъ ея восхитилъ поляковъ, имѣвшихъ въ то время основаніе надѣяться, что занятіе Москвы будетъ имѣть результатомъ возстановленіе ихъ родины. «Иначе судила судьба,—говоритъ Сунгушко,—она не измѣнила своего постояннаго сокровеннаго пути. Раздоры, нежеланіе повиноваться, постыдное стремленіе стоять выше закона и отсутствіе здраваго смысла дѣлаютъ насъ неспособными къ управленію собою безъ желѣзной руки, которою едва ли рѣшился бы быть соотечественникъ въ виду частыхъ примѣровъ, представляемыхъ прошлымъ. Однако, подобно тому, какъ и въ природѣ всякія уродливости имѣютъ свой конецъ, можно надѣяться, что и у насъ наконецъ скоро откроются глаза. Родина, погруженная, благодаря нерадивости нашихъ предковъ, въ бездну бѣдствій, можетъ быть, и будетъ выведена изъ этого состоянія только при томъ условіи, если изъ нашего характера исчезнутъ несчастное легкомысліе и ложное тщеславіе, выражающееся подражаніемъ чужимъ народамъ».

Когда Наполеонъ остановился на мѣстѣ, откуда открывалась Москва, на лицѣ его можно было замѣтить тайную радость, соединенную съ безпокойствомъ, потому что, пронизывая взоромъ предмѣстье, онъ не видѣлъ депутаціи, являвшейся обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ. Въ нетерпѣніи онъ разослалъ одного за дру-

Digitized by Google

гимъ окружавшихъ его поляковъ, не высказавъ имъ, однако, но давъ понять, чего онъ ожидаетъ [1]).

Литовскій генералъ Моравскій привелъ толпу пропоицъ и нищихъ, которыхъ Наполеонъ прогналъ, разбранивши его. Сангушко прихватилъ какого-то провинціальнаго чиновника изъ арміи Багратіона и при представленіи его не былъ счастливѣе. Сцена продолжалась отъ второго часа по полудни до наступленія сумерекъ. Наконецъ, Наполеонъ спустился въ лежавшее у ногъ его предмѣстье. Сангушко не былъ свидѣтелемъ конца сцены, потому что императоръ приказалъ ему съ пятнадцатью уланами захватить магазины, находившіеся у калужскихъ воротъ. Пройдя вдоль города, Сангушко исполнилъ полученное приказаніе, но, будучи окруженъ партіями драгунъ и казаковъ, пробился только съ восемью человѣками.

Пожаръ Москвы и отсутствіе покорности со стороны города, вызвавшее гнѣвъ Наполеона, составляетъ заслугу жителей, если только послѣднее не было дѣломъ случая, вслѣдствіе бѣгства населенія. Пребываніе въ Москвѣ болѣе всего разстроило французовъ, потому что сохранить порядокъ въ еще дымившихся развалинахъ даже при желаніи было невозможно. Менѣе подверглась разстройству гвардія, занимавшая казармы въ Кремлѣ. Императоръ въ непреодолимомъ упрямствѣ допустилъ всевозможныя своевольства, не принявъ въ соображеніе, что этимъ онъ болѣе вредитъ самому себѣ, нежели кому другому.

Сангушко относится поэтому съ похвалою къ подвигу Ростопчина, считая его виновникомъ московскаго пожара. Онъ предполагаетъ, однако, что въ намѣренія московскаго генералъ-губернатора не входило сжечь городъ настолько, насколько онъ выгорѣлъ въ дѣйствительности. Сильный вѣтеръ, срывавшій крыши и продолжавшійся три дня, несомнѣнно увеличилъ размѣры пожара.

Огонь начался съ лавокъ, гдѣ имѣлись огромные запасы всевозможныхъ товаровъ, которые нельзя было увезти и которые могли быть полезны французамъ во всѣхъ отношеніяхъ. Вся эта часть города была населена иностранцами и ремесленниками, которымъ нельзя было вполнѣ довѣрять или требовать отъ нихъ, чтобы они жертвовали работой, добровольно покидали свое имущество и уничтожали продовольствіе, которое должно было сдѣлаться при этихъ условіяхъ добычей французовъ. «Свидѣтельствую по собственному опыту,—пишетъ Сангушко,—что сожженіе Москвы было не напраснымъ шагомъ. При всемъ стараніи, въ теченіе семи недѣль я не могъ достать себѣ пары сапогъ, безусловно мнѣ необходимыхъ.

[1]) «Императоръ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ожидалъ ключей города,—пишетъ Денье,—съ нетерпѣніемъ тѣмъ болѣе понятнымъ, что за часъ прибытія къ воротамъ Москвы онъ подозвалъ генералъ-адъютанта графа Дюронеля и сказалъ ему: «Отправляйтесь въ городъ, установите порядокъ и соберите депутацію для поднесенія мнѣ ключей».

Digitized by Google

Употреблены были всѣ мѣры для тушенія пожара, который былъ невыгоденъ для вступившей въ городъ арміи. Магазиновъ дѣйствительно не было вовсе, и я нашелъ въ томъ, который былъ подъ калужскими воротами, едва нѣсколько десятковъ корцовъ хлѣба. Хлѣбъ, а въ особенности овесъ, былъ рѣдокъ уже вскорѣ послѣ нашего вступленія въ Москву».

Потери большой цѣны воспламеняютъ людей и увлекаютъ сердца ихъ къ мщенію и возмездію. Окрестные поселяне, видя разореніе священной для нихъ столицы и приписывая пожаръ ея врагамъ, а также несчастные горожане, скрывавшіеся по близости, подали первый примѣръ нападенія на французовъ и захвата ихъ въ плѣнъ. До этихъ поръ даже фурлейты и денщики производили фуражировки безъ прикрытія и безъ оружія, никогда не подвергаясь нападеніямъ. Первая попытка подобнаго рода со стороны крестьянъ причинила весьма значительныя потери.

Замыселъ Ростопчина могъ, кромѣ того, имѣть въ основаніи вѣрное соображеніе заставить противника терять драгоцѣнное время въ борьбѣ съ пожаромъ. Наполеонъ вынужденъ былъ странствовать изъ Кремля въ Петровскій дворецъ и обратно и въ теченіе нѣсколькихъ дней не имѣлъ квартиры въ городѣ, что должно было оказать значительное вліяніе на ходъ дѣла (если бы онъ занимался имъ, какъ слѣдуетъ, прибавляетъ Сангушко). Никто изъ командируемыхъ не могъ получить точныхъ свѣдѣній относительно своей команды. Сангушко, едва спасшись отъ огня, въ теченіе пяти дней тщетно розыскивалъ своихъ людей, которые затерялись въ общемъ безпорядкѣ.

Кремлевскій дворецъ и церковь показались Сангушкѣ пострадавшими отъ грабежа еще до вступленія французовъ, можетъ быть, потому, замѣчаетъ онъ, что предполагалось, что въ нихъ будетъ жить Наполеонъ. Арсеналъ былъ разграбленъ, и оружіе, казавшееся испорченнымъ, было выброшено въ окна. Куча его лежала на маленькой улицѣ, которая вела ко дворцу. Генералъ Сулковскій и адъютанты князя Понятовскаго, Бжостовскій и Свейковскій, проѣзжая по этой улицѣ, обратили вниманіе на палашъ, лежавшій вмѣстѣ съ другимъ оружіемъ. Свейковскій поднялъ заржавѣвшую саблю, возлѣ которой находились старинныя ножны, и поляки съ удивленіемъ увидѣли вырѣзанные на саблѣ 1606 годъ, гербъ и фамилію Опалинскаго, павшаго при оборонѣ Кремля. Неожиданно пріобрѣтенная драгоцѣнность была поднесена князю Понятовскому, который принялъ подарокъ въ надеждѣ сдѣлать его національнымъ достояніемъ.

Во время пребыванія въ Москвѣ Сангушко находился при Наполеонѣ, когда была ограблена дворцовая церковь. Непріятно было даже присутствовать при этомъ ужасномъ зрѣлищѣ,— пишетъ онъ.— Императоръ осматривалъ принадлежности и вещи, имѣвшія большую цѣнность, спрашивая при этомъ Бертье, не ошибается ли онъ въ

Digitized by Google

ихъ стоимости. Затѣмъ по указанію императора вещи складывались въ кучи и предназначались къ отправкѣ въ Парижъ. Сангушко отдаетъ справедливость присутствовавшему при этомъ генералу Мутону, который былъ въ отчаяніи отъ распоряженій Наполеона.

Первая недѣля пребыванія въ Москвѣ ушла у Сангушки на охраненіе себя отъ огня и отъ своевольства солдатъ, а также въ поискахъ квартиръ, такъ какъ, благодаря пожару, приходилось переноситься ежедневно. Изгоняемый нѣсколько разъ огнемъ, Сангушко выбралъ жилищемъ уединенный домъ, окруженный садами въ отдаленной мѣстности, предпочитая подвергнуться нѣкоторому риску нападенія, нежели запаху гари отъ пожаровъ и ужаснымъ зрѣлищамъ, попадавшимся на каждомъ шагу въ предѣлахъ города. Сангушкѣ удалось прожить спокойно въ избранномъ имъ жилищѣ съ нѣсколькими семьями, принятыми имъ подъ покровительство, и которыхъ онъ кормилъ до самаго выѣзда мукой и крупой, спасенными изъ огня.

Охлажденіе Наполеона къ полякамъ и польскому дѣлу было замѣчено Сангушкою уже въ Витебскѣ. Польша тяготила императора, и Сангушко свидѣтельствуетъ, что отношенія его къ полякамъ совершенно утратили прежній благосклонный характеръ. Въ подтвержденіе этого онъ приводитъ слѣдующее.

Подъ Вязьмой подскакалъ къ Наполеону съ донесеніемъ офицеръ польской гвардіи. Выслушавъ приказаніе императора, онъ повернулся кругомъ и, прыгая черезъ ровъ, по неловкости упалъ съ коня. Наполеонъ вышелъ изъ себя и, изливъ свое неудовольствіе противъ упавшаго, перешелъ вообще къ полякамъ, говоря: «что они не тѣ люди, которые могли бы управлять собою, что они до сумасбродства преданы страстямъ» и т. п. Онъ говорилъ, что ему приходило на языкъ, и, когда порядочно отдѣлалъ поляковъ, Сангушко вышелъ изъ свиты, окружавшей императора, и съ почтительнымъ поклономъ доложилъ, что упавшій офицеръ, хотя и служитъ въ польской гвардіи, французъ по фамиліи Ля Рохэ. Наполеонъ грубо разсмѣялся и, желая остаться правымъ, сказалъ, что «онъ видитъ, что сукно дѣлаетъ монаха», «но не ѣздока, ваше величество», отвѣтилъ Сангушко.

Находясь почти постоянно во дворцѣ, Сангушко не могъ не обратить вниманія на то, что въ прежнее время императоръ на ежедневной аудіенціи какимъ либо словомъ или знакомъ отличалъ каждаго поляка, состоявшаго при его особѣ. За все же время пребыванія въ Москвѣ Сангушко не замѣтилъ, чтобы онъ обратился къ кому либо изъ его соотечественниковъ. Одинъ изъ послѣднихъ, Александръ Ружнецкій, получивъ аудіенцію при отъѣздѣ изъ Москвы, повидимому, былъ принятъ весьма сухо, потому что вышелъ отъ императора сильно смущеннымъ.

Въ Москвѣ Сангушкѣ впервые попался Смоленскій бюллетень.

Digitized by Google

Прочитавъ его, онъ былъ жестоко оскорбленъ выраженіемъ бюллетеня: «Русскіе, привыкнувъ пренебрегать поляками, были удивлены, встрѣтивъ въ нихъ столько отваги». Кромѣ умышленнаго оскорбленія, Сангушко усмотрѣлъ въ этихъ словахъ со стороны Наполеона коварную цѣль, льстя Россіи и принося ей въ жертву Польшу, облегчить заключеніе мира. Прочитавъ «Монитеръ» передъ самымъ обѣдомъ, онъ, сдерживая негодованіе, сѣлъ за столъ. Его разстроенный видъ бросился въ глаза окружавшимъ, и на него посыпались вопросы о причинѣ его унынія. Сангушко сначала отмалчивался, но наконецъ не выдержалъ и высказался въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ по поводу статьи «Монитера». Сидѣвшіе по сторонамъ его Сегюръ и Тюреннъ, предполагая, что онъ не знаетъ, что авторъ бюллетеня Наполеонъ, изъ доброжелательства оба ущипнули его. Маршалъ Дюрокъ поспѣшилъ замять разговоръ» [1]).

Видя, что интересы Польши отошли на послѣдній планъ, Сангушко утѣшался тѣмъ, что заключеніе мира представлялось сомнительнымъ. Онъ даже желалъ, чтобы какая нибудь неудача снова сдѣлала поляковъ нужными. «Но я не могъ предугадать, пишетъ онъ, что великій итальянецъ настолько поглупѣетъ и опустится, что не приметъ въ соображеніе важнѣйшихъ потребностей для существованія предводительствуемой имъ арміи и суровыхъ условій климата, и дѣла Польши окажутся въ худшемъ видѣ, нежели это можно было ожидать въ случаѣ заключенія мира».

Сангушко былъ знакомъ съ барономъ д'Альбъ, котораго онъ характеризуетъ, какъ прямую и хорошую личность. Д'Альбъ служилъ при Наполеонѣ съ начала его карьеры и во всякое время имѣлъ доступъ въ кабинетъ императора. Однажды, въ Москвѣ, Сангушко навѣстилъ д'Альба, чувствовавшаго себя больнымъ, и тотъ въ откровенномъ разговорѣ высказалъ опасеніе за здоровье и образъ мыслей императора, который только около 9 часовъ утра показывается двору, а остальное время, уже пятнадцать дней, проводитъ въ бездѣятельности (какъ бы въ летаргіи), и его не пробуждаютъ изъ усыпленія даже почты, прибывающія изъ Парижа.

Нѣсколько дней спустя послѣ вступленія въ Москву, Сангушко, возвращаясь ночью домой, среди зарева пожаровъ, безпрерывно отражавшихся на небѣ, различилъ сѣверное сіяніе. Вскорѣ послѣ этого генералъ-интендантъ Дарю обратился къ нему, какъ болѣе знакомому съ климатомъ, съ вопросомъ, что онъ думаетъ о погодѣ, которая начала портиться. Сангушко, зная, что сѣверное сіяніе служитъ всегда предвѣстникомъ хорошей погоды, утверждалъ, что она простоитъ въ теченіе цѣлаго оборота луны, и объяснилъ, на чемъ

---

[1]) По мнѣнію Сегюра, Наполеонъ умышленно употребилъ въ бюллетенѣ оскорбительное выраженіе съ цѣлью вызвать негодованіе поляковъ, разсчитывая, что результаты этого негодованія должны были пасть на русскихъ.

Digitized by Google

онъ основываетъ свое заключеніе. Дарю переспросилъ, можетъ ли положиться на его свѣдѣнія императоръ, котораго надлежало въ такомъ случаѣ объ этомъ увѣдомить. Сангушко, имѣя въ виду выйти изъ мышеловки, въ которую попала французская армія, ручался головою за вѣрность своего предсказанія. Дѣйствительность превзошла его ожиданія—наступила отличная погода и простояла непрерывно въ теченіе семи недѣль.

Желаніе Наполеона заключить миръ устранило, однако, вѣрное средство къ спасенію—возможно быстрое очищеніе Москвы. По мнѣнію Сангушки, не занятіе этой столицы погубило французскую армію, а слишкомъ долгое въ ней пребываніе [1]). Если бы Наполеонъ, пишетъ Сангушко, остался въ Москвѣ только двѣ недѣли и притомъ принялъ мѣры для сохраненія въ войскахъ дисциплины, онъ могъ отойти назадъ или черезъ Украйну, разбивъ по пути Чичагова, или же сѣвернымъ направленіемъ, захвативъ въ плѣнъ Витгенштейна и Ростопчина (?), изъ которыхъ противъ послѣдняго императоръ былъ особенно раздраженъ. Мюратъ, выдвинутый на сто слишкомъ верстъ и имѣвшій свыше двадцати тысячъ человѣкъ, былъ бы достаточно силенъ сравнительно съ непополненной русской арміей, чтобы прикрыть отступленіе Наполеона.

Между тѣмъ Мюратъ скоро оказался въ самомъ опасномъ положеніи. Корпусъ его, составленный преимущественно изъ конницы и вынужденный прибѣгать къ фуражировкамъ на большія разстоянія, ослабѣвалъ съ каждымъ днемъ; люди и лошади терпѣли голодъ и лишенія. Въ то же время армія Кутузова быстро усиливалась. Молодецкая храбрость Мюрата, умѣстная при борьбѣ одинъ на одинъ, принесла здѣсь только вредъ, потому что онъ въ ослѣпленіи продолжалъ стоять на мѣстѣ, ручаясь Наполеону за свою безопасность и по недоразумѣнію увѣровавъ въ перемиріе, на которое не согласился Кутузовъ.

Противники находились въ столь маломъ удаленіи другъ отъ друга, что было видно каждое движеніе французовъ въ ихъ шалашахъ. 18 октября, было произведено нечаянное нападеніе на французскій лагерь въ ту минуту, когда одни отправлялись на фуражировку, другіе на водопой. Мюратъ былъ опрокинутъ, и остается только удивляться, что онъ не былъ взятъ въ плѣнъ.

Извѣстіе о понесенной неудачѣ быстро достигло Наполеона, и

---

[1]) Опасность промедленія въ Москвѣ сознавалась многими еще во время пребыванія французской арміи въ столицѣ. Леженъ приводитъ слова генерала Гоксо: «это должно насъ привести скоро къ оборонѣ Парижа».—«Многіе генералы, пишетъ Плана (Vie de Planat de la Faye), называли императора сумасшедшимъ и говорили, что онъ погубитъ всѣхъ до послѣдняго человѣка. Самые оскорбительные отзывы объ императорѣ исходили изъ штаба принца Нейшательскаго. Императоръ зналъ объ этомъ, почему онъ и не любилъ этотъ штабъ, пополняемый Бертье главнымъ образомъ изъ С.-Жерменскаго предмѣстья».

Digitized by Google

онъ убѣдился, что надежда на миръ его обманула. «Нуженъ рѣзецъ Гомера и творческій его талантъ, пишетъ Сангушко, чтобы представить себѣ вполнѣ Наполеона въ эту минуту. Внезапное его появленіе изъ глубины императорскихъ покоевъ съ измѣнившимся лицомъ и неожиданное обращеніе ко мнѣ, когда я съ глазу на глазъ встрѣтился съ нимъ въ передней, поразили меня, подобно встрѣчѣ съ сумасшедшимъ. Два раза видѣлъ я Наполеона замѣтно обнаружившимъ тревогу—въ этотъ разъ и въ Толочинѣ» [1]).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

В. Харкевичъ.

[1]) Имѣются многочисленныя свидѣтельства, что извѣстіе о боѣ подъ Тарутинымъ было получено Наполеономъ въ то время, когда онъ производилъ въ Кремлѣ смотръ корпусу Нея. Донесеніе о неудачѣ было привезено адъютантомъ Мюрата Беранже. Императоръ былъ видимо озабоченъ полученнымъ извѣстіемъ и сократилъ смотръ.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Русскія иллюстрированныя изданія XVIII и XIX столѣтій. В. А. Верещагинъ. Спб. 1898.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ опытъ г. Верещагина о книжной иллюстраціи обнимаетъ время съ 1820 по 1870 г. и напечатанъ въ ограниченномъ количествѣ (425 экз.). Слѣдуетъ сказать, что до сихъ поръ въ трудахъ библіографовъ и въ каталогахъ книгопродавцевъ почти совсѣмъ не упоминается, при обозначеніи книгъ, о томъ, находятся ли въ нихъ иллюстраціи и какія именно. «Единственнымъ пособіемъ для собирателей русскихъ иллюстрированныхъ изданій,—говоритъ г. Верещагинъ,—можетъ считаться превосходный трудъ Ровинскаго «Словарь русскихъ граверовъ». Но свѣдѣнія о книжной иллюстраціи занимаютъ въ «Словарѣ» второстепенное мѣсто, такъ какъ Ровинскій интересовался исключительно граверами, то-есть исполнителями, а не художниками, создавшими исполняемые рисунки, что собственно для собирателя иллюстрированныхъ книгъ не можетъ быть признано достаточнымъ. Съ другой стороны, даваемыя имъ свѣдѣнія касаются почти исключительно изданій съ гравюрами на мѣди. Въ задачу покойнаго ученаго не входило описаніе цѣлой области гравюры на деревѣ, стали и литографіи. Всѣ эти способы передачи

Digitized by Google

рисунка обогатили, однако же, русскую книжную иллюстрацію такими произведеніями, которыя, по своему историческому значенію и глубинѣ внутренняго содержанія, безспорно и значительно превосходятъ все то, что дала въ этомъ смыслѣ гравюра на мѣди». О своемъ собственномъ трудѣ г. Верещагинъ отзывается въ томъ смыслѣ, что собранные имъ матеріалы позволяютъ ему предложить болѣе или менѣе подробное описаніе одной тысячи русскихъ иллюстрированныхъ книгъ и изданій, начиная съ 1720 года, то-есть почти съ самаго начала появленія въ русской книгѣ гравюры свѣтскаго содержанія, и кончая шестидесятыми годами текущаго столѣтія, когда новѣйшіе способы воспроизведенія рисунка путемъ фотографіи начали мало-по-малу замѣнять гравюру, особенно въ обыкновенныхъ изданіяхъ, и у насъ, и за границей.

«Конечно, замѣчаетъ г. Верещагинъ, одной тысячью названій не можетъ быть исчерпанъ перечень русскихъ иллюстрированныхъ книгъ за этотъ длинный періодъ, да это врядъ ли и необходимо. Для любителя гораздо важнѣе имѣть въ своемъ распоряженіи описанія хотя бы тѣхъ иллюстрированныхъ изданій, которыя почему либо заслуживаютъ вниманія; описанія же громаднаго большинства такихъ изданій нашли себѣ мѣсто въ настоящемъ сборникѣ. Описанія книгъ и изданій состоятъ изъ перечисленія находящихся въ книгѣ гравюръ, съ поименованіемъ именъ художниковъ и граверовъ и, по возможности, краткимъ обозначеніемъ сюжетовъ гравюръ. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ книгъ снабжены указаніями на ихъ исключительную рѣдкость, на существовавшія прежде на нихъ цѣны, на тѣ или другія особенности ихъ изданія и тому подобными свѣдѣніями, которыхъ, къ сожалѣнію, удалось собрать далеко не въ желаемомъ количествѣ».

Недостатки эти вполнѣ извинительны, потому что добываніе свѣдѣній объ иллюстрированной литературѣ крайне у насъ затруднено.

Но имѣется въ этомъ дѣлѣ вина и самого г. Верещагина. Помѣщая въ свой каталогъ книги, которыми пользовался Д. А. Ровинскій при составленіи «Словаря русскихъ гравированныхъ портретовъ», г. Верещагинъ не имѣлъ подъ руками критическихъ замѣчаній о «Словарѣ» Ровинскаго, сдѣланныхъ въ «Русскомъ Художественномъ Архивѣ» И. Остроглазовымъ. Поэтому ошибки г. Ровинскаго о художественной старинѣ вошли и въ трудъ г. Верещагина. Затѣмъ уже бѣдность книжной иллюстраціи въ Россіи, конечно, не зависитъ отъ составителя руководства къ ней, но обусловлена исторіей литературы и живописи. Поэтому и г. Верещагинъ вполнѣ правъ, говоря: «такъ какъ литература и живопись развились и получили у насъ самостоятельное національное значеніе только въ самое послѣднее время, то и книжная иллюстрація могла развиться только сравнительно весьма недавно и успѣла дать лишь весьма незначительное число произведеній самобытныхъ, художественныхъ и типичныхъ.

Авторъ намѣчаетъ въ русской иллюстраціи четыре важныхъ періода: первый изъ этихъ періодовъ, съ середины XVI вѣка до временъ Петра I, благодаря исключительному господству во всѣхъ сферахъ общественной жизни интересовъ и вліянія церкви, характеризуется преобладаніемъ въ русской иллюстрированной книгѣ гравюры духовнаго содержанія. Эти гравюры были

Digitized by Google

рѣзаны преимущественно на деревѣ (первая гравюра на мѣди появились въ русской книгѣ въ 1647 году), и, въ виду, съ одной стороны, узкихъ предѣловъ религіозныхъ требованій, съ другой — отсутствія хорошихъ рисовальщиковъ и граверовъ, была однообразна и скудна по содержанію и исполненію. Съ начала XVIII вѣка подъ вліяніемъ петровскихъ реформъ и появленія граверовъ на мѣди, въ русской иллюстрированной книгѣ появляется гравюра на мѣди, которая сперва начинаетъ украшать собой книги по разнымъ отрослямъ прикладныхъ знаній, а потомъ — разныя офиціальныя изданія, то-есть тѣ почти единственныя произведенія печатнаго слова, которыя пользовались въ то время извѣстнымъ распространеніемъ. При этомъ, въ виду той второстепенной роли, которую играли въ общественной жизни доброй половины XVIII столѣтія литература и живопись, изъ этой же роли и за все это время не выходила и книжная гравюра. Вѣкъ Екатерины былъ переходнымъ временемъ для нашей книжной иллюстраціи. Просвѣтительная дѣятельность императрицы и ея современниковъ, покровительство, оказываемое литераторамъ, и появленіе частной издательской дѣятельности дали сильный толчекъ развитію русскаго книжнаго дѣла. Съ этихъ поръ гравюра начинаетъ украшать собою, кромѣ офиціальныхъ изданій, и произведенія изящной словесности, и, наконецъ, въ началѣ XIX столѣтія, главнымъ образомъ, благодаря распространенію литературы среди широкой публики, перестаетъ быть въ книгѣ тѣмъ рѣдкимъ исключеніемъ, какимъ она была прежде, и вступаетъ въ третій періодъ своего развитія. При этомъ, продолжая оставаться въ полной зависимости отъ направленія и содержанія отечественной живописи и заимствуя у ней и форму, и сущность, гравюра пріобрѣтаетъ всѣ ея отличительныя черты и особенности: строгость рисунка и условность содержанія. Начало четвертаго періода историческаго развитія нашей книжной иллюстраціи совпадаетъ съ началомъ 40-хъ годовъ. Въ это время все подъ тѣмъ же вліяніемъ и литературы и живописи, которыя успѣли уже твердо встать на національную почву, книжная иллюстрація начинаетъ тоже черпать содержаніе изъ дѣйствительной жизни и, благодаря цѣлому ряду талантливыхъ исполнителей, достигаетъ своего расцвѣта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе появленія новыхъ способовъ воспроизведенія рисунка, она становится разнообразнѣе. Въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, кромѣ гравюры на деревѣ, снова замѣнившей къ этому времени гравюру на мѣди, появляются гравюры на сгали и литографія. Наконецъ, съ начала 1870-хъ годовъ наша книжная иллюстрація вступаетъ въ свой послѣдній фазисъ, въ которомъ она находится и понынѣ. Съ этихъ поръ гравюра замѣняется, почти вездѣ, разными другими способами воспроизведенія рисунка, путемъ фотографіи, какъ-то: фототипіею, цинкографіею, фотографіею и т. п. Всѣ эти способы, передавая рисунокъ художника съ такою точностью, до которой гравюра дойти не можетъ, да и не должна, оставаясь въ предѣлахъ самостоятельнаго искусства, а не простого ремесла, обходятся къ тому же значительно дешевле. Вотъ почему, переставъ отвѣчать нѣкоторымъ изъ цѣлей, для которыхъ она предназначена, гравюра уступаетъ и въ книгѣ свое мѣсто механическимъ способамъ воспроизведенія рисунка. Для гравюры осталась, такимъ образомъ, возможность исполнить свое послѣднее, хотя и далеко не ито-

Digitized by Google

ростепенное назначеніе, то-есть давать произведенія самостоятельнаго художественнаго творчества, въ видѣ работъ живописцевъ-граверовъ. Это въ сущности главная форма, въ которой, повидимому, возможно впредь ея дальнѣйшее развитіе, особенно въ книгѣ. Въ такомъ случаѣ единственнымъ способомъ воспроизведенія рисунка могъ бы, кажется, служить одинъ только офортъ, который наиболѣе легко, изящно и вѣрно передаетъ мельчайшіе оттѣнки мысли художника.

Съ этимъ очеркомъ г. Верещагина объ иллюстраціи охотно можно согласиться, но, собравъ въ одно руководство всѣ «Иллюстрированныя изданія XVIII и XIX столѣтій», авторъ сдѣлалъ свое руководство именно такимъ, что руководиться-то имъ и нельзя при работахъ. Оно, какъ справочная книга, совершенно безполезно. Вѣдь надобность въ названіи того или другого иллюстрированнаго изданія является только тогда, когда мы ищемъ въ немъ чей нибудь портретъ или рисунокъ; само по себѣ, по заглавіямъ книгъ, рѣдко кто заинтересуется ими: они нужны только для справокъ. Чтобы отыскать въ трудѣ г. Верещагина то именно иллюстрированное изданіе, въ которомъ имѣются для ученаго подходящіе портреты и сюжеты, нужно перелистовать каждый разъ всю книгу, перечитывать тысячу оглавленій перенумерованныхъ имъ иллюстрированныхъ книгъ, чтобы найти, наконецъ, въ которой же изъ нихъ обрѣтается искомый портретъ. Разумѣется, на такую справку не хватаетъ времени и охоты. Между тѣмъ, исправить этотъ существенный недостатокъ своего труда г. Верещагинъ могъ бы, если бы составилъ къ своей книгѣ указатель портретовъ такъ же, какъ онъ составилъ оглавленіе по заглавіямъ книгъ и оглавленіе по именамъ авторовъ, издателей и граверовъ. Все это у него имѣется, а самое главное забыто. Когда нужны справки о книгахъ, объ авторахъ и гравераxъ, то ихъ легко найти у Верещагина; но если надо вамъ справиться, есть ли въ русской литературѣ портретъ такого-то поэта или дѣятеля прошлаго времени, и гдѣ именно находится, то вы его не найдете у г. Верещагина, или должны будете читать всю его книгу и тогда только случайно нападете на знакомое вамъ имя. Вамъ хочется знать, гдѣ имѣются портреты Петра Могилы, Кочубея, Мазепы, Нарѣжнаго и т. д. Вы должны для этого перелистовать всю книгу Верещагина, перелистовать каждую его страницу, и только въ срединѣ книги узнаете, что есть трудъ П. Бекстова: «Изображеніе людей знаменитыхъ или чѣмъ нибудь замѣчательныхъ, принадлежащихъ по заслугамъ или рожденію Малороссіи», въ которомъ имѣются портреты названныхъ лицъ и т. д. Мы нарочно подробно говоримъ о существенномъ недостаткѣ въ работѣ г. Верещагина, дѣлающемъ весь его трудъ совершенно непрактичнымъ для пользованія, а между тѣмъ этотъ недостатокъ вполнѣ устранимъ: стоитъ только автору, въ дополненіе, составить подробный указатель портретовъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ XVIII и XIX столѣтій. Въ 1874 году А. Н. Неустроевъ издалъ «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ за 1703—1802 гг.», и пользоваться имъ было крайне затруднительно, пока въ настоящемъ году не появился «Указатель» къ его «Историческому розысканію». Именно такой точно алфавитный указатель портретовъ долженъ быть сдѣланъ и г. Верещагинымъ къ книжной иллю-

Digitized by Google

страціи Россіи. Тѣмъ болѣе, что Д. А. Ровинскій въ своемъ извѣстномъ трудѣ разобралъ массу портретовъ и картинокъ; описалъ ихъ, привелъ въ порядокъ и, какъ замѣчаетъ И. Остроглазовъ: «указалъ каждаго портрета художественное и историческое значеніе, создалъ стройную систему, образовалъ особую область вѣдѣнія». Съ изданіемъ такого «указателя» портретовъ и картинъ, книга г. Верещагина сдѣлается чрезвычайно полезнымъ трудомъ для справокъ и пользованія иллюстрированной литературой.

А. Фаресовъ.

Изданіе О. Н. Поповой. „Финляндія“ подъ редакціей Д. Протопопова, при участіи И. Андреева, В. Вейлина, Г. В., А. Гронфельта, О. Грунстрема, Clericus, К. Лейно, Neuter, Д. Протопопова, В. Скалона, І. Тикконена, г-жи Т. Хультинъ, Т. Фирселя, г-жи Фрибергъ и Э. Эркко. Спб. 1898.

Давая лѣтъ семь тому назадъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» отзывъ о книгѣ покойнаго нынѣ Ордина «Покореніе Финляндіи», я рядомъ съ недостатками этого обширнаго труда отмѣтилъ и то его достоинство, что здѣсь впервые русскіе читатели получили возможность хоть нѣсколько ознакомиться съ культурными особенностями небольшой страны по ту сторону Сестры рѣки, о коихъ до тѣхъ поръ въ нашей повременной печати ходили самые разнорѣчивые и смутные толки. Но цѣль книги г. Ордина была политическая, проистекавшая при томъ изъ злого источника—желанія унизить одинъ маленькій, покоренный народъ за счетъ сильнаго и могущественнаго его покорителя, благодаря чему я и окрестилъ всю книгу кличкой «злой книги», названіемъ, отъ котораго не отрекаюсь и понынѣ. Политическій элементъ въ работахъ научнаго характера всегда вноситъ начала тенденціозности, обусловленныя какъ свойствомъ литературной дѣятельности того, чьему перу принадлежитъ работа, такъ и тою цѣлью, ради которой она написана. Г. Ординъ, намѣтивъ себѣ главною задачей обличеніе дѣятельности финляндскихъ патріотовъ, въ значительной степени свелъ значеніе своей исторической работы къ политическому памфлету, роль котораго въ литературѣ общаго вопроса о Финляндіи должна была быть боевою, бьющею врага не на животъ, а на смерть. Въ аналогичное отношеніе иной лишь окраски къ тому же вопросу о Финляндіи сталъ редакторъ вышедшей нынѣ въ изданіи О. Н. Поповой книги, заглавіе которой приведено выше. Г. Протопоповъ, а еще болѣе главный его сотрудникъ В. Скалонъ, не остались также чужды начала тенденціозности и попытались, такъ сказать, создать русскими руками реваншъ покойному автору «Покоренія Финляндіи». Предстояла ли въ этомъ насущная надобность для нашихъ дней, сомнѣваюсь; во всякомъ случаѣ, ставъ въ нѣсколько воинственную позицію, они оказали дѣлу культурнаго сближенія Россіи и Финляндіи слабую услугу, когда вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ распоряженіи были болѣе сильныя средства и орудія. Эта сила заключалась именно въ возможности, обходя больныя и щекотливыя стороны политическихъ взаимоотношеній двухъ народовъ, на основаніи богатѣйшаго бывшаго въ ихъ распоряженіи матеріала представить исключительно культур-

Digitized by Google

ный расцвѣтъ симпатичной русской окраины, наблюдая жизнь которой невольно приходишь въ умиленіе передъ массою труда, затратою духовныхъ силъ и любовью къ просвѣщенію, вложенными финнами въ современную жизнь ихъ родины. Заручившись рядомъ цѣнныхъ сотрудниковъ изъ числа финляндской интеллигенціи, редакторъ книги далъ здѣсь богатѣйшія свѣдѣнія о жизни маленькаго трудолюбиваго народа, нарисовалъ намъ такую картину культурнаго роста страны, что, ознакомившись съ этими данными, врядъ ли у кого, въ чьемъ сердцѣ сохранилась только любовь къ человѣчеству, шевельнется иное чувство, какъ только глубокаго уваженія къ нашимъ сосѣдямъ и желанія, чтобы условія культурнаго существованія, приведшія ихъ къ нынѣшнему состоянію и благоденствію, оставались незыблемыми на вѣчныя времена. Законодательство, судъ и управленіе, финансы, промышленность и торговля, сельское хозяйство, сельскій бытъ, общественная жизнь, періодическая печать, народное образованіе на его низшихъ, среднихъ и высшихъ ступеняхъ, наука, литература и искусство, благотворительность и борьба съ порочными наклонностями — вотъ страницы жизни сосѣдняго съ нами народа, которыя, нарисованныя свѣдущими лицами, вызываютъ, можно сказать, удивленіе. Всѣ эти стороны народной жизни, которыя и исчерпываютъ собою главнымъ образомъ суть современной жизни народовъ, представлены въ книгѣ «Финляндія» отдѣльными главами, гдѣ предметъ изложенъ въ современномъ его состояніи и историческомъ развитіи. Статистическій матеріалъ, спеціальная номенклатура не давятъ читателей, изложеніе ведется просто, ровно и спокойно, безъ отступленій въ сторону риторической морали, общихъ вопросовъ и широкихъ обобщеній; масса приложенныхъ фототипій, почерпающихъ свое содержаніе изъ общественной жизни народа, прекрасно дополняетъ и освѣщаетъ то, о чемъ идетъ рѣчь на страницахъ текста. Если принять во вниманіе вдобавокъ къ этому выпуклость цѣнныхъ результатовъ работы финскаго духа, изображенныхъ въ книгѣ «Финляндія», то значеніе послѣдней для русскихъ читателей и для самого финляндскаго вопроса, въ культурной постановкѣ котораго желательно его видѣть въ нашей печати, пріобрѣтаетъ особенную цѣнность, особенную поучительность. Оставаясь въ этихъ предѣлахъ, при строгомъ соблюденіи общей программы, безъ отступленій въ сторону больныхъ политическихъ вопросовъ, изданіе г-жи Поповой, какъ я уже сказалъ, могло бы сослужить и русскимъ и финнамъ добрую службу. Первые имѣли бы передъ собою поучительные примѣры подражанія для своего отечества, для своего народа; вторые пріобрѣтали бы обширное число друзей и поклонниковъ, добрыя чувства которыхъ во всякомъ случаѣ имъ могутъ въ настоящемъ и будущемъ пригодиться. Теперь же, когда книга, можетъ быть, и противъ воли редактора и сотрудниковъ, пріобрѣтаетъ какъ бы характеръ политическаго реванша за трудъ Ордина, я боюсь, она произведетъ въ нѣкоторыхъ кругахъ обратное дѣйствіе. Густыя краски, наложенныя на нѣкоторыя страницы, когда идетъ рѣчь о государственномъ значеніи Финляндіи и ея политическомъ отношеніи къ Россіи, могутъ вызвать раздраженіе и озлобленіе пылкихъ патріотовъ нашей печати. Отсюда, какъ логическое слѣдствіе, новая трепка финляндскаго вопроса, новая словесная война, послѣдствія которой бываютъ если не кровопролитны, то во всякомъ

Digitized by Google

случаѣ и не на пользу тѣхъ, во имя которыхъ подъята вся брань, во имя которыхъ выдвинуты рессурсы агитаціи. Я думаю, что политическій элементъ въ книгѣ о Финляндіи явился здѣсь продуктомъ недостаточной обдуманности, недостаточной общественной опытности. Намѣренія несомнѣнно были добрыя, но, вѣдь, не всегда же во всякомъ дѣлѣ можно дѣйствовать на распашку— иногда эта распашка можетъ погубить и самое дѣло, которому служишь. Бываютъ времена, когда кое о чемъ полезно и не договаривать, полезно и помолчать; правда, это лишаетъ говорящаго нѣкоторой торжественности и эффектности, срывающихъ ему кое-какіе аплодисменты, но смущаться этимъ могутъ лишь слабые и недальновидные. Вѣдь важны не аплодисменты друзей и единомышленниковъ, а то, на защиту чего ты всталъ на общественную каѳедру.

В. Глинскій.

Христіанство и Римская имперія отъ Нерона до Ѳеодосія. Сочиненіе Поля Алляра. Спб. 1898.

Исторія первыхъ вѣковъ христіанства полна самаго глубокаго научнаго интереса по своей необыкновенной исключительности въ общемірової жизни, какъ эпоха борьбы одряхлѣвшаго древне-классическаго міра съ новою религіей, принесшей въ среду человѣчества новыя начала жизни личной и общественной, возвѣстившей новыя заповѣди касательно всего соціальнаго строя и окончательно и всесторонне возродившей древній языческій міръ для жизни лучшей, христіанской. Поэтому историческая наука, иностранная и русская, съ особымъ вниманіемъ занималась разработкой этой любопытной эпохи, извѣстной въ наукѣ подъ именемъ эпохи гоненій, и достигла, можно сказать, довольно крупнаго успѣха въ этой своей части. Изъ русскихъ сочиненій достаточно указать на весьма солидный трудъ профессора А. П. Лебедева «Эпоха гоненій на христіанъ» (см. «Историческій Вѣстникъ», 1897 г.), отличающійся большими ученолитературными достоинствами. Къ труду русскаго автора близко примыкаетъ по своимъ достоинствамъ и отмѣченное выше сочиненіе французскаго ученаго Поля Алляра, напечатанное въ русскомъ переводѣ Синодальной типографіей. Книга Алляра обнимаетъ собою первые четыре вѣка христіанства, т. е. его исторію съ того дня, когда христіанство въ первый разъ появилось въ Римской имперіи, и до того времени, когда оно сдѣлалось въ ней единственною, признаваемою закономъ, религіею. Въ теченіе первыхъ трехсотъ лѣтъ христіанство защищаетъ себя противъ язычества, поддерживаемаго императорскою властью; въ продолженіе четвертаго столѣтія оно пользуется тою же силою для ниспроверженія идолопоклонства. Здѣсь, за два неравные періода времени, происходитъ полная перемѣна положенія, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что христіанство было преслѣдуемо до пролитія крови включительно, а язычество исчезло частью вслѣдствіе убѣжденія, частью по силѣ законовъ, причемъ его приверженцы не подвергались гоненіямъ. Впрочемъ, сочиненіе Алляра, при очень ограниченныхъ размѣрахъ, не пытается изложить въ соотвѣтствующемъ объемѣ столь пространную исторію, для чего понадобилось бы нѣсколько томовъ, но оно имѣетъ цѣлью представить возможно точно тѣ результаты, которые счи-

Digitized by Google

таются окончательно добытыми исторической наукою относительно этихъ обоихъ предметовъ.

Свою задачу книга Алляра выполняетъ въ восьми главахъ слѣдующаго содержанія. Въ первой главѣ (стр. 1—26) рѣчь идетъ объ отношеніи къ христіанамъ римскихъ императоровъ перваго вѣка. Въ частности здѣсь сперва уясняются религіозныя вѣрованія римлянъ, а затѣмъ описываются гоненія противъ христіанъ при Неронѣ и Домиціанѣ. Необычайныя жестокости и ужасы этихъ гоненій достаточно извѣстны. Вторая глава (стр. 27—64) изображаетъ положеніе христіанства въ Римской имперіи во времена Антониновъ. Императоры изъ династіи Антониновъ отличались высокими умственными и нравственными качествами. Въ періодъ ихъ царствованія императорская власть достигла весьма блестящей поры, а ихъ управленіе отличалось безпримѣрною до тѣхъ поръ въ цивилизованномъ мірѣ умѣренностью. Такъ, Траянъ возобновилъ древнія римскія традиціи серьезностью своей политики и послѣдовательностью своихъ начинаній; непостоянство и скептицизмъ Адріана не имѣли вліянія на его политическую дѣятельность и не препятствовали ему выполнять свои обязанности высшаго правителя; Антонинъ былъ простъ, трудолюбивъ и добръ, а съ Маркомъ Авреліемъ вступаютъ на престолъ добродѣтели философа. И христіанство въ это время выступаетъ изъ скрывавшаго его мрака и выставляетъ своихъ защитниковъ предъ правителями въ лицѣ христіанскихъ апологетовъ, которые стараются убѣдить первыхъ въ невинности и политической вѣрности христіанъ. Казалось, что сближеніе христіанства съ имперіей было подготовлено со всѣхъ сторонъ, однако его не произошло ни при одномъ изъ указанныхъ императоровъ, а изъ всѣхъ усилій и благопріятныхъ обстоятельствъ получился только одинъ результатъ: большая ясность, болѣе точныя формы уголовнаго судопроизводства въ примѣненіи къ подданнымъ, обвиненнымъ въ христіанствѣ. Эти мысли въ подробностяхъ и раскрываются во второй главѣ, причемъ въ частности уясняется смыслъ рескрипта императора Траяна, изданнаго по поводу донесенія о христіанахъ Плинія Младшаго, а также рескриптовъ Адріана и Антонина, описывается дѣятельность христіанскихъ апологетовъ и разсказывается о гоненіи на христіанъ во время Марка Аврелія. Глава третья (стр. 65—116) описываетъ взаимоотношеніе христіанской церкви и римскаго государства въ третьемъ вѣкѣ, когда христіанская община окончательно вышла изъ скрывавшаго ея успѣхи мрака и сдѣлалась довольно многочисленной. Въ виду этого измѣнилось и отношеніе къ ней представителей гражданской власти, которые стали видѣть въ христіанствѣ большую опасность для государства и беруть на себя преслѣдованіе христіанъ. Гоненіе начинается въ силу эдикта и становится всеобщимъ, хотя иногда и прерывается перемиріями. Императоръ Септимій Северъ положилъ начало этому гоненію, издавши въ 202 году эдиктъ, запрещающій переходъ изъ язычества въ христіанскую вѣру. При слѣдующихъ императорахъ третьяго вѣка гоненія то вновь воздвигались (при Каракаллѣ, Максиминѣ, Деціи, Валеріанѣ, Клавдіи, Авреліанѣ), то прекращались (при Геліогабалѣ, Александрѣ Северѣ, Гордіанѣ, Филиппѣ, Галліенѣ), причемъ жестокость и сила гоненій постепенно увеличивались. Тѣмъ не менѣе христіанская церковь въ третьемъ вѣкѣ успѣла пріобрѣсти имущество, необходимое для бо-

Digitized by Google

гослуженія, погребенія умершихъ и т. п., и явилась въ этомъ отношеніи вполнѣ законченнымъ обществомъ, пользуясь при этомъ съ формально-юридической стороны правомъ то какъ погребальнаго, законно утвержденнаго братства, то просто какъ фактически существующаго союза. Въ главѣ четвертой (стр. 117—150) рѣчь идетъ о послѣднемъ гоненіи на христіанъ при Діоклетіанѣ и его соправителяхъ, которое превзошло своею жестокостью всѣ предыдущія и грозило христіанству полнымъ истребленіемъ. Но въ дѣйствительности произошло иное: Миланскимъ эдиктомъ Константина Великаго (313 г.) на незыблемыхъ основаніяхъ была установлена свобода совѣсти во всей Римской имперіи. Въ слѣдующей пятой главѣ (стр. 151—190) авторъ и характеризуетъ религіозную политику императора Константина и его сыновей. Она велась въ духѣ Миланскаго эдикта. Константинъ въ теченіе своего царствованія поддерживалъ религіозную терпимость, объявленную этимъ эдиктомъ, и оказывался благосклоннымъ къ лицамъ безъ различія ихъ религій. Но онъ вовсе не заботился скрывать свое предпочтеніе къ христіанской вѣрѣ и свое возростающее отвращеніе къ язычеству. Такъ дошелъ онъ до того, что мало-по-малу сталъ давать и позволять язычеству только самое необходимое и экономно, такъ сказать, отмѣривалъ ему самый воздухъ для дыханія, и наконецъ, рѣшительно сталъ на сторону христіанства. Его сыновьямъ Константу и Констанцію не удалось вполнѣ продолжить политику отца, и церковь при нихъ переживала менѣе спокойное время, тѣмъ болѣе, что въ нѣдрахъ ея возникло аріанское движеніе. А при преемникѣ ихъ Юліанѣ открылась языческая реакція, подробности коей описываются въ шестой главѣ (стр. 191—232). Юліанъ стремился подавить христіанство и возсоздать язычество, для чего пользовался различными средствами, но цѣли своей не достигъ и лишь еще болѣе ослабилъ язычество своей неудачной попыткой. Послѣ Юліана наступила, такъ сказать, переходная эпоха (глава седьмая, стр. 233—256): императоръ Валентиніанъ унаслѣдовалъ религіозную политику Константина Воликаго, императоръ Валентъ былъ сторонникомъ еретическаго аріанскаго движенія, а Граціанъ подготовлялъ ту перемѣну въ отношеніи государства къ христіанству и язычеству, которая произошла потомъ при императорѣ Ѳеодосіи. А при Ѳеодосіи, какъ разсказывается въ восьмой главѣ (стр. 257—283), греко-римское государство сдѣлалось христіанскимъ: законами 391 и 392 годовъ язычество было совершенно запрещено, а цѣлымъ рядомъ другихъ узаконеній Ѳеодосій умиротворилъ церковь и благоустроилъ ее. Таково, въ краткихъ словахъ, содержаніе разсматриваемой книги.

Книга французскаго автора очень богата фактическимъ матеріаломъ, который излагается здѣсь съ строгимъ историческимъ безпристрастіемъ. Авторъ избѣгаетъ субъективнаго освѣщенія этого матеріала и предлагаетъ дѣлать изъ фактовъ выводы самому читателю. При этомъ матеріалъ носитъ безусловно научный характеръ и извлеченъ изъ первоначальныхъ источниковъ (древніе историки, отцы церкви, мученическіе акты, собраніе законовъ, постановленія соборовъ и т. п.) и изъ новѣйшихъ лучшихъ научно-историческихъ изслѣдованій, обширный указатель коихъ помѣщенъ въ концѣ сочиненія (стр. 285—291). Языкъ сочиненія простъ и изященъ. Въ небогатой русской церковно-истори-

Digitized by Google

ческой наукѣ сочиненіе Алляра займетъ непослѣднее мѣсто по своей объективности, фактической доказательности и простотѣ изложенія. С.

Описаніе документовъ архива западно-русскихъ уніатскихъ митрополитовъ. 1470—1700 г. кн. I. Спб. 1897.

Въ 1847 г. синодальный архивъ обогатился новымъ пріобрѣтеніемъ — документами, составлявшими архивъ уніатскихъ митрополитовъ. Конечно, въ виду своей исторической важности, документы эти были извѣстны много раньше. Такъ, значительное ихъ число было издано археографическою комиссіею въ первыхъ трехъ томахъ «Актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи». Затѣмъ не мало помѣстилъ ихъ и К. А. Говорскій въ своемъ журналѣ «Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи» и С. Т. Голубевъ въ приложеніи къ своей книгѣ «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники» (Кіевъ, 1883 г., ч. I). Для своихъ ученыхъ работъ этимъ архивомъ пользовались: митрополитъ Макарій, М. О. Кояловичъ, И. А. Чистовичъ, П. О. Бобровскій и др.

По словамъ составителя «Описанія» (печатавшагося подъ наблюденіемъ А. Ѳ. Бычкова) г. Рункевича, архивъ уніатскихъ митрополитовъ «содержитъ въ себѣ болѣе, чѣмъ обѣщаетъ его названіе: кромѣ документовъ, относящихся къ высшему управленію уніатской церкви въ западной Россіи за все время существованія тамъ уніи, въ архивѣ сохранилось значительное количество памятниковъ болѣе давняго времени, когда въ западной Россіи всецѣло царило православіе, а объ уніи и не помышляли». Документы же уніатскаго періода, по его раздѣленію, состоятъ изъ четырехъ главныхъ группъ: 1) относящіеся до сношеній королевской и папской власти съ представителями западно-русской уніатской іерархіи по разнаго рода дѣламъ, каковы: королевскія подтвержденія правъ, привиллегіи, презенты, универсалы, фундаціи, папскія буллы, бреве, индульгенціи; 2) относящіеся къ насильственному введенію уніи въ западно-русскихъ областяхъ, къ исторіи ея распространенія и героической борьбы съ нею западно-русскихъ православныхъ, завершившейся торжествомъ православія 25-го марта 1839 г.; 3) документы, касающіеся собственно уніатской церковной іерархіи, и 4) разнаго рода имущественныя дѣла, главнымъ образомъ, земельныя, объ архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ имѣніяхъ. Къ этому послѣднему разряду относятся и документы за время, предшествовавшее уніи.

Въ настоящемъ томѣ описаны документы этого архива за время отъ 1470 до 1700 г.; при этомъ извлечены изъ нихъ всѣ свѣдѣнія, касающіяся духовенства, церквей, монастырей, благотворительныхъ учрежденій, школъ, типографій, учителей; упомянуты почти всѣ имена лицъ духовныхъ и учителей. Само описаніе преслѣдуетъ, главнымъ образомъ, краткое содержаніе документовъ; иногда указываются мотивы его появленія, подписи и т. п. Но всегда сообщаются данныя о его внѣшнемъ состояніи, и въ случаѣ напечатанія ранѣе дается указаніе, гдѣ именно напечатано.

Digitized by Google

Въ концѣ «Описанія» приложены три указателя: личный, географическій и предметный.

Всѣхъ документовъ описано—1065; изъ нихъ къ XV ст. относится только 6, всѣ на русскомъ; отъ XVI ст. сохранилось—39 на польскомъ яз., 4—на литовскомъ (древнѣйшій документъ отъ 1555 г. — грамота короля Сигизмунда-Августа митрополиту кіевскому Макарію объ отсылкѣ на его рѣшеніе поступившаго на королевскій судъ дѣла относительно принадлежности Унѣвскаго монастыря къ владимірской или львовской епархіи) и остальные—194 на русскомъ языкѣ; изъ нихъ нѣкоторые сохранились и въ польскихъ спискахъ, равно какъ польскіе документы въ спискахъ на русскомъ языкѣ. Къ XVII вѣку, какъ видно, относится большинство описанныхъ документовъ, именно 822. Приблизительно до 1630-хъ гг. большая часть ихъ писана на русскомъ языкѣ, но послѣ этого времени преобладаютъ документы на польскомъ языкѣ и затѣмъ на литовскомъ. На послѣднемъ языкѣ болѣе всего встрѣчается документовъ послѣ 1670 года. И одинъ только списокъ литовскаго документа отъ 1640 г.—«Копія завѣщанія митрополита Рафаила Корсака»—сдѣланъ на итальянскомъ языкѣ.

По роду названій документовъ находимъ здѣсь королевскія резолюціи, приказы, указы, грамоты; утвержденія, универсалы; митрополичьи разнаго рода грамоты; посланія и постановленія духовенства; выписи изъ гродскихъ (довольно много) и земскихъ книгъ, записи, завѣщанія, «видимусы», росписки, инвентаріи, реестры, «листы», присяги, позовы въ судъ и т. п.

Что же касается содержанія, то большинство документовъ касается земельныхъ надѣловъ, имѣній, по поводу покупки, продажи, наслѣдованія, раздѣла или самовольнаго пользованія ими. Не мало также документовъ, касающихся исключительно суда свѣтскаго и духовнаго; документы отъ 1595 и 1596 г. трактуютъ преимущественно объ уніи; встрѣчаются документы и «дѣла» о «злоупотребленіяхъ» духовныхъ властей, «о разрѣшеніи совершать богослуженіе», о «поставленіи» въ священника и т. п.

Многіе изъ документовъ, впервые описываемые въ разсматриваемой нами книгѣ, справедливо по своей важности заслуживаютъ быть изданными въ ближайшемъ времени.

Наконецъ къ исторіи сейма относятся: 1) переписка Сигизмунда I съ радой, подробно раскрывающая предметы обсужденія на сеймахъ и личный взглядъ короля на значеніе сейма, его компетенцію и на самый порядокъ сеймовыхъ собраній, и 2) сеймовые документы времени Сигизмунда-Августа. При немъ, какъ извѣстно, сеймъ получилъ уже правильную постановку, а вмѣстѣ съ нимъ получили опредѣленную форму и сеймовые документы, которые, по дѣленію г. Довнаръ-Запольскаго, состоятъ изъ трехъ категорій: сеймовыхъ ухвалъ, просьбъ пословъ и отказовъ на нихъ господаря и наконецъ господарскихъ универсаловъ, проводящихъ тѣ или иныя постановленія сейма. Въ «Описаніи» помѣщены первыя двѣ категоріи документовъ, относящихся къ виленскимъ сеймамъ—1547 г., на которомъ были подняты «весьма важные» вопросы внутренней политики; 1563 г. и 1565 г.; къ берестейскому сейму 1566, люблинскому 1569 и городенскимъ 1567 и 1568 гг.

Документы напечатаны въ хронологическомъ порядкѣ, съ соблюденіемъ

Digitized by Google

правописанія памятниковъ. Въ концѣ книги приложены три указателя: «географическихъ названій» (составленъ безъ опредѣленія» мѣстностей), «личныхъ именъ» и «предметовъ». В. Р—въ.

К. Баранцевичъ. Сказки жизни. 13 разсказовъ. Спб. 1898.

Извѣстность г. Баранцевича, какъ одного изъ наиболѣе выдающихся и популярныхъ беллетристовъ литературнаго поколѣнія семидесятыхъ годовъ, настолько всѣми признана, что врядъ ли нужно много говорить въ краткой рецензіи о его литературномъ дарованіи вообще. Человѣкъ тонкой наблюдательности, съ большимъ запасомъ юмора, съ просвѣщеннымъ взглядомъ на запросы жизни и рѣдкій въ нашей литературѣ знатокъ сѣренькихъ буденъ столичной бѣдноты, онъ въ каждой своей повѣсти, въ каждомъ очеркѣ и разсказѣ, ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ мелкими эпизодами повседневной жизни, въ которыхъ, однако, заключено множество больныхъ вопросовъ, столь сильно волнующихъ современную интеллигенцію. Г. Баранцевичъ—не спокойный наблюдатель смѣны окружающихъ его явленій, онъ не индифферентно взираетъ «на правыхъ и виновныхъ» и не живописуетъ своихъ сценъ и портретовъ съ холодной безпристрастностью чистаго жреца бездушнаго искусства; нѣтъ, онъ—весь волненіе, весь страданіе за горе и несчастье людское, за ту бездну нелѣпостей и несуразностей, которыя глубоко и безпощадно въѣлись въ нашу жизнь въ ея среднихъ и низшихъ общественныхъ слояхъ и въ которыхъ главнымъ образомъ виноваты мы сами своимъ эгоизмомъ, холодной черствостью, себялюбіемъ и той искусственной недалекостью, которая позволяетъ намъ самоуслаждаться въ тѣхъ случаяхъ, когда на самомъ дѣлѣ мы бы должны были быть на сторожѣ и на чеку серьезныхъ грозящихъ намъ индивидуальныхъ и соціальныхъ опасностей. Симпатичный беллетристъ не беретъ на себя роли морализующаго проповѣдника, легко разводящаго руками чужія бѣды, онъ только при помощи легкихъ эскизовъ и силуетовъ указываетъ читателямъ, гдѣ кроется насущная бѣда, каковъ ея генезисъ, и каковы послѣдствія ложно взятаго курса жизни. Эти свойства его дарованія съ особенною наглядностью проявляются въ только-что вышедшихъ «Сказкахъ жизни», по поводу которыхъ и идетъ въ настоящемъ случаѣ рѣчь о г. Баранцевичѣ. «Сказки жизни»—это небольшой сборникъ, состоящій изъ 13 разсказовъ, посвященныхъ семейному и главнымъ образомъ дѣтскому вопросу. Здѣсь проходитъ передъ чатателями обширная галлерея разнообразныхъ типовъ отцовъ и дѣтей въ самой будничной обстановкѣ и въ совершенно обыкновенныхъ взаимоотношеніяхъ; тутъ нѣтъ какихъ нибудь экстраординарныхъ происшествій—убійствъ, проклятій и подобныхъ драматизированныхъ эпизодовъ. Все просто, обыденно пошло, буднично, но вы видите, что въ этихъ пошлыхъ будняхъ кроются своего рода жестокія драмы, гдѣ въ однихъ случаяхъ страдающими являются родители, въ другомъ дѣти. Страданія дѣтей по большой части являются результатомъ родительскаго эгоизма, сосредоточившагося на поискахъ матеріальнаго счастія, на заботахъ о личномъ комфортѣ и побуждающаго ихъ сторониться и не вникать въ психологію дѣтской души. Отсюда ненормальность отношеній между дѣтской и

Digitized by Google

тѣми покоями, гдѣ пребываютъ взрослые, криво и косо, на основаніи лишь послѣдней прочитанной книжки, толкующіе о задачахъ воспитанія и примѣняющіе къ своимъ дѣтямъ совершенно дикіе и вредные методы. Нежеланіе проникаться интересами маленькихъ героевъ г. Баранцевича создаетъ изъ послѣднихъ въ концѣ концовъ тѣхъ нравственныхъ уродовъ, тѣхъ выродковъ, которые впослѣдствіи, ставъ на ноги, являются по отношенію взростившихъ ихъ родителей какъ бы безсознательными, невольными мстителями. Жалко дѣтей, но жалко становится и родителей, особенно въ тѣхъ недостаточныхъ классахъ, гдѣ люди именуются «маленькими», и гдѣ любовь и доброе согласіе, пониманіе другъ друга и жизнь другъ для друга должны бы служить краеугольными камнями существованія. Но этого согласія, этой любви, этой жизни нѣтъ въ наличности, и отсюда сѣрыя потемки будничныхъ дней, гдѣ нѣтъ ни тепла, ни радости, ни покоя.

Пессимистическая точка зрѣнія автора на жизнь не вызываетъ, однако, негодованія или отчаянія; она вызываетъ лишь тихую грусть, сожалѣніе о недостаткахъ людей, о маломъ пониманіи ими смысла жизни и недостаточномъ сознаніи возложенныхъ на нихъ этой жизнью обязанностей. Поэтому ознакомленіе съ очерками г. Баранцевича пробуждаетъ въ читателяхъ рядомъ съ чувствомъ художественнаго удовольствія еще потребность анализа своихъ отношеній къ окружающей ближайшей средѣ, воплощаемой домочадцами большими и малыми, размышленіе надъ значеніемъ своего маленькаго «я» въ его настоящемъ и недалекомъ сравнительно будущемъ, когда у тебя и «глаза выцвѣтутъ», и явится «кашель въ сырую погоду». Представленная авторомъ въ разныхъ положеніяхъ и разныхъ проявленіяхъ старость и молодость, обѣ въ невеселыхъ краскахъ, одинаково поднимаютъ въ умахъ читателей рядъ вопросовъ, надъ которыми полезно почаще сосредоточиваться, и которые во всякомъ случаѣ, обдуманные и рѣшенные, согласно велѣнію сердца, дадутъ въ конечномъ результатѣ для нашего опыта добрые результаты въ смыслѣ улучшенія собственной жизни и жизни ближайшихъ намъ лицъ. В. Г.

Историческій очеркъ петербургскихъ наводненій и предположеній относительно предохраненія низменныхъ частей города С.-Петербурга отъ затопленія. Составилъ, по порученію главнаго правленія императорскаго россійскаго общества спасанія на водахъ, членъ главнаго правленія инженеръ путей сообщенія В. В. Саловъ. Спб. 1898.

Можно было бы не спорить съ такимъ длиннымъ заглавіемъ очень маленькой книжки, если бы его еще удлинить однимъ начальнымъ словомъ «краткій» историческій и т. д., такъ какъ работа В. В. Салова ограничилась въ первой части повтореніемъ данныхъ о наводненіяхъ, находящихся въ третьей главѣ книги М. И. Пыляева «Старый Петербургъ», съ заимствованіемъ оттуда же и одного изъ двухъ имѣющихся тамъ видовъ наводненія 1824 года и съ позаимствованіемъ интереснаго и остроумнаго письма Екатерины Великой

Digitized by Google

къ Гримму, по поводу наводненія 10-го сентября 1777 года и многихъ другихъ свѣдѣній, причемъ однако опущены всѣ подробности о наводненіяхъ, причинявшихся водами Невы въ XVII вѣкѣ, когда вода поднималась до 25 (?) футовъ надъ ординаромъ, и немногочисленные жители этихъ негостепріимныхъ береговъ, по словамъ Пыляева, бѣжали спасаться на Дудорову гору. Вторая часть брошюры г. Салова также заимствована изъ обстоятельной статьи инженера Купріянова, написанной въ 1858 году, по вопросу о предохраненіи С.-Петербурга отъ наводненій. Нѣсколько подробнѣе и новѣе въ работѣ нашего знаменитаго инженера подробности о проектѣ генерала Э. И. Тилло, который, въ сущности повторяя только проектъ Миниха, вполнѣ, изъ всѣхъ болѣе или менѣе дикихъ предложеній, дѣлавшихся французскими инженерами и физикомъ Парротомъ для той же цѣли, отвѣчалъ и цѣлямъ и задачи избавить городъ отъ наводненій и не превосходилъ тѣхъ средствъ, какія возможно и досегодня употребить на это дѣло.

Собственно же проектъ Миниха былъ только распространеннымъ и въ инженерномъ смыслѣ оформленнымъ желаніемъ Петра Великаго поднять всю мѣстность новой столицы путемъ прямой насыпки земли на 10 футъ выше невскаго ординара. Но почему-то простѣйшія мысли съ трудомъ находятъ себѣ защитниковъ и покровителей, и вотъ мысль ясная и простая, существовавшая еще до постройки города, остается единственно разумною и единственно исполнимою и въ наше время. На этомъ же выводѣ, повидимому, останавливается и В. В. Саловъ. Говорю—повидимому, потому что нашъ знаменитый инженеръ кажется, не слишкомъ былъ затронутъ важностью принятой имъ на себя задачи. Онъ, по порученію главнаго правленія общества спасанія на водахъ, написалъ коротенькую записку, которая можетъ годиться для историческихъ справокъ безъ деталей, конечно, но въ крупныхъ фактахъ, и въ то же время совершенно безполезна для тѣхъ, кто занятъ серьезно вопросомъ предохранить городъ отъ наводненій, потратя на это какъ можно меньше средствъ и времени и по возможности не нанося ущерба ни большому невскому судоходству, ни санитарнымъ условіямъ города, и безъ того неблагополучнымъ. Съ послѣдней точки зрѣнія, конечно, надо остановиться на идеѣ Петра Великаго и въ помощь ей, покуда, оградить дамбами мѣстности Васильевскаго острова и Петербургской стороны, которыя заливаются водой уже при возвышеніи воды въ рѣкѣ всего на три фута. Выстроивъ здѣсь покуда хотя бы пятифутовыя дамбы и набережныя, можно на двѣ трети уменьшить грозящую этой мѣстности опасность. Ну, а затѣмъ, конечно, надо бы было похлопотать также объ исполненіи старѣйшей, давно закономъ установленной мѣры, не допускать въ городѣ вообще жилыхъ подваловъ. При этомъ надо, раньше чѣмъ обрушиться за невыполненіе этого закона на частныхъ лицъ, потребовать исполненія его отъ строителей домовъ казенныхъ. Новы и интересны въ брошюрѣ г. Салова свѣдѣнія объ удачной канализаціи съ помощью керамиковыхъ трубъ мѣстности, на которой расположенъ Институтъ путей сообщенія. Послѣ устройства этой канализаціи подвальныя помѣщенія института высохли и перестали страдать отъ наводненій достаточно частыхъ и достаточно высокихъ именно за послѣдніе годы. Вопросъ, однако, въ томъ: возможно ли примѣнить эту частную и роскошную по

Digitized by Google

размѣрамъ коллектора канализацію ко всему городу, но если это возможно, то, конечно, самая трудная часть дѣла огражденія города отъ наводненія, а именно парализировать подъемъ грунтовой воды въ зависимости отъ напора воды въ рѣкѣ, рѣшается превосходно, дешево и просто.

Вообще же, пора бы бросить старую исторію этого дѣла и приняться за ея новое продолженіе въ будущемъ, признавъ разъ навсегда, что ничего лучше проекта Э. И. Тилло, Миниха и Петра Великаго нѣтъ и быть не можетъ. Нынѣ, при колоссальныхъ рѣчныхъ землесосахъ, способныхъ подавать массы земли съ глубины рѣчной на берегъ и въ то же время автоматически уплотнять эту землю лучше, чѣмъ это достижимо какими бы то ни было укатывателями и трамбовательными аппаратами, за баснословно дешевую цѣну,—идея Петра является и наилучше отвѣчающей характеру задачи и наиболѣе просто осуществимой. Затѣмъ, надо серьезно и послѣдовательно закрывать подвалы, выводя ихъ несчастное населеніе въ дешевые дома для рабочихъ, попытка постройки которыхъ уже дѣлается. Хорошая канализація, хотя бы сначала девяти незарѣчныхъ частей, начиная съ низменной Коломны, также много бы помогла тому же благому дѣлу. Но, если В. В. Саловъ мимоходомъ и говоритъ все это вѣрное и справедливое своему читателю, все же онъ немного отдалъ своей спеціальной авторитетной интеллигенціи этому дѣлу. Инженерная техника могла бы отъ сочиненія, украшеннаго его извѣстнымъ именемъ, ждать гораздо, гораздо большаго. В. П—нъ.

Н. Э. Глокке. Янъ Кохановскій и его значеніе въ исторіи польской образованности XVI вѣка. Кіевъ. 1898.

Изслѣдованіе г. Глокке, посвященное одному изъ корифеевъ польской поэзіи XVI в., производитъ впечатлѣніе очень старательно и усердно исполненной ученой работы, не блещущей, правда, новизною и оригинальностью выводовъ, но вполнѣ удовлетворяющей читателя тщательнымъ подборомъ фактовъ и умѣлою ихъ группировкой. Въ 1884 году, по поводу исполнившагося трехсотлѣтія со дня смерти Кохановскаго, польская литература обогатилась немалымъ количествомъ монографій и небольшихъ эскизовъ, посвященныхъ выясненію личности и творчества этого поэта. Въ виду скудости біографическихъ данныхъ о Кохановскомъ и многихъ пробѣловъ, учеными было высказано немало гипотезъ, часто противоположныхъ одна другой, причемъ нерѣдко даже основные мотивы поэзіи его истолковывались неодинаково. Разобраться во всемъ этомъ, сопоставить неоднородные научные домыслы и выбрать изъ нихъ болѣе достовѣрные, подвести итоги всему, что было высказано доселѣ о роли и значеніи Кохановскаго въ исторіи польской поэзіи — такова была задача, предстоявшая г. Глокке.

При исполненіи этой задачи авторъ нѣсколько отступилъ отъ пріема, который можно считать обычнымъ, какъ бы традиціоннымъ въ изслѣдованіяхъ даннаго типа. Какъ извѣстно, наиболѣе общепринятою является та композиція, при которой біографическія свѣдѣнія выдѣляются въ формѣ самостоятельнаго разсказа, при чемъ послѣдній играетъ лишь вспомогательную

Digitized by Google

роль по отношенію къ обзору историко-литературнаго характера, выдвигаемому на первый планъ. Между тѣмъ у г. Глокке на всемъ протяженіи книги канвой разсказа является біографія поэта, въ связи съ которою онъ шагъ за шагомъ разсматриваетъ его литературную дѣятельность. Къ лучшему ли это — затрудняемся сказать. Хотя, по мнѣнію г. Глокке, «такой способъ изложенія кажется наиболѣе удобнымъ для читателя, который, не отдѣляя жизни писателя отъ его произведеній, выноситъ цѣльное впечатлѣніе о немъ», но необходимо здѣсь имѣть въ виду и то соображеніе, что частная жизнь Кохановскаго и его поэтическая дѣятельность не всегда были въ такой ужъ неразрывной связи, чтобы отъ разграниченія въ изложеніи могла пострадать цѣльность впечатлѣнія, получаемаго читателемъ. Затѣмъ слѣдуетъ указать, что литературная дѣятельность Кохановскаго очень часто стояла въ зависимости и связи съ умственными теченіями запада и съ религіозно-общественнымъ движеніемъ въ Польшѣ, толчокъ которому былъ данъ реформаціей. Біографическій методъ изложенія, принятый г. Глокке, въ данномъ случаѣ привелъ къ тому неудобству, что авторъ лишь отрывочно касается во многихъ мѣстахъ своей книги этихъ важныхъ факторовъ, лежащихъ въ основѣ немалаго количества произведеній Кохановскаго. Вообще способъ изложенія г. Глокке, кромѣ указываемыхъ авторомъ удобствъ, имѣетъ и неудобства, испытываемыя читателемъ едва ли не на всемъ протяженіи диссертаціи.

Все изслѣдованіе состоитъ изъ VI главъ, распланированныхъ по главнѣйшимъ моментамъ жизни поэта: въ I-й главѣ содержится сводъ свѣдѣній о жизни Кохановскаго до отъѣзда за границу, во II-й — о жизни за границей (въ Венеціи, Падуѣ и Парижѣ), III — трактуетъ о жизни на родинѣ, при чемъ попутно даны свѣдѣнія о религіозно-общественной борьбѣ въ Польшѣ и выяснено отношеніе Кохановскаго къ его предшественникамъ, въ IV-й — разсматривается служба Кохановскаго при королевскомъ дворѣ, въ V-й — жизнь до брака и женитьба, въ послѣдней — послѣдніе годы жизни. Въ связи съ біографическими свѣдѣніями подробно разсматриваются литературныя произведенія, написанныя поэтомъ въ данный періодъ жизни, при чемъ вкратцѣ пересказывается содержаніе, указываются главныя особенности, размѣръ стихосложенія и т. д. Насъ нѣсколько удивило, почему г. Глокке такъ мало остановился на извѣстномъ произведеніи «Odprawa posłów greckich» (всего 6 страницъ), которое считается замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ польской письменности даннаго періода, и почти ничего не сказалъ о значеніи Кохановскаго въ исторіи польской драмы, родоначальникомъ которой называютъ обыкновенно именно его. Это произведеніе во всякомъ случаѣ болѣе достойно и сыграло большую роль въ исторіи польской поэзіи, чѣмъ написанныя за границей латинскія произведенія Кохановскаго, которыя авторъ анализируетъ съ такою любовью и тщаніемъ, что приводитъ читателя въ досадливое чувство.

Заключеніе, въ которомъ г. Глокке суммируетъ выводы о политическихъ, религіозныхъ и общественныхъ взглядахъ Кохановскаго и указываетъ значеніе его литературной дѣятельности, написано съ должнымъ соблюденіемъ мѣры въ оцѣнкѣ какъ личности, такъ и творчества поэта. Главнѣйшей заслугой Кохановскаго г. Глокке считаетъ то, что онъ привилъ польской поэтической

Digitized by Google

рѣчи западно-европейскія литературныя формы, при чемъ силой своего таланта поставилъ польскую поэзію на ряду съ другими европейскими литературами. Какъ истинный поэтъ, онъ сумѣлъ и въ польской рѣчи найти такую же силу, красоту и звучность, какими обладаетъ поэтическая рѣчь западно-европейскихъ народовъ.

Въ приложеніи г. Глокке далъ нѣсколько стихотворныхъ переводовъ изъ Яна Кохановскаго. Стихъ г. Глокке очень гладокъ и звученъ, читается легко. Приходится лишь пожалѣть, что авторъ привелъ слишкомъ мало образцовъ. У насъ стихотворныхъ переводовъ съ польскаго (а тѣмъ болѣе удачныхъ) очень немного; поэтому г. Глокке, удачно владѣющій стихомъ и, повидимому, безъ особаго труда справляющійся съ нелегкимъ для перевода польскимъ стихомъ, оказалъ бы значительную услугу русской литературѣ переводами изъ Кохановскаго и другихъ польскихъ поэтовъ. К. Х.

Е. С. Шумигорскій. Екатерина Ивановна Нелидова (1758—1839). Очеркъ изъ исторіи императора Павла. Спб. 1898.

Монографія г. Шумигорскаго, изданная теперь отдѣльной книжкой, печаталась на страницахъ «Историческаго Вѣстника» за прошлый годъ. Это обстоятельство снимаетъ съ насъ обязанность распространяться о достоинствахъ книги г. Шумигорскаго, оцѣненной и нашими читателями и критикой періодической печати. Написанный чрезвычайно интересно, очеркъ г. Шумигорскаго, посвященный ангелу хранителю императора Павла, фрейлинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Нелидовой, даетъ новыя подробности и новое освѣщеніе дѣятельности непонятаго ни современниками, ни потомствомъ императора, жертвы времени. «Изучая событія Павловскаго царствованія, говоритъ г. Шумигорскій въ приложенномъ къ отдѣльному изданію предисловіи, мы не можемъ сочувствовать нравственному уровню этого желѣзнаго вѣка, хотя въ открывающемся передъ нами историческомъ калейдоскопѣ не можемъ не удивляться оригинальной комбинаціи политическихъ силъ, постоянно боровшихся между собою, но дѣйствовавшихъ въ одномъ и томъ же направленіи и приводившихъ къ одной и той же цѣли. Императоръ Павелъ, напримѣръ, во все кратковременное свое царствованіе жаждалъ уничтоженія сословныхъ привилегій, водворенія правды и законности въ государствѣ, но, по революціонному духу времени, для достиженія этихъ цѣлей употреблялись и революціонныя средства: административный произволъ, ссылка и кнутъ; эта двойственность въ политикѣ Павла чувствовалась всѣми: недаромъ французы называли его якобинцемъ на тронѣ, крестьяне Пугачевымъ, а раскольники царемъ Развѣемъ. Съ другой стороны, враги Павла—«наши русскіе Мирабо, за измятое жабо хлеставшіе Гаврилу и въ усъ, и въ рыло», были ли это масоны или «вольтерьянцы», все равно,—смотрѣли на совершавшіяся кругомъ событія, очевидно, съ иной точки зрѣнія, чѣмъ ихъ крѣпостные, и «les droits de l'homme» прилагали лишь къ себѣ и къ своему сословію. Первый шагъ къ уравненію сословій былъ сдѣланъ несомнѣнно императоромъ Павломъ, и хотя

Digitized by Google

произведенная имъ «революція сверху» не сопровождалась такими ужасами, какъ французская, но жертвой ея сдѣлался онъ самъ. Въ этомъ смыслѣ, по моему глубокому убѣжденію, Павелъ Петровичъ есть одно изъ самыхъ трагическихъ лицъ нашей исторіи: фанатикъ своихъ идей, онъ велъ непрерывно борьбу одинъ противъ всѣхъ, и духовныя его силы оказались недостаточны, чтобы безнаказанно вынести на себѣ всю ея тяжесть». Отношенія Павла къ Нелидовой одинъ изъ существеннѣйшихъ моментовъ его жизни и, слѣдовательно, его царствованія. Правильное разъясненіе ихъ способствуетъ разсѣянію «анекдотическаго тумана», окружающаго личность императора Павла. Отсюда ясно значеніе труда г. Шумигорскаго, уже давно работающаго надъ эпохой конца XVIII и начала XIX в. Значеніе увеличивается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ рукахъ біографа Нелидовой находилось немало не опубликованныхъ документовъ. П. Щ.

Лависсъ и Рамбо. Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Томъ четвертый. Возрожденіе и реформація. Новый Свѣтъ. 1492—1559. Переводъ В. Невѣдомскаго. Спб. 1898.

Появившійся недавно IV-й томъ «Исторіи» Лависса и Рамбо въ русскомъ переводѣ охватываетъ одну изъ самыхъ живыхъ эпохъ въ культурно-соціальной исторіи человѣчества — гуманизмъ и реформацію. XV столѣтіе, которое французскіе историки разсматриваемаго нами сочиненія относятъ къ новой исторіи, имѣетъ двойственный, переходный характеръ. Въ этомъ переходѣ и заключается трудность изученія эпохи. Какъ и все сочиненіе Лависса и Рамбо, вышедшій томъ страдаетъ основнымъ недостаткомъ: нѣтъ общей точки зрѣнія, подъ которой разсматривались бы событія, не указаны основныя явленія, около которыхъ группируется жизнь Европы. XV и XVI вѣка составляютъ центральную эпоху въ исторіи Западной Европы, такъ какъ гуманизмъ и реформація начинаютъ собою новый періодъ западно-европейской исторіи. И вотъ изъ 933 страницъ вышедшаго тома итальянскому гуманизму (этого слова въ русскомъ переводѣ нѣтъ, оно замѣнено словомъ «возрожденіе») отвели авторы немного меньше одной страницы, а вообще возрожденію — 46 стр. Конечно, читатель не составитъ себѣ никакого рѣшительно даже представленія о гуманизмѣ, который сольется у него, какъ въ старое время, съ различными раскопками и интересомъ къ классической древности. Въ III-мъ томѣ возрожденію въ Италіи (русскій переводъ) удѣлено 55 стр. (стр. 559—615), изъ которыхъ нельзя познакомиться съ характеромъ гуманизма. Между тѣмъ, этотъ вопросъ теперь достаточно разработанъ, и французскимъ ученымъ все же слѣдовало для полноты библіографіи хоть указать на капитальный трудъ русскаго ученаго, профессора М. Корелина «Ранній итальянскій гуманизмъ», тѣмъ болѣе, что Рамбо прекрасно владѣетъ русскимъ языкомъ. Весь первый отдѣлъ книги «Италія въ эпоху Возрожденія» сводится, главнымъ образомъ, къ внѣшней исторіи итальянскихъ государствъ, къ войнамъ Карла VIII, Людовика XII, Франциска I и Генриха II. Хорошо составлены главы, касающіяся политическихъ, административныхъ и общественныхъ преобразо-

Digitized by Google

ваній Франціи, гдѣ разсмотрѣна королевская власть со времени вступленія на престолъ Карла VIII до конца царствованія Генриха II, судопроизводство и администрація, организація арміи, и слабѣе представлена картина общества того времени. Прекрасный очеркъ далъ извѣстный историкъ-экономистъ Levasseur экономическаго прогресса, земледѣлія, промышленности и торговли во Франціи въ половинѣ XVI вѣка. Такъ какъ авторы не задавались опредѣленною цѣлью дать исторію общества и личности въ ихъ взаимодѣйствіяхъ, то въ ихъ программу входитъ и философія, и наука, искусство, литература. Глава VI посвящена французской литературѣ въ первой половинѣ XVI вѣка, седьмая — искусству въ Европѣ: итальянскому, французскому, нѣмецкому, англійскому, а также и музыкѣ, восьмая — наукѣ въ Европѣ. Конечно, трудно познакомить обстоятельно съ литературой на 20 страницахъ (209—229 стр.), но указать связь ея съ историческимъ движеніемъ—необходимо. Иначе, для чего помѣщать во «Всеобщей исторіи» литературу? Недостатокъ этого живо написаннаго очерка литературы и заключается въ томъ, что литература разсматривается здѣсь съ эстетической точки зрѣнія, съ литературной, но не выяснено оппозиціонное отношеніе литературы къ средневѣковымъ формамъ, такъ ярко характеризующее переломъ въ умственной жизни Европы. Послѣ очерка исторіи Испаніи, весьма хорошо составленнаго Марьежолемъ, извѣстнымъ и русской публикѣ, идетъ эпоха реформаціи,—въ Германіи (X глава), Швейцаріи (XI глава), Франціи (XII глава), Англіи (XIII и XIV главы) и Скандинавіи (XV глава). Этотъ крупный моментъ въ исторіи Европы имѣетъ универсальное значеніе. Поэтому необходимо было бы выяснить причины реформаціи и связь ея съ гуманизмомъ. Составитель очерка реформаціи Denis говоритъ: «нѣкоторые полагаютъ, что реформація находилась въ связи съ возрожденіемъ, но это едва ли безусловно вѣрно», — и не доказываетъ, почему нѣтъ связи между гуманизмомъ, нѣмецкимъ въ особенности, и реформаціей. Реформація имѣла не только религіозную сторону, но и соціальную. Послѣдняя сторона выяснена очень слабо у составителей «Всеобщей исторіи». Не разобраны аграрныя и политическія требованія крестьянскаго возстанія, не выяснены соціальныя черты анабаптизма; въ исторіи Германіи не разобраны причины ея упадка, въ связи съ экономическимъ переворотомъ. Зато почти 200 страницъ отведены на исторію Оттоманской имперіи (глава XIX, 643—722 стр.), революціи въ Сѣверной Африкѣ (глава XX), Индостану и имперіи Великаго Могола (стр. 773—813). Двѣ послѣднія главы—22 и 23—посвящены открытіямъ португальцевъ въ Африкѣ и Азіи и открытію Америки, причемъ выдвинута описательная сторона этихъ фактовъ, но не указано вліяніе открытія Новаго Свѣта на Европу, въ которой совершился въ началѣ новой исторіи важный экономическій переворотъ.

Польза такого сочиненія, особенно для русской публики, несомнѣнна: разница между этой «Исторіей» и исторіей Вебера громадная. Трудъ Лависса и Рамбо можно съ большимъ интересомъ читать, такъ какъ французы умѣютъ писать (только ихъ плохо переводятъ), но недостатки, въ смыслѣ постановки вопросовъ, все же крупные. К.

Digitized by Google

Вл. А. Тихоновъ. Разбитые кумиры. Повѣсти и разсказы. Спб. 1898.

Изящный стиль, несложная фабула повѣствованія, несложные характеры и не Богъ вѣсть сколь сложныя положенія — вотъ существенныя особенности выпущенной г. Тихоновымъ его новой книжки «Разбитые кумиры». Авторъ хорошо знакомъ съ столичной буржуазіей, знаетъ вдоль и поперекъ ея слабости, мелкія страсти и вожделѣнія, грязную подоплеку ея домашняго обихода и мастерски дѣлится этими знаніями съ широкой аудиторіей читателей. Прекрасный разсказчикъ и занимательный собесѣдникъ, онъ не утомляетъ слушателей длинными монологами, резонерствомъ и стремленіемъ дѣлать изъ мухи слона. Съ славянскимъ добродушіемъ, приправленнымъ безобидной ироніей, взираетъ онъ на героевъ столичной сутолоки, не придавая особенно серьезнаго значенія ихъ горестямъ и драмамъ и точно подтверждая изображеніемъ послѣднихъ справедливость народнаго изреченія — «по дѣломъ и мука вору». Вотъ глава семьи, построившій личное благополучіе на расчетахъ выгоднаго брака дочери и окончательно запутавшійся въ долгахъ, вотъ чиновникъ-супругъ, заводящій у себя въ домѣ амурныя шашни съ бонной и разбивающій тѣмъ самымъ крѣпость семейнаго очага, вотъ другой чиновникъ, ставшій лицомъ къ лицу съ неизбѣжнымъ и грознымъ призракомъ смерти и внезапно прозрѣвшій всю суетность прожитой жизни, вотъ цѣлый рядъ побочныхъ дѣйствующихъ лицъ изъ числа столичныхъ обывателей средняго класса, живущихъ изо дня въ день безъ Бога въ сердцѣ и не отдающихъ себѣ хорошенько отчета, зачѣмъ они живутъ и каковы обязанности, возлагаемыя на нихъ жизнью. «Кумиры» г. Тихонова не высокой цѣнности, да онъ и не тщится вытягивать ихъ за уши; крушенія этихъ «кумировъ» не вызываютъ слезъ соболѣзнованія ни въ авторѣ, ни въ читателяхъ, и къ нимъ менѣе всего подходитъ стихъ поэта:

Храмъ разрушенный — все храмъ,
Кумиръ поверженный — все Богъ!

Тѣмъ не менѣе знакомство съ средою и типами этой среды, выведенными даровитымъ писателемъ, поучительно и неминуемо вызываетъ въ читателяхъ серьезное размышленіе касательно современнаго семейнаго строя и обязанностей, возлагаемыхъ на человѣка его семейнымъ положеніемъ. Г. Тихоновъ, повидимому, ставитъ себѣ въ настоящее время главной задачей разработку именно семейныхъ мотивовъ въ буржуазныхъ слояхъ общества, которые ему близко знакомы, и, надо отдать ему справедливость, справляется съ этой задачей вполнѣ удовлетворительно. Книжка его, благодаря легкости манеры повѣствованія и занимательности содержанія, несомнѣнно можетъ оказаться полезнымъ факторомъ проведенія въ общество этическихъ началъ. Современный семейный строй, какъ извѣстно, не отличается крѣпкими устоями, свѣтлыми идеалами и правильными взаимоотношеніями членовъ семьи между собою; поэтому всякая литературная попытка внести сюда необходимые коррективы и указанія на главнѣйшія язвы заслуживаетъ признательности и поддержки. Г. Тихоновъ внесъ въ современную литературную работу съ такими задачами и такого направленія свою посильную лепту, и его «Разбитые кумиры» являются видным слѣдомъ указаннаго литературнаго теченія. Г. Л. И.

Digitized by Google

„Album biograficzne zasłużonych polaków i polek XIX wieku“ (Біографическій альбомъ славныхъ поляковъ и полекъ XIX стол.). Выпускъ I—III. Варшава. 1898.

Благодарность и память каждаго общества въ отношеніи людей, послужившихъ ему въ его прошломъ, обыкновенно, бываетъ единственною наградою ихъ заслугъ и потому должна быть обязательною для общественной совѣсти. Такими, очевидно, соображеніями руководилась между прочимъ редакція варшавскаго иллюстрированнаго «Воскреснаго Курьера» («Kurjer niedzielny», II-й годъ изданія), приступивъ къ изданію художественнаго біографическаго альбома своихъ соотечественниковъ, прославившихся въ текущемъ столѣтіи на поприщѣ науки, искусства и общественной жизни. Въ вышедшихъ до сихъ поръ трехъ выпускахъ этого интереснаго и цѣннаго въ историческомъ отношеніи альбома помѣщены между прочимъ портреты и біографическіе очерки генерала Генриха Домбровскаго и полковника Яна Козетульскаго—героевъ наполеоновской эпопеи, великаго литовскаго канцлера Іоахима Хрептовича, профессоровъ Андрея Снядецкаго и Евс. Словацкаго, придворнаго живописца короля Станислава-Августа Марцеллія Бачіарелли (Marcello Baciarelli), государственнаго мужа Тадеуша Чацкаго, извѣстнаго политическаго дѣятеля Маврикія Мохнацкаго, славнаго композитора Карла Курпинскаго, высокообразованной княгини Изабеллы Чарторыйской, супруги князя Адама-Казиміра, «генерала земель подольскихъ», знаменитаго поэта и духовнаго оратора, архіепископа варшавскаго Яна-Павла Воронича, храбраго, безвременно погибшаго князя Іосифа Понятовскаго, талантливаго живописца Смуглевича, извѣстнаго историка Нѣмцевича, поэта временъ Станислава-Августа Карпинскаго, извѣстнаго своимъ участіемъ въ войнѣ съ русскими 1794 г., дивизіоннаго генерала Карла Княжевича (біографія написана извѣстнымъ г. Алекс. Краусгаромъ), памятнаго Варшавѣ д ра медицины Франца Брандта, даровитаго художника Антона Бродовскаго (очеркъ принадлежитъ перу проф. г. Войцѣха Герсона), писательницы, княжны Маріи Виртембергской, дочери вышепомянутой Изабеллы Чарторыйской, автора знаменитыхъ «Деревенскихъ пѣсенъ» («Pieśna wiejskie», Кр., 1811) Казиміра Бродзинскаго (жизнеописаніе составлено проф. г. П. Хмѣловскимъ), творца чудныхъ полонезовъ кн. Мих. Огинскаго, замѣчательнаго педагога, ксендза-піара Онуфрія Копчинскаго, превосходнаго живописца Мих. Стаховича, доктора Рафаила Червяковскаго и профессора литературы въ бывшемъ Виленскомъ университетѣ Леона Боровскаго (біографическій очеркъ написанъ г. Фердин. Гёзикомъ). Всѣхъ выпусковъ, въ которыхъ предполагается дать до тысячи портретовъ, будетъ 30, и стоить они будутъ 15 рублей.

Г. А. Воробьевъ.

Два письма князя В. Ѳ. Одоевскаго къ ея императорскому высочеству великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Спб. 1898.

Письма князя Владиміра Ѳеодоровича Одоевскаго являются въ свѣтъ какъ нельзя болѣе кстати. Лекціи А. Ѳ. Кони вызвали живѣйшій интересъ къ личности покойнаго филантропа и разносторонняго общественнаго дѣятеля.

Digitized by Google

Письма, изданныя г. Н. Карцевымъ, проливаютъ свѣтъ на ту сторону дѣятельности В. Ѳ. Одоевскаго, которой отводили до сихъ поръ слишкомъ мало мѣста, говоря о его жизни и трудахъ. Дѣятельность эта — педагогическая. В. Ѳ. былъ педагогомъ практикомъ. Въ письмахъ своихъ Одоевскій останавливается на рѣшеніи и изложеніи чисто практическихъ вопросовъ, связанныхъ съ благополучіемъ Маріинскаго института. Въ первомъ письмѣ Одоевскій рѣшаетъ вопросы о поведеніи и отлучкахъ классныхъ дамъ, второе письмо даетъ характеристику тогдашняго положенія института. Касаясь ближайшимъ образомъ этого заведенія, письма В. Ѳ. содержатъ богатый матеріалъ для исторіи русскаго педагогическаго дѣла въ сороковыхъ годахъ. Щ.

Мои воспоминанія. Академика Ѳ. И. Буслаева. Съ портретомъ автора. Изданіе В. Г. фонъ-Вооля. М. 1898.

Вышедшія теперь отдѣльнымъ изданіемъ «Воспоминанія» академика Буслаева не представляютъ собой чего либо новаго: они были уже напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» за 1890—1892 годы. Къ сожалѣнію, въ новое изданіе не включены даже дополненія, продиктованныя Буслаевымъ послѣ того, какъ были отпечатаны его воспоминанія въ журналѣ. Какъ видно изъ предисловія, послѣдніе годы жизни Буслаевъ сильно хворалъ, а въ 1893 году разболѣлся до такой степени, что вынужденъ былъ прекратить всякія занятія и даже писаніе воспоминаній. Въ это время онъ могъ только вспоминать устно, «разсказывать». Одинъ изъ его друзей началъ записывать его разсказы, и однажды прочелъ Буслаеву все записанное имъ, прося позволенія записывать послѣ каждой бесѣды и потомъ прочитывать ему слышанное. Буслаевъ не только согласился на это, но даже взялся самъ диктовать ему различныя событія, не вошедшія въ отпечатанныя уже «Мои воспоминанія». Такимъ образомъ составилась интересная рукопись, которую самъ Буслаевъ озаглавилъ «Дополненія къ моимъ воспоминаніямъ». Съ 24-го августа 1893 г. по 1-е марта 1896 г. Буслаевъ аккуратно два раза въ недѣлю диктовалъ «Дополненія» и довелъ ихъ до конца (рукопись заключаетъ въ себѣ 406 страницъ листового формата). Почему не включены въ книгу эти дополненія, часть которыхъ уже была напечатана, совершенно непонятно. Издатель настоящей книги, г. фонъ-Вооль, объясняетъ, что онъ сдѣлалъ это, не желая «нарушать цѣльность записокъ Буслаева». Казалось бы, наоборотъ, что изданіе дополненій вмѣстѣ съ основными «Воспоминаніями» придастъ имъ большую цѣльность. Но, разъ ужъ такая ошибка допущена, намъ остается только пожелать, чтобы «Дополненія» были изданы въ возможно скорѣйшемъ времени. Желательно было бы, чтобы къ нимъ былъ приложенъ именной указатель, который отсутствуетъ, къ сожалѣнію, въ настоящемъ изданіи. Вошедшія въ настоящій томъ воспоминанія обнимаютъ собой періодъ времени съ 1834 по 1877 г. По своему содержанію они слишкомъ субъективны и заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ для біографіи самого Буслаева, хотя немало также найдется въ нихъ интересныхъ фактовъ для характеристики Московскаго университета, профессоровъ и ученыхъ. В. Б.

Digitized by Google

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ТО ПРЕДАЛО Іерусалимъ въ руки мусульманъ? Извѣстный англійскій публицистъ, Станлей Лэнъ-Пуль, въ іюльской книжкѣ «Cornhill Magazine» [1]) рисуетъ хотя бѣглыми, но живыми чертами картину тѣхъ событій въ Палестинѣ въ 1187 г., которыя привели къ потерѣ христіанами Іерусалима и къ овладѣнію имъ мусульманами, не выпускающими его изъ своихъ рукъ до сихъ поръ. Съ самаго начала этого злополучнаго года для крестоносцевъ, которые твердо держались въ Іерусалимѣ, Акрѣ, Тирѣ, Сидонѣ, Аскалонѣ и многихъ другихъ твердыняхъ въ Святой Землѣ, всѣ знали, что близится критическій моментъ въ борьбѣ христіанъ съ невѣрными. Два года передъ тѣмъ графъ Раймундъ Триполисскій, регентъ Іерусалимскаго королевства во время малолѣтства Бальдуина V, самый способный и разумный человѣкъ среди послѣднихъ крестоносцевъ, заключилъ съ Саладиномъ трактатъ на четыре года, въ продолженіе которыхъ христіане должны были воздерживаться отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій, а сарацины—не переступать границъ своихъ владѣній за Іорданомъ. Саладинъ свято держалъ свое слово, котораго онъ никогда не нарушалъ, но за христіанъ было трудно поручиться, такъ какъ ихъ постоянно подстрекали къ нападеніямъ на мусульманъ патеры и монахи. Къ тому же въ ихъ лагерѣ взяли верхъ молодые дѣятели; по смерти Бальдуина V они возвели на престолъ Сивиллу, представительницу королевскаго

[1]) The fight that lost Ierusalem, by Stanley Lane-Poole. Cornhill Magaz. July.

Digitized by Google

дома, и она дѣлила корону съ своимъ мужемъ Гвидо Лузиньяномъ. Раймундъ удалился въ свой Тиверіадскій замокъ на берегу Галилейскаго озера, и отъ страха Гвидо, который постоянно грозилъ подвергнуть тяжелой карѣ измѣнника святому кресту и друга Саладина, онъ даже окружилъ себя стражей изъ сарацинъ, присланныхъ для его защиты Саладиномъ. Но въ то время какъ христіане ссорились между собою, мусульмане никогда не были такъ тѣсно сплочены, какъ при Саладинѣ, который соединилъ въ одно могучее цѣлое различныя расы и племена, обитавшія всю страну между Ниломъ и Тигромъ. Изъ простого рядового въ арміи Нур-ед-дина онъ сдѣлался вице-королемъ Египта и, присоединивъ къ нему Сирію и Месопотамію, дошелъ до того, что самъ Багдадскій халифъ называлъ его султаномъ ислама. Но всего этого Саладину было мало, и онъ мечталъ объ освобожденіи Іерусалима изъ рукъ «язычниковъ». Для него Іерусалимъ былъ столько же святъ, какъ для крестоносцевъ, ради Іисуса, сына Маріи, котораго всѣ мусульмане чтятъ и еще болѣе потому, что тамъ пророкъ вознесся для обозрѣнія тайнъ рая и всѣ вѣрные соберутся въ день страшнаго суда. Поэтому очищеніе Святой Земли отъ «политеистовъ» было его излюбленной мечтой. Много лѣтъ онъ подготовлялъ ударъ, который долженъ былъ повести къ достиженію этой цѣли, но съ нѣкоторыхъ поръ онъ зналъ, что часъ насталъ, и сами христіане дадутъ ему предлогъ къ началу военныхъ дѣйствій. Ему пришлось ждать недолго. Регинальдъ Шатильонскій первый нарушилъ перемиріе, заключенное Раймундомъ. Онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ сарацинской тюрьмѣ и поклялся имъ отомстить; дѣйствительно онъ повременамъ покидалъ свой замокъ въ Каракѣ, къ востоку отъ Мертваго моря, и, несмотря на протесты Іерусалимскаго короля, дѣлалъ набѣги до Медины и грабилъ караваны. Въ концѣ 1186 г. онъ отбилъ большой караванъ, въ которомъ по слухамъ находилась сестра Саладина, и на возраженіе мусульманъ, что существовало перемиріе, онъ отвѣчалъ: «Вы надѣетесь на Магомета, пусть онъ васъ спасетъ». Узнавъ объ этомъ, Саладинъ поклялся лично убить владѣльца Карака. «Взятіе каравана погубило Іерусалимъ», говоритъ одинъ изъ христіанскихъ лѣтописцевъ. Саладинъ призвалъ всѣхъ вѣрныхъ на святую войну, собралъ войска изъ Сиріи, Месопотаміи и Египта въ Дамаскѣ и 28 мая 1187 г. поднялъ свое желтое знамя въ Астаратской равнинѣ. Крестоносцы рѣшились дать отпоръ, предчувствуя, что настала послѣдняя битва христіанъ за обладаніе гробомъ Господнимъ. Гвидо помирился съ Раймундомъ, и всѣ христіанскія силы собрались въ Сафуріи. 2 іюля получилось извѣстіе, что Саладинъ перешелъ Іорданъ и осадилъ Тиверіадскій замокъ, гдѣ находилась жена Раймунда. Несмотря на это обстоятельство, Раймундъ совѣтовалъ крестоносцамъ не идти на встрѣчу къ могущественному врагу по мѣстности, лишенной ручьевъ и источниковъ, а обойти его фланговымъ маршемъ и отрѣзать ему отступленіе черезъ Іорданъ. «Лучше, чтобъ погибли моя Тиверіада, мое имущество и моя жена, чѣмъ вся страна, которая непремѣнно погибнетъ, если вы пойдете прямо на враговъ», сказалъ Раймундъ. Но его не послушали, и Гвидо, находившійся всецѣло подъ вліяніемъ главы храмовниковъ, приказалъ 3 іюля двинуться на Саладина. Армія послѣдняго состояла изъ 12.000 хорошо вооруженныхъ всадниковъ, а христіане имѣли такое же или немного большее войско, но оно со-

Digitized by Google

стояло изъ тяжелой пѣхоты и еще болѣе тяжелой конницы. Главное же, какъ боялся Раймундъ, пройдя значительное пространство въ тяжелой бронѣ по палящему солнцу и вполнѣ изнуренные жаждой, которой нечѣмъ было утолить, крестоносцы потеряли по дорогѣ многихъ храбрецовъ и не были въ состояніи вступить въ бой съ сарацинами, какъ только они достигли ихъ въ Хитинѣ. Они остановились для отдыха на ночь, но вмѣсто отдыха они потеряли свои послѣднія силы, въ агоніи жажды, тщетно оглашая воздухъ криками: «Воды, воды». На слѣдующее утро начался роковой бой, послѣдній бой крестоносцевъ въ Святой Землѣ. Свѣжимъ, фанатичнымъ мусульманамъ было легко справляться съ изнуренными, потерявшими всякую энергію, христіанами, тѣмъ болѣе, что они оттянули бой до того времени, какъ солнце еще болѣе истомило крестоносцевъ и, кромѣ того, подожгли сухіе кустарники для увеличенія ихъ страданій. Несмотря на все, крестоносцы дрались, какъ львы, но они не могли въ изнеможеніи своихъ силъ противостоять стремительнымъ нападеніямъ мусульманской конницы. Самъ Саладинъ вихремъ носился по всему полю сраженія, былъ вездѣ и всюду, лично ведя безумныя аттаки. Наконецъ крестоносцы стали бросать оружіе съ крикомъ: «Не можемъ драться, хотимъ пить», и большія ихъ массы спасались въ горы, надѣясь тамъ найти каплю воды. Гвидо въ отчаяніи поручилъ Раймунду сдѣлать послѣднее усиліе и повести въ аттаку оставшихся крестоносцевъ; онъ взялся за это отчаянное дѣло. Но при ихъ натискѣ сарацины разступились, а потомъ окружили ихъ со всѣхъ сторонъ. Видя, что все пропало, Раймундъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Онъ благополучно достигъ Тира, но, преслѣдуемый проклятіями христіанъ, видѣвшихъ въ немъ измѣнника, онъ вскорѣ умеръ. Что касается до остальныхъ вождей крестоносцевъ, то они или погибли въ бою, или были взяты въ плѣнъ; къ послѣднимъ принадлежали король и Регинальдъ Шатильонскій, котораго, согласно клятвѣ, Саладинъ собственноручно убилъ въ своей палаткѣ. Битвой подъ Хитиномъ окончилось христіанское царство въ Палестинѣ; у крестоносцевъ не осталось болѣе арміи, и 2 октября Іерусалимъ сдался Саладину. Тогда началось въ Святой Землѣ царство мусульманъ, продолжающееся до сихъ поръ.

— Агнеса Сорель. Въ Revue Hebdomadaire отъ 2-го іюля помѣщенъ отрывокъ изъ подготовленной къ печати книги г-жи Бланшъ Когенъ «Les reines de France et les favorites des rois de France», въ которой авторъ рисуетъ портреты всѣхъ женщинъ, раздѣлявшихъ тронъ французскихъ королей и вліявшихъ на нихъ въ качествѣ фаворитокъ. Эти портреты основаны какъ на печатныхъ, такъ и на рукописныхъ матеріалахъ, а самыя характеристики героинь отличаются рельефною картинностью. Въ настоящемъ отрывкѣ авторъ знакомитъ съ двумя фаворитками Карла VII: Агнесой Сорель и баронессой Антуанетой Вилинье [1]). Первая изъ нихъ извѣстна, какъ одна изъ наиболѣе энергичныхъ дѣятельницъ освобожденія Франціи отъ англійскаго владычества. Она вырвала слабохарактернаго короля изъ постыдной апатіи, заставивъ его болѣе достойно исполнять свои королевскія обязанности и принять услуги Іоанны д'Аркъ, которой она всячески содѣйствовала. Агнеса Сорель была дочерью провинціаль-

[1]) Les favorites de Charles VII. Par Blanche Cohen.

Digitized by Google

наго судьи и совѣтника графа Клермонскаго. Еще ребенкомъ она была взята ко двору герцога Лотарингскаго и воспитывалась вмѣстѣ съ его дочерью Изабеллою. Послѣ замужества Шубемы съ герцогомъ Анжуйскимъ, Агнеса вмѣстѣ съ нею перешла во французскій дворъ, и тамъ Карлъ VII тотчасъ влюбился въ нее. Ей тогда было двадцать лѣтъ, и, отличаясь серьезнымъ, благоразумнымъ характеромъ, она долго сопротивлялась недостойнымъ предложеніямъ короля и уступила только въ виду увѣщеваній самой королевы и ея матери, которыя разсчитывали на ея доброе вліяніе на короля. Дѣйствительно, въ продолженіе двадцатилѣтнихъ отношеній къ нему Агнеса никогда ничего не дѣлала, кромѣ добра, ни ему, ни Франціи. «Дама Красоты», какъ ее всѣ называли, не только отличалась необыкновенной красотой, но и замѣчательнымъ умомъ и глубокими нравственными достоинствами. Она была добрая, сочувственно относилась къ горестному положенію народа и старалась всячески улучшить его долю. Фонтенель въ своихъ діалогахъ вкладываетъ въ уста Агнесы очень характеристичное объясненіе ея роли въ исторіи Франціи: «король, который меня любилъ, хотѣлъ уступить свое королевство иностраннымъ узурпаторамъ и удалиться со мной въ горы, но я отвратила это злое намѣреніе слѣдующей стратагемой. Я вызвала ко двору астролога и, сговорившись съ нимъ тайно, представила его королю, при которомъ попросила астролога предсказать мнѣ мою будущность. Онъ отвѣчалъ, что сочетаніе планетъ предсказываетъ мнѣ любовь могущественнаго короля. Тогда я сказала Карлу: «въ виду этихъ словъ астролога не разсердитесь, если я отправлюсь къ англійскому двору, такъ какъ вы не хотите быть могущественнымъ королемъ, и мнѣ надо искать другого». Изъ боязни потерять меня онъ рѣшился сдѣлаться могущественнымъ королемъ и съ этой минуты сталъ энергичнѣе». Благодарная Франція не забыла услугъ королевской фаворитки, и ея имя уважалось народомъ болѣе многихъ королевъ. Несмотря на все вліяніе Агнесы и преданную любовь короля къ ней, она впродолженіе десяти лѣтъ ловко стушевывалась при дворѣ, несмотря на пожалованный ей титулъ графини Пентьевръ. Но потомъ, когда она стала бояться соперницъ, она начала открыто разыгрывать роль фаворитки, что навлекло на нее непріязнь многихъ при дворѣ и даже недоброжелательство народа. Послѣднее обстоятельство, выразившееся враждебнымъ пріемомъ парижанъ въ 1448 году, при ея проѣздѣ чрезъ столицу, такъ повліяло на нее, что она удалилась въ свой замокъ Аневиль и, спустя два года, умерла на сороковомъ году жизни. Ее похоронили въ соборѣ, въ Лошъ, гдѣ Карлъ VII воздвигнулъ ей великолѣпный памятникъ. Ея портретъ сохранился въ видѣ мадонны въ Антверпенскомъ музеѣ, съ надписью: «Пресвятая Дѣва Марія въ образѣ Агнесы Сорель, фаворитки Карла VII, короля французскаго, умершей въ 1450 году». Но, по словамъ Бланшъ Когенъ, врядъ ли сама Агнеса, въ виду ея искренней религіозности, рѣшилась бы позировать для картины, изображающей Богородицу, а потому этотъ портретъ ея не достовѣренъ, и слѣдуетъ положительно отдать предпочтеніе портрету Агнесы Сорель, находящемуся въ Версали, хотя и безъ подписи. Къ чести этой королевской фаворитки надо еще сказать, что она всегда оставалась вѣрной Карлу VII и очень любила трехъ дочерей, которыми она подарила короля. Быть можетъ, ея слава никогда бы не достигла

Digitized by Google

такого апогея, какъ послѣ ея смерти, еслибъ ея мѣсто не заняла ея двоюродная сестра, Антуанета Маньеле, выданная королемъ замужъ за барона Виленье. Новая фаворитка была рѣзкой противоположностью старой. Самолюбивая, думавшая только о себѣ и развратная Антуанета не только имѣла любовниковъ помимо короля, но и сама поставляла ему любовницъ. Поэтому при дворѣ ее ненавидѣли, а вся Франція презирала ее, и съ злорадствомъ всѣ противоставляли ей свѣтлый образъ Агнесы Сорель.

— Шекспиръ не Шекспиръ, а Марло. Американцы, повидимому, поставили себѣ задачей развѣнчивать Шекспира, и если имъ не удалось замѣнить его Бекономъ, то теперь явился новый иконоклastъ, который смѣло доказываетъ, что шекспировскія пьесы писалъ Христоферъ Марло. Никто не отвергалъ до сихъ поръ драматическихъ заслугъ Марло, одного изъ предшественниковъ и современниковъ Шекспира, но, чтобы онъ написалъ Гамлета, никто не подозрѣвалъ, и это великое открытіе сдѣлалъ надняхъ американецъ Вильбуръ-Глисонъ-Цейглеръ, который, по его собственнымъ словамъ, съ помощью жены и матери, написалъ курьезную книгу, не то біографію, не то романъ, подъ заглавіемъ: «Это былъ Марло—исторія трехвѣковой тайны» [1]). Цейглеръ задумалъ доказать, что Марло способенъ былъ сдѣлаться Шекспиромъ. Приводимые имъ аргументы въ доказательство новой антишекспировской теоріи болѣе чѣмъ оригинальны. Конечно, прежде всего нужно было отвергнуть права Шекспира и даже Бекона на шекспировскія пьесы, и этотъ вопросъ американецъ разрѣшаетъ очень просто. Ни тотъ, ни другой не говорили ни слова о своихъ пьесахъ въ завѣщаніяхъ, а потому очевидно, по словамъ Цейглера, что не они были авторами «Гамлета», «Макбета» и т. д. Но чѣмъ же онъ доказываетъ авторство Марло? Также очень просто. Подвергнутый судебному преслѣдованію за богохульство, Марло искалъ спасенія въ укрывательствѣ отъ суда, а слѣдовательно не могъ писать пьесы подъ своимъ именемъ. Чтобы выйти изъ этого затруднительнаго положенія, онъ предложилъ своему пріятелю актеру Шекспиру подписывать за него эти пьесы. На это будто бы Шекспиръ, если вѣрить американцу, отвѣчалъ со смѣхомъ: «какъ, я буду писать пьесы? Что вы, да этому никто не повѣритъ! Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я сторожилъ лошадей передъ театрами, а тутъ вдругъ буду авторомъ пьесъ». Какъ бы то ни было, а, по увѣренію Цейглера, Марло скрылся отъ судебныхъ властей въ какой-то лондонской трущобѣ, а его пьесы давались подъ именемъ Шекспира. Какъ безспорное доказательство того, что Марло дѣйствительно писалъ шекспировскія пьесы, Цейглеръ приводитъ въ концѣ своей книги разговоръ Бена Джонсона съ Томасомъ Нашемъ, послѣ перваго представленія «Гамлета». Нашъ доказывалъ, что Шекспиръ виновенъ въ плагіатѣ, именно заимствовалъ цѣлую фразу изъ пьесы Марло «Эдуардъ Второй», но Бенъ Джонсонъ отвѣчалъ: «это нимало не плагіатъ, а только доказываетъ, что самую пьесу писалъ Марло». Если къ тому же выводу не приходитъ читатель, прочитавшій книгу американца, то въ этомъ виноватъ не авторъ, который изъ кожи лѣзетъ, чтобы доказать свой тезисъ.

---

[1]) It was Marlowe: a story of the secret of three centuries. By Wilbur Gleason Zeigler. New-York. 1898.

Digitized by Google

— Карлъ I. Конечно, исторія не нуждалась въ новой апологіи Карла I, и всѣ спорные вопросы относительно его борьбы съ парламентомъ давно разрѣшены. Факты этой борьбы общеизвѣстны, и хотя судъ исторіи можетъ измѣниться въ мелочахъ, но въ принципѣ онъ уже безапеляціонно высказался противъ несчастнаго представителя дома Стюартовъ. Однако, недавно умершій сэръ Джонъ Скельтонъ нашелъ нужнымъ составить новую біографію Карла въ строго панегирическомъ духѣ [1]), и хотя въ ней нѣтъ ничего новаго, но она написана такъ умѣренно и литературно, а издана такъ изящно, благодаря приложенію къ ней прекрасныхъ снимковъ съ портретовъ Вандика, видовъ Вестминстера, картинъ важнѣйшихъ историческихъ событій того времени, что его трудъ является нелишнимъ. Конечно, какъ торій старой школы, авторъ доказываетъ, что палата общинъ виновата въ возбужденіи борьбы, что король былъ обязанъ сопротивляться ея требованіямъ, что религія была въ основѣ распри, и форма религіи, отстаиваемая палатой, отличалась невозможнымъ фанатизмомъ, что поведеніе палаты нарушало конституцію, что казнь Карла была политическимъ безуміемъ, что палата обнаружила неспособность его къ управленію страной, и что Кромвель, деспотизму котораго палата предала страну, далеко не былъ искреннимъ и благороднымъ героемъ, какъ его рисуетъ Карлайль. Но защищая, такимъ образомъ, своего кумира, сэръ Джонъ Скельтонъ все-таки признаетъ въ немъ безтактность и отсутствіе благоразумія, а въ его совѣтникахъ, особенно въ королевѣ Генріетѣ-Маріи и архіепископѣ Лаудѣ, многіе недостатки. Хотя, по его словамъ, онъ основываетъ свои аргументы на почтенномъ, безпристрастномъ историческомъ трудѣ Гардинера, но нельзя не сказать, что онъ черпаетъ изъ него только то, что подтверждаетъ его собственные взгляды, не касаясь очень серьезныхъ его осужденій той или другой стороны стюартовскаго управленія страной.

— Взятіе Гаванны англичанами въ 1762 г. Въ іюльской книжкѣ «Nineteenth Century» помѣщенъ очень кстати, въ виду испано-американской войны, очеркъ взятія главнаго города Кубы англійской эскадрой за сто тридцать шесть лѣтъ тому назадъ [2]). Авторъ, подполковникъ Ади, основалъ свой живой разсказъ преимущественно на біографіи адмирала Кеппеля, героя этого подвига англичанъ, показавшаго примѣръ, какъ слѣдуетъ овладѣть Гаванной дружнымъ натискомъ съ моря и суши. Эта осада, начавшаяся 7-го іюля и окончившаяся 8-го октября, происходила въ самое неблагопріятное время, среди постоянныхъ дождей, такъ что рядомъ съ потерей 560 человѣкъ убитыми и ранеными, англичане лишились 4.708 человѣкъ, благодаря болѣзнямъ. Война была объявлена 4-го января, но морская экспедиція вышла изъ Портсмута только 5-го мая, а къ аттакѣ Гаванны приступлено 7-го іюля. Англійская эскадра состояла изъ 27 линейныхъ кораблей, 20 мелкихъ судовъ и 156 транспортовъ съ 11.350 солдатами. На другой день послѣ прибытія къ Гаваннѣ сдѣланы распоряженія къ высадкѣ къ востоку отъ форта Моро между

---

[1]) Charles I, by sir John Skelton. London. 1898.

[2]) The capture of Havanna by England in 1762, by lieut. col. Adye. Ninet. Cent. July.

Digitized by Google

устьями рѣкъ Бока-Нао и Коксилгара. Испанскій флотъ былъ запертъ въ Гаванской бухтѣ, потому что испанцы потопили три изъ своихъ лучшихъ судовъ въ проходѣ въ бухту, чтобъ помѣшать англичанамъ проникнуть туда. Фортъ Моро сдѣлался предметомъ нападенія англичанъ. Испанцы мужественно защищались, такъ что только 30-го іюля англичане, получивъ покрѣпленія съ Ямайки и изъ Америки, взяли приступомъ фортъ Моро. Но и тогда испанцы не хотѣли сдаться, и бомбардировка Гаванны началась 10-го августа. Спустя четыре дня, городъ сдался, и англичанамъ достались девять линейныхъ кораблей, кромѣ трехъ потопленныхъ, что все вмѣстѣ составляло пятую часть тогдашнихъ морскихъ силъ Испаніи, и около 3 милліоновъ ф. ст., находившихся въ Кубинскомъ казначействѣ. Вся семья Кеппель, члены которой занимали высокіе посты во флотѣ и арміи, получила на свою долю призовыхъ денегъ не менѣе 150.000 ф. ст. Однако Гаванна оставалась въ рукахъ Англіи только годъ и была возвращена Испаніи по миру 1763 г.

— Государственный переворотъ 1772 г. въ Швеціи. Французскій историкъ Бонневиль де-Марсанжи поставилъ себѣ спеціальною цѣлью изученіе извѣстнаго дипломата XVIII столѣтія Вержена и, напечатавъ исторію его посольства въ Константинополь (Le chevalier de Vergenne; sa vie à Constantinople), онъ теперь посвятилъ свой новый трудъ его посольству въ Швеціи [1]). Такъ же, какъ и первое сочиненіе ученаго автора, вторая книга о Верженѣ основана на тщательномъ изслѣдованіи архивныхъ документовъ и имѣетъ большой интересъ для русскихъ, такъ какъ поле дѣятельности Вержена одинаково въ Константинополѣ и въ Стокгольмѣ соприкасалось съ русской политикой. При Людовикѣ XV французская дипломатія очень цѣнила союзъ съ Швеціей и платила ей значительныя субсидіи. Кромѣ того, ея представители вмѣшивались въ борьбу шведскихъ политическихъ партій, поддерживая аристократическую противъ демократической, которой оказывали помощь Англія и Россія, и это вмѣшательство стоило Франціи въ 1769 году 1.648.000 ливровъ, а въ слѣдующемъ году 1.400.000. Съ восшествіемъ на престолъ молодого Густава III въ 1771 г. дипломатическія интриги европейскихъ кабинетовъ въ Стокгольмѣ еще усилились, и Франція рѣшила назначить туда не министра резидента, а посла съ широкими полномочіями, и выборъ Людовика XV палъ на Вержена. Этотъ ловкій, опытный дипломатъ зналъ, что въ тогдашней Швеціи ничего нельзя было сдѣлать безъ денегъ, и въ виду преобладанія въ парламентѣ демократической партіи потребовалъ значительныхъ финансовыхъ средствъ. Ему въ этомъ не отказали, и французское правительство назначило шведскому королю ежегодную субсидію въ 1.500.000 ливровъ, на подкупы мѣстныхъ политическихъ дѣятелей 2 милліона и Вержену 100.000 содержанія, 150.000 прибавки и 700.000 въ мѣсяцъ на расходы во время сессіи шведскаго сейма. Снабженный такими обильными средствами, Верженъ думалъ разыграть роль полубога въ Стокгольмѣ, но онъ ошибся, и вожаки аристократической партіи Шляпъ такъ закидали его требованіями денегъ, что онъ израсходовалъ живо все, что имѣлъ,

[1]) Le comte de Vergennes, son ambassade en Suède, par M. Bonneville de Marsangy. Paris. 1898.

Digitized by Google

а въ результатѣ ничего не добился. Демократическая партія Шапокъ одержала верхъ, Густавъ долженъ былъ ей уступить въ дѣлѣ выбора предсѣдателя сейма, и вообще, по словамъ Вержена въ его депешѣ отъ 15 августа, «эти люди составляютъ душу шведскаго управленія». Такимъ образомъ Франція тщетно израсходовала $2^1/_2$ милліона ливровъ, и министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Егвильонскій, заявилъ Вержену, что съ 1 января 1772 г. будутъ прекращены шведскія субсидіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ написалъ Густаву отъ имени короля, что лучшимъ выходомъ изъ критическаго положенія для него было учинить государственный переворотъ съ помощью арміи. Этотъ совѣтъ вполнѣ согласовался съ тайными желаніями короля, но онъ боялся открыто пойти противъ всесильнаго парламента и не разсчитывалъ на войско, которое присягало конституціи, къ тому же Верженъ, не знавшій о перемѣнѣ мнѣній Версальскаго правительства, которое, какъ всегда, вело двѣ политики: открытую черезъ посла и тайную посредствомъ секретныхъ писемъ, продолжалъ уговаривать Густава дѣйствовать осторожно и не предпринимать ничего противъ конституціонныхъ порядковъ. Поэтому Густавъ сталъ медлить, торжественно присягнулъ конституціи и поклялся не только поддерживать существовавшую конституцію, но и подвергнуть примѣрному наказанію, какъ измѣнника, всякаго, кто предприметъ что нибудь для ея уничтоженія или измѣненія. Однако это ему не помѣшало совершить государственный переворотъ, когда настало для того удобное время, и съ помощью Вержена, который получилъ тогда увѣдомленіе о перемѣнѣ Версальской политики и выдалъ королю по распоряженію своего правительства 600.000 ливровъ. 19 августа Густавъ пригласилъ ко дворцу 200 офицеровъ, объявилъ имъ, что хочетъ спасти страну отъ ига партій, отправился съ ними и съ отрядомъ солдатъ въ сенатъ, арестовалъ всѣхъ сенаторовъ и возвратился во дворецъ тріумфаторомъ въ сопровожденіи войска. Члены палаты пытались произвести народное возстаніе, но неуспѣшно, и 21 августа, созвавъ сеймъ, Густавъ заставилъ его присягнуть новой конституціи, списанной съ той, которая существовала въ Швеціи отъ Густава Адольфа до Карла XI. Все обошлось мирно какъ въ Стокгольмѣ, такъ и во всей странѣ, которой надоѣла борьба партій изъ-за личныхъ и корыстолюбивыхъ цѣлей. Шведскій государственный переворотъ произвелъ большое впечатлѣніе на всю Европу. Франція ликовала, Англія безмолвствовала, Екатерина II сначала пришла въ ярость и грозила вторженіемъ въ Финляндію, но объясненія Густава ее успокоили. Верженъ за свое участіе въ этомъ событіи получилъ титулъ графа, а спустя два года, по восшествіи на престолъ Людовика XVI, сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ.

— Каліостро въ Петербургѣ и въ Бастиліи. Во второй іюльской книжкѣ Revue des Revues [1]) напечатаны отрывки изъ мемуаровъ барона Гейкинга, которые появились въ русскомъ переводѣ въ «Русской Старинѣ». По словамъ редакціи французскаго журнала, подлинникъ написанъ пофранцузски, и внукъ автора доставилъ ей четыре главы, не вошедшія въ русскій переводъ, и потому имѣющіе характеръ неизданной новинки. Самъ баронъ Гейкингъ, по происхожденію курляндецъ, воспитывался въ Варшавѣ, и нахо-

[1]) Memoires inedits du Baron Heiking. Revue des Revues. 15 juillet.

Digitized by Google

дился какъ въ гражданской, такъ и военной службѣ сначала въ Польшѣ, а потомъ въ Россіи, гдѣ умеръ сенаторомъ, а потому его воспоминанія о событіяхъ конца XVIII и начала XIX столѣтія представляютъ значительный и разнообразный интересъ. Такъ въ отрывкахъ, помѣщенныхъ въ Revue des Revues, разсказывается величіе и паденіе Карла, сына саксонскаго короля Августа III, который былъ избранъ Курляндіей въ герцоги и управлялъ этой страной въ промежутокъ времени отъ ссылки въ Сибирь знаменитаго Бирона и его возвращенія при Петрѣ III; затѣмъ проходятъ передъ читателями картина барской конфедераціи, портреты нѣкоторыхъ французовъ, игравшихъ роль въ Варшавѣ того времени, а наконецъ живая сценка изъ пребыванія Каліостро въ Петербургѣ. Двѣ странички, касающіяся этого пресловутаго мага и волшебника, представляетъ, быть можетъ, наибольшій интересъ изъ новыхъ воспоминаній барона Гейкинга. По его словамъ, Каліостро прибылъ съ женою въ Петербургъ въ 1779 году изъ Митавы, гдѣ онъ вскружилъ всѣмъ головы, въ томъ числѣ барону Медему и фонъ-Говену, который далъ ему рекомендательное письмо къ Гейкингу. Поэтому Каліостро первымъ дѣломъ послѣ пріѣзда въ русскую столицу явился къ нему съ этимъ письмомъ. Сначала онъ началъ разговоръ пофранцузски, но Гейкингъ отвѣчалъ понтальянски и они продолжали разговоръ на этомъ языкѣ, причемъ оказалось, что знаменитый графъ выражался на очень грубомъ, народномъ нарѣчьи, безъ малѣйшей тѣни литературной культуры. Онъ тотчасъ пригласилъ своего новаго пріятеля къ себѣ, чтобъ познакомить его съ женой, которая, по его словамъ, была гросмейстериной ордена Усыновленія, а по происхожденію принцессой Делла-Кроче. Въ дѣйствительности она оказалась бѣдной угнетенной женщиной съ заплаканными глазами, которую ея мужъ заставляетъ насильно плясать по своей дудкѣ. «Облобызай этого именитаго брата,—воскликнулъ входя курьезный магъ:—онъ принадлежитъ къ нашему ордену». Она поцѣловала Гейкинга, а Каліостро продолжалъ, обращаясь къ нему: «Я пріѣхалъ сюда, чтобъ увидѣть великую Екатерину, Семирамиду сѣвера, и чтобъ распространить свѣтъ на востокѣ. Воспитанный въ египетскихъ пирамидахъ, я научился тамъ всѣмъ тайнымъ наукамъ, и я глава князей...». Онъ умолкъ и, взявъ со стола звѣзду на красной лентѣ, прибавилъ: «Вотъ знакъ моего высокаго званія». Гейкингъ узналъ въ звѣздѣ орденъ Станислава, въ которомъ шифръ короля былъ замѣненъ вышитой розой, и не скрылъ этого отъ Каліостро. Онъ пришелъ въ смущенье, но живо оправился, объяснивъ, что дѣйствительно это была звѣзда Станислава, которую ему далъ фонъ-Говенъ, такъ какъ его настоящую звѣзду украли въ Римѣ. «Ну, а это вы знаете?» воскликнулъ онъ нахально, подавая своему собесѣднику листъ, испещренный іероглифами. Гейкингъ взглянулъ и отвѣчалъ: «Я видалъ такіе листы у архиваріуса Бернгарди, но не понимаю ихъ смысла. Хотите, я завтра принесу вамъ десять такихъ листовъ, въ которыхъ вы наравнѣ со мной ничего не поймете». «Я прощаю вамъ,—торжественно произнесъ ловкій шарлатанъ:—ваше недовѣріе и ваше невѣжество, потому что вы младенецъ въ нашемъ орденѣ, несмотря на всѣ ваши масонскія званія. Еслибъ я хотѣлъ, то могъ бы васъ заставить дрожать передъ мною». «Да,—отвѣчалъ Гейкингъ:—еслибъ вы прежде передали мнѣ лихорадку». «Что

Digitized by Google

такое лихорадка для графа Каліостро, повелѣвающаго духами! Знайте, что я...». Въ эту минуту въ комнату вошелъ слуга и доложилъ, что повѣренный въ дѣлахъ Испаніи проситъ, чтобъ господинъ Каліостро, какъ испанецъ, немедленно явился къ нему. Великій магъ поблѣднѣлъ и, понизивъ тонъ, сказалъ: «Что ему нужно отъ меня, этому дипломатишкѣ? Я не имѣю ничего общаго съ нимъ и задамъ ему хорошенько». Было уже около часа дня, и Каліостро пригласилъ Гейкинга обѣдать, на что тотъ съ удовольствіемъ согласился, чтобъ имѣть возможность изучить этого человѣка, казавшагося ему самымъ нахальнымъ и невѣжественнымъ шарлатаномъ. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія ни о химіи, ни о физикѣ, но безцеремонно говорилъ: «Химія ничего не значитъ для человѣка, знающаго алхимію, а въ свою очередь, что такое алхимія для того, кому повинуются духи. У меня есть золото и брилліанты, но я ихъ презираю, и все мое счастье заключается въ томъ, что духи мнѣ повинуются, и умершіе являются по моему зову. Кого изъ умершихъ вашихъ родственниковъ вы желаете видѣть? прибавилъ онъ, видя недовѣрчивую улыбку Гейкинга. Послѣдній отвѣчалъ: «Дяди, но подъ тѣмъ условіемъ, что я выстрѣлю изъ пистолета въ его тѣнь; такъ какъ это тѣнь, то отъ этого не будетъ вреда».—«Вы чудовище, я ничего вамъ не покажу, вы недостойны этого!—воскликнулъ Каліостро и внѣ себя отъ злобы выскочилъ въ другую комнату. Жена его испугалась и сказала Гейкингу, что очень боится гнѣвныхъ вспышекъ мужа, но черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и весело воскликнулъ: «Молодецъ, я такихъ люблю. Но вы современемъ узнаете Каліостро и его тайную власть». Но Гейкингу не пришлось ближе узнать ни того ни другого, такъ какъ онъ вскорѣ уѣхалъ изъ Петербурга, а самого Каліостро вслѣдъ затѣмъ удалили изъ Петербурга, хотя онъ сумѣлъ обойти многихъ знатныхъ лицъ, въ томъ числѣ генерала Мелиссино.

О томъ же Каліостро и объ его женѣ, но уже не въ Петербургѣ, а въ Бастиліи сообщаетъ новыя свѣдѣнія К. Бэдеръ въ статьѣ «Новые документы о Бастиліи», помѣщенной надняхъ въ газетѣ «Journal des Debats» [1]). На основаніи вновь открытыхъ и доселѣ неизвѣстныхъ документовъ изъ архива Бастиліи, авторъ представляетъ любопытныя письма Мальзерба и Буаси д'Англа о королевскихъ приказахъ объ арестѣ въ Бастиліи (lettres de cachet), о казенныхъ расходахъ на узниковъ и наконецъ о пребываніи въ Бастиліи въ 1785 г. Каліостро съ подругой его жизни Лоренцой Феличіани. Эта женщина была дѣйствительно его женою, что доказывается процессомъ, который велъ противъ нея ея мужъ, подъ именемъ Іосифа Бальзамо, въ Парижѣ въ 1773 г., но она тогда сидѣла въ тюрьмѣ Сенъ-Пелажи подъ своимъ дѣвичьимъ именемъ Лоренцы Феличіани. Такъ называли ее и въ процессахъ 1785 г., когда ее судили съ мужемъ за участіе въ знаменитомъ дѣлѣ ожерелья королевы, и 1789 г. въ Римѣ, окончившемся пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ великаго шарлатана и заточеніемъ его несчастной жертвы въ монастырь св. Аполинаріи, гдѣ она и умерла. Дочь бѣднаго рабочаго Феличіани, она вела

[1]) Nouveaux documents sur la Bastille, par C. Bader. Journal des Debats. 14, 16—18 juillet.

Digitized by Google

честную, трудовую жизнь, пока не встрѣтила Каліостро, который плѣнилъ ее своими чарыми, не тайными, а явными, и всю жизнь держалъ ее подъ своимъ роковымъ вліяніемъ, заставляя ее предаваться разврату изъ своихъ выгодъ и обращаясь съ нею самымъ жестокимъ образомъ, несмотря на то, что она на судѣ какъ въ Парижѣ, такъ и въ Римѣ всячески старалась его защитить.

— Переходъ Іоническихъ острововъ изъ французскихъ рукъ въ русскія въ 1799 г. С. Радоконаки помѣстилъ въ четырехъ послѣднихъ книжкахъ «Revue Nouvelle» обширную статью объ Іоническихъ островахъ въ теченіе трехъ лѣтъ отъ 1797 до 1799 годовъ. Въ эти года архипелагъ Адріатическаго моря перемѣнилъ трехъ владѣтелей и постепенно переходилъ отъ венеціанцевъ къ французамъ, а отъ французовъ къ русскимъ. Первые заняли Корфу и остальные острова вслѣдствіе уничтоженія Наполеономъ Венеціанской республики, которой уже давно принадлежали Іоническіе острова. «Корфу, Занте и Кефалонія для насъ интереснѣе, чѣмъ вся Италія, — писалъ Наполеонъ директоріи, — имперія турокъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разрушается, и, владѣя этими островами, мы получимъ возможность поддержать ее насколько возможно или взять подобающую намъ долю въ дѣлежѣ». Поэтому онъ послалъ въ маѣ 1797 г. французскій отрядъ въ 3.500 человѣкъ подъ начальствомъ генерала Жентили, родомъ изъ Корсики, для занятія Іоническихъ острововъ отъ имени новой республики, которая замѣнила Венеціанскую и была «сестрой французской». Обитатели Корфу и другихъ острововъ приняли французовъ радостно, сожгли золотую книгу мѣстнаго дворянства и стали всюду сажать деревья свободы. Жентили велъ себя очень осторожно и хотя управлялъ подиктаторски, но для вида учредилъ народныя собранія и муниципалитеты изъ мѣстныхъ жителей. Однако вскорѣ между представителями населенія и французами пошли столкновенія, и дѣло кончилось тѣмъ, что по миру въ Кампо-Форміо Іоническіе острова были безцеремонно присоединены къ Франціи, при чемъ ихъ раздѣлили на три департамента: Корцирскій, Итакскій и Егейскій, а высшее управленіе было раздѣлено на гражданское и военное, во главѣ которыхъ за выходомъ въ отставку Жентили назначены Комейрасъ и генералъ Шабо. Но не долго французы мирно владѣли своей новой добычей: сначала Шабо пришлось бороться съ знаменитымъ Али-пашей изъ Янины, а затѣмъ появился въ Іоническихъ водахъ соединенный русско-турецкій флотъ. У него въ Корфу было всего 1.500 человѣкъ, а на остальныхъ островахъ маленькіе гарнизоны. Адмиралъ Ушаковъ, командовавшій эскадрой, прежде всего аттаковалъ островъ Черигo, который послѣ бомбардировки и высадки русскихъ, устроившихъ на берегу батарею, сдался. Занте и Кефалонія подверглись той же участи тѣмъ болѣе, что на этихъ островахъ поселяне открыто приняли сторону своихъ единовѣрцевъ русскихъ, хотя послѣдніе и дѣйствовали по странному капризу Павла I вмѣстѣ съ турками. Только на островкѣ Санъ-Маръ французскій гарнизонъ въ 300 человѣкъ оказалъ упорное сопротивленіе высадившимся русскимъ, хотя въ концѣ концевъ долженъ былъ одинаково сдаться послѣ двухнедѣльной осады. Между тѣмъ Шабо, насколько могъ, укрѣпилъ Корфу, и 4-го ноября передъ островомъ появились семь судовъ русско-турецкаго флота. На слѣдующій день

Digitized by Google

русскій парламентеръ съѣхалъ на берегъ и предложилъ Шабо сдаться подъ условіемъ, что гарнизонъ будетъ отпущенъ куда угодно съ военными почестями. Отвѣтивъ гордымъ отказомъ, французскій генералъ роскошно угостилъ парламентера и сопровождавшихъ его двухъ офицеровъ, а также свезъ ихъ въ театръ, гдѣ восторженно пѣли «Марсельезу». Отпустивъ съ честью представителей непріятеля, Шабо заявилъ жителямъ Корфу, что подъ крѣпостью и городскими стѣнами проведены мины, которыя онъ подожжетъ въ крайности, но ни за что не сдастся. Началась осада, и Шабо было еще труднѣе защищаться въ виду возстанія сельскаго населенія по подстрекательству русскихъ и краснорѣчиваго мѣстнаго адвоката Каподистріи. Албанцы и русскіе дѣлали ежедневныя нападенія, но французы стойко держались, истребляя огнемъ предмѣстья, чтобъ очистить мѣстность передъ крѣпостью и городскими укрѣпленіями. Такъ прошло два мѣсяца, и Ушаковъ рѣшилъ покончить съ упорствомъ французовъ. На возвышенностяхъ противъ города были возведены батареи, но Шабо сдѣлалъ энергичную вылазку для уничтоженія произведенныхъ работъ. Однако на ихъ натискъ русскіе и албанцы отвѣчали такимъ же и вынудили французовъ удалиться съ значительнымъ уронomъ и безъ всякаго результата. Нѣсколько дней къ ряду албанцы производили ярыя нападенія на фортъ Спасителя, а русскіе, занявъ Панталеонскій островъ, осыпали городъ ядрами. 21-го февраля прибылъ англійскій корабль «Леандеръ» съ морскимъ офицеромъ Стюартомъ, котораго англійское правительство послало на помощь союзникамъ. Это былъ человѣкъ очень энергичный и способный. Онъ тотчасъ понялъ, что ключемъ Корфу былъ островъ Мира, и 1-го марта 22 непріятельскихъ корабля открыли убійственный огонь противъ него. Гарнизонъ острова въ 450 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Пиверана, мужественно выдержалъ бомбардировку, но когда на островъ нахлынули 1.500 русскихъ и 2.500 турокъ съ албанцами, то произошла безжалостная рѣзня, хотя русскіе старались всячески защитить французовъ; только 50 человѣкъ изъ нихъ успѣли спастись. Въ то же самое время остальныя русско-турецкія силы съ помощью мѣстныхъ поселянъ устремились на крѣпость и форты, но французамъ еще удалось сохранить свою позицію. Ночь прекратила бой. Тогда Шабо очистилъ фортъ Спасителя и въ виду возведенія на островѣ Мира русскими нѣсколькихъ батарей, съ которыхъ они утромъ стали громить городъ, вступилъ въ переговоры о капитуляціи. Турки стали сопротивляться, желая разграбить городъ, но русскіе ихъ пересилили, и капитуляція была подписана. Французы послѣ двадцатимѣсячнаго владѣнія Іоническими островами должны были уступить ихъ русскимъ, а сами удалились на союзныхъ судахъ въ Тулонъ съ обязательствомъ не воевать въ продолженіе $1^1/_2$ года противъ побѣдителей. Русскіе очень любезно обошлись съ французами: Ушаковъ обѣдалъ у Шабо и принималъ его радушно на своемъ флагманскомъ кораблѣ, а по случаю похоронъ французскаго офицера Тиссо русскіе офицеры и солдаты проводили его вмѣстѣ съ французами до могилы, при чемъ музыка играла «Марсельезу». На этомъ кончается очеркъ Радоконаки, основанный на печатныхъ и рукописныхъ матеріалахъ, изъ которыхъ послѣдніе принадлежатъ архивамъ французскихъ министерствъ: военнаго и иностранныхъ дѣлъ.

Digitized by Google

— Замѣчанія генерала Драгомирова о революціонно-наполеоновской арміи. Генералъ Драгомировъ, постоянный сотрудникъ «Nouvelle Revue», напечаталъ въ іюльскихъ книжкахъ этого журнала съ своимъ предисловіемъ подлинникъ «Замѣчаній о французской арміи», которыя написаны въ Петербургѣ въ 1808 г. и впервые появились, хотя не вполнѣ, въ «Русской Старинѣ» нѣсколько лѣтъ тому назадъ [1]). Теперь Драгомировъ случайно нашелъ печатный подлинникъ статьи, тогда какъ «Русская Старина» пользовалась рукописной копіей съ пропусками. По его словамъ, авторъ этого замѣчательнаго сочиненія хотя и неизвѣстенъ, но долженъ быть французъ, близко видѣвшій войну и получившій хорошее какъ общее, такъ и спеціально военное образованіе. «Только французъ,—замѣчаетъ русскій генералъ,—могъ такъ хорошо знать французскую армію, только человѣкъ, самъ бывавшій на войнѣ, могъ такъ тонко указать на психологическую основу военныхъ успѣховъ, и только высокообразованный и знающій военную технику писатель могъ такъ ясно и систематично анализировать столь сложный предметъ, между прочимъ указать, что до сихъ поръ еще не всѣ понимаютъ, на вредъ рабскаго подражанія чужеземной націи. Я полагаю, что эта записка представляетъ большой интересъ, выставляя въ настоящемъ свѣтѣ заслуги Карно, этого «организатора побѣды», какъ называютъ его французы, столь великаго по своей скромности и котораго Наполеонъ безцеремонно и всячески ступевывалъ. Судя по влеченію анонимнаго автора, хотя въ умѣренной формѣ, къ старой французской монархіи, надо предположить, что онъ принадлежалъ къ числу извѣстныхъ эмигрантовъ, а его сочиненіе входило въ циклъ многочисленныхъ записокъ, которыя подавались ими русскому правительству съ цѣлью побудить его къ войнѣ съ Наполеономъ. Практическая цѣль этихъ «Замѣчаній» обнаруживается во второй ихъ части, гдѣ, между прочимъ, указывается на возможность основать нравственный духъ арміи на религіозныхъ убѣжденіяхъ, что составляетъ очевидный намекъ на русскую армію». Кромѣ историческаго значенія этого анонимнаго сочиненія, Драгомировъ высоко цѣнитъ его съ военно-технической стороны; указанія автора на причины успѣховъ французской арміи могутъ служить образцомъ подобныхъ изслѣдованій, а гипотезы о системѣ будущихъ войнъ походятъ на пророчество: напримѣръ, его предвидѣніе того, что быстрота стрѣльбы замѣнитъ ея мѣткость, какъ дѣйствительно было въ эпоху отъ 1840 по 1860 г. Изъ всѣхъ элементовъ нынѣшней военной системы онъ пропустилъ только одинъ: индивидуальное воспитаніе и обученіе солдата. Что касается до «теоріи невозможнаго», то, по мнѣнію Драгомирова, она въ послѣднее время, повидимому, забыта и замѣнена порядкомъ, организаціей и обученіемъ, но никто не можетъ отрицать, что она способна на великія дѣла въ совокупности съ этими основными условіями, такъ какъ порядокъ, организація и обученіе не могутъ ничего сдѣлать противъ «теоріи невозможнаго», если ихъ не поддерживаетъ рѣшимость сдѣлать все, даже то, что кажется невозможнымъ. «Сочиненіе анонимнаго автора,—прибавляетъ русскій генералъ—еще интересно и потому, что даетъ

[1]) Remarques sur l'armée française de 1792 à 1808, par le general Dragomirof. Nouvelle Revue. 1—15 juillet.

Digitized by Google

возможность сравнивать прошедшее съ настоящимъ и убѣдиться въ томъ, что всякій народъ остается вѣренъ себѣ. Такъ прусаки, стремившіеся въ прошедшемъ столѣтіи къ скорости стрѣльбы, обученію и дресированію солдата, продолжаютъ эту работу и по настоящее время. Напротивъ французы, изучившіе въ старину мѣткость стрѣльбы, и въ нашъ вѣкъ постоянно шли впереди всѣхъ въ этомъ отношеніи. Параллельно они первые стали пытаться вызвать въ солдатѣ высшую человѣческую натуру и развить въ немъ умственную сторону. Бѣдствія 1870 г. доказываютъ только, что правительственная система, какъ та, которую создалъ Наполеонъ, можетъ растлить какую угодно страну».

— Взятіе Плевны. Въ первой іюньской книжкѣ «Revue de Paris» помѣщенъ отрывокъ изъ воспоминаній полковника Вонлярлярскаго о русско-турецкой войнѣ 1877—1878 годовъ, которыя, по словамъ редакціи журнала, вскорѣ выйдутъ въ французскомъ переводѣ, а затѣмъ уже появятся въ русскомъ подлинникѣ, хотя они уже были однажды напечатаны порусски, но въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ и не пущены въ продажу. Судя по отрывку, касающемуся взятія Плевны [1]), эти воспоминанія очевидца врядъ ли прибавятъ что новое къ свѣдѣніямъ о событіяхъ послѣдней русско-турецкой войны, но во всякомъ случаѣ они написаны живо и читаются легко. Авторъ, бывшій ординарцемъ при великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ, начинаетъ свой разсказъ съ утра 28 ноября 1877 года, когда въ 6 часовъ утра его разбудилъ другой ординарецъ главнокомандующаго, корнетъ Дерфельденъ, крикомъ: «вставай живо, Османъ рискнулъ выйти изъ Плевны. Великій князь уже на конѣ, и мы сопровождаемъ его». Вонлярлярскій черезъ десять минутъ былъ уже въ сѣдлѣ. Великій князь забылъ о своемъ нездоровьѣ, отправился верхомъ въ Тушеницу, гдѣ находился Тотлебенъ со своимъ штабомъ. Тамъ уже знали, что Османъ-паша атаковалъ гренадеръ, стоявшихъ къ востоку отъ Плевны, по ту сторону Вида, въ 7 верстахъ отъ города, гдѣ и слышалась пальба. Тотлебенъ временно оставался въ Тушеницѣ, но великій князь болѣе нервный и нетерпѣливый поспѣшилъ впередъ и приказалъ войскамъ двинуться къ Плевнѣ. «Страшное зрѣлище представилось нашимъ глазамъ, когда мы достигли турецкихъ траншей,—разсказываетъ Вонлярлярскій:—тѣла нашихъ храбрыхъ солдатъ, павшихъ въ битвѣ 30 августа, валялись на землѣ, одни на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ сразили пули, а другіе — скорченные отъ ужасныхъ страданій вслѣдствіе тяжелыхъ ранъ. Всюду виднѣлись ружья, снаряды, не лопнувшія бомбы, амуниція, солдатская одежда. Съ трудомъ перебрались мы чрезъ траншеи, глубоко врытыя въ землѣ и вообще устроенныя мастерски, а затѣмъ передъ нами показалась Плевна. Во время всей дороги мы не встрѣтили ни одного турка; очевидно, Османъ-паша покинулъ эти позиціи ночью. Вызвали волонтеровъ и послали ихъ впередъ; они скоро вернулись и заявили, что въ городѣ остались только больные и раненые, а Османъ-паша ушелъ ночью со всей арміей и обозомъ, съ цѣлью пробиться на Софійскую дорогу. Великій князь направился въ городъ со своей свитой и эскортомъ. Я не помню, въ какомъ именно часу мы вступили въ Плевну, но, должно быть, между 7 и 8. Всюду можно было замѣтить

[1]) Prise de Plevna, par le colonel Vonlarlarski. Revue de Paris. 1 juin.

Digitized by Google

слѣды нашей бомбардировки, и на всѣхъ домахъ были видны знаки отъ бомбъ. Мы благополучно проѣхали черезъ городъ и помѣстились на Кришинской высотѣ, къ югу отъ Плевны. Вдали слышалась неумолкаемая пальба. «Лярскій,—сказалъ мнѣ великій князь,—ступай къ Ганецкому (командиру гренадерскаго корпуса) и узнай, что тамъ дѣлается. Но будь остороженъ и смотри въ оба. У меня нѣтъ никакихъ извѣстій о немъ, и я не знаю, очистили ли турки всѣ траншеи». Вонлярлярскій взялъ съ собою солдата и направился на удачу черезъ мѣстность между турецкими и русскими траншеями; долго странствовалъ онъ, не встрѣчая никого, потомъ вдали послышались крики «ура», но русскихъ не было видно, а стали попадаться турецкіе отряды, но въ такомъ унылomъ настроеніи, очевидно, побѣжденные, что они пропускали, не трогая и ничего не спрашивая у русскаго офицера съ его солдатомъ. Наконецъ, Вонлярлярскій достигъ того мѣста, гдѣ сдался Османъ-паша. При входѣ туда офицера, Османъ сидѣлъ рядомъ съ генераломъ Ганецкимъ, который, обращаясь къ Вонлярлярскому, сказалъ: «Объявите великому князю, что вся турецкая армія сдалась безъ всякихъ условій». Но прежде чѣмъ отправиться въ обратный путь, надо было дать отдохнуть лошади, и Вонлярлярскій пошелъ къ офицерамъ, которые стояли на дорогѣ тѣсной группою. Всѣ были такъ рады побѣдѣ и такъ весело болтали о подробностяхъ сдачи Османа, что въ штабѣ забыли послать гонца къ императору съ счастливымъ извѣстіемъ. Вонлярлярскій слышалъ, какъ полковникъ М° спрашивалъ, «послали ли къ батюшкѣ царю», но на него никто не обратилъ вниманія, и онъ самъ, по словамъ автора воспоминаній, отправился верхомъ и первый сообщилъ императору вѣсть о взятіи Плевны, за что произведенъ въ флигель-адъютанты. Вонлярлярскому не удалось этого сдѣлать относительно великаго князя, потому что, встрѣтивъ на пути множество преградъ, онъ достигъ главнокомандующаго только на Плевненской дорогѣ, когда онъ уже получилъ вѣсть о сдачѣ Османа отъ адъютанта Ганецкаго.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

БИЛЕЙ Симбирска. 4-го октября, по иниціативѣ мѣстной ученой архивной комиссіи, Симбирскъ будетъ праздновать 250-лѣтнюю годовщину своего основанія (1648—1898). Къ выбору этого дня послужила отчасти неизвѣстность, къ какому мѣсяцу и числу въ царствованіе царя Алексѣя Михаиловича могло бы быть отнесено устройство бояриномъ Хитрово «города», въ смыслѣ укрѣпленнаго центра Московскаго государства. Между тѣмъ выбранный день самъ по себѣ имѣетъ важное историческое значеніе не только для исторіи края, но и для всего Поволжья. Только благодаря мужеству и вѣрности службы симбирскихъ ратныхъ людей, князь Барятинскій успѣлъ во время прійти на выручку воеводы князя Милославскаго и въ ночь на 4-е октября 1670 г., подъ стѣнами Симбирска, нанести Стенькѣ Разину рѣшительный погромъ, поколебавшій престижъ послѣдняго въ глазахъ народа. Костомаровъ говоритъ, что «симбирская битва, столь напоминающая пораженіе южно-руссовъ подъ Берестечкомъ, была ва-банкъ воровского атамана». Остановившись на этомъ днѣ, архивная комиссія нашла вполнѣ цѣлесообразнымъ связать его воспоминаніе съ годовщиною основанія города, который черезъ 22 года сослужилъ государству такую славную и похвальную службу. Программа предстоящаго празднованія удостоилась высочайшаго утвержденія и въ общемъ отличается отъ другихъ подобныхъ юбилейныхъ торжествъ лишь крайней скромностью денежныхъ затратъ со стороны городского управленія. Безплатный патріотическій спектакль, съ угощеніемъ отъ города, не былъ принятъ думою, и все ея матеріальное участіе выразилось въ отпускѣ 850 р. архивной комиссіи на изданіе исторіи города и изготовленіе нѣсколькихъ жетоновъ. Первый день юбилея предполагается ознаменовать

Digitized by Google

торжественной литургіей въ соборѣ и крестнымъ ходомъ по чертѣ бывшаго кремля, съ молебствіемъ на площади и многолѣтіемъ государю императору, царствующему дому и всѣмъ трудящимся на пользу города. Въ 1 ч. дня послѣдуетъ засѣданіе городской думы и пріемъ поздравленій. Вечеромъ—илюминація. Второй день, 5-го октября, 2 ч. дня, назначено торжественное засѣданіе ученой архивной комиссіи въ залѣ дворянскаго собранія и открытіе исторической юбилейной выставки. Комиссія, принявъ на себя устройство выставки, имѣетъ въ виду собрать возможно болѣе предметовъ и воспоминаній, относящихся до симбирской старины. Особенное значеніе будутъ имѣть отдѣлы старинныхъ гравюръ извѣстнаго собранія П. Я. Дашкова и другихъ лицъ, любезно обѣщавшихъ свое содѣйствіе, предметовъ масонскаго ритуала симбирской ложи «ключа къ добродѣтели», портреты и автографы мѣстныхъ выдающихся уроженцевъ. Комиссія надѣется на сочувствіе и участіе и другихъ владѣльцевъ колекцій. Ко времени юбилея комиссія издаетъ обширный трудъ своего члена П. Л. Мартынова — «Симбирскъ за 250 лѣтъ существованія», съ изящными фототипіями и цинкографіями, и 500 брошюръ краткой исторіи города, составляемой ея другимъ членомъ М. Ф. Суперанскимъ, для безплатной раздачи учащейся молодежи. Въ іюнѣ выйдутъ изъ печати изданія комисіи: «Собраніе грамотъ и актовъ второй половины XVII в.», подъ редакціей В. Н. Поливанова и В. Э. Красовскаго, «Описаніе Симбирской и Корсунской десятинъ патріаршей области», составленной В. И. Холмогоровымъ, и «Хронологическій перечень историческихъ событій Симбирской губ.», собранный В. Э. Красовскимъ.

Херсонская архивная комиссія и археологическій музей. 31 мая, въ залѣ Херсонской общественной библіотеки состоялось, какъ сообщаетъ «Одесскій Листокъ», торжественное открытіе губернской ученой архивной комиссіи и археологическаго музея. Основатель археологическаго музея при губернскомъ статистическомъ комитетѣ В. И. Гошкевичъ ознакомилъ собраніе, открывшееся послѣ молебствія, съ исторіей возникновенія музея, а затѣмъ и архивной комиссіи. Лѣтъ 6 назадъ г. Гошкевичъ занялся изслѣдованіемъ «песчаныхъ дѣлъ» на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Херсона. Здѣсь оказалась масса остатковъ каменнаго вѣка, скиѳской эпохи, временъ переселенія народовъ и т. п. Покойный губернаторъ Веселкинъ, содѣйствуя г. Гошкевичу, обратился къ нѣкоторымъ лицамъ въ губерніи съ просьбой присылать описаніе мѣстностей, интересныхъ въ археологическомъ отношеніи, а также найденные предметы древности. На этотъ призывъ откликнулись многіе изъ разныхъ уголковъ губерніи. Въ настоящее время такихъ добровольныхъ сотрудниковъ у г. Гошкевича имѣется свыше 100. Наиболѣе неутомимымъ дѣятелемъ является г. Стемпковскій, который вскрылъ уже въ Тираспольскомъ уѣздѣ свыше 200 кургановъ. Съ разрѣшенія Императорской археологической комиссіи, всѣ предметы, добываемые г. Стемпковскимъ, передаются въ Керченскій музей. Самъ г. Гошкевичъ производилъ раскопки въ трехъ уѣздахъ Херсонской губ., но, по требованію археологической комиссіи, большинство изъ добытыхъ имъ вещей препровождалось частью въ Императорскій Эрмитажъ, частью въ Московскій историческій музей, и только небольшое ихъ количество сдѣлалось достояніемъ Херсонскаго музея.

Digitized by Google

Раскопки Муранскаго могильника. На границѣ Саратовской и Симбирской губерній находится одинъ изъ могильниковъ, пользующихся особеннымъ вниманіемъ какъ русскихъ, такъ и западно-европейскихъ ученыхъ. Это—Муранскій могильникъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ «Саратовскаго Листка» г. Краснодубровскій помѣстилъ любопытную статью, посвященную обзору раскопокъ названнаго могильника. Изъ этого обзора видно, что раскопки могильника въ теченіе послѣднихъ 8 лѣтъ производились почти ежегодно. Въ 1890 г. по порученію Императорской археологической комиссіи предсѣдатель Симбирской ученой архивной комиссіи В. Н. Поливановъ изслѣдовалъ 377 могилъ; послѣ этого раскопки неоднократно производились подъ наблюденіемъ симбирскаго губернатора В. Н. Акинфова, барона де-Бай, нынѣ покойныхъ А. В. Толстого и Ѳ. Ѳ. Чекалина, посѣтившаго могильникъ въ 1891 г. До настоящаго времени изслѣдовано не болѣе $^1/_{20}$ части Муранскаго могильника, едва ли не самаго обширнаго, почему онъ не утратилъ значенія богатѣйшаго матеріала для будущихъ изслѣдователей и несомнѣнно дастъ еще рядъ новыхъ открытій, имѣющихъ высокую научную цѣнность. Совмѣстными раскопками г. Краснодубровскаго съ В. Н. Поливановымъ открыта новая сторона въ могильникѣ, доселѣ неизвѣстная наукѣ: въ могилахъ найдено много драгоцѣнностей, сдѣланныхъ изъ благородныхъ металловъ и дорогихъ камней. Невозможно допустить, чтобы въ отдаленную до-татарскую эпоху золото и серебро были обычными предметами въ туалетѣ сельчанъ; на основаніи этого можно думать, что вопросъ о существованіи городовъ въ до-татарскую эпоху въ предѣлахъ средняго Поволжья, теперь оспариваемый очень многими учеными, долженъ получить иную обстановку и освѣщеніе. Въ текущемъ году раскопки продолжались въ теченіе четырехъ дней, съ 27 по 30 мая включительно. Приглашено было 52 человѣка рабочихъ. Вскрыто 168 могилъ. Какъ способы погребенія, такъ и вещи, встрѣчающіяся при костякахъ, были обстоятельно описаны въ книгѣ г. Поливанова. Но помянутыя совмѣстныя г. Краснодубровскаго раскопки значительно расширили добытый имъ матеріалъ. Костякъ клался въ деревянномъ гробу, сбитомъ гвоздями, или въ долбленой колодѣ (большинство) въ срединѣ могильной ямы. Вмѣстѣ съ трупомъ въ могилѣ оставлялись любимыя вещи покойника; по послѣднимъ легко опредѣлить полъ погребеннаго лица. Общими принадлежностями почти всѣхъ могилъ служатъ: а) горшокъ, поставленный въ ногахъ костяка; иногда въ горшкахъ встрѣчаются птичьи (куриныя) кости; б) въ мужскихъ могилахъ также въ ногахъ крестцовая (тазовая) кость лошади, а въ женскихъ — лопатка коровы. Во всемъ прочемъ мужскія могилы значительно отличаются отъ женскихъ. Никакихъ признаковъ головнаго убора мужчинъ не найдено. Почти во всѣхъ мужскихъ могилахъ у пояса лежатъ топоръ, ножъ, огниво; въ одной могилѣ найдена стрѣла, а въ одной длинный ножъ, а, можетъ быть, и мечъ. Въ болѣе богатыхъ могилахъ найдены наборные пояса (въ родѣ кавказскихъ). На ногахъ встрѣчаются сапоги безъ толстыхъ подошвъ, въ родѣ тѣхъ, которые носятся татарами. Предметы роскоши, то-есть колѣца, цѣпи, перстни въ мужскихъ могилахъ—явленіе рѣдкое. Женскія могилы можно раздѣлить на три категоріи: а) на могилы, въ которыхъ встрѣчается золото, б) на могилы съ вещами изъ серебра и в) на могилы съ дешевыми мѣдными

Digitized by Google

вещами. Могилъ первой категоріи встрѣчено только три. По своему устройству онѣ значительно разнятся отъ другихъ. Прежде всего онѣ поражаютъ своими обширными размѣрами. Въ одной изъ могилъ яма имѣла 8 аршинъ въ длину, 6 въ ширину и $3^1/_2$ въ глубину, то-есть болѣе 6 кубическихъ саженъ. На полу дѣлался деревянный настилъ, на который ставился гробъ; послѣдній былъ сбитъ огромными гвоздями вершковъ 8—10 въ длину и въ $^1/_4$ вершка въ толщину. Гробъ дѣлался почтенныхъ размѣровъ и изъ очень толстыхъ досокъ. Слѣдовъ головныхъ украшеній нигдѣ не найдено. На шеѣ—подвѣски (сюльгамы) изъ серебра и золота прекрасной работы. Такія же подвѣски найдены были графомъ А. С. Уваровымъ въ мерянскихъ могилахъ. Въ одной могилѣ найдено колье изъ 47 серебряныхъ бусинъ. Колье поражаетъ тонкостью и изяществомъ работы. Затѣмъ идутъ обычныя дамскія украшенія—бусы изъ горнаго хрусталя, янтаря (цѣнившагося въ то время на вѣсъ золота), стекла, сердолика и т. д. Найдено много бусинъ булгарскаго типа. На рукахъ золотыя и серебряныя кольца, золотые и серебряные браслеты очень тонкой работы. У пояса — пряслица изъ сердолика. Въ одной могилѣ встрѣчена серебряная подъ чернью рукоятка ножа. Волосы (косы) женщинъ наматывались на дубовый или тальниковый прутъ, обвивались тонкимъ ремнемъ, затѣмъ вкладывались въ лубки и снова обвивались ремнемъ, перевитымъ серебряною проволокой. На одномъ костякѣ сохранились остатки одежды съ золотыми нитями (по всему вѣроятію, золотой парчи). Женскихъ могилъ съ серебряными украшеніями найдено очень много (изъ 108—53). Въ нихъ встрѣчаются тѣ же предметы, то-есть браслеты, кольца, подвѣски, бусы, пряслицы, но все это значительно бѣднѣе. Особенно интересны серебряные перстни и браслеты; булгарское происхожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ не можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ они тождественны съ тѣми, которые находятъ въ развалинахъ Булгара (около Казани), но много встрѣчается перстней съ несомнѣнными признаками дамасской и багдадской работы, съ типичнымъ азіатскимъ рисункомъ и роскошнѣйшею чернью, не утратившею красоты даже и черезъ сотни лѣтъ. Данныя, добытыя при раскопкахъ, приводятъ изслѣдователей пока къ слѣдующимъ несомнѣннымъ выводамъ: а) обитатели Муранки имѣли посредственныя или непосредственныя сношенія съ одной стороны съ Булгаромъ, о чемъ свидѣтельствуетъ множество вещей булгарскаго происхожденія, а съ другой—съ Аравіей, Туркестаномъ, Персіей, Индіей и Византіей, имѣвшими сравнительно высокую культуру. Золотыя и серебряныя вещи подъ чернью, несомнѣнно, привезены изъ Азіи. Парча, найденная въ одной могилѣ, свидѣтельствуетъ о сношеніяхъ съ Византіей; б) несомнѣнно, что населеніе городища было очень богато. Былъ ли здѣсь городъ или простой торговый поселокъ,—пока трудно сказать. Вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ лишь тогда, когда раскопано будетъ городище; но если здѣсь былъ и поселокъ, то поселокъ очень богатый; в) погребеніе въ Муранскомъ могильникѣ существенно отличается отъ погребенія татарскаго. Несомнѣнно, что татары здѣсь не жили, и весьма вѣроятно, что населеніе Муранки жило здѣсь ранѣе первой половины XIII вѣка.

Археологическія находки. Извѣстный любитель и археологъ В. В. Хвойка продолжаетъ свои изслѣдованія могильниковъ въ Кіевскомъ районѣ, гдѣ были

Digitized by Google

уже найдены неизвѣстные доселѣ сосуды и фигурки съ оригинальною и разнообразною орнаментаціей. При дальнѣйшей разработкѣ почвы было найдено множество глиняныхъ изображеній нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ, — овецъ, коровъ и пр., указывающихъ, несомнѣнно, на пастушескій и, можетъ быть, поэтому, кочевой образъ жизни оставившаго ихъ племени, имѣвшаго, судя по нѣкоторымъ слѣдамъ восточнаго вліянія на его культуру, какія-то отдаленныя сношенія съ востокомъ. На это указываетъ какъ сходство нѣкоторыхъ фигуръ и орудій съ извѣстными уже кипрскими и финикійскими, такъ и особый характерный пошибъ найденныхъ предметовъ, въ которыхъ чувствуется вліяніе весьма древняго, полуварварскаго востока съ зарождающимся уже элементомъ, изъ котораго впослѣдствіи создался извѣстный типъ. Одною изъ самыхъ интересныхъ находокъ послѣдняго времени, по словамъ газеты «Жизнь и Искусство», было открытіе довольно большого плана со слѣдами разрушенныхъ глинобитныхъ стѣнъ. При дальнѣйшей раскопкѣ обнаружилась небольшая, твердо смазанная глиной, площадка, на которой найденъ былъ слой отчасти обуглившейся, но по мѣстамъ удивительно сохранившейся крупнозернистой пшеницы, не принадлежащей ни къ одной изъ существующихъ породъ и, судя по ея состоянію, представляющей предметъ жертвоприношенія, для котораго въ древности хлѣбныя зерна поджаривались.

Другое любопытное пріобрѣтеніе представляетъ найденный приблизительно въ той же мѣстности (недалеко отъ Витичева) очень хорошо сохранившійся большой глиняный сосудъ, наполненный множествомъ разнообразныхъ кремневыхъ орудій различныхъ типовъ.

Общество нумизматовъ. Среди лицъ, интересующихся нумизматикой, возникла мысль объ учрежденіи въ Петербургѣ нумизматическаго общества. Проектируемое общество, какъ передаютъ газеты, имѣетъ цѣлью развитіе нумизматики въ Россіи, обсужденіе вопросовъ нумизматики, исторіи и археологіи монетъ, коллектированіе монетъ и т. п. Предсѣдателемъ общества намѣченъ профессоръ военно-юридической академіи Пановъ.

Новыя коллекціи Эрмитажа. Императорскій Эрмитажъ обогатился новыми цѣнными коллекціями восточныхъ древностей. Вернувшійся надняхъ изъ Египта старшій хранитель Эрмитажа В. Г. Бокъ привезъ изъ Египта обширную коллекцію рѣдчайшихъ мусульманскихъ древностей: оружія, блюдъ, сосудовъ и другихъ предметовъ домашняго обихода и цѣлую серію цѣнныхъ греческихъ, арабскихъ и коптскихъ надписей. Кромѣ того, надняхъ государственный банкъ передалъ Эрмитажу собраніе персидскихъ золотыхъ монетъ царствованія шаховъ: Фетъ-али, Мухамедъ-шаха и Насръ-Эддина.

Премія Гильфердинга. Въ настоящее время возобновленъ конкурсъ на преміи имени А. Ѳ. Гильфердинга, учрежденныя 11 мая 1893 года. Преміи присуждаются и выдаются, на основаніи особаго положенія, за лучшія сочиненія на слѣдующія темы: а) премія въ 3.000 рублей тому, кто представитъ сжатый, но обстоятельный очеркъ исторіи южныхъ и западныхъ славянъ, начиная съ такъ называемой исторической эпохи ихъ существованія въ Европѣ до нашихъ дней,—въ связи съ исторіей сопредѣльныхъ народовъ и государствъ. Очерку долженъ быть предпосланъ обзоръ главнѣйшихъ источниковъ для исто-

Digitized by Google

ріи южныхъ и западныхъ славянъ и указатель, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ пособій для болѣе подробнаго ознакомленія съ тѣмъ или другимъ отдѣломъ славянской исторіи; б) въ случаѣ, если бы не было представлено ни одного сочиненія, заслуживающаго преміи въ 3.000 рублей, эта сумма можетъ быть раздѣлена на шесть премій по 500 рублей каждая. Преміи эти могутъ быть присуждены и выданы тѣмъ авторамъ, которые представятъ части очерка исторіи южныхъ и западныхъ славянъ, а именно очерки исторіи: 1) болгаръ, 2) сербовъ, 3) хорватовъ, 4) словинцевъ, 5) словаковъ, 6) чехо-моравянъ, 7) поляковъ или ляховъ и вообще польской группы и 8) полабскихъ славянъ, какъ вымершихъ, такъ и живущихъ. Премія въ 1.000 рублей выдается тому, кто представитъ обстоятельный, основанный на точномъ знаніи источниковъ, очеркъ исторіи и современнаго положенія заграничной Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской), въ отношеніяхъ: политическомъ, религіозномъ и экономическомъ (за послѣднее время), причемъ къ сочиненію должна быть приложена карта заграничной Руси. Сочиненія на премію должны быть представлены въ совѣтъ Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества, обязательно на русскомъ языкѣ, не позднѣе 14 февраля 1901 года.

† **М. А. Саблинъ.** 14-го мая въ Одинцовѣ, подъ Москвою, скончался одинъ изъ членовъ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей» Михаилъ Алексѣевичъ Саблинъ. Покойный родился въ 1842 г. въ Вологодской губерніи, въ дворянской семьѣ. Окончивъ курсъ въ мѣстной гимназіи, онъ поступилъ на юридическій факультетъ сначала Московскаго, а потомъ Петербургскаго университета, гдѣ и получилъ въ 1863 году степень кандидата и сдѣлался стипендіатомъ существовавшихъ въ въ то время при Московскомъ университетѣ педагогическихъ курсовъ для подготовки учителей гимназіи — по предмету географіи, а въ 1865 году началъ преподавать географію въ 1-й московской гимназіи, въ гимназіи Креймана, учительской семинаріи военнаго вѣдомства и въ нѣсколькихъ женскихъ школахъ. Впослѣдствіи онъ былъ еще преподавателемъ въ Александровскомъ военномъ училищѣ и въ Строгановскомъ училищѣ техническаго рисованія. Въ 1868 году М. А. получилъ приглашеніе на должность секретаря московскаго губернскаго статистическаго комитета, а въ слѣдующемъ году, по присоединеніи къ губернскому московскаго городскаго статистическаго комитета, былъ назначенъ секретаремъ того и другого. Въ этой должности М. А. оставался до самой кончины. Въ 1872 году М. А. Саблинъ, оставивъ учительскую службу, принялъ должность секретаря московскаго отдѣленія совѣта торговли и мануфактуръ, которую и занималъ до 1883 года. Изъ общественной дѣятельности покойнаго отмѣтимъ, что съ 1870 г. онъ состоялъ постояннымъ членомъ московскаго общества сельскаго хозяйства, въ 1872 г. участвовалъ, какъ учредитель, въ основаніи комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ и съ тѣхъ поръ состоялъ безсмѣннымъ секретаремъ этого комитета, а въ 1882 году, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими лицами, внесъ въ московское юридическое общество предложеніе объ устройствѣ при немъ статистическаго отдѣленія съ цѣлью создать общеніе между лицами, занимающимися статистическими изслѣдованіями въ Москвѣ и въ провинціи, преимущественно при земствахъ. По утвержденіи устава статистическаго

Digitized by Google

отдѣленія М. А. былъ избранъ въ товарищи предсѣдателя его. Въ послѣдніе годы, М. А. Саблинъ состоялъ гласнымъ московской думы и принималъ постоянное участіе какъ въ засѣданіяхъ думы, такъ и въ нѣсколькихъ думскихъ комиссіяхъ. Нельзя не отмѣтить наконецъ работу М. А. на московскихъ выставкахъ. Въ 1872 году для политехнической выставки онъ собралъ свѣдѣнія по кустарнымъ промысламъ Московской губерніи; въ 1882 году на всероссійской промышленно-художественной выставкѣ его попеченію почти всецѣло ввѣрено было устройство кустарнаго отдѣла. Имя М. А. Саблина связано съ цѣлымъ рядомъ изслѣдованій и изданій. Немедленно по вступленіи въ должность секретаря статистическаго комитета, по иниціативѣ М. А., статистическимъ комитетомъ была произведена въ Московской губерніи подворная перепись чрезъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, при участіи мировыхъ посредниковъ и духовенства. Въ 1873 году появился обширный томъ «Свѣдѣнія о селеніяхъ и жителяхъ Московской губерніи, выпускъ 1, Богородскій уѣздъ», въ которомъ по каждому изъ 459-ти селеній уѣзда приведены всѣ перечисленныя выше данныя. Болѣе половины тома составляетъ статистика занятій. Къ изданію была приложена превосходная карта Богородскаго уѣзда. Недостатокъ средствъ помѣшалъ выпустить въ свѣтъ перепись по прочимъ уѣздамъ, но это научное предпріятіе сослужило все-таки добрую службу дѣлу изученія губерніи. Оно дало толчекъ и отчасти матеріалъ для предпринятаго вскорѣ послѣ того московскимъ земствомъ подробнаго изслѣдованія губерній, которое въ свою очередь сдѣлалось прототипомъ подобныхъ же изслѣдованій и въ другихъ мѣстностяхъ. Далѣе, при горячемъ участіи покойнаго произведена была и однодневная перепись населенія Москвы въ 1871 году. Разработка переписи производилась подъ непосредственнымъ наблюденіемъ М. А. Въ 1874 году появилось въ свѣтъ изданіе московскаго столичнаго и губернскаго статистическаго комитета «Статистическія свѣдѣнія о жителяхъ города Москвы по переписи 12 декабря 1871 года», въ которомъ изложены полученные результаты. Къ этому изданію написано М. А. предисловіе, кратко передающее главные выводы народоисчисленія. Занимаясь разработкой переписи, М. А. обратилъ вниманіе на необходимость усовершенствовать данныя о движеніи населенія. Благодаря его настойчивымъ усиліямъ, введена была въ Москвѣ карточная система собиранія данныхъ о рожденіяхъ, бракахъ и смертныхъ случаяхъ. Эти карточки подвергались въ статистическомъ комитетѣ немедленной разработкѣ, результаты которой печатались въ «Извѣстіяхъ Московской Городской Думы». Съ конца 70-хъ годовъ, благодаря этимъ публикаціямъ, накопился по Москвѣ драгоцѣнный запасъ матеріаловъ относительно движенія населенія. Почти одновременно съ переписью 1872 года, М. А. работалъ надъ картою раскольничьихъ селеній въ Московской губерніи. Въ картѣ и въ приложенныхъ къ ней таблицахъ по каждому изъ этихъ селеній отмѣчено, какую долю всѣхъ жителей составляютъ раскольники, и къ какому разряду поповцевъ или безпоповцевъ они принадлежатъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ подготовлявшаяся политехническая выставка привлекла вниманіе М. А. Саблина къ вопросу о мелкой кустарной промышленности. По порученію распорядительнаго комитета выставки, М. А. объѣхалъ всѣ мѣстности губерніи, гдѣ были

Digitized by Google

развиты кустарные промыслы. Результатомъ этой поѣздки, кромѣ коллекцій, собранныхъ для выставки, былъ очеркъ главныхъ ручныхъ производствъ въ Московской губерніи, появившійся въ свѣтъ въ изданіи центральнаго статистическаго комитета: «Матеріалы для изученія кустарной промышленности и ручного труда въ Россіи» («Статистическій Временникъ Росс. имп.», вып. 3, Спб., 1872 г.). Въ 1876 году бывшій московскій генералъ-губернаторъ кн. В. А. Долгоруковъ учредилъ комиссію для осмотра фабрикъ и заводовъ въ Москвѣ и назначилъ М. А. Саблина предсѣдательствующимъ ея членомъ. Въ числѣ изданій комиссіи появился трудъ, выполненный самимъ М. А. Саблинымъ — «Сборникъ русскихъ фабричныхъ законовъ», дополненіемъ къ которымъ служитъ указатель, изданный въ отдѣльномъ выпускѣ. Здѣсь выбрано изъ Свода и изъ Полнаго Собранія Законовъ все, что имѣетъ какое либо отношеніе къ фабричной промышленности. Служба въ Московскомъ отдѣленіи совѣта торговли и мануфактуръ подала поводъ къ одной изъ работъ М. А. Саблина. Секретарь отдѣленія обязанъ ежегодно составлять для представленія правительству отчетъ о состояніи торговли и промышленности по матеріаламъ, сообщаемымъ членами отдѣленія и другими свѣдущими лицами. Эти отчеты обыкновенно не печатаются; но М. А. сдѣлалъ опытъ изданія ихъ въ свѣтъ, опубликовавъ, съ разрѣшенія отдѣленія, «Обзоръ состоянія торговли и промышленности въ 1876 году». Въ началѣ 80-хъ годовъ М. А. задумалъ подвергнуть разработкѣ статистику пожаровъ въ Москвѣ. Матеріаломъ для этой работы послужили вѣдомости, доставлявшіяся полиціею, и дѣла пожарнаго депо. М. А. Саблинъ составилъ таблицы за 10 лѣтъ, съ 1870 по 1879 годы, въ которыхъ пожары распредѣлены по кварталамъ и частямъ города, по количеству убытковъ, по мѣсяцамъ и частямъ сутокъ, по размѣрамъ, по сословіямъ домовладѣльцевъ, по числу и роду пострадавшихъ владѣній. Эти таблицы подвергнуты М. А. обработкѣ въ монографіи, которая вмѣстѣ съ таблицами была издана московской городскою думою въ 1882 году. Еще съ начала 70-хъ годовъ, когда «Русскія Вѣдомости» издавались Н. С. Скворцовымъ, М. А. вошелъ въ составъ кружка, сплотившагося около газеты, и принималъ въ ней близкое участіе, съ 1883 же года, когда она перешла къ настоящимъ издателямъ, отдался ей всецѣло. Въ теченіе многихъ лѣтъ М. А. завѣдывалъ отдѣломъ внутреннихъ извѣстій, а позднѣе занимался хозяйственною частью изданія, сохранивъ за собою только общее руководство отдѣломъ, которымъ завѣдывалъ вначалѣ. («Русск. Вѣд.», № 112).

† **М. Н. Савостьяновъ.** 28 мая, послѣ продолжительной болѣзни, скончался въ Воронежѣ Михаилъ Павловичъ Савостьяновъ. Многимъ лицамъ былъ извѣстенъ покойный своею службой въ провинціи и въ Москвѣ. Такъ, одно время онъ состоялъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а въ началѣ девяностыхъ годовъ занималъ должность смотрителя по хозяйственной части въ Московскомъ училищѣ ордена св. Екатерины. Среди служебной дѣятельности М. П. Савостьяновъ нерѣдко принималъ участіе въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», печатая въ нихъ публицистическія статьи по дворянскому и земскому вопросамъ. Особенно были важны «Письма стараго предводителя», которыя помѣщались покойнымъ на страницахъ «Моск. Вѣд.» за 1896 и 1897 годы, съ под-

Digitized by Google

писью «М. П. С—въ». Эти «Письма» представляли подробный разборъ «проектовъ» и «мнѣній» о положеніи русскаго дворянства, выраженныхъ въ печати, и, на основаніи долговременнаго опыта автора, заключали въ себѣ немаловажныя указанія на правильное рѣшеніе «дворянскаго вопроса». («Моск. Вѣд.» № 153).

† **Н. А. Ярошенко.** 26 іюня, въ 9 часовъ утра, скоропостижно скончался въ Кисловодскѣ извѣстный художникъ Николай Александровичъ Ярошенко. Покойный родился въ 1846 году и самостоятельную художественную дѣятельность началъ въ 1870-хъ годахъ, къ которымъ относятся едва ли не всѣ лучшія его произведенія. Хотя спеціальностью Н. А. Ярошенко, главнымъ образомъ, были портреты и жанръ, но онъ въ то же время былъ и прекраснымъ пейзажистомъ. Его работы въ этомъ родѣ носятъ отпечатокъ своеобразнаго дарованія, непосредственности и силы. Принадлежащіе кисти покойнаго портреты, по выразительной правдивости и сходству выдѣляютъ его среди лучшихъ русскихъ портретистовъ. Бытовые сюжеты, служившіе Н. А. Ярошенко для его картинъ, крайне своеобразны, но нельзя сказать, чтобы привлекательны. Въ погонѣ за содержательностью, онъ нерѣдко поступался самымъ главнымъ въ искусствѣ—красотой: сюжетами для него весьма часто служили «мотивы гражданской скорби», и появленіе его картинъ на обычныхъ ежегодныхъ выставкахъ «Товарищества» вызывало постоянно не мало толковъ, какъ въ критикѣ, такъ и среди зрителей. Изъ его картинъ, пользовавшихся наибольшею извѣстностью, назовемъ: «Кочегаръ» (собственность П. М. Третьякова), «Заключенный» (собственность П. М. Третьякова), «Старое и молодое», «Невскій проспектъ ночью», «Слѣпцы», «Курсистка», «Причины неизвѣстны», этюдъ «Сестра милосердія», «Всюду жизнь», «На качеляхъ» и др. По пейзажной живописи покойному принадлежитъ цѣлый рядъ картинъ и этюдовъ кавказской природы. Таковы, между прочимъ, находящіяся въ Московской галлереѣ П. и С. Третьяковыхъ: «Березовая балка», «Клухорскій перевалъ», «Въ Сванетіи», «Судакская бухта», «Гунибъ» и др. Изъ портретовъ его работы лучшими признаются: П. А. Стрепетовой, А. М. Унковскаго, Г. И. Успенскаго, Д. И. Менделѣева, А. Н. Плещеева, В. Д. Спасовича, К. Д. Кавелина и др. Военный по образованію и службѣ, покойный Н. А. Ярошенко страстно любилъ искусство и отдавалъ ему все свое свободное отъ занятій время. Послѣдніе годы, страдая чахоткой, Н. А. постоянно проживалъ на Кавказѣ, въ Кисловодскѣ, гдѣ и скончался. («Нов. Вр.», № 8020; «Моск. Вѣд.», № 175).

† **Н. Е. Сверчковъ.** 25-го іюня, въ Царскомъ Селѣ, послѣ продолжительной болѣзни, скончался профессоръ живописи Николай Егоровичъ Сверчковъ. Покойный принадлежалъ къ числу нашихъ самыхъ извѣстныхъ художниковъ, въ изображеніи лошадей и сценъ изъ охотничьей жизни не имѣвшій себѣ соперниковъ. Н. Е. Сверчковъ родился въ Петербургѣ, 6 марта 1817 г., и своимъ артистическимъ развитіемъ обязанъ всецѣло природному дарованію и влеченію къ искусству. Съ самаго ранняго дѣтства Н. Е. проявлялъ способность къ живописи и любилъ рисовать животныхъ, особенно лошадей. Матеріалъ для наблюденія онъ находилъ въ изобиліи въ придворныхъ конюшняхъ, по вѣдомству которыхъ служилъ его отецъ. Въ 1832 г. Н. Е. поступилъ на службу

Digitized by Google

въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ находился 11 лѣтъ. Съ 1843 г. покойный оставилъ службу и всецѣло посвятилъ себя художественной дѣятельности; съ 1844 г. его работы стали появляться на академическихъ выставкахъ и вскорѣ обратили на себя общее вниманіе, какъ по исполненію, такъ и потому, что это были первыя по времени картины изъ русскаго народнаго быта. Въ 1852 г. Академія Художествъ присудила ему званіе академика за картину «Помѣщичья тройка, пересѣкающая на всемъ скоку цѣпь обоза, тянущагося по большой дорогѣ». Черезъ три года Н. Е. получилъ званіе профессора за картину «Грузный экипажъ съ пассажирами тянется въ лѣтній знойный день по тяжелой песчаной дорогѣ измученными шестью почтовыми лошадьми». Съ этого времени Н. Е. становится извѣстнымъ художникомъ и проявляетъ необыкновенную плодовитость. Съ 1856 г. Н. Е. получилъ извѣстность и за границей. Картины покойнаго, выставленныя въ парижскомъ салонѣ, были отмѣчены критикой, какъ работы оригинальныя и интересныя. На парижской выставкѣ 1863 г. императоръ Наполеонъ III пріобрѣлъ въ собственность его картину «Возвращеніе съ медвѣжьей охоты»; кромѣ того, картины «Ярмарка» и «Станція» были также проданы. Тогда же покойному былъ присужденъ орденъ Почетнаго Легіона. Въ томъ же году Н. Е. написалъ для Брюссельской выставки три картины: «Туманное утро при восходѣ солнца» (сцена изъ охотничьей жизни), «Путники, застигнутые вьюгою зимою» и «Портретъ г. Чихачова верхомъ во время его путешествія въ Турцію въ турецкомъ костюмѣ». Въ 1864 г. Н. Е. вернулся изъ-за границы и въ слѣдующемъ году написалъ по высочайшему заказу картину «Выѣздъ царя Алексѣя Михайловича на смотръ войскъ въ 1664 г.». Всего написано покойнымъ до 300 картинъ большихъ и исполнено болѣе тысячи рисунковъ и акварелей. Изъ большихъ картинъ Н. Е. назовемъ: «Царь Алексѣй Михайловичъ съ боярами на соколиной охотѣ около Москвы» (находится въ собственномъ Его Величества Аничковомъ дворцѣ), «Поѣздъ царя Іоанна Грознаго, ѣдущаго на богомолье» (находится въ Москвѣ, въ Кремлевскомъ дворцѣ), «Переходъ гвардіи черезъ Балканы» (находится въ Зимнемъ дворцѣ), «Конная ярмарка» (находится въ Академіи Художествъ), «Бой съ медвѣдемъ при царѣ Іоаннѣ Грозномъ», «Ѣзда гуськомъ въ лѣсу», «Охотникъ съ двумя собаками», «Отъѣздъ помѣщицы изъ деревни въ городъ», «Праздникъ въ деревнѣ святыхъ Флора и Лавра», и друг. Кромѣ живописи, Н. Е. занимался и лѣпкой (лошадь изъ воска, 1865 г.). Н. Е. скончался на 81 году («Нов. Вр.», № 8.019; ср. «Моск. Вѣд.», № 175).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу некролога І. И. Паульсона.

Въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ, въ некрологѣ І. И. Паульсона, между прочимъ, сказано, что «въ шестидесятыхъ го-

Digitized by Google

дахъ І. И. основалъ вмѣстѣ съ Н. Х. Весселемъ первый русскій педагогическій журналъ Учитель». Это указаніе не вполнѣ вѣрно. Журналъ «Учитель», издававшійся, дѣйствительно, въ шестидесятыхъ годахъ, не можетъ считаться «первымъ русскимъ педагогическимъ журналомъ», такъ какъ еще въ 1830 году въ Петербургѣ сталъ выходить «Педагогическій Журналъ» Ободовскаго, Гурьева и Гугеля. Изданіе это просуществовало, впрочемъ, всего два года. Также непродолжительно было существованіе и слѣдующаго педагогическаго журнала, издававшагося въ 1832 и 1833 гг. преподавателемъ русской словесности въ Ревельской гимназіи Андреемъ Бюхеромъ, — подъ заглавіемъ «Радуга, журналъ философіи, педагогіи и изящной литературы» [1]). Въ 1843 году появляется уже третье педагогическое изданіе — «Библіотека для воспитанія» П. І. Рѣдкина, которая, помимо главной своей задачи — давать матеріалъ для дѣтскаго чтенія, помѣщала и статьи по педагогикѣ.

Но и по отношенію къ эпохѣ конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, когда въ русскомъ обществѣ съ особою энергіею пробудился интересъ къ педагогическимъ вопросамъ, журналъ «Учитель» не является первымъ педагогическимъ журналомъ. За нѣсколько лѣтъ до его основанія, съ января мѣсяца 1857 г. сталъ выходить (сначала въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ) «Журналъ для воспитанія» А. А. Чумикова. Журналъ этотъ выходилъ въ теченіе 7 лѣтъ (по 1863 годъ), и до основанія собственнаго изданія въ немъ принималъ дѣятельное участіе и покойный І. И. Паульсонъ.

Въ томъ же 1857 году, но съ февраля мѣсяца, приступилъ и Н. А. Вышнеградскій къ изданію своего «Педагогическаго Вѣстника». Н. С.

II.

По поводу воспоминаній К. К. Жерве.

К. К. Жерве въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ іюньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», на стр. 772 и 773 сообщаетъ о моемъ покойномъ отцѣ, генералъ-адъютантѣ Фельдманѣ, вымышленныя данныя, которыя могутъ дать ложное представленіе объ этомъ высокочестномъ человѣкѣ, пользовавшемся общимъ уваженіемъ и особымъ довѣріемъ императора Николая І. Въ словахъ генерала Жерве, какъ я докажу ниже, нѣтъ и тѣни правды.

К. К. Жерве говоритъ, что императоръ Николай въ 1834 году, проѣздомъ черезъ Кіевъ, остался чрезвычайно доволенъ работами, произведенными полковникомъ Дзичканцомъ, отличалъ его на каждомъ шагу и постоянно приглашалъ къ себѣ обѣдать. «Генералъ-адъютантъ Фельдманъ испугался особаго расположенія государя къ Дзичканцу и, управляя тогда инженернымъ департаментомъ, придумывалъ разныя средства, какъ бы повредить І. Г. Дзичканцу въ мнѣніи государя, и вотъ что наконецъ придумалъ». Онъ послалъ своего племянника инженеръ-поручика Кесслера въ Кіевъ съ наставленіемъ поймать

[1]) Въ этомъ журналѣ, повидимому, принималъ негласное, но дѣятельное участіе извѣстный Магницкій, который находился тогда въ ссылкѣ въ Ревелѣ (см. объ этомъ статью г. Чумикова въ «Русской Старинѣ» за 1875 г., ноябрь).

Digitized by Google

Дзичканца на какой нибудь незаконности. Кесслеръ обнаружилъ поставку подрядчиками матеріаловъ для не разрѣшенныхъ еще работъ будущаго года и послалъ объ этомъ въ III Отдѣленіе доносъ, по которому назначено было слѣдствіе. Благодаря этому, Дзичканецъ не получилъ ожидаемаго имъ званія флигель-адъютанта.

Далѣе г. Жерве объясняетъ назначеніе моего отца въ флигель-адъютанты, послѣдовавшее въ 1831 г., тѣмъ, что онъ, будучи командиромъ Ревельской инженерной команды, встрѣтилъ на пристани (въ 1817 г.) императрицу Александру Ѳеодоровну, а ея величество дала себѣ зарокъ составить счастіе перваго офицера, котораго она встрѣтитъ, вступая на русскую землю, и который заговоритъ съ нею на ея родномъ языкѣ.

Въ 1817 г. отецъ мой былъ въ Петербургѣ преподавателемъ инженернаго училища; строителемъ же Ревельскихъ укрѣпленій онъ назначенъ былъ только въ 1825 г., а потому на встрѣчѣ императрицы Александры Ѳеодоровны не участвовалъ. Званія флигель-адъютанта онъ удостоился, вѣроятно, потому, что съ чина поручика былъ лично извѣстенъ императору Николаю Павловичу, который съ 1817 г. по день вступленія на престолъ занималъ должность генералъ-инспектора инженеровъ и всегда особенно отличалъ моего отца.

Авторъ воспоминаній утверждаетъ, что генералъ-адъютантъ Фельдманъ въ 1834 г. управлялъ инженернымъ департаментомъ, между тѣмъ онъ съ 1832 по 1846 г. состоялъ, не занимая никакой должности, въ свитѣ (т. е. при особѣ) его величества и только въ 1846 г. назначенъ былъ вицедиректоромъ, а въ 1849 г. директоромъ инженернаго департамента.

Записки К. К. Жерве не предназначались имъ для печати, потому не могу винить его за небрежное ихъ составленіе. По моему мнѣнію, отвѣтственность за искаженіе истины всецѣло падаетъ на г. Виктора Жерве, который опубликовалъ воспоминанія своего дѣда, не убѣдившись въ его правдивости и не провѣривъ фактовъ, которые могутъ бросить тѣнь на безусловно честныхъ людей.

Генералъ-лейтенантъ **Ѳ. Л. Фельдманъ.**

III.

Къ некрологу Л. П. Сабанѣева.

Въ іюньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за нынѣшній годъ, на стр. 1074, въ некрологѣ Л. П. Сабанѣева я нашелъ слѣдующія строки: «средства на изданіе (Природы) Л. П. употребилъ отчасти свои, отчасти полученныя отъ владѣльца желѣзодѣлательныхъ заводовъ г. Пастухова»... Это указаніе невѣрно, и я считаю долгомъ его исправить. Во-первыхъ, Пастуховъ, давшій средства на изданіе «Природы», вовсе не былъ владѣльцемъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ. Николай Александровичъ Пастуховъ былъ средній изъ трехъ сыновей извѣстнаго ярославскаго заводчика и оптоваго торговца желѣзомъ Александра Петровича Пастухова. Никакими торговыми дѣлами

Digitized by Google

Н. А. Пастуховъ не занимался и никакого отношенія къ желѣзодѣлательнымъ заводамъ своего отца не имѣлъ, не чувствуя къ этому никакой склонности. Но обладая очень хорошимъ состояніемъ и живя болѣе чѣмъ скромно, онъ весьма охотно помогалъ различнымъ литературнымъ и издательскимъ предпріятіямъ и дѣлалъ очень много добра. Къ сожалѣнію, этотъ умный, добрый и прекрасный человѣкъ скончался слишкомъ рано... Во-вторыхъ, сколько мнѣ извѣстно, всѣ средства на изданіе «Природы» были даны Л. П. Сабанѣеву Николаемъ Александровичемъ Пастуховымъ, который выдалъ на это дѣло одновременно 10.000 р. сер. **П. Полевой.**

IV.

По поводу статьи «На царскомъ пути.»

Не получая сама журнала «Историческій Вѣстникъ», я только теперь, пріѣхавъ въ деревню, имѣла случай прочесть статью г. Ѳедорова «На царскомъ пути», напечатанную въ апрѣльской книжкѣ этого журнала за текущій годъ.

Говоря о гр. Остенъ-Сакенѣ, авторъ статьи упоминаетъ имена братьевъ Лореръ, Дмитрія и Николая Ивановичей, сосѣдей и близкихъ друзей графа и графини Остенъ-Сакенъ. Но свѣдѣнія о нихъ г. Ѳедорова далеко не всѣ вѣрны.

Дѣйствительно, декабристъ Никол. Иванов. Лореръ, переведенный изъ Сибири на Кавказъ по ходатайству своей племянницы фрейлины Россети, съ Кавказа былъ возвращенъ въ деревню на родину ранѣе другихъ своихъ товарищей и тогда только женился, а не до ссылки въ Сибирь. Жена его умерла рано, оставивъ маленькую дочь, Катерину, которая росла у отца въ имѣніи Вадяной, подъ надзоромъ своей тётки, жены Дм. Ив. Лореръ, рожденной княжны Волконской. Двѣнадцати лѣтъ, въ 1858-мъ году, маленькая Лореръ поступила въ Кіевскій институтъ, и съ этого времени началось наше знакомство. Отецъ ея Ник. Ив. Лореръ продолжалъ жить съ братомъ въ имѣніи, выѣзжая иногда въ Москву и Кіевъ для свиданія съ дочерью. Выйдя изъ института въ 1860 году, Катер. Никол. Лореръ поселилась съ отцомъ въ родной деревнѣ въ скромномъ флигелѣ, вблизи такого же скромнаго и «большаго дома», гдѣ жили ея дядя и тетка. Я бывала у нихъ тамъ. Ни блестящихъ барскихъ хоромъ ни роскошнаго парка въ Вадяной не было, а къ дому примыкалъ большой, хорошій садъ, хорошій особенно для степной Херсонской губ.

Лореры жили скромно, хотя съ полнымъ удобствомъ; и всегда было извѣстно, что дѣвица Лореръ единственная наслѣдница весьма хорошаго семейнаго состоянія. Слѣдовательно, никто не могъ смотрѣть на нее, какъ на бѣдную родственницу, какъ говоритъ г. Ѳедоровъ. Добрые Остенъ-Сакенъ очень любили молоденькую сосѣдку и были къ ней очень внимательны. Черезъ годъ или два по выходѣ изъ института, Кат. Ник. встрѣтила у нихъ полковника ба-

Digitized by Google

рона Гр—са, тогда уже командовавшаго Ольвіопольскимъ полкомъ и бывшаго прежде адъютантомъ графа. Баронъ пользовался большимъ расположеніемъ графа и графини, и точно они способствовали его свадьбѣ съ дѣвицей Лореръ; но не для осуществленія этой свадьбы получилъ баронъ полкъ, а гораздо ранѣе.

Послѣ свадьбы, Катер. Николаевна жила съ мужемъ въ Елисаветградѣ, гдѣ стоялъ Ольвіопольскій полкъ, но вскорѣ умеръ ея дядя, и Гр—сы переѣхали на житье въ Вадяну, гдѣ оставались до 1880 года.

Баронесса усердно занималась воспитаніемъ своихъ дѣтей и за все это время только раза три выѣзжала съ мужемъ и дѣтьми въ Курляндію къ родственникамъ.

Баронъ Гр—съ умеръ лѣтъ 7 тому назадъ въ Курляндіи, куда онъ перевезъ семью 1880 году, убѣдивъ жену продать одно за другимъ ея херсонскія имѣнія. Хозяйничанье не удалось барону, болѣе военному человѣку, чѣмъ сельскому хозяину, и, огорченный разстройствомъ дѣлъ, онъ рѣшился навсегда остаться въ Курляндіи, гдѣ жизнь дешева и удобна. Баронесса и теперь живетъ въ небольшомъ имѣніи съ прекраснымъ домомъ, паркомъ и лѣсомъ, которые пріобрѣла еще при жизни мужа. Въ 1897 году, зимой, она въ первый разъ въ жизни ѣздила въ Италію для здоровья одной изъ младшихъ дочерей; значитъ, свѣдѣніе г. Ѳедорова, что баронесса Катер. Николаевна переѣздомъ своимъ въ Италію съ дѣтьми способствовала разстройству дѣлъ, не вѣрно. Не вѣрно тоже, что, бывъ серьезно больна, Катер. Ник. потратила много денегъ на лѣченье. На самомъ же дѣлѣ здоровье ея поправилось отъ одного пребыванья на дачѣ возлѣ Одессы и купанья въ морѣ.

Не могу себѣ объяснить, почему г. Ѳедоровъ, говоря о гр. Остенъ-Сакенѣ, нашелъ, что «тутъ кстати сказать нѣсколько словъ о м-ІІе Лореръ», и плохо освѣдомленный, рѣшился все же набросить нѣкоторую тѣнь на лице, если и интересное, то именно своими недюжинными качествами умной, скромной, серьезной и беззавѣтно преданной матери,—качествами, о которыхъ г. Ѳедоровъ и не зналъ!

Вѣрность моего опредѣленія характера Катер. Никол. Гр—съ могутъ подтвердить всѣ лично знающіе ее, напримѣръ, ея бывшіе сосѣди по имѣнію Дудниковы (село Остановка въ 3-хъ верстахъ отъ Вадяной) и всѣ ея многочисленные друзья въ Курляндіи. **Вѣра Бутакова.**

V.

Къ некрологу Г. Д. Филимонова.

Къ библіографическимъ указаніямъ въ концѣ некролога («Историческій Вѣстникъ» 1898 г., іюль, стр. 397) слѣдуетъ прибавить, что по возобновленіи «Русскихъ Вѣдомостей» въ этой газетѣ появился обстоятельный некрологъ покойнаго (№ 115).

Digitized by Google

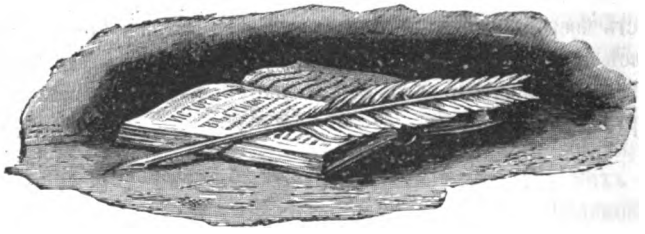
РѢДКІЕ ПОРТРЕТЫ.

Александръ Петровичъ Сумароковъ.

Съ именемъ Сумарокова неразрывно связана исторія возникновенія и развитія русскаго театра и драматической литературы. Онъ былъ первымъ директоромъ русскаго публичнаго театра и первымъ его драматургомъ, написавъ съ 1747 по 1761 годъ нѣсколько трагедій и комедій, пользовавшихся, въ свое время, огромнымъ успѣхомъ. Кромѣ того, какъ извѣстно, Сумароковъ написалъ множество одъ, басенъ и сатиръ и съ 1759 по 1760 годъ издавалъ первый въ Россіи сатирическій журналъ «Трудолюбивая Пчела».

Прилагаемый къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» портретъ Сумарокова воспроизведенъ съ очень рѣдкой гравюры Валькера. Оригиналъ, съ котораго Валькеръ гравировалъ, писанъ масляными красками художникомъ Лосенко и находится въ Академіи Художествъ, куда подаренъ самимъ Сумароковымъ, въ благодарность за избраніе его въ члены, въ 1770 году. Подъ гравюрой Валькера находится слѣдующее четверостишіе:

«Изображается потомству Сумароковъ,
«Парящій, пламенный и нѣжный сей творецъ,
«Который самъ собой достигъ Пермескихъ токовъ;
«Ему Расинъ поднесъ и Лафонтенъ вѣнецъ».



Digitized by Google